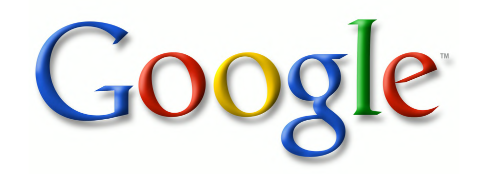
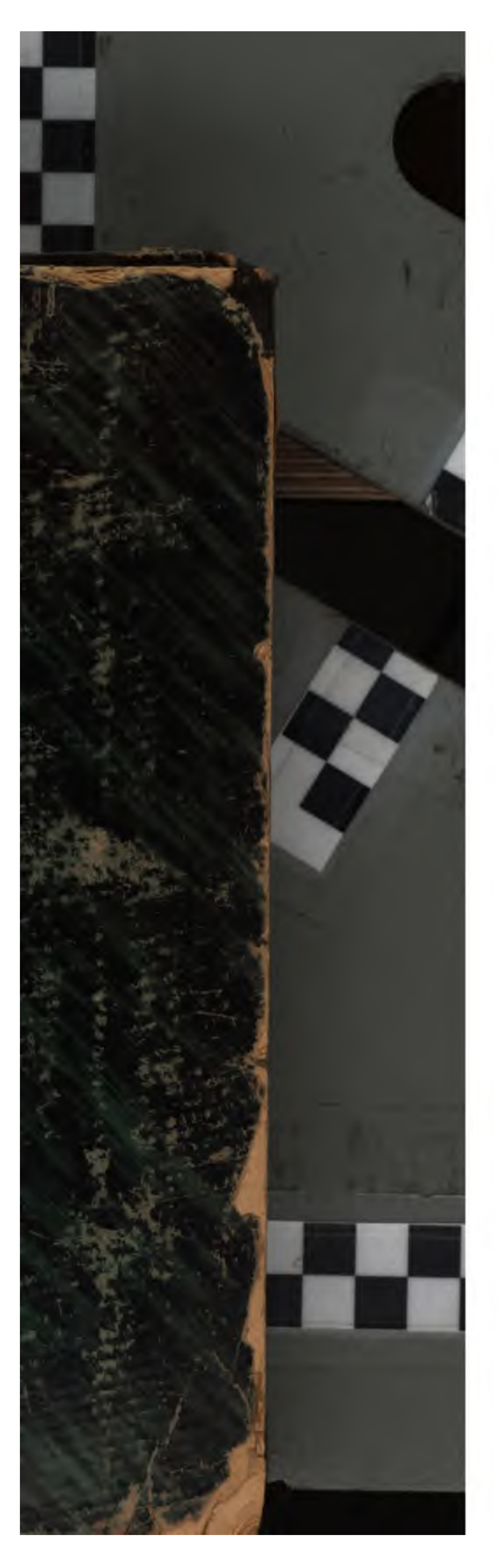

3621

ПОКОРЕНІЕ ФИНЛЯНДІИ.

ПОКОРЕНІЕ ФИНЛЯНДІИ.

ОПЫТЪ ОПИСАНІЯ ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

К. ОРДИНА.

Императорскою Академіею Наукъ удостоено преміи Митрополита Макарія.

«La Finlande était nécessaire à la Russie. C'était le projet de Pierre I, qui sans cela n'aurait pas placé la capitale là, où elle est».

Изъ отвѣта посла графа Шувалова Наполеону I. (Т. II, стр. 5).

«Надѣяться могутъ вспоможенія во всемъ согласно съ пользою нашей Имперіи».

Слова Императрицы Екатерины II финляндскому депутату Егергорну. (Т. I, стр. 168).

ТОМЪ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, д. № 39).
1889.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМА II.

Глава XIV. Дальнѣйшія мѣры.

Стр. 79—108.

Глава XV. Присяга и затрудненія.

Стр. 109—144.

Глава XVI. Первая попытка созвать сеймъ.

Стр. 145—162.

Глава XVII. Финляндская депутація.—Вызовъ ея.

Стр. 163—187.

Глава XVIII. Финляндская депутація въ Петербургѣ.

Стр. 188—221.

Глава XIX. Генералъ-губернаторъ и главное управленіе.

Стр. 222—256.

Глава XX. Финляндская депутація.—Конецъ занятій.

Глава XXI. Приготовленія къ сейму.

Глава XXII. Сеймъ въ Борго.

Глава XXIII. Сеймъ въ Борго.—Его занятія.

Глава XXIV. Сеймъ въ Борго.

Глава XXV и послѣдняя. Фридрихсгамскій миръ.

ГЛАВА XII.

Кампанія 1808 г. — Стороннія вліянія.

I.

Финскіе совѣтники Александра. — Прокламація.

Въ предъидущемъ разсказѣ представленъ очеркъ событій, которыя привели къ покоренію подъ власть Россіи сперва частей Финляндіи одна за другою, а потомъ и всего края. Къ этому обладанію Русь стремилась въ теченіе ряда столѣтій. Она дѣйствовала одна, безъ союзниковъ, ибо таковыми конечно нельзя считать ни Польши временъ Петра, ни Даніи, ни даже Франціи эпохи Тильзитскаго мира; врагъ же Россіи, Швеція, всегда имѣла поддержку болѣе или менѣе открытую то отъ одной, то отъ другой державы, не исключая Турціи. Единственно военная доблесть русской арміи и успѣхи ея оружія, съ неизбѣжными спутниками—потоками крови, бѣдствіями и лишеніями, привели Россію къ этому историческому событію величайшей важности. Правда, иногда правительство разсчитывало облегчить свою военную задачу въ Финляндіи путемъ привлеченія на свою сторону ея населенія, въ которомъ оно предполагало найти нерасположеніе къ шведской власти и содѣйствіе себѣ. Манифестъ Императрицы Елизаветы Петровны въ войну 1741—1743 гг., также какъ нѣсколько шаговъ Екатерины Великой въ поддержку аньяльской конфедераціи въ кампанію 1788 г., были въ своемъ мѣстѣ описаны. Эти попытки дѣйствовать политической интригой не привели, какъ извѣстно, ни къ чему. Финляндцы остались вѣрны

своимъ симпатіямъ и антипатіямъ, и русское правительство, оставляя внушенные ему замыслы, обращалось оба раза къ чисто военнымъ мѣрамъ, рѣшавшимъ споръ. Опытъ съ очевидностію доказалъ тщету ожиданій отъ «воздѣйствія на умы» финляндцевъ.

Довольно, казалось бы, этихъ двухъ уроковъ. Тѣмъ не менѣе, приступая въ 1808 г. къ послѣдней шведской войнѣ, русское правительство, какъ бы не помня прошедшаго, вновь задалось той же неблагодарной задачей, и мысль о вліяніи въ свою пользу «на умы» вновь явилась на сцену, притомъ едва-ли не на одномъ изъ первыхъ плановъ. Теперь оппозиціонные шведскому правительству элементы въ Петербургѣ были особенно многочисленны, и представлены разными бѣглецами-пенсіонерами съ бар. Спренгтпортеномъ во главѣ; они не скупились на сообщенія, рисовавшія положеніе финляндцевъ въ самыхъ темныхъ краскахъ. Пограничныя сношенія нашихъ губернаторовъ, особенно выборгскаго, и подчиненныхъ ему агентовъ, давали свѣдѣнія болѣе или менѣе въ томъ же родѣ. Все сводилось къ тому, что недовольство между жителями Финляндіи было значительно. Разорительныя войны съ Россіей, хотя и вызывали недобрыя чувства къ этой послѣдней, для чего шведское правительство не уставало выставлять своего сосѣда зачинщикомъ, не могли однако не вызывать сѣтованій и на стокгольмское правительство. Финляндія въ теченіе вѣковъ была въ этихъ войнахъ козлищемъ отпущенія, ибо при наступленіи-ли шведовъ, или при движеніи русскихъ, она всегда была и мѣстомъ битвъ, и средствомъ пропитанія проходящихъ войскъ своихъ и непріятельскихъ, и жертвою всякихъ репрессалій. Принадлежавъ столѣтіями Швеціи, заимствовавъ отъ нея въ большой части свою культуру, принимавъ участіе во всѣхъ ея счастливыхъ и несчастныхъ судьбахъ, Финляндія постоянно была однако въ отношеніи къ Швеціи въ положеніи пасынка. Войскамъ ея не оказывалось полнаго довѣрія: у финскихъ полковъ по большей части командиры были шведы. Шведскіе короли вообще не особенно благоволили къ финскимъ своимъ подданнымъ, признавая въ нихъ грубыхъ, угрюмыхъ и дерзкихъ мужиковъ. Цѣлыми столѣтіями короли вовсе не появлялись въ предѣлахъ Финляндіи. Ей была закрыта заграничная торговля, которая велась чрезъ

посредство метрополіи; финскіе товары скупались шведскими купцами по ничтожнымъ цѣнамъ. Не многое дѣлалось Финляндіи и для ея внутренняго устройства и только въ послѣднее время, при Густавѣ III, приложено было стараніе къ разнымъ новымъ въ ней сооруженіямъ, къ устройству дорогъ и т. п., и то болѣе въ видахъ стратегическихъ. Но Швеція не стѣснялась извлекать изъ нея всю выгоду, какую только можно было извлечь. Финляндцы были лучшіе солдаты въ шведскомъ войскѣ, и цвѣтъ ея населенія истощался постоянными требованіями для комплектованія арміи, быстро рѣдѣвшей не только отъ сраженій въ безпрерывныхъ войнахъ, но и отъ болѣзней. Отвлеченіе военною службою рабочихъ силъ отъ земледѣлія привело сельское хозяйство въ упадокъ, и неурожаи слѣдовали изъ года въ годъ. Финляндія принимала участіе и во всѣхъ финансовыхъ тяготахъ, бывшихъ такъ давно уже одною изъ самыхъ чувствительныхъ язвъ Швеціи, не смотря, или можетъ быть благодаря тѣмъ субсидіямъ, которыя правители ея старались заполучить для своихъ вооруженій отовсюду, гдѣ только могли. Не одна Англія, или Россія, наиболѣе заинтересованныя въ положеніи Швеціи, но и Франція и даже Турція въ разное время давали королямъ свое золото. Предъ началомъ послѣдней войны финляндцы были обложены налогами не менѣе какъ по 37 статьямъ; не изъяты были отъ обложенія право пить чай, кофе и носить карманные часы. Всѣ серебряныя вещи были отобраны отъ дворянъ подъ росписки: предоставлено сохранить только ложки вѣсомъ не болѣе 10-ти золотниковъ. Курсъ бумажныхъ банковыхъ рикстaлеровъ быстро падалъ и соотвѣтственно съ тѣмъ росла дороговизна. Кредитныя квитанціи комисаріата (lenhielmar) не принимались въ уплату податей и недопускались въ Стокгольмѣ [1]).

Съ другой стороны не могло быть въ населеніи благорасположенія и къ Россіи, особенно въ мѣстностяхъ ближайшихъ къ границѣ. Войны прошлаго вѣка отличались не столько кровопролитными правильными сраженіями, сколько разореніемъ жите-

[1]) См. Déclarations, manifestes, proclamations etc. № 3 и разные мемуары (Camp. Suéd. 1808—9 гг., карт. 81) въ Спб. Главн. Арх. М. Ин. Дѣлъ.

лей, истребленіемъ ихъ домовъ, захватомъ имущества. Рапорты отдѣльныхъ командировъ наполнены были однообразными, но краснорѣчивыми описаніями подвиговъ ихъ отрядовъ. «Такой-то отрядъ, въ столькихъ-то человѣкахъ туда-то благополучно ходилъ, столько-то деревень до основанія разорилъ и безъ остатка сжегъ; столько-то обывателей съ ружьемъ взятыхъ побилъ; а и обратно идя еще столько-то деревень пожегъ со всѣмъ при нихъ находящимся; а лошадей взято столько то, а скотъ, за худою дорогою, гнать было невозможно, а потому побито многое число. Да увезено всякой рухляди и платья, которое казацкихъ на столько-то возахъ едва поднято.» И такихъ рапортовъ представлялись цѣлыя серіи [1]). Въ теченіе кампаніи 1742 г., какъ видно изъ однихъ только оффиціальныхъ донесеній, разорено и сожжено не менѣе 1168 дворовъ. Если эта цифра и преувеличена, то тѣмъ не менѣе она даетъ понятіе о значеніи войны того времени. Населеніе съ приближеніемъ русскихъ войскъ, покидало жилища и скрывалось въ лѣсахъ, или уходило за сотни верстъ, терпя голодъ, холодъ и всякія лишенія. Легко представить себѣ послѣ этого чувства его къ русскимъ и тотъ страхъ, который передавался отъ отца къ сыну, тѣмъ болѣе что въ прошломъ столѣтіи каждое почти поколѣніе было свидѣтелемъ войнъ съ Россіей. Надо прибавить, что въ летучихъ и передовыхъ войскахъ принимали участіе не только казаки, гусары и драгуны, но и башкиры, и киргизы, и другіе подобные имъ дикіе, недисциплинированные инородцы, которые могли только усилить ужасъ и послѣдующую затѣмъ ненависть.

Враждебныя чувства къ Россіи, жившія въ сердцахъ финляндцевъ въ теченіе столѣтій, не могли искорениться въ какія-нибудь нѣсколько лѣтъ. Да и не было къ тому основаній. Напротивъ и шведское правительство, и мѣстная печать съ своей стороны прилагали всѣ мѣры къ тому, чтобы усилить въ населеніи Финляндіи ненависть къ Россіи. «Абовскія Вѣдомости», частію разсылавшіяся по приходамъ безденежно, въ критическія минуты наполнялись рѣзкими антирусскими статьями, въ которыхъ

[1]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1742 г., примѣчанія.

правда была перемѣшана съ самой злою ложью. Жизнь и дѣйствія русскихъ государей представлялись въ такомъ видѣ, что должны были вызывать въ финнахъ не только нерасположеніе, недовѣріе, но и прямо ненависть. Петръ Великій изображался кровожаднымъ извергомъ, и мнѣніе о великихъ его для Россіи государственныхъ заслугахъ опровергалось отзывами знаменитыхъ людей въ родѣ напримѣръ Фридриха II, сводившаго всѣ заслуги Петра къ счастію, удачѣ и незнанію иностранцевъ. Время императрицъ Елизаветы, Екатерины и др. подвергалось не болѣе безпристрастному описанію и оцѣнкѣ. Правительство, общество, частная жизнь представлялись въ самыхъ черныхъ, спеціально сгущенныхъ краскахъ. Во всѣхъ статьяхъ, сквозь изложеніе фактовъ болѣе или менѣе общеизвѣстныхъ, просвѣчивало явное желаніе вызвать вражду къ Россіи и ея правительству, внушить страхъ при мысли о подчиненіи ему. При довѣріи къ печатному слову, особенно въ низшихъ слояхъ населенія, цѣль вполнѣ достигалась.

Въ виду всего этого желаніе вліять благопріятно на умы финляндцевъ въ пользу Россіи представляло очень трудную задачу.

Не смотря на то Императоръ Александръ Павловичъ, руководимый совѣтами нѣкоторыхъ приближенныхъ имъ къ себѣ людей, находилъ задачу эту исполнимою. Онъ не могъ не признавать, что еще по мысли Петра I Финляндія должна была принадлежать Россіи, какъ надежный естественный оплотъ ея съ сѣверо-запада,—что и высказалъ его посланникъ Наполеону въ выраженіяхъ, недопускающихъ никакого сомнѣнія [1]). Всѣ его послѣдующія дѣйствія клонились къ пріобрѣтенію этой провинціи. Но будущій творецъ священнаго союза и братства народовъ мечталъ о космополитической любви къ человѣчеству вообще. Ему принадлежало уже имя гуманнаго, просвѣщеннаго и великодушнаго государя. Привлеченіе къ себѣ лю-

[1]) «La Finlande était nécessaire à la Russie. C'était le projet de Pierre I, qui sans cela n'aurait pas placé la capitale là, où elle est.» Слова гр. Шувалова Наполеону I.—Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. XXI, стр. 414.

дей чуждыхъ и даже враждебныхъ, каковы были финляндцы, безъ сомнѣнія было не только желаніемъ его сердца, но и потребностью честолюбія. Пріятно было предоставить предполагаемое счастіе и благополучіе жителямъ этой «бѣдной» страны. Александръ давалъ поэтому щедрою рукою на Финляндію русскія деньги, увѣренный конечно, что удовлетворяя своему личному желанію, онъ приноситъ пользу Россіи.

Екатерина II, принимая депутата, прибывшаго отъ аньяльской конфедераціи съ предложеніями относившимися до Финляндіи, прямо высказала, что она готова склониться на нихъ «на сколько онѣ согласны съ пользою Россіи», — и роль ея представляется вполнѣ понятною. Александръ I, приступая къ войнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ воздѣйствію на умы финляндцевъ, безъ всякаго сомнѣнія имѣлъ также въ виду интересы Россіи; но представленія о нихъ и о путяхъ къ ихъ обезпеченію были затемнены вліяніями тѣхъ людей, которые случайно его въ это время окружали.

Изъ нихъ вліяніе барона Спренгтпортена было безъ сомнѣнія наиболѣе сильно. Совѣтникъ еще бабки Екатерины по шведскимъ и финскимъ дѣламъ, хотя и на одну только кампанію, престарѣлый теперь генералъ отъ инфантеріи, Спренгтпортенъ явился въ роли совѣтника и при внукѣ. Проповѣдникъ образованія изъ Финляндіи самостоятельнаго государства, подъ фиктивнымъ покровительствомъ Россіи, идеи столь ярко заблиставшей въ 1788 г. и столь же быстро померкшей, онъ жилъ еще воспоминаніями объ аньяльскомъ заговорѣ и его участникахъ. Увлекающійся, самолюбивый и по-прежнему легкомысленный, не смотря на свои 66 лѣтъ, вовсе отставшій отъ края, куда онъ не имѣлъ и доступа, ибо дамокловъ мечъ смертнаго приговора продолжалъ надъ нимъ висѣть, Спренгтпортенъ увѣрялъ, что финляндцы бросятся въ объятія русскихъ, какъ только они появятся. Эту увѣренность онъ старался внушить Императору Александру и успѣвалъ, благодаря положенію эксперта и знатока финляндскихъ дѣлъ [1]). Его программа придавала второстепенное значеніе военнымъ

---

[1]) См. въ приложеніяхъ разные его мемуары, рапорты Александру, письма гр. Румянцову и др.

дѣйствіямъ и вся опиралась на силу нравственнаго вліянія и политическихъ маневровъ. По его мнѣнію расположить къ себѣ финляндцевъ можно было обѣщаніемъ сохранить всѣ ихъ права личныя и имущественныя, а также созваніемъ въ Або, главномъ городѣ Финляндіи, сейма, подобно тому какъ онъ созывался будто бы при шведскомъ правительствѣ. Этотъ созывъ долженъ былъ служить для выясненія мѣстныхъ нуждъ страны и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно упрочить соединеніе всей Финляндіи съ Россіей.

Баронъ Спренгтпортенъ нерѣдко давалъ объясненія самому Государю, по собственному побужденію, и эти заявленія принимались благосклонно. При такомъ значеніи и силѣ, въ Спренгтпортенѣ, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго изложенія, не только не унялся прежній духъ интриги и ненасытнаго честолюбія, но напротивъ, сдѣлался еще болѣе упорнымъ и дѣйствовалъ тѣмъ сильнѣе, что прикрывался любовью къ родинѣ. Его мечта была играть самую видную роль въ присоединеніи Финляндіи къ Россіи, разсчитывая исполнить это безъ выстрѣла, силою предполагаемаго личнаго своего вліянія на жителей. Исходя изъ этихъ побужденій, Спренгтпортенъ излагалъ свои соображенія и о военныхъ дѣйствіяхъ, которыя и сообщалъ министру иностранныхъ дѣлъ графу Румянцову, принимавшему ихъ съ самымъ вѣжливымъ вниманіемъ. Быть главнокомандующимъ онъ не могъ разсчитывать, при всей къ нему видимой благосклонности Государя, тѣмъ болѣе что въ эту должность уже состоялось назначеніе графа Буксгевдена. Принадлежа къ эзельскому дворянству, послѣдній уже родился (въ 1750 г.) русскимъ подданнымъ; онъ говорилъ и писалъ по-русски не хуже всякаго кореннаго русскаго барина того времени, занималъ высокія административныя должности, бывъ при Императорѣ Павлѣ петербургскимъ, а при Александрѣ I прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ. Теперь онъ былъ уже и кавалеръ высшаго ордена Св. Андрея Первозваннаго. На военномъ поприщѣ онъ отличался въ Финляндіи еще въ 1790 г., а незадолго до послѣдней шведской войны участвовалъ въ Аустерлицкомъ сраженіи, командуя лѣвымъ флангомъ, а позднѣе при Пултускѣ и Прейсишъ-Эйлау имѣя начальство сперва надъ корпусомъ въ арміи Бенигсена, а потомъ и надъ всей ар-

міей. Если эти дѣла были проиграны Русскими, то вина падала не на Буксгевдена, и онъ порицалъ дѣйствія бывшаго своего начальника. Противъ такого конкурента Спренгтпортену, не имѣвшему за собою никакихъ подвиговъ, побитому въ 1789 г. шведско-финскими войсками и приговоренному затѣмъ Густавомъ III къ висѣлицѣ, трудно было держаться, хотя нельзя ручаться что въ глубинѣ души онъ не питалъ желанія быть главнокомандующимъ именно въ Финляндіи.

Состоявшееся назначеніе главнокомандующаго не остановило Спренгтпортена, и онъ продолжалъ внушать свои мысли, а вскорѣ не затруднился пустить противъ Буксгевдена въ ходъ всѣ пружины, какими богата интрига. Нравственныя его качества остались тѣ же, и въ числѣ вліяній на умы—подкупъ былъ для него дѣломъ весьма естественнымъ. Быть можетъ онъ былъ первый распространитель мнѣнія, что Свеаборгская крѣпость сдалась Русскимъ благодаря подкупу коменданта [1]).

Таковъ былъ совѣтникъ Императора Александра въ наступившую важную эпоху, когда надлежало завершить дѣло великаго Петра.

Другой, явившійся нѣсколько позже, соискатель на вліяніе въ устройствѣ судебъ Финляндіи былъ маіоръ шведской службы Кликъ. Онъ не блисталъ звѣздою первой величины, какъ Спренгтпортенъ; тѣмъ не менѣе бывъ виднымъ въ свое время дѣльцомъ и перомъ въ Аньяльской конфедераціи, Кликъ не оставался и теперь безъ прямаго, хотя и скрытаго вліянія въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ русскаго правительства, также представляя свои соображенія даже самому Государю. Его взгляды, однако, расходились со взглядами бывшаго его учителя.

[1]) Въ письмѣ къ графу Румянцову, отъ 21-го января 1808 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Camp. Suèd., № 215), онъ писалъ о Свеаборгѣ: «On peut donc espérer de la prendre par un coup de main bien conduit, *si les moyens de tenter le commandant* ou de l'intimider ne pourront réussir». Въ письмѣ Императору Александру отъ 25-го апрѣля (Прил. № 46) онъ объяснялъ сдачу Свеаборга «патріотизмомъ» финляндцевъ.

Подобно Спренгтпортену и онъ излагалъ свои «мысли» о войнѣ Россіи съ Швеціей. Его записки [1]) имѣли нѣсколько болѣе серьезный характеръ, въ нихъ было болѣе системы, нежели въ мемуарахъ Спренгтпортена, богатыхъ числомъ, но не обстоятельностію. Кликъ испробовалъ въ своей жизни разныя карьеры: учился въ академіи, затѣмъ практически изучалъ право, служа при абоскомъ парламентѣ, т. е. мѣстномъ гофгерихтѣ; потомъ былъ въ военной службѣ, состоя нѣкоторое время при дядѣ своемъ, нюландскомъ губернаторѣ, гдѣ знакомился съ административною дѣятельностью; потомъ былъ адъютантомъ при генералѣ Троилѣ на гребномъ флотѣ, наконецъ въ эфемерной — какъ онъ самъ называетъ — роли во время аньяльской конфедераціи. Затѣмъ бѣгство отъ суда и плахи и убѣжище въ Россіи. Здѣсь онъ принялъ подданство, но на дѣйствительной службѣ не состоялъ.

Въ «мысляхъ» своихъ о войнѣ онъ кратко и поверхностно обозрѣвалъ главнымъ образомъ послѣдствія завоеванія Финляндіи, тѣмъ болѣе что, по его мнѣнію, «раздавить» Швецію не представлялось затрудненій. Къ слову сказать, подобныя сужденія, принадлежавшія и Клику и Спренгтпортену, были очень вредны въ томъ отношеніи, что при началѣ войны, ввели правительство и Государя въ заблужденіе на счетъ дѣйствительнаго размѣра силы, нужной для покоренія Финляндіи. Только постигшія насъ послѣ сраженій при Сиккаіоки, Револаксѣ и Пульхилло значительныя неудачи доказали наглядно, что увеличить боевыя силы необходимо и что надежды совѣтниковъ на подчиненіе Финляндіи въ силу одной преданности финляндцевъ есть дѣло фантазіи.

Сущность соображеній Клика заключалась въ слѣдующемъ. Послѣ завоеванія нужно сохранить Финляндію. Это по его мнѣнію не трудно, если пріобрѣсти довѣріе и привязанность народа, обративъ вниманіе на желанія каждаго сословія. Дворянство, довольно основательно понимающее свои интересы, можетъ сдѣлаться очень скоро усерднымъ и преданнымъ рус-

[1]) Спб. Арх. М. Ин. Дѣлъ, Шведск. камп. 1808, Klick, № 242, Pensées sur la guerre actuelle entre la Russie et la Suède.

скимъ государямъ, если получитъ увѣренность въ сохраненіи привилегій и облегченіи въ повинностяхъ его угнетающихъ. Кликъ полагалъ, что во многихъ случаяхъ это сословіе заявляло свою ненависть къ Швеціи, и что тѣмъ болѣе на него можно разсчитывать. Офицерство, большею частію изъ дворянъ, выразило уже свои чувства въ 1788 г. [1]), и если ему сохранить существовавшее до тѣхъ поръ матеріальное обезпеченіе земельными участками, то вѣрность его не будетъ подлежать сомнѣнію. Гражданскіе чины будутъ имѣть тѣ же чувства, если ихъ оставить при занимаемыхъ ими мѣстахъ. Впрочемъ, какъ бывшій военный, Кликъ находилъ вліяніе ихъ незначительнымъ. Духовенство составляетъ собою королевское учрежденіе, пользующееся по этому вліяніемъ, котораго за нимъ не слѣдуетъ оставлять подъ русскимъ владычествомъ. Оно будетъ безъ сомнѣнія желать, чтобы Финляндія осталась шведской провинціей; но въ силу его прямаго вліянія на крестьянъ, нужно побудить пасторовъ дѣйствовать въ пользу Россіи. Кликъ полагалъ, что этого можно достигнуть внушая имъ или опасенія за будущее, или пріятныя въ немъ надежды. Купечество расположится очень скоро въ пользу Россіи, увидѣвъ расширеніе своихъ торговыхъ съ ней оборотовъ; къ тому же его вліяніе на массы невелико. Крестьяне—Кликъ этого не скрывалъ—имѣютъ несомнѣнное недовѣріе къ Россіи, идущее и отъ ихъ невѣжества и отъ лживыхъ слуховъ издавна про нее распространяемыхъ. Но если они будутъ самымъ торжественнымъ образомъ удостовѣрены, что имъ никогда не предстоитъ сдѣлаться крѣпостными, что за ними останутся ихъ права и собственность, что будутъ уменьшены или вовсе не взимаемы на годъ или на два подати, которыми они обременены свыше всякой мѣры, то крестьяне сдѣлаются самыми вѣрными русскими подданными. Повторяя въ концѣ своихъ «мыслей», что нужно пріобрѣсти расположеніе финляндцевъ, Кликъ дѣлалъ слѣдую-

---

[1]) Это выраженіе чувствъ состояло въ образованіи конфедераціи въ Аньялѣ (см. выше, гл. IV и V). Въ ней, какъ извѣстно, приняло участіе лишь до 100 офицеровъ, но и тѣ въ большинствѣ отступились, когда была возстановлена болѣе строгая дисциплина.

щее поясненіе, въ высокой степени вѣрное само по себѣ и особенно знаменательное подъ перомъ одного изъ аньяльскихъ коноводовъ.

«*Конечно не должно быть и мысли о томъ, чтобы входить съ финляндцами въ какія бы ни было соглашенія. Побѣдивъ страну силой, ей предоставятъ потомъ какъ милость тѣ преимущества, которыя найдутъ выгоднымъ для себя дать ей. Всякое соглашеніе, каково бы оно ни было, предполагаетъ нѣкоторое равенство соглашающихся и можетъ породить опасныя разномыслія и недоразумѣнія. Побѣдитель, напротивъ, жалуетъ милостями и ихъ за таковыя принимаютъ жалуемые, не имѣя права ни о чемъ договариваться* [1]).

Нужно думать, что Кликъ самъ предлагалъ свои услуги графу Румянцову при возникновеніи открыто враждебныхъ отношеній со Швеціей. По крайней мѣрѣ изъ записки, поданной имъ 21-го февраля, видно, что Румянцовъ поручалъ ему выснить въ чемъ онъ, Кликъ, могъ бы наилучше служить Государю [2]). На этотъ вопросъ, изложивъ нѣкоторыя подробности своей карьеры, Кликъ скромно заявилъ, что было бы можетъ статься очень съ его стороны самонадѣянно думать, что онъ способенъ давать совѣты и мнѣнія по обстоятельствамъ того времени; но что онъ очень можетъ сдѣлать что-либо для благопріятнаго расположенія умовъ въ Финляндіи.

Такимъ образомъ Кликъ желалъ для себя той же роли, которая уже принадлежала Спренгтпортену. Безъ сомнѣнія, онъ могъ

---

[1]) Mais répétant encore, qu'il faut tacher de gagner la nation finnoise, l'idée n'est point qu'on doit entrer en quelque négociation avec elle. La conquête étant faite par la force, on lui accorde comme une grâce les avantages qu'on trouve son intêret à donner; une négociation quelconque suppose une sorte d'égalité et peut faire naître des différands et des mésintelligeances dangereux. Le vainqueur au contraire fait des grâces et on les reçoit comme telles n'ayant pu rien stipuler.

[2]) Votre Exc. m'ordonne de donner mon sentiment, de quelle manière je crois pouvoir le mieux servir S. M. I-le, mon Souverain, dans les circonstances présentes. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Camp. Suèd., № 241. Mémoire soumis.

бы исполнять ее подъ руководствомъ послѣдняго; но именно онъ не признавалъ въ Спренгтпортенѣ данныхъ, необходимыхъ для успѣшнаго рѣшенія задачи. «Высокія качества его п-ва барона Спренгтпортена мнѣ извѣстны,—писалъ онъ графу Румянцову,—и я горжусь тѣмъ что умѣю ихъ цѣнить. Но онъ сражался съ финляндцами, и даже съ той бригадой, которая была прежде подъ его начальствомъ и обожала его до 1789 года; я боюсь—не потерялъ-ли онъ довѣрія народа». Кликъ заподозривалъ значеніе и другаго агента, Ладо, бывшаго въ распоряженіи графа Буксгевдена [1]): «господинъ Ладо, въ совершенствѣ зная мѣстный языкъ, къ тому же имѣя еще въ странѣ родныхъ и друзей, слишкомъ искусенъ и уменъ чтобы не быть полезнымъ; но противъ него говоритъ мундиръ, который онъ носилъ, и чинъ принадлежащій ему теперь. Кромѣ того оба эти почтенныя лица, вѣроятно присутствовали при первыхъ враждебныхъ дѣйствіяхъ (этой войны), и тѣмъ менѣе кредита будутъ они имѣть у населенія» [2]). Кликъ находилъ, что онъ, напротивъ, никогда не служилъ въ Россіи, не

[1]) Спб. Арх. М. Ин. Дѣлъ, Camp. Suèd. 1808. —Déclarations, manifestes, proclamations и пр. № 73. Кромѣ извѣстнаго уже о Ладо изъ описанія Аньяльской конфедераціи прибавимъ слѣдующую о немъ справку, сохранившуюся въ дѣлахъ министерства иностранныхъ дѣлъ: служилъ въ шведской арміи при генеральномъ штабѣ, при съемкѣ шведской Финляндіи, знаетъ всѣ тамошнія мѣстности и тамошнее дворянство. Во время прошедшей шведской войны по высочайшей волѣ покойной Государыни Императрицы былъ онъ употребленъ съ генераломъ Спренгтпортеномъ для заведенія въ Финляндіи конфедераціи. Ладо получалъ за такую службу пенсію по 1.500 р. въ годъ назначенную Екатериною II. До послѣдняго предъ войной 1808 г. времени управлялъ фабриками и крестьянами комерціи совѣтника Ольхина, за что получалъ 1.200 р. и кромѣ того имѣлъ по его показанію 1.800 руб. дохода отъ аренды земли у того же Ольхина. При назначеніи теперь на службу Ладо опредѣленъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и откомандированъ въ распоряженіе главнокомандующаго арміи графа Буксгевдена. Капитану Ладо пожалованъ чинъ коллежскаго ассесора, сохранена пенсія по 1.500 р. и назначено, сверхъ ея, жалованье по 3.000 руб., съ обращеніемъ въ случаѣ его смерти или увѣчья половины въ пользу жены и дѣтей.

[2]) Это мнѣніе Кликъ излагалъ, когда русскія войска уже перешли границу и были у Тавастгуса.

былъ при началѣ войны и могъ бы даже скрыть что присягалъ на вѣрность русскимъ государямъ; онъ явился бы въ Финляндію въ качествѣ соотечественника и друга народа, онъ постарался бы выяснить благотворные виды Императора, отеръ бы слезы и не далъ бы имъ течь вновь;—онъ желалъ бы имѣть возможность сказать: «nec ita vixi, ut frustra me natum existimem» [1]).

Эти доводы, хотя не имѣли прямаго вліянія на положеніе Спренгтпортена и Ладо, но въ отношеніи къ самому автору записки произвели желаемое дѣйствіе. Не далѣе какъ черезъ три дня, именно 1-го марта, графъ Румянцовъ извѣстилъ его о разрѣшеніи Государя отправиться по личнымъ дѣламъ въ Финляндію, и если бы представилась надобность, то продолжать путешествіе и за кордонъ русской арміи. Главнокомандующему графъ Румянцовъ одновременно разъяснялъ: «г. Кликъ, одинъ изъ финляндскихъ дворянъ получающихъ пенсіонъ отъ Высочайшаго двора, вручитъ это письмо. Подъ видомъ собственныхъ дѣлъ онъ отправляется въ Финляндію, но имѣетъ порученія до пользы службы относящіяся» [2]).

Таковъ былъ другой совѣтникъ, явившійся у русскаго престола и подобно своему старѣйшему сотоварищу бѣжавшій отъ присужденнаго ему на родинѣ эшафота за измѣну. Между обоими прежде было сходство основныхъ идей; теперь младшій относился съ нѣкоторой критикой къ старшему и между ними была существенная разница взглядовъ.

Но возвратимся къ Спренгтпортену. Какое предстояло ему теперь оффиціальное положеніе? Не бывъ назначенъ главнокомандующимъ, онъ разсчитывалъ однако, что въ качествѣ стариннаго

---

[1]) Изъ Цицерона, Cato Major, sive de senectute, 23, 84. Собственно слѣдуетъ: Ita vixi, ut non frustra me natum existimem; — такъ жилъ, чтобы не считать себя напрасно рожденнымъ.

[2]) Арх. М. Ин. Д., 1808, Buxhoevden, Expéd.—Récept., № 18.— Самому Клику гр. Румянцовъ писалъ того же 1-го марта: Monsieur. L'Empereur vous permet de vous rendre pour vos affaires de famille en Finlande et si vos besoins l'exigeaient de continuer même votre voyage au dela du cordon des troupes de Sa M. I. — J'ai l'honneur.... Roumianzoff.—Corr. Klick, № 244.

дѣятеля и знатока будетъ руководить дѣйствіями Буксгевдена, и присоединеніемъ Финляндіи пріобрѣтетъ славу рѣшителя судебъ ея. Двѣ три записки о планѣ и ходѣ военныхъ дѣйствій, очень впрочемъ поверхностныя, свидѣтельствовали, что онъ себя считалъ компетентнымъ въ дѣлахъ принадлежавшихъ теперь графу Буксгевдену [1]). По дѣламъ же политическимъ онъ не допускалъ никакого сомнѣнія въ своей безусловной авторитетности.

Императоръ Александръ также признавалъ. что Спренгтпортену слѣдуетъ быть при арміи, и 26-го января состоялся указъ на имя государственнаго казначея Голубцова, которому повелѣвалось отпустить Спренгтпортену 5.000 рублей подъемныхъ по случаю отправленія къ войску. Объ этомъ послѣдній получилъ извѣстіе 28 числа. Но Спренгтпортенъ этимъ не удовлетворился Извѣстивъ въ тотъ же день графа Румянцова о бумагѣ Голубцова, Спренгтпортенъ писалъ:

«Этимъ новымъ знакомъ доброты Его Императорскаго Величества я не менѣе тронутъ какъ и полученною тѣмъ самымъ увѣренностію, что Государь остается при намѣреніи отправить меня къ арміи. Однако, такъ какъ я не имѣю на этотъ счетъ никакого повелѣнія непосредственно отъ Его Величества, то и счелъ долгомъ извѣстить что мнѣ необходимо:

«1) чтобы Его Величество удостоилъ меня повелѣніемъ, въ которомъ былъ бы объясненъ Его взглядъ на обязанности мнѣ предстоящія, какъ въ отношеніи къ военнымъ дѣйствіямъ, такъ и къ жителямъ страны, коихъ слѣдуетъ стараться насколько возможно расположить къ себѣ мѣрами благосклонности;

«2) чтобы Государь позволилъ мнѣ представлять отчеты мои Ему самому;

«3) чтобы Его Величество удостоилъ дать мнѣ возможность имѣть приличную представительность, для чего и ассигновать столовыя деньги для моей свиты, и

«4) чтобы мнѣ данъ былъ помощникъ или способный секре-

---

[1]) Въ письмѣ гр. Румянцову, отъ 21-го января 1808 г., до открытія еще кампаніи, онъ излагалъ свой планъ дѣйствій, сходный съ планомъ гр. Буксгевдена. — Арх. М. Ин. Дѣлъ. Camp. Suèd., 1808, Corr. Sprengtporten, № 215.

тарь для корреспонденціи, знающій шведскій языкъ, и два адъютанта, по моему выбору, подобно тому какъ было во время послѣднихъ волненій въ Финляндіи» [1]).

Но на другой же день Спренгтпортенъ послалъ Румянцову поправку:

«Если ваше сіятельство находите излишними столовыя деньги, то вы доставите мнѣ удовольствіе вовсе о нихъ не упоминать. Характеръ мой такъ далекъ отъ всякаго личнаго интереса,—образъ мыслей, который смѣю думать отличалъ меня во всѣ 50 (?) лѣтъ службы,—что я не хотѣлъ бы навлечь на себя даже тѣнь подозрѣнія въ томъ, что могу думать о себѣ самомъ, когда дѣло идетъ о службѣ моему Государю и отечеству.»

Въ тотъ же день 29-го января военный министръ графъ Аракчеевъ объявилъ главнокомандующему (а также и Спренгтпортену) слѣдующее повелѣніе:

«Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: Г-ну генералу отъ инфантеріи барону Спренгтпортену состоять подъ командою вашего сіятельства и исполнять въ точности приказанія ваши» [2]).

Въ такомъ положеніи былъ Спренгтпортенъ въ кампанію 1788—9 годовъ при главнокомандующемъ графѣ Мусинѣ-Пушкинѣ. Но съ того времени прошло 20 лѣтъ, изъ генералъ-маіоровъ Спренгтпортенъ сталъ уже полнымъ генераломъ, и считалъ себя, очевидно по возрасту, старше Буксгевдена. Можно по этому себѣ представить впечатлѣніе, которое должно было произвести на Спренгтпортена это повелѣніе. Чѣмъ лаконичнѣе, тѣмъ краснорѣчивѣе оно было.

Онъ поспѣшилъ поэтому извѣстить о немъ графа Румянцова и уже отступалъ отъ своего соучастія въ военныхъ операціяхъ. «Безъ сомнѣнія — объяснялъ онъ [3]) — Государь, подписывая

[1]) Арх. М. Ин. Дѣлъ, Corr. Sprengtporten, л. 219.

[2]) Ibid. л. ad. № 226.—Предписаніе Генваря 29-го дня 1808 года № 256 (копія).

[3]) Письмо помѣчено 28-мъ января; но это очевидно ошибка, такъ какъ повелѣніе состоялось 29-го и въ тотъ же день сообщено Спренгтпортену.—Арх. М. Ин. Д., Camp. Suèd. 1808. Sprengtporten (220).

приказъ, не былъ поставленъ въ извѣстность что я гораздо старше этого генерала по службѣ, и что мнѣ такимъ образомъ нельзя служить подъ его начальствомъ [1]). Да я не вижу въ этомъ и надобности; у каждаго изъ насъ свой кругъ дѣятельности: у него — военныя операціи, у меня—мѣры относящіяся къ жителямъ; въ этомъ, для пользы службы, можно очень хорошо столковаться взаимными сношеніями, безъ того чтобы одинъ былъ подчиненъ другому. Болѣе чѣмъ необходимо возвратиться къ моему первому письму, съ тѣмъ чтобы мнѣ облегчена была возможность доказать мое усердіе въ этой экспедиціи. Иначе, подчиненный другому, я буду стѣсненъ въ моихъ собственныхъ распоряженіяхъ, а потому все вліяніе, которое я могъ бы имѣть на событія, будетъ приведено къ нулю, даже если опытность и разумность будутъ на моей сторонѣ.»

Для успѣха военнаго предпріятія сосредоточеніе всей власти на театрѣ дѣйствій въ однѣхъ рукахъ представляется аксіомою. Поэтому заявленіе Спренгтпортена могло и должно было встрѣтить серьезныя возраженія и вовсе быть отвергнуто. Но на дѣлѣ оказалось не то: назойливое требованіе его достигло цѣли. Вскорѣ графомъ Румянцовымъ посланъ былъ Императору Александру проектъ рескрипта на имя Спренгтпортена, который и былъ апробованъ, а затѣмъ и подписанъ 5-го февраля 1808 года [2]).

Приводимъ его въ оригиналѣ:

«Ayant jugé qu'il était du bien de mon service, que Vous vous

---

[1]) Спренгтпортенъ былъ въ русской службѣ всего съ 1786 года, т. е. 22 года; Буксгевденъ же съ 1764 г., т. е. 44 года. Спренгтпортенъ къ русской службѣ присчитывалъ и шведскую, и прусскую и голландскую свою службу.

[2]) Государь одобрилъ его надписавъ: «C'est très bien, et je vous prie de faire copier ce rescrit.» — (Очень хорошо, прошу васъ отдать переписать этотъ рескриптъ). Спб. Арх. М. Ин. Дѣлъ. Camp. Suèd., 1808, Corr. Sprengtporten, л. 204. Замѣтимъ здѣсь кстати, что многіе проекты бумагъ, подававшіеся Императору Александру на предварительное разсмотрѣніе, были писаны гр. Румянцовымъ собственноручно, такимъ неудобочитаемымъ почеркомъ, притомъ съ помарками, что надо удивляться нетребовательности этого Государя. Къ числу такихъ бумагъ принадлежалъ и упомянутый проектъ рескрипта.

trouviez à l'armée commandée par le général comte de Bouxhoevden afin d'assister ce général et seconder ses opérations par vos conseils sous le rapport diplomatique en tout ce qui a trait à la Finlande Suèdoise, je vous prescris de vous rendre sans délay à cette armée et pendant le cours de vos opérations vous adresserez à mon ministre des affaires étrangères tout ce que vous jugerez convenable de porter à ma connaissance sur le sujet de la commission qui vous est confiée.

J'ai trop de preuves de vos talents, de votre zèle à me bien servir, pour ne pas me présager d'avance, que vous justifierez bien complètement la satisfaction avec laquelle je vous ai choisi pour cet objet, et que vous vous acquiérerez de nouveaux droits à ma bienveillance envers vous [1]).

Легко видѣть, что этой бумагой щекотливый вопросъ о подчиненіи Спренгтпортена графу Буксгевдену не былъ разрѣшенъ, а дипломатически обойденъ. О новомъ рескриптѣ Буксгевденъ не извѣщенъ и узналъ только впослѣдствіи отъ самого Спренгтпортена. Повелѣніе о состояніи «подъ командою» не отмѣнено, а «помощь» и «содѣйствіе», теперь положенные въ основу дѣйствій послѣдняго, неизбѣжно должны были обострить отношенія.

Домогательства барона, сообщенныя графу Румянцову въ первомъ письмѣ, также исполнены съ нѣкоторыми ограниченіями. Отъ вмѣшательства въ военныя дѣйствія самъ Спренгтпортенъ отказался; это однако не мѣшало ему потомъ вмѣши-

[1]) Признавъ за благо, чтобы вы находились при арміи состоящей подъ начальствомъ генерала графа Буксгевдена, въ помощь этому генералу и для содѣйствія его операціямъ вашими совѣтами по дѣламъ дипломатическимъ во всемъ что касается шведской Финляндіи, предписываю вамъ безъ замедленія отправиться къ арміи и въ продолженіе вашей тамъ дѣятельности представлять моему министру иностранныхъ дѣлъ о всемъ, что вы признаете подлежащимъ доведенію до моего свѣдѣнія по возложенному на васъ порученію. Я имѣю столь много доказательствъ вашихъ талантовъ и усердія къ моей службѣ, что предвижу въ полной мѣрѣ оправданіе вами того удовольствія, съ которымъ я выбралъ васъ для настоящаго дѣла и увѣренъ что вы пріобрѣтете новыя права на мою къ вамъ благосклонность.

ваться побочными путями. Непосредственныхъ докладовъ Государю онъ не добился; представленіе же ихъ, хотя бы и на имя Его Величества, но чрезъ руки министра, было далеко не то. Впрочемъ этотъ министръ былъ графъ Румянцовъ, всегда къ нему внимательно-вѣжливый. Главнѣйшаго же Спренгтпортенъ достигъ: его доклады не пошли чрезъ руки главнокомандующаго, чѣмъ ему давалась косвенно независимость отъ графа Буксгевдена. Изъ другихъ желаній Спренгтпортена было исполнено назначеніе къ нему адъютантомъ Крамина; что же касается до секретаря, то въ моментъ отъѣзда къ арміи, послѣдовавшаго въ день подписанія рескрипта, 5-го февраля, Спренгтпортенъ для службы при немъ по особымъ порученіямъ рекомендовалъ графу Румянцову отставнаго шведской службы военнаго совѣтника Кнорринга, и просилъ прислать его какъ можно скорѣе [1]).

Но посылкою Кнорринга Спренгтпортенъ не удовлетворился и вскорѣ напомнилъ графу Румянцову о секретарѣ для его «дипломатическихъ» дѣлъ. Внимательный министръ не замедлилъ исполнить и эту просьбу. Въ распоряженіе Спренгтпортена для веденія переписки назначенъ лично извѣстный Государю статскій совѣтникъ Мальте. Румянцовъ его особенно рекомендовалъ [2]). При откомандировкѣ къ барону Спренгтпортену Мальте

[1]) Рѣчь шла еще о нѣкоемъ Гаддингѣ, также изъ шведскихъ выходцевъ; но онъ былъ пристроенъ къ Заемному Банку и откомандированъ къ отряду Тучкова; Спренгтпортенъ находилъ его тамъ незамѣнимымъ. При этомъ случаѣ полагалъ «достаточнымъ» (sic) для поощренія этого чиновника дать ему «маленькаго Владиміра».—Назначеніе Кнорринга состоялось вскорѣ, и 10-го февраля повелѣно ему производить, кромѣ пенсіона по 500 р., еще по 1.500 руб. въ годъ, пока будетъ при должности; на путевыя и прочія издержки выдано единовременно 1.000 р. Озаботились, кромѣ того, опредѣленіемъ двухъ сыновей его въ учебныя заведенія.

[2]) Мальте, уроженецъ Гданска (Данцига), состоялъ уже въ русской службѣ болѣе 30 лѣтъ, сперва въ должности библіотекаря Павла Петровича, а по вступленіи на престолъ Императора Александра опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. При этомъ обращено ему въ пенсію жалованье его по 4.770 руб. въ годъ, и сверхъ того выдано единовременно 10.000 рублей.

назначено добавочное жалованье по 1.000 р. въ годъ, и таковое выдано за годъ впередъ; кромѣ того 1.000 р. на подъемъ и проѣздъ. Такимъ образомъ сформировался штатъ миссіи генерала Спренгтпортена.

Въ числѣ первыхъ мѣръ воздѣйствія Спренгтпортенъ признавалъ прокламаціи, которыя должны были предупредить вступленіе войскъ.

Дѣйствительно, одновременно съ первыми приготовленіями къ движенію въ шведскую Финляндію, въ Петербургѣ озаботились составленіемъ воззванія къ ея жителямъ. Оно признавалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что шведское правительство, вручивъ русскому двору ноту, въ коей Густавъ отказывалъ въ исполненіи договоровъ 1780 и 1800 гг., одновременно почти издало отъ имени главнокомандующаго войсками воззваніе къ населенію Финляндіи. Обращаясь ко всегдашней, неизмѣнной вѣрности жителей этого края, служившей примѣромъ для всѣхъ прочихъ, воззваніе признавало, что земля дѣйствительно очень пострадала отъ неурожаевъ въ теченіе многихъ лѣтъ, но выражало увѣренность что никто не бѣденъ доброю волею и обѣтомъ въ случаѣ нужды жертвовать даже и самымъ послѣднимъ для защиты себя и семьи. Прокламація созывала земское войско въ опредѣленный срокъ подъ опасеніемъ законнаго взысканія. Непослушныхъ повелѣвалось отсылать въ полки подъ карауломъ [1]).

Первоначально русская прокламація составлена была въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ по-русски и затѣмъ переведена на французскій языкъ, очевидно для Спренгтпортена, русскаго языка незнавшаго. Имъ сдѣланы лишь незначительныя поправки. Но не подлежитъ сомнѣнію что первая редакція составлена по его непосредственнымъ указаніямъ: мысль о созывѣ въ Або сейма, упоминаемомъ въ прокламаціи, принадлежитъ ему и имъ энергически отстаивалась потомъ, вопреки противополож-

[1]) Прокламація подписанная ландсгевдингомъ Лоде, отъ 3-го февраля 1808 г. Гейнола. Арх. М. Ин. Дѣлъ. Proclamations. – Corr. Buxhoevden, Л. 79.

нымъ мнѣніямъ и его бывшихъ единомышленниковъ, какъ напр. Клика, и даже самого Государя.

Утромъ 24-го января Спренгтпортенъ доставилъ графу Румянцову шведскій текстъ прокламаціи, а вечеромъ и финскій. Переводилась она на этотъ послѣдній языкъ и переписывалась упомянутымъ шведскимъ выходцемъ Ладо, который хорошо зналъ по фински.

По-русски прокламація напечатана не была; оттиснуто же сперва по 1.000, а потомъ и еще по 500 экземпляровъ шведскаго и финскаго текста; послѣдній сперва предполагалось напечатать въ Выборгѣ, для чего и посланъ онъ къ тамошнему военному губернатору Обрескову 25-го января. Присмотръ за печатаніемъ былъ возложенъ на Ладо. Графъ Румянцовъ поручалъ Обрескову приложить попеченіе «о напечатаніи въ непроницаемой ото всѣхъ тайнѣ, и если нужно, то у дома въ которомъ типографія, приставить даже часовыхъ». Однако оказалось что въ Выборгѣ болѣе нѣтъ типографіи и что владѣлецъ ея Иверсенъ давно уже переѣхалъ въ Петербургъ [1]). Печатаніе поэтому нѣсколько замедлилось, и графъ Буксгевденъ, выѣхавшій къ арміи и готовившійся къ переходу границы, не одинъ разъ просилъ графа Румянцова объ ускореніи присылки экземпляровъ, находя распространеніе ихъ необходимымъ заблаговременно. Отъ 1-го февраля изъ Фридрихсгама онъ писалъ о намѣреніи разсѣять прокламаціи даже до Ботническаго залива, для чего «согласилъ за немалую сумму вознагражденія нѣсколькихъ людей, взявшихъ на себя распространить оныя» [2]). 2.000 экземпляровъ отосланы ему съ Ладо не ранѣе 4-го февраля. Приводимъ здѣсь современный переводъ этого документа, сдѣланный со шведскаго экземпляра [3]).

«Его Величество Императоръ Всероссійскій, всемилостивѣйшій Государь мой, [4]) съ крайнимъ прискорбіемъ видитъ Себя въ необходимости повелѣть ввѣреннымъ предводительству моему

---

[1]) Camp. Suèd. 1808, Déclarations и пр. карт. 81 (1—4).

[2]) Ibid., л. 77, Буксгевденъ графу Румянцову, изъ Фридрихсгама.

[3]) Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Camp. Suèdoise, ad. № 28.

[4]) Въ шведскомъ текстѣ: мой Всемилостивѣйшій Государь *и Державнѣйшій Князь*.

войскамъ Его вступить въ предѣлы ваши, добрые сосѣди, жители шведской Финляндіи (по-шведски: посѣтить область вашу). Его Величеству тѣмъ болѣе непріятно было рѣшиться на сіе обстоятельствами Швеціи вызванное предпріятіе, что сохраняетъ Онъ еще въ памяти своей тѣ достохвальныя чувствованія сосѣдственнаго дружелюбія и ту искренную и справедливую довѣренность къ покровительству Россіи, которыя столь неустрашимо оказала нація ваша при началѣ прошедшей войны, когда без причины, нечаянно и вопреки установленіямъ вашимъ, учинено было со стороны короля шведскаго нападеніе на предѣлы наши.

«Но его шведское величество не оказываетъ никакого съ Его Императорскимъ Величествомъ согласія по употребляемому симъ государемъ миролюбивому старанію возстановить тишину, которой Европа столь давно лишается, и ожидать можетъ единственно отъ столь счастливо возстановленной дружбы между двумя сильнѣйшими державами, не только отъ того непрестанно болѣе удаляется, но и входитъ еще въ тѣснѣйшую связь съ общимъ повсемѣстнаго покоя непріятелемъ, на коего угнетательную систему и неслыханой поступокъ съ союзникомъ Его Императорскаго Величества и ближайшимъ самаго его шведскаго величества свойственникомъ Государь Императоръ взирать не можетъ равнодушно.

«Его Императорское Величество, по уваженію сихъ обстоятельствъ, и того чѣмъ долженъ Онъ безопасности собственныхъ областей своихъ, находитъ себя вынужденнымъ взять землю вашу во владѣніе подъ свое покровительство, дабы черезъ то доставить себѣ надлежащее удовлетвореніе, въ случаѣ если бы его королевское величество остался непреклоненъ въ намѣреніи своемъ не принимать справедливыхъ условій, предложенныхъ ему подъ посредничествомъ Его Императорскаго Величества отъ его величества императора французовъ для возстановленія вожделеннаго мира, который всегда былъ и пребудетъ главною цѣлію всемилостивѣйшаго моего Государя.

«Будьте спокойны, мирны и безъ всякой боязни въ жилищахъ вашихъ, добрые сосѣди, мы идемъ къ вамъ не яко непріятели, но какъ друзья и защитники, для содѣланія участи вашей сча-

стливѣйшею, доставляя себѣ тѣмъ случай отвратить отъ вашей земли бѣдствія, коимъ въ случаѣ войны могли бы вы неизбѣжно подвержены быть.

«Не предавайтесь обольщеніямъ тѣхъ людей, кои похотятъ побудить васъ принять оружіе или инымъ какимъ образомъ вредить и причинять оскорбленіе войскамъ Его Императорскаго Величества. Виновные въ сихъ преступленіяхъ подвержены будутъ личному за то отвѣту, а тѣ кои отличатся доброхотствомъ въ поспѣшествованіи отеческому Его Императорскаго Величества попеченію о благоденствіи земли вашей, удостоятся покровительства и благоволенія Его Величества.

«Государь Императоръ, желая чтобы все въ землѣ вашей происходящее шло обыкновеннымъ порядкомъ, согласно съ законами, нравами и обычаями вашими, которые сохранены будутъ ненарушимо во все то время доколѣ войска Его Императорскаго Величества землю сію занимать будутъ (по-шведски: доколѣ въ землѣ сей пребудутъ) утверждаетъ всѣхъ служащихъ людей военныхъ и гражданскихъ при ихъ мѣстахъ и законныхъ званіяхъ, исключая однакожъ тѣхъ природныхъ шведовъ, кои противъ чаянія пользуясь случаемъ, могли бы ввести простой народъ въ обманъ и заблужденіе, ко вреду вашей области.

«За все, для продовольствія войскъ Его Императорскаго Величества потребное, будетъ тотчасъ наличными деньгами заплочено, а равно и за всякія поставки по соглашеніямъ россійскихъ съ земскими коммисарами. Въ вящшее же изъявленіе всемилостивѣйшаго попеченія Его Величества о благѣ вашемъ будутъ заведены въ разныхъ мѣстахъ магазины (кромѣ уже существующихъ), откуда наибольше нуждающіеся жители могутъ снабдевать себя совокупно съ собственными войсками Его Императорскаго Величества.

«А какъ могутъ еще многія представиться дѣла, для рѣшенія коихъ потребно доброе сосѣдственное согласіе, взаимная въ сужденіяхъ довѣренность и единомысліе въ заключеніяхъ, то и приглашаетесь вы какъ наискорѣе прислать депутатовъ вашихъ изъ каждой провинціи по узаконенному и при обыкновенныхъ сеймахъ наблюдаемому порядку. Они имѣютъ явиться въ городъ

Абовъ для совѣщанія о всемъ что ко благу вашей земли учинено быть можетъ.

«Великое Княжество Финляндское отнынѣ и далѣе почитаться будетъ наравнѣ съ прочими завоеванными Россійской Имперіей областьми, кои при кроткомъ правленіи предковъ Его Императорскаго Величества пользовались и теперь еще подъ скипетромъ Его пользуются благополучнымъ спокойствіемъ и сохраненіемъ своихъ привилегій, свободнаго вѣроисповѣданія, вольностей, правъ и другихъ преимуществъ, которыя они издревле имѣли и еще имѣютъ.

«Обыкновенныя государственныя подати должны собираемы быть по прежнему безъ перемѣны, только на основаніи древняго о земскихъ сборахъ устава (Iördeboks-Ränta), исключая однако положенное должностнымъ людямъ жалованье, которое какъ обыкновенно производимо будетъ.

«Все вышеизображенное должно служить во извѣстіе всѣмъ и каждому, до кого сіе надлежитъ, дабы по тому въ точности поступаемо было, такъ какъ и по посылаемымъ впредь высочайшимъ Его Императорскаго Величества указамъ.»—Дано въ главной квартирѣ февраля 10-го дня 1808 года. Подписалъ графъ Буксгевденъ.

Прокламація эта вскорѣ по ея появленіи подверглась критикѣ. Маіоръ Кликъ не замедлилъ представить министру иностранныхъ дѣлъ свои на нее замѣчанія, съ которыми не излишне будетъ ознакомиться [1]).

«Стиль и метода изложенія — писалъ онъ — иногда служатъ въ письменныхъ документахъ лишь аксесуарами; но въ прокламаціи, имѣющей предметомъ выраженіе воли Государя, должно стараться чтобы форма не была недостойна его, а мнѣ кажется, что это именно и произошло въ настоящемъ случаѣ.»

Задавшись далѣе вопросомъ о цѣли прокламаціи и находя, что она безъ сомнѣнія должна имѣть въ виду не иное что, какъ пріобрѣтеніе расположенія финляндцевъ, съ тѣмъ чтобы сдѣлать

[1]) Арх. М. Ин. Д., Corr. Klick.

изъ нихъ вѣрныхъ подданныхъ русскихъ государей, Кликъ находитъ что Императоръ можетъ достигнуть сего, во 1-хъ, давъ понять *силу*, которую онъ можетъ привести въ дѣйствіе, чтобъ раздавить или, напротивъ, защитить жителей Финляндіи; во 2-хъ, представивъ всю ту *справедливость*, которую они въ немъ найдутъ, въ 3-хъ, указавъ *надежду* на тѣ *милости*, которыя они могутъ получить отъ его великодушія.

«Нѣтъ рѣшительно ничего,—говоритъ Кликъ,—что дало бы въ этой прокламаціи понятіе о *силѣ*. Во вступленіи сдѣланъ сжатый очеркъ причинъ войны и обстоятельствъ къ ней относящихся, чего народъ не пойметъ, или, что еще хуже, пойметъ дурно; образованнымъ же людямъ онѣ и безъ прокламаціи небезизвѣстны. Представитель монарха полувселенной говоритъ въ ней языкомъ столько же дружескимъ, сколько низменнымъ — кому? маленькому финскому народу, который онъ при первомъ желаніи можетъ уничтожить. Этимъ самымъ онъ даетъ ему поводъ придавать себѣ нѣкоторое значеніе, что, разумѣется, всегда вредно. Если бы даже такъ и было въ дѣйствительности, то *нужно* было бы всемѣрно стараться это скрыть.»

Это было уже второе заявленіе Клика въ чисто русскихъ интересахъ. Немудрено что въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ появились затѣмъ записки, въ которыхъ Клика относили къ числу людей вредныхъ и ненадежныхъ.

Обращаясь далѣе къ вопросу: насколько изъ прокламаціи можно предвидѣть *справедливость*, которой финляндцы могли бы ожидать отъ русскаго государя, Кликъ находитъ что документъ этотъ обѣщаетъ ея наименѣе. «Государь — сказано въ ней — «утверждаетъ всѣхъ служащихъ людей, военныхъ и граждан- «скихъ при ихъ мѣстахъ и законныхъ званіяхъ, исключая однако «же тѣхъ природныхъ шведовъ, кои противъ чаянія пользуясь «случаемъ *могли бы* ввести простой народъ въ обманъ и заблу- «жденіе.» И вотъ это-то *могли бы*, эта только «возможность», на которой никогда справедливость не можетъ основываться, должна отклонить умы и сердца многихъ почтенныхъ шведовъ, хотя и родившихся въ Швеціи, но издавна поселившихся и устроившихся въ Финляндіи. Они съ сожалѣніемъ увидятъ себя

вынужденными принять для охраны своихъ личныхъ интересовъ образъ дѣйствій прямо противоположный интересамъ Россіи, къ которой однако они были до того очень хорошо расположены» [1]).

По поводу конца прокламаціи, гдѣ рѣчь идетъ о облегченіи въ податяхъ, Кликъ укоряетъ автора въ очевидномъ незнаніи сущности этихъ податей и ихъ основанія, послѣдствіемъ чего явилось двусмысліе: «если принять одно толкованіе, то финляндцы будутъ платить почти то же, что они и до сихъ поръ платили; при другомъ — они будутъ очень неравномѣрно обложены; и то и другое, разумѣется, не приведетъ къ доброму расположенію умовъ».

Ожидаемыя милости служатъ также вѣрнымъ въ этомъ отношеніи средствомъ. «Онѣ предоставляются въ прокламаціи *уроженцамъ* страны, а не ея *жителямъ*. Я подчеркиваю эти слова,— пишетъ Кликъ,—хотя они собственно синонимы. А чѣмъ отличились эти *уроженцы*, чтобы заслужить милости государя?—Ничѣмъ. Напротивъ среднее сословіе почти повсемѣстно въ 1788 году и позднѣе явило несомнѣнную враждебность къ тѣмъ, кто желалъ соединить интересы Россіи и Швеціи.»

Нѣсколько позже, но уже въ мемуарѣ адресованномъ прямо Государю, притомъ согласно личному желанію Александра Павловича, Кликъ возражалъ и противъ того мѣста прокламаціи, гдѣ упоминается о созывѣ депутатовъ въ Або. Этотъ предметъ будетъ разсмотрѣнъ въ своемъ мѣстѣ отдѣльно.

Критика Клика имѣла много общаго съ тѣмъ, какъ отнеслись къ прокламаціи на мѣстѣ. Она не произвела на населеніе желаемаго эффекта, а объявленная потомъ декларація иностраннымъ дворамъ, сдѣлавшаяся также извѣстною въ Финляндіи,

[1]) Критикъ прокламаціи впалъ здѣсь въ очевидную погрѣшность: приведенное мѣсто говорило въ условной формѣ собственно о будущихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ прирожденныхъ шведовъ. Увлеченный своимъ взглядомъ, онъ упустилъ изъ виду, что этимъ людямъ стоило только дѣйствовать въ смыслѣ умиротворенія, не соблазнять и не сбивать народъ съ толку, и тогда это «могло бы» осталось бы къ нимъ непримѣненнымъ.

еще болѣе уронила ея значеніе; главнокомандующій нашелся вынужденнымъ дѣлать новыя дополнительныя объявленія. Первый шагъ вліянія на умы, предпринятый при содѣйствіи знатока финляндскихъ дѣлъ Спренгтпортена, оказался неудачнымъ.

II.

Буксгевденъ и Спренгтпортенъ.

Отношенія между Буксгевденомъ и Спренгтпортеномъ съ самаго начала кампаніи не обѣщали ничего хорошаго: послѣдній завидовалъ первому, а тотъ относился къ нему съ явной антипатіей, не уважалъ и не давалъ ему никакой цѣны. Повелѣніе, объявленное Аракчеевымъ, и рескриптъ, испрошенный Румянцовымъ, не могли, разумѣется, улучшить этихъ отношеній. Кромѣ того у Буксгевдена былъ свой кандидатъ на мѣсто Спренгтпортена.

Уже откланявшись Государю передъ отъѣздомъ къ арміи и не имѣвъ времени еще разъ повидаться съ гр. Румянцовымъ, Буксгевденъ письменно сообщалъ ему свои соображенія по особому его проекту. Рѣчь шла о подготовкѣ будущаго начальника края, и главнокомандующій полагалъ, что было бы очень полезно пріобрѣсти въ русскую службу извѣстнаго уже изъ предъидущаго разсказа шведскаго генерала Армфельта, украшеннаго при Екатеринѣ за Верельскій миръ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, а теперь находившагося на родинѣ, въ опалѣ [1]). Буксгевденъ предполагалъ этому выдающемуся будто бы по высокимъ воинскимъ, а равно и дипломатическимъ талантамъ, «изящному»,—какъ писалъ онъ, — генералу предоставить по присоединеніи шведской Финляндіи «быть по главномъ мѣстномъ россійскомъ начальникѣ, первымъ начальникомъ». Расположеніемъ Густава-Адольфа Армфельтъ не пользовался. Рекомендуя его, Буксгевденъ разсчитывалъ сдѣлать два дѣла: пріобрѣсти способнаго генерала и отнять его у шведовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ избавиться

[1]). Письмо 28-го января 1808. Арх. М. Ин. Дѣлъ. Camp. Suèd. Buxhoevden, листъ 74.

отъ небезопаснаго противника. Впрочемъ, была и третья цѣль. На приложенномъ къ письму небольшомъ отдѣльномъ листкѣ сдѣлана Буксгевденомъ слѣдующая приписка:

«Весьма нужнымъ считаю, если мысли сіи удостоены будутъ высочайшимъ вниманіемъ, не открывать оныхъ и предпріятій сихъ господину генералу Шпренгпортену. Ибо извѣстно мнѣ, что онъ самъ тѣ виды на Финляндію имѣетъ, которые предполагаю къ увлеченію г-на генерала Армфельда.»

Эта приписка не обѣщала ничего хорошаго въ начинавшихся отношеніяхъ между обоими главными въ арміи генералами. Вражда не замедлила всплыть наружу.

Спренгтпортенъ, получивъ рескриптъ 5-го февраля, выѣхалъ въ тотъ же день. Переходъ войскъ черезъ границу послѣдовалъ 9-го числа, до разсвѣта. Лишь за нѣсколько часовъ, въ 6-ти верстахъ отъ границы, нагналъ Спренгтпортенъ главнокомандующаго. Пользуясь отъѣзжавшимъ изъ главной квартиры фельдъегеремъ, онъ писалъ Румянцову о томъ, что предстоитъ впереди [1]). Ожидалось на первыхъ порахъ ничтожное сопротивленіе; королевская армія спѣшила къ Гельсингфорсу; туда стягивали, по словамъ Спренгтпортена, войска, продовольствіе, запасы, и тамъ надо было ожидать встрѣчи. «Вотъ новости, сообщенныя мнѣ гр. Буксгевденомъ при свиданіи, которымъ я имѣлъ честь воспользоваться въ продолженіе часа,—пояснялъ онъ.—Мои собственно обязанности ограничиваются до сихъ поръ ролью зрителя. ....Но я не могу скрыть отъ васъ, что въ главномъ начальникѣ войскъ я не нахожу настолько довѣрія, сколько желалъ бы въ моемъ щекотливомъ предпріятіи (dans mon entreprise épineuse). Это замѣчаніе собственно для васъ; впрочемъ, разъ кости брошены, нужно не разсуждать, а дѣйствовать; мнѣ хотѣлось бы не быть безполезнымъ. Но всѣ мѣры уже приняты, инструкціи даны и все уже въ движеніи чтобы нанести первый ударъ; — мнѣ не остается ничего какъ только расплачиваться своей особой.»

---

[1]) Спренгтпортенъ гр. Румянцову, отъ 8 февр., въ 10 час. вечера изъ Сторкфорса.—Арх. М. Ин. Д., Corr. Sprengtporten, лист. 223.

Въ этихъ не вполнѣ какъ бы договоренныхъ строкахъ сквозитъ уже недовольство своимъ положеніемъ. Между тѣмъ оба генерала едва только успѣли съѣхаться, видѣлись всего одинъ часъ. Безспорно Спренгтпортенъ опоздалъ къ первоначальнымъ распоряженіямъ, которыя были сдѣланы безъ всякаго его участія. Въ ихъ числѣ была и разсылка прокламацій, доставки которыхъ Буксгевденъ ждалъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Предметъ этотъ принадлежалъ нѣкоторымъ образомъ компетенціи Спренгтпортена, какъ спеціалиста по части «вліянія на умы». Но менѣе всего конечно можно винить Буксгевдена въ томъ, что онъ не дожидался для начала своихъ дѣйствій пріѣзда Спренгтпортена, пока тотъ находилъ нужнымъ выжидать въ Петербургѣ особыхъ себѣ, чисто личныхъ, повелѣній. Если бы онъ заботился только о пользѣ дѣла, о которой упоминалъ при всякомъ случаѣ, то долженъ былъ выѣхать къ арміи одновременно съ Буксгевденомъ, такъ какъ повелѣніе объявленное Аракчеевымъ было ему уже извѣстно; деньги также были получены.

Имѣвъ свиданіе съ графомъ Буксгевденомъ, Спренгтпортенъ не сообщилъ однако ему о полученномъ высочайшемъ рескриптѣ опредѣляющемъ его обязанности, а нашелъ нужнымъ послать при особомъ письмѣ копію съ этого документа, ссылаясь на быстроту движеній главнокомандующаго помѣшавшую сообщить ему это повелѣніе, и просилъ извѣщать его, Спренгтпортена, какъ можно чаще, словесно или письменно, о тѣхъ мѣрахъ по отношенію къ жителямъ, которыя будутъ принимаемы.

Буксгевденъ, въ отвѣтъ на это письмо отъ 10-го февраля, уже въ Ловизѣ, т.-е. шведской Финляндіи, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ поздравляя Спренгтпортена по случаю выбора Государя на немъ въ настоящемъ случаѣ остановившагося,— поспѣшилъ съ своей стороны препроводить къ нему копію съ повелѣнія, объявленнаго графомъ Аракчеевымъ, въ которомъ назначалось состоять ему «подъ командою» графа Буксгевдена.

«Что касается политическихъ отношеній къ жителямъ завоеванныхъ мѣстностей,—пояснялъ онъ при этомъ случаѣ,—то я того мнѣнія, что если Государю Императору угодно сохранить имъ,— какъ и выражено въ изданной прокламаціи,—ихъ прежнія права

и преимущества, то наша обязанность сохранять и оберегать ихъ настолько, насколько эти привилегіи не противорѣчатъ государственному устройству нашего отечества (à la constitution de notre patrie) и на сколько позволятъ обстоятельства, а жители будутъ стараться заслужить эту особую монаршую милость своими добрымъ настроеніемъ и поведеніемъ.

«Въ отношеніи же къ устройству гражданской части—продолжалъ главнокомандующій,—я только что получилъ извѣщеніе о волѣ Его Величества чтобы выборгскій гражданскій губернаторъ, г. Эминъ, былъ мнѣ подчиненъ, для организаціи гражданскаго управленія въ шведской Финляндіи послѣ ея завоеванія (après la conquête de la Finlande Suèdoise). Ему повелѣно въ точности исполнять инструкціи отъ меня исходящія и пользоваться, съ моего согласія, тѣми правительственными чиновниками, которые замѣнятъ, согласно прокламаціи, чиновниковъ шведскихъ. Такимъ образомъ, до послѣдующихъ измѣненій, управленіе будетъ чисто военное, и не будетъ имѣть сходства съ учрежденіями, существующими въ другихъ губерніяхъ Имперіи.»

Гр. Буксгевденъ излагалъ слѣдовательно барону Спренгтпортену дѣйствительное положеніе дѣла въ то время. Спренгтпортенъ нашелъ нужнымъ какъ это письмо, такъ и копію съ своего, на которое оно служило отвѣтомъ, отправить на другой же день, 11-го февраля, къ графу Румянцову, ссылаясь на тягостное свое положеніе. Видя противорѣчіе между намѣреніями Государя, изложенными въ повелѣніи отъ 2-го февраля [1]), и мнѣніемъ, «которое кажется составилъ себѣ о немъ графъ Буксгевденъ, основываясь на сообщеніи графа Аракчеева»,—Спренгтпортенъ однако увѣрялъ, что «польза службы для него будетъ всегда единственною цѣлью, къ которой и будутъ направлены всѣ его шаги и всѣ его желанія». Но вмѣстѣ съ тѣмъ, забывая, что при арміи онъ находится всего какіе нибудь 2 дня, притомъ опоздавъ прибытіемъ, Спренгтпортенъ продолжалъ:

«Нѣтъ надобности говорить на сколько средства мои (для пользы службы) изо дня въ день становятся все болѣе и болѣе

---

[1]) 5-го? Спренгтпортенъ часто путаетъ числа.

невозможными. Моему сердцу больно говорить объ этомъ, но долгъ къ тому обязываетъ. Графъ Буксгевденъ такъ сдержанъ со всѣми; минуты, когда я могъ бы съ нимъ переговорить, такъ коротки, и часто еще болѣе сокращены его многочисленными занятіями, что рѣшительно ничего не можетъ выдти изъ моихъ съ нимъ сношеній. Вы можетъ быть удивитесь, если я скажу что о военныхъ операціяхъ я кое что могу еще догадываться, но въ отношеніи къ обязанностямъ, меня непосредственно касающимся, у меня связаны руки его распоряженіями, идущими впередъ безъ того чтобы онъ въ чемъ нибудь доставилъ мнѣ честь со мной посовѣщаться. Однимъ словомъ я здѣсь рѣшительно не нуженъ, и что называется настоящій нуль.

«И при всемъ томъ, ожидая еще что мои осторожныя дѣйствія приведутъ къ чему-либо, я держусь, и сколько могу буду держаться въ моей незначительной роли, чтобы не дать вспыхнуть неудовольствію въ умахъ, уже довольно склонныхъ понизить мѣру своего довѣрія. Дѣла идутъ такимъ путемъ, что я въ отчаяніи (enfin les choses vont un train qui me désespère), и не видя съ своей стороны никакой возможности въ томъ помочь, я рѣшился быть въ положеніи чисто страдательномъ, пока руководимый вашими, графъ, совѣтами я не найду средствъ дѣйствовать, достойныхъ меня и моего рвенія быть полезнымъ. Предоставляю вамъ сдѣлать изъ этихъ довѣрительныхъ объясненій употребленіе, которое вы признаете наиболѣе приличнымъ. Но если положеніе вещей останется то же, я умоляю васъ какъ о милости, чтобы мнѣ здѣсь болѣе вовсе не быть и не нести отвѣтственности ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ по дѣламъ, на которыя я могу вліять такъ мало» [1]).

Какъ видно Спренгтпортенъ не скупился на намеки; можно было догадываться, что творится что-то недоброе, что̀ грозитъ броженіемъ умовъ въ населеніи ко вреду русскаго дѣла, что даже онъ, Спренгтпортенъ, приходитъ оттого въ отчаяніе и слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность.

---

[1]) Corresp. Sprengtporten, въ Арх. М. Ин. дѣлъ, л. 226, письмо отъ 11 февр. изъ Ловизы.

Такое письмо должно было произвести тревогу. Но что же случилось? Каково было положенiе дѣлъ? Этотъ полудоносъ былъ написанъ 11-го февраля, а наканунѣ, 10-го, русскiя войска заняли Ловизу, и Спренгтпортенъ тотчасъ же сообщалъ графу Румянцову: «Нигдѣ, я думаю, не было оказано войскамъ Его Императорскаго Величества такого блистательнаго прiема, какимъ почтили насъ жители этого добраго города, когда мы вступили въ него прекраснѣйшимъ зимнимъ днемъ. Послѣ этого довѣряйтесь слухамъ!..... Жители собрались группами, и очень хорошенькiя женщины ежеминутно привѣтствовали насъ самыми живыми выраженiями дружелюбiя. Это утѣшенiе нужно было войскамъ, ибо они крайне утомлены тягостными маршами по чрезвычайно глубокому снѣгу. Нельзя довольно нахвалиться обоюднымъ добродушiемъ съ ихъ и съ нашей стороны; дѣлаю эту замѣтку мимоходомъ. Я останусь здѣсь на нѣсколько дней, чтобы извлечь пользу изъ хорошаго настроенiя умовъ большей части дворянства» [1]).

Баронъ Спренгтпортенъ нашелъ нужнымъ особо донести объ этомъ и Государю, отъ того же 10-го февраля:

«Рубиконъ перейденъ, Государь, и наши первые шаги были увѣнчаны самымъ благопрiятнымъ прiемомъ. Жители города, гдѣ Ваши войска отдыхали эту ночь, не только приняли насъ съ знаками самой искренней радости, но и большинство наиболѣе выдающагося дворянства собралось здѣсь, чтобы свидѣтельствовать объ ихъ покорности въ качествѣ новыхъ Вашихъ подданныхъ» [2]).

Такимъ образомъ 10-го—полная радость, чуть не восторгъ по случаю прекраснаго прiема «намъ» оказаннаго, обоюдное добродушiе, надежда извлечь пользу изъ хорошаго настроенiя умовъ; на завтра, 11-го,—отчаянiе, недвусмысленные намеки на то, что умы довольно уже склонны понизить мѣру своего довѣрiя, отказъ отъ отвѣтственности, которая, впрочемъ, на немъ и не лежитъ. Все дѣло объясняютъ проскальзывающiя, и очень часто, то здѣсь,

[1]) Ibid, л. 225.
[2]) Ibid, л. 224.

то тамъ: «я» здѣсь рѣшительно не нуженъ, «я» чистѣйшій нуль, «я» рѣшился быть въ страдательномъ положеніи, и проч. Письмо къ Румянцову и рапортъ Государю были очевидно написаны до полученія письма Буксгевдена, который совершенно объективно излагалъ свой самостоятельный взглядъ на дальнѣйшій ходъ дѣлъ, вовсе не обращаясь къ указаніямъ и помощи Спренгтпортена, которыхъ онъ и не могъ дать, все время отсутствовавъ изъ арміи. Насколько было, впрочемъ, правды въ томъ, что главнокомандующій не давалъ ему возможности съ собой объясниться? Уже самъ Спренгтпортенъ, какъ выше видно, проговорился въ письмѣ графу Румянцову, что, лишь только пріѣхалъ, имѣлъ часовой разговоръ съ графомъ Буксгевденомъ. Этотъ послѣдній, позднѣе, отъ 25-го февраля, писалъ Румянцову [1]):

«Когда ввѣренныя мнѣ войска переходили границу, приглашалъ я его (Спренгтпортена) быть со мною въ головѣ колонны, но ему не угодно было принять сіе приглашеніе, и уже на другой день, по занятіи мною города Ловизы, прибылъ онъ въ оный.» Изъ этихъ строкъ очевидно также, что Спренгтпортенъ не стѣснился, какъ въ письмѣ къ графу Румянцову, гдѣ говорилось о привѣтствіяхъ хорошенькихъ женщинъ, такъ и въ рапортѣ Государю о пріемѣ «намъ» оказанномъ, изложить дѣло въ такихъ фразахъ, какъ будто онъ былъ при самыхъ войскахъ, тогда какъ, по удостовѣренію главнокомандующаго, онъ былъ далеко позади. Уклоненіе Спренгтпортена отъ слѣдованія вмѣстѣ съ главнокомандующимъ во главѣ колонны свидѣтельствовало также и о томъ, что онъ игралъ двойную игру: не зная какой будетъ пріемъ, онъ не хотѣлъ скомпрометтировать себя передъ населеніемъ, находясь во главѣ войскъ этому послѣднему непріязнѣнныхъ, и счелъ за лучшее отсутствовать.

По поводу письма Спренгтпортена графъ Румянцовъ отвѣчалъ ему 17-го: «Я получилъ, генералъ, письмо, которымъ вы почтили меня отъ 11-го. Его содержаніе нѣсколько огорчило меня; но я постараюсь исправить то, что мнѣ кажется только дѣломъ недоразумѣнія».

---

[1]) Прилож. № 58.

Но графъ Румянцовъ на этотъ разъ ошибся. «Недоразумѣніе» не только не устранялось, но, напротивъ, росло. Спренгтпортенъ, такъ категорически писавшій въ свое время министру иностранныхъ дѣлъ, что его дѣло совершенно особое,—что у главнокомандующаго военныя операціи, а у него, Спренгтпортена, дипломатическое вліяніе на умы, оказался и въ этой своей роли не на томъ уровнѣ, на какой онъ самъ себя ставилъ. Мнѣніе Клика повидимому оправдывалось. Графъ Буксгевденъ въ теченіе короткаго уже времени пришелъ къ убѣжденію, что отъ помощника своего ему нельзя ожидать пользы. Онъ выражалъ это нѣсколько разъ въ сношеніяхъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, но особенно рельефно высказался въ письмѣ отъ 27-го февраля. Приведемъ изъ него выдержку:

«Относительно вліянія г. барона Спренгтпортена на здѣшнихъ обывателей, я въ томъ и малой себѣ отъ него помощи не вижу, ибо по довольнымъ уже опытамъ имѣлъ случай убѣдиться, что всѣ свѣдѣнія его, по долговременному отсутствію изъ здѣшнихъ мѣстъ, по большей мѣрѣ не распространяются далѣе весьма ограниченнаго круга родственниковъ его; другая же и большая половина жителей отчасти по прошествіи толика лѣтъ не знаетъ его уже болѣе, а отчасти невыгодное о прежнихъ его дѣяніяхъ имѣетъ понятіе, какое до той степени доходитъ, что многіе изъ здѣшнихъ дворянъ, не только мнѣ одному, но и г. генералъ-лейтенанту князю Багратіону неоднократно и откровенно признавались, что присутствіе генерала барона Спренгтпортена при арміи вредное оставляетъ впечатлѣніе въ здѣшнихъ жителяхъ, и что природные россійскіе начальники войскъ, во время малаго ихъ здѣсь пребыванія, въ большей мѣрѣ пріобрѣли уже довѣренность жителей, нежели бывшій ихъ соотчичъ» [1]).

Спренгтпортенъ, разумѣется, не признавалъ такой своей несостоятельности и продолжалъ писать графу Румянцову донесенія и намеки. Съ теченіемъ времени забывъ уже, что военныя дѣйствія, по его же сознанію, не входятъ въ его сферу,—онъ началъ врываться и въ эту область и посылать въ Пе-

[1]) 27 февраля, № 29, изъ Тавастгуса, прил. № 59.

тербургъ критику за критикой на стратегическія распоряженія Буксгевдена. Отъ 19-го февраля Спренгтпортенъ писалъ слѣдующее графу Румянцову изъ Ловизы, гдѣ онъ продолжалъ пребывать:

«Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ вы получите, я думаю, донесеніе графа Буксгевдена о маленькихъ дѣлахъ, происходившихъ передъ колонной князя Багратіона, предъ которой напріятель отступаетъ къ Тавастгусу. Графъ Буксгевденъ полагаетъ, что шведы имѣютъ тамъ до 12.000 человѣкъ и сообщаетъ мнѣ о своемъ намѣреніи выдвинуть лѣвое крыло, занять Гельсингфорсъ и оттуда съ главными силами отправиться на Тавастгусъ, чтобы нанести рѣшительный ударъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что непріятель туда отступаетъ, желая развлечь наше вниманіе и удалить насъ отъ Свеаборга, защищаемаго 5.000 ч., къ которымъ прибавитъ еще небольшой отрядъ, отступающій предъ нами. Но по моему мнѣнію никакъ не должно удаляться отъ этого главнаго предмета нашихъ дѣйствій. Чтобы занять Тавастгусъ достаточно подвинуть наши передовыя колонны вправо; намъ не можетъ быть противопоставлена значительная сила, ибо тамъ находится не болѣе шести полковъ, которые вѣроятно будутъ подкрѣплены ополченіемъ; но ему не слѣдуетъ давать большаго значенія. Разъ мы овладѣемъ Гельсингфорсомъ и Тавастгусомъ, слѣдуетъ остановиться до взятія Свеаборга; пусть приходятъ ихъ подкрѣпленія, если таковыя у нихъ найдутся. Имъ встрѣтятся тѣ же, и даже еще большія трудности, чтобы добраться до насъ; морозы быстро усилились до крайней степени и могутъ облегчить наши операціи.»

И въ припискѣ:

«Его Императорское Величество можетъ припомнить, что я всегда указывалъ на то, что непріятель пойдетъ въ этомъ направленіи, наиболѣе для него удобномъ по времени года, когда онъ не можетъ разсчитывать на свою флотилію. Не надо дать увлечь себя этими распоряженіями. Колонна князя Багратіона, соединенная съ той, которая идетъ чрезъ Нюбю, вполнѣ, я думаю, достаточна для того, чтобы вытѣснить изъ Тавастгуса наличныя непріятельскія силы» [1]).

---

[1]) Corr. Sprengtporten, Арх. М. Ин. дѣлъ. Récept., л. 228.

Не прошло и двухъ дней, какъ русскія войска заняли уже Гельсингфорсъ, и главнокомандующій, оставивъ тамъ отрядъ для наблюденія за Свеаборгомъ, которому не могло придти никакой помощи,—дѣйствительно поспѣшилъ на Тавастгустъ. Спренгтпортенъ, пріѣхавшій, какъ всегда, послѣ того какъ войска уже заняли мѣстность, послалъ отъ 21-го февраля не только гр. Румянцову изложеніе своего критическаго взгляда на военныя операціи, но и просилъ поддержать его у Государя и передать военному министру, въ увѣренности, что графъ Аракчеевъ его «хорошо пойметъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ Императору Александру особый докладъ.

«Имѣю счастіе представить Вамъ, Государь, этотъ нижайшій рапортъ изъ Гельсингфорса, который войска ваши занимаютъ уже 2 дня. Овладѣть имъ было не труднѣе, чѣмъ занять всѣ мѣстности отъ Ловизы до сихъ поръ, въ странѣ сдающейся съ удовольствіемъ и незащищаемой войсками, непрестанно отступающими. Я разсчитывалъ найдти еще здѣсь графа Буксгевдена; но онъ уже на пути къ Тавастгусу, оставивъ лишь небольшой отрядъ изъ двухъ полковъ для наблюденія за Свеаборгомъ. Въ такомъ положеніи дѣла, нѣсколько сбитый съ толку (déconcerté) тѣмъ, что происходитъ, я позволяю себѣ, Государь, обратиться непосредственно къ Вашему Величеству съ этими строками.

«Прежде чѣмъ мнѣ выѣхать изъ Ловизы, гдѣ я былъ задержанъ необходимостью установить нѣкоторыя мѣры по соглашенію съ господиномъ губернаторомъ Эминымъ, графъ Буксгевденъ сдѣлалъ мнѣ честь сообщить свои намѣренія и причины, по которымъ онъ направляется съ главными силами на Тавастгусъ. Убѣжденный по самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, что всѣ шведскія силы, подъ командою генерала Клеркера, 70-ти-лѣтняго старика, не превышаютъ четырехъ полковъ, или 6.000 чел. съ резервами въ плохомъ состояніи, я полагалъ, что достаточно было бы усилить нашу правую колонну нѣсколькими легкими баталіонами, для того чтобы отогнать непріятеля; я желалъ также чтобы наше лѣвое крыло здѣсь не удалялось отъ главной своей цѣли.

«Но такъ какъ уже поздно было возвращаться, и вообще время намъ очень дорого, ибо зима скоро приблизится къ концу и ничто

не можетъ упрочиться если страна до Або не будетъ въ нашемъ распоряженіи, осмѣливаюсь, Государь, предложить выдвинуть какъ можно скорѣе достаточный корпусъ для прикрытія этого мѣста (Гельсингфорса), между тѣмъ какъ всѣ силы, которыя мы здѣсь имѣемъ, должны безъ замедленія двинуться кратчайшими путями къ Або, чтобы тамъ имѣть возможность собрать народныхъ депутатовъ, обезпечить безопасность арміи и пользованіе плодами понесенныхъ ею трудовъ. Вотъ чего ожидаютъ здѣсь умы, наиболѣе склонные къ покровительству Вашего Величества, но колеблющіеся пока по неувѣренности въ предстоящихъ событіяхъ. Это движеніе, смѣлое и для непріятеля непредвидѣнное, воодушевитъ ихъ мужествомъ выказать ихъ доброе расположеніе.

«Если будущее не обманетъ меня, какъ не обмануло прошедшее, то я предвижу мало сопротивленія въ Тавастгусѣ; шведы пойдутъ можетъ быть на Пелково и Таммерфорсъ, чтобы сблизиться къ Бьернеборгу и сохранить отступленіе чрезъ Ботническій заливъ. Надо слѣдовать за ними той же дорогой, пригнать ихъ къ заливу, овладѣть прибрежными городами, и одновременно подвинуть два батальона, въ настоящее время здѣсь находящіяся, для захвата Гангеуда, столь же почти важнаго для сообщеній, какъ и Свеаборгскій портъ.

«Повергая все это предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ ожиданіи повелѣній, я отправляюсь завтра къ графу Буксгевдену, который имѣетъ ночлегъ сегодня въ 15-ти верстахъ отсюда, а завтра въ Химбю, въ 35 верстахъ. Я возвращусь еще сюда, чтобы собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о Свеаборгѣ, сосѣдство котораго при настоящемъ положеніи вещей насъ безпокоитъ».— «Сію минуту бьютъ тревогу по случаю вылазки; бѣгутъ къ оружію. Время слишкомъ хорошо, слишкомъ свѣтло, чтобы бояться внезапнаго нападенія. Командующій здѣсь генералъ Раевскій дѣлаетъ распоряженіе объ отступленіи передъ превосходными силами; надѣюсь, что этого не случится»..... [1]).

Подъ видомъ своихъ, будто бы непринимаемыхъ главнокомандующимъ соображеній, Спренгтпортенъ предлагалъ Государю въ

---

[1]) Приложеніе № 44.

сущности то, что уже дѣлалось. Но онъ и противорѣчилъ себѣ, и обличалъ свой недостатокъ свѣдѣній. За нѣсколько дней Спренгтпортенъ жаловался на сдержанность главнокомандующаго, вынуждающую его на роль чисто пассивную, а теперь въ два пріема проговаривался, что графъ Буксгевденъ извѣщалъ однако его о намѣреніи двинуться съ большими силами на Тавастгусъ. Въ рапортѣ Государю онъ заявлялъ, что по достовѣрнымъ извѣстіямъ наши войска встрѣтятъ тамъ лишь слабое сопротивленіе. Это «достовѣрное свѣдѣніе» оказалось на дѣлѣ невѣрнымъ, ибо, какъ извѣстно, именно къ Тавастгусу генералъ Клеркеръ стягивалъ свои войска, намѣреваясь дать тамъ рѣшительное сраженіе. Семидесятилѣтній Клеркеръ могъ быть слабъ, но у него былъ близкимъ помощникомъ Адлеркрейцъ, энергія котораго черезъ два мѣсяца дала русскимъ войскамъ много заботъ и горя. И именно когда Спренгтпортенъ отвергалъ всякое со стороны Шведовъ сопротивленіе, Адлеркрейцъ писалъ: «При Тавастгусѣ мы были равносильны непріятелю. Здѣсь финскія войска не пощадили бы никакихъ усилій, потому что мы дрались бы за все, что было намъ священно, за славу и родину. Если бы мы разбили Русскихъ, и они не получили тотчасъ подкрѣпленій, то, соединясь съ свеаборгскимъ гарнизономъ, мы рѣшили бы зимній походъ въ нашу пользу» [1]).—Только пріѣздъ главнокомандующаго графа Клингспорра съ инструкціями короля объ отступленіи и о сохраненіи шведской арміи отмѣнилъ это готовившееся сраженіе, къ крайнему неудовольствію офицеровъ.

Но Стренгтпортенъ кромѣ того писалъ неправду или графу Буксгевдену, или Государю. Первому онъ отозвался неимѣніемъ свѣдѣній о Тавастгусѣ. Буксгевденъ, только что перейдя границу и занявъ Ловизу, встрѣтился съ укрѣпленной позиціей предъ Борго, при Форсбю. «Овладѣніе крѣпкаго мѣста Форсбю (письмо Буксгевдена къ Румянцову 25-го февраля) требовало о немъ свѣдѣній; но только посредствомъ вѣрныхъ указателей и другихъ жителей, которые подали мнѣ таковыя свѣдѣнія и которымъ долженъ былъ за то заплатить, возмогъ открыть способы не только вы-

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій, Описаніе войны, стр. 27.

тѣснить непріятеля изъ крѣпкой его при семъ городѣ позиціи, безъ всякой почти потери, но и завладѣть онымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и городомъ Борго. Двое сутокъ по обстоятельствамъ встрѣтившимся мнѣ, оставался я въ семъ послѣднемъ мѣстѣ и въ предположеніи моемъ потомъ продолжать съ войсками движеніе къ Гельсингфорсу и оттуда къ Тавастгусу, ожидалъ я, что г. генералъ баронъ Спренгтпортенъ не оставитъ меня своими о сихъ мѣстахъ извѣщеніями, но не могъ его и тамъ дождаться, и для того, выступивши уже оттуда на третій день, просилъ его съ дороги прибыть на сей конецъ ко мнѣ. Отвѣтъ его былъ, что прибудетъ въ Гельсингфорсъ, но что *о Тавастусѣ никакихъ свѣдѣній подать не можетъ*, поелику въ ономъ былъ онъ только одинъ разъ и то проѣздомъ.»—Если же Спренгтпортенъ писалъ правду Буксгевдену, то на какихъ вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ основывалъ онъ свое донесеніе Государю о положеніи Тавастгуса и о достаточности передоваго отряда для его занятія? Факты показали, что онъ вводилъ въ заблужденіе Государя, и еслибы взглядъ Спренгтпортена взялъ верхъ, то ожиданія Адлеркрейца сбылись бы. Клеркеръ готовился, какъ сказано, атаковать русскихъ и собралъ множество подводъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ побѣды, въ которой онъ былъ увѣренъ, быстро двинуться къ Гельсингфорсу, освободить Свеаборгъ, соединиться съ его гарнизономъ и начать наступленіе.

Неточностью или извѣстнаго рода небрежностью приведенный рапортъ Спренгтпортена вообще отличается. Это впрочемъ одно изъ многихъ его донесеній Государю, которыя, вопреки существующимъ правиламъ и естественному пониманію верховной власти, требующимъ всесторонней осмотрительности и точности, пишутся имъ въ самой развязной формѣ. Въ концѣ, въ припискѣ, говоритъ о малозначительной тревогѣ и объ осторожныхъ на всякій случай распоряженіяхъ Раевскаго въ такихъ сомнительныхъ выраженіяхъ, которыя непремѣнно должны были вызвать въ Императорѣ Александрѣ если не неудовольствіе на этого генерала, а косвенно и на главнокомандующаго, то нѣкоторое безпокойство. Порицая планъ дѣйствій Буксгевдена и говоря Государю, что теперь, конечно, уже поздно возвращаться

съ ошибочно будто бы взятой дороги на Тавастгусъ, онъ однако графу Румянцову пишетъ, что, занявъ Гельсингфорсъ и Тавастгусъ, слѣдуетъ остановиться до взятія Свеаборга, а государю представляетъ о необходимости быстро идти на Або, т.-е. еще 200 слишкомъ верстъ далѣе.

Между тѣмъ, и быть можетъ не безъ связи съ письмами и намеками Спренгтпортена, прибылъ къ арміи, на короткое впрочемъ время, военный министръ графъ Аракчеевъ. Это было между 20-мъ и 23-мъ февраля, когда графъ Буксгевденъ былъ на пути къ Тавастгусу, занятому 24-го числа.

Нужно полагать, что поѣздка Аракчеева не имѣла вліянія на направленіе военныхъ дѣйствій: все продолжалось сообразно съ первоначальнымъ планомъ главнокомандующаго. Но то несомнѣнно, что Спренгтпортенъ, считавшій себя въ правѣ предъявлять къ графу Буксгевдену разныя претензіи, имѣлъ полную возможность излить свои сѣтованія графу Аракчееву (à qui j'ai confié ma situation avec une franchise entière) и получить отъ него всякаго рода утѣшенія и увѣренія. «Пріѣздъ графа Аракчеева,— писалъ онъ Румянцову 24-го февраля,—былъ благодѣяніемъ Провидѣнія; онъ подкрѣпилъ мое терпѣніе почти истощенное.» И не только утѣшеніе, но и обнадеживанія со стороны Государя и даже предложеніе нѣкоторыхъ высочайшихъ милостей привезъ ему Аракчеевъ. «Конфиденціи, сдѣланныя мнѣ этимъ министромъ на счетъ благосклонности ко мнѣ Его Императорскаго Величества, чувствительнѣйшимъ образомъ меня тронули, — продолжалъ онъ,—но я думаю своевременнѣе будетъ осуществить ее тогда, когда, достигнувъ уже господства въ краѣ, я могу проявить свое вліяніе съ большей силой для благаго дѣла и на пользу службы.»

Въ чемъ заключалось выраженіе монаршей благосклонности, которое баронъ откладывалъ, изъ документовъ не видно; но полагать нужно, что ему предложено было назначеніе въ генералъ-губернаторы Финляндіи. Такъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ заключить изъ сопоставленія съ рескриптомъ отъ 8-го мая 1808 г. [1]). Во всякомъ случаѣ заявленія графа Аракчеева были настолько

[1]) Онъ будетъ приведенъ ниже.

опредѣленны, что Спренгтпортенъ, не ограничиваясь письмомъ графу Румянцову, въ тотъ же день писалъ и Государю. Выражая свои признательныя чувства по поводу утѣшенія привезеннаго ему Аракчеевымъ, онъ писалъ: «Я у вашихъ ногъ приношу мои нижайшія благодаренія. Смѣю однако умолять Васъ, Государь, отложить осуществленіе вашей благосклонности до того времени, когда мое вліяніе въ краѣ болѣе выразится и когда тѣмъ самымъ я буду болѣе ея достоинъ». «То-есть,—спѣшитъ онъ пояснить, —до тѣхъ поръ, пока войска наши прибудутъ въ Або. Тогда, Государь, я покажу себя (je me ferai mieux connaître), говоря отъ имени моего Августѣйшаго Монарха. Впрочемъ ссылаюсь на мое послѣднее представленіе относительно военныхъ операцій и не сомнѣваюсь, что мысли мои по этому предмету, если и не будутъ исполнены, то по крайней мѣрѣ примутся въ соображеніе, въ уваженіе моей преданности.»

Но обѣщая показать себя въ Або, и именно на сеймѣ, къ которому онъ возвращался, и сыпля направо и налѣво сѣтованіями на свое положеніе, Спренгтпортенъ на дѣлѣ рѣшительно ни въ чемъ не оказывалъ содѣйствія главнокомандующему, который силою вещей и для выигранія времени, о потерѣ котораго баронъ писалъ Государю, долженъ былъ быстро идти впередъ, преслѣдуя отступающаго непріятеля.

ГЛАВА XIII.

Первыя мѣры.

I.

Участіе Спренгтпортена и недоразумѣнія.

Устройство гражданскаго управленія въ постепенно занимаемыхъ областяхъ требовало къ себѣ особаго вниманія, котораго главнокомандующій не могъ посвятить ему, при быстротѣ движенія, въ должной мѣрѣ. Дѣло это, весьма существенное по многочисленности и разнообразію интересовъ населенія съ нимъ постоянно соприкасающихся, было наиболѣе близко къ сферѣ дѣйствій отведенной Спренгтпортену. Этого предмета вслѣдъ за переходомъ границы Буксгеведенъ касается въ первомъ же письмѣ своемъ къ графу Румянцову изъ Ловизы отъ 10-го февраля [1].

«Всѣ провинціи шведской Финляндіи по занятіи ихъ нашими войсками должны, по высочайшей волѣ Государя Императора, сохранить свои законы, права и преимущества, нравы и обычаи, какъ было прежде. Я полагаю, однако, нужнымъ въ каждой занятой провинціи установить съ нашей стороны временное управленіе, не посягая на существующія права жителей. Это управленіе ограничилось бы собственно назначеніемъ одного или двухъ наблюдателей въ каждой провинціи, или въ случаѣ нужды и въ каждомъ округѣ или приходѣ. Единственная цѣль ихъ на-

[1]) Арх. М. Ин. Д., Camp. Suèd. Buxhoevden, Récept., 84. Писано по-французски.

значенія состояла бы въ поддержаніи общественнаго спокойствія и въ попеченіи о томъ, чтобы все входящее въ кругъ дѣйствій администраціи исполнялось, сообразно законамъ страны, въ порядкѣ и мирно. Вашему с-ву впрочемъ болѣе извѣстна общность плановъ, которые намъ предстоитъ исполнять, а потому и прошу васъ высказать по настоящему предмету ваше мнѣніе.»

На это гр. Румянцовъ извѣстилъ главнокомандующаго [1]), что Государь одобрилъ его мнѣніе; «проектъ же инструкціи просилъ составить по соглашеніи съ бар. Спренгтпортеномъ и доставить на высочайшее усмотрѣніе». Получивъ такое повелѣніе, гр. Буксгевденъ писалъ Спренгтпортену [2]): «Что касается до правительственныхъ чиновниковъ, которые въ видахъ обезпечить расположеніе жителей уже занятой страны замѣнятъ шведскихъ чиновниковъ, — то я поручилъ губернатору Эмину испросить мнѣніе в. высокопр-ва о томъ, какіе изъ чиновниковъ, по значенію ихъ должностей, наиболѣе могутъ имѣть вліянія на новыхъ подданныхъ. Затѣмъ надлежитъ снабдить этихъ чиновниковъ нужными инструкціями, чтобы они могли исполнять свои обязанности, не посягая на права и преимущества прежде предоставленныя имъ шведскимъ правительствомъ. Въ этомъ отношеніи г. Эминъ, изложивъ инструкцію, представитъ ее в. высокопр-ву съ тѣмъ, не изволите-ли прислать мнѣ ее съ вашими замѣчаніями, дабы я могъ внести на высочайшее утвержденіе, и уже потомъ приступить къ назначенію чиновниковъ.»

Губернаторъ Эминъ [3]) съ своей стороны, не теряя времени, въ тотъ же день имѣлъ объясненіе съ Спренгтпортеномъ, и кромѣ

---

[1]) Черезъ два дня, 12-го февраля. Л. 10. Проектъ письма отъ гр. Румянцова ген. отъ инф. графу Буксгевдену, съ резолюціей Императора Александра «Быть по сему». Спб. 12-го февр. 1808. Отмѣтка: подписанъ и отправленъ съ камеръ-юнкер. гр. Буксгевденомъ тотчасъ же.

[2]) 13-го февраля, изъ Борго. Ad. № 102.

[3]) Дѣйств. ст. сов. Эминъ былъ выборгскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ состоялъ членомъ управляющимъ дѣлами въ коммисіи, учрежденной еще въ 1802 г. при министрѣ внутр. дѣлъ Кочубеѣ, для устройства этой губерніи. См. выше, т. I, стр. 116.

того въ оффиціальномъ письмѣ отъ 14-го февраля [1]) изложилъ ему вкратцѣ тѣ практическія и непосредственныя мѣры, которыя требовались по его мнѣнію для сохраненія порядка въ мѣстномъ управленіи. Указавъ между прочимъ, что по высочайшему повелѣнію объявленному гр. Аракчеевымъ 8-го февраля, онъ, губернаторъ, вполнѣ подвѣдомственъ главнокомандующему арміею, и гражданское управленіе подчиняется военному начальству, Эминъ предлагалъ бар. Спренгтпортену: во-1-хъ въ городѣ Ловизѣ возстановить магистратъ, со всѣми прежними правами за исключеніемъ охраны въ городѣ спокойствія и порядка, наблюденія за воинскими и «сивильными» зданіями, въ коихъ помѣщаются военные чины и склады, и отвода квартиръ подъ военный постой. Эти обязанности должны были принадлежать коменданту, въ послѣднемъ случаѣ по соглашенію съ магистратомъ; во-2-хъ ускорить устройство земской полиціи, назначивъ коронныхъ фохтовъ, герадскихъ писарей, ленсмановъ и др. чиновниковъ; исполнять это по мѣрѣ занятія мѣстностей русскими войсками; въ-3-хъ для наблюденія за финскими коммисарами или коронными фохтами учредить штатгальтера изъ русскихъ чиновниковъ, который подъ начальствомъ Эмина имѣлъ бы въ завѣдываніи своемъ часть земской полиціи. Мѣра эта предлагалась впредь до того, когда будутъ на мѣстахъ ландсгевдинги, т. е. губернаторы.—Предлагалось немного, но то, что предлагалось, имѣло чисто практическій характеръ, который въ данную минуту имѣлъ наибольшее значеніе.

Спренгтпортенъ также не замедлилъ отвѣтомъ, приславъ его въ тотъ же день [2]). Но ссылаясь на недостаточное знаніе русскаго языка, на которомъ Эминъ ему писалъ (autant que j'ai pu comprendre d'une langue qui ne m'est pas familière), и на неустройство еще его канцеляріи и неимѣніе переводчика, — баронъ отозвался невозможностью дать точное разрѣшеніе, о которомъ просилъ Эминъ. Съ своей стороны Спренгтпортенъ указы-

[1]) № 321, собственноручно по-русски. Corr. Sprengtporten, ad № 227.

[2]) Ad. № 227, по-французски. A son excell. M. le gouverneur Emine. Lovisa, le 14 février 1808.

валъ на необходимость принять немедленно мѣры къ возстановленію порядка, довѣрія и удобства сношеній. Разъ порядокъ возстановленъ, все пойдетъ само собой. Въ частности Спренгтпортенъ предлагалъ:

«1) переустроить безъ отлагательства гражданскую администрацію каждой мѣстности по мѣрѣ движенія войскъ, не дѣлая однако никакихъ измѣненій, что только увеличило бы сумятицу (réorganiser sans délai l'administration civile de chaque endroit à mésure qu'on s'avance, sans y faire pour le moment aucun changement, qui ne ferait qu'augmenter la confusion).

«2) учредить здѣсь (въ Ловизѣ) съ этого времени центръ временнаго управленія и вызвать обычными публикаціями чиновниковъ изъ окрестностей для принятія вашихъ (губернаторскихъ) приказаній, объявивъ отставленными отъ должностей тѣхъ изъ нихъ, которые не будутъ имъ подчиняться; вы ихъ замѣстите по вашему выбору другими; эти публикаціи могутъ быть сдѣланы въ ближайшее воскресенье во всѣхъ приходахъ [1]).

«3) безотлагательно возстановить сообщеніе между городами и деревнями, чтобы облегчить подвозъ съѣстныхъ припасовъ, объявивъ таможни упраздненными, что поощритъ жителей имѣющихъ что̀ для продажи.

«4) примѣнить всѣ дѣйствительныя средства, для того чтобы возстановить довѣріе, которое военныя мѣры неизбѣжно поколебали. Между ними учрежденіе охраны (sauve garde) было бы наиболѣе соотвѣтственно для установленія отношеній между землевладѣльцами и войсками. Болѣе широкія мѣры можно принять тогда, когда достигнуто будетъ нѣчто болѣе прочное, нежели то что у насъ теперь существуетъ.»

Для пособія Эмину въ отношеніи собственно языка, Спренгтпортенъ предлагалъ въ его распоряженіе состоявшаго при немъ подполковника Кнорринга.

Сличивъ представленіе Эмина и разрѣшеніе его оффиціальнаго руководителя, видно, что если первый предлагалъ немного,

---

[1]) Въ Финляндіи до настоящаго времени всѣ гражданскія и полицейскія распоряженія объявляются во всеобщее свѣдѣніе по воскресеньямъ въ церквахъ.

то послѣдній едва ли еще не меньше. Одинъ называлъ именами то, что нужно было въ данную минуту сдѣлать: магистратъ, ленсманы, фохты, комендантъ и пр.; другой ему указывалъ необходимость возстановить порядокъ. довѣріе, т. е. цѣли, которыя очень хорошо зналъ и первый, но вовсе не способы къ ихъ достиженію, которые собственно и надо было точно выразить. Практическія же мѣры, въ родѣ вызова чиновниковъ черезъ публикаціи въ церквахъ имѣли третьестепенный характеръ и понимались сами собой. Снятіе таможенъ не могло быть сдѣлано собственною властію главнокомандующаго и не принадлежало къ мѣрамъ устройства мѣстнаго управленія. Предложеніе же «переустроить» гражданскую администрацію, «не дѣлая однако никакихъ измѣненій»,могло поставить въ тупикъ всякаго исполнителя.

Давъ свой отзывъ губернатору, Спренгтпортенъ нашелъ нужнымъ всю переписку съ нимъ, т. е. его письмо и свой отвѣтъ отправить къ гр. Румянцову.

«Я употребляю свое время, писалъ онъ отъ 16-го числа [1]), какъ могу, чтобы ввести нѣкоторый порядокъ въ дѣла страны, сдѣлавшейся театромъ всѣхъ золъ, неизбѣжныхъ при усиленныхъ маршахъ войскъ въ такое крутое время года. Вы увидите при семъ нѣсколько листовъ того, что обсуждалось между мною и г. Эминымъ, который назначенъ временно губернаторомъ. Все это прекрасно; но никто не думаетъ о томъ, что мы по уши въ снѣгу, что надо жить и отапливаться, что все это не можетъ долго продолжаться безъ того, чтобы страна намъ не помогла. А крестьянинъ испытываетъ на каждомъ шагу препятствія, которыя удаляютъ его отъ насъ. Безъ власти, какъ и безъ значенія между главнокомандующимъ дающимъ приказанія и губернаторомъ ихъ исполняющимъ, обязанный щадить и того и другого, я не могу устранить неурядицу царствующую въ этой области. Восемь дней прошло, а мы все ни въ чемъ не подвинулись. Мои принципы изложены въ отвѣтѣ губернатору—но вотъ и все!... Мнѣ начинаютъ уже писать длинныя письма о предметахъ, для рѣшенія которыхъ достаточно одного слова. Важная

[1]) Изъ Ловизы, № 4. Corr. Sprengtp., листъ 227.

роль ничего незначащаго совѣтника очень утомительна; я укрываюсь подъ защиту вашей дружбы и моего Августѣйшаго Государя, и обѣщаю вамъ, что превозмогу всѣ затрудненія, когда дѣло идетъ о доказательствѣ моего усердія какъ одному, такъ и другому».

Какимъ однако образомъ разрѣшить «въ одномъ словѣ» дѣло напр. объ устройствѣ мѣстнаго управленія? Объ этомъ именно писалъ «длинное» (на полутора страницахъ) письмо губернаторъ Эминъ. Описывая гр. Румянцову бѣдствія людей по уши въ снѣгу и пр., Спренгтпортенъ не давалъ объ этомъ знать въ своихъ бумагахъ, ни Эмину, ни Буксгевдену.

Но, удостовѣряя министра въ своемъ усердіи превозмогающемъ всѣ затрудненія, Спренгпортенъ на другой же день, 17-го февраля, писалъ гр. Буксгевдену совсѣмъ другое [1]).

«... Малое время, которое остается мнѣ здѣсь (въ Ловизѣ) пробыть, побуждаетъ предоставить исполненіе выше изложеннаго губернатору Эмину, имѣющему уже ваши приказанія, тѣмъ болѣе что его дѣятельность и усердіе, также какъ просвѣщенная его опытность въ мѣстныхъ гражданскихъ законахъ, общихъ съ дѣйствующими въ русской Финляндіи, не имѣетъ надобности въ пособіи моихъ совѣтовъ для точнаго исполненія всего того, что поручено его заботамъ.» Въ письмѣ отъ того же числа къ губернатору Эмину онъ излагалъ тѣ же похвалы его опытности и усердію, и прибавлялъ что онъ, Спренгпортенъ, «не имѣвъ никогда занятій по этой части, не могъ бы принести ему большой пользы (tandis que moi ne m'ayant pas occupé de cette partie, je ne pourrais pas vous être de grande utilité)».

Слѣдуетъ замѣтить, что до того времени у Спренгтпортена не было еще личнаго секретаря. Но по прибытіи къ нему Мальте, и когда самъ Спренгтпортенъ переѣхалъ уже въ Гельсингфорсъ, Буксгевденъ съ дороги далѣе на Тавастгусъ, т. е. менѣе чѣмъ чрезъ недѣлю послѣ приведеннаго письма, возобновлялъ Спренгтпортену свою просьбу о руководствѣ въ дѣлѣ организаціи управленія. «При всей обширности познаній губернатора Эмина, писалъ

[1]) Арх. М. Ин. Дѣлъ, Camp. Suèd. Corr. Buxhoevden, ad. № 102.

онъ [1]), я боюсь, что онъ не имѣетъ въ этомъ краѣ достаточныхъ связей, для того чтобы привести дѣла къ успѣшному окончанію мѣрами убѣжденія; съ другой стороны я былъ бы въ отчаяніи если бы нужно было прибѣгнуть къ средствамъ болѣе строгимъ».

Имѣлось въ виду кромѣ того, что предлагалъ Эминъ, еще привести жителей къ присягѣ,—дѣло считавшееся предметомъ первостепенной важности, въ видахъ обезпеченія тыла при движеніи въ глубь страны. Нужно было безотлагательно возстановить сообщенія съ границей, движеніе почтъ, перевозку продовольствія и войскъ подходящихъ изъ Россіи, мѣстный надзоръ, какъ земскій, такъ и судебный, короче: всю администрацію. Установивъ ее въ каждомъ округѣ и во всей Кюменегордской губерніи, Буксгевденъ полагалъ въ дальнѣйшемъ, по мѣрѣ занятія новыхъ мѣстностей, лишь примѣнять эти установленія. Поэтому главнокомандующій убѣждалъ Спренгтпортена возвратиться въ Ловизу и взять на себя руководство дѣйствіями Эмина.

Вѣроятно замѣтивъ изъ предшествовавшей переписки, что Спренгтпортенъ былъ въ нѣкоторой претензіи на то, что Эминъ дѣйствуетъ собственно по приказаніямъ главнокомандующаго, а къ нему, Спренгтпортену, обращается только за указаніями или совѣтами, Буксгевденъ предоставлялъ губернатора въ полное распоряженіе его, Спренгтпортена: «покорнѣйше прошу в. высокопр-во,—писалъ онъ,—взять на себя трудъ всей этой организаціи и вполнѣ располагать г. Эминымъ, съ какою цѣлью, на основаніи данныхъ мнѣ отъ Е. И. В-ва полномочій, я предоставляю ему дѣйствовать какъ по инструкціямъ, такъ и сообразно тому, что вамъ угодно будетъ признать нужнымъ для пользы службы Е. В-ва» [2]).

Со стороны гр. Буксгевдена сдѣланъ былъ такимъ образомъ новый, притомъ серьезный шагъ къ тому, чтобы дать Спренгтпортену именно тѣ способы дѣйствовать, на отсутствіе которыхъ

---

[1]) 23-го февраля, № 25, copie de la lettre du général comte de Buxhoevden au général baron de Sprengporten datée de Hyvingue le 23 fevrier 1808.

[2]) См. Прил. № 57.

онъ жаловался. Но тѣмъ временемъ въ Финляндіи побывалъ графъ Аракчеевъ и привезъ Спренгтпортену пріятныя извѣстія. Тонъ его поэтому значительно поднялся.

«Съ пріѣздомъ г. Военнаго Министра,—писалъ онъ ему,—я получилъ письмо ваше отъ 23-го февраля, содержаніе котораго имѣетъ главною цѣлью убѣдить меня возвратиться въ Ловизу, чтобы тамъ управлять дѣйствіями г. Эмина... Я вижу, в. с-во, съ нѣкоторымъ удивленіемъ, что предметы, приведеніе коихъ въ порядокъ столь существенно было необходимо съ нашихъ первыхъ шаговъ въ этой странѣ, требуютъ теперь переустройства. Я думалъ бы что г. Эминъ, снабженный *вашими* приказаніями и вашими инструкціями, а для формы также и моими совѣтами, въ особенности же принципами, которые я далъ ему въ основаніе въ моемъ письмѣ отъ 14-го числа [1]), привели наконецъ къ тому, что онъ дастъ вамъ удовлетворительный отвѣтъ.

«...Вы мнѣ позволите, графъ, сказать, что въ свое время я не пользовался довѣріемъ, которымъ вамъ угодно почтить меня теперь, и вы рѣшительно оставляли меня внѣ нити вашихъ операцій, тогда какъ часъ дружеской и конфиденціальной бесѣды былъ бы достаточенъ для того, чтобы удостовѣрить васъ въ моей доброй волѣ, усердіи и откровенности. Теперь же я не могу уже взять на себя исполненія *вашихъ* приказаній, часть которыхъ, впрочемъ, и выходитъ изъ круга моихъ инструкцій, выраженныхъ въ высоч. повелѣніи 4-го февраля [2]), по которому обязанность моя, при отправленіи къ командуемой вами арміи, ограничена одними лишь совѣтами.

«Что же касается до исполненія вашихъ предложеній, то в. с-во безъ сомнѣнія позволите мнѣ замѣтить, что полномочія ваши могутъ распространяться только на тѣхъ, кто вамъ подчиненъ. Высказавшись такимъ образомъ съ откровенностью свойственною моему характеру, и не желая нисколько устранить себя отъ содѣйствія всѣмъ сердцемъ во всемъ, чего вы можете

---

[1]) Выдержка приведена предъ симъ, стр. 44..

[2]) 5-го февраля. Спренгтпортенъ писалъ числа очевидно безъ справокъ: рѣчь идетъ все о томъ же высочайшемъ повелѣніи 5-го февраля, которое въ одномъ случаѣ онъ относилъ ко 2-му, а теперь къ 4-му числу.

требовать для пользы службы отъ моихъ слабыхъ знаній,—я льщу себя мыслію, что вы одобрите мое пребываніе здѣсь, или же поѣздку мою къ вамъ, если находите меня нужнымъ для помощи себѣ и для того, чтобы дѣлить труды ваши. Если могу, то постараюсь убѣдить моихъ соотечественниковъ, что всѣ ваши усилія и даже кровь, которую вы обязаны проливать, не стремятся ни къ чему другому, какъ лишь къ упроченію ихъ безопасности и счастія...» [1]).

Письмо это не требуетъ коментарій: Спренгтпортенъ очевидно знать не хотѣлъ распоряженій главнокомандующаго и къ нѣкоторой уступчивости имъ оказанной въ видахъ пользы дѣла, отнесся съ надменною ироніей. Но фактъ, имъ самимъ засвидѣтельствованный въ этомъ письмѣ, состоитъ въ томъ, что Спренгтпортенъ не принялъ никакого участія въ устройствѣ гражданскаго управленія въ краѣ, которое однако по волѣ Государя возлагалось на него. Между тѣмъ казалось ему тѣмъ болѣе слѣдовало принять на себя этотъ трудъ, что онъ домогался, и не безуспѣшно, званія генералъ-губернатора Финляндіи [2]), въ которомъ ему предстояло на себѣ испытать всѣ затрудненія, въ случаѣ если бы принимавшіяся теперь мѣры были неудачно задуманы или выполнены.

Гр. Буксгевденъ съ своей стороны не замедлилъ отвѣтить б. Спренгтпортену длиннымъ письмомъ отъ 26-го февраля [3]); въ подробное разсмотрѣніе его входить нѣтъ надобности, такъ какъ оно имѣло цѣлію доказать недѣятельность Спренгтпортена сопоставленіемъ отдѣльныхъ данныхъ, о которыхъ было уже упомянуто. Онъ особенно останавливался на невозможности вести переписку для испрошенія его совѣтовъ по предполагаемымъ операціямъ; онъ отвергалъ возможность совѣщаній даже съ окружающими лицами, ибо въ нѣкоторыхъ случаяхъ, притомъ очень не

[1]) См. Прилож. № 48, письмо Спренгтпортена графу Буксгевдену 23-го февраля 1808.

[2]) Объ этомъ будетъ сказано особо.

[3]) Ad № 233, Corr. Sprengtporten, въ Арх. М. Ин. Д., Copie de la réponse du général comte de Buxhoevden datée de Tavasthus du 26 février 1808.

рѣдко, приходится не только скрывать свои намѣренія отъ начальниковъ частей, но и дѣлать видъ предположеній совершенно противоположныхъ, до самаго момента ихъ исполненія. Указавъ затѣмъ, что если бы ему пришлось совѣщаться съ Спренгтпортеномъ о всѣхъ дѣйствіяхъ, то едва-ли бы войска были много далѣе Ловизы, между тѣмъ какъ теперь они скоро достигнутъ Ботническаго залива, гр. Буксгевденъ заключилъ свое письмо предоставленіемъ полному усмотрѣнію барона избрать себѣ мѣсто, гдѣ его усердіе къ службѣ можетъ быть полезно, такъ какъ приглашеніемъ его слѣдовать съ собою онъ опасается подвергнуть здоровье его случайностямъ суроваго времени года.

Вразумленіе это вызвало контръ-отвѣтъ Спренгтпортена [1]. Укоряя главнокомандующаго въ томъ, что онъ не предоставилъ губернатора Эмина въ его распоряженіе тогда, когда онъ, Спренгтпортенъ, оставался семь дней въ Ловизѣ, и указывая, что «мы не танцуемъ еще на розахъ, и легко до сихъ поръ одержанныя побѣды не должны ослѣплять»—баронъ окончилъ слѣдующимъ недвусмысленнымъ намекомъ:

«Однимъ словомъ, графъ, дѣйствуя въ отношеніи ко мнѣ съ откровенностію, вы лучше бы выполнили намѣренія нашего Августѣйшаго Государя въ отношеніи лица, почтеннаго Его собственнымъ довѣріемъ, и которое, какъ вамъ хорошо извѣстно, не безъ вліянія на все то, что произошло, и на то, что еще намъ предстоитъ совершить.»

Въ тотъ же день, 28-го февраля, Спренгтпортенъ послалъ гр. Румянцову копію съ своего, какъ онъ называлъ, дипломатическаго ультиматума. — «Надо опредѣлить между генераломъ и мной демаркаціонную линію нашихъ относительныхъ правъ, если хотятъ чтобы я былъ здѣсь на что нибудь полезенъ [2].»

Письмо заключалось новымъ порицаніемъ дѣйствій Буксгевдена и указаніемъ на необходимость спѣшить взять Свеаборгъ

---

[1]) Ibid.—Copie. A s. exc. M. le c-te de Buxhoevden en réponse à sa lettre du 26 févr. 1808. Helsingfors, ce 28 février, № 20.

[2]) Corr. Sprengtporten, Camp. Suèd., изъ Гельсингфорса, № 21, листъ 233.

приступомъ. Этимъ впрочемъ не кончилась переписка двухъ генераловъ, командующаго и quasi подчиненнаго, разжигавшая все болѣе и болѣе ихъ взаимное нерасположеніе. Къ ней предстоитъ еще возвратиться.

Между тѣмъ распоряженія собственно по гражданскому управленію ограничивались отрывочными законоположеніями по мѣрѣ того, какъ войска наши уходили все далѣе и далѣе въ глубь непріятельской страны, и возникали въ томъ или другомъ случаѣ затрудненія. Одно изъ первыхъ представленій гр. Буксгевдена (20-го февраля) имѣло предметомъ отмѣну установленной для русской Финляндіи прогонной платы по 2 коп. съ лошади и версты, которую предстояло распространить и на занятыя мѣстности шведской Финляндіи. Размѣръ этотъ оказывался ниже того, что уплачивалось при шведскомъ правительствѣ, а въ виду обѣщаннаго прокламаціей полнаго покровительства жителямъ и охраненія ихъ выгодъ испрашивалось, и высочайше разрѣшено, взимать за проѣздъ согласно прежде бывшимъ правиламъ, съ переводомъ стоимости на русскія деньги.

Признано нужнымъ снять таможенныя заставы на рѣкѣ Кюмени, для облегченія сношенія обѣихъ частей Финляндіи. Затѣмъ торговля въ тылу нашихъ войскъ съ русскими губерніями дѣлалась свободною. Это предположеніе разрѣшилось именнымъ указомъ, объявленнымъ министромъ коммерціи 12-го апрѣля 1808 г., коимъ повелѣно:

1) Товары изъ присоединенной шведской Финляндіи, идущіе въ Россію и изъ Россіи въ присоединенный край, отпускать безъ пошлинъ, на томъ же основаніи, какъ отпускается товаръ изъ одного россійскаго порта въ другой россійскій портъ.

2) Буде же случится, въ привозахъ найдутся товары, по дѣйствующему нынѣ тарифу запрещенные, то о таковыхъ рапортовать министру коммерціи для донесенія Е. И. В-ву, и

3) Таможенную стражу, вдоль всей границы съ шведской Финляндіей бывшую, снять, чиновникамъ впредь до новаго ея устройства производить получаемое ими жалованье [1]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак. Р. И., томъ XXX.

Указомъ на имя Сената 27-го апрѣля установлена свободная торговля и съ Готландомъ, прекращенная другимъ указомъ, отъ 1-го іюня, по случаю отнятія этого острова Шведами.

Для подвоза продовольствія къ войскамъ устроены подвижные магазины въ числѣ 500 подводъ отъ крестьянъ и ямщиковъ новгородской и тверской губерній, на основаніяхъ подробно изложенныхъ въ указахъ на имя министра внутр. дѣлъ 16-го и 22-го февраля [1]).

Позднѣе сдѣлано было распоряженіе о продовольствіи Финляндіи солью, а также о закупкѣ на счетъ казны хлѣба, для устраненія барышниковъ [2]).

Но мѣры эти и имъ подобныя не имѣли столь близкаго отношенія къ ежедневнымъ потребностямъ, къ будничной такъ сказать жизни обывателей занятаго края, какъ устройство мѣстнаго управленія. Въ принципѣ, собственно говоря, все оставлялось въ прежнемъ порядкѣ. Но принципъ и повелѣніе—одно, а исполненіе его—другое дѣло. Выше уже было изложено какъ отнесся бар. Спренгтпортенъ къ требованіямъ гр. Буксгевдена о содѣйствіи. Онъ написалъ губернатору Эмину нѣсколько общихъ фразъ и затѣмъ уѣхалъ изъ Ловизы и, не смотря на просьбу Буксгевдена, туда не возвратился. Между тѣмъ чиновники, начиная съ губернаторовъ, по отступленіи шведскихъ войскъ, уходили вмѣстѣ съ ними, или удалялись въ свои деревни. Другіе хотя и оставались на мѣстѣ, но русское правительство естественно не могло оказывать имъ необходимаго довѣрія, не имѣя доказательствъ ихъ благонадежности съ его точки зрѣнія. Къ этому предмету обратился Буксгевденъ изъ Тавастгуса, гдѣ онъ могъ легко удостовѣриться, что губернаторъ Эминъ, оставшійся въ Ловизѣ или даже въ Гельсингфорсѣ, не поспѣвалъ распоряжаться въ нѣсколькихъ губерніяхъ, уже занятыхъ русскими войсками. Съ теченіемъ времени, правда, шведскіе губернаторы возвратились къ своимъ

[1]) Полн. Собр. Зак. Р. И., томъ XXX, ст. 22.828 и 22.835.

[2]) Тамъ же, 23-го іюля, 23.106, и отношенія гр. Румянцова 16-го августа и гр. Буксгевдена 28-го числа, а также 1-го ноября. (Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèd., листы 66, 179, 188).

должностямъ, но вопросъ о довѣріи къ нимъ остался въ прежнемъ положеніи.

Въ такихъ обстоятельствахъ гр. Буксгевденъ находилъ нужнымъ назначить русскихъ чиновниковъ въ качествѣ помощниковъ, или по примѣру русскихъ губерній вице-губернаторовъ, изъ лицъ образованныхъ, знающихъ по крайней мѣрѣ русскій, французскій и нѣмецкій языки, а также русскіе правительственные порядки Бывъ прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ, гр. Буксгевденъ предлагалъ для такого назначенія выбрать чиновниковъ изъ числа членовъ палатъ остзейскаго края. Императоръ Александръ съ своей стороны пожелалъ имѣть списокъ лицъ, изъ числа служащихъ въ русской Финляндіи, для замѣщенія губернаторскихъ вакансій. Лица эти должны были отличаться приверженностью къ Россіи. Въ случаѣ же надобности въ назначеніи на эти должности русскихъ чиновниковъ, Александръ Павловичъ вполнѣ соглашался съ Буксгевденомъ въ томъ, что служащіе въ присутственныхъ мѣстахъ остзейскихъ губерній, «могутъ способнѣе другихъ быть къ такому назначенію». О болѣе достойныхъ изъ нихъ и способныхъ кандидатахъ также требовался списокъ [1]).

Губернаторами, или по прежнему названію «ландсгевдингами», остались, однако, въ большинствѣ бывшіе при шведскомъ правительствѣ: гейнольскимъ—баронъ Лоде, абоскимъ—баронъ Троиль, тавастгусскимъ—Мункъ, куопіоскимъ—Карпеланъ. По вазаской губерніи произошли въ этомъ отношеніи затрудненія, которыя были устранены лишь къ концу года. Приботническая мѣстность, какъ извѣстно, въ началѣ апрѣля была занята войсками Тучкова, и тамъ установилось русское управленіе. Но когда затѣмъ послѣ дѣла при Револаксѣ началось отступленіе, и Шведы вернулись въ вазаскую губернію, то большая часть чиновниковъ, присягнувшихъ на русское подданство, а въ ихъ числѣ и ландсгевдингъ Вальбергъ, были отрѣшены отъ должностей и увезены въ

---

[1]) Отношеніе гр. Буксгевдена къ гр. Румянцову отъ 27-го февраля 1808 г., № 30, а также и отвѣтное отношеніе послѣдняго о Высоч. соизв. 6-го марта (Слич. № 103, 114 и 23. Camp. Suèd. Buxhoevden, 1808. Арх. М. Ин. Д.).

Швецію. Затѣмъ другіе чиновники были опредѣлены на ихъ мѣста. Но послѣдовало новое отступленіе шведскихъ войскъ, и чиновники отчасти сами ушли за ними, отчасти же по преданности шведскому правительству, за которую именно они и получили свои назначенія,—не могли разсчитывать на довѣріе русской власти. Положеніе администраціи было тѣмъ еще болѣе затруднительно, что Шведы не стѣснялись застращивать жителей своими прокламаціями, а недавнія событія поддерживали недовѣріе къ прочности русскаго владѣнія. Только въ ноябрѣ могъ Буксгевденъ найти лицо, которое изъявило готовность взять на себя губернаторскія обязанности въ сѣверо-западной Финляндіи: то былъ отставной изъ шведской службы подполковникъ бар. Карналь, одинъ, по отзыву Буксгевдена, изъ богатѣйшихъ тогда помѣщиковъ Финляндіи [1]).

Почему Буксгевденъ не примѣнилъ въ этомъ случаѣ одобренной и имъ же предложенной въ началѣ года мѣры и не назначилъ кого-нибудь изъ остзейскихъ чиновниковъ — того изъ документовъ не видно. Назначеніе вице-губернаторовъ также ограничилось одними только предположеніями.

Административныя распоряженія занимали однако второй планъ. На первомъ стояли заботы политическія, и прежде всего расположеніе умовъ въ пользу русскаго владычества. О дѣйствительномъ настроеніи населенія оффиціальный спеціалистъ по этой части, Спренгтпортенъ, какъ выше было видно, давалъ противорѣчивыя показанія: 10-го февраля онъ поздравлялъ Государя съ отличнымъ въ этомъ отношеніи успѣхомъ; 11-го писалъ Румянцову, что довѣріе замѣтно уменьшается и что онъ въ отчаяніи. Но 28-го онъ опять уже «имѣлъ удовольствіе повторять, что умы вездѣ располагаются въ нашу пользу (J'ai la satisfaction de vous répéter que les esprits se disposent partout à nous appartenir). Дворяне и помѣщики колеблются еще нѣсколько между долгомъ и

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ гр. Буксгевдена отъ 1-го ноября 1808 г. изъ Гамле-Карлебю и отношеніе того же числа къ гр. Румянцову.

личнымъ ихъ интересомъ; боязнь вновь быть возвращенными Швеціи сковываетъ ихъ мужество громко высказаться; я ихъ въ этомъ разувѣряю и надѣюсь не ошибиться».

Первый пріемъ «воздѣйствія» заключался, какъ мы видѣли, въ изданіи отъ лица главнокомандующаго прокламаціи, предшествовавшей и сопутствовавшей движенію русскихъ войскъ. Она подверглась однако порицанію. Самое дѣйствіе ея на населеніе не было достаточно сильно: люди покидали жилища и бѣжали. Еще отъ 15-го февраля, изъ Борго, Буксгевденъ извѣщалъ что шведское начальство распространяетъ про русскихъ слухи, будто они грабятъ жителей, разоряютъ имущество и причиняютъ другія стѣсненія и безпорядки. Населеніе призывалось къ вооруженному сопротивленію. Это вызвало со стороны русскаго главнокомандующаго изданіе новой прокламаціи, въ которой къ убѣжденіямъ присоединялись уже и угрозы. Вотъ ея переводъ съ французскаго текста [1]).

«Убѣжденный несомнѣнными доказательствами, что шведское правительство принимаетъ всевозможныя мѣры для того, чтобы побудить жителей взяться за оружіе безъ всякой для нихъ пользы и только на ихъ погибель,—симъ объявляю, что всякій крестьянинъ, осмѣлившійся напасть на русскія войска съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ немедленно высланъ во внутреннія губерніи Россіи; равнымъ образомъ и односельцы виновныхъ, которые не приложатъ старанія къ отклоненію ихъ отъ сего, будутъ лишены покровительства Е. И. В-ва, обѣщаннаго людямъ спокойно живущимъ, и съ ними поступлено будетъ по всей строгости законовъ, безъ различія пола и возраста.

«Многіе крестьяне, не зная насколько строга дисциплина въ императорскихъ войскахъ, оставили ихъ жилища и удалились въ дальнія деревни и даже въ лѣса, гдѣ и подвергаются голоду и холоду и всѣмъ послѣдствіямъ ихъ необдуманнаго поступка. Пусть они возвратятся къ своему очагу для мирныхъ сельскихъ занятій, и пусть будутъ увѣрены, что они сами и ихъ

---

[1]) Этотъ послѣдній въ перепискѣ Буксгевдена, въ Арх. М. Ин. Дѣлъ, з. 241.

имущества будутъ пользоваться тамъ полнѣйшею безопасностью. Тѣ, кто не послушаетъ этого приглашенія, должны будутъ винить себя самихъ, если въ отсутствіи ихъ произойдутъ въ покинутыхъ деревняхъ безпорядки.

«Повторяю еще разъ, что продовольствіе и фуражъ будутъ въ точности оплачиваемы и что если бы паче чаянія возникли хоть малѣйшія основательныя жалобы, онѣ будутъ удовлетворены во всей полнотѣ.»

Но, не ограничиваясь для устрашенія народа распусканіемъ злостныхъ слуховъ, шведское начальство внушало еще жителямъ насколько для нихъ будетъ тягостно находиться подъ русскимъ правительствомъ; выставлялось на видъ множество налоговъ и въ особенности наборъ рекрутъ и отсылка ихъ далеко отъ родины [1]). Шведы играли на одной изъ самыхъ чувствительныхъ струнъ. Страхъ предъ рекрутчиной, вмѣстѣ съ боязнью крѣпостнаго права, вліяли самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу Шведовъ и противъ Русскихъ. Чтобы противодѣйствовать этимъ внушеніямъ Буксгевденъ просилъ разрѣшенія Государя опубликовать, что наборъ рекрутъ отлагается въ бывшей шведской Финляндіи на нѣсколько лѣтъ по примѣру того, какъ сдѣлано было по пріобрѣтеніи русской Финляндіи, а также что населеніе освобождается отъ наложеннаго на него шведскимъ правительствомъ сбора на уплату государственныхъ долговъ (Richsshuld); сборъ этотъ продолжался уже многіе годы.

Предположенія эти одобрены въ Петербургѣ, и Государь поручилъ Румянцову сообщить объ этомъ не только Буксгевдену, но и Спренгтпортену, съ тѣмъ чтобы по ихъ общему соглашенію была составлена и издана прокламація, которою были бы объявлены финскому народу обѣ эти милости [2]). По этому поводу

---

[1]) Письмо Буксгевд. гр. Румянцову 15 февр. Арх. М. Ин. Дѣлъ. Corr. Buxhoevd.

[2]) Изъ письма гр. Румянцова барону Спренгпортену 19-го февраля 1808. Арх. М. Ин. Дѣлъ. Corr. Sprengtporten, л. 209. —Le général comte de Bouxhoevden m'ayant fait une observation fort judicieuse sur l'utilité qu'il y aurait à assurer aux Finnois qu'ils seront exempts de fournir des recrues à l'exemple de ce qui s'est pratiqué dans la partie

гр. Буксгевденъ обратился [1]) къ Спренгтпортену, прося его «сообщить свое мнѣніе по этому предмету, и если оно не совершенно противоположно его собственному, то приказать возможно скорѣе приготовить прокламацію отъ имени Е. И. В-ва, опредѣливъ въ ней и число лѣтъ, на которое отлагается рекрутскій наборъ, а затѣмъ безотлагательно прислать ее для распубликованія вездѣ, куда только можно имѣть доступъ, чтобы примирить умы населенія».

Спренгтпортенъ, который былъ въ это время въ Гельсингфорсѣ, отвѣтилъ ему: «Если вы, графъ, желаете знать мои мысли по самому существу предмета, то я не могу не сходиться съ вашимъ сіятельствомъ въ мнѣніи относительно этой мѣры, столь благоразумной и способной пріобрѣсти привязанность къ намъ жителей; впрочемъ, бывъ уже предложена и утверждена Его Величествомъ, она не терпитъ отлагательства въ исполненіи. Но если то, что вы требуете отъ меня касается только формы, въ которой прокламація должна быть изложена, то я думаю что документъ этотъ съ большею точностію можетъ быть изготовленъ въ вашей канцеляріи, гдѣ есть больше лицъ знающихъ шведскій языкъ, нежели въ моей, состоящей единственно изъ ст. сов. Мальте, съ этимъ языкомъ незнакомаго. Въ такомъ случаѣ вы можете быть болѣе увѣрены въ изложеніи ея вполнѣ согласно съ вашими собственными намѣреніями (какъ въ отношеніи формы, такъ и числа лѣтъ для льготы отъ рекрутства). Въ дѣлѣ такой существенной важно-

---

de la Finlande depuis longtems soumise à la Russie, et le même général désirant aussi que les Finnois qui maintenant vont devenir sujets de l'Empereur fussent dispensés de payer l'impôt qu'ils payaient à la Suède, pour contribuer à éteindre la dette du Royaume, l'Empereur a approuvé l'une et l'autre mesure, et m'a chargé de vous écrire, mon général, que vous veuilliés bien vous corcerter sur ce sujet avec le c-te de Bouxhoevden auquel j'en ai écrit, et lorsque vous serés convenu du mode de la proclamation par laquelle on annoncera les deux grâces de l'Empereur au peuple finnois, et que vous l'aurez rédigée d'un commun accord, vous pouvez la faire publier. Recevés, m. gl., etc.

[1]) 24 февраля изъ Хювинге, № 26. Дѣла Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Corr. Sprengtporten, ad № 233.

ности для пользы службы мои взгляды сойдутся съ вашими, въ чемъ и имѣю честь васъ впередъ удостовѣрить [1])».

Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ Спренгтпортенъ отказался отъ дѣятельнаго участія въ сферѣ ему принадлежавшей, не смотря на прямо выраженную волю Государя. Онъ впередъ подписывался подъ тѣмъ, что сдѣлаетъ главнокомандующій, дѣйствія котораго впрочемъ постоянно критиковалъ. Онъ не замедлилъ это сдѣлать и въ настоящемъ случаѣ, написавъ одновременно въ Петербургъ гр. Румянцову отвѣтъ на его письмо, но уже иначе нежели писалъ Буксгевдену. Выразивъ удовольствіе по поводу утвержденія Государемъ такихъ справедливыхъ мѣръ, Спренгтпортенъ продолжалъ:

«Я уже собственною властью пользовался этими столь могущественными средствами для успокоенія умовъ и расположенія ихъ въ нашу пользу: вездѣ, гдѣ проѣзжалъ, я распространялъ ихъ въ моихъ рѣчахъ. Теперь, когда гр. Буксгевденъ уполномоченъ опубликовать ихъ,—это будетъ скоро исполнено. Г. Ладо напишетъ прокламацію, а губернаторъ Эминъ распространитъ ее въ общее свѣдѣніе обычнымъ порядкомъ. Не знаю, сообщитъ ли мнѣ графъ о своихъ мѣрахъ на этотъ счетъ» [2]).

Графу Буксгевдену Спренгтпортенъ умолчалъ слѣдовательно о томъ, что онъ уже прежде вездѣ обѣщалъ мѣры милости, которыхъ безъ Государя никто не имѣлъ права оглашать и распространять, хотя бы и «въ рѣчахъ». Вѣроятно въ этомъ умолчаніи былъ тотъ умыселъ, что Буксгевденъ, находясь на мѣстѣ, могъ уличить оратора въ неточности, тѣмъ болѣе что мысль объ этихъ льготахъ принадлежала Буксгевдену, или по крайней мѣрѣ имъ первымъ была выражена. Графу же Румянцову Спрегтпортенъ умолчалъ о томъ, что все составленіе прокламаціи, не исключая даже и срока льготы отъ рекрутчины, онъ передалъ на полную волю Буксгевдена, очевидно не умѣя справиться съ

[1]) Тамъ же, № 19, copie à S. Exc. M. le comte de Buxhoevden, à Helsingfors, ce 27 février 1808 (не 24-го ли? 24-го же онъ писалъ и гр. Румянцову).

[2]) См. Приложеніе № 47 bis.

дѣломъ, въ которомъ могъ къ тому же нести отвѣтственность, и пожалуй не угодить какъ-нибудь соотечественникамъ.

Черезъ нѣсколько дней, однако, именно 28-го февраля, бар. Спренгтпортенъ измѣнилъ свой взглядъ на пользу объявленія о царской милости въ дѣлѣ рекрутства, забывъ что онъ, если была правда въ его словахъ гр. Румянцову, уже распространялъ словесно гдѣ могъ извѣстія объ этой льготѣ. Онъ нашелъ нужнымъ послать министру приведенное письмо гр. Буксгевдена объ изданіи новой прокламаціи, не приложивъ однако своего отвѣта. «Что относится до рекрутства,—писалъ онъ,—то мѣра эта касается одной изъ самыхъ старинныхъ привиллегій. Я думаю, что не слѣдовало бы касаться ея теперь, но отложить, какъ новое проявленіе милости, до времени собранія депутатовъ въ Або, и предоставить ихъ обсужденію. Я сдѣлаю мои замѣчанія словесно гр. Буксгевдену, котораго ждемъ сегодня обратно изъ Тавастгуса» [1]).

Вѣроятно это объясненіе не состоялось. 28-го главнокомандующій не возвратился еще въ Гельсингфорсъ, а 1-го марта изъ Тавастгуса онъ жаловался гр. Румянцову на медленность Спренгтпортена въ изготовленіи «деклараціи» и слагалъ съ себя всякую отвѣтственность: «отъ малѣйшаго промедленія не только въ воинскихъ операціяхъ, но и вообще во всѣхъ по сему краю предпріятіяхъ, произойти могутъ неизмѣримыя для предбудущаго времени послѣдствія» [2]).

Въ этомъ же письмѣ, очевидно стѣсняясь самъ назначить срокъ столь важной льготы, какъ рекрутская, и не видя помощи со стороны Спренгтпортена, онъ указывалъ гр. Румянцову что

---

[1]) J'ai l'honneur aussi de vous communiquer la lettre du comte au sujet de la Proclamation à rédiger sur la remission des contributions et de recrues. Quant à ce dernier article, comme il tient à une mésure qui touche à un des privillèges les plus anciens du pays, je pense qu'on (ne) devrait pas y toucher pour le présent, mais de le laisser comme une faveur nouvelle à la délibération des députés qui se rassembleront à Abo. Je ferai verbalement cette observation à M. de Bouxhoevden que nous attendons aujourd'hui de retour de Tavasthus.—№ 21, л. 233.

[2]) Письмо № 31, 1-го марта, Тавастгусъ, л. 105, писано по-русски.

прибалтійскія губерніи были освобождены отъ набора на 100 лѣтъ. Въ отношеніи Финляндіи онъ полагалъ испросить льготу хоть на половину.

Оба эти мнѣнія: Спренгтпортена—о томъ, что льгота касается одной изъ существеннѣйшихъ прерогативъ, и Буксгевдена о 50-тилѣтнемъ ея срокѣ, встрѣтясь въ Петербургѣ произвели перемѣну взгляда. Хотя желаніе перваго отложить объявленіе новой милости до абоскаго съѣзда депутатовъ не было исполнено, и распубликованіе ея должно было состояться безотлагательно, но самая эта милость приняла совершенно иной противъ прежняго видъ.

«На счетъ отсрочки на нѣсколько лѣтъ рекрутскаго набора, — писалъ гр. Румянцовъ Буксгевдену 6-го марта,—то Его Величество уполномочилъ объявить, что въ томъ краѣ совсѣмъ не будетъ введено рекрутскаго набора, какой существуетъ въ Россіи, но что по учиненіи сими новыми подданными присяги въ вѣрности, существованіе тамъ войска останется на томъ же самомъ основаніи, и безо всякой перемѣны, какъ то было до нынѣ, при Шведскомъ Правительствѣ» [1]).

Едва-ли однако не ошиблись въ Петербургѣ давая такое измѣненіе первоначальной льготы. Сохраненіе прежняго порядка воинской повинности, объявленное теперь, было далеко отъ цѣли которой хотѣли достигнуть законодатели. Повинность эта подъ шведскимъ владычествомъ была тяжелымъ ярмомъ: не забудемъ что еще недавно Густавъ объявлялъ требованіе доставить отъ каждаго геймата по солдату. При всей вѣрности ему корельцевъ они однако возстали противъ такой разорительной повинности.

---

[1]) Послѣднія слова «при Шведскомъ Правительствѣ» приписаны Императоромъ Александромъ собственноручно на проектѣ отвѣта гр. Румянцова гр. Буксгевдену съ объявленіемъ высочайшей воли. Замѣтимъ кстати, что вообще при объявленіи повелѣній Государя графъ Румянцовъ излагалъ ихъ въ проектахъ своихъ писемъ къ тѣмъ, кого они касались, и подносилъ эти проекты на усмотрѣніе Александра Павловича. Онъ дѣлалъ измѣненія и вставки или же надписывалъ «Быть по сему». Такъ поступали впрочемъ еще при Императрицѣ Екатеринѣ. Арх. М. Ин. Д., Camp. Suèd., Buxhoevden, л. 23.

При естественномъ недовѣріи только-что завоеваннаго и всегда враждебнаго народа, этому послѣднему могли представиться въ будущемъ одни только ужасы, и вмѣсто укрѣпленія пріязни и довѣрія должно было явиться лишь усиленіе противодѣйствія, подогрѣтаго къ тому же зажигательными прокламаціями шведскаго короля. Народное возстаніе и жестокости, происшедшія при отступленіи русскихъ войскъ въ маѣ и іюнѣ, вполнѣ доказали это. Впрочемъ опубликованіе новой мѣры не состоялось тотчасъ же по полученіи о ней въ арміи повелѣнія. Съ нею связывался вопросъ о приведеніи жителей къ присягѣ, и дѣло, какъ сейчасъ увидимъ, затянулось.

II.

О присягѣ Финляндцевъ.—Временное удаленіе Спренгтпортена.

Какъ только русскія войска заняли 10-го февраля первый отъ границы городъ шведской Финляндіи Ловизу, гр Буксгевденъ немедленно обратился къ гр. Румянцову съ соображеніями о необходимости привести жителей занимаемыхъ мѣстностей къ присягѣ на вѣрное подданство [1]). Къ этому побуждала между прочимъ и та дружественная встрѣча нашихъ войскъ со стороны населенія, которая дала Спренгтпортену поводъ особо донести Государю о прекрасномъ настроеніи населенія.

При общемъ мнѣніи составленномъ тогда на основаніи словъ шведскихъ выходцевъ о томъ, что Финляндцы только ждутъ минуты, когда они могли бы отступиться отъ Швеціи и вступить

[1]) Гр. Буксгевденъ гр. Румянцову, 10-го февраля, изъ Ловизы, Corresp. Buxhoevden, л. 84.—«Ne serait-il pas convenable que je fasse prêter aux habitants de chaque paroisse qui aura été occupée par les troupes que S. M. I. a daigné confier à mon commandement en chef, avant de la quitter pour avancer plus loin, soit un serment de fidélité à S. M. l'Empereur, notre très Auguste Maitre, en les envisageant dès ce moment comme Ses véritables sujets, soit aussi un serment simplement obligatoire de ne pas commettre aucun désordre et aucune espèce d'hostilité contre les nôtres, tandis que nos armées se porteront plus en avant».

подъ покровительство Россіи, актъ присяги считался дѣломъ вполнѣ естественнымъ и легкимъ. Кромѣ того изъ письма гр. Буксгевдена можно заключить, что онъ, подаваясь съ войсками быстро впередъ, желалъ этою мѣрою вѣрнѣе обезпечить свой тылъ. Онъ предлагалъ или обычную присягу на вѣрноподданство, глядя на жителей Финляндіи какъ на новыхъ подданныхъ Государя, или простое клятвенное обѣщаніе не предпринимать ничего враждебнаго противъ русскихъ войскъ при ихъ поступательномъ движеніи [1]). Гр. Румянцовъ, какъ всегда, поспѣшилъ письмо это представить Государю, а затѣмъ отъ 12-го февраля съ нарочнымъ курьеромъ, сыномъ главнокомандующаго, камеръ-юнкеромъ гр. Буксгевденомъ, извѣстилъ отца его, что Александръ Павловичъ одобрилъ эти предположенія.

«Его Величество раздѣляетъ мнѣніе, что для обезпеченія дальнѣйшихъ дѣйствій, присяга со стороны жителей въ занимаемыхъ провинціяхъ не только полезна, но и необходима, и полагаетъ, что всего лучше употребить при семъ случаѣ обыкновенную присягу на вѣрноподданство, а для того и предоставляетъ вашему сіятельству истребовать изъ нашей Финляндіи печатные экземпляры, по которымъ тамъ дѣлается присяга, и оные употребить и въ тѣхъ провинціяхъ въ которыя войска наши вступать станутъ [2])».

Самое приведеніе къ присягѣ поручено главнокомандующимъ финляндскому гражданскому губернатору Эмину, который съ этою цѣлью и отправился въ Ловизу. Одновременно былъ извѣщенъ о томъ Буксгевденомъ и Спренгтпортенъ, который и изъявилъ намѣреніе заняться этимъ дѣломъ вмѣстѣ съ Эминымъ [3]). Между

---

[1]) Je m'adresse aujourd'hui à V. Exc. pour un objet qui pourrait être nécessaire afin de s'assurer de la conduite tranquille des habitans des provinces et paroisses en Finlande Suédoise, qui après avoir été occupées par nos troupes, resterons derrière nous, à mésure que nos armées avanceront. То же письмо къ гр. Румянцову.

[2]) Corr. Buxhoevden, Expédition. Утвержденный Императоромъ Александромъ 12-го февраля («Быть по сему») проектъ письма отъ гр. Румянцова къ гр. Буксгевдену.

[3]) Письмо къ гр. Румянцову изъ Ловизы отъ 16-го февр.

тѣмъ явились обстоятельства, которыя замедлили ходъ этого существеннаго дѣла; ихъ нелишне будетъ привести здѣсь съ нѣкоторою подробностію.

Въ упомянутомъ уже письмѣ Спренгтпортена Государю (отъ 10-го февр. изъ Ловизы) онъ свидѣтельствовалъ о всеобщей радости населенія по случаю вступленія русскихъ войскъ и о томъ, что большая часть виднѣйшаго дворянства собралась для засвидѣтельствованія покорности въ качествѣ новыхъ подданныхъ. Тамъ же онъ писалъ, съ цѣлію обратить особое вниманіе Императора Александра, о совершенно исключительномъ проявленіи этихъ вѣрноподданническихъ чувствъ со стороны главнѣйшихъ представителей дворянства. Между дворянами наиболѣе выдается баронъ де-Гееръ, бывшій губернаторъ этой провинціи—свидѣтельствовалъ Спренгтпортенъ,—богатѣйшій изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, пользующійся наибольшимъ довѣріемъ. Изъ этого-то барона де-Геера Спренгтпортенъ полагалъ извлечь весьма большую пользу для послѣдующихъ мѣръ, въ чемъ онъ и обнадеживалъ Государя.

Въ письмѣ отъ того же числа на имя гр. Румянцова, Спренгтпортенъ говорилъ объ этомъ лицѣ нѣсколько обстоятельнѣе:

«Я остаюсь здѣсь (въ Ловизѣ) нѣсколько дней, для того чтобы извлечь возможно большую пользу изъ добраго расположенія большей части значительнаго дворянства, собравшагося здѣсь съ цѣлью принести присягу въ вѣрности Его Императорскому Величеству. Это предложеніе только-что сдѣлалъ мнѣ его прев. баронъ де-Гееръ (бывшій здѣшній губернаторъ, теперь въ отставкѣ) въ присутствіи двухъ депутатовъ отъ дворянства, чтобы имѣть—по его словамъ—возможность служить ихъ новому властелину, когда будутъ разорваны узы соединяющія ихъ со Швеціей;—думаю, что гр. Буксгевденъ не замедлитъ въ этомъ отношеніи своими распоряженіями [1])».

[1]) Арх. М. Ин. Д. 1808, № 225. 10-го февраля. Je me fixe ici pour quelques jours, afin de tirer partie du bon esprit de la plupart des nobles les plus marquants, qui s'y trouvent dans l'intention de porter serment de fidélité à S. M. I-le. Cette proposition vient de m'être faite en ce moment même par son Exc. le Baron de Geer (ci devant Gouver-

Главнокомандующій, какъ мы видѣли, писалъ въ Петербургъ о приведеніи жителей къ присягѣ; однако не говорилъ ничего въ частности о баронѣ Геерѣ. Но гр. Румянцовъ, давая съ своей стороны вѣсъ указанію на него Спренгтпортена, при разрѣшеніи общаго вопроса о присягѣ, поспѣшилъ съ соизволенія Государя обратить на это особое вниманіе гр. Буксгевдена: «Вашему сіятельству, надѣюсь я, уже не безъизвѣстно,—писалъ онъ [1],—что баронъ Гееръ, наибогатѣйшій изъ помѣщиковъ шведской Финляндіи, явился къ барону Спренгтпортену съ двумя депутатами тамошняго дворянства, и изъявили желаніе присягнуть на вѣрноподданство Его Императорскому Величеству. Такимъ расположеніемъ людей, сильное вліяніе въ Финляндіи имѣющихъ, должно сколь можно воспользоваться, а потому Его Величество и соизволяетъ, чтобы принявъ присягу отъ барона Геера и отъ помянутыхъ двухъ депутатовъ дворянства, ихъ же содѣйствіе употребить, чтобы склонить къ присягѣ и самихъ жителей».

Все это было еще въ будущемъ; содѣйствіе барона Геера и товарищей его еще только ожидалось. Но Александръ Павловичъ спѣшилъ уже благодарить и наградить этихъ лицъ, думая безъ сомнѣнія усилить тѣмъ поводы ихъ расположенія.

«Государь Императоръ, — продолжалъ Румянцовъ Буксгевдену,—возлагаетъ на ваше сіятельство увѣрить барона Геера въ полномъ къ нему монаршемъ Его благоволеніи; а какъ Его Величеству угодно немедленно изъявить ему оное самымъ опытомъ, то и желаетъ знать мнѣніе ваше, какой знакъ отличія пристойнѣе пожаловать барону Гееру: орденъ-ли Св. Александра Невскаго, ежели санъ его и званіе, какое онъ имѣлъ въ шведской службѣ, тому соотвѣтствуютъ, или табакерку украшенную алмазами, съ портретомъ Его Императорскаго Величества. Отъ ва-

---

neur de la province, aujourd'hui en retraite) en présence de deux nobles députés «pour être libre (selon ses paroles) de servir leur nouveau Maitre quand les noeuds qui les tient à la Suède seront dissonts»; je crois que M. le Comte de Buxhoevden prendra là dessus au plutôt ses arrangements.

[1]) 12-го февраля, высочайше апробованный отвѣтъ, л. 10, переписка Буксгевдена.

шего с-ва зависитъ также сказать, какія по мнѣнію вашему прилично сдѣлать награжденія и двумъ дворянскимъ депутатамъ, о которыхъ упомянуто выше.»

Въ тотъ же день и о томъ же писалъ гр. Румянцовъ Спренгтпортену:

«Мнѣ кажется, что Государь желая показать всей провинціи, что онъ готовится излить на нее свои благодѣянія, начнетъ съ барона Геера, въ особенности въ виду выраженнаго имъ въ присутствіи двухъ дворянскихъ депутатовъ желанія принести присягу. Довѣрьте мнѣ, генералъ, ваши мысли на этотъ счетъ. Какъ только онъ присягнетъ, не будетъ-ли кстати (convenable), чтобы Его Величество украсилъ его знаками ордена св. Александра и т. д. [1]).

Спренгтпортенъ не замедлилъ отвѣтомъ. Отъ 16-го февраля онъ писалъ гр. Румянцову:

«...Баронъ Гееръ разумѣется по своимъ годамъ и по своимъ заслугамъ (?) достоинъ выдающагося знака отличія, въ принятіи котораго отъ короля Густава онъ давно отказывался по своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Но, насколько мнѣ извѣстенъ его характеръ, онъ будетъ болѣе польщенъ пожалованіемъ табакерки съ портретомъ Его Императорскаго Величества, слишкомъ драгоцѣннымъ для того, чтобы онъ могъ отъ него отказаться, при всемъ его безкорыстіи. Можно предложить ее въ пріятной формѣ. Онъ кстати потерпѣлъ нѣкоторый убытокъ въ своемъ

[1]) Le premier début de l'entrée de notre armée en la Finlande parait être de bonne augure et je m'en rejouis avec vous. Il me semble que l'Empereur pour témoigner à la province entière qu'Il se prépare à verser sur elle Ses bienfaits, doit commencer par m. le baron de Geer, surtout pour ce qu'il vous a temoigné en présence de deux députés de la noblesse le désir de prêter serment de fidélité à notre Empereur. Confiés moi, mon général, votre idée là dessus. Aussitôt que le baron de Geer aura prêté le serment de fidélité qu'il désire prêter, ne serait-il pas convenable, que S. M. I-le le décorât des marques de l'ordre de S-t Alexandre, si par son âge et son rang il en est susceptible, ou bien si vous pensés qu'il serait plus convenable que S. M. I. le gratifiât d'une boëte avec son portrait, garnie en diamants. Dites moi je vous prie ce que vous pensés être le meilleur.—Отъ 12-го февраля 1808. Corr. Sprengtp., листъ 205, expédition.

прекрасномъ имѣніи Тевикъ при проходѣ одной изъ нашихъ колоннъ [1])».

Спренгтпортенъ здѣсь опять отчасти себѣ противорѣчилъ: де-Гееръ богатѣйшій помѣщикъ, безкорыстнѣйшій человѣкъ, табакерка «слишкомъ» дорога разумѣется по портрету на ней Императора Александра, и въ то же время—расчетъ на вознагражденіе ею какого-то убытка отъ прохода колонны, вѣроятно ничтожнаго, такъ какъ не прошла же она огнемъ и мечемъ по имѣнію де Геера, когда принимались всѣ мѣры именно къ тому, чтобы не возбудить ни въ комъ жалобъ.

Графъ Буксгевденъ съ своей стороны былъ менѣе щедръ въ предложеніи наградъ и находилъ, что де-Гееръ былъ губернаторомъ одной изъ провинцій Финляндіи, должность эта даетъ ему право на чинъ генералъ-маіора, а затѣмъ онъ можетъ быть пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й степени [2]). Бывшія при немъ лица, «депутаты» дворянства, оказались (не видно впрочемъ по какимъ источникамъ, вѣроятно по указаніямъ Спренгтпортена же): де-Брунноу (de Brounou) — королевско-шведской службы инженеръ-полковникъ, и де-Моріанъ (de Moriane) бывшій лагманъ, съ чиномъ статскаго совѣтника шведской службы. Буксгевденъ полагалъ ограничиться пожалованіемъ ихъ орденами св. Анны 2-й степени. Кстати здѣсь припомнить, что всѣ эти лица принимали участіе въ войнѣ противъ Россіи при Императрицѣ Екатеринѣ и были старые знакомые Спренгтпортена. Баронъ де-Гееръ—одинъ изъ вождей оппозиціи противъ Густава III во время аньяльской конфедераціи; Брунноу—въ 1788 г. былъ

---

[1]) Quant à la faveur que S. M. I. est disposé de faire jouir s exc. le baron de Geer, —il mérite assurement par son âge et ses services un ordre distingué, que sa façon de penser politique lui a fait depuis longtems refuser au Roi Gustave, mais du caractère que je le connais, il sera plus flatté d'une tabatière avec le portrait de S. M. I., trop précieuse pour être refusée par son integrité. Elle peut lui être offerte avec une tournure agréable. Il a même éprouvé quelques dommages sur sa belle terre de Tewik, où une de nos colonnes a passé.—Тамъ же, листъ 227.

[2]) Переписка Буксгевдена, письмо гр. Румянцову отъ 18-го февраля, изъ Сиббо, л. 89.

при осадѣ нейшлотской крѣпости, но одинъ изъ первыхъ оставилъ ее и принялъ также участіе въ конфедераціи. Моріанъ былъ адъютантомъ при королѣ (Густавѣ); участія въ конфедераціи, кажется, не принималъ.

По полученіи въ Петербургѣ указанныхъ свѣдѣній взяло верхъ мнѣніе Спренгтпортена о табакеркѣ; депутатамъ назначены награды по соображенію главнокомандующаго—ордена св. Анны 2 ст. Всѣмъ тремъ заготовлены рескрипты отъ Императора Александра, который самъ разсматривалъ проекты и исправлялъ редакцію, писанную собственноручно графомъ Румянцовымъ. 22-го февраля послѣдовало окончательное ихъ одобреніе, переписка, подписаніе Государемъ и отправленіе къ графу Буксгевдену [1]). Изъявленіе особаго благоволенія Александра Павловича сообщено барону де-Гееру главнокомандующимъ еще ранѣе, по письму Румянцова отъ 12-го февраля.

Каково же должно было быть удивленіе, а вѣроятно и неловкое положеніе графа Румянцова, когда онъ получилъ отъ главнокомандующаго слѣдующее сообщеніе, помѣченное тѣмъ же 22-мъ февраля и разминувшееся въ пути съ рескриптами [2]):

«По послѣднему ко мнѣ отношенію вашего сіятельства и по усиленнымъ убѣжденіямъ г. генерала отъ инфантеріи б. Спренгтпортена ни мало не сомнѣвался я въ томъ, что баронъ де-Гееръ, получивъ лестное для него увѣреніе въ полномъ Государя Императора благоволеніи, не за особое для себя поставилъ счастіе доказать на опытѣ приверженность свою къ высочайшему престолу учиненіемъ присяги на вѣрноподданство Его Императорскаго Величества, и въ семъ видѣ дано отъ меня было г. финляндскому гражданскому губернатору надлежащее о приводѣ его къ присягѣ предписаніе. Подъ какимъ же, къ крайнему удивленію моему, невмѣстнымъ онъ предлогомъ старался уклонить отъ себя дѣйствіе сіе, о томъ ваше сіятельство усмотрѣть изволите изъ приложенной у сего выписки изъ рапорта г. губернатора».

---

[1]) Рескрипты, съ исправленіями Императора Александра I, см. въ Приложеніяхъ, № 130.

[2]) Арх. М. Ин. Дѣлъ. Corr. Buxhoevden.

Дѣйствительно, губернаторъ Эминъ отъ 18-го февраля представлялъ главнокомандующему:

«По полученіи предписанія вашего сіятельства, поспѣшилъ я извѣстить о содержаніи онаго г. генерала барона Спренгтпортена и вручить ему копію. Его высокопревосходительство, по случаю отсутствія барона де-Геера, пригласилъ его въ Ловизу и вчерашняго числа въ присутствіи моемъ предлагалъ учинить съ депутатами присягу упомянутому барону. Сей, начавъ колебаться, объявилъ наконецъ, что онъ и другіе помѣщики приступить къ сему дѣлу страшатся крестьянъ своихъ, и что надобно прежде привести къ присягѣ поселянъ. А какъ подобный отзывъ не соотвѣтствовалъ прежнему, какъ предполагать должно торжественно имъ изъявленному намѣренію, и несообразенъ съ высочайшею волею, а притомъ побужденіе къ тому крестьянъ и прочихъ жителей другимъ, кромѣ предписаннаго, образомъ, т. е. привода барона де-Геера и двухъ депутатовъ, и послѣ употребленія содѣйствія ихъ къ склоненію къ тому и прочихъ жителей, не имѣю я повелѣнія, — то и счелъ я долгомъ объясниться объ ономъ съ его высокопревосходительствомъ, который съ своей стороны отъѣзжая нынѣ къ вашему сіятельству объявилъ мнѣ, что онъ не оставитъ, заѣхавъ къ отбывшему вчерашняго же числа барону де-Гееру, представить обо всемъ въ подробности вашему сіятельству, для положенія на мѣрѣ образа приведенія къ концу предпріятія онаго.»

Гр. Буксгевденъ, естественно, не могъ не быть озадаченъ этимъ оборотомъ дѣла, о которомъ онъ зналъ совсѣмъ въ другомъ смыслѣ не только отъ Спренгтпортена, но и отъ министра иностранныхъ дѣлъ, и которое было такъ сказать освящено исключительными знаками монаршаго вниманія.

«Предлогъ сей,—писалъ онъ гр. Румянцову въ той же бумагѣ 22-го числа,—толико страннымъ мнѣ кажется, что нахожусь въ нерѣшительности, отнести ли оный перемѣнѣ въ расположеніи барона де-Геера, чему однако, особенно при дальнихъ успѣхахъ нашихъ, причины не вижу, или неясному намѣреній его объясненію сдѣланному вашему сіят-ву отъ барона Спренгтпортена, истолковавшаго при представленіи мнѣ барона де-Геера желаніе

его въ такой же силѣ,—или же торопливости, съ какою баронъ Спренгтпортенъ видитъ иной предметъ по живому воображенію своему; во всякомъ случаѣ спѣшу о семъ увѣдомить ваше сіятельство, дабы предупредить непосредственной къ барону де-Гееру посылкѣ всемилостивѣйше назначеннаго ему награжденія.»

Гр. Буксгевденъ, не получивъ еще тѣмъ временемъ бывшихъ уже въ дорогѣ рескриптовъ, просилъ гр. Румянцова препроводить ихъ къ нему для передачи по принадлежности лишь тогда, когда будетъ принесена требуемая и обѣщанная де-Гееромъ и депутатами присяга.

Румянцовъ былъ очень радъ, что не отправилъ пожалованныхъ наградъ прямо по назначенію, а адресовалъ ихъ Буксгевдену. Ему также страннымъ казалось это уклоненіе отъ присяги людей, которые сами сначала на нее вызвались, и «весьма любопытно» было ему имѣть свѣдѣнія о послѣдующемъ ходѣ этого дѣла. Государь съ своей стороны изъявилъ согласіе на то, чтобы пожалованія были вручены барону де-Гееру съ товарищами не ранѣе какъ по принесеніи ими присяги [1]).

Разслѣдованіе этого въ нѣкоторомъ родѣ крупнаго скандала обрисовало еще разъ личность Спренгтпортена, пользовавшагося въ Петербургѣ такимъ почетомъ и уваженіемъ. Барону Гееру повторено было приглашеніе исполнить долгъ, имъ и депутатами добровольно на себя принятый,—при чемъ исчислены были «выгоды, кои всѣхъ ихъ за симъ ожидаютъ, и сколько напротивъ потеряютъ они ежели останутся упорными». На это Гееръ при-

[1]) Арх. М. Ин. Д. Письмо гр. Румянцова къ гр. Буксгевдену отъ 23-го февраля 1808 г. № 16. «Я весьма радуюсь, что повстрѣчалъ въ семъ случаѣ мнѣніе в. с-ва и отправленіе сіе сдѣлалъ чрезъ ваше посредство. Уклоненіе помянутыхъ чиновниковъ отъ присяги, на которую сначала они сами вызвались, кажется дѣйствительно странно, но не сомнѣваюсь я чтобы благоразумныя имъ внушенія съ вашей стороны не произвели желаемаго дѣйствія. Во всякомъ же случаѣ Государь Императоръ соизволяетъ, чтобы посланныхъ для нихъ знаковъ высочайшей милости не отдавать имъ пока требуемой отъ нихъ присяги они не учинятъ. По сему предмету весьма для меня любопытно получить извѣщеніе в. с-ва».

слалъ губернатору Эмину, отъ 15-го марта, слѣдующее письмо, которое приводимъ въ переводѣ съ французской копіи. Самое письмо было написано по-шведски [1]).

«Согласно приглашенію в. пр-ва прибыть въ Борго вмѣстѣ съ представлявшимися г. главнокомандующему арміею двумя депутатами, для полученія тамъ болѣе подробныхъ свѣдѣній по одному важному дѣлу, именно о немедленномъ принесеніи вѣрноподданнической присяги Его Императорскому Величеству,—о чемъ мы будто бы просили, — вы позволите мнѣ дать разъясненія, которыя покажутъ что во всемъ этомъ должно быть какое нибудь недоразумѣніе.

«Въ воскресенье, 21 (9) февраля, когда императорскія русскія войска вступили въ Ловизу, я находился тамъ съ секретаремъ экспедиціи, камеръ-юнкеромъ Роткирхомъ. Сколько по долгу, столько по нашимъ дѣламъ мы тотчасъ представились его с-ву главнокомандующему гр. Буксгевдену, чтобы получить отъ него разрѣшеніе возвратиться въ наши помѣстья, и воспользоваться охранными листами (sauvegarde) для нашего тамъ обезпеченія. Такова была цѣль нашего посѣщенія графа, и во время разговора не было рѣчи ни о чемъ такомъ, что могло бы привести къ приписываемому намъ желанію принести присягу вѣрности. Представившись такимъ образомъ главнокомандующему исключительно по нашимъ собственнымъ дѣламъ, мы никакимъ образомъ не можемъ присвоить себѣ званія депутатовъ. При одномъ *частномъ* разговорѣ съ его пр-вомъ барономъ Спренгтпортеномъ относительно присяги, я, правда, изъявилъ готовность сообразоваться съ ней (de m'y conformer) [2]), но не ранѣе того, какъ всѣ жители могли и должны были бы надлежащимъ образомъ принести эту присягу. Впрочемъ, признавая отеческія попеченія Его Величества Императора о благѣ этой страны и ея населенія, чему мы получаемъ при настоящихъ обстоятельствахъ самыя

---

[1]) Оно напечатано на этомъ языкѣ въ прил. къ Skildringar ur Finlands nyare historia af Robert Castrén. Helsingfors. 1881. Стран. 102—3.

[2]) По-шведски: yttrade jag mig dertill vara villig, т. е. высказалъ на то готовность.

наглядныя доказательства, я обязываюсь не предпринимать ничего такого, что не было бы согласно съ честью и съ моимъ долгомъ въ отношеніи сколько Короля, столько и Императора.»

Депутатовъ Брунноу и Моріана, этихъ старинныхъ друзей Спренгтпортена рескрипты о награжденіи коихъ подписанные Государемъ лежали теперь на столѣ главнокомандующаго,—оказывается вовсе не было, и на сценѣ были только де-Гееръ и еще новое лицо, Роткирхъ, о которомъ Спренгтпортенъ вовсе не упоминалъ.

«Относительно согласія де-Геера и Роткирха сдѣлать присягу,—писалъ по этому случаю гр. Буксгевденъ министру иностранныхъ дѣлъ [1],—дѣйствительно говорено ими мнѣ не было. Я недоумѣвалъ о семъ уже тогда, какъ губернаторъ Эминъ извѣстилъ меня о уклоненіи его, де-Геера; но все еще думалъ что г. генералъ Спренгтпортенъ не могъ бы никакъ поступить такъ легко съ донесеніями своими и о такихъ вещахъ, которыя должны доходить до высочайшаго усмотрѣнія Государя Императора. Нынѣ, послѣ таковаго отзыва отъ г. де-Геера, гдѣ о приведенныхъ г. Спренгтпортеномъ депутатахъ Брунноу и де-Моріанъ и совсѣмъ не упоминается, долженъ я утвердиться, что онъ, г. генералъ, выдумываетъ вещи и представляетъ ихъ какъ хочетъ. Это служитъ доказательствомъ, съ какимъ расположеніемъ исполнялъ онъ и самую высочайшую волю; а чего бы собственно я могъ ожидать себѣ отъ него впослѣдствіи!»

Послѣ этого рескрипты, табакерка съ портретомъ и анненскіе кресты возвращены въ Петербургъ [2]). Но баронъ де-Гееръ тѣмъ не менѣе въ концѣ 1808 г., когда звѣзда Буксгевдена уже закатывалась, получилъ если не табакерку, то орденъ св. Анны 1 ст. при весьма лестномъ рескриптѣ [3]).

Баронъ Спренгтпортенъ долженъ былъ, разумѣется, быть

[1]) 27-го марта. Арх. М. Ин. Дѣлъ, Camp. Suèd. 1808, Corresp. Buxhoevd., л. 128.

[2]) На архивныхъ копіяхъ съ рескриптовъ надпись: «оные рескрипты уничтожены и ордена возвращены Аршеневскому 26-го марта 1810 г.»

[3]) 28-го декабря 1808.—Арх. М. Ин. Д., Camp. Suèd, Buxhoevden, ad 15.

очень сконфуженъ этимъ инцидентомъ, рисовавшимъ его своеобразными красками. Ничего однако не бывало. Онъ признавалъ себя правымъ, а виноватыми губернатора Эмина и его начальника гр. Буксгевдена. Что отвѣтилъ онъ послѣднему на его по этому случаю вопросъ?

«Если,—писалъ Спренгтпортенъ [1],—онъ (губернаторъ Эминъ) говоритъ вамъ, что баронъ де-Гееръ отказываетъ въ присягѣ, которую самъ предложилъ вмѣстѣ съ другими дворянами, онъ ошибся въ чувствахъ ихъ одушевлявшихъ. Г. де-Гееръ и его соотечественники здѣсь, тамъ, вездѣ—вовсе не отказывались и не откажутся отъ присяги. Они отказываются только требовать того, что законы войны и право сильнаго должны имъ приказать исполнить, и это совершенно естественно. Люди чести не могутъ просить сдѣлаться клятвопреступниками; но они исполнятъ даже съ удовольствіемъ долгъ признанія новаго Государя, когда имъ это прикажутъ [2]). Руководясь этимъ принципомъ, г. де-Гееръ и его сотоварищи охотно себя предложили и даже просили ваше сіятельство о принесеніи присяги на вѣрность. На основаніи этого же принципа я предложилъ ее вамъ, и вы, въ силу вашихъ полномочій, могли ее приказать, чтобы не возвращаться къ этому предмету.»

То же самое, но уже съ тономъ осужденія, онъ писалъ гр. Румянцову: «Странно, желаютъ запутать такую простую вещь, какъ присяга; она необходима для нашей безопасности, право сильнаго дѣлаетъ ее законной, жители желаютъ ее выполнить, недостаетъ для того только формулы и приказанія» [3]).

Необходимо впрочемъ оговориться: всѣ эти разсужденія, нравственное качество коихъ говоритъ само за себя, были писаны

---

[1]) Corr. Sprengtporten, въ Арх. М. Ин. Д., ad № 232. См. Прил. № 48.

[2]) Ils se refusent seulement à demander une chose, que les lois de la guerre et du plus fort leur ordonnent de remplir, et cela est tout naturel. Des gens d'honneur ne peuvent pas demander à se faire parjures; mais ils rempliront même avec plaisir le devoir de reconnaitre un nouveau Maitre, dès qu'on l'ordonne.

[3]) См. Приложеніе № 47 bis.

ранѣе приведеннаго предъ симъ письма барона Геера. Если бы это послѣднее было извѣстно Спренгтпортену, то вѣроятно онъ умолчалъ бы о депутатахъ, которыхъ самъ де-Гееръ не признаетъ, также какъ и о томъ, что гр. Буксгевдену говорено было имъ о присягѣ,—чего не признаютъ ни тотъ, ни другой; но разумѣется онъ нашелъ бы что нибудь иное, равносильное. Это было тѣмъ легче, что для него присяга, т. е. клятва въ вѣрности, обѣтъ на жизнь и смерть, была «такая простая вещь»,—приказать, и будетъ исполнена. Но повторенныя де-Гееру приглашенія къ присягѣ со стороны губернатора—развѣ не были тѣ же приказанія, только въ вѣжливой формѣ?

Приведенныя объясненія Спренгтпортена были однимъ изъ послѣднихъ отголосковъ полемики, тянувшейся между нимъ и Буксгевденомъ. Первый, какъ изъ всего изложеннаго видно было, рѣшительно ничѣмъ на дѣлѣ не выражалъ содѣйствія и помощи послѣднему, хотя и твердилъ гр. Румянцову о своемъ усердіи. Мало того, онъ старался подорвать довѣріе къ главнокомандующему не только въ Петербургѣ, но и на мѣстѣ. Его ходы въ этомъ направленіи побудили Буксгевдена написать Румянцову изъ Гельсингфорса [1]):

«Господинъ генералъ баронъ Спренгтпортенъ, отправившись отселѣ, слышу объѣзжаетъ нынѣ деревни, и вырываетъ такъ сказать самыя пустыя жалобы, дабы доводить ихъ безъ сомнѣнія дальнѣйшему свѣдѣнію и тѣмъ безпокоить начальство.»

Но графъ Буксгевденъ былъ настолько мужественъ, что, не взирая на несомнѣнное значеніе, которое Государь и люди ему близкіе давали Спренгтпортену, категорически объявилъ ему, что прекращаетъ всякія съ нимъ препирательства, какъ письменныя, такъ и словесныя о предметахъ неведущихъ прямо къ цѣли, указанной высочайшею волей. Спренгтпортенъ съ своей стороны извѣстилъ Буксгевдена, что ему не остается ничего болѣе, какъ дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ непосредственно Государю, въ надеждѣ что Его Величество найдетъ его влія-

---

[1]) 27-го марта, № 28, л. 128.

ніе на дѣла родной ему земли, бывшей издавна предметомъ его заботъ, не настолько проблематичнымъ, какъ находилъ ихъ главнокомандующій [1]). Въ этихъ безъ сомнѣнія видахъ онъ желалъ подготовить графа Румянцова послѣдовательными письмами.

Русскія войска оттѣснили уже шведовъ отъ Тавастгуса и Таммерфорса и гнали далѣе къ Вазѣ; отрядъ Багратіона готовился занять Або; осажденной крѣпостцѣ Свартгольмъ предстояла близкая сдача; самъ главнокомандующій руководилъ въ Гельсингфорсѣ осадою Свеаборга. Говоря графу Румянцову [2]) о движеніи нашихъ войскъ на Або, Спренгтпортенъ пояснялъ:

«Скоро мы будемъ хозяевами въ странѣ, которая собственно уже и принадлежитъ намъ по дружественному расположенію ея жителей. Остается рѣшить: что же мы будемъ съ ней дѣлать? Когда и какъ собрать депутатовъ? Кто будетъ отъ имени Государя совѣщаться съ ними? Инструкціи на этотъ предметъ и пр. и пр. Для всего этого не могу-ли я возвратиться на нѣкоторое время въ Петербургъ, воспользоваться вашими указаніями, довѣрить вамъ мои мысли, наконецъ изложить систему, которая должна быть основана на началахъ болѣе прочныхъ, нежели тѣ, которыя устанавливались здѣсь на почтовыхъ. Надѣюсь что вы удостоите меня отвѣтомъ прямо на Тавастгусъ. Полагаю, что здоровье позволитъ мнѣ черезъ два дня продолжать путь. У меня хватитъ времени сдѣлать поѣздку и вернуться въ Або, пока моя особа будетъ тамъ нужна. Здѣсь (въ Гельсингфорсѣ) цѣдятъ воду. Время для чего-нибудь болѣе серьезнаго пропущено; я нахожу даже присутствіе главнокомандующаго болѣе нужнымъ въ Або, чѣмъ здѣсь: все, что нужно, могутъ вести техническіе офицеры, понимающіе болѣе его. Но когда всѣ колонны, направляющіяся къ Ботническому заливу, придутъ на мѣсто, и между правымъ крыломъ въ Вазѣ и лѣвымъ въ Або будетъ линія позицій болѣе 400 верстъ,—нужна голова, чтобы имѣть все въ соображеніи. А главная квартира здѣсь...

[1]) Письма 3 и 5 марта 1808 г.
[2]) Письмо 3 (15) марта, л. 234.

«Итакъ я жду, графъ, съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта, или вѣрнѣе вашихъ приказаній, въ Тавастгусѣ. Государю надо знать вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ, и вамъ, графъ, и мнѣ, и странѣ... Какъ идутъ теперь дѣла? Никто не на своемъ мѣстѣ, а мои обязанности не могутъ идти далѣе разувѣренія людей, между которыми плодятъ ежеминутно неудовольствіе противорѣчіями начальства; и все это отъ гордости и эгоизма тѣхъ, кто въ дѣла мѣшается единственно для того чтобы придать себѣ больше вѣса, а вовсе не ради пользы дѣла.»

Эти инсинуаціи были написаны 3-го марта, а лишь за три дня (28-го февраля) онъ же, Спренгтпортенъ, писалъ графу Румянцову: «мнѣ пріятно повторить, что умы вездѣ располагаются въ нашу пользу» [1]).

Черезъ два дня Спренгтпортенъ повторялъ уже графу Румянцову просьбу объ отвѣтѣ на предъидущее письмо.—«Сегодня, - писалъ онъ.—отправляюсь въ Тавастгусъ, пользуясь отсутствіемъ графа Буксгевдена, который долженъ былъ уѣхать вчера ночью въ Ловизу [2]);—желаю удалиться изъ главной квартиры съ нѣкоторымъ, хотя наружнымъ приличіемъ (?). Тамъ буду ожидать пріѣзда моего адъютанта, который, надѣюсь, привезетъ мнѣ ваши приказанія. Я не могу оставаться здѣсь безъ того, чтобы не компрометировать дѣло которому служу, интересъ службы и мое личное достоинство (la cause que je sers, l'intérêt du service et ma propre dignité). Избавьте, если находите нужнымъ, нашего добраго Государя отъ неудовольствія знать всѣ подробности недоразумѣнія, столь вреднаго для его службы; предоставляю это вашему усмотрѣнію. Но пусть Его Величество по крайней мѣрѣ знаетъ, что лишь по моей къ нему привязанности, а также къ моему отечеству, могъ я подвергаться всѣмъ

[1]) Изъ Гельсингфорса, отъ 28-го февраля, № 21 (л. 233).—J'ai la satisfaction de vous répéter que les esprits se disposent partout à nous appartenir. Le noble propriétaire flotte encore un peu entre le devoir et leur intérêt personnel; la crainte d'être encore réstitué à la Suède enchaîne leur courage de se prononcer hautement —je les rassure là dessus — et crois ne pas me tromper.

[2]) Крѣпость Свартгольмъ находилась близъ Ловизы.

тѣмъ непріятностямъ, которыя испыталъ со времени пріѣзда къ графу Буксгевдену» [1]).

Этотъ послѣдній съ своей стороны еще ранѣе категорически заявилъ графу Румянцову, что Спренгтпортенъ «требуетъ постояннаго соучастія въ воинскихъ операціяхъ», на что главнокомандующій «не могъ согласиться, предполагая невмѣстнымъ чтобы въ занимаемой войсками Его Императорскаго Величества странѣ средоточіе верховной власти, особливо же надъ войсками, раздѣляемо было». Онъ даже представлялъ усмотрѣнію министра: не можетъ ли примѣръ барона Спренгтпортена имѣть вредныхъ и для воинскихъ операцій послѣдствій? «Такимъ образомъ, кажется мнѣ,—писалъ онъ при другомъ случаѣ,—что дѣло начатое военною рукою должно и въ окончаніи своемъ водимо быть одними и тѣми же правилами [2]).»—Вскорѣ терпѣніе Буксгевдена однако совершенно истощилось и онъ написалъ настоящій противъ Спренгтпортена обвинительный актъ, который кончался такъ: «Я увѣренъ, что ваше сіятельство напоены извѣстною всѣмъ ревностію вашею ко благу государства, согласитесь со мною, сколь нужно въ настоящемъ положеніи моемъ удалить, что можетъ только мѣшать теченію нашему къ нашимъ пользамъ. По сему покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, довести сіе до Государя Императора и исходатайствовать высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе, дабы я съ сей стороны былъ развязанъ» [3]).

---

[1]) Арх. М. Ин. Д., Campagne Suèd., письмо 5-го марта 1808, л. 235.

[2]) Письма отъ 27-го и 28-го февраля 1808.

[3]) Отъ 3-го марта, № 26, лист. 106, Buxhoevden, Réception. Вотъ начало письма: «Ваше сіятельство изволили уже видѣть изъ отношенія моего отъ 25-го минувшаго мѣсяца сколько мало нашелъ я въ господинѣ генералѣ отъ инфантеріи баронѣ Спренгтпортенѣ и самой даже доброй воли помочь мнѣ со стороны свѣдѣній его о здѣшнихъ мѣстахъ и со стороны вліянія его въ народѣ, какое либо пособіе, что собственно было предметомъ его назначенія. Учрежденія по части гражданской, отъ чего онъ также отозвался, не были бы никакъ успѣшны, когда бы я не имѣлъ въ господинѣ губернаторѣ Эминѣ столько дѣятельнаго и опытнаго себѣ помощника. Еще былъ бы я спокоенъ, если бы госпо-

Желаніе Буксгевдена и Спренгтпортена, одного—отдѣлаться отъ навязаннаго совѣтника, другого—вернуться въ привольную сферу петербургской жизни и, прибавимъ, интриги,—не замедлило исполниться: Государь соизволилъ на возвращеніе послѣдняго въ Петербургъ. Оба генерала были извѣщены о томъ: Спренгтпортенъ 5-го, а Буксгевденъ 6-го марта. Извѣщеніе первому носило отпечатокъ большей, какъ бы сказать привѣтливости, нежели къ послѣднему; отчасти можетъ быть причина тому лежала въ свойствѣ языка: Спренгтпортенъ извѣщенъ по-французски, а Буксгевденъ по-русски; отчасти же, вѣроятно, въ желаніи министра формами изысканной вѣжливости прикрыть несочувствіе многому изъ того, что дѣлалъ Спренгтпортенъ.

«...Ваше желаніе повергнуто мною на усмотрѣніе Государя,—писалъ Румянцовъ Спренгтпортену;—я поддержалъ его моими настояніями, и Его Величеству угодно было соизволить на ваше возвращеніе въ Петербургъ. Пріѣзжайте же, генералъ; къ удовольствію васъ вновь увидѣть присоединяется еще возможность

динъ генералъ баронъ Спренгтпортенъ, позволивъ себѣ таковое бездѣйствіе, не сталъ мѣшать мнѣ по крайней мѣрѣ въ моихъ занятіяхъ продолжительными и ни къ чему не ведущими переписками, гдѣ онъ употребляетъ невмѣстныя даже выраженія. Отнимая такимъ образомъ у меня время, дѣлаетъ онъ еще больше вредными внушеніями своими жителямъ, стараясь всячески и самые лучшіе шаги представлять имъ съ совершенно дурной стороны, въ то время когда я со всѣмъ моимъ усердіемъ порываюсь исполнить въ полной мѣрѣ высочайшую волю Его Императорскаго Величества и уже столько счастливъ, встрѣчая поведеніе мое во всемъ всемилостивѣйше оправданнымъ. Я, наконецъ, вынужденъ былъ послѣ продолжительнаго моего терпѣнія отказаться отъ всѣхъ, какъ письменныхъ, такъ и словесныхъ съ нимъ сношеній и увѣдомилъ его о томъ письмомъ, съ коего копію для усмотрѣнія вашего препроводить честь имѣю. Для меня крайне чувствительно, ваше сіятельство, что подобныя встрѣчи и въ такомъ положеніи, въ какомъ находимся мы съ господиномъ генераломъ Спренгтпортеномъ, должны дойтить до высочайшаго свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, но тамъ, гдѣ я долженъ дѣйствовать и встрѣчать въ то же время таковыя преграды и непріятности, и не можетъ ничего болѣе мнѣ оставаться. Я увѣренъ, что ваше сіятельство напоены и т. д.

въ вашемъ просвѣщеніи и усердіи къ службѣ Его Величества черпать весьма полезныя указанія» [1]).

Буксгевдену написано:

«....По усердію моему къ службѣ и по особливому уваженію къ вамъ. м. г. м., не оставалось мнѣ другого желать какъ того, чтобы сами обстоятельства отдалили способы къ новымъ между вами неудовольствіямъ. Самъ баронъ Спренгтпортенъ тому способствовалъ, изъявивъ желаніе хотя на короткое время въ Петербургъ возвратиться, на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе. По извѣстной вашему сіятельству привязанности моей къ вамъ я почитаю долгомъ партикулярно васъ объ этомъ увѣдомить.»

Такимъ образомъ между назначеніемъ Спренгтпортена къ дипломатическимъ дѣламъ главной квартиры и увольненіемъ прошелъ ровно мѣсяцъ. Всѣ многочисленныя денежныя выдачи ему и бывшимъ при немъ: адъютанту, Мальте, Кноррингу, разумѣется такъ у нихъ и остались. 11-го марта Спренгтпортенъ былъ въ Ловизѣ, а 17-го возвратился въ Петербургъ. Здѣсь онъ могъ сѣять плевелы на свободѣ: противникъ былъ далеко. Спренгтпортенъ продолжалъ на каждомъ шагу подставлять ножку Буксгевдену, и принялся за подогрѣваніе своей идеи о созывѣ финляндскаго сейма въ Або, о чемъ уже намекалъ въ приведенныхъ выше письмахъ. Объ этомъ будетъ изложено впослѣдствіи.

---

[1]) Corr. Sprengtporten, 1808, л. 211. Гр. Румянцовъ барону Спренгтпортену, 5-го марта 1808 г.: «Plusieures de vos lettres, m. général, m'avaient persuadé que puisque dès l'origine de nos opérations en Finlande il ne s'était pas établi entre M. le c-te de Bouxhoevden et vous de cette harmonie que l'Empereur avait désiré; il ne pouvait résulter aucun bien pour son service de cette espèce de correspondance qui avait lieu entre vous deux.—Cela ne vous a point échapé à vous même, m. g., puisque vous venez de me témoigner le désir qu'il vous soit permis de retourner à S.-Pétersbourg.—J'ai mis ce voeux sous les yeux de S. M. I.; je l'ai appuyé de mes instances, et S. M. a bien voulu condescendre à votre retour. Revenez donc, mon général; j'ajouterai au plaisir de revoir v. exc. celui de puiser dans ses lumières et son zèle pour le bien du service de notre Auguste Maitre des avis qui ne peuvent manquer de m'être d'une grande utilité.

ГЛАВА XIV.

Дальнѣйшія мѣры.

I.

Вторая прокламація.—Декларація 16-го, манифестъ 20 марта.

Послѣ случая съ де-Гееромъ и съ мнимыми депутатами вопросъ о присягѣ на время замолкъ. Явилось осложненіе, непредвидѣнное главнокомандующимъ.

Выше изложено было что графъ Буксгевденъ, признавъ первую прокламацію неудовлетворительною, распорядился опубликованіемъ другой, болѣе сжатой и болѣе доступной пониманію простыхъ людей. Ею внушалось, что не только взятые съ оружіемъ въ рукахъ будутъ высылаемы внутрь Россіи, но и односельцы, неудерживавшіе ихъ отъ того, подвергнутся взысканію по законамъ не взирая ни на полъ ни на возрастъ. Крестьяне, покинувшіе ихъ жилища, убѣждались возвратиться къ обычнымъ занятіямъ и быть увѣренными въ полной безопасности. Повторялось удостовѣреніе въ точности разсчетовъ за забранные припасы и фуражъ. Для большей дѣйствительности этой прокламаціи, Буксгевденъ не только распорядился разсылкою ея обычнымъ порядкомъ, но и обратился къ содѣйствію епископа боргоскаго [1]), который долженъ былъ предписать пасторамъ своей епархіи, чтобы они прочитали это новое объявленіе прихожанамъ и «увѣ-

[1]) Corresp. Buxhoevden, отношеніе Буксгевдена графу Румянцову, 18 февраля, изъ Сиббо, № 19, лист. 90.

щевали ихъ сохранять спокойствіе, и ни подъ какимъ видомъ не принимать участія въ противодѣйствіи нашимъ войскамъ, оставаться въ домахъ своихъ и избѣгать тѣхъ вредныхъ для нихъ лично и для ихъ семейственнаго состоянія послѣдствій, если кто изъ нихъ окажется вооруженнымъ». Самая прокламація была написана и сообщена епископу на французскомъ языкѣ вѣроятно для удобнѣйшаго, нежели съ русскаго, перевода на мѣстные языки.

Епископъ Сигнеусъ разослалъ эту прокламацію своему духовенству при слѣдующемъ циркулярѣ отъ 17 (29) февраля [1]):

«Въ предупрежденіе неизбѣжныхъ несчастій отъ сдѣланнаго жителямъ внушенія вооружаться и нападать на русское войско, также какъ и отъ неразумнаго оставленія ими своихъ жилищъ, главнокомандующій арміей графъ Буксгевденъ предписываетъ мнѣ отъ вчерашняго числа публиковать прилагаемую прокламацію, а также убѣждать жителей оставаться мирно и спокойно на своихъ мѣстахъ.

«Сообщаемъ о семъ вамъ къ безотлагательному исполненію.»

Изъ этого циркуляра видно, что епископъ отнесся чисто формально къ данному ему предписанію. Едва-ли впрочемъ онъ и могъ отнестись къ нему иначе. Такой образъ дѣйствій духовенства, при безосновательномъ страхѣ крестьянъ предъ русскими войсками, давалъ мало надежды на успѣхъ въ приводѣ населенія къ присягѣ. Классы же болѣе просвѣщенные встрѣтились и съ другого рода затрудненіемъ, заставлявшимъ ихъ по меньшей мѣрѣ колебаться. Припоминалось время войны при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, когда Финляндія также была занята русскими войсками, и также требовалась и принесена была присяга въ вѣрности Императрицѣ и ея наслѣднику. Между тѣмъ по заключеніи мира большая часть края была возвращена Швеціи, присяга русскимъ государямъ теряла силу, и населеніе должно было вновь присягать королямъ шведскимъ. Такимъ опасеніямъ давалась теперь со стороны русскаго правительства новая пища, не

[1]) Copie du Monitoire de l'Evêque de Borgo au clergé de son diocèse. Donné au chapitre épiscopal de Borgo le 17 (29) février 1808.

смотря на прокламацію главнокомандующаго, какъ видно изъ слѣдующаго.

Еще до перехода русскихъ войскъ чрезъ границу, когда дипломатическія сношенія петербургскаго кабинета съ шведскимъ дворомъ сдѣлались очень натянуты, министерство иностранныхъ дѣлъ, въ виду уклоненія Швеціи отъ исполненія договоровъ имѣвшихъ цѣлію защиту Балтійскаго моря отъ насильственныхъ дѣйствій англичанъ, изготовило декларацію къ иностраннымъ державамъ о положеніи этихъ сношеній. Документъ этотъ былъ уже утвержденъ Государемъ 10-го января, но потомъ, по полученіи изъ Стокгольма новыхъ, еще болѣе неудовлетворительныхъ свѣдѣній, подвергся измѣненіямъ и окончательно изданъ лишь 10-го февраля [1]). Эту декларацію, какъ и послѣдующія, министерство признало нужнымъ также распространять въ населеніи занятыхъ мѣстностей, съ цѣлію укрѣплять въ немъ убѣжденіе въ рѣшительности и безповоротности дѣйствій русскаго правительства, и тѣмъ склонить умы въ его пользу. Сперва предполагалось переводить эти документы на оба языка, шведскій и финскій, но потомъ ограничились первымъ. Основаніемъ послужило то соображеніе, что дворянство, духовенство и горожане, между которыми наиболѣе предстояло ихъ огласить — какъ въ сословіяхъ болѣе образованныхъ — всѣ знаютъ шведскій языкъ. Хорошо его понимаютъ и береговые поселяне [2]). Объявлять деклараціи финскому, собственно деревенскому простонародью, признавалось несущественнымъ: онѣ не могли быть поняты малограмотными людьми [3]).

---

[1]) Арх. М. Ин. Дѣлъ. Camp. Suéd. 1808. — Déclarations, manifestes, proclamations etc., №№ 1—4.

[2]) Арх. М. Ин. Д. Camp. Suéd. 1808, № 95. Письмо графа Буксгевдена къ гр. Румянцову, 21 февраля, изъ Тусби.

[3]) Вотъ декларація 10 февраля въ русскомъ текстѣ:

Въ праведномъ негодованіи на насилія, причиненныя Англіею его величеству Королю Датскому, Императоръ Всероссійскій бывъ вѣренъ собственнымъ своимъ правиламъ и непоколебимъ въ попечительности Его о благѣ Имперіи, какъ скоро узналъ о семъ происшествіи, предварилъ тогда же короля великобританскаго, что не снесетъ Онъ равно-

Но на первыхъ же порахъ декларація 10-го февраля, появясь въ Финляндіи, вызвала недоумѣнія и затрудненія. Въ двухъ мѣстахъ ея текста (особо отмѣченныхъ), заключались выраженія которыя какъ бы допускали мысль, что отъ короля шведскаго

душно всѣхъ безпримѣрныхъ оскорбленій нанесенныхъ королю, древнему союзнику Россіи, узами родства и дружбы съ Нимъ соединенному. Его Императорское Величество сообщилъ о сей своей рѣшительности его величеству Королю Шведскому нотою врученною его послу въ 24 день сентября минувшаго года. Въ трактатѣ положительномъ, заключенномъ 1780 года между Императрицею Екатериною и покойнымъ королемъ Густавомъ III; въ таковомъ же заключенномъ 1800 года покойнымъ Государемъ Императоромъ Павломъ съ шведскимъ королемъ нынѣ царствующимъ, постановлено было взаимное и точное обязательство содержать Балтійское море, яко закрытое, въ неприкосновенности отъ всякаго непріязненнаго дѣйствія и защищать берега его отъ стѣсненій и насилій, употребляя къ тому всѣ возможные способы. Его Императорское Величество силою сихъ постановленій призналъ себя не только въ правѣ, но и въ обязанности требовать содѣйствія Швеціи противъ Англіи. Король шведскій не отрицалъ обязанностей выше приведенныхъ, но отрекся отъ всякаго содѣйствія, доколѣ арміи французскія не удалятся отъ бреговъ Балтійскаго моря и доколѣ нѣмецкія пристани не будутъ отверзты англійской торговлѣ.

Дѣло настояло въ томъ, чтобы укротить насиліе, учиненное Англіею и раздражившее Европу. Императоръ Всероссійскій силою трактатовъ требовалъ отъ короля шведскаго содѣйствія; въ отвѣтъ на сіе требованіе монархъ сей предлагаетъ отложить исполненіе сихъ трактатовъ до другого времени, а нынѣ приложить стараніе открыть Англіи торговлю всѣхъ пристаней нѣмецкихъ и словомъ оказать услугу той самой державѣ противъ коей требуютъ защиты. Слѣдовательно нельзя вѣрнѣйшихъ найти доказательствъ пристрастія шведскаго короля къ Великобританіи, какъ тѣ, кои самъ онъ отзывомъ своимъ обнаружилъ.

Его Императорское Величество вторичною нотою отъ 16-го ноября обративъ вниманіе короля на разрывъ Россіи съ Англіею, вновь требовалъ его содѣйствія. Сія нота два мѣсяца оставалась безъ отвѣта; наконецъ 9-го минувшаго января врученъ министерству Его Императорскаго Величества отзывъ въ томъ же разумѣ составленный, какъ и предъидущій.

Его Императорское Величество не сожалѣетъ о своей умѣренности и напротивъ съ удовольствіемъ видитъ, что въ желаніи склонить его

ожидается еще нѣкоторое возвращеніе на путь истинный, по исполненіи чего и дѣла могутъ придти въ прежнее положеніе. Въ одномъ мѣстѣ указывалось королю, какъ свойственнику, съ искреннимъ дружелюбіемъ, чтобы онъ исполнилъ свои обязан-

величество короля шведскаго къ системѣ, которая одна можетъ быть государству его свойственна, истощены были доселѣ всѣ способы убѣжденія; но для блага своего народа, для безопасности своей Имперіи, для безопасности, которая есть верховный Его законъ, Императоръ Всероссійскій вмѣняетъ себѣ въ долгъ не оставлять далѣе подъ сомнѣніемъ обязанность короля шведскаго содѣйствовать Россіи и Даніи противъ Англіи.

Узнавъ что кабинетъ сентъ-джемскій, желая страхомъ обратить Данію къ своей системѣ, угрожалъ ей что король шведскій введетъ войска свои въ Зеландію съ тѣмъ, чтобы въ возмездіе за сей поступокъ присвоить ему обладаніе Норвегіи, узнавъ что въ то самое время, какъ король шведскій оставлялъ Императора Всероссійскаго безъ отвѣта, онъ тайно въ Лондонѣ совѣщавалъ о союзѣ съ Англіей, Его Императорское Величество призналъ что пользы Имперіи Его были бы пренебрежены, если бы при предстоящей между Россіею и Англіей войнѣ попущено было королю шведскому скрывать въ теченіи нѣкотораго времени подъ видомъ наружнаго нейтралитета, истинныя чувства извѣстной его привязанности къ Англіи.

Его Императорское Величество не можетъ оставить въ неопредѣленности расположеній Швеціи къ Россіи и слѣдовательно не можетъ допускать ея нейтралитета. Расположенія короля шведскаго обнаружены: Императору Всероссійскому остается прибѣгнуть безъ отлагательства къ способамъ, кои Провидѣніе ему ввѣрило именно на тотъ конецъ, чтобы ими дѣйствовать для сохраненія безопасности Его Имперіи. Его Императорское Величество предваряетъ о семъ его величество короля шведскаго и всю Европу.

Удовлетворяя такимъ образомъ обязанности благосостояніемъ Имперіи на него возложенной, Его Императорское Величество готовъ обратить мѣры нынѣ имъ пріемлемыя въ простую мѣру предосторожности, если король шведскій возжелаетъ, не отлагая времени, соединиться съ Россіей и Даніей дабы закрыть Балтійское море Англіи до совершенія морскаго мира. Его Императорское Величество даже со всѣмъ участіемъ истиннаго дружества, въ послѣдній разъ приглашаетъ сего государя, близкимъ союзомъ родства съ нимъ сопряженнаго, не медлить исполненіемъ

ности; въ другомъ говорилось, что отъ Густава-Адольфа зависитъ принять тѣ мѣры, кои могутъ сохранить обѣ державы въ ближайшей связи и совершенномъ согласіи. Строки эти, при всеобщемъ возбужденіи умовъ, когда каждое относящееся къ текущимъ важнымъ событіямъ слово читается и истолковывается на всѣ лады, естественно возбуждали опасеніе того положенія, въ которомъ, какъ сказано, населеніе было при Императрицѣ Елизаветѣ. Дѣйствительно, даже при спокойномъ чтеніи можно изъ деклараціи вывести ту альтернативу, что если король исполнитъ все, чего отъ него требуютъ, то и все останется попрежнему, слѣдовательно русскія войска уйдутъ назадъ, и Финляндія опять возвратится подъ шведское владычество. При такомъ недоразумѣніи можно было ожидать въ народѣ не только уклоненія, но даже и сопротивленія предложенію принять подданство Россіи. Объ этихъ возможныхъ случайностяхъ, хотя и съ оговоркою что онъ ихъ не ожидаетъ, главнокомандующій находилъ однако нужнымъ извѣстить министерство иностранныхъ дѣлъ [1]), и даже просить довести до свѣдѣнія Государя, съ тѣмъ, не будетъ-ли признано возможнымъ «издать новую декларацію». Въ ней, по предположенію гр. Буксгевдена, надлежало бы сказать что «Государь Императоръ, послѣ стольких миролюбивыхъ предложеній его величеству королю шведскому, видя ихъ безуспѣшными въ продолженіе такого долгаго времени, въ которое войска наши при непріязненныхъ отпорахъ какіе встрѣ-

---

его обязанностей и приступить къ системѣ, которая державамъ сѣвернымъ одна можетъ быть свойственна. Впрочемъ, какую пользу получила Швеція съ того времени, какъ монархъ ея прилѣпился къ пользамъ Англіи?

Императоръ Всероссійскій съ чувствительнымъ прискорбіемъ будетъ видѣть разрывъ Швеціи съ Россіей, и отъ его величества короля шведскаго зависитъ еще рѣшиться, но рѣшиться безъ всякаго промедленія, принять мѣру, которая сохранила бы между обоими государствами тѣсный союзъ и совершенное согласіе. С.-Петербургъ 10-го февраля 1808.—Полное Собраніе Зак., т. XXX, № 22817.

[1]) Отъ 24-го февраля, изъ Хаусъ-Ярви, переписка Буксгевдена, въ Спб. Главн. Арх. М. Ин. Дѣлъ, листъ 98.

чали со стороны ихъ, успѣли уже сближиться почти къ самому Ботническому заливу,—повелѣваетъ наконецъ жителямъ учинить на подданство Россіи присягу». Графъ Буксгевденъ просилъ, въ случаѣ одобренія этого предположенія, поспѣшить доставленіемъ деклараціи, «за коимъ надобно уже будетъ не отлагая времени и присягу сдѣлать всему здѣшнему народу».

Такимъ образомъ важный вопросъ о присягѣ вновь откладывался на неопредѣленное время. Для главнокомандующаго это было тѣмъ затруднительнѣе, что русскія войска вступали уже въ многолюдную югозападную часть Финляндіи, и тылъ ихъ при малочисленности отрядовъ былъ вовсе не обезпеченъ. Слѣдуетъ впрочемъ при этомъ замѣтить, что именно въ этомъ краѣ, наиболѣе процвѣтающемъ и оживленномъ морскою торговлею, русскія войска испытывали менѣе безпокойства чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ Финляндіи и встрѣчаемы были довольно добродушно.

Тѣмъ временемъ шла между главной квартирой и Петербургомъ переписка о формѣ присяги. Александръ Павловичъ выразилъ уже волю, чтобы въ этомъ случаѣ была примѣнена обыкновенная присяга на вѣрноподданство [1]). Сообразно съ тѣмъ составили въ канцеляріи главнокомандующаго проектъ «клятвеннаго обѣщанія» по общей формѣ, и отправили къ Румянцову [2]). Предусмотрительно составлена и присяга для чиновниковъ при производствѣ ихъ въ чины. Русскій текстъ посланъ въ печатныхъ экземплярахъ; къ нимъ приложены шведскій и финскій писанные переводы. Въ нихъ сдѣланы небольшія противъ русскаго изложенія перемѣны, «сообразно тогдашнимъ обстоятельствамъ». Пославъ ихъ на утвержденіе, Буксгевденъ однако измѣнилъ мнѣніе и вслѣдъ за ними отправилъ другую форму, сообразованную съ формой присяги присланной правительствующимъ сенатомъ въ 1801 году, и назначенной собственно для иностранцевъ, желающихъ вступить въ русское подданство. Эту послѣднюю, «по буквальному ея содержанію», Буксгевденъ находилъ болѣе соот-

---

[1]) См. выше, глава XIII, стр. 62. Отношеніе гр. Румянцова графу Буксгевдену отъ 12 февраля 1808 г.

[2]) Отъ 23-го февраля, изъ Хювинге. Переписка Буксгевдена, л. 96.

вѣтствующей намѣреніямъ Государя и потому просилъ замѣнить ею прежде посланную. Однако въ Петербургѣ этого соображенія повидимому не приняли во вниманіе.—«Его Величество изволилъ апробовать одинъ изъ печатныхъ экземпляровъ,»—писалъ графъ Румянцовъ графу Буксгевдену отъ 4-го марта,—«и коль скоро требуемое вами число на шведскомъ и финскомъ языкѣ будетъ приготовлено, безъ замедленія къ вамъ доставлю» [1]). Такъ какъ въ печатномъ экземплярѣ была послана первоначальная форма, послѣдующая же (для иностранцевъ) была рукописная,—то этимъ самымъ утвержденъ первый образецъ, и ожиданіе Буксгевдена что онъ менѣе соотвѣтствуетъ намѣреніямъ Государя, оказалось невѣрнымъ.

Изъ отвѣта Румянцова не видно, какими соображеніями руководились Государь и онъ при выборѣ формы присяжнаго листа. Сравнивая же ихъ содержаніе, можно кажется безошибочно предположить, что первоначальному тексту дано предпочтеніе по весьма разумнымъ соображеніямъ. Смыслъ его таковъ: я, подписавшійся, клянусь въ томъ, что хочу и долженъ служить вѣрно и нелицемѣрно Государю и его наслѣднику, во всемъ повиноваться, не щадя жизни, исполнять всѣ узаконенія, изданныя отъ власти Государемъ установленной и проч.; возстановленное Его Императорскимъ Величествомъ въ отечествѣ моемъ спокойствіе и тишину соблюдать и никакихъ сношеній съ возмутителями не имѣть, и такимъ образомъ себя вести и поступать какъ надлежитъ вѣрному Его Величеству и спокойному гражданину.—Въ позднѣе доставленной формѣ, болѣе сложной и менѣе удобопонятно изложенной, говорилось отъ лица иностранца, вступающаго въ подданство по собственному желанію и указывалось прежнее его подданство. Болѣе существенная разница заключалась въ томъ, что въ послѣдней говорилось только о желаніи служить (хощу), между тѣмъ какъ въ первой говорилось и о желаніи и о долгѣ (хощу и долженъ) [2]). Кромѣ того во второй формѣ вовсе не упоминалось объ отношеніи къ обстоятельствамъ того времени, т. е.

[1]) Camp. Suèd. 1808, Corresp. Buxhoevden, expédition лист. 21.

[2]) «хощу и долженъ», по-шведски: «jag will och skall» и по-фински «minä tahdon ja minun tulä».

къ сохраненію спокойствія и несношенію съ нарушителями его. Первая присяга очевидно истекала какъ логическое послѣдствіе изъ дѣйствительнаго порядка вещей, установившагося послѣ покоренія страны русскими войсками, а вовсе не изъ добровольнаго подчиненія, что бываетъ въ случаѣ принятія подданства иностранцами по ихъ просьбамъ, на какой собственно случай и установлена была сенатомъ вторая форма [1]). Посылку этой послѣдней не слѣдуетъ-ли объяснить тѣмъ, что при началѣ военныхъ дѣйствій и главнокомандующій относился съ довѣріемъ къ отзывамъ бывшихъ при немъ эмигрантовъ, утверждавшихъ, подобно Спренгтпортену, что вся страна желаетъ добровольно подчиниться русской власти. Не зная точно, чего желалъ Александръ Павловичъ, онъ думалъ конечно попасть такой посылкой въ тонъ его намѣреній.

Замѣтимъ здѣсь, что, дѣлая переводъ на шведскій и финскій языки, переводчики допустили нѣкоторыя, хотя и незначительныя измѣненія. Въ перепискѣ между министромъ и главнокомандующимъ о нихъ вовсе не упоминается, кромѣ указанной выше оговорки о допущенныхъ сообразно обстоятельствамъ перемѣнамъ; но относилась-ли эта оговорка именно къ нимъ сказать трудно. Такъ въ русскомъ текстѣ присяга оканчивается словами: «въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь». Въ обоихъ переводахъ эти слова вовсе опущены, безъ сомнѣнія потому что они не соотвѣтствовали обрядамъ лютеранской церкви; не слѣдовало ихъ въ такомъ случаѣ включать и въ русскій текстъ. Но болѣе существенное измѣненіе заключалось въ титулѣ Государя. Порусски: служить Его Императорскому Величеству, Великому Государю Императору Александру Павловичу и т. д., а пошведски и по фински вставлено слово «князю». Титулъ принималъ затѣмъ значительно измѣненный видъ: пошведски — Его Императорскому Величеству всемилостивѣйшему Князю, Императору Александру Павловичу и т. д., а по-фински: Его

[1]) Оба текста присяжныхъ листовъ см. Арх. М. Ин. Д., X., 1808, ad №№ 96 и 98.

Императорскому Величеству всемилостивѣйшему Князю Императору и т. д. [1]).

Вставка эта, влагавшая первое, хотя и едва замѣтное глазу зерно обособленности Финляндіи, вѣроятно сдѣлана безъ вѣдома Государя и даже графа Румянцова, которые разсматривали одинъ лишь русскій текстъ, не имѣя возможности читать и сличать тексты шведскій и финскій по незнакомству съ этими языками. Если же такое разсмотрѣніе шло бы въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ чрезъ переводчиковъ, то Государю, или по крайней мѣрѣ Румянцову, было бы представлено объ этомъ особое объясненіе, чего вовсе не находится въ документахъ. Притомъ въ сообщенномъ графу Буксгевдену высочайшемъ разрѣшеніи прямо говорится объ утвержденіи печатнаго экземпляра, т. е. того русскаго текста, въ которомъ титулъ «князя» вовсе не употребленъ.

Небольшое, но вовсе не ничтожное, видоизмѣненіе это явилось безъ точнаго вѣдома высшаго правительства. Буксгевденъ же, хотя и зналъ можетъ быть объ измѣненіяхъ, но, какъ человѣкъ болѣе военный, не давалъ вѣроятно этимъ мелочамъ никакого значенія, тѣмъ болѣе что Финляндія покорялась оружіемъ и, какъ завоеванная, прямо зачислялась въ русскія провинціи, что говорили тогда и всѣ документы. Слѣдуетъ впрочемъ оговориться, что этотъ титулъ «князя» явился впервые еще въ шведскомъ и финскомъ текстахъ первоначальной прокламаціи, изданной отъ имени графа Буксгевдена, но составленной, какъ выше объяснено, въ Петербургѣ при непосредственномъ участіи Спренгтпортена. Тогда въ русскомъ и французскомъ изложеніяхъ этого титула не было, но въ переводѣ на названные мѣстные языки, который дѣлался чрезъ посредство Спренгтпортена, онъ явился въ такомъ видѣ: «мой Всемилостивѣйшій Государь и Державнѣйшій князь». Было ли тогда объ этой вставкѣ какое-либо сужденіе или разрѣшеніе, изъ документовъ тоже не видно; но вѣроятнѣе что его не было, ибо въ архивѣ сохранились короткія записки Спренгтпортена

[1]) По-шведски: Dess Käyserliga Majestäts, min allernådigste Förstes Käysaren Alexander Pavlovitsch, sjelfregerande alla Ryssar; по-фински: Hänän Käysarin Majestätin, ja armollisinda suurta Fürstia, käjserin Alexander Pavlowitschin, kaikkin Vänäläistän Itzehaldja.

графу Румянцову, одна утромъ, а другая вечеромъ 24-го января, съ препровожденіемъ при одной шведской, а при другой финской прокламаціи,—и въ нихъ ни слова не упоминается ни о какихъ измѣненіяхъ [1]). Если же принять во вниманіе что въ этихъ переводахъ участвовалъ Ладо,—одинъ изъ аньяльскихъ заговорщиковъ желавшихъ видѣть Финляндію отдѣльнымъ герцогствомъ или княжествомъ, и Спренгтпортенъ, предлагавшій отдѣльную финляндскую великокняжескую корону разнымъ лицамъ и неизвѣстно какіе проекты теперь носившій въ глубинѣ души, когда домогался высшаго положенія въ этой странѣ,—то можно съ вѣроятностію угадывать нить, которая незамѣтно пристегнула въ переводѣ небольшое словцо. Не слѣдуетъ забывать, что Ладо былъ единственнымъ, по признанію Спренгтпортена, переводчикомъ на финскій языкъ. Свободно пропущенное въ прокламаціи измѣненіе кореннаго русскаго титула могло поощрить къ употребленію его и въ присягѣ.

Вопросъ о присяжныхъ листахъ былъ такимъ образомъ разрѣшенъ отвѣтомъ графа Румянцова отъ 4-го марта. Но много позже, именно 9-го апрѣля, получено было отъ министра подробное, одобренное Государемъ изложеніе порядка присяги; къ нему мы возвратимся вскорѣ. Въ немъ, какъ бы мимоходомъ, говорилось: «...присяжный листъ употреблять тотъ, который изъ присланныхъ сюда отъ вашего сіятельства предпочтительно вами былъ выбранъ». Этимъ дѣло запутывалось: какой листъ былъ предпочтительно выбранъ Буксгевденомъ? Одинъ—русскій первоначальный, онъ измѣнилъ сообразно обстоятельствамъ въ переводѣ. Другой послалъ дополнительно, находя что онъ болѣе соотвѣтствуетъ намѣреніямъ Государя. Но предпочтенія собственно онъ не давалъ ни одному. Затѣмъ разрѣшенный отвѣтомъ 4-го марта серьезный вопросъ отдавался на произвольный взглядъ главнокомандующаго, который, среди военныхъ заботъ своихъ, мало вникалъ въ подробности повидимому мелочныя, но съ теченіемъ времени пріобрѣтающія силу и значеніе.

Между тѣмъ дѣло объ исполненіи самой присяги, которую

---

[1]) Арх. М. Ин. Д., Campagne Suèd. 1808, Sprengtporten, №№ 217 и 218.

Буксгевденъ ставилъ въ зависимость отъ изданія дополнительной или новой деклараціи о дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ Швеціей, хотя и было предметомъ заботъ главнокомандующаго, откладывалось все болѣе и болѣе въ долгій ящикъ. Прошло уже около мѣсяца съ того времени какъ возникла мысль о немъ, а не только не было исполненія, но нельзя было предвидѣть даже и дѣйствительнаго его начала. На просьбу Буксгевдена объ измѣненіи деклараціи графъ Румянцовъ писалъ отъ 4-го марта [1]):

«Пополненіе къ той деклараціи въ смыслѣ замѣчаній вашихъ приличнѣе казалось издать тогда, когда получимъ уже мы ежедневно ожидаемый отвѣтъ изъ Стокгольма. Сумнѣнія нѣтъ, что онъ не будетъ согласоваться съ требованіями нашими, а потому таковая піеса уже и заготовляется.»

Впрочемъ, соглашаясь съ мнѣніемъ графа Буксгевдена о нѣкоторой неудовлетворительности первой деклараціи, Румянцовъ предоставлялъ поступить со шведскимъ переводомъ по усмотрѣнію, т. е. очевидно не распространять его. Но декларація была сообщена всѣмъ правительствамъ и распубликована, а слѣдовательно сдѣлалась общимъ достояніемъ, и задержка въ разсылкѣ отдѣльныхъ экземпляровъ имѣла значеніе очень второстепенное.

Событія тѣмъ временемъ принимали болѣе рѣшительный оборотъ. Въ отвѣтъ на движеніе русскихъ войскъ въ шведскую Финляндію, необузданный Густафъ-Адольфъ позволилъ себѣ извѣстный уже рядъ небывалыхъ въ новѣйшей исторіи поступковъ: онъ заарестовалъ русскую миссію и посланника въ Стокгольмѣ Алопеуса, дѣлалъ надъ нимъ разныя нравственныя насилія, перехватилъ посланнаго къ нему курьера съ депешами и т. п.. Густавъ ожидалъ, что со стороны русскаго правительства будутъ употреблены подобныя же репрессаліи въ отношеніи къ его посланнику въ Петербургѣ барону Стединку. 3-го марта отъ командующаго шведскими войсками въ Финляндіи, графа Клингспорра, изъ Кумо, передана была на русскіе аванпосты слѣдующая записка на имя Буксгевдена, писанная по-французски:

[1]) Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèd;, 1808, Buxhoevd. Expédition № 21.

«Такъ какъ русская армія вступила въ Финляндію безъ объявленія войны, то государь, мой король, повелѣлъ мнѣ послать парламентера, чтобы освѣдомиться о судьбѣ его посланника въ Петербургѣ; прошу ваше превосходительство дать предъявителю сего, старшему моему адъютанту подполковнику де-Сюрмену, самыя положительныя на этотъ счетъ свѣдѣнія. Они опредѣлятъ поведеніе его величества въ отношеніи г. Алопеуса.»

Графъ Буксгевденъ былъ въ это время въ Гельсингфорсѣ, и записка Клингспорра получена имъ лишь 8-го числа. Отвѣчая, онъ извинился въ томъ, что по причинѣ передачи письма на аванпостахъ не могъ отвѣчать словесно, и извѣщалъ что русская армія вступила въ Финляндію не безъ объявленія, чему и приложилъ доказательство [1]). Что касается до барона Стединка, то онъ послѣдней своей депешей, прошедшей чрезъ его, Буксгевдена, посредство, вѣроятно извѣстилъ уже шведское правительство о рѣшеніи своемъ на счетъ пребыванія въ Россіи. По принципамъ Его Императорскаго Величества, прибавлялъ графъ Буксгевденъ, г. Стединку будутъ оказаны всѣ знаки вниманія и почета, согласно какъ съ его служебнымъ положеніемъ, такъ и съ личными его достоинствами, и если онъ не выѣхалъ еще изъ Петербурга, то лишь по своимъ частнымъ дѣламъ. — Императоръ Александръ одобрилъ этотъ отвѣтъ. Баронъ дѣйствительно ожидалъ пока потребованный имъ корабль прибудетъ въ Балтійскій портъ. 12-го марта онъ получилъ свои паспорты.

Насиліе надъ Алопеусомъ вызвало въ Петербургѣ понятное негодованіе и рѣшило судьбу Финляндіи. Вмѣсто дополнительной деклараціи явилась новая, отъ 16-го марта [2]). Послѣ изложенія всѣхъ мѣръ, принятыхъ къ устраненію разрыва, и указанія на арестъ посланника и миссіи, декларація заключалась слѣдующими знаменательными словами:

«Его Императорское Величество возвѣщаетъ всѣмъ державамъ европейскимъ, что отнынѣ часть Финляндіи, которая до-

---

[1]) Арх. М. Ин. Д., Camp. Suéd., 1808, Buxhoevd., récept., № 108. Изъ дѣлъ не видно, что это было за приложеніе; вѣроятно его прокламація.

[2]) Полное Собр. Зак., т. XXX, № 22899. О разрывѣ мира съ Швеціей.

селѣ именовалась шведскою, и которую войска россійскія не иначе могли занять, какъ выдержавъ разныя сраженія, признается областію россійскимъ оружіемъ покоренною и присоединяется навсегда къ Россійской Имперіи.

«Его Императорское Величество уповаетъ на Провидѣніе, что въ продолженіи сей войны, благословляя праведное его оружіе, Всевышній поможетъ ему удалить отъ предѣловъ Его Имперіи всѣ бѣдствія, коими враги Россіи объять ее старались.»

Иностраннымъ кабинетамъ декларація эта была передана дипломатическимъ путемъ. Наполеону же Императоръ сообщилъ о своемъ рѣшеніи въ кабинетномъ письмѣ. Французскій проектъ этого письма составленъ и написанъ Императоромъ Александромъ собственноручно въ слѣдующемъ видѣ:

«Monsieur mon Frère. J'adresse ces lignes à Votre Majesté pour Lui annoncer que toute la Finlande Suèdoise se trouve conquise. Il ne reste que la forteresse de Swéaborg qui tient encore, mais le commandant est entré déjà en pourparlers et j'espère que sous peu elle capitulera. Le Roi de Suède a jugé à propos d'imiter les Turcs et d'enfermer mon Ministre à Stockholm. Je n'ai pas voulu user de représailles envers lui, mais j'ai déclaré la Finlande Suèdoise province Russe. Comme Votre Majesté l'a très bien jugé, la sureté de ma capitale l'exigeait. Je regrette que le peu de solidité de la glace empêche le passage par la mer d'Aland à mon armée, ce qui l'aurait portée à 3 marches de Stockholm. Je le fais essayer plus haut du coté de Wasa. Le débarquement de l'armée de Votre Majesté réunie à celle des Danois en Scanie achevera d'oter je l'espère aux Anglais toute possibilité de relacher dans la Baltique; s'ils y entrent même ils ne pourront guère s'y maintenir n'ayant pas de ports. Sur ce je prie Dieu, Monsieur mon Frère, qu'il veuille tenir Votre Majesté Impériale en sa sainte et digne garde [1])».

---

[1]) Подлинный проектъ писанъ Александромъ Павловичемъ карандашемъ и находится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, № 10.

Государь братъ мой. Пишу эти строки Вашему Величеству чтобы извѣстить, что вся Шведская Финляндія завоевана. Остается только Свеаборгская крѣпость, которая еще держится; но комендантъ началъ уже переговоры и, надѣюсь, въ скоромъ времени она сдастся. Швед-

Декларація и это письмо представляютъ въ нѣкоторомъ отношеніи явленіе исключительное. Война была еще въ полномъ разгарѣ, счастіе оружія могло еще перейти на сторону непріятеля, русскія войска могли еще потерпѣть неудачи и отступить,— что и доказали событія приближавшагося лѣта: окончательное занятіе Финляндіи состоялось лишь въ ноябрѣ,—и тѣмъ не менѣе Императоръ Александръ объявлялъ во всеобщее свѣдѣніе о присоединеніи этой провинціи навсегда къ Россійской Имперіи. Эта поспѣшность не могла, очевидно, имѣть побужденіемъ одни только непріятныя отношенія къ шведскому королю и возмездіе за вопіющее нарушеніе имъ международнаго права. Въ ней сказалась та необходимость для Россіи обезпечить наконецъ свои сѣверные предѣлы естественной, безспорной границей, довершить дѣла Петра и Елизаветы, которые послѣдовательно къ ней подходили. Только при условіи такой границы могъ великій Петръ основать свою столицу въ глубинѣ Финскаго залива; въ противномъ случаѣ онъ ея не устроилъ бы, какъ вѣрно замѣтили и Наполеонъ и посланникъ Александра графъ Шуваловъ. Обладаніе Выборгомъ и Фридрихсгамомъ было недостаточно, и при первыхъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ пушечные выстрѣлы были слышны въ Кронштадтѣ, что вызвало въ Императрицѣ Екатеринѣ упрекъ Петру, что онъ близко поставилъ свою столицу. Императоръ Александръ не могъ не предвидѣть, что военное счастіе перемѣнчиво, и тѣмъ не менѣе декларація его сви-

---

скій король нашелъ возможнымъ подражать туркамъ и заточилъ моего министра въ Стокгольмѣ. Я не хотѣлъ отвѣчать ему тѣмъ же; но объявилъ шведскую Финляндію Русскою провинціею. Того требовала безопасность моей столицы, какъ Ваше Величество очень вѣрно сами находили. Жалѣю что непрочный ледъ препятствуетъ движенію моей арміи чрезъ море у Аланда; она была бы тогда всего въ трехъ переходахъ отъ Стокгольма. Велѣлъ испытать выше со стороны Вазы. Отплытіе войскъ Вашего Величества и соединеніе ихъ съ датскими въ Сканіи окончательно лишитъ англичанъ возможности распространиться въ Балтійскомъ морѣ; даже если они и войдутъ туда, то не смогутъ удержаться не имѣя портовъ. Засимъ, Государь братъ мой, молю Бога, чтобы Онъ сохранилъ Ваше Императорское Величество подъ Святымъ Своимъ кровомъ.

дѣтельствовала, что онъ не отступитъ ни предъ чѣмъ для завоеванія Финляндіи. Трудно сказать: входило-ли при этомъ въ разсчетъ его обѣщанное Спренгтпортеномъ добровольное подчиненіе финляндцевъ. Имѣющіеся документы не даютъ отвѣта на этотъ вопросъ; Екатерина подъ конецъ войны недовѣряла финнамъ и находила что только оружіе можетъ имѣть силу и значеніе. Новѣйшій случай съ де-Гееромъ не могъ не ослабить и въ Александрѣ довѣрія къ мирнымъ обѣщаніямъ, да и самъ выразитель и проводникъ ихъ хотя и былъ уже къ тому времени отозванъ въ Петербургъ, но туда еще не успѣлъ прибыть, и никакого участія въ составленіи деклараціи не принималъ. Со стороны же Буксгевдена категорическое мнѣніе о томъ, что дѣло начатое военной рукой должно быть ею и кончено, ясно говорило что Финляндія будетъ присоединена къ Россіи во что бы ни стало. Годъ спустя эту мысль выразилъ и самъ Императоръ Александръ въ отвѣтѣ королю шведскому [1]).

При соображеніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ можно объяснить себѣ появленіе деклараціи 16-го марта. Правительство не ограничилось ея изданіемъ для вѣдома иностранныхъ кабинетовъ. «О покореніи шведской Финляндіи и о присоединеніи оной навсегда къ Россіи» объявлено и всему ея населенію еще слѣдующимъ особымъ манифестомъ, изданнымъ 20-го числа [2]).

«Изъ декларацій въ свое время изданныхъ, извѣстны праведныя уваженія подвигнувшія насъ къ разрыву съ Швеціей и къ введенію войскъ Нашихъ въ Шведскую Финляндію. Безопасность Отечества Нашего взыскивала отъ насъ сея мѣры.

«Явная преклонность короля шведскаго къ державѣ, Намъ непріязненной, новый союзъ его съ нею и наконецъ насильственный и неимовѣрный поступокъ съ посланникомъ Нашимъ въ Стокгольмѣ учиненный, происшествіе столько же оскорбительное Имперіи Нашей, какъ и противное всѣмъ правамъ, въ просвѣщенныхъ государствахъ свято наблюдаемымъ, превра-

---

[1]) См. ниже, глава XXVI.

[2]) Полн. Собр. Зак., 1808 г., № 22911.

тали мѣру воинской предосторожности въ необходимый разрывъ и содѣлали войну неизбѣжною.

«Всевышній пріосѣнилъ помощію Своею праведное Наше дѣло. Войска Наши, съ мужествомъ имъ обычнымъ, борясь съ препятствіями и превозмогая всѣ трудности имъ предстоявшія, пролагая себѣ путь чрезъ мѣста, кои въ настоящее время считались непроходимыми, повсюду встрѣчая непріятеля и храбро поражая его, овладѣли и заняли почти всю шведскую Финляндію.

«Страну сію, оружіемъ Нашимъ такимъ образомъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи, и вслѣдствіе того повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное Престолу Нашему подданство.

«Возвѣщая о семъ присоединеніи вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ удостовѣрены Мы, что раздѣляя съ Нами чувства признательности и благодаренія къ Промыслу Всемогущаго, пролiютъ они теплыя ихъ молитвы, да вседѣйствующая Его сила предъидетъ храброму воинству Нашему въ дальнѣйшихъ его подвигахъ, да благословитъ и увѣнчаетъ оружіе Наше успѣхами и отстранитъ отъ предѣловъ Отечества Нашего бѣдствія, коими враги потрясти его искали.»

Манифестъ данъ въ С.-Петербургѣ 20-го марта, подписанъ Императоромъ Александромъ и контрасигнированъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Николаемъ Румянцовымъ.

Въ составленіи деклараціи и манифеста Спренгтпортенъ, какъ сказано, не участвовалъ: первую половину марта онъ провелъ еще въ Финляндіи. Даже нельзя сказать сдѣлались-ли они ему извѣстны до опубликованія. По крайней мѣрѣ въ письмѣ къ графу Румянцову отъ 29-го марта онъ ссылается на манифестъ «появившійся въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Но къ переводу на шведскій языкъ имъ приложено участіе. «Зная, какъ мы худо обставлены по части такихъ переводовъ какъ здѣсь, такъ и въ арміи», онъ поручилъ сдѣлать шведскій переводъ нѣкоему надворному совѣтнику Буку и поспѣшилъ препроводить къ Румянцову въ томъ предположеніи, что Государь вѣроятно имѣетъ намѣреніе объявить этотъ манифестъ и въ Финляндіи. Переводъ Бука, по его словамъ, очень сходственъ съ оригиналомъ; пере-

Буксгевденъ ставилъ въ зависимость отъ изданія дополнительной или новой деклараціи о дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ Швеціей, хотя и было предметомъ заботъ главнокомандующаго, откладывалось все болѣе и болѣе въ долгій ящикъ. Прошло уже около мѣсяца съ того времени какъ возникла мысль о немъ, а не только не было исполненія, но нельзя было предвидѣть даже и дѣйствительнаго его начала. На просьбу Буксгевдена объ измѣненіи деклараціи графъ Румянцовъ писалъ отъ 4-го марта [1]):

«Пополненіе къ той деклараціи въ смыслѣ замѣчаній вашихъ приличнѣе казалось издать тогда, когда получимъ уже мы ежедневно ожидаемый отвѣтъ изъ Стокгольма. Сумнѣнія нѣтъ, что онъ не будетъ согласоваться съ требованіями нашими, а потому таковая піеса уже и заготовляется.»

Впрочемъ, соглашаясь съ мнѣніемъ графа Буксгевдена о нѣкоторой неудовлетворительности первой деклараціи, Румянцовъ предоставлялъ поступить со шведскимъ переводомъ по усмотрѣнію, т. е. очевидно не распространять его. Но декларація была сообщена всѣмъ правительствамъ и распубликована, а слѣдовательно сдѣлалась общимъ достояніемъ, и задержка въ разсылкѣ отдѣльныхъ экземпляровъ имѣла значеніе очень второстепенное.

Событія тѣмъ временемъ принимали болѣе рѣшительный оборотъ. Въ отвѣтъ на движеніе русскихъ войскъ въ шведскую Финляндію, необузданный Густафъ-Адольфъ позволилъ себѣ извѣстный уже рядъ небывалыхъ въ новѣйшей исторіи поступковъ: онъ заарестовалъ русскую миссію и посланника въ Стокгольмѣ Алопеуса, дѣлалъ надъ нимъ разныя нравственныя насилія, перехватилъ посланнаго къ нему курьера съ депешами и т. п.. Густавъ ожидалъ, что со стороны русскаго правительства будутъ употреблены подобныя же репрессаліи въ отношеніи къ его посланнику въ Петербургѣ барону Стединку. 3-го марта отъ командующаго шведскими войсками въ Финляндіи, графа Клингспорра, изъ Кумо, передана была на русскіе аванпосты слѣдующая записка на имя Буксгевдена, писанная по-французски:

[1]) Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèd;, 1808, Buxhoevd. Expédition № 21.

«Такъ какъ русская армія вступила въ Финляндію безъ объявленія войны, то государь, мой король, повелѣлъ мнѣ послать парламентера, чтобы освѣдомиться о судьбѣ его посланника въ Петербургѣ; прошу ваше превосходительство дать предъявителю сего, старшему моему адъютанту подполковнику де-Сюрмену, самыя положительныя на этотъ счетъ свѣдѣнія. Они опредѣлятъ поведеніе его величества въ отношеніи г. Алопеуса.»

Графъ Буксгевденъ былъ въ это время въ Гельсингфорсѣ, и записка Клингспорра получена имъ лишь 8-го числа. Отвѣчая, онъ извинился въ томъ, что по причинѣ передачи письма на аванпостахъ не могъ отвѣчать словесно, и извѣщалъ что русская армія вступила въ Финляндію не безъ объявленія, чему и приложилъ доказательство [1]). Что касается до барона Стединка, то онъ послѣдней своей депешей, прошедшей чрезъ его, Буксгевдена, посредство, вѣроятно извѣстилъ уже шведское правительство о рѣшеніи своемъ на счетъ пребыванія въ Россіи. По принципамъ Его Императорскаго Величества, прибавлялъ графъ Буксгевденъ, г. Стединку будутъ оказаны всѣ знаки вниманія и почета, согласно какъ съ его служебнымъ положеніемъ, такъ и съ личными его достоинствами, и если онъ не выѣхалъ еще изъ Петербурга, то лишь по своимъ частнымъ дѣламъ. — Императоръ Александръ одобрилъ этотъ отвѣтъ. Баронъ дѣйствительно ожидалъ пока потребованный имъ корабль прибудетъ въ Балтійскій портъ. 12-го марта онъ получилъ свои паспорты.

Насиліе надъ Алопеусомъ вызвало въ Петербургѣ понятное негодованіе и рѣшило судьбу Финляндіи. Вмѣсто дополнительной деклараціи явилась новая, отъ 16-го марта [2]). Послѣ изложенія всѣхъ мѣръ, принятыхъ къ устраненію разрыва, и указанія на арестъ посланника и миссіи, декларація заключалась слѣдующими знаменательными словами:

«Его Императорское Величество возвѣщаетъ всѣмъ державамъ европейскимъ, что отнынѣ часть Финляндіи, которая до-

[1]) Арх. М. Ин. Д., Camp. Suéd., 1808, Buxhoevd., récept., № 108. Изъ дѣлъ не видно, что это было за приложеніе; вѣроятно его прокламація.

[2]) Полное Собр. Зак., т. XXX, № 22899. О разрывѣ мира съ Швеціей.

Мысли своей графъ Буксгевденъ давалъ настолько важное значеніе, что находилъ нужнымъ, не смотря на свои полномочія, представить о ней на утвержденіе Государя. Тавастгусъ еще не былъ занятъ, къ нему шведскій генералъ Клеркеръ стягивалъ свои войска, Свартгольмъ также не былъ взятъ, а Свеаборгъ даже не былъ еще и въ правильной осадѣ. Мысль свою главнокомандующій мотивировалъ въ письмѣ графу Румянцову [1]) слѣдующимъ образомъ.

«...Въ вящшее уничтоженіе собранныхъ въ окрестностяхъ города Тавастгуса и въ крѣпости Свеаборгской непріятельскихъ силъ, и въ отвращеніе излишняго кровопролитія, по предположенію моему необходимо бы было предувѣдомить начальника ихъ о неизбѣжномъ положеніи его и жителей, стараться склонить его къ добровольному отступленію отъ тщетнаго намѣренія его; въ такомъ видѣ приказалъ заготовить ему письмо съ означеніемъ условій ему и подчиненнымъ офицерамъ предлагаемыхъ; безъ высочайшаго утвержденія сихъ условій не вправѣ себя считаю вступить въ переговоръ съ предводителемъ противныхъ войскъ». Потому просилъ графа Румянцова поднести «прилагаемое сочиненіе» на усмотрѣніе Государя. Письмо проектировано въ слѣдующемъ видѣ:

Monsieur le Général.

Les intentions de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, mon très gracieux Souverain, en m'envoyant à la tête de Ses troupes pour prendre possession de la Finlande Suèdoise, étant clairement prononcés dans la proclamation publiée à mon entrée dans ce pays, la volonté de Sa Majesté Impériale, la connaissance exacte des forces défensives de la Finlande et l'interruption de la communication entre le Royaume de Suède et ce Duché suffisent sans doute pour Vous démontrer, Monsieur le Général, que tous les efforts faits par le Gouvernement de Suède pour s'opposer à l'occupation de ce pays par les troupes Impériales ne sauraient tendre qu'au malheur des habitants en les contraignant de prendre les armes et à sacrifier par là les grands avantages que Sa Majesté par la proclamation faite en Son nom leur avait daigné offrir.

[1]) 18-го февраля 1808, № 19, листъ 90.

C'est donc au nom de l'humanité, c'est pour la cause de toute une nation innocente, dont le destin fut confié à Vos soins, qu'avant d'en venir aux conséquences plus graves qui ne laisseraient pas d'aigrir les esprits des deux cotés, je Vous propose, Monsieur le Général, de faire cesser les hostilités en licenciant les troupes qui sont sous Votre commandement et en les renvoyant paisiblement dans leurs foyers; sur quoi étant muni des pleins-pouvoirs de Sa Majesté Impériale c'est en son nom que je promets que les officiers qui auraient achetés leurs charges [1]) seront dédommagés selon leurs titres à la générosité de notre Auguste Souverain et que ceux des généraux, colonels, officiers d'état major et subalterns qui désireront d'entrer au service de Sa Majesté Impériale y seront reçus à condition qu'ils soyent nés ou domiciliés dans ce pays [2]).

---

[1]) О покупкѣ должностей будетъ объяснено вслѣдъ за симъ.

[2]) Генералъ. Намѣреніе Его Императорскаго Величества, моего всемилостивѣйшаго Государя, при посылкѣ меня во главѣ войскъ Его для овладѣнія Финляндіею ясно выражены въ прокламаціи, распубликованной при моемъ вступленіи въ эту страну. Воля Его Императорскаго Величества, точныя свѣдѣнія объ оборонительныхъ силахъ Финляндіи, и перерывъ сношеній между нею и Королевствомъ Шведскимъ вѣроятно достаточны для того чтобы доказать вашему превосходительству, что всѣ усилія шведскаго правительства воспротивиться занятію страны императорскими войсками приведутъ лишь къ несчастію жителей побуждаемыхъ взяться за оружіе, и потому самому пожертвовать великими преимуществами, которыя Его Величество прокламаціею, изданной отъ Его имени, удостоилъ имъ предложить.

Поэтому во имя человѣколюбія и на благо цѣлаго невиннаго народа, ввѣреннаго вашимъ попеченіямъ, прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшимъ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ, кои не замедлятъ раздражить обоюдно умы, предлагаю вамъ, генералъ, прекратить враждебныя дѣйствія, мирно распустивъ по домамъ войска ввѣренныя вашему начальству. Имѣя полномочія Государя Императора, именемъ Его Величества обѣщаю, что офицеры, пріобрѣвшіе должности свои покупкою, будутъ вознаграждены сообразно правамъ ихъ на великодушіе моего Августѣйшаго Государя и что тѣ изъ генераловъ, полковниковъ, офицеровъ генеральнаго штаба и младшихъ офицеровъ, кои пожелаютъ вступить въ службу Его Императорскаго Величества, будутъ въ нее приняты, если они родились въ этой странѣ или имѣютъ въ ней постоянное жительство.

Императоръ Александръ одобрилъ мысль графа Буксгевдена (22-го февр.) [1]) и своеобразному письму данъ ходъ. Для передачи его командированъ былъ въ качествѣ парламентера состоявшій при главной квартирѣ баронъ Гагельстрёмъ. Его сопровождалъ корнетъ кавалергардскаго полка баронъ Арпсгофенъ. Гагельстрёмъ, состоявшій въ чинѣ надворнаго совѣтника, былъ природный шведъ; но его, вмѣстѣ съ упомянутымъ выше Ладо, графъ Буксгевденъ особенно цѣнилъ, признавая въ нихъ обоихъ существенныхъ себѣ помощниковъ; Спренгтпортенъ напротивъ порицалъ этого Гагельстрёма. Въ позднѣйшемъ письмѣ своемъ къ графу Румянцову отъ 3-го мая онъ ставилъ въ вину графу Буксгевдену между прочимъ нахожденіе при немъ этого барона, «вообще извѣстнаго—по словамъ Спренгтпортена—за интригана и проходимца (avanturier intriguant), чуждаго въ качествѣ природнаго шведа истиннымъ финляндцамъ, привязаннымъ къ своей родной странѣ».

Парламентеры отправились изъ Тавастгуса 26-го февраля въ 6 часовъ утра, на Таммерфорсъ, на который отступала средняя изъ трехъ шведскихъ колоннъ. Кромѣ передачи письма, врученнаго незапечатаннымъ, Гагельстрёмъ былъ уполномоченъ дѣлать и словесныя внушенія въ томъ же смыслѣ, т. е. излагая офицерамъ бѣдствія, какимъ могутъ подвергнуться ихъ семейства при дальнѣйшемъ ихъ противодѣйствіи Русскимъ, и выгоды отъ царскихъ милостей, какъ послѣдствіе капитуляціи.

Поѣздка обоихъ парламентеровъ встрѣчала затрудненія на каждой станціи за недостаткомъ лошадей, уведенныхъ шведами. Поэтому Гагельстрёмъ могъ достигнуть непріятельскаго аріергарда лишь въ 3 часа пополудни, въ разстояніи 80 верстъ отъ Тавастгуса. Какъ только раздался сигналъ трубача, замыкавшіе аріергардъ два баталіона при двухъ пушкахъ остановились. Дабы удобнѣе достигнуть до начальства, Гагельстрёмъ нашелъ лучшимъ говорить не по-шведски, а лишь по-французски и по русски; а такъ какъ въ отрядѣ младшіе офицеры, къ которымъ

---

[1]) См. письмо гр. Буксгевдена къ гр. Румянцову отъ 29 февраля изъ Тавастгуса, № 21, листъ 104.

онъ обращался на этихъ языкахъ, его не понимали, то и былъ пропущенъ далѣе, пока наконецъ не встрѣтился съ адъютантомъ короля, барономъ Штакельбергомъ, исполнявшимъ эту же обязанность при начальникѣ колонны Адлеркрейцѣ. Штакельбергъ пригласилъ парламентера къ полковнику Эссену, помѣщавшемуся въ лачужкѣ въ верстѣ разстоянія. Прибывъ туда Гагельстрёмъ, по словамъ его, былъ встрѣченъ Эссеномъ очень почтительно и вѣжливо; здѣсь, въ присутствіи человѣкъ десяти офицеровъ разнаго оружія, онъ объявилъ цѣль своего посѣщенія. Полковникъ послалъ въ Таммерфорсъ извѣстить Адлеркрейца о пріѣздѣ русскаго парламентера съ письмомъ и просить приказаній.

По словамъ Гагельстрёма [1]), послѣ обычныхъ взаимныхъ вѣжливостей офицеры съ откровенною прямотою солдата обратились къ нему съ вопросомъ о содержаніи письма имъ доставляемаго. «Лишь только успѣлъ я,—пишетъ Гагельстрёмъ,— выговорить предложенія и преимущества почетной капитуляціи, какъ всѣ лица оживились, установилась задушевность и всѣ признались, что въ бывшемъ тогда положеніи вещей для нихъ не могло быть ничего болѣе желательнаго и счастливаго. Они сознавали что силы были неравны (по ихъ свѣдѣніямъ русскаго войска въ Финляндіи было по меньшей мѣрѣ 60 тысячъ), что шведы нуждались въ продовольствіи и фуражѣ, что солдаты ихъ были худо одѣты и менѣе привычны къ утомленію и крутому морозу.» Когда же Гагельстрёмъ развилъ въ подробности съ одной стороны преимущества ихъ ожидающія по великодушію Государя, а съ другой потери, которымъ они рисковали подвергнуться [2]), то они, уже не стѣсняясь въ выраженіяхъ, стали говорить противъ шведскаго министерства и противъ союза съ

---

[1]) Отчетъ его объ этомъ порученіи на французск. яз., въ Спб. Главн. Арх. М. Ин. Д. 1808, Camp. Suèd. Buxhoevden, ad № 104.

[2]) «Я объявилъ имъ напрямикъ, что всякій, кто покинетъ отечество и перейдетъ въ Швецію, будетъ считаться эмигрантомъ, его имущество будетъ конфисковано, и онъ будетъ лишенъ преимуществъ, милостиво предназначенныхъ Его Величествомъ для тѣхъ, кто останется на родинѣ въ Финляндіи».

Англіей, которой и поведеніе и золото имъ ненавистны. Короче, они признались, что недовольство въ арміи было таково и столь распространено, что они не только ждутъ случая и почетнаго предлога для сдачи (un pretexte honorable pour capituler) но и готовы отправить королевскія креатуры, Клингспорра и Левенгельма, со связанными руками и ногами, въ Швецію, — пусть доставятъ двору извѣстіе о капитуляціи. По словамъ Гагельстрёма, еще до его пріѣзда офицеры эти рѣшили выжидать въ теченіе двухъ недѣль или русскихъ предложеній, или распоряженій начальства къ прекращенію наконецъ бѣдъ и страданій, коихъ вся шведская армія была жертвою, а затѣмъ воспользоваться первымъ приличнымъ случаемъ, чтобы или сдаться или распустить войска. Къ этому поступку,—говорили собесѣдники Гагельстрёма—побуждали ихъ какъ любовь къ отечеству, которое Швеція отдавала въ жертву, такъ и великодушное обращеніе русскаго главнокомандующаго съ ихъ плѣнными товарищами и вообще со всѣми, кто къ нему обращался, и наконецъ отличная дисциплина русскихъ войскъ. Вообще разговоровъ было много, такъ какъ отвѣта приходилось ожидать не ранѣе какъ черезъ шесть или семь часовъ. При этомъ было видно что шведскіе офицеры не имѣли точныхъ свѣдѣній о положеніи непріятеля; они ожидали, что въ тотъ же день русскія войска уже занимаютъ Або и затѣмъ Шведамъ предстоитъ быть окруженными и притиснутыми къ Ботническому заливу. Уныніе и опасеніе лишиться имущества и средствъ существованія выражались безъ притворства. Гагельстрёмъ видѣлъ даже слезы на глазахъ, когда рѣчь шла о семьяхъ.

Тѣмъ временемъ шведская колонна двинулась далѣе; при парламентерахъ остались лишь Эссенъ и Штакельбергъ, ожидать возвращенія курьера. Они просили, и Гагельстрёмъ обѣщалъ, обезпечить ихъ безопасность въ случаѣ появленія казаковъ, такъ какъ при нихъ не было другого конвоя кромѣ ординарцевъ. Это было тѣмъ легче исполнить, что аванпосты были еще въ 30-ти верстахъ. При дальнѣйшихъ разговорахъ, Штакельбергъ взялся предложить Адлеркрейцу открыто стать на русскую сторону, лишь бы только продолжалось преслѣдованіе

и тѣмъ данъ былъ благовидный къ тому поводъ. Онъ разсчитывалъ на то, что семейство Адлеркрейца и всѣ его имѣнія были въ той части Финляндіи, которая теперь была занята Русскими.

Только въ 11 часовъ вечера возвратился посланный Эссеномъ адъютантъ и привезъ отъ Адлеркрейца приглашеніе Гагельстрёму проѣхать еще 40 верстъ и заночевать въ приготовленномъ для него помѣщеніи. Къ главнокомандующему же Клингспорру посланъ былъ отъ него курьеръ съ предвареніемъ о пріѣздѣ парламентера; Адлеркрейцъ не сомнѣвался въ томъ, что онъ будетъ принятъ шведскимъ главнокомандующимъ. Однако воспользоваться этимъ предложеніемъ Гагельстрёмъ не могъ, не имѣя приказанія ѣхать такъ далеко и боясь быть задержаннымъ на нѣсколько дней. Поэтому онъ передалъ письмо полковнику Эссену въ присутствіи двухъ упомянутыхъ адъютантовъ, для врученія генералу Клингспорру, съ тѣмъ что если бы ему угодно было повидаться съ нимъ, Гагельстрёмомъ, то онъ всегда можетъ его вызвать. На этомъ переговоры прекратились, и всѣ возвратились на свои мѣста.

Между тѣмъ, по странной случайности, не далѣе какъ черезъ два дня упомянутый баронъ Штакельбергъ и поручикъ Роръ, другой адъютантъ Адлеркрейца, бывшій также при объясненіи Гагельстрёма съ Эссеномъ, взяты казаками въ плѣнъ близъ Таммерфорса при утренней рекогносцировкѣ русскихъ мелкихъ отрядовъ, подходившихъ къ городу. На допросѣ эти плѣнные показали, что письмо къ Клингспорру было вручено Адлеркрейцу въ присутствіи многихъ офицеровъ, которымъ сдѣлалось извѣстно его содержаніе; что ему, Штакельбергу, было поручено отвезти это письмо къ Клингспорру, имѣвшему главную квартиру оттуда въ 30-ти верстахъ, и что онъ это исполнилъ, подавъ письмо генералу въ собственныя руки, въ присутствіи графа Левенгельма. Оба казались очень удивлены своеобразною посылкою письма незапечатаннымъ. На вопросъ: сдѣлалось-ли кому извѣстнымъ содержаніе письма? Штакельбергъ разсказалъ какъ парламентеръ ожидалъ семь часовъ возвращенія курьера и затѣмъ, имѣя надобность отправиться обратно, прочелъ письмо въ присутствіи нѣсколькихъ офицеровъ т

бывшихъ, и потомъ передалъ Эссену. Клингспорръ и Левенгельмъ выразили по этому случаю неудовольствіе. Черезъ два часа письмо послано королю; Штакельбергу же предложено возвратиться къ своему мѣсту, откуда, какъ сказано, онъ и попалъ вслѣдъ затѣмъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ.

Михайловскій-Данилевскій въ своемъ Описаніи войны 1808—1809 гг. [1]) излагаетъ, будто бы посланный отъ графа Буксгевдена съ письмомъ о капитуляціи былъ въ самой главной квартирѣ, и тамъ выслушанъ вѣжливо. Этимъ разсказомъ описанному случаю дается гораздо болѣе крупное значеніе нежели оно имѣло на дѣлѣ, какъ видно изъ сейчасъ приведеннаго разсказа, основаннаго въ точности на документахъ. Не говоря о мѣрѣ довѣрія къ показаніямъ Гагельстрёма, который могъ скорѣе преувеличить, нежели уменьшить значеніе исполненнаго имъ порученія,—этотъ чиновникъ не только не имѣлъ свиданія въ главной квартирѣ, но даже и не видѣлъ начальника колонны Адлеркрейца, а объяснялся съ полковникомъ, командовавшимъ лишь частью аріергарднаго отряда, въ присутствіи, по словамъ даже самого Гагельстрёма, только человѣкъ десяти офицеровъ. Этотъ эпизодъ сводится слѣдовательно къ размѣрамъ самымъ ничтожнымъ, не смотря на всю живость, съ которою русскій парламентеръ его описываетъ, не исключая и слезъ офицеровъ, оплакивающихъ участь своихъ семействъ. Эссенъ, крупнѣйшая изъ величинъ участвовавшихъ въ переговорахъ, представляется довольно безличнымъ; наиболѣе же говорившій и потомъ неожиданно-скоро попавшійся въ плѣнъ Штакельбергъ былъ очевидно человѣкъ довольно легкомысленный. Помимо неточности въ его показаніи о разговорѣ съ Клингспорромъ по поводу происходившаго между русскимъ парламентеромъ и шведскими офицерами аріергарда,—онъ, не смотря на должность адъютанта при Адлеркрейцѣ, вовсе не зналъ взглядовъ своего начальника на такой капитальный вопросъ, какъ предложеніе измѣнить королю. Онъ находилъ возможнымъ думать о вліяніи на своего начальника для уклоненія его съ пути долга, состоявшаго въ сопротивленіи

[1]) Стр. 32 изд. 1841 г.

Русскимъ, тогда какъ на дѣлѣ Адлеркрейцъ именно былъ душою этого сопротивленія. Этотъ генералъ настаивалъ на принятіи сраженія подъ Тавастгусомъ, и если оно не было принято, то не по его винѣ. Когда же потомъ, по взятіи въ плѣнъ начальника штаба графа Левенгельма, Адлеркрейцъ вступилъ въ его обязанности, то дѣло Шведовъ совершенно измѣнилось; они перешли въ наступленіе, и Русскимъ пришлось испытать доблесть и вѣрность этого генерала королю своему, начиная съ несчастныхъ дѣлъ при Сиккаіоки и Револаксѣ во всемъ послѣдовавшемъ отступленіи чуть не до Таммерфорса.

Повторяемъ, эпизодъ съ письмомъ графа Буксгевдена къ графу Клингспорру имѣлъ ничтожное во всѣхъ отношеніяхъ значеніе; поразительное легкомысліе наложило свою печать на дѣйствія всѣхъ и каждаго, и надо лишь сожалѣть, что полагаясь на увѣренія нѣсколькихъ шведскихъ бѣглецовъ честь коихъ была далеко не высокой пробы, русскій главнокомандующій не только самъ сдѣлалъ, но и побудилъ Государя своего сдѣлать шагъ, который далъ право непріятелю назвать его «недостойнымъ, призывающимъ армію къ измѣнѣ долгу вѣрноподданныхъ». На письмо, какъ извѣстно, не получено никакого отвѣта, но въ стокгольмскихъ газетахъ появилось противъ него возраженіе, въ которомъ оно украшалось именно приведенными эпитетами [1]).

Слѣдуетъ прибавить здѣсь, что искушеніе, которому подвергалась въ настоящемъ случаѣ вѣрность непріятельскихъ офицеровъ, было тѣмъ болѣе сильно, что дѣйствительно война съ Россіей, или вѣрнѣе военное занятіе Финляндіи русскими войсками, угрожало самымъ средствамъ существованія шведскихъ военныхъ и ихъ семействъ. Такъ какъ этотъ предметъ былъ впослѣдствіи выдвигаемъ на одинъ изъ переднихъ плановъ, то не лишне будетъ сказать здѣсь о немъ особо нѣсколько словъ.

---

[1]) Михайловскій - Данилевскій, Описаніе войны 1808—1809 гг., стр. 32.

Война вообще нарушаетъ и даже совсѣмъ опрокидываетъ многіе интересы гражданъ, особенно въ странѣ подвергшейся нападенію; но по общепринятому понятію войска и офицерство въ частности отъ войны не страдаютъ въ средствахъ существованія. Напротивъ, они получаютъ разные усиленные оклады, сверхкомплектнымъ даютъ назначенія съ производствомъ жалованья и т. п., и потому матеріальная обезпеченность ихъ въ нѣкоторомъ отношеніи даже возвышается.

Но положеніе шведскихъ офицеровъ было совсѣмъ иное [1]. Только въ гарнизонныхъ полкахъ, безразлично въ крѣпостяхъ или городахъ, они получали жалованье наличными деньгами. Въ линейныхъ же полкахъ, еще со временъ Карла XII, отмѣнена рекрутчина и введена «помѣстная» система вознагражденія за службу. Землевладѣльцы обязаны были поставлять солдатъ въ числѣ, сообразномъ величинѣ ихъ земель. Полкъ, состоящій напримѣръ изъ 8 ротъ, распредѣлялся на 8 приходовъ (болѣе или менѣе смотря по условіямъ мѣстности), и въ этомъ районѣ каждый служащій, начиная съ полковника и кончая солдатомъ, имѣлъ свой земельный участокъ, который и обработывалъ въ мирное время. Солдаты имѣли участки на земляхъ тѣхъ владѣльцевъ, отъ которыхъ они поставлены. Офицеры и унтеръ-офицеры имѣли казенныя земли, называвшіяся бостелями (Boställen). Эти земли были освобождены отъ всякихъ податей и оставались въ распоряженіи офицера, пока онъ сохранялъ свой чинъ. Въ случаѣ отставки или смерти, офицеры или наслѣдники ихъ имѣли право сохранить пользованіе бостелемъ по крайней мѣрѣ въ теченіе года. Если доходы съ такихъ имѣній не составляли опредѣленной правительствомъ суммы, то оно доплачивало недостающее на счетъ земель, бывшихъ въ вѣдѣніи казны. Офицеры устроивались въ своихъ бостеляхъ какъ въ собственныхъ имѣ-

---

[1]) См. разные мемуары въ Арх. М. Ин. Дѣлъ, Camp. Suèd. 1808, картонъ 81; въ Corr. Buxhoevden, л. ad 100, Note, concernant la manière d'avancer les officiers suèdois, relativement aux payemens pour les grades, et leurs appointemens. Въ бумагахъ députation finlandaise, записка бар. Маннергейма, л. 68. Также у Акіандера, Om donationerna.

ніяхъ, хозяйничали, улучшали, пользовались и сами и ихъ семейства средствами жизни. Въ случаѣ войны, доходы замѣнялись денежными выдачами въ видѣ помѣсячнаго жалованья, но оно далеко не всегда выплачивалось своевременно. Въ каждомъ линейномъ полку капитаны, т. е. ротные командиры, обязывались содержать полковой обозъ, повозки, лошадей и все прочее необходимое для передвиженія арміи; на это они получали особыя деньги (passe-volance). Понятно что обязанность эта, вызывая въ военное время приведеніе обоза въ активное состояніе, требовала отъ начальника извѣстныхъ лишеній; но въ мирное время обозныя деньги составляли увеличеніе дохода капитановъ.

Другая существенная и непонятная съ современной точки зрѣнія особенность военной службы заключалась въ системѣ покупки и продажи чиновъ и должностей, истекавшая впрочемъ изъ объясненнаго порядка вознагражденія. Всякій офицеръ, а иногда даже и унтеръ-офицеръ, получая назначеніе долженъ былъ выкупить его у своего предшественника, уплативъ ему болѣе или менѣе значительную сумму смотря по цѣнности помѣстья и другихъ преимуществъ, утрачиваемыхъ однимъ и получаемыхъ другимъ. Эта система вела разумѣется къ немалымъ злоупотребленіямъ, и бѣдный, хотя и дѣльный офицеръ, неизбѣжно уступалъ богатому товарищу. Правительство старалось устранить эти злоупотребленія и регулировать самыя отношенія. Назначенъ былъ размѣръ, котораго платимая сумма не должна была превышать; но такъ какъ это правило противорѣчило обоюднымъ интересамъ договаривающихся, то законъ былъ почти всегда подъ разными предлогами обходимъ. Только крупная сумма могла побудить оставить службу, а преимущества и выгоды, предстоявшія при занятіи должности, особенно въ виду повышенія, заставляли платить невозможное.

Съ другой стороны правительство брало на себя обезпеченіе офицеровъ, лишенныхъ по болѣзни или по увольненіи въ отставку возможности служить, а также ихъ вдовъ и дѣтей. Съ этою цѣлію кромѣ предоставленія наслѣдникамъ временнаго пользованія бостелемъ на годъ или и болѣе, имъ выдавалась та сумма, которая была уплачена офицеромъ за послѣднее занятое

мѣсто. Такъ выше было упомянуто, что Спренгтпортенъ при увольненіи въ 1780 году отъ службы получилъ 18 т. риксдалеровъ (36 т. фр.) вознагражденія Кромѣ того и его женѣ, за службу отца, было выдано особо 24 т. ф.

Такими мѣрами шведское правительство старалось привязать къ себѣ офицерство и дѣйствительно привязывало. Всякая перемѣна въ положеніи военнослужащихъ угрожала подрывомъ ихъ благосостоянія можно сказать въ корнѣ. При занятіи же страны непріятелемъ, офицеръ не только утрачивалъ помѣстье, дѣлался бездомнымъ, но и лишался той суммы, которую могъ ожидать отъ своего правительства при оставленіи службы, а если бы оно даже и вознаградило впослѣдствіи, то это было сопряжено съ цѣлыми годами ожиданій и съ значительными урѣзками. Во всякомъ случаѣ такое вознагражденіе являлось уже дѣломъ милости, а не права.

Естественно что при такомъ положеніи масса офицерства была настроена консервативно. Всякая перемѣна грозила разными случайностями въ дѣлѣ первостепенной важности, въ вопросѣ о средствахъ существованія. Въ данномъ случаѣ консерватизмъ этотъ тѣмъ болѣе долженъ былъ сказаться, что масса офицерства по сознанію самихъ Спренгтпортеновъ, русскому правительству не довѣряла, а населеніе его боялось. Понятно, что попытки Буксгевдена склонить шведскихъ офицеровъ въ пользу мирныхъ отношеній не имѣли почвы и должны были только побудить еще болѣе сомкнуться для сопротивленія, съ успѣхомъ котораго связано было ихъ матеріальное благосостояніе.

ГЛАВА XV.

Присяга и затрудненія.

6-го марта, послѣ пятидневной бомбардировки сдалась крѣпостца Свартгольмъ. Въ числѣ условій капитуляціи, по которой гарнизонъ объявлялся военноплѣннымъ, сдѣлано изъятіе для природныхъ финляндцевъ: они получили свободу возвратиться въ свои дома. При этомъ они подписками обязались оставаться спокойными въ своихъ гейматахъ, и не только не служить противъ Русскихъ до заключенія мира, но и ничего не предпринимать противъ нихъ посредственно или непосредственно.

Въ то же почти время, именно 10-го марта, окончательно занята княземъ Багратіономъ «столица» Финляндіи, Або, гдѣ уже находился отрядъ Шепелева, посланный туда еще ранѣе немедленно по завладѣніи Тавастгусомъ.

12-го марта прибылъ графъ Буксгевденъ. На оффиціальномъ пріемѣ нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ, епископъ абоскій Тенгстрёмъ, онъ же и вице-канцлеръ университета, произнесъ привѣтственную рѣчь отъ лица обоихъ этихъ учрежденій. «Два раза въ минувшемъ столѣтіи,—сказалъ онъ,—абоскія музы, устрашенныя бряцаніемъ оружія, бѣжали изъ своихъ жилищъ. Этотъ разъ онѣ остались, довѣряясь справедливымъ и благотворнымъ свойствамъ нынѣшняго русскаго правительства, великодушію истиннаго героизма и духу времени, который даже среди ужасовъ войны предлагаетъ неприкосновенное убѣжище всесвѣтнымъ труженикамъ науки». Отъ лица собственно духовенства абоской эпархіи, также какъ и отъ на-

рода, епископъ выразилъ самую живую признательность з данное Государемъ обѣщаніе покровительствовать лютеранско религіи и ея церковнымъ установленіямъ. Лично отъ себя Тенı стрёмъ просилъ вѣрить искренности его усилій къ поддержанiı въ краѣ полнаго спокойствія и безкорыстному усердію въ с(дѣйствіи всему, что будетъ предпринято для общественной пользı

Городской голова города Або съ своей стороны произнес краткое привѣтствіе, въ которомъ свидѣтельствуя о томъ чı городъ сдался русскимъ войскамъ безъ малѣйшаго сопротивл(нія, поздравлялъ генерала съ счастливымъ прибытіемъ и пр(силъ чтобы съ городомъ поступлено было согласно великодушiı и милосердію Его Императорскаго Величества [1]).

По занятіи Або, а затѣмъ и Гангеуда, русскія войска вл: дѣли всѣмъ южнымъ побережьемъ Финляндіи, не смотря на т что Свеаборгъ еще не сдался, и къ энергической бомбардировк его не приступали за неполученіемъ изъ Петербурга осадныхъ орудій. Но прочность занятія этого края обусловливалась зи ı нимъ временемъ; открытіе навигаціи могло измѣнить много(Поэтому графъ Буксгевденъ не уставалъ повторять графу Р; мянцову о необходимости обезпечить себя со стороны населенiı ускоривъ приведеніе его къ присягѣ.

Въ Петербургѣ, какъ выше было объяснено, дѣло это услож нялось ожиданіемъ изданія новой деклараціи къ державамı вызванной заарестованіемъ въ Стокгольмѣ посланника Алоп(уса, а затѣмъ опубликованіемъ манифеста о присоединеніи з: воеванной части шведской Финляндіи къ Россіи. Кромѣ тоı не могли остановиться на порядкѣ, въ которомъ долженъ был исполниться приводъ къ присягѣ. Заявленія Спренгтпортена желаніи де Геера и всего дворянства совершить этотъ важ ный актъ и послѣдовавшіе затѣмъ отказы и разоблаченія в могли не убѣдить, что дѣло совсѣмъ не такъ просто, какъ еı изображали. Съ другой стороны, по примѣру дворянъ, и плѣı

---

[1]) Рѣчь Тенгстрема была произнесена на французскомъ, а бург(мистра на шведскомъ языкахъ.—Арх. Мин. Ин. Д., Camp. Suèd. 180! Buxhoevden, ad 113.

ное офицерство выражало желаніе присягнуть не иначе, какъ послѣ другихъ сословій.

Министерство иностранныхъ дѣлъ, а можетъ быть и самъ Государь, были тѣмъ въ большей нерѣшимости по этому предмету, что имъ приходилось выбирать между двумя теченіями, которымъ слѣдовали ихъ шведскіе совѣтники. Спренгтпортенъ, вынужденный теперь покинуть Финляндію и возвратиться въ Петербургъ, вновь принялся муссировать свою постоянную идею о созывѣ въ Або финляндскаго сейма, на которомъ обѣщалъ Государю заблистать во всей силѣ своего краснорѣчія. Но у него былъ теперь не безсильный конкуррентъ и даже противникъ въ лицѣ маіора Клика. Сдѣлавъ свою негласную поѣздку по Финляндіи, онъ явился съ категорическими возраженіями противъ спренгтпортеновскаго сейма. Попавшее въ первую прокламацію совершенно безсознательно для Румянцова, впрочемъ также какъ и для Буксгевдена, обѣщаніе созыва сейма въ Або связывало теперь руководителей русской политики. Румянцовъ ожидалъ и толковалъ, что сеймъ соберется только для принесенія присяги [1]); также глядѣлъ Буксгевденъ [2]). Онъ имѣлъ впрочемъ совершенно особое понятіе о сеймѣ: онъ полагалъ, что въ Або соберутся губернаторы, а съ ними и депутаты отъ дворянства, духовенства, купечества и пр. «Сверхъ того полагаю я необходимо нужнымъ, чтобы и отъ самыхъ крестьянъ были также депутаты, отъ каждаго кирхшпиля по одному, дабы дѣлая присягу видѣли они ее всеобщею, а тѣмъ удобнѣе могли утвердить расположеніе и своихъ обществъ» [3]). Такое собраніе существенно разнилось отъ прежнихъ сеймовъ. Соглашаясь на сеймъ, онъ очевидно не желалъ идти противъ либеральныхъ наклонностей Императора Александра, полагая что онъ сочувствуетъ идеѣ сейма.

Для разрѣшенія сомнѣній былъ призванъ Кликъ. Румянцовъ

[1]) Klick. Mémoire soumis du 3 avril 1808.

[2]) Занявъ Або, всеподданнѣйшимъ рапортомъ отъ 12-го марта онъ просилъ объ изданіи Высочайшаго указа «дабы я могъ собравъ въ Або всѣ земскіе чины, открыть сеймъ и начать приводить къ присягѣ».

[3]) Письмо графу Румянцову 17-го марта (листъ 115).

поставилъ ему такой вопросъ: «какъ слѣдуетъ поступить, чтоб жители бывшей шведской Финляндіи принесли сколь можно ск рѣе присягу вѣрности Его Императорскому Величеству, и чтоб этотъ актъ состоялся въ пріятной для народа формѣ?» [1]). Клик долженъ былъ изложить свое мнѣніе на бумагѣ, что онъ и и полнилъ въ краткомъ мемуарѣ, поданномъ Императору Александр 3-го апрѣля. Находя созваніе сейма недостигающимъ въ да номъ случаѣ желаемой цѣли, по соображеніямъ главнымъ обр зомъ практическаго свойства [2]), Кликъ предлагалъ свой, совер шенно простой порядокъ,—по его словамъ—довольно пріятны финляндцамъ, такъ какъ не уклоняется много отъ обычаев существовавшихъ при шведскомъ владычествѣ.

Уполномоченное для принятія присяги лицо, по проект Клика, должно было отправиться въ Або, потребовать доступ въ засѣданіе парламента, т. е. высшаго суда (Hof-Rätterne), там при соблюденіи извѣстнаго декорума произнести рѣчь с отвѣтственную обстоятельствамъ, прочесть манифестъ, которы Кликъ также проектировалъ, и потребовать присяги отъ суд Гофгерихтъ съ своей стороны, присягнувъ долженъ потребоват того же отъ лагмановъ, приходскихъ судей и герадскихъ чи новниковъ, а они предпишутъ исполнить то же лицамъ им подчиненнымъ и городскому населенію. Подобнымъ образом принесена будетъ присяга губернаторами и ихъ подчиненными а также абоской и боргоской консисторіями, а по ихъ приказ и низшимъ духовенствомъ; пасторы приведутъ затѣмъ къ при сягѣ по своимъ приходамъ все деревенское населеніе. На счет дворянства и офицерства Кликъ—самъ къ нему принадлежав шій—повторялъ желанія высказанныя другими, т. е. чтобы он присягнуло послѣднимъ.

Кликъ приложилъ къ своему мемуару еще проекты инструк цій для лица, назначаемаго къ посылкѣ въ Або, и особаго ма

[1]) Comment faut-il procéder, pour que les habitans de la Finland ci-devant Suèdoise prêtent le serment de fidélité á Sa Majesté Impérial aussitôt que possible et que cet acte soit rendu agréable à la nation.— Mémoire Klick, лист. 245. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

[2]) О нихъ нѣсколько подробнѣе см. ниже, въ главѣ XVI

нифеста. Послѣднимъ не воспользовались; что же касается до инструкціи, то въ сущности она составляла краткій перифразъ мемуара, и содержала лишь немногія частныя указанія. Уполномоченный долженъ былъ обратиться въ первое отдѣленіе furабоскаго гофгерихта, гдѣ предсѣдательствовалъ старшій президентъ Тандефельдъ, человѣкъ, по словамъ инструкціи, «старый и слабый». Абоскій и бьернеборгскій губернаторъ «молодецъ Троиль (le brave Troil)» рекомендовался Кликомъ какъ видный дѣятель аньяльской конфедераціи, и потому долженъ былъ считаться человѣкомъ «благонамѣреннымъ», отъ просвѣщеннаго усердія коего можно всего ожидать. Епископу Тенгстрёму, человѣку ученому и хитрому, предлагалось показать въ перспективѣ архіепископство. Слѣдовало соблюсти тѣ самые обряды, какіе прежде существовали при перемѣнѣ государя. Указывалось дѣйствовать со всею поспѣшностью, безъ потери времени, избѣгать высокомѣрія и тѣмъ болѣе угрозъ. Надлежало стараться о приводѣ къ присягѣ во всѣхъ абоскихъ учрежденіяхъ по возможности въ одинъ день, «не давая времени на разсужденіе и уклоненіе». Наконецъ указывалось, что было бы очень хорошо нѣсколько удалить на время присяги войска; по мнѣнію Клика, эта мѣра придала бы всему акту характеръ неподготовленности (spontané) тѣмъ болѣе пріятный націи.

Записки Клика очевидно вполнѣ удовлетворили Императора Александра и Румянцова, такъ какъ 9-го апрѣля, т. е. черезъ пять только дней послѣ ихъ подачи, состоялась уже высочайшая апробація проекта отвѣтной бумаги къ Буксгевдену по дѣлу о присягѣ. Промедленіе въ разрѣшеніи, котораго онъ такъ настоятельно просилъ, оправдывалось «разными недосугами и нужными соображеніями относительно настоящихъ обстоятельствъ» [1]).

Кликъ могъ гордиться по праву: его соображенія были при-

---

[1]) Арх. М. Ин. Д., Camp. Suèd. 1808, лист. 32. Exp. Buxhoevden. Проектъ депеши отъ министра иностр. дѣлъ къ генер. отъ инфант. гр. Буксгевдену. «Быть по сему». Спб. 9-го апрѣля 1808 г. Подписано и отправлено съ камеръ-юнкеромъ Ланскимъ 11-го апрѣля 1808 г.

няты почти дословно въ основаніе данныхъ главнокомандующем
наставленій, хотя разумѣется имя его не упоминалось. Он
могъ торжествовать и надъ Спренгтпортеномъ; самолюбіе послѣ
няго несомнѣнно было задѣто уже самою поѣздкою Клика
Финляндіи, тѣмъ болѣе что Государь ожидалъ его возвращені
для окончательнаго рѣшенія дѣла. «Я думалъ бы, — писалъ Спренг
портенъ Румянцову 23 марта, — что сообщеннаго мною вполнѣ д
статочно для устраненія всѣхъ сомнѣній вообще въ добромъ ра
положеніи населенія и въ частности въ его довѣріи ко мнѣ» [1]
И въ этомъ случаѣ Спренгтпортенъ ошибался: его свѣдѣній ок
залось недостаточно; соображенія же Клика привели къ том
что идея сейма, непользовавшаяся повидимому, вопреки хлоп
тамъ Спренгтпортена, сочувствіемъ, была по крайней мѣрѣ
время отвергнута. «Его Величество, — писалъ Румянцовъ Бук
гевдену въ упомянутой депешѣ отъ 9-го апрѣля, — признавая
полной мѣрѣ основательность заключеній вашихъ относительн
разныхъ неудобствъ какія могли бы произойти отъ собранія
Абовѣ сейма, возвѣщеннаго въ свое время декларацією отъ имен
вашего изданною, соизволилъ мѣру сію отмѣнить и повелѣвает
вашему сіятельству, на основаніи высочайшаго манифеста изда
наго въ 22-й день марта [2]), немедленно приступить къ приведені
жителей вновь пріобрѣтенной Финляндіи къ присягѣ.» Ссылка
этой выдержкѣ на соображенія самого Буксгевдена противъ сейм
имѣла въ дѣйствительности значеніе едва-ли не одной только фо
мальной вѣжливости. Рѣшили задачу не соображенія главн
командующаго, а записка Клика, что явствуетъ изъ проста
сопоставленія чиселъ: отзывъ Буксгевдена былъ присланъ с
17-го марта, записка Клика написана 3-го апрѣля, а 9-го сост
ялось высочайшее повелѣніе.

Какіе должно было соблюсти обряды для принесенія пр
сяги и въ какомъ вообще порядкѣ, — повелѣніе предоставля
«наилучшему усмотрѣнію» главнокомандующаго, соображая
«съ обстоятельствами и мѣстными нынѣшними и прежни

[1]) Прилож. № 54.

[2]) Манифестъ изданъ не 22-го, а 20-го марта.

обычаями». Но указывалось, что въ Або присягу принять долженъ былъ самъ Буксгевденъ, исполнивъ тѣ формальности которыя изложены были выше по проекту Клика, съ тѣмъ что въ парламентѣ прочитать слѣдовало манифестъ не Кликомъ сочиненный, а тотъ, коимъ 20 марта объявлялось о включеніи Финляндіи въ составъ Россіи, равно и декларацію ему предшествовавшую. Кромѣ того «наилучшее усмотрѣніе» ограничивалось и другимъ, опять согласнымъ съ Кликомъ, существеннымъ указаніемъ: «при семъ случаѣ повсемѣстно долженъ быть соблюденъ тотъ самый обрядъ, какой обыкновенно тамъ употреблялся при перемѣнѣ царствованій». И далѣе: «Его Величество особенно усердному попеченію вашего сіятельства поручаетъ, чтобы все сіе произведено было въ дѣйство поспѣшнѣйшимъ образомъ и безъ малѣйшихъ отлагательствъ, дабы не дать время ни къ какимъ разсужденіямъ и толкованіямъ, какія могли бы быть не совмѣстны съ обстоятельствами. Государь Императоръ впрочемъ совершенно увѣренъ, что ваше сіятельство въ особенномъ имѣя попеченіи обращать довѣренность и любовь жителей страны той къ новому монарху, изволили принять нужныя мѣры, дабы въ семъ случаѣ поколику возможно предпочтительно употреблены были способы кротости и отдалено всякое насиліе; а дабы происшествіе сіе не имѣло ни малѣйшаго вида принужденія, но оказывало бы добровольное на то соглашеніе жителей, то Его Величество желалъ бы весьма чтобы на тотъ разъ отдалить даже и войска наши, и ежели бы показалось вамъ неприлично совсѣмъ ихъ вывесть изъ города, то по крайней мѣрѣ чтобъ тамъ они не находились, гдѣ присяги будутъ совершаться». Высказавъ такое «весьма» сильное желаніе Государя, Румянцовъ сдѣлалъ опять чисто формальную оговорку, «впрочемъ сіе Его Величество предоставляетъ рѣшенію вашему». Во всѣхъ другихъ главнѣйшихъ городахъ: Вазѣ, Борго, Тавастгусѣ, Гейнолѣ, Куопіо и пр., повелѣвалось строго соображаться съ тѣмъ, что будетъ сдѣлано въ Або, причемъ отдѣльною въ бумагѣ вставкою, вѣроятно по личному указанію Императора Александра, пояснено: «и слѣдуя примѣру вашему соглашать кротость и снисхожденіе съ твердостью».

Не пропали даромъ совѣты Клика и въ отношеніи епископа

Тенгстрёма и губернатора Троиля. Буксгевдену о первомъ написано, что по учености, по разуму своему и по сильному въ томъ краѣ вліянію, онъ заслуживаетъ особаго вниманія. «Государь Императоръ соизволяетъ, что ваше сіятельство положительно съ нимъ изволили объясниться, что такъ какъ сія часть Финляндіи теперь присоединена уже утвердительнымъ образомъ на вѣчныя времена къ Россійской Имперіи, то Его Величеству угодно, чтобы впредь пресѣкъ онъ всякія сообщенія со Швеціею, какія можетъ быть духовное званіе на него возлагало; что впрочемъ полное и добровольное повиновеніе его къ волѣ монаршей въ должной цѣнѣ будетъ принято и не останется безъ возмездія, и что по мѣрѣ усердія какое съ его стороны будетъ оказываемо, Его Величество имѣетъ намѣреніе наименовать его абоскимъ архіепископомъ, съ предоставленіемъ ему верховнаго управленія по духовной части всей Финляндіи.»—Губернатора Троиля главнокомандующій долженъ былъ увѣрить въ особомъ высочайшемъ благоволеніи, и сообщить «что Его Величеству весьма угодно бы было увидѣть его въ Петербургѣ, что поѣздка таковая не можетъ имѣть иныхъ, какъ токмо пріятныхъ послѣдствій и для самого его, и для его отечества».

Такимъ образомъ программа Клика цѣликомъ вошла въ высочайшее повелѣніе объявленное въ руководство графу Буксгевдену. Сверхъ нея былъ добавленъ еще одинъ пунктъ воздѣйствія собственно на дворянство.—«Государю Императору угодно, чтобы по совершеніи присяги ваше сіятельство внушили и нѣкоторымъ молодымъ людямъ изъ именитѣйшихъ фамилій пріѣхать въ Петербургъ; а какъ высочайшая воля есть всякаго рода отличіями награждать сихъ новыхъ подданныхъ по мѣрѣ усердія ихъ къ своему монарху и по ихъ достоинствамъ, то Его Величество желаетъ, чтобы при семъ случаѣ в. сіят-во изволили сообщить замѣчанія свои, кто бы изъ таковыхъ молодыхъ людей, которые отправляются сюда, по знаменитости рода своего могъ быть принятъ ко двору Его Величества въ камеръ-юнкеры.»

Графъ Буксгевденъ принялъ всѣ эти распоряженія къ исполненію, но просилъ однако нѣкотораго для того времени, ибо

необходимость окончить дѣла съ Свеаборгомъ требовала его присутствія въ Гельсингфорсѣ, послѣ чего онъ могъ уже свободно отправиться въ Або. Изъ всѣхъ пунктовъ «наставленія» онъ позволилъ себѣ сдѣлать возраженіе лишь по одному—относительно епископа Тенгстрёма. Обѣщанію назначить его архіепископомъ онъ противопоставлялъ то указаніе, что въ Борго есть другой епископъ, Сигнеусъ, не менѣе достойный вниманія, и просилъ оставить обоихъ въ прежнемъ положеніи, при ихъ независимыхъ одинъ отъ другого обязанностяхъ, пока время покажетъ кто изъ нихъ заявитъ себя бо́льшимъ усердіемъ къ исполненію монаршей воли [1]). Императоръ Александръ принялъ это предостереженіе доброжелательно и приказалъ наградить обоихъ епископовъ, также какъ и президента гофгерихта Тандфельда, по принесеніи присяги [2]).

Когда эти наставленія писались въ Петербургѣ и посылались графу Буксгевдену, успѣхъ началъ быстро измѣнять русскому оружію. До того отряды Тучкова ушли уже въ самую сѣверную часть Ботническаго залива и миновали Брагештадтъ. 5-го апрѣля Кульневъ въ дѣлѣ при Калаіоки даже взялъ въ плѣнъ начальника штаба шведской арміи графа Левенгельма. Но 6-го произошелъ бой при Сикаіоки, который оказался поворотнымъ пунктомъ. 13-го апрѣля, при Револаксѣ былъ разбитъ отрядъ храбраго Булатова,—и началось быстрое и можно сказать бѣдственное отступленіе Тучкова. При этомъ отступленіи рельефно высказалась вся мнимая преданность финляндцевъ Россіи: началась самая жестокая партизанская война. Пламя возстанія противъ русскихъ распространилось на только по всему сѣверу, сѣверовостоку и центру Финляндіи, но перекинулось и на западъ, поблизости русской главной квартиры, на Аландскихъ островахъ. Руководимое пасторомъ Гумерусомъ и ленсманомъ Арэномъ [3]) населеніе подня-

---

[1]) Письмо графа Буксгевдена 16-го апрѣля.

[2]) Письмо графа Румянцова 23-го апрѣля. Арх. М. Ин. Д., лист. 34 и 136.

[3]) Ленсманъ—должность отчасти сходная съ должностью становаго пристава.

лось тамъ поголовно; разъединенныхъ русскихъ захватывали и съ великою радостью передавали шведамъ. То же происходило и на Готландѣ.—Можно-ли въ этомъ возстаніи винить финляндцевъ? Разумѣется нѣтъ; они оставались вѣрны своимъ отечеству и королю, и за эту вѣрность заслуживаютъ уваженія. Россія была въ это время врагъ ихъ отечества и короля, и въ защиту ихъ они не стѣснялись поднять оружіе и рисковать жизнію. Но въ этомъ всеобщемъ возстаніи какое было ужасное, трагическое осмѣяніе теоріи довѣрія къ преданности и любви къ Россіи финляндцевъ, которую Спренгтпортены и Клики такъ настойчиво и къ несчастію успѣшно проповѣдывали!...

Довольно прочно оставалось въ русскихъ рукахъ только южное побережье Финляндіи. 21-го апрѣля (3-го мая) сдался и Свеаборгъ. Къ гарнизону примѣнены тѣ же правила, коими руководились при занятіи Свартгольма: отъ плѣнныхъ отобраны подписки о непротиводѣйствіи Русскимъ, и они отпущены по домамъ. Взятіе этого «Гибралтара сѣвера» не осталось безъ вліянія на ходъ дѣлъ по всему берегу Финскаго залива. Но собственно дѣло о присягѣ подвигалось впередъ очень тихо. Не смотря на то, что окончательная о ней высочайшая воля была объявлена еще 9-го апрѣля, населеніе всетаки еще не присягало, а отголоски успѣховъ шведскаго войска, доносившіеся со всей сѣверной и западной части края, замедляли и затрудняли это щекотливое дѣло. Неспокойнаго состоянія умовъ, вопреки недавнимъ удостовѣреніямъ Буксгевдена о полномъ добродушіи жителей, не могъ не признать и самъ онъ. Когда, вскорѣ по взятіи Свеаборга, Императоръ Александръ намѣревался ѣхать въ Финляндію, Буксгевденъ настоятельно просилъ Румянцова убѣдить Его Величество отложить поѣздку. Онъ очень желалъ, чтобы Государь на мѣстѣ могъ видѣть всѣ труды, такъ какъ «есть въ Петербургѣ неблагорасположенные люди, которые ищутъ пріобрѣтеніямъ нашимъ давать сколь можно меньшую цѣну»; однако же прямо указывалъ на «нѣкоторые безпокойства здѣсь существующіе, которые къ сожалѣнію пріумножились нынѣ непонятнымъ отступленіемъ генералъ-лейтенанта Тучкова 1-го»,—и просилъ отсрочить посѣщеніе «доколѣ возстановленъ будетъ здѣсь покой,

совершится на вѣрноподданство присяга и исправится между тѣмъ и самая дорога»[1]).

При такихъ условіяхъ нельзя было ожидать настойчивости и быстроты въ мѣрахъ гражданскаго характера. Но желанное событіе наконецъ совершилось. Городъ Або присягнулъ русскому Императору 9-го и 10-го мая. Все исполнено именно такъ, какъ указано было въ инструкціи.

Прежде другихъ принесли присягу духовенство и университетъ. Разосланными повѣстками 9-го числа члены консисторіи и абоской академіи (университета) приглашены были со-

---

[1]) 4-го мая. Арх. М. Ин. дѣлъ., л. 139, corresp. Buxhoevden, Réception.—Вѣроятно впрочемъ въ эти дни и самъ Буксгевденъ не проявлялъ полной энергіи въ распоряженіяхъ, по причинамъ чисто личнаго свойства. По занятіи Свеаборга оказаны были разнымъ лицамъ монаршія милости; Буксгевдену пожалованъ орденъ св. Георгія второй степени. Наградой этой онъ остался недоволенъ. Въ письмѣ къ Румянцову отъ 5-го мая, выставляя на видъ значеніе взятаго Свеаборга и сравнивая свои дѣйствія съ дѣйствіями Бенигсена, который незадолго передъ тѣмъ, подъ Пултускомъ, бѣжалъ—по словамъ Буксгевдена—цѣлые два дня, и получилъ того же Георгія 2-й степени, онъ просилъ исходатайствовать ему увольненіе отъ должности главнокомандующаго, для поправленія здоровья. Румянцовъ промедлилъ отвѣтомъ и не ранѣе 23-го числа прислалъ Буксгевдену утѣшеніе въ видѣ поясненій насколько георгіевская звѣзда, хотя бы и 2-й степени, почетна и просилъ не огорчаться, суля ему въ будущемъ фельдмаршалскій жезлъ. Онъ ссылался при этомъ на слова отца своего, фельдмаршала, что les maréchaux ne recevaient pas le bâton de maréchal, mais le saisissaient d'une main victorieuse le jour d'une bataille décisive (фельдмаршалы не получаютъ своихъ жезловъ, а срываютъ ихъ побѣдоносною рукою въ день рѣшительнаго сраженія). Буксгевденъ не очень, однако, успокоился этими перспективами и въ отвѣтномъ письмѣ продолжалъ настаивать, что сравненіе съ Бенигсеномъ для него прискорбно. Просьбу объ отставкѣ онъ отлагалъ до времени когда удастся ему исправить ошибки, явившіяся послѣдствіемъ и неопытности нѣсколькихъ офицеровъ, дѣйствующихъ въ тому же на разстояніи 1000 верстъ, и отказа въ просимомъ имъ подкрѣпленіи силъ. (Письмо Буксгевдена 29-го мая 1808, л. 148).

браться въ ихъ помѣщеніи. Когда получено было извѣстіе о готовности всѣхъ этихъ лицъ, графъ Буксгевденъ отправился туда въ сопровожденіи генералитета и чиновниковъ. При колокольномъ звонѣ во всемъ городѣ, епископъ Тенгстрёмъ встрѣтилъ его со всѣмъ духовенствомъ и профессорами академіи. Предшествуемый ими въ порядкѣ старшинства, среди множества студентовъ и другихъ принадлежащихъ къ университету лицъ, главнокомандующій прослѣдовалъ до присутственной залы консисторіи. Тамъ, по занятіи имъ особо приготовленнаго мѣста, произнесена была отъ его имени слѣдующая рѣчь [1].

«Его Величество Императоръ Всероссійскій, Всемилостивѣйшій Государь нашъ, возвѣстивши манифестомъ (20-го марта) Высочайшую волю Свою на всегдашнее присоединеніе къ пространнымъ владѣніямъ Своимъ сей земли, которую побѣдоносныя войска Его заняли цѣною многихъ сраженій, удостоилъ меня уполномочіемъ принять отъ жителей ея присягу вѣрности въ залогъ счастливой перемѣны ихъ жребія, поелику оная снискиваетъ имъ какъ новымъ Его подданнымъ отеческое попеченіе, милости и покровительство Его Императорскаго Величества. Приглашая васъ, г. епископъ, совокупно съ г.г. чинами консисторіи совершить оную, я остаюсь увѣреннымъ, что вы, возлагая на себя сіе священнѣйшее обязательство и оставаясь вѣрнымъ исповѣдуемой вами св. религіи, не оставите въ почтенномъ возможеніи вашемъ озарить ввѣренныхъ управленію вашему людей въ ихъ обязанности къ толико милосердому къ нимъ Государю, въ ихъ истинныхъ пользахъ и тѣхъ неисчерпаемыхъ источникахъ, кои къ благоденствію ихъ текутъ къ нимъ чрезъ соединеніе ихъ съ такой Имперіей, которая, сохраняя неприкосновенными ихъ право и ихъ собственность, своимъ могуществомъ, своимъ богатствомъ и своими способами открываетъ имъ обширные пути къ утвержденію благосостоянія своего, къ умноженію промышленности и къ большему развитію ихъ талантовъ. Вамъ, г. ректоръ и гг. профессоры, ваши занятія чрезъ благодѣтельное вліяніе распространяемаго вами про-

[1] См. ad № 152, прил. къ рап. отъ 4 іюня. Corr. Buxhoevden.

свѣщенія, подаютъ равномѣрно способы содѣйствовать благополучію вашего отечества, къ которому любовь вами водитъ. Вы безъ сомнѣнія поставлять будете славу вашу въ умноженіи славы правленія такого Государя, который любитъ и покровительствуетъ сіе просвѣщеніе, и да благословитъ Всемогущій взаимныя попеченія ваши и содѣлаетъ каждаго достойнымъ находиться подъ властію всемилостивѣйшаго и достойнѣйшаго изъ монарховъ, отца своихъ народовъ.»

Въ отвѣтъ на эту рѣчь епископъ Тенгстрёмъ, именемъ духовенства и профессоровъ, принесъ выраженіе живѣйшей признательности за покровительство Государя ихъ религіи и ея служителямъ, а также абоскому университету, и просилъ главнокомандующаго «повергнуть предъ Августѣйшимъ трономъ Всемилостивѣйшаго Монарха ихъ совершеннѣйшую приверженность и истинное расположеніе къ высочайшей волѣ Его Величества». Затѣмъ графъ Буксгевденъ приказалъ читать присягу, и епископъ, со всѣмъ духовенствомъ и профессорами, произнесли ее. По оффиціальному отчету присяга эта произнесена «съ особеннымъ уваженіемъ и съ такимъ удовольствіемъ, которое на лицѣ всѣхъ было замѣтно и вело съ окончаніемъ ея взаимное ихъ поздравленіе».

Въ другой залѣ, съ тою же доброю волею,—по словамъ отчета Буксгевдена—присягнули учащіеся въ университетѣ и всѣ прочія принадлежащія къ нему лица. Затѣмъ главнокомандующій прежнимъ порядкомъ возвратился къ себѣ на квартиру. Здѣсь дежурный генералъ, генералъ-лейтенантъ Коновницынъ, представилъ рапортъ о томъ, что согласно возложенному на него порученію, онъ принялъ въ домѣ магистрата присягу вѣрности отъ бургомистра, всѣхъ членовъ магистрата и депутатовъ отъ купечества. По донесенію Коновницына эти лица явили при семъ случаѣ полное свое расположеніе и готовность къ волѣ всемилостивѣйшаго Государя.

Около полудня присланные отъ парламента, т. е. гофгерихта, чиновники донесли главнокомандующему что всѣ члены этого суда, управляющій губерніею и прочія сословія ожидаютъ его прибытія. Сопровождаемый, какъ и прежде, генералами и офи-

церами, гр. Буксгевденъ отправился туда, и у входа въ домъ собранія встрѣченъ былъ президентомъ гофгерихта Тандефельдомъ и членами, которые затѣмъ въ порядкѣ предшествуя ему, ввели среди многочисленнаго собранія гражданскихъ чиновниковъ въ залу засѣданій. Здѣсь главнокомандующій, занявъ мѣсто на концѣ стола подъ балдахиномъ по правую руку отъ президента, открылъ собраніе слѣдующею рѣчью, сказанною отъ его лица.

«Гг. президентъ и члены гофгерихта! Для меня пріятно вѣрить, что вы совершая предстоящій вамъ торжественный подвигъ напередъ уже обозрѣваете, сколь великія выгоды приноситъ вамъ присоединеніе къ толико пространной и толико цвѣтущей Имперіи. Ваши законы и ваши обыкновенія остаются обезпеченными и уважаемыми, и управленіе нераздѣльное съ правосудіемъ, утверждаютъ навсегда благосостояніе жителей живущихъ подъ судопроизводствомъ вашимъ, и которыхъ пользы, покровительствуемыя закономъ, остаются вамъ ввѣренными. Продолжайте сіе управленіе ваше съ тою же ревностію и тѣмъ же безкорыстіемъ коими вы доселѣ отличались, и покажите народу, что уваженіе на состоянія и лица не имѣютъ у васъ мѣста, но что одно только точное выполненіе законовъ и правосудіе составляютъ существенный и главный предметъ вашъ. Содѣлайте себя такимъ образомъ достойными вниманія справедливѣйшаго изъ государей, именемъ котораго производить будете правый судъ вашъ и содѣлайте народъ столько довольнымъ, чтобы онъ благославлялъ сію счастливую эпоху, когда высочайшая воля Государя Императора упрочивая порядокъ и силу отечественныхъ вашихъ законовъ, вновь и навсегда утвердила цѣлость общую и неприкосновенность собственности каждаго».

На эту рѣчь президентъ отвѣчалъ отъ лица всѣхъ своихъ сочленовъ, «что они почитать будутъ себя весьма счастливыми когда истинною ревностію своею въ исполненіи обязанностей своихъ и воли толико милосердаго къ нимъ Государя содѣлаются достойными одобренія и похвалы Правительства, и что они готовы совершить предложенное имъ обязательство». Затѣмъ была принесена присяга какъ составомъ гофгерихта, такъ и другими чиновниками къ нему принадлежащими. По окончаніи этого обряда,

главнокомандующій перешелъ въ томъ же порядкѣ въ другую залу, гдѣ былъ принятъ губернаторомъ Троилемъ, со всѣми чиновниками и депутатами.

Обратясь къ губернатору и дворянству и объяснивъ причину своего прибытія, а также выразивъ похвалу поведенію губернатора, Буксгевденъ пригласилъ ихъ подать новый примѣръ исполненія долга. Послѣдовало чтеніе и принесеніе присяги тѣмъ же какъ и выше порядкомъ «съ наилучшимъ—говорило донесеніе—расположеніемъ». Затѣмъ де-Троиль обратился къ депутатамъ съ нѣсколькими словами на шведскомъ языкѣ, изложивъ настоящія обстоятельства, милости Государя на нихъ щедро изливаемыя, и то великодушіе, съ которымъ Императоръ Александръ принимаетъ ихъ не какъ народъ побѣжденный, но какъ собственныхъ своихъ подданныхъ, и сохраняетъ имъ права и преимущества, коими они до того пользовались; губернаторъ заключилъ свои слова объясненіемъ обязанностей депутатовъ въ отношеніи къ великодушному Государю. Послѣ того какъ эта рѣчь была прочитана и по-фински, старшій изъ депутатовъ именемъ прочихъ также изъявилъ полную признательность и готовность принести присягу, «которая соединяя отечество ихъ съ Имперіею Всероссійской утверждаетъ ихъ благосостояніе». Присяга затѣмъ и здѣсь была принесена

По совершеніи такимъ образомъ всѣми сословіями многознаменательнаго обряда, главнокомандующій, предшествуемый всѣми членами гражданскаго управленія и сопровождаемый дворянствомъ, возвратился въ свое помѣщеніе. Вскорѣ туда явились многіе изъ главнѣйшихъ представителей дворянскаго и духовнаго сословій и вновь принесли благодарность за расположеніе и довѣріе возвѣщенное имъ отъ лица Государя.

На другой день, назначенный для принесенія присяги всѣми прочими жителями города Або, каѳедральный соборъ былъ переполненъ народомъ. И здѣсь, послѣ совершенія литургіи, главнокомандующій принялъ присягу при выраженіи, судя по его донесенію, самыхъ добрыхъ чувствъ. Въ тотъ же день имъ данъ былъ парадный обѣдъ почетнѣйшимъ жителямъ города; въ числѣ ихъ было и шестеро крестьянъ. Празднество по случаю соверше-

нія важнаго историческаго акта заключилось баломъ, даннымъ графомъ Буксгевденомъ 11-го числа.

Жители прочихъ городовъ присоединеннаго края: Вазы, Тавастгуса, Гельсингфорса, Борго, Ловизы, Экнеса, Тамерфорса, Гейнолы, Нодендаля, Ништадта, Раумо, Біёрнеборга, Кристиненштата, Каскё, Гамле-Карлебю, Якобштата и Нью-Карлебю,— принесли присягу въ тотъ же день, 10-го мая, послѣ богослуженія. Порядокъ былъ соблюденъ однообразный: сперва присягало духовенство, потомъ гофгерихтъ (въ Вазѣ), губернаторы съ дворянствомъ, немдеманы и почетные крестьяне. Присягу принимали: въ Вазѣ—гражданскій губернаторъ Эминъ, въ Тавастгусѣ—генералъ-маіоръ Миллеръ, въ Гельсингфорсѣ—генералъ лейтенантъ графъ Каменскій 2-й, въ Борго генер.-маіоръ Алексѣевъ, въ Ловизѣ—ген.-маіоръ Брискорнъ, въ Экнесѣ—ген.-маіоръ Тучковъ 3-й; во всѣхъ другихъ—штабъ-офицеры.

Въ слѣдующее затѣмъ воскресенье, 17-го мая, приведены были къ присягѣ живущіе въ уѣздахъ дворяне, пасторы и земскіе чиновники; а еще чрезъ недѣлю присягнули прочіе жители деревень, младшіе чиновники и всѣ крестьяне. Исключеніе какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ дѣлалось лишь для малолѣтнихъ, недостигшихъ 15-ти-лѣтняго возраста — они вовсе не присягали. Впрочемъ принесеніе присяги продолжалось и позже со стороны лицъ отсутствовавшихъ, больныхъ и т. п.

Посланныя для принятія присяги должностныя лица свидѣтельствовали вообще о доброй волѣ и готовности, съ которыми населеніе приносило присягу. Донесенія эти были оффиціальныя, и нѣкоторые финскіе писатели утверждаютъ, что то была присяга подневольная, а потому не придаютъ ей положительнаго значенія. Конечно, трудно читать въ душѣ людей, особенно при обстоятельствахъ столь необычайныхъ, какъ перемѣна правительства. Жестокость партизанской войны и упорное противодѣйствіе мѣрамъ правительства, образцы котораго приведены будутъ впослѣдствіи, говорятъ въ самомъ дѣлѣ о томъ, что многіе изъ присягнувшихъ очень легко относились къ произнесенному обѣту вѣрности. Тѣмъ не менѣе тотъ фактъ, что при принесеніи присяги не было примѣнено мѣръ насилія, доказательно не опровер-

гается и этими историками, и тѣмъ лишь худшими красками рисуются нравственныя правила этихъ многихъ изъ присягавшихъ. Во всякомъ случаѣ событіе включенія Финляндіи въ составъ русской Имперіи, возвѣщенное всему міру манифестомъ 20-го марта, завершилось клятвою вѣрноподданства, — и этотъ актъ не можетъ быть вычеркнутъ изъ исторіи.

По принесеніи присяги главнѣйшія лица, согласно волѣ Государя, получили крупныя награды: оба епископа Тенгстрёмъ и Сигнеусъ украшены лентами и звѣздами св. Анны первой степени; той же почести удостоились президентъ Тандефельдъ и ландсгевдинги, т. е. губернаторы: абоскій де-Троиль, тавастгусскій Мункъ и гейнольскій бар. Лоде. Пробсты Сигнеусъ и Тавастъ награждены орденами св. Анны 2 ст.; бургомистрамъ: абоскому—Синебергу, гельсингфорскому—Мартенсу и тавастгусскому Селину даны подарки [1]). Позднѣе и самому гр. Буксгевдену выражено монаршее удовольствіе. Въ письмѣ отъ 10-го іюля, по обыкновенію одобренному предварительно Императоромъ Александромъ, гр. Румянцовъ извѣщалъ главнокомандующаго: «Его Величество изволилъ принять съ особливымъ благоволеніемъ понесенные вами труды по сему случаю. Его Величество совершенно изволилъ одобрить весь порядокъ, который при семъ происшествіи повсемѣстно соблюденъ былъ по распоряженію в. сіят-ва». Но благоволеніе это выражено не въ собственноручномъ рескриптѣ, какъ можно и должно было бы ожидать въ отношеніи главнокомандующаго цѣлою арміею, андреевскаго кавалера и пр., а въ письмѣ министра. Интрига въ Петербургѣ не дремала, и графъ Буксгевденъ чувствовалъ ее на каждомъ шагу.

За всѣмъ изложеннымъ и не смотря на награды, розданныя по принятіи большинствомъ населенія присяги, были какъ сказано люди, притомъ далеко не одиночные, которые или уклонялись отъ

[1]) Современникъ, бар. Ребиндеръ, въ мемуарахъ своихъ разсказываетъ, что населеніе относилось неблагосклонно къ этимъ пожалованіямъ. См. ниже, стр. 140.

ея принесенія, или прямо ее нарушали. Весьма возможное и даже естественное въ тревожныя времена явленіе это имѣло значеніе въ особенности потому, что въ него входили элементы безпокойные и даже опасные. Испытывались серьезныя затрудненія со стороны тѣхъ, кому оказано было наиболѣе довѣрія, именно военноплѣнныхъ, распущенныхъ по домамъ подъ простыя подписки съ обязательствомъ лишь не враждовать противъ Россіи. Возстаніе пылало кругомъ, а освобожденные военноплѣнные являлись въ немъ весьма нерѣдко не только участниками, но и руководителями; очевидно эти люди не давали цѣны своимъ обязательствамъ. Присяга имѣла бы, можетъ статься, большее значеніе, но отъ нея они отказывались ссылаясь на данныя уже подписки. О затрудненіяхъ своихъ Буксгевденъ писалъ въ Петербургъ и ждалъ указаній.

Непредусмотрительно-либеральная мѣра отпуска плѣнныхъ имѣла очевидно въ корнѣ своемъ все тоже увѣреніе знатоковъ Финляндіи, что мѣстное населеніе только ищетъ случая отложиться отъ Швеціи и соединиться съ Россіей. И однако эти знатоки, и во главѣ ихъ Спренгтпортенъ, явились теперь, когда дѣйствительность не оправдала ихъ увѣреній, первыми порицателями оказанной плѣннымъ милости. «Очень ошибочно было— писалъ Спренгтпортенъ гр. Румянцову 31-го мая—предоставить подонкамъ военноплѣнныхъ взятыхъ въ Свеаборгѣ разбрестись по странѣ. Эти бродяги, у которыхъ нѣтъ ни кола ни двора, большею частью иностранцы умирающіе съ голоду, вмѣстѣ съ нѣсколькими негодяями изъ наиболѣе голодныхъ корельцевъ, произвели безпорядки въ Саволаксѣ. Необходимо подъ разными предлогами собрать ихъ и употребить въ работы [1])».

Это указаніе не было однако принято въ Петербургѣ въ уваженіе. Главнокомандующій имѣлъ другой взглядъ, и Императоръ Александръ одобрилъ его. Тѣ изъ плѣнныхъ, которые имѣли свои дома въ Финляндіи, должны были принести вмѣстѣ съ ихъ семействами «присягу на вѣрность новому своему Монарху, къ державѣ коего отчизна ихъ присоединена на вѣчныя времена».

[1]) Прилож. № 49, п. 5.

Тѣхъ же, которые въ отказѣ отъ присяги будутъ упорствовать, назначено выслать въ Россію въ видѣ военноплѣнныхъ [1]).

Это было собственно въ отношеніи нижнихъ чиновъ. Къ офицерству, пользующемуся казенными имѣніями (бостелями), гр. Буксгевденъ предлагалъ примѣнить болѣе строгую мѣру. Положеніе было дѣйствительно крайне ненормально. Многіе офицеры изъ финляндцевъ послѣдовали со шведскими войсками и сражались противъ Русскихъ. Въ то же время жены и дѣти ихъ оставались въ бостеляхъ на присоединенной къ Россіи территоріи и пользовались всѣми съ нихъ выгодами и доходами. Сначала думали что забота о сохраненіи этихъ выгодъ повліяетъ на настроеніе офицерства. Къ этой цѣли стремились какъ объявленіемъ въ прокламаціяхъ о преимуществахъ, ожидающихъ финскихъ офицеровъ, если они оставятъ шведскія войска и перейдутъ къ Россіи, такъ и непосредственнымъ обращеніемъ Буксгевдена къ шведскому главнокомандующему съ приглашеніемъ прекратить сопротивленіе. И то и другое какъ извѣстно не сбылось; по позднѣйшему сознанію самаго автора этихъ мѣръ,—офицеры-финляндцы рѣшительно остались при своихъ мѣстахъ въ шведской арміи. Теперь Буксгевденъ просилъ разрѣшенія примѣнить къ шведскимъ офицерамъ-финляндцамъ болѣе дѣйствительную мѣру: отобрать бостели у ихъ семействъ и отдать подъ присмотръ мѣстнаго начальства, которое будетъ собирать съ нихъ доходы [2]).

Это предложеніе, сдѣлавшись извѣстнымъ Спренгтпортену, тѣмъ менѣе могло пройти безъ порицанія, что касалось того сословія къ которому самъ Спренгтпортенъ принадлежалъ. Онъ спѣшилъ поэтому удостовѣрить гр. Румянцова, что владѣльцы бостелей находящіеся при шведской арміи не могутъ узнать о проектированной мѣрѣ въ виду будто бы военныхъ законовъ, а потому семейства ихъ будутъ повергнуты въ нищету. На дѣлѣ

[1]) Отношеніе гр. Буксгевдена къ гр. Румянцову отъ 26 мая. № 151 (лист. 146), и высочайше апробованная депеша гр. Румянцова, 9 іюня, лист. 45.

[2]) Письмо 26-го мая, № 154,—лист. 147.

офицеры весьма хорошо могли знать о всемъ, что дѣлается съ ихъ семействами уже по тому одному, что еще съ первыхъ почти дней занятія русскими войсками края, женамъ офицеровъ предоставлено было переписываться съ ихъ мужьями [1]). Но кромѣ того Шведы чрезъ мѣстное населеніе всегда отлично знали все, что дѣлается.

Возраженія Спренгтпортена и на этотъ разъ не достигли цѣли, а предложеніе Буксгевдена одобрено въ Петербургѣ; оно сопроводилось небольшимъ лишь смягченіемъ: бостели должны были остаться во владѣніи семей отсутствующихъ офицеровъ еще въ теченіе шести недѣль.—«Но ежели—повелѣно было—къ тому сроку сами они не явятся, то и тѣ участки имѣютъ поступить въ казенное вѣдомство, и тогда уже къ исполненію сей мѣры приступить не дожидаясь новыхъ повелѣній [2])».

Подобное предложеніе сдѣлано Буксгевденомъ и утверждено Александромъ Павловичемъ и въ отношеніи тѣхъ, не казенныхъ уже, а частныхъ имѣній, особенно крупныхъ, владѣльцы коихъ находились въ Швеціи и не спѣшили въ Финляндію для подчиненія новому правительству; таковы были Ферзены, Врангели и т. п... Рѣшено взять эти имѣнія подъ присмотръ русскихъ властей, а доходы съ нихъ вносить въ казну, дабы тѣмъ от-

---

[1]) Г-жа Фуругельмъ писала своему мужу, маіору Фуругельму, 21-го марта:—«Не удивлены ли вы получая письма отъ насъ? И знаете ли, какъ это случилось? Въ одну минуту рѣшено было, что дамы поѣдутъ въ Свенскбю, чтобы познакомиться съ гр. Буксгевденомъ, и это исполнено безъ замедленія. Генералъ обѣщалъ не только послать наши письма въ армію, но дѣлать тоже и въ будущемъ. Судите о нашей радости, когда любезный генералъ исполнилъ нашу просьбу и это не было одно только обѣщаніе. Отнынѣ письма наши не будутъ распечатываться, видите (?!), какое къ намъ имѣютъ довѣріе. Луиза обнимаетъ тебя отъ всего сердца».—Изъ перлюстраціи гр. Буксгевдена, лист. 120.

[2]) 9-го іюня, лист. 47.—Мѣра эта, однако, никогда не была приведена въ исполненіе. Сперва назначались отсрочки, затѣмъ дѣло затянулось до ноября, а послѣ Буксгевденъ былъ смѣщенъ. Впрочемъ и онъ самъ, кажется, стѣснялся исполнить такую крутую мѣру. Въ Петербургѣ же, во время нахожденія тамъ позднѣе финляндскихъ депутатовъ, возникали постоянныя ходатайства о ея отмѣнѣ.

вратить враждебное ихъ употребленіе. Распоряженіе это являлось въ видѣ репрессаліи, въ отвѣтъ на конфискацію шведскимъ правительствомъ русскихъ купеческихъ судовъ. Собственно Буксгевденъ склонялся къ тому, чтобы и упомянутыя имѣнія конфисковать; если же смягчилъ свое предложеніе, то очевидно соображаясь съ извѣстными воззрѣніями Императора Александра [1]).

Всѣ эти рѣшительныя мѣры вполнѣ понятны, хотя и нельзя отказать въ сочувствіи многимъ изъ ихъ жертвъ, стоявшихъ на почвѣ вполнѣ съ ихъ точки зрѣнія законной и нравственной. Правительству надо было знать, кто его друзья и кто враги. Принятіе присяги во всѣхъ случаяхъ являлось средствомъ избѣжать ихъ примѣненія. И этотъ взглядъ принадлежалъ не только главнокомандующему, но и лично Государю, не смотря на его уступчивость и мягкость. Даже позднѣе, когда военное счастіе опять обратилось на сторону русскаго оружія и потому можно было бы допустить и большую снисходительность, эта строгость проявлялась осязательно. Рельефный примѣръ представилъ случай съ шведскимъ камеръ-юнкеромъ и секретаремъ королевскаго совѣта афъ-Форселлесомъ. Будучи финляндскимъ землевладѣльцемъ и находясь въ своемъ имѣніи, онъ обратился къ Императору Александру съ письмомъ, въ которомъ просилъ о пропускѣ его чрезъ Або для поѣздки въ Стокгольмъ. При этомъ выражалъ желаніе со временемъ вступить въ русскую службу, но уклонялся отъ исполненія этого обязательства. Въ отвѣтъ на его просьбу послано гр. Буксгевдену Высочайшее повелѣніе «объявить Форцелю, что ежели онъ будучи финляндскимъ уроженцемъ, а слѣдовательно подданнымъ Его Императорскаго Величества, не соглашается вмѣстѣ съ соотчичами своими принести Ему присягу на вѣрность, то в. сіят-во имѣете повелѣніе отправить его въ Петербургъ въ видѣ военноплѣннаго, и что по прибытіи сюда назначится ему мѣсто пребыванія внутри Имперіи, гдѣ и будетъ онъ оставаться до окончанія войны» [2]).

---

[1]) Camp. Suèd. Buxhoevden, 1808, лист. 143 и 48.

[2]) Высоч. апробованное отношеніе гр. Румянцова къ гр. Буксгевдену, отъ 5-го авг. 1808, лист. 60.

Затрудненія, вызвавшія указанныя мѣры, во многомъ являлись послѣдствіемъ того что Густавъ-Адольфъ находился на своей яхтѣ по близости Аланда. Отсюда посылалъ онъ въ Финляндію зажигательныя прокламаціи, которыя при содѣйствіи тайно переѣзжавшихъ изъ Швеціи бойкихъ унтеръ-офицеровъ королевской гвардіи производили свое дѣйствіе и на тѣ части страны, которыя были по-видимому прочно заняты Русскими. Понятно, какъ относился король къ дѣйствіямъ послѣднихъ. Питая издавна нескрываемую непріязнь лично къ Императору Александру, онъ тѣмъ болѣе долженъ былъ негодовать теперь, когда вся южная, наиболѣе процвѣтающая часть Финляндіи была не только въ русскихъ рукахъ, но и оффиціально всему міру объявлена присоединенною навѣки къ Россіи. Принимая всѣ средства противодѣйствія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ осыпалъ бранью распоряженія гр. Буксгевдена и вообще русскаго правительства даже въ непосредственной съ нимъ перепискѣ. Дѣлаясь извѣстною между шведско-финскими войсками, такая корреспонденція не могла не усиливать ихъ раздраженія и не затруднять еще болѣе положенія русской арміи. Для характеристики Густава нелишне ознакомиться съ этой перепиской, происходившей въ періодъ наибольшаго отступленія на сѣверѣ отрядовъ Тучкова и Раевскаго и разгара партизанскихъ дѣйствій финляндцевъ. На югѣ въ это время напротивъ принималась присяга и указанныя выше мѣры.

Первое письмо съ королевской яхты «Амадисъ», отъ 24 іюня (5 іюля), писанное отъ лица вице-адмирала барона Райялина, но несомнѣнно подъ диктовку самого короля, было изложено буквально такъ:

«Хотя поведеніе вашего правительства, съ самаго начала непріязненностей между Швеціей и Россіей, казалось настолько истощило все разнообразіе дѣйствій до сихъ поръ неизвѣстныхъ между образованными народами, что ничему не должно бы болѣе удивляться,—однако король государь мой не могъ узнать иначе какъ съ величайшимъ негодованіемъ, отъ многихъ изъ его финскихъ подданныхъ, сотнями укрывающихся отъ ига вами на нихъ налагаемаго, что они силою принуждаются служить противъ ихъ

законнаго государя, не смотря на торжественное обѣщаніе ваше не употреблять ихъ въ дѣло въ настоящую войну, и что часть ихъ уже взята для того на русскую флотилію. Его величеству трудно сомнѣваться въ правдивости полученныхъ въ томъ завѣреній; но онъ желалъ бы для чести человѣчества быть въ этомъ отношеніи разубѣжденнымъ. Если для лучшей еще окраски этого покушенія на международное право и первѣйшіе принципы общественной нравственности вы пожелаете сослаться на единственную въ своемъ родѣ присягу въ вѣрности русскому Императору, которую стараются вырвать у обывателей шведской Финляндіи,— то ваше прев-во только напомните о новомъ еще оскорбленіи, неизвѣстномъ даже въ наши времена столь богатыя удивительными нововведеніями. Никогда не пытались распоряжаться совѣстью и судьбою народа ранѣе, пока мирный договоръ не постановилъ объ этомъ рѣшенія и никогда въ войнѣ начатой безъ предварительнаго ея объявленія и съ призывомъ къ мятежу, послѣдствія не были болѣе выдержаны и болѣе ужасны какъ въ настоящемъ случаѣ.

«Его величество король повелѣлъ мнѣ сообщить вашему превосходительству эти неопровержимыя истины, а также напомнить что придетъ время когда раскаетесь въ поведеніи столь мало согласномъ съ законами чести и открытой и лойяльной войны между двумя народами, нѣкогда взаимно себя уважавшими. Содержаніе этого письма дѣлаетъ всякій отвѣтъ излишнимъ: никакое объясненіе не можетъ оправдать неоправдываемаго въ настоящемъ положеніи вещей; пусть говорятъ одни факты. Съ совершеннымъ почтеніемъ...» [1]).

---

[1]) Арх. М. Ин. Д., Camp. Suèd., Bouxh. ad 160.

Monsieur le Général. Malgré que la conduite de Votre Gouvernement, dès le commencement des hostilités entre la Suède et la Russie, parait tellement avoir épuisé tous les genres de procédés jusqu'ici inconnus entre des nations civilisées, que rien ne devrait plus étonner de Votre part, le roi mon Maitre n'a cependant pas pu apprendre sans la plus vive indignation, par plusieurs de ses sujets Finnois qui se dérobent par centaines au joug qu'on veut leur imposer, que Votre Excellence, après avoir solennellement promis de ne point les employer dans cette guerre,

Забывая про свое собственное вопіющее насиліе за три мѣсяца предъ тѣмъ надъ русскою миссіею, Густавъ не желалъ отвѣта. Но гр. Буксгевденъ не нашелъ нужнымъ сообразоваться съ его желаніемъ. Напротивъ, усмотрѣвъ противорѣчіе между началомъ и концомъ письма барона Райялина,—здѣсь онъ отказывался отъ полученія отвѣта, а тамъ хотѣлъ быть разубѣжденнымъ въ обвиненіяхъ, взводимыхъ на русское правительство,—главнокомандующій отвѣчалъ ему даже съ нѣкоторою быть можетъ излишнею обстоятельностью. Оправдавъ свой отвѣтъ этимъ противорѣчіемъ, Буксгевденъ удостовѣрилъ своего корреспондента, что если король повелѣлъ ему наговорить всѣ эти нелюбезныя вещи лично ему, Буксгевдену, то въ письмѣ своемъ онъ, Райялинъ, оказался вполнѣ достойнымъ такого довѣрія. Въ дальнѣйшемъ, не входя въ оправданіе мѣръ принятыхъ Императоромъ Александромъ, оправданіе тѣмъ болѣе неумѣстное что о немъ не можетъ быть сужденій между двумя подданными на то неуполномоченными, Буксгевденъ ссылками

---

veut maintenant les forcer à servir contre leur Souverain legitime, et que même une partie est employée sur la flotille Russe. Sa Majesté peut difficilement douter de la véracité de cette assertion; mais Elle aimerait pour l'honneur de l'humanité, d'être détrompé à cet égard.—Si pour colorer cet attentat contre le droit des gens et les premiers principe de la morale publique, on voudrait alléguer ce serment unique de fidélité à l'Empereur de Russie, qu'on cherche à extorquer des habitants de la Finlande Suédoise, Votre Excellence ne fera que rappeller un nouvel outrage, inconnu même à nos temps, si fertiles d'ailleurs en nouveautés étonnantes. Jamais on n'a cherché à disposer des consciences et des destinées d'un peuple avant qu'un traité de paix en ait décidé, et jamais après avoir commencé les hostilités sans déclaration de guerre préalable et avec des appels à la révolte, les conséquences n'en ont été plus soutenu ni plus effroyables que dans le cas présent. — Le roi mon Maitre m'a ordonné de faire part à Votre Excellence de ces vérités incontestables et de Lui rappeller aussi, qu'un temps arrivera où Vous Vous répentirez d'une conduite si peu conforme aux lois de l'honneur et à celles d'une guerre franche et loyale entre deux nations qui se respectaient jadis. Le contenu de cette lettre rend toute réponse superflue, nulle explication ne saurait justifier ce qui dans la situation des choses est injustifiable; c'est donc aux faits seuls de parler. C'est avec une consideration etc. etc.

на деклараціи опровергалъ объясненія Райялина и указалъ между прочимъ, что въ 1788 году Густавъ III вторгнулся въ Выборгскую губернію совершенно неожиданно не только безъ объявленія войны, но даже и безъ всякихъ непріязненныхъ заявленій. На счетъ присяги Буксгевденъ объяснилъ, что финляндцамъ предоставлено или пользоваться преимуществами въ качествѣ русскихъ подданныхъ, или же оставить страну, въ которой при сохраненіи прежнихъ отношеній они являются врагами. Затѣмъ онъ категорически удостовѣрилъ, что никто, кому именемъ Государя было обѣщано освобожденіе отъ службы въ теченіе этой войны, не былъ принужденъ вступить въ нее. Съ своей стороны Буксгевденъ ставилъ въ вину шведскимъ начальникамъ возбужденіе безпокойства въ умахъ противъ русской власти, чѣмъ только увеличивается мѣра бѣдствій; главнымъ же образомъ обвинялъ онъ шведскихъ офицеровъ, втирающихся всякими способами въ довѣріе къ народу, особенно между военноплѣнными отпущенными на честное слово. Побуждая ихъ къ сопротивленію Русскимъ, они достигаютъ въ концѣ концовъ того, что люди эти попадаются вновь въ русскія руки и не могутъ уже избѣгнуть заслуженной казни, чему было немало примѣровъ.—«Исполняя мой долгъ, — заключалъ главнокомандующій, — стараясь заслужить довѣріе моего Государя, которому только и принадлежитъ судить о моихъ дѣйствіяхъ, и стремясь согласно его великодушнымъ видамъ облегчить финскому народу неизбѣжное бремя справедливой войны и упрочить его спокойствіе, безопасность и благосостояніе,—я понимаю, что этотъ самый образъ дѣйствій можетъ не нравиться королю шведскому; но твердый въ моихъ правилахъ, увѣренъ, что ничѣмъ они не будутъ поколеблены. Этимъ и отвѣчаю на его угрозы» [1]).

Но не успѣлъ гр. Буксгевденъ написать этотъ отвѣтъ свой, какъ отъ Густава, теперь уже чрезъ его генералъ-аудитора гр. Гилленборга, получилъ новое, еще болѣе неприличное посланіе. Угрозы въ немъ заключающіяся можно объяснить только крайнимъ возбужденіемъ короля, недававшаго себѣ точнаго отчета

[1]) Тамъ же.

въ томъ, что онъ говорилъ и диктовалъ. Письмо было помѣчено 7-мъ іюля, т. е. на другой день по отсылкѣ перваго, и на той же королевской яхтѣ «Амадисъ».

«Въ прокламаціяхъ, обращаемыхъ къ несчастнымъ жителямъ шведской Финляндіи подверженнымъ вашему игу, вы обѣщали имъ сохраненіе шведскихъ законовъ; а такъ какъ нужно полагать что ваше прев-во знаетъ ихъ содержаніе, то король приказалъ напомнить вамъ что эти самые законы, на которые вы ссылаетесь ежеминутно, угрожаютъ наказаніемъ особенно тѣмъ, кто подстрекаетъ народъ къ возмущенію противъ его законнаго короля. Предоставляю вамъ самимъ судить, примѣнимъ ли этотъ законъ въ настоящемъ случаѣ. Ежедневно король извѣщается, что обитатели финляндскихъ острововъ, покровительствуемыхъ нынѣ морскими силами его величества и потому ненаходящихся подъ вашимъ деспотизмомъ, получаютъ однако самыя ужасныя требованія подчиниться мѣрамъ для нихъ ненавистнымъ. Такой образъ дѣйствій рѣшительно не сходствуетъ ни съ какими обычными правилами; когда люди себя такъ мало уважаютъ что ищутъ подорвать вѣрность народа, то они не могутъ уже разсчитывать на покровительство международнаго права, но разумѣется подвергнутся всей строгости закона» [1]).

---

[1]) Dans des proclamations emanées sous Votre nom, M-r le général, aux malheureux habitants de la Finlande Suédoise soumis à Votre joug, Vous leur avez promis la conservation des lois suédoises; et comme il est à présumer que Votre Excellence en connaisse la teneur, le Roi mon Maitre m'a ordonné de rappeller à V. E. que cette même loi, qu'Elle allègue à tout moment, porte expressement la punition de celui qui essaye de séduire un peuple à la révolte envers son Roi légitime. Je Vous laisse à juger Vous même, si cette loi n'est point applicable au cas présent.

Tous les jours le Roi reçoit des nouvelles que les habitants des îles finnoises, protégés en ce moment par les forces navales de Sa Majesté et qui par conséquent ne se trouvent pas sous Votre despotisme, reçoivent cependant les plus horribles sommations de se prêter à des mesures, qu'ils abhorrent. Une pareille conduite s'écarte de toutes les règles ordinnaires; quand on s'estime assez peu pour vouloir suborner la fidélité d'un peuple, on ne peut point s'attendre à la protection du droit des gens, mais certainement à toute la rigueur des lois.—Ibid., ad 160.

Графъ Буксгевденъ отказался принять это своеобразное предостереженіе и возвратилъ его съ слѣдующею на немъ надписью отъ 27 іюня (9 іюля): «Изложенныя здѣсь разсужденія вполнѣ примѣнимы къ шведскимъ подстрекателямъ, старающимся соблазнить и возмутить подданныхъ Его Величества Императора всероссійскаго въ его финляндскихъ провинціяхъ. Посему главнокомандующій императорско-русской арміей предоставляя графу Гилленборгу заботу примѣнять къ этимъ людямъ строгость законовъ, извѣщаетъ что впредь онъ не будетъ принимать заявленій подобныхъ настоящему, не зная къ тому же что съ ними дѣлать, такъ какъ не всѣ еще шведскіе эмиссары находятся въ его рукахъ. Отнынѣ подателямъ такихъ пустыхъ и безсильныхъ угрозъ отвѣтъ будетъ подаваться изъ пушечнаго жерла». Буксгевденъ не счелъ нужнымъ подписаться подъ отвѣтомъ; онъ предоставилъ это исполнить секретарю своему коллежскому ассесору Шретеру.

По поводу шведской агитаціи еще ранѣе Буксгевденъ признавалъ, что когда съ той стороны говорилъ народу самъ король, то его, Буксгевдена, прокламацій мало, и необходимо чтобы и съ русской стороны раздался голосъ Монарха. Онъ проектировалъ поэтому воззваніе отъ лица Императора Александра съ настоятельнымъ удостовѣреніемъ, что занятая страна никакимъ образомъ не будетъ возвращена Швеціи.

Въ Петербургѣ съ этими соображеніями не замедлили согласиться, и 5 (17) іюня состоялся высочайшій манифестъ, обращенный къ «Намъ вѣрноподданнымъ обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи всякаго чина и состоянія». Въ немъ нашли мѣсто и угрозы тѣмъ, кто продолжалъ сопротивляться. Вотъ его полный текстъ [1]):

«Божіею милостію, Мы Александръ первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и проч., и проч. и проч. «Намъ вѣрноподданнымъ обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи всякаго чина и состоянія.

[1]) Манифестъ 5 іюня въ Полномъ Собраніи зак. Росс. Имп. не напечатанъ; списокъ съ него имѣется въ дѣлахъ Спб. Главн. Архива М. Ин. Дѣлъ, aff. finlandaises.

«Храня спокойствіе вообще всѣхъ обывателей Финляндіи, Мы особенно желали среди самыхъ военныхъ дѣйствій оградить сіе ученое сословіе уваженіемъ и покровительствомъ. Намѣренія Наши въ точности были исполнены. Чувства довѣрія и признательности чрезъ посредство ваше отъ Абоскаго университета въ свое время изъявленныя, Мы приняли съ особеннымъ удовольствіемъ.

«Нынѣ, когда предопредѣленіемъ Вышняго судьба страны сея навсегда присоединена къ Имперіи Россійской, Мы пріемлемъ на себя пріятную обязанность пещись о сохраненіи и распространеніи сего знаменитаго установленія.

«Въ таковомъ расположеніи намѣреній Нашихъ, Мы нынѣ же утверждаемъ и словомъ Нашимъ Императорскимъ удостовѣряемъ силу всѣхъ правъ и преимуществъ Абоскому Университету доселѣ присвоенныхъ и нынѣ существующихъ. Сверхъ сего Мы поручаемъ вамъ, пригласивъ членовъ Университета, положить на мѣрѣ способы какіе признаете вы нужными къ распространенію и вящему усовершенствованію сего заведенія и представить Намъ на усмотрѣніе.

«Удостовѣрьте при семъ всѣхъ членовъ Университета, что пользы просвѣщенія всегда полагали Мы въ числѣ первыхъ предметовъ Нашего попеченія, въ числѣ обязанностей сердцу Нашему драгоцѣннѣйшихъ. Примите при семъ случаѣ особенно свидѣтельство Нашего къ вамъ благоволенія. Намъ пріятно въ васъ, яко начальникѣ духовенства Абоской Епархіи, видѣть ревностнаго блюстителя просвѣщенія.» [1])

То было въ отношеніи цѣлой корпораціи. Но и отдѣльнымъ лицамъ, какъ выше упоминалось, готовы были оказывать милости и почести и давать награды при первомъ проявленіи покорности. Епископы, губернаторы, бургомистры, пробсты украшались орденами и одаривались щедро. Молодымъ дворянамъ предстояло блестящее положеніе при дворѣ. Особенно же разительный примѣръ милости былъ оказанъ одному изъ нихъ Штакельбергу, обратившемуся къ Императору Александру съ просьбою по своему частному дѣлу. Судя по этому примѣру, чѣмъ

[1]) Арх. М. Ин. Д., 1808, aff. finlandaises.

менѣе умѣренны были желанія, тѣмъ выше ихъ цѣнили и тѣмъ скорѣе исполняли. Былъ ли этотъ Штакельбергъ тотъ самый адъютантъ Адлеркрейца, который сдался въ плѣнъ на другой же день послѣ поѣздки къ шведскимъ войскамъ русскаго парламентера Гагельстрёма съ предложеніемъ прекратить сопротивленіе [1]), или же это было другое лицо, — изъ документовъ не видно. Будучи землевладѣльцемъ въ бывшей шведской, а теперь присоединенной къ Россіи части Финляндіи, Штакельбергъ прибылъ въ Петербургъ съ тѣмъ чтобы занять въ банкѣ денегъ на покупку имѣнія въ старой русской Финляндіи. Но онъ желалъ сдѣлать заемъ подъ залогъ этого самаго, еще не купленнаго имѣнія и полученными деньгами оплатить покупку. По условію же съ продавцомъ залогъ могъ состояться не ранѣе какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Штакельбергъ желалъ слѣдовательно не только купить имѣніе безъ денегъ, но и получить ссуду раньше самаго залога. Условія были невозможныя и государственный заемный банкъ отказалъ Штакельбергу, тѣмъ болѣе что ему по правиламъ не предоставлялось производить операцій съ финляндскими имѣніями. Тогда Штакельбергъ обратился прямо къ Императору Александру,—и не ошибся въ расчетѣ: всѣ законныя преграды рушились какъ по мановенію волшебнаго жезла.

—«Нужная Штакельбергу сумма будетъ ему изъ банка отпущена; доколѣ же не представитъ онъ въ залогъ имѣнія, останется онъ долженъ за поручительствомъ Государя Императора.»

Такими выраженіями гр. Румянцовъ далъ знать гр. Буксгевдену объ этой исключительной милости [2]). Предоставлялась слѣдовательно «нужная Штакельбергу» сумма безъ соображенія съ тѣмъ насколько будущее его имѣніе по своей стоимости гарантируетъ заемъ, и изъ учрежденія, подобныхъ ссудъ вовсе не дающаго. Министръ иностранныхъ дѣлъ такъ комментировалъ этотъ эпизодъ: «милость Его Императорскимъ Величествомъ оказанная тому изъ новыхъ Его подданныхъ, который первый прибѣгъ къ монаршей его щедротѣ, должна поселить полную довѣ-

---

[1]) См. выше, стр. 103.

[2]) Арх. М. Ин. Д. Отнош. 9 іюня, лист. 46.

ренность другихъ, что и они во всѣхъ своихъ нуждахъ обрящутъ опыты отеческаго Его о нихъ попеченія» [1]).

Но финляндцы, должно признать, косо смотрѣли на любезности русскаго правительства. Розданныя почетныя награды самими награжденными принимались съ сомнительнымъ удовольствіемъ, а въ народѣ вызывали вовсе не двусмысленныя демонстраціи. Никогда, — замѣчаетъ по поводу этихъ пожалованій Ребиндеръ въ своихъ мемуарахъ,—ни одинъ рыцарь ни отъ одной красавицы не принималъ орденскихъ знаковъ съ меньшимъ сознаніемъ чести какая ему оказывалась. Было комично видѣть этихъ новыхъ кавалеровъ [2]), когда они возвращались вытянувъ физіономіи съ торжественнаго пріема, гдѣ ихъ украсили. Отъ друзей своихъ они получали не поздравленія, а выраженія соболѣзнованія, ибо насколько отличія такихъ высокихъ степеней лестны и почетны сами по себѣ, настолько дурно выбранъ былъ поводъ для награжденія ими. Злоба, зависть, порицаніе и легковѣріе,—все настроилось на одинъ ладъ, объявляя что ордена даны въ награду за измѣну. Лицъ украшенныхъ знаками монаршей милости называли «клеймеными». Епископъ Тенгстрёмъ призналъ за лучшее припрятать свои кавалерскія эмблемы. Оченъ многіе, по разсказамъ отца Ребиндера, бывшаго на мѣстѣ, грозили если не епископу, то губернатору Троилю замѣнить ленту веревкой [3]).

Не особенно отзывались финляндцы и на другія заманчивыя повидимому предложенія. «Молодые люди изъ фамилій наиболѣе отличнѣйшихъ» рѣшительно остались глухи къ посланному чрезъ главнокомандующаго еще въ началѣ апрѣля приглашенію посѣтить Петербургъ, гдѣ ихъ ждали золотые мундиры. «До сей поры, — писалъ Румянцовъ Буксгевдену 9-го іюня,—никого кромѣ

[1]) Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ февралѣ 1809 г., подобною ссудою до 30 т. р. воспользовался бывшій поручикъ шведской службы Стенгофъ. См. Corréspondance offic-le de Sprengtporten, изд. Косквнена, стр. 200.

[2]) Епископа Тенгстрёма, губернатора Троиля и предсѣдателя гофгерихта Тандефельда, награжденныхъ лентами и звѣздами Анны I ст. О пожалованіи ихъ сказано выше, стр. 125.

[3]) Castrén. Skildringar ur Finlands nyare historia, стр. 267.

г. Штакельберга мы здѣсь не видѣли.» Да и онъ, какъ ясно изъ сейчасъ изложеннаго, пріѣзжалъ устроить исключительно свое личное денежное дѣло.—«Весьма бы любопытно для меня было знать, что могло быть тому причиной?» спрашивалъ Румянцовъ. При этомъ онъ повторялъ, «что Его Величеству весьма было бы пріятно, чтобы они пріѣзжали сюда».—Оказалось, что въ бывшую тогда лѣтнюю рабочую пору дворянъ удерживало въ помѣстьяхъ будто-бы хозяйство, а также денежные расчеты, такъ какъ доходы съ имѣній получаются только осенью. Такъ объяснилъ воздержность финляндскихъ дворянъ гр. Буксгевденъ [1]). Однако и зимою, когда былъ особый поводъ пріѣзда въ Петербургъ, молодые благородные финляндцы не блистали многочисленностію. Да и вообще было даже нѣсколько наивно недоумѣвать о причинѣ ихъ непріѣзда по первому и даже второму приглашенію; странно было забывать, что всѣ эти молодые, какъ и старые люди, глядѣли на Русскихъ если даже и не съ полною враждебностью, то съ несомнѣннымъ недовѣріемъ. Только подъ вліяніемъ увѣреній шведскихъ совѣтниковъ можно было ожидать, что враги бросятся съ разверстыми объятіями на лоно Россіи. Нерасположеніе было, напротивъ, на столько велико, что когда въ томъ же году позднѣе въ Петербургъ вызывали депутацію для объясненія о нуждахъ Финляндіи, то изъ всего населенія иныхъ городовъ не находилось никого желающаго ѣхать въ русскую столицу. И могло ли быть иначе? Нѣкоторые изъ финляндцевъ, имѣвшіе извѣстный авторитетъ, не стѣсняясь высказывали свои взгляды, которые не могли не усиливать общаго враждебнаго настроенія. Бывшій куопіоскій губернаторъ Вибеліусъ, въ отвѣтъ на апрѣльское объявленіе главнокомандующаго о лишеніи финляндскихъ офицеровъ ихъ правъ, если не оставятъ въ назначенный срокъ шведскихъ знаменъ, обратился къ главнокомандующему со смѣлой репликой, гдѣ хотя и неосновательно, но въ сильныхъ выраженіяхъ напомнилъ ему, что его требованіе противно законамъ страны, которые должны быть соблюдаемы какъ святыня. Наиболѣе же недвусмысленно и краснорѣчиво высказался 70-ти-лѣт-

[1]) 14-го іюня, лист. 153.

ній, всѣми въ Финляндіи уважавшійся профессоръ права Калоніусъ, въ своей печатной программѣ по случаю избранія ректора абоскаго университета. По странной случайности это сильное публичное слово явилось 9-го іюня, почти одновременно съ тѣмъ, какъ Императоръ Александръ подписалъ свой манифестъ «Намъ вѣрноподданнымъ обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи» и какъ-бы въ отвѣтъ на благоволительный университету рескриптъ его отъ 4-го іюня. Воздавъ хвалу милосердію и великодушію врага, охраняющаго жизнь и достояніе мирныхъ гражданъ, Калоніусъ оплакивалъ однако жестокое время, когда подданные отрываются отъ своего законнаго государя, и выражалъ надежду что шведскій король твердостію своею еще возстановитъ прежнее положеніе Финляндіи. — «Пусть же,—говорилъ онъ,—военное счастіе тѣлесно отдало насъ силѣ врага и принудило идти туда куда гонитъ насъ сила оружія, но души наши будутъ твердо, съ неослабною вѣрностью и съ неизмѣнною покорностію принадлежать нашему прирожденному королю. Поэтому, пока исходъ войны еще неизвѣстенъ и пока не заключенъ такой мирный договоръ, въ которомъ повелитель нашъ самъ откажется отъ своего права,—отъ воли подданнаго не зависитъ отказаться отъ своего долга, если онъ не хочетъ запятнать себя позорнымъ преступленіемъ измѣны!» [1]). Можно ли было устоять противъ такихъ искренних и горячихъ рѣчей?! Разумѣется нѣтъ,—и результаты были на лицо.

Въ Петербургѣ смотрѣли сквозь темные очки и потому не видѣли всего значенія такихъ рѣчей. Тѣмъ не менѣе въ силу основнаго взгляда желали, какъ сказано, воздѣйствовать на оппозиціонный духъ постоянными знаками милости.

Обратили поэтому доброжелательное вниманіе и на разныя жалобы изъ Финляндіи. Взысканіе недоимокъ занимало первое мѣсто. Главнокомандующимъ было въ свое время предложено и Государемъ разрѣшено прекратить взысканіе подати на уплату бывшаго шведскаго государственнаго долга. Объ этой льготѣ было торжественно объявлено. Между тѣмъ взысканіе ея, будто-

[1]) Koskinen, стр. 538, Finnische Geschichte.

бы, продолжалось, и даже со всею строгостью. Буксгевдену это ставилось на видъ, причемъ повелѣно: «какъ сей налогъ, такъ равно и другія за прошлое время недоимки, оставить совсѣмъ безъ взысканія и мѣру сію сдѣлать гласною». Собственно прямыхъ «жалобъ» въ виду правительства не имѣлось; но о существованіи ихъ заявлялось Спренгтпортеномъ, сидѣвшимъ теперь въ Петербургѣ безъ опредѣленнаго дѣла, а чувства его къ Буксгевдену извѣстны. Спренгтпортену жалобы сообщались двумя его финляндскими агентами. Одинъ изъ нихъ, уже извѣстный Кноррингъ, — бывшій въ теченіе мѣсячнаго пребыванія Спренгтпортена въ Финляндіи для особыхъ при немъ порученій, а по его отъѣздѣ оставленный формально при губернаторѣ Эминѣ,—на дѣлѣ находился неизвѣстно гдѣ и доставлялъ своему патрону нужныя ему свѣдѣнія. Льстивыя въ отношеніи къ Спренгтпортену, свѣдѣнія эти были враждебны Буксгевдену, который вообще не пользовался расположеніемъ Кнорринговъ. На основаніи такихъ-то свѣдѣній Румянцовъ получалъ предупрежденія и указанія. «Наиболѣе заслуживаетъ вниманія—писалъ ему Спренгтпортенъ 31-го мая [1])—то дурное направленіе, которое начинаетъ овладѣвать обывателями завоеванной Финляндіи. Было бы опасно оставлять его рости въ народѣ, изъ всѣхъ европейскихъ народовъ наиболѣе упрямомъ.» «Мнѣ не извѣстно—продолжалъ онъ—гдѣ въ настоящее время черпаютъ свѣдѣнія по дѣламъ этой страны, но долгъ обязываетъ меня сказать, что необходимо отмѣнить нѣкоторыя мѣры слишкомъ легко предпринятыя. Ими люди зложелательные, а также шведскіе эмиссары посланные для возбужденія безпорядковъ, пользуются въ видахъ устрашенія умовъ. Таково напримѣръ взысканіе остатка податей за 1807 г. Я думаю въ намѣреніи Его Величества не входитъ собирать эту подать въ настоящее время, когда война лежитъ бременемъ на средствахъ обывателей.» Затѣмъ пошли разныя другія жалобы; особенно много было ихъ по поводу бостелей, объ отобраніи которыхъ отъ женъ офицеровъ оставшихся въ шведской арміи было выше

[1]) Прил. № 49.

говорено. Старались подѣйствовать на мягкосердечіе Государя, и хотя мѣра эта принята была съ его утвержденія, однако виноватымъ остался одинъ Буксгевденъ. Кому неизвѣстно насколько трудно избѣжать жалобъ при нормальныхъ обстоятельствахъ, а тѣмъ болѣе въ такихъ условіяхъ, въ какихъ находится администрація среди враждебнаго населенія только-что занятой непріятельской страны. А Спренгтпортенъ, по удостовѣренію Буксгевдена, систематически вызывалъ и собиралъ эти жалобы [1]). Однако послѣдній съ своей задачей справлялся вообще очень удовлетворительно, и дисциплина въ войскахъ — дѣло наиболѣе трудное — заслуживала похвалы не только оффиціальныхъ, но и частныхъ лицъ [2]). Тѣмъ не менѣе указанія и внушенія Спренгтпортена находили себѣ добрую почву, и подъ видомъ желанія расположить умы и сердца финляндцевъ въ пользу Государя, интригѣ противъ Буксгевдена открыто было широкое поле.

---

[1]) См. выше, главу XIII, стр. 73.

[2]) Пасторъ Авелланъ писалъ маіору Фуругельму: «....много перемѣнъ! Но въ отношеніи хозяйства все идетъ своимъ чередомъ, и спокойствіе царствуетъ въ странѣ. Въ русскихъ войскахъ дисциплина великолѣпная; въ этомъ причина—почему наши дамы такъ спокойны». Изъ перлюстраціи гр. Буксгевдена, лист. 120.

ГЛАВА XVI.

Первая попытка созвать сеймъ.

Выше было сказано, что Спренгтпортенъ, возвратясь въ половинѣ марта въ Петербургъ, принялся опять за идею финляндскаго сейма. Послѣ разныхъ перипетій эта идея осуществилась въ началѣ слѣдующаго 1809 г. и сеймъ былъ созванъ въ г. Борго.

Боргоскій сеймъ, по утвержденію финляндскихъ историковъ и юристовъ, явился представителемъ страны, заключившимъ съ Императоромъ Александромъ договоръ, изъ котораго обязательно истекла послѣдовавшая затѣмъ обособленность Финляндіи [1]). Необходимо поэтому войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе обстоятельствъ, при коихъ не только боргоскій сеймъ былъ созванъ, но и созрѣвала самая мысль о немъ. Сейму предшествовалъ, какъ вскорѣ увидимъ, вызовъ финляндскихъ депутатовъ въ Петербургъ для объясненія о нуждахъ страны. Мѣстные историки назы-

---

[1]) *L. Méchelin.* Précis du droit public du Grand Duché de Finlande, 1886., стр. 10. Alexandre préféra donc un «acte d'union» (ковычки въ подлинникѣ) et fit appel aux représentants de la nation pour fonder, de concert avec eux, le nouvel ordre des choses. — *Koskinen*, Finnische Geschichte, стр. 570: Diese Ständeversammlung sollte schliesslig die zukünftige Regierungsform des Landes gestalten und näher bestimmen, so wie auf der Grundlage der Gesätzmässigkeit das Verhältniss zwischen Eroberer und Eroberten erörtern, welches der Krieg herbeigeführt hatte.— *Castrén*, Skildringar ur F. nyare historia, Landtdagen i Borgå, стр. 144. ... hade Alexander *förbundit sig* (обязался) att vidmakthålla religion, lagar och privilegier.

ваютъ эту депутацію «посольствомъ» отъ финскаго народа [1]); это также имѣетъ существенное значеніе. Должно, слѣдовательно, вникнуть въ значеніе и этой депутаціи и изслѣдовать,—дѣйствительно-ли она была посольствомъ, тѣмъ болѣе, что между нею и сеймомъ была, такъ сказать, органическая связь: изъ первой истекъ послѣдній.

Безспорно, баронъ Спренгтпортенъ былъ отцомъ идеи финляндскаго сейма. Какія личныя цѣли онъ при этомъ преслѣдовалъ, — а что онъ ихъ преслѣдовалъ, это не подлежитъ сомнѣнію, — вопросъ въ настоящемъ случаѣ неимѣющій вѣса. Важенъ фактъ его домогательствъ и настояній съ одной стороны, и мѣры воспріимчивости и уступчивости русскихъ властей — съ другой, а также того значенія, какое тогда сейму придавалось. Припомнимъ вкратцѣ прошедшее.

О созывѣ финляндскаго сейма Спренгтпортенъ не одинъ разъ говорилъ и писалъ Екатеринѣ II. Еще до начала шведской войны онъ, по осени 1787 года, развивалъ мысль о возможности дѣйствовать на финляндцевъ именно чрезъ созваніе сейма, который долженъ былъ, по его мнѣнію, расположить умы въ нашу пользу. Въ продолженіе всей кампаніи 1788 г., когда образовалась аньяльская конфедерація, Спренгтпортенъ особенно настоятельно писалъ Императрицѣ о созваніи финляндцевъ на сеймъ. Потомъ, когда оказалось что собственно только отдѣльныя лица, и то очень немногія, смутно помышляли объ отдѣленіи отъ Швеціи, масса же конфедератовъ домогалась главнымъ образомъ созванія шведскаго государственнаго сейма, и отъ шведовъ себя не отдѣляла, — Спренгтпортенъ перемѣнилъ фронтъ и въ перепискѣ съ шведскимъ генераломъ Армфельтомъ началъ говорить также объ этомъ шведскомъ сеймѣ. Императрицѣ онъ продолжалъ, впрочемъ, твердить объ отдѣльномъ сеймѣ финляндскомъ, гадая возможность учрежденія изъ Финляндіи подъ покровительствомъ Россіи отдѣльнаго государства, то монархическаго, то даже республиканскаго. Состороны Екатерины отзывы были уклончивые

---

[1]) «Gesandschaft», Finnische Geschichte, *Koskinen*, стр. 565.—«Beskikning» — *Castrén* — въ Skildringar.

и вся забота ея была направлена лишь къ тому, чтобы выжить Шведовъ изъ уголка русской Финляндіи, который они тогда занимали у Гёгфорса. Затѣмъ прекращены были, однако, и эти разговоры, ограничены всякія денежныя траты на финляндцевъ, какъ ни къ чему неведущія, и признано правиломъ, что въ отношеніи къ нимъ только тамъ и достигаются успѣхи, гдѣ примѣнено энергическое дѣйствіе сильною рукою. А въ 1789 г., когда Спренгтпортенъ удалился со сцены, прекратились и напоминанія о финляндскомъ сеймѣ. Русская Финляндія продолжала состоять въ общемъ русскомъ управленіи, и хотя Императоръ Павелъ отмѣнилъ нѣкоторыя изъ мѣръ къ окончательному слитію этой губерніи съ прочей Россіей, принятыхъ его матерью, однако другія его мѣры, хотя и неудачныя, клонились къ той же цѣли едва-ли еще не болѣе. О сеймѣ финляндскомъ не было ни рѣчи, ни поводовъ къ тому. Но когда начались приготовленія къ новой войнѣ съ Швеціей, въ началѣ 1808 г., Спренгтпортенъ опять былъ совѣтникомъ въ министерствѣ и во дворцѣ, а съ нимъ и идея финляндскаго сейма, какъ средства пріобрѣсти Финляндію мирнымъ путемъ, вновь явилась на сцену.

Уже въ первой прокламаціи 10-го февраля, изданной отъ лица главнокомандующаго, но составленной въ Петербургѣ подъ преобладающимъ вліяніемъ Спренгтпортена, оказалось обѣщаніе созыва финляндцевъ на сеймъ въ Або [1]). О самомъ составѣ сейма въ русскихъ правительственныхъ сферахъ имѣли очень смутное понятіе; не болѣе ясно было представленіе и о его назначеніи. Полагали, что онъ будетъ составленъ изъ чиновниковъ, духовныхъ, нѣкоторыхъ представителей сословій, и соберется главнымъ образомъ для принесенія присяги новому Государю. Болѣе опредѣленныя разъясненія Клика явились, какъ выше было видно, уже позднѣе. Вообще сейму вовсе не давали какого-нибудь серьезнаго, а тѣмъ болѣе первенствующаго значенія. Какъ можно видѣть изъ составленія первой прокламаціи, упоминаніе о сеймѣ въ Або вошло въ нее безъ всякихъ

[1]) «А какъ могутъ еще многія представиться дѣла, для рѣшенія коихъ потребно доброе сосѣдственное согласіе и пр.», — стр. 22 сего тома.

спеціальныхъ или сколько-нибудь обстоятельныхъ разсужденій. Не болѣе вниманія оказано было идеѣ сейма и со стороны Императора Александра. Она была такъ сказать брошена мимоходомъ, между прочимъ, безъ всякаго развитія. Это очень ясно видно изъ словъ гр. Румянцова въ бумагѣ къ главнокомандующему отъ 6-го марта, гдѣ говоря объ упомянутомъ въ прокламацій созывѣ сейма, онъ именно пояснялъ, что мысль «собрать сеймъ изъ чиновъ вновь пріобрѣтенной Финляндіи, по овладѣніи Абовомъ, *представлена была Государю между разными замѣчаніями* относительно настоящихъ операцій» [1]).

Первоначальный авторъ, Спренгтпортенъ, молчалъ о сеймѣ пока онъ находился первые дни при арміи и надѣялся играть въ ней и въ покореніи Финляндіи преобладающую роль. Только одинъ разъ, порицая Императору Александру планъ дѣйствій Буксгевдена, онъ упомянулъ о необходимости спѣшить къ Або, дабы тамъ собрать народныхъ депутатовъ [2]). Но когда къ началу марта онъ увидѣлъ надежды свои, при полномъ съ ними несогласіи гр. Буксгевдена и послѣ скандала съ де-Гееромъ, разлетѣвшимися какъ дымъ и сталъ просить объ отозваніи въ Петербургъ, то идея сейма опять всплыла въ его воображеніи и въ письмахъ къ гр. Румянцову. «Когда же и какъ соберемъ мы депутатовъ? Кто будетъ говорить съ ними отъ лица Государя?» — спрашивалъ онъ въ письмѣ отъ 3-го марта министра столь къ нему любезнаго, и казалось совершенно съ нимъ согласнаго [3]).

Но Спренгтпортенъ впадалъ въ грубую ошибку. Румянцовъ его идеи о сеймѣ вовсе не раздѣлялъ и въ пользѣ ея убѣжденія не имѣлъ; напротивъ онъ искалъ пути отклонить эту идею и исправить погрѣшность, вкравшуюся въ прокламацію. Трудно сказать, что побудило къ такой перемѣнѣ фронта. Конечно гр. Румянцовъ былъ представитель началъ консервативныхъ и не

---

[1]) Апробованное Александромъ отношеніе 6-го марта 1808 г.—Арх. М. Ин. Д., Buxhoevden, Expéd., л. 22.

[2]) См. выше, стр. 36.

[3]) См. упомянутое выше письмо отъ 3 (15) марта изъ Гельсингфорса. Corr. Sprengtporten, л. 234, Récept.

могъ сочувствовать мѣрѣ, являвшейся воплощеніемъ либерализма. Однако обѣщаніе сейма оказалось въ прокламаціи, проходившей конечно чрезъ руки министра. По всей вѣроятности онъ не довольно вникъ въ ея значеніе. Но послѣ того явился мемуаръ Клика, въ которомъ несообразность объясненій съ побѣжденнымъ народцемъ была выставлена на видъ очень рельефно. Тамъ же шла рѣчь и о небезопасности сейма. Съ другой стороны обѣщаніе Спренгтпортеномъ присяги отъ лица де-Геера и всего дворянства, и рѣшительное уклоненіе ихъ отъ исполненія даннаго за нихъ слова,—не могли не вызвать въ памяти представленія о всѣхъ оппозиціонныхъ наклонностяхъ, какими это сословіе привыкло отличаться на шведскихъ сеймахъ. Подобныя воспоминанія должны были не только пробудить внимательность консервативнаго министра, но и охладить молодыя увлеченія Императора Александра.

Колебанія не замедлили принять и болѣе осязательную форму; вѣроятно письмо Спренгтпортена отъ 3-го марта, напоминавшее о сеймѣ, дало толчокъ. Не далѣе 6-го марта, т. е. вслѣдъ за полученіемъ этого письма и за посылкою Спренгтпортену разрѣшенія возвратиться въ Петербургъ, гр. Румянцовъ нашелъ нужнымъ высказать Буксгевдену свои сомнѣнія на счетъ сейма. Письмо было конфиденціальное; но проектъ его носилъ на себѣ надпись Императора Александра «быть по сему», и служилъ слѣдовательно выраженіемъ мнѣнія и самого Государя.

Начавъ приведеннымъ передъ симъ указаніемъ, что мысль о собраніи сейма была поднесена Государю «между разными замѣчаніями относительно настоящихъ операцій», — Румянцовъ продолжалъ: «По особенному уваженію моему къ в. сіят-ву, я желалъ бы знать заключенія о томъ (сеймѣ) ваши; по всегдашней же съ вами откровенности не хочу скрыть и моего мнѣнія. Мнѣ кажется, что чины такимъ образомъ изъ разныхъ губерній собранные, всякій представляя свои требованія и желанія, не только не будутъ способствовать къ возстановленію порядка и устройства, но умножатъ къ тому затрудненія. Вотъ мысли мои по сему предмету; но прошу васъ, м. г. м., не остановляясь оными, сообщить мнѣ въ полной откровенности и ваши по тому разсужденія,

для представленія оныхъ на высочайшее усмотрѣніе Государя Императора» [1]).

Апробовавъ такое вовсе не двусмысленное выраженіе сомнѣнія, Александръ Павловичъ тѣмъ самымъ явилъ доказательство того, что безусловный либерализмъ въ отношеніи Финляндіи не лежалъ въ основѣ коренныхъ его убѣжденій. Однако въ письмѣ не упоминалось что вопросъ Румянцова свыше апробованъ: съ другой стороны, предлагалось высказать мнѣніе совершенно откровенно, съ тѣмъ что оно будетъ представлено Государю. Это естественно вызывало на осторожность, и Буксгевденъ не спѣшилъ отвѣтомъ на откровенность Румянцова. Къ тому же онъ безостановочно шелъ за отступающимъ непріятелемъ и вскорѣ занялъ Або. Посылая Государю, уже отъ 12-го числа, свой рапортъ о занятіи этого города и о присоединеніи всей Финляндіи, онъ, какъ-бы ничего не зная о вопросѣ Румянцова, просилъ объ изданіи указа для созванія земскихъ чиновъ и открытія сейма для приведенія къ присягѣ согласно первоначальной прокламаціи. Въ двухъ письмахъ отъ того же числа къ самому Румянцову, ссылаясь на свое донесеніе Государю, онъ также просилъ объ ускореніи указа на счетъ присяги, но о сеймѣ не упоминалъ.

Только 17-го отвѣтилъ Буксгевденъ. «Касательно сейма, — извѣщалъ онъ, — я не писалъ прежде потому, что останавливался всегда на прокламаціи высочайше утвержденной. которая при вступленіи войскъ нашихъ сюда обнародована, и которою возвѣщена уже была на собраніе таковаго сейма высочайшая Государя Императора воля, за коею и не смѣлъ я находить себя въ положеніи представлять о перемѣнахъ, имѣя всегда верховнѣйшею обязанностію свято чтить намѣренія всемилостивѣйшаго нашего Монарха [2]).» Въ отношеніи же къ самому существу вопроса, Буксгевдену «весьма было пріятно встрѣтиться съ мыслями» министра, и онъ изложилъ свой взглядъ довольно обстоятельно, хотя и съ особой точки зрѣнія.

«Мнѣ казалось съ самаго начала, — писалъ онъ, — что тако-

---

[1]) Арх. М. Ин. Д. Corresp. Buxhoevden, 1808, Expéd., л. 22.

[2]) Camp. Suèd., Buxhoevden, Récept., лист. 115.

вой сеймъ, гдѣ каждый членъ онаго водимъ частными своими видами, дѣйствительно не могъ бы сдѣлать другаго, какъ только умножить затрудненія. Болѣе почти ста лѣтъ какъ подобные сеймы, здѣсь собиравшіеся, имѣли власть и могли дѣлать по усмотрѣнію прочныя и твердыя постановленія, но послѣ того, и особенно за двадцать пять лѣтъ отселѣ, сеймы сіи были всегда одною только проформою. Имъ напередъ давались уже пункты, по которымъ они должны были трактовать и которые относились единственно или къ учрежденію новыхъ податей, или къ собранію войска, или, собственно сказать, къ хозяйственнымъ внутреннимъ края ихъ распоряженіямъ. И когда встрѣчались при такихъ случаяхъ противорѣчія, тогда весь сеймъ, котораго собраніе всегда стоило весьма большихъ издержекъ, немедленно былъ распускаемъ королевскимъ повелѣніемъ. Короткое время что я пробылъ въ Або, при всѣхъ моихъ тамъ занятіяхъ, ознакомило меня однакожъ съ нѣкоторыми особами, уважаемыми жителями по многимъ къ нимъ отношеніямъ, а между прочимъ съ тамошнимъ губернаторомъ Троилемъ и епископомъ Тенгстрёмомъ. Я нашелъ въ нихъ много откровенности и расположенія, говорилъ съ ними по сему предмету, и видѣлъ ихъ совершенно согласными въ томъ мнѣніи, что собраніе сейма, особенно когда подтверждается что теченіе дѣлъ и всѣ другія постановленія остаются во всемъ на прежнемъ основаніи, было бы не только не нужно, но и безполезно. Въ одномъ только случаѣ, кажется мнѣ, надобно сдѣлать подобное собраніе, въ чемъ и всѣ они одного со мною мнѣнія, и это — когда приказано будетъ учинить здѣшнимъ жителямъ на вѣрноподданство присягу.» — Можно очень сомнѣваться, были-ли всѣ эти Троили и Тенгстрёмы искренни съ Буксгевденомъ. Но, какъ бы то ни было, колебанія мнѣній расширялись: къ русскому начальству присоединялись, казалось, авторитетные голоса и съ мѣста.

Спренгтпортенъ не только замѣтилъ эти колебанія, но и отъ самого Государя услышалъ выраженіе сомнѣнія въ необходимости сейма [1]). Случайно въ тотъ же день, 17-го марта, когда

[1]) S. M. I-le dans la dernière conversation que j'eu l'honneur d'avoir avec Elle sur les affaires de la Finlande encore Suèdoise, ayant daigné

Буксгевденъ послалъ Румянцову изложеніе своего взгляда на сеймъ, Спренгтпортенъ написалъ мемуаръ въ поддержку своего мнѣнія «о безусловной необходимости» сейма. Посылая его къ тому же Румянцову, онъ просилъ поддержать его у Государя всѣми зависящими отъ него средствами. Спренгтпортенъ, какъ видно, не обладалъ проницательностію. Въ видѣ неопровержимаго довода онъ ставилъ вопросъ о чести: «для достоинства Его Величества необходимо не отмѣнять мѣры, которая была объявлена какъ самый существенный знакъ его довѣрія къ финскому народу» [1].

Благонадежность финляндцевъ въ доброжелательствѣ къ Россіи для Спренгтпортена не подлежала не только сомнѣнію, но и вопросу. Онъ съ жаромъ свидѣтельствовалъ о ней въ заключеніи своего мемуара. «Нечего опасаться противодѣйствія народнаго собранія. Народъ, ничего болѣе нежелающій какъ соединенія съ нами, ничего такъ небоящійся, какъ возвращенія къ Швеціи, народъ, который открываетъ намъ двери съ радостью и житницы безъ сожалѣнія, народъ столь долго согбенный подъ ярмомъ правительства жестокаго и безпокойнаго, и ищущій спасенія подъ властію болѣе кроткою и обладающею всѣми способами для его защиты,—такому народу нельзя не довѣрять въ выборѣ его представителей; цѣль его не простирается далѣе выраженія покорности Государю, отъ котораго ожидаетъ безопасности и счастія» [2].

Желая найти большую еще поддержку, Спренгтпортенъ сообщилъ копію своего мемуара и гр. Аракчееву [3]. Увлеченный вѣроятно тѣмъ что послѣдній, бывъ въ Финляндіи, передалъ ему выраженія монаршей благосклонности и предложеніе, какъ потомъ оказалось, должности генералъ-губернатора онъ особенно старался сдѣлать изъ Аракчеева свое орудіе. «Если,— писалъ онъ ему,— въ намѣренія Его Величества входитъ еще

---

me faire connaître quelques doutes sur la nécessité de procéder à la convocation des députés de la nation finnoise à Abo, и т. д. Прилож. № 52.

[1]) Прилож. № 50.

[2]) См. Прилож. № 52.

[3]) Прилож. № 51.

продолжать относиться ко мнѣ съ тѣмъ же довѣріемъ, которымъ я былъ почтенъ до сихъ поръ, то именно въ настоящій моментъ вліяніе мое въ странѣ можетъ сдѣлаться полезнымъ для службы Его Величества... Теперь особенно важно имѣть во главѣ финскаго народа такое лицо, которое умѣетъ его вести и пользуется его довѣріемъ, и я не предложилъ бы себя, если бы можно было остановить выборъ на комъ-нибудь другомъ. Именно въ этихъ видахъ я настаиваю на созывѣ депутатовъ въ Або, гдѣ дѣйствуя именемъ Его Величества публично, можно было бы приличными мѣрами благотворительности овладѣть умами и затѣмъ извлечь необходимыя намъ пособія. Я берусь за это дѣло и обѣщаю, что оно не остановится на полупути [1].»

Въ мемуарѣ своемъ, посланномъ обоимъ министрамъ, Спренгтпортенъ развивалъ соображенія побудившія его предложить созывъ депутатовъ въ Або. Они заключались въ трехъ пунктахъ. Первый,—что на основаніи конституціи страны, принесеніе присяги новому Государю совершается со всею торжественностью. «А такъ какъ намѣреніе Его Величества состоитъ въ томъ, чтобы принять эту страну подъ Его высокое покровительство, и предоставить пользоваться всѣми преимуществами таковаго наравнѣ съ другими завоеванными и присоединенными къ Его Имперіи провинціями, то для достоинства Его Величества и для спокойствія жителей существенно, чтобы этотъ обрядъ исполненъ былъ депутатами, законно избранными и уполномоченными народомъ». Второй пунктъ былъ наиболѣе существенный: «надлежитъ пре-

---

[1] Si l'intention de S. M. I. est encore de continuer envers moi la confiance dont j'ai été honoré jusqu'ici, c'est essentiellement à cette époque que mon influence dans le pays peut devenir utile à Son service... Il est important d'avoir quelqu'un à la tête de la nation finoise qui sait la mener et qui possède sa confiance. Et je ne me proposerais pas, s'il y avait un autre à choisir. C'est essentiellement dans cette vue que j'insiste sur l'assemblée des députés à Abo, où en déployant au nom de S. M. l'Empereur un caractère public on peut par des arrangements de bienfaisance convenables parvenir à gagner les esprits pour en tirer par la suite les secours qui nous sont nécessaires. J'en ferai mon affaire et vous promets que les choses ne resteront pas en chemin.

доставить возможность Государю—узнать, а жителямъ—принести ихъ просьбы, какъ для общей всей страны пользы, такъ и въ частности для каждой мѣстности. Послѣдствіе сего:—справедливое распредѣленіе податей сообразно съ потребностями государства, и милость Государя къ тѣмъ изъ жителей, которые наиболѣе пострадали отъ нашествія (de l'invasion) или же отличились своею преданностью.» Третій пунктъ, наконецъ, указывалъ «необходимость прочно установить гражданское управленіе, а также опредѣлить военныя силы страны при новомъ порядкѣ вещей, когда не будетъ надобности ни въ прежнемъ ихъ числѣ, ни въ прежнихъ на нихъ издержкахъ». Вотъ причины, по которымъ Спренгтпортенъ настаивалъ на созывѣ депутатовъ. Въ немъ онъ видѣлъ лучшее средство къ успокоенію умовъ и ихъ расположенію въ пользу русскаго владычества. «Этою мѣрою,—пояснялъ онъ,—польщена будетъ надежда ихъ сохранить гражданскія права, не смотря на перемѣну, подвергающую ихъ деспотической зависимости (à une dépendance despotique).

Въ этомъ мемуарѣ Спренгтпортенъ былъ вѣренъ себѣ: Государю, или вообще русскому правительству, указывалось, что Финляндія будетъ ему принадлежать *наравнѣ* съ прочими завоеванными провинціями, что надлежитъ предоставить Государю возможность узнать внутреннее положеніе и нужды страны, урегулировать и облегчить податныя тягости, — вообще предоставить заняться внутреннею, административною, вовсе не политическою стороною дѣла. «Покровительство» являлось естественнымъ выраженіемъ почтительности въ обращеніи къ побѣдителю. Другой сторонѣ, финляндцамъ, показывалось, что Финляндіи испрашивается не подчиненіе Россіи, а только ея покровительство; говорилось объ «основной конституціи», что для нихъ имѣло свой опредѣленный смыслъ, для русскихъ же было простымъ указаніемъ существующаго порядка вещей: бумага писана по-французски, и слово *constitution*, означающее вообще учрежденіе, устройство, вовсе не имѣло того рѣзко опредѣленнаго смысла, который принадлежитъ руссифицированной «конституціи». По финляндскому же адресу было указаніе и на «деспотическую» зависимость, хотя нельзя отрицать что

имъ думали, можетъ быть, устыдить и иныхъ изъ русскихъ правителей, увлекавшихся образцами свободнаго запада.

Спренгтпортена нѣсколько смущала однако поѣздка Клика въ Финляндію и ожидаемыя отъ нея Государемъ разъясненія на счетъ состоянія умовъ. Это онъ не обинуясь высказывалъ Румянцову. «Не безъ нѣкотораго удивленія увидѣлъ я,—писалъ онъ ему[1]), что Е. И. Величество ожидаетъ еще отъ возвращенія г. Клика нѣкоторыхъ разъясненій на счетъ состоянія умовъ въ населеніи. Я полагалъ бы, что тѣхъ которыя мною даны, достаточно для того чтобы не имѣть никакихъ сомнѣній въ ихъ добромъ расположеніи вообще и въ ихъ довѣріи ко мнѣ въ частности.» Однако онъ оставался въ увѣренности, что изложенныя предъ симъ соображенія окончательно утвердятъ Императора Александра въ мнѣніи о сеймѣ. Поэтому онъ поспѣшилъ сообщить Румянцову перечень главнѣйшихъ предметовъ, подлежавшихъ обсужденію земскихъ чиновъ. «Время дорого,—напоминалъ онъ,—надо имъ пользоваться.»

Этотъ перечень предметовъ заключалъ въ себѣ уже не три пункта, о коихъ Спренгтпортенъ писалъ 17-го числа,—а девять, и оканчивался слѣдующими словами: «все (должно быть установлено) сообразно основнымъ законамъ страны, сохраненіе которыхъ во всей чистотѣ было и будетъ въ намѣреніяхъ Его Величества, *на сколько они не противорѣчатъ пользамъ Имперіи* [2]). Упоминаніе о намѣреніи будто бы Императора Александра сохранить основные законы «во всей чистотѣ», притомъ не въ настоящемъ только времени, но и въ будущемъ, было однимъ изъ тѣхъ произвольныхъ распространеній смысла, которыми Спренгтпортенъ никогда не стѣснялся. Но послѣднія, курсивомъ напечатанныя слова, почти буквальное повтореніе словъ сказанныхъ Екатериною Великой въ 1788 г. Егергорну на предложеніе присоединить Финляндію къ Россіи, особенно знаменательны подъ пе-

[1]) Wassili-ostrow, 16 ligne, ce 23 Mars 1808.—Приложеніе № 54.

[2]) Le tout conformément aux lois fondamentales du pays, que l'intention de S. M. I. a été, et sera, de conserver dans toute leur pureté, *pour autant qu'elles ne se trouvent en opposition avec l'intérêt de l'Empire.*—Прил. 55.

ромъ Спренгтпортена. Болѣе двадцати лѣтъ мечталъ онъ объ устройствѣ судьбы Финляндіи, какъ онъ его понимаетъ; онъ сочинялъ для нея разныя формы правленія; безъ сомнѣнія и теперь, хотя бы изъ личныхъ видовъ, онъ жаждалъ для Финляндіи возможной самостоятельности, и, тѣмъ не менѣе, онъ не посмѣлъ дѣлать предположеній иначе, какъ «на сколько они не противорѣчатъ пользамъ Имперіи».

Предметы, подлежавшіе вѣдѣнію сейма въ Або, въ новой запискѣ Спренгтпортена изложены въ слѣдующемъ видѣ [1]).

1) Актъ соединенія съ Россіей, освященный присягой вѣрности собранныхъ чиновъ.

2) Общее управленіе страной, согласно съ намѣреніями Е. И. Величества и съ основаніями, которыя имѣютъ установлены быть въ Его Совѣтѣ.

3) Внутреннее управленіе, съ утвержденіемъ существующихъ уже гражданскихъ властей, а также и тѣхъ, кои предстоитъ еще установить для необходимой связи въ новомъ положеніи.

4) Опредѣленіе повинностей и издержекъ государства (de l'Etat) съ облегченіемъ на сколько возможно населенія.

5) Установленіе на ближайшее время, пока продолжается война съ Швеціей, порядка всякаго рода поставокъ, сообразно потребностямъ арміи, мѣстнымъ условіямъ и способамъ жителей.

6) Опредѣленіе постоянной военной силы страны, въ томъ видѣ какъ она должна существовать въ мирное время, со всѣмъ сюда относящимся, а именно:

а) наборы,

б) платежи,

в) пенсіи,

г) возмѣщеніе (dedomagement des accords),

д) бостели (офицерскія помѣстья),

е) пассъ-волансъ,

ж) смотры,

з) резервъ.

---

[1]) Objets à regler dans l'assemblée des états à Abo. Спб. Арх. М. Ин. Д. Приложеніе № 55.—У Кастрéна (Finska Deputationen, стр. 104, Bilaga III) есть нѣкоторыя несоотвѣтствія съ архивнымъ документомъ, хотя и неважныя.

7) Повинности на духовенство, называемыя консисторіальными, равно таковыя же, именуемыя регаліями.

8) Торговыя сношенія между Финляндіей и Россіей и морскія таможни съ необходимыми въ этой части преобразованіями.

9) Вознагражденіе отъ щедротъ Е. И. Величества жителямъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ вступленія Его войскъ.

Весь этотъ перечень заключенъ приведенными выше словами о соображеніи съ пользами Россіи.

Очевидно этотъ реестръ не составлялъ не только правильной программы, обнимающей всѣ главнѣйшіе предметы устройства страны подъ новымъ владычествомъ, но и не отличалъ вовсе вопросовъ капитальныхъ, органическихъ отъ частностей случайныхъ и временныхъ. Системы не было никакой. Но Спренгтпортенъ желалъ забрать какъ можно больше въ руки сейма и въ свои конечно (первенствующее свое положеніе въ краѣ онъ считалъ внѣ вопроса), начиная съ общаго управленія страны и таможенныхъ дѣлъ Россіи, и кончая раздачей по усмотрѣнію сейма и его, Спренгпортена, тѣхъ пособій которыя Императоръ Александръ могъ назначить финляндцамъ, пострадавшимъ отъ вступленія русскихъ войскъ.

Эта программа осталась однако безъ отвѣта, или вѣрнѣе готовился, какъ выше сказано, отвѣтъ отрицательный; но Румянцовъ дѣйствовалъ на столько осторожно, что Спрегтпортенъ считалъ свое дѣло почти выиграннымъ. Впрочемъ, зная что при дворѣ были люди, желавшіе убавить мѣру довѣрія къ нему Александра, Спренгтпортенъ старался укрѣпить свою позицію новыми батареями. Онъ находилъ что двухъ мемуаровъ, поданныхъ въ теченіе одной недѣли, было мало; поэтому чрезъ недѣлю онъ послалъ еще третій [1]).

Въ этомъ новомъ мемуарѣ онъ обозрѣвалъ положеніе съ военно-политической стороны. Признавая, что «Небо увѣнчало успѣхомъ его старанія въ дѣлѣ, бывшемъ тридцать лѣтъ предметомъ всѣхъ его желаній, домогательствъ и трудовъ», онъ восклицалъ: «Финляндія принадлежитъ намъ!»—Войска гр. Буксгев-

[1]) Отъ 3-го марта. Приложеніе № 53.

дена были уже дѣйствительно на сѣверѣ Ботническаго залива, и Спренгтпортенъ забылъ на минуту свои обычныя порицанія дѣйствіямъ главнокомандующаго. Онъ только утверждалъ теперь, что отнынѣ надо имѣть въ виду войну не съ Финляндіей, а съ Швеціей, и что туда слѣдуетъ перенести и театръ ея. Этими словами онъ дѣлалъ пріятное Александру, сильно желавшему въ самомъ Стокгольмѣ продиктовать условія мира. Спренгтпортенъ не опасался возобновленія военныхъ дѣйствій въ Финляндіи: «Швеція, не имѣя болѣе ни силъ, ни способовъ, ни даже охоты вновь воевать за эту провинцію, которую она иначе не уступила бы такъ легко, очевидно направитъ свои усилія вмѣстѣ съ Англіей противъ Норвегіи. Безъ сомнѣнія въ этомъ планѣ она желаетъ найти себѣ вознагражденіе за Финляндію. Въ довершеніе всего Свеаборгъ нашъ. По занятіи Гангеуда, балтійскія шхеры оберегаемыя флотиліей превосходящей флотилію непріятельскую, отчасти разрушенную, Ботническій заливъ до Вазы занятый войсками, и резервъ въ 20 тысячъ позади Кюмени, готовый двинуться въ случаѣ надобности,—все это побуждаетъ ничего не опасаться». Всѣ эти соображенія свои Спренгтпортенъ считалъ за непреложную истину—ровно за двѣ недѣли до Револакса! Высказывая такой взглядъ, онъ шелъ къ тому чтобы повторить свой caeterum censeo: «итакъ, я думаю, въ настоящемъ случаѣ меньше должно быть мѣста военнымъ мѣрамъ, чѣмъ тому что слѣдуетъ пустить въ ходъ, дабы завоевать доброе расположеніе (la bienveillance), покорность и возможную помощь со стороны жителей для дальнѣйшаго движенія нашихъ силъ, если обстоятельства того потребуютъ. Это предположеніе вовсе не химера». Способы завоеванія добраго расположенія или «благосклонности» населенія сводились къ тому же: нужно созвать сеймъ въ Або. Спренгтпортенъ имѣлъ полную увѣренность, что благодаря сейму война удалится изъ предѣловъ Финляндіи, и береговые жители предоставятъ широкія средства для перевозки войскъ въ Швецію [1].

[1]) Этотъ послѣдній мотивъ былъ также совершенно невѣренъ. Даже позднѣе, когда Финляндія была уже дѣйствительно вся и окончательно занята Русскими, къ сейму уже на самомъ дѣлѣ готовились и даже на немъ и засѣдали, Спренгтпортенъ былъ финляндскимъ генералъ-губернато-

Для завершенія своей побѣды, Спренгтпортенъ рѣшился въ нѣкоторомъ родѣ еще разъ пристыдить правительство и даже отчасти пригрозить ему. «Я всею силою настаиваю на приведенныхъ уже соображеніяхъ въ пользу созванія сейма въ Або: оно соотвѣтствуетъ конституціи страны, было обѣщано прокламаціей, и я расположилъ къ нему умы во время моихъ поѣздокъ... Народъ, привыкшій къ свободѣ, требуетъ нѣкотораго снисхожденія къ инымъ его предразсудкамъ, въ избѣжаніе другихъ, кои могутъ проявиться изъ опасенія новаго владычества.»

При тогдашнемъ настроеніи Императора Александра, Спренгтпортенъ могъ повидимому разсчитывать на эти фразы. Однако сила вещей взяла верхъ, и вся энергія ходатая за сеймъ разбилась о соображенія и совѣты людей противнаго мнѣнія. Румянцовъ, Аракчеевъ, Буксгевденъ, на мѣстѣ Тенгстрёмы, Троили,— если послѣдніе даже и неискренно, — примыкали къ этому мнѣнію. Спренгтпортенъ былъ теперь едва ли не совсѣмъ одинъ. Будущіе его союзники изъ бывшихъ аньяльскихъ заговорщиковъ еще не появлялись въ Петербургѣ; тѣ же, что издавна жили тамъ на русскихъ пенсіяхъ,—или расходились въ мнѣніяхъ, какъ Кликъ, или были безгласны и очень мелки, какъ Ладо и т. п.—Чтобы высказаться окончательно, Государь по всей вѣроятности ждалъ возвращенія Клика изъ его секретной поѣздки въ Финляндію [1]). Въ то самое время, когда Спренгтпортенъ дѣйствовалъ своими батареями во всѣхъ направленіяхъ, этотъ не-

---

ромъ, однако ему же самому приходилось предписывать самыя строгія мѣры къ тому, чтобы мѣстное населеніе не противодѣйствовало Русскимъ. См. Коскинена Correspond. officielle de Sprengtporten, стр. 247, 273.

[1]) О ней упомянуто выше. Ребиндеръ, впослѣдствіи статсъ-секретарь по финляндскимъ дѣламъ, разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ о таинственной посылкѣ еще нѣкоего полковника Турскаго къ епископу Тенгстрёму въ качествѣ эмиссара Императора Александра. Эпизодъ этотъ требуетъ разслѣдованія. Въ оффиціальныхъ бумагахъ мы нашли нѣкоторые другіе факты, связанные съ именемъ Турскаго, но никакихъ указаній на его поѣздку къ Тенгстрёму.—Castrén, Skildringar, стр. 257.—Записка Турскаго, въ Военно-Ученомъ Архивѣ, № 1665—50.296/19, 1808.

значительный маіоръ готовилъ свои. Въ первыхъ числахъ апрѣля, какъ извѣстно, онъ послалъ Александру Павловичу свой мемуаръ о порядкѣ привода къ присягѣ [1]). Здѣсь шла рѣчь и о сеймѣ.

Взглядъ Клика былъ прямо противоположенъ мнѣнію Спренгтпортена. Человѣкъ, который отвергалъ въ корнѣ самую мысль о какихъ-нибудь не только соглашеніяхъ, но даже и объясненіяхъ съ незначительнымъ побѣжденнымъ народцемъ, и не могъ глядѣть иначе. Кликъ категорически заявлялъ, что обѣщанное прокламаціей 10-го февраля приглашеніе депутатовъ въ Або для сужденія объ ихъ нуждахъ и по ихъ законамъ дѣйствительно дастъ мѣсто мысли о сеймѣ, но что она кажется ему въ данное время если не опасною, то во всякомъ случаѣ безполезною [2]). Кликъ спрашивалъ: не закружится-ли голова у депутатовъ, призванныхъ разсуждать объ ихъ интересахъ?—и воздержался отъ отвѣта, находя вопросъ крайне щекотливымъ. Онъ очень остроумно и основательно былъ въ недоумѣніи на счетъ того: въ какомъ видѣ и по какимъ узаконеніямъ организуется сеймъ? Будетъ-ли это на основаніи закона 1720 года, гарантированнаго Петромъ Великимъ, или же по постановленіямъ 1772 года, никогда русскимъ правительствомъ непризнаннымъ [3])? — Кликъ оставляетъ подъ сомнѣніемъ даже вообще вопросъ: имѣетъ-ли Фин-

---

[1]) См. выше стр. 111, т. II.

[2]) La première proclamation, signée par S. Exc. M. le comte de Bouxhoevden invite les habitans de la Finlande ci-devant suèdoise d'envoyer leurs députés à Abo pour y délibérer sur leurs intérêts selon leurs lois. Cette expression fait naître l'idée d'une diète, qui dans ce tems paraît être, si non dangereuse, au moins inutile.—Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèd., 1808, Klick, л. 245.

[3]) Je n'examinerai point si cette invitation aux habitans de la Finlande ci-devant suèdoise d'envoyer leurs députés à Abo pour y délibérer sur leurs intérêts, ne pourrait pas leur donner un esprit de vertige en cas que cette assemblée aurait lieu, parceque c'est une question trop délicate à discuter; je n'examinerai non plus, comment il serait possible de former et d'organiser cette assemblée soit après la forme du gouvernement de 1720, garantie par Pierre le Grand, soit après celle de 1772, qui n'a jamais éte garantie par les souverains de la Russie.

ляндія свои законы на подобный случай? «Но если признать законы шведскіе и допустить сеймъ только для присяги,—какъ объяснялъ Клику гр. Румянцовъ,—то сколько времени понадобится на объявленіе повелѣнія о созывѣ депутатовъ и на самый ихъ съѣздъ? А присяга необходима безотлагательно». Кликъ возбуждалъ сомнѣніе и другого рода, еще болѣе серьезное: «разъ сеймъ будетъ собранъ, ограничится-ли онъ одной присягой и не вообразитъ-ли себя въ правѣ воспользоваться тѣмъ избыткомъ свободы, котораго онъ собственно не долженъ бы имѣть?» [1])—Наконецъ и еще замѣчаніе: депутатамъ слѣдуетъ получить отъ своихъ сословій опредѣленное вознагражденіе; на одинъ переѣздъ ихъ потребуется нѣсколько сотъ лошадей. Такая повинность для бѣдной страны, служащей къ тому же театромъ войны, не можетъ быть пріятна. Надо не забывать что населеніе обязано, и прежде всего, предоставлять средства передвиженія для военныхъ транспортовъ. Легко-ли подобное бремя?

Дѣлая подобныя возраженія, которыя мѣтко попадали въ цѣль, Кликъ оговаривался что не суетные разсчеты честолюбія руководятъ имъ въ этомъ случаѣ. «Призванный по рожденію моему, въ качествѣ дворянина, засѣдать на сеймѣ какъ старшій въ родѣ, я увѣренъ, что не былъ бы изъ послѣднихъ между моими сочленами; но такой почетъ вовсе меня не увлекаетъ.»

Таковы были соображенія, на основаніи которыхъ Кликъ отвергалъ созваніе сейма не только вообще, но и спеціально для одного только привода къ присягѣ. Взамѣнъ послѣдняго имъ предложенъ извѣстный уже порядокъ принесенія присяги [2]),—и онъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ своимъ бывшимъ руководителемъ и покровителемъ. 9-го апрѣля послѣдовало повелѣніе графу Буксгевдену о принятіи присяги согласно проекту Клика. «Его Величество,—писалъ гр. Румянцовъ главнокоман-

---

[1]) Il y en a d'autres inconvenients plus ou moins grands, inséparables de la constitution d'une telle assemblée qui n'est destinée que pour prêter et faire prêter le serment, mais qui s'imaginerait peut-être de jouir d'une plus grande portion de liberté, qu'elle ne doit pas avoir.—Ibid.

[2]) См. т. II, стр. 112 и послѣд.

дующему—признавая въ полной мѣрѣ основательность заключеній вашихъ касательно разныхъ неудобствъ, какія могли бы произойти отъ собранія въ Абовѣ сейма, возвѣщеннаго въ свое время декларацiею отъ имени вашего изданною, соизволяетъ мѣру сiю отмѣнить...» [1]).

---

[1]) Высочайше апробованная депеша отъ министра иностранныхъ дѣлъ, 9-го апр. 1808, листъ 32 (см. страниц. 113, т. II).

ГЛАВА XVII.

Финляндская депутація.—Вызовъ ея.

Но если прекратилась на время рѣчь о сеймѣ, то разговоры о пользѣ и даже необходимости выслушать мѣстныхъ людей не прекращались. Занятая страна представляла много особенностей, и чѣмъ дальше на западъ—тѣмъ больше; это уже само по себѣ давало поводъ къ затрудненіямъ. Къ тому же главное мѣстное начальство, при быстротѣ наступленія войскъ, и не могло обращать должнаго вниманія на гражданскую администрацію, и затрудненія только усугублялись. Предполагавшійся помощникъ главнокомандующему, Спренгтпортенъ, оказался не на уровнѣ задачи или, что еще хуже, преслѣдовалъ свои противоположныя цѣли, и все дѣло осталось опять на плечахъ Буксгевдена, которому было не по силамъ. Недовѣріе и даже враждебность населенія, разумѣется, не облегчали его; агитація же,—руководимая съ Густавова «Амфіона» и поддерживаемая вѣстями съ сѣвера о русскихъ потеряхъ и финскомъ мщеніи,—усиливала трудности. Быть можетъ, если бы на мѣстѣ примѣнена была къ дѣлу полная энергія, затрудненія эти рушились бы; но главнокомандующій, критикуемый въ Петербургѣ на каждомъ шагу, едва могъ держаться противъ успѣховъ интриги и долженъ былъ устремлять всѣ свои заботы на возстановленіе сильно поколебленнаго престижа его арміи. Онъ не имѣлъ и времени хорошенько осмотрѣться: противоположность громадныхъ потерь и отступленія, послѣ блестящаго завладѣнія цѣлой страной, не могла не наложить на всѣ дѣла своей печати. Гражданская администрація оставалась на-

зади. Губернаторъ Эминъ не могъ или не умѣлъ справиться съ своей задачей въ цѣломъ краѣ ему неизвѣстномъ. То, что дѣлалось при главной квартирѣ, носило характеръ исключительно временной и случайный, который въ Петербургѣ можетъ быть не безъ основанія старались объяснить незнаніемъ условій страны.

Поэтому въ правительственныхъ сферахъ начали склоняться къ мнѣнію о томъ, чтобы посовѣтоваться съ населеніемъ. Повторенныя разсужденія Спренгтпортена не оставались въ этомъ случаѣ безъ вліянія. Но такъ какъ созваніе сейма, разъ обѣщанное и вслѣдъ затѣмъ отмѣненное, не могло быть принимаемо въ разсчетъ, то остановились на другомъ предположеніи, настолько же—казалось петербургскимъ администраторамъ—дѣйствительномъ, но менѣе рискованномъ.

Иниціатива впрочемъ принадлежала опять Спренгтпортену. Изображая гр. Румянцову въ самыхъ темныхъ краскахъ распоряженія Буксгевдена, также какъ и дурное—вслѣдствіе будто бы ихъ—настроеніе жителей, Спренгпортенъ настаивалъ на вызовѣ изъ Финляндіи по крайней мѣрѣ спеціальной депутаціи.

«Нужно, позвольте мнѣ это повторить,—писалъ онъ Румянцову 31-го мая,—какъ можно скорѣе приступить къ вызову депутаціи, избранной изъ четырехъ сословій государства въ составѣ наиболѣе почетныхъ лицъ. Собраніе ихъ здѣсь было бы наиболѣе вѣрнымъ средствомъ въ настоящемъ положеніи дѣлъ. Здѣсь можно было бы наилучше все устроить сообразно намѣреніямъ Его И. Величества [1].»—Мѣра эта, повидимому, дѣйствительно имѣла практическій смыслъ и могла помочь правительству справками мѣстныхъ экспертовъ. Рѣшено было поэтому вызвать въ Петербургъ депутатовъ отъ завоеванной страны.

Въ самый разгаръ кровавыхъ финскихъ репрессалій и вслѣдъ за изданіемъ манифеста Императора Александра «къ вѣрнымъ

---

[1] Изложеніе въ письмѣ мѣста о составѣ депутаціи совершенно безграмотно; вотъ его подлинникъ, какъ по изданію Кастрéна, такъ и по бумагамъ Архива М. Ин. Дѣлъ:... d'une députation choisie parmi les quatre ordre de l'État, dont les individus tout les plus notables, que le plus sur dans l'état présent des choses, serait de convoquer ici, où l'on s'arrangera au mieux suivant l'intention de S. M. I.... Прил. № 49.

подданнымъ новопріобрѣтенной Финляндіи», коимъ подтверждалась невозвратность рѣшенія ихъ судьбы и непреложность сохраненія въ единствѣ съ Россіей [1]).—графу Буксгевдену послано было распоряженіе по занимающему насъ теперь предмету.

«Государь Императоръ,—писалъ гр. Румянцовъ отъ 9-го іюня [2]),—обращая особливое свое вниманіе къ устроенію благоденствія новыхъ своихъ подданныхъ, а потому желая сколь можно ближе узнать ихъ положеніе, ихъ нужды и собственное ихъ мнѣніе о средствахъ къ облегченію тяжкаго бремени, каковымъ они донынѣ были угнетаемы,—соизволяетъ, чтобы на сей конецъ изъ пріобрѣтенной страны присланы были къ Высочайшему двору депутаты отъ всѣхъ сословій.»

Такимъ образомъ созывъ депутатовъ получалъ свое опредѣленное, справочное значеніе. Этому обстоятельству слѣдуетъ дать особенный вѣсъ при изученіи вопроса о томъ: какъ могло въ странѣ, несомнѣнно завоеванной, при томъ съ большими пожертвованіями, установиться то положеніе и тѣ отношенія къ покорителю, какія представляетъ послѣдующая исторія. Финскіе писатели съ этого момента начинаютъ отклоняться отъ дѣйствительности и истины. Румянцовъ писалъ, что Государь желаетъ ближе узнать положеніе новыхъ своихъ подданныхъ, ихъ нужды и собственное ихъ мнѣніе о средствахъ къ облегченію тяжкаго бремени, ихъ угнетавшаго. А профессоръ Коскиненъ пишетъ, что депутаты должны были отправиться въ русскую столицу, чтобы «обсудить съ Императоромъ дѣла управленія Финляндіею и ихъ организацію», и что это было собственнно не представительство, а «посольство» [3]). Изъ сличенія съ текстомъ Румянцовской бумаги видно однако, во-первыхъ, на сколько депутаціи можно

---

[1]) Манифестъ 5-го іюня.

[2]) Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèd. 1808. Expéd. Buxhoevden, лист. 50.

[3]) Im Sommer des J. 1808 ein Befehl erschien eine geringe Anzahl von Männern zu erwählen, welche sich in die Hauptstadt Russlands begeben sollten, um sich mit dem Kaiser über die Verwaltungs-angelegenheiten Finlands und ihre Organisation zu berathen.... dass es diesmal nur auf eine Gesandtschaft und nicht auf eine Representation abgesehen war. *Koskinen*, Finnische Geschichte, стр. 565.

было, безъ явной натяжки, присвоить названіе и значеніе какого бы то ни было посольства, а во-вторыхъ, насколько задача депутаціи точно опредѣлена историкомъ. Одно—описать положеніе и высказать мнѣніе, какъ помочь въ нуждѣ; другое—обсуждать съ монархомъ и устроивать дѣла управленія.

Нельзя не признать, что русское правительство само давало поводъ къ кривотолкамъ, хотя разумѣется того вовсе не желало. Подробности мѣстныхъ условій которыхъ слѣдовало бы, при незнаніи ихъ, вовсе не касаться, встрѣчались однако въ распоряженіяхъ русской власти очень часто, почти сплошь. Неточность деталей, отдѣльныхъ выраженій, давала достаточный просторъ для толкованій, а затѣмъ и прямо для произвольной окраски фактовъ. Ссылка въ прокламаціяхъ и манифестахъ на бывшіе прежде порядки, при томъ ссылка огульная, давала тому еще лишній и очень благопріятный поводъ: ничего не объясняя, какъ вѣрно замѣтилъ Кликъ, она только путала правительство и затемняла дѣло, само по себѣ совершенно ясное.

Такъ настоящее распоряженіе о присылкѣ депутатовъ, а равно и руководившая имъ мысль были ясны и понятны; но явились подробности,—и произвольнымъ сужденіямъ дано широкое поле. «Въ опредѣленіи числа онымъ (депутатамъ), — разъяснялъ министръ, — лучше кажется основаться на прежнихъ примѣрахъ, какъ посылались оттуда депутаты въ Стокгольмъ, и ежели я не ошибаюсь, то кажется выбиралось оныхъ: отъ дворянства съ каждой губерніи по два, отъ духовенства съ каждой епархіи по одному, отъ купечества и мѣщанства отъ каждой губерніи по одному.» Такимъ образомъ число депутатовъ не опредѣлялось точными цифрами и распоряженіями, что собственно и понятно, такъ какъ рѣшеній принимать имъ не предстояло, а только для нихъ и существенъ счетъ голосовъ и другія подробности. Важнѣе было то, что подобные депутаты въ Стокгольмъ *не посылались* съ цѣлями въ родѣ нынѣ предположенной: они ѣздили туда на узаконенные риксдаги или государственные сеймы. Предлагалось основаться на прежнихъ примѣрахъ, которыхъ собственно не было; но и тутъ слова «лучше кажется», отнимали отъ предложенія силу обязательности для исполнителя, и даже пожалуй должной серьезно-

сти. Ссылка на примѣры говорила о полномъ, къ сожалѣнію, незнакомствѣ Румянцова и его совѣтниковъ съ предметомъ по которому они дѣлали распоряженія, и тѣмъ кидала первыя сѣмена недоразумѣній и будущихъ затрудненій. Да и вообще нельзя не сказать, что всѣ мѣры, принимавшіяся тогда въ отношеніи Финляндіи, имѣли характеръ какой-то легкости, отсутствія хотя сколько-нибудь болѣе глубокихъ соображеній, дѣйствія по первому впечатлѣнію, по первому отзыву какого-нибудь случайнаго помощника.

Также коротко указанъ и самый порядокъ избранія депутатовъ. «Когда общею довѣренностью каждаго сословія, согласно съ прежними ихъ обрядами и обычаями, избраны будутъ депутаты,—то оныхъ сюда отправить.» Но вслѣдъ затѣмъ главнокомандующему предлагали обратить «особливое вниманіе на то, чтобы при семъ случаѣ выборъ палъ на людей благонамѣренныхъ и преданныхъ Россіи» [1]). Не легкая предстояла задача: прислать депутатовъ, которые были бы избраны общею довѣренностію ихъ земляковъ и согласно прежнимъ обычаямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ были бы преданы Россіи и благонамѣренны—конечно въ ея видахъ. Правительство своею вовсе ненужною ссылкою на бывшіе примѣры, само того не замѣчая, замыкало себя въ очевидный cercle vicieux. Желаніе со стороны Россіи имѣть для справокъ людей ей преданныхъ и въ ея смыслѣ благонамѣренныхъ весьма понятно, естественно и правильно, и мѣстный начальникъ могъ найти такихъ людей. Но задача представлялась совсѣмъ иною, когда ихъ приходилось выбирать «общею довѣренностію». На эту послѣднюю несомнѣнно и безапелляціонно вліяли тѣ авторитетные, притомъ многочисленные голоса, которые въ родѣ профессора Калоніуса и губернатора Вибеліуса становились въ оппозицію. Примирить оба требованія было невозможно, и полезнѣе было бы для русскаго правительства ни о какихъ прежнихъ обычаяхъ и общей довѣренности не упоминать вовсе, а просто пригласить нѣсколько лицъ по ближайшему соображенію главнокомандующаго.

[1]) Упомянутое отношеніе гр. Румянцова отъ 9-го іюня 1808 г. (лист. 50, Corr. Buxh.).

Не смотря однако на указанныя несообразности министерскаго распоряженія, оно имѣетъ, повторяемъ, одно положительное достоинство: оно несомнѣнно устраняетъ всякія утвержденія въ томъ смыслѣ, что депутаты были не просто свѣдущіе или лучшіе люди страны, чрезъ которыхъ хотѣли съ нею ознакомиться, а какіе-то «посланники» неизвѣстно какой державы.

Главнокомандующій не замедлилъ разослать губернаторамъ циркуляры о выборѣ депутатовъ, согласно указаніямъ министра. Дѣйствіе циркуляровъ распространялось конечно лишь на губерніи бывшія въ русскихъ рукахъ. Позднѣе потребовали депутатовъ отъ вазаской и улеаборгской губерній, отъ абоской академіи (университета), гофгерихтовъ и отъ нѣкоторыхъ городовъ.

При исполненіи циркуляра еще и еще разъ обнаружилось, насколько правды было въ увѣреніяхъ Спренгтпортена, что Финляндія горитъ желаніемъ соединиться съ Россіей. Едва-ли не повсемѣстно поднялось болѣе или менѣе сильное сопротивленіе распоряженію русской власти, въ существѣ своемъ крайне доброжелательному. При этомъ небезъинтересна та особенность, что чѣмъ ближе были къ Россіи мѣстности производившія выборы, тѣмъ менѣе вообще встрѣчалось возраженій и оппозиціи; напротивъ, чѣмъ дальше на западъ т. е. ближе къ Швеціи, тѣмъ это противодѣйствіе было больше, упорнѣе и враждебнѣе. Буксгевденъ съ своими увѣреніями въ добромъ настроеніи умовъ оказывался не болѣе дальновиднымъ и проницательнымъ, чѣмъ и всѣ другіе совѣтники Александра. Только долгимъ опытомъ на мѣстѣ убѣждались они, насколько нерасположеніе къ Россіи глубоко. Бывшій посланникъ въ Стокгольмѣ Алопеусъ, присланный Румянцовымъ въ Або уже въ февралѣ слѣдующаго 1809 г., оффиціально признавалъ недружелюбное къ Россіи настроеніе тамъ умовъ финляндцевъ [1]). Указанную градацію въ мѣрѣ сопротивленія ставятъ конечно въ связь съ большимъ или меньшимъ количествомъ политической зрѣлости и

[1]) Письмо къ гр. Салтыкову изъ Або, 24-го февраля 1809 г. Corr. Alopeus, въ Петерб. Главн. Арх. М. Ин. Дѣлъ, Négociation de paix, л. 94.—L'esprit public en Finlande, qui jusqu'à présent n'était pas tout à fait en notre faveur, и проч.

самостоятельности разныхъ частей Финляндіи. Не будетъ-ли вѣрнѣе сказать—политической распущенности и своеволія, воспитанныхъ въ шведскомъ дворянствѣ вѣками? Дворянство было коноводомъ; за нимъ тянулись другія сословія. Для характеристики положенія въ данномъ случаѣ довольно будетъ, кажется, отмѣтить, что изъ всѣхъ мнѣній по поводу Буксгевденскаго циркуляра, едва-ли не одно только мнѣніе профессора Лагуса было въ пользу безусловнаго подчиненія требованію побѣдителя; онъ признавалъ и святость присяги, принесенной уже населеніемъ новому государю [1]). Всѣ другіе участники въ выборѣ депутатовъ нашли нужнымъ дѣлать разныя оговорки, а въ Або оказано было и прямое сопротивленіе. Иначе впрочемъ и быть не могло: Або былъ центромъ шведской культуры; здѣсь была богатѣйшая по финскимъ понятіямъ аристократія страны, пропитанная до мозга костей шведскими олигархическими привычками и стремленіями; здѣсь была академія и все средоточіе такъ-называемой высшей интеллигенціи края. Або назывался «столицей» великаго княжества и имѣлъ всѣ недостатки столицъ. Мѣстные интеллигенты считали мнѣнія, господствовавшія тамъ, выраженіемъ общественнаго сознанія всей Финляндіи, или во всякомъ случаѣ наиболѣе развитой части ея населенія. Мнѣнія эти, какъ ни были несообразны съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ, имѣютъ однако очень крупный интересъ. Носители ихъ, попавъ сперва въ число петербургскихъ депутатовъ, затѣмъ въ члены сейма, далѣе въ члены правительственнаго совѣта и даже въ число ближайшихъ совѣтниковъ Государя, получили всю возможность дружно проводить свои идеи въ жизнь. Незнаніе и уступчивость русскихъ государственныхъ людей не могли конечно представить должнаго отпора такому единодушному натиску.

Абоскій губернаторъ, баронъ де-Троиль, получивъ предписаніе Буксгевдена обратился къ 12-ти членамъ мѣстнаго рыцарства и дворянства, приглашая ихъ на собраніе въ Або [2]). Кромѣ

[1]) 10 мая.

[2]) Эти лица были: ген.-маіоръ Эрнстъ-Густавъ фонъ-Виллебрантъ, областной судья Адольфъ фонъ-Виллебрантъ, полковникъ Густавъ фонъ-Кноррингъ, совѣтникъ гофгерихта Самуилъ Эренмальмъ, военный совѣт-

того шести городамъ: Або, Бьернеборгу, Раумо, Ништадту, Нодендалю и Таммерфорсу предписано избрать по одному депутату отъ горожанъ. Въ качествѣ представителя отъ крестьянства губернаторомъ приглашенъ, безъ всякихъ выборовъ, крестьянинъ Густавъ Кавéнъ, засѣдатель герадскаго суда въ Ускюльскомъ кирхшпилѣ, одинъ изъ прежнихъ членовъ шведскаго риксдага.

20-го іюля (1-го августа) всѣ эти лица собрались въ абоской губернской канцеляріи, и — сразу стали въ оппозицію Буксгевденскому предписанію. Иныхъ описателей этой эпохи удивляетъ и радуетъ то «изумительное» единодушіе, съ которымъ всѣ эти представители высказались противъ русскаго требованія. Многіе изъ этихъ послѣднихъ явились съ готовыми уже записками въ одномъ и томъ же оппозиціонномъ смыслѣ, не исключая и крестьянина Кавéна[1]). Но собственно удивляться здѣсь нечему: Спренгтпортенъ, помимо другихъ внушеній, всѣмъ и каждому толковалъ о созваніи сейма какъ о безусловной волѣ Государя. Поэтому распоряженію Буксгевдена, въ точности основанному на объявленномъ Румянцовымъ повелѣніи, придали характеръ нарушенія высочайшей воли, и въ этомъ смыслѣ оно было впослѣдствіи обжаловано въ петиціи и самому Государю. Трехъ почти недѣль было вполнѣ достаточно для того, чтобы хорошо спѣться на счетъ какъ содержанія мнѣній, такъ и формы ихъ изложенія.

Изъ дворянъ трое явились съ записками: Эренмальмъ, Карлъ

никъ Эрнстъ Егергорнъ, подполковникъ баронъ Отто Стакелбергъ, подполковникъ баронъ Карлъ де-Карналь, маіоръ баронъ Іоганъ-Рейнгольдъ Ребиндеръ (отецъ будущаго финляндскаго статсъ-секретаря Роберта-Генриха Ребиндера), маіоръ баронъ Карлъ Ребиндеръ, маіоръ баронъ Карлъ Маннергеймъ (впослѣдствіи вице-президентъ финляндскаго сената), маіоръ баронъ Іëранъ Любеккеръ, ассесоръ Карлъ Гюльденстолпе. Castrén, Finska Deputationen, 28.

[1]) Записка составлена была не имъ. Вопреки мнѣнію о повсемѣстной грамотности и даже образованности финляндцевъ, изъ числа трехъ крестьянскихъ членовъ депутаціи, бывшихъ членовъ шведскаго риксдага, принявшихъ впослѣдствіи участіе въ подачѣ въ Петербургѣ петиціи, двое не умѣли подписать свое имя и ставили своеобразныя монограммы. Кавèнъ подписалъ свое имя и фамилію; но даже финскій историкъ Кастрèнъ сомнѣвался, что бы онъ самъ составилъ записку.

Ребиндеръ и Адольфъ Виллебрантъ. Они излагали соображенія, по которымъ потребованный Буксгевденомъ выборъ признавался незаконнымъ: онъ противорѣчилъ шведскому положенію о «Рыцарскомъ домѣ» и дворянскимъ привилегіямъ. Въ основѣ протеста лежали выраженныя сперва въ прокламаціи 10-го февраля а потомъ въ манифестѣ 5-го іюня и при другихъ случаяхъ, обѣщанія Императора Александра сохранить законы и привилегіи отдѣльныхъ классовъ. Представители благороднаго сословія очень хорошо понимали, что ни о какихъ нарушеніяхъ не было здѣсь рѣчи даже съ ихъ точки зрѣнія; вызывалось не формальное представительство, а совершенно исключительная депутація, въ виду не менѣе исключительнаго событія — покоренія страны иноземнымъ государемъ. Но, какъ дальше объяснено, они считали полезнымъ такой пріемъ. Поэтому развивая мотивы своего протеста, финскіе рыцари и дворяне прежде всего указывали, что предписаніемъ Буксгевдена пренебреженъ основной принципъ дворянскихъ привилегій, именно представительство чрезъ главъ семействъ (capita familiarum), т. е. чрезъ старшихъ въ родѣ. Въ настоящемъ случаѣ они видѣли особенное нарушеніе въ томъ, что въ числѣ приглашенныхъ двѣнадцати дворянъ нѣкоторые (Виллебранты, Ребиндеры) принадлежали къ одному и тому же роду, а другіе не были главами фамилій.

Далѣе шло указаніе на нарушеніе въ формѣ, въ которой выражена воля Государя о призывѣ депутатовъ. Объявленія ея чрезъ Буксгевдена, или даже Румянцова, было для нихъ недостаточно. Руководясь обычаемъ (и только обычаемъ) прежняго времени, когда короли сами подписывали призывы представителей на собранія, эти подполковники и маіоры находили, что Императору Александру слѣдовало обратиться къ нимъ съ особымъ собственноручно подписаннымъ рескриптомъ.

Еще далѣе находили, что если бы депутація даже и сформировалась, то она не могла бы дать «въ настоящее время» объясненій о положеніи и нуждахъ страны, и что вообще эти объясненія надежнѣе было бы отложить до возстановленія мира.—«Настоящее время», т. е. 20-е число іюля, дѣйствительно давало финляндскимъ рыцарямъ довольно основательные поводы вести раз-

говоры съ Русскими и быть смѣлыми и даже дерзкими. Войска Раевскаго и Тучкова терпѣли на сѣверѣ пораженіе за пораженіемъ, партизанскія партіи наносили имъ громадный вредъ, двѣ трети Финляндіи были опять заняты Шведами, а по сосѣдству съ Або крейсеровали суда короля Густава-Адольфа. Весьма было естественно ожидать что и остальная часть Финляндіи, гдѣ они теперь засѣдали, вскорѣ освободится отъ русскаго владычества.

Конечные выводы дворянскихъ мемуаровъ сводились къ тому болѣе или менѣе общему, притомъ рѣшительному заключенію, что хотя они и не считали себя въ правѣ высказаться противъ самой депутаціи, однако находили порядокъ избранія ея состава незаконнымъ. Кромѣ того, и едва-ли не главнѣе всего, они видѣли политическую опасность для своего сословія [1]).

На основаніи такихъ соображеній дворяне составили общую записку для передачи губернатору.

Одновременно съ дворянами собрались и представители бюргерства отъ шести названныхъ городо́въ. Они также рѣшили: не избирать депутата. Бюргерамъ нельзя было толковать о «главахъ фамилій»; поэтому они мотивировали свой отказъ различіемъ правъ и преимуществъ, принадлежащихъ разнымъ городамъ по шведскимъ законамъ, которые—тотъ же припѣвъ — Его Императорскому Величеству угодно было всемилостивѣйше утвердить. Фальшь совершенно неопредѣленнаго и необдуманнаго обѣщанія сохранить всѣ права и преимущества начинала, какъ легко видѣть, производить свое дѣйствіе и запутывать положеніе. Або

---

[1]) Въ заявленіи барона Карла Ребиндера говорилось: «Хотя я не могу и не хочу ничего возражать противъ самаго факта избранія и отправки депутатовъ, но въ виду важныхъ, принадлежащихъ моему сословію правъ, я считаю своимъ личнымъ долгомъ, насколько въ силахъ, стараться отстранить прецедентъ, который можетъ привести къ самымъ непредвидѣннымъ случайностямъ въ будущемъ. Если бы я отнесся иначе къ предлагаемому нынѣ способу избранія сословныхъ представителей, то долженъ былъ бы считать себя преступно содѣйствовавшимъ особенно въ самомъ началѣ новаго правленія, упадку значенія и положенія финляндскаго рыцарства и дворянства какъ государственнаго сословія».—Castrén, Skildringar ur Finlands nyare historia, вып. 1, стр. 29.

и Бьернеборгъ имѣютъ право на заграничную торговлю—писали протестанты,—Раумо и Ништадтъ торгуютъ только по Балтійскому морю, Нодендаль пользуется лишь внутренними водами, Таммерфорсъ вовсе удаленъ отъ моря и не ведетъ морской торговли. Всѣ они преслѣдуютъ разныя цѣли и имѣютъ разные интересы. Слѣдовательно—полное основаніе къ отказу въ выборѣ депутатовъ: нельзя предоставить охрану пользъ и нуждъ этихъ шести городовъ представителю одного изъ нихъ, такъ какъ интересы эти нерѣдко прямо противоположны.

Наконецъ и записка крестьянина Кавéна заявляла объ отказѣ отъ содѣйствія къ выбору депутата. Финскаго, вообще довольно грубаго крестьянина, нельзя было отличить въ ней отъ вѣжливаго дворянина. «Насколько я преклоняюсь предъ всемилостивѣйшею заботливостію Его Императорскаго Величества о нашей странѣ,—написано было въ поданной имъ запискѣ,—и предъ желаніемъ его помочь въ ея нуждахъ, настолько я чувствую себя недостойнымъ быть представителемъ цѣлаго сословія, владѣвшаго издревле правомъ посредствомъ свободнаго избранія даровать свое неограниченное довѣріе тому, кто въ интересахъ его долженъ приблизиться къ верховной власти и быть истолкователемъ его желаній предъ самимъ престоломъ. Я глубоко оскорбилъ бы это святое право, если бы не подвергнувъ себя избранію, и слѣдовательно безъ вѣдома моихъ собратій, возвелъ себя въ ихъ представители, тогда какъ они могли бы почтить своимъ довѣріемъ другаго, достойнѣйшаго.» Такъ пѣлъ свою партію полуграмотный крестьянинъ въ созвучномъ хорѣ абоскихъ протестантовъ.

Нѣтъ сомнѣнія,—пишетъ финскій историкъ Кастрéнъ,—что доводы противъ депутаціи (приведенные выше) только частію, и то самою незначительною, служили выраженіемъ истинныхъ чувствъ, одушевлявшихъ большинство.—Съ этимъ нельзя не согласиться. Немного надо было соображеній, чтобы придти къ заключенію о нелѣпости изложенныхъ доводовъ въ виду предъявленнаго требованія и бывшихъ обстоятельствъ. Но собравшимся рыцарямъ отнюдь нельзя отказать въ извѣстной мѣрѣ ума, или по крайней мѣрѣ разсчета. Они хитрили, надѣясь сбить

русское правительство съ толку. Это открывается изъ нѣкоторыхъ документовъ. Маннергеймъ, одинъ изъ 12-ти, а потомъ и предводитель депутаціи въ Петербургѣ, разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ [1]), что на собраніи 1-го августа вовсе почти не было и рѣчи о главномъ выставленномъ въ запискѣ мотивѣ, т. е. о представительствѣ чрезъ старшихъ въ родѣ. Напротивъ, главнѣйшія разсужденія были о томъ что всѣ финляндскіе дворяне, въ качествѣ государственнаго сословія, имѣютъ одинаковое право участвовать въ выборѣ депутатовъ, и что выборы эти должны быть отложены до заключенія мира, такъ какъ большинство дворянъ находится на войнѣ (противъ Русскихъ, въ рядахъ шведской арміи). Дѣло было, слѣдовательно, въ чисто партійныхъ дворянскихъ интересахъ. Тѣми личными выгодами, которыми могли воспользоваться одни, желали воспользоваться и другіе. Въ числѣ 12-ти были двое Ребиндеровъ, потомъ явился и третій; Виллебрантовъ было также двое; самъ Маннергеймъ приходился зятемъ одному изъ Виллебрантовъ. Прежняя шведская практика научила, что всякія служебныя и другія выгодныя положенія дворянство брало себѣ и распредѣляло между своими членами, смотря по тому кто былъ у власти. Выставить главный мотивъ—отсутствіе большинства—было рисковано; русское правительство могло вспомнить, что эти отсутствующіе стояли съ оружіемъ въ рукахъ противъ него же самого, и при всемъ благодушіи и довѣрчивости не нашло бы нужнымъ оберегать интересы своихъ упорныхъ противниковъ. Этотъ взглядъ русской власти былъ извѣстенъ и принялъ уже конкретную форму: повелѣніе объ отобраніи бостельныхъ имѣній отъ семействъ рыцарей и дворянъ продолжавшихъ воевать, было уже два раза объявлено. Поэтому безъ сомнѣнія о главномъ мотивѣ, объ отсутствующихъ, распространялись на бумагѣ наименѣе, хотя на словахъ судили наиболѣе.

Но гораздо опредѣленнѣе обрисовалъ затаенныя мысли финляндцевъ самъ Ребиндеръ, который съ небольшимъ черезъ 3 года

---

[1]) Въ основаніе настоящаго разсказа принято главнымъ образомъ описаніе упомянутаго финскаго историка Кастрéна.

явился, благодаря совѣтамъ Маннергейма, докладчикомъ при Императорѣ Александрѣ по финляндскимъ дѣламъ. Въ своихъ мемуарахъ онъ также подтвердилъ, что заявленіе дворянъ было мотивировано двумя разными точками зрѣнія. Одну можно было высказать открыто, оффиціально; другую, интимную, нельзя было занести въ меморію, предназначавшуюся, какъ думали, къ поднесенію Государю. Ребиндеръ приводитъ выдержки изъ записокъ отца своего, Іогана-Рейнгольда, участвовавшаго въ засѣданіи 1-го августа. Вотъ что писалъ тотъ:

«Если мы послѣдуемъ вызову къ намъ обращенному, то мы растворимъ двери интригѣ и предадимъ себя самихъ и силу нашихъ отцовъ въ руки правительства, которое, конечно, съумѣетъ воспользоваться этимъ въ ущербъ нашей свободѣ. Приготовимся же къ борьбѣ за принципы, и не забудемъ, что уступая хотя бы пядь почвы на которой боремся, мы находимся въ опасности потерять все. Русское правительство, по всѣмъ видимостямъ хорошо знакомое съ узурпаціонной тактикой, не преминетъ рано или поздно воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что создано нами(!), и потомъ не разъ возобновитъ нынѣшній маневръ. Оно будетъ собирать въ своей столицѣ какую-нибудь дюжину такъ называемыхъ депутатовъ и придавать имъ личину закочности на томъ основаніи, что они принадлежатъ ко всѣмъ четыремъ государственнымъ сословіямъ. На первый разъ ограничатся тѣмъ, что спросятъ совѣта этихъ манекеновъ народнаго представительства; но затѣмъ уже найдутся способы заставить ихъ издавать законы и вотировать бюджеты подъ диктовку правительства произвола.»

Вотъ, слѣдовательно, чего боялись дворяне; они боялись быть оттертыми отъ власти, которою привыкли пользоваться и распоряжаться тоже по произволу, только по своему и исключительно въ своихъ личныхъ видахъ. Опытный баронъ поэтому продолжалъ:

«Между тѣмъ, какъ бы ни были справедливы наши опасенія, мы не можемъ говорить о нихъ, не погрѣшая противъ приличія и не натыкаясь на другіе подводные камни. Поэтому сдѣлаемъ заявленіе, но уклонимся отъ выраженія истинныхъ причинъ нашего образа дѣйствій. Будемъ резонировать, худо-ли,

дующему—признавая въ полной мѣрѣ основательность заключеній вашихъ касательно разныхъ неудобствъ, какія могли бы произойти отъ собранія въ Абовѣ сейма, возвѣщеннаго въ свое время декларацією отъ имени вашего изданною, соизволяетъ мѣру сію отмѣнить...» [1]).

---

[1]) Высочайше апробованная депеша отъ министра иностранныхъ дѣлъ, 9-го апр. 1808, листъ 32 (см. страниц. 113, т. II).

ГЛАВА XVII.

Финляндская депутація.—Вызовъ ея.

Но если прекратилась на время рѣчь о сеймѣ, то разговоры о пользѣ и даже необходимости выслушать мѣстныхъ людей не прекращались. Занятая страна представляла много особенностей, и чѣмъ дальше на западъ—тѣмъ больше; это уже само по себѣ давало поводъ къ затрудненіямъ. Къ тому же главное мѣстное начальство, при быстротѣ наступленія войскъ, и не могло обращать должнаго вниманія на гражданскую администрацію, и затрудненія только усугублялись. Предполагавшійся помощникъ главнокомандующему, Спренгтпортенъ, оказался не на уровнѣ задачи или, что еще хуже, преслѣдовалъ свои противоположныя цѣли, и все дѣло осталось опять на плечахъ Буксгевдена, которому было не по силамъ. Недовѣріе и даже враждебность населенія, разумѣется, не облегчали его; агитація же,—руководимая съ Густавова «Амфіона» и поддерживаемая вѣстями съ сѣвера о русскихъ потеряхъ и финскомъ мщеніи,—усиливала трудности. Быть можетъ, если бы на мѣстѣ примѣнена была къ дѣлу полная энергія, затрудненія эти рушились бы; но главнокомандующій, критикуемый въ Петербургѣ на каждомъ шагу, едва могъ держаться противъ успѣховъ интриги и долженъ былъ устремлять всѣ свои заботы на возстановленіе сильно поколебленнаго престижа его арміи. Онъ не имѣлъ и времени хорошенько осмотрѣться: противоположность громадныхъ потерь и отступленія, послѣ блестящаго завладѣнія цѣлой страной, не могла не наложить на всѣ дѣла своей печати. Гражданская администрація оставалась на-

*

было, безъ явной натяжки, присвоить названіе и значеніе какого бы то ни было посольства, а во-вторыхъ, насколько задача депутаціи точно опредѣлена историкомъ. Одно—описать положеніе и высказать мнѣніе, какъ помочь въ нуждѣ; другое—обсуждать съ монархомъ и устроивать дѣла управленія.

Нельзя не признать, что русское правительство само давало поводъ къ кривотолкамъ, хотя разумѣется того вовсе не желало. Подробности мѣстныхъ условій которыхъ слѣдовало бы, при незнаніи ихъ, вовсе не касаться, встрѣчались однако въ распоряженіяхъ русской власти очень часто, почти сплошь. Неточность деталей, отдѣльныхъ выраженій, давала достаточный просторъ для толкованій, а затѣмъ и прямо для произвольной окраски фактовъ. Ссылка въ прокламаціяхъ и манифестахъ на бывшіе прежде порядки, при томъ ссылка огульная, давала тому еще лишній и очень благопріятный поводъ: ничего не объясняя, какъ вѣрно замѣтилъ Кликъ, она только путала правительство и затемняла дѣло, само по себѣ совершенно ясное.

Такъ настоящее распоряженіе о присылкѣ депутатовъ, а равно и руководившая имъ мысль были ясны и понятны; но явились подробности,—и произвольнымъ сужденіямъ дано широкое поле. «Въ опредѣленіи числа онымъ (депутатамъ), — разъяснялъ министръ, — лучше кажется основаться на прежнихъ примѣрахъ, какъ посылались оттуда депутаты въ Стокгольмъ, и ежели я не ошибаюсь, то кажется выбиралось оныхъ: отъ дворянства съ каждой губерніи по два, отъ духовенства съ каждой епархіи по одному, отъ купечества и мѣщанства отъ каждой губерніи по одному.» Такимъ образомъ число депутатовъ не опредѣлялось точными цифрами и распоряженіями, что собственно и понятно, такъ какъ рѣшеній принимать имъ не предстояло, а только для нихъ и существенъ счетъ голосовъ и другія подробности. Важнѣе было то, что подобные депутаты въ Стокгольмъ *не посылались* съ цѣлями въ родѣ нынѣ предположенной: они ѣздили туда на узаконенные риксдаги или государственные сеймы. Предлагалось основаться на прежнихъ примѣрахъ, которыхъ собственно не было; но и тутъ слова «лучше кажется», отнимали отъ предложенія силу обязательности для исполнителя, и даже пожалуй должной серьезно-

сти. Ссылка на примѣры говорила о полномъ, къ сожалѣнію, незнакомствѣ Румянцова и его совѣтниковъ съ предметомъ по которому они дѣлали распоряженія, и тѣмъ кидала первыя сѣмена недоразумѣній и будущихъ затрудненій. Да и вообще нельзя не сказать, что всѣ мѣры, принимавшіяся тогда въ отношеніи Финляндіи, имѣли характеръ какой-то легкости, отсутствія хотя сколько-нибудь болѣе глубокихъ соображеній, дѣйствія по первому впечатлѣнію, по первому отзыву какого-нибудь случайнаго помощника.

Также коротко указанъ и самый порядокъ избранія депутатовъ. «Когда общею довѣренностью каждаго сословія, согласно съ прежними ихъ обрядами и обычаями, избраны будутъ депутаты,—то оныхъ сюда отправить.» Но вслѣдъ затѣмъ главнокомандующему предлагали обратить «особливое вниманіе на то, чтобы при семъ случаѣ выборъ палъ на людей благонамѣренныхъ и преданныхъ Россіи» [1]). Не легкая предстояла задача: прислать депутатовъ, которые были бы избраны общею довѣренностію ихъ земляковъ и согласно прежнимъ обычаямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ были бы преданы Россіи и благонамѣренны—конечно въ ея видахъ. Правительство своею вовсе ненужною ссылкою на бывшіе примѣры, само того не замѣчая, замыкало себя въ очевидный cercle vicieux. Желаніе со стороны Россіи имѣть для справокъ людей ей преданныхъ и въ ея смыслѣ благонамѣренныхъ весьма понятно, естественно и правильно, и мѣстный начальникъ могъ найти такихъ людей. Но задача представлялась совсѣмъ иною, когда ихъ приходилось выбирать «общею довѣренностію». На эту послѣднюю несомнѣнно и безапелляціонно вліяли тѣ авторитетные, притомъ многочисленные голоса, которые въ родѣ профессора Калоніуса и губернатора Вибеліуса становились въ оппозицію. Примирить оба требованія было невозможно, и полезнѣе было бы для русскаго правительства ни о какихъ прежнихъ обычаяхъ и общей довѣренности не упоминать вовсе, а просто пригласить нѣсколько лицъ по ближайшему соображенію главнокомандующаго.

[1]) Упомянутое отношеніе гр. Румянцова отъ 9-го іюня 1808 г. (лист. 50, Corr. Buxh.).

Не смотря однако на указанныя несообразности министерскаго распоряженія, оно имѣетъ, повторяемъ, одно положительное достоинство: оно несомнѣнно устраняетъ всякія утвержденія въ томъ смыслѣ, что депутаты были не просто свѣдущіе или лучшіе люди страны, чрезъ которыхъ хотѣли съ нею ознакомиться, а какіе-то «посланники» неизвѣстно какой державы.

Главнокомандующій не замедлилъ разослать губернаторамъ циркуляры о выборѣ депутатовъ, согласно указаніямъ министра. Дѣйствіе циркуляровъ распространялось конечно лишь на губерніи бывшія въ русскихъ рукахъ. Позднѣе потребовали депутатовъ отъ вазаской и улеаборгской губерній, отъ абоской академіи (университета), гофгерихтовъ и отъ нѣкоторыхъ городовъ.

При исполненіи циркуляра еще и еще разъ обнаружилось, насколько правды было въ увѣреніяхъ Спренгтпортена, что Финляндія горитъ желаніемъ соединиться съ Россіей. Едва-ли не повсемѣстно поднялось болѣе или менѣе сильное сопротивленіе распоряженію русской власти, въ существѣ своемъ крайне доброжелательному. При этомъ небезъинтересна та особенность, что чѣмъ ближе были къ Россіи мѣстности производившія выборы, тѣмъ менѣе вообще встрѣчалось возраженій и оппозиціи; напротивъ, чѣмъ дальше на западъ т. е. ближе къ Швеціи, тѣмъ это противодѣйствіе было больше, упорнѣе и враждебнѣе. Буксгевденъ съ своими увѣреніями въ добромъ настроеніи умовъ оказывался не болѣе дальновиднымъ и проницательнымъ, чѣмъ и всѣ другіе совѣтники Александра. Только долгимъ опытомъ на мѣстѣ убѣждались они, насколько нерасположеніе къ Россіи глубоко. Бывшій посланникъ въ Стокгольмѣ Алопеусъ, присланный Румянцовымъ въ Або уже въ февралѣ слѣдующаго 1809 г., оффиціально признавалъ недружелюбное къ Россіи настроеніе тамъ умовъ финляндцевъ [1]). Указанную градацію въ мѣрѣ сопротивленія ставятъ конечно въ связь съ большимъ или меньшимъ количествомъ политической зрѣлости и

---

[1]) Письмо къ гр. Салтыкову изъ Або, 24-го февраля 1809 г. Corr. Alopeus, въ Петерб. Главн. Арх. М. Ин. Дѣлъ, Négociation de paix, л. 94.—L'esprit public en Finlande, qui jusqu'à présent n'était pas tout à fait en notre faveur, и проч.

самостоятельности разныхъ частей Финляндіи. Не будетъ-ли вѣрнѣе сказать—политической распущенности и своеволія, воспитанныхъ въ шведскомъ дворянствѣ вѣками? Дворянство было коноводомъ; за нимъ тянулись другія сословія. Для характеристики положенія въ данномъ случаѣ довольно будетъ, кажется, отмѣтить, что изъ всѣхъ мнѣній по поводу Буксгевденскаго циркуляра, едва-ли не одно только мнѣніе профессора Лагуса было въ пользу безусловнаго подчиненія требованію побѣдителя; онъ признавалъ и святость присяги, принесенной уже населеніемъ новому государю [1]). Всѣ другіе участники въ выборѣ депутатовъ нашли нужнымъ дѣлать разныя оговорки, а въ Або оказано было и прямое сопротивленіе. Иначе впрочемъ и быть не могло: Або былъ центромъ шведской культуры; здѣсь была богатѣйшая по финскимъ понятіямъ аристократія страны, пропитанная до мозга костей шведскими олигархическими привычками и стремленіями; здѣсь была академія и все средоточіе такъ-называемой высшей интеллигенціи края. Або назывался «столицей» великаго княжества и имѣлъ всѣ недостатки столицъ. Мѣстные интеллигенты считали мнѣнія, господствовавшія тамъ, выраженіемъ общественнаго сознанія всей Финляндіи, или во всякомъ случаѣ наиболѣе развитой части ея населенія. Мнѣнія эти, какъ ни были несообразны съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ, имѣютъ однако очень крупный интересъ. Носители ихъ, попавъ сперва въ число петербургскихъ депутатовъ, затѣмъ въ члены сейма, далѣе въ члены правительственнаго совѣта и даже въ число ближайшихъ совѣтниковъ Государя, получили всю возможность дружно проводить свои идеи въ жизнь. Незнаніе и уступчивость русскихъ государственныхъ людей не могли конечно представить должнаго отпора такому единодушному натиску.

Абоскій губернаторъ, баронъ де-Троиль, получивъ предписаніе Буксгевдена обратился къ 12-ти членамъ мѣстнаго рыцарства и дворянства, приглашая ихъ на собраніе въ Або [2]). Кромѣ

[1]) 10 мая.

[2]) Эти лица были: ген.-маіоръ Эрнстъ-Густавъ фонъ-Виллебрантъ, областной судья Адольфъ фонъ-Виллебрантъ, полковникъ Густавъ фонъ-Кнорррингъ, совѣтникъ гофгерихта Самуилъ Эренмальмъ, военный совѣт-

того шести городамъ: Або, Бьернеборгу, Раумо, Ништадту, Нодендалю и Таммерфорсу предписано избрать по одному депутату отъ горожанъ. Въ качествѣ представителя отъ крестьянства губернаторомъ приглашенъ, безъ всякихъ выборовъ, крестьянинъ Густавъ Кавѐнъ, засѣдатель герадскаго суда въ Ускюльскомъ кирхшпилѣ, одинъ изъ прежнихъ членовъ шведскаго риксдага.

20-го іюля (1-го августа) всѣ эти лица собрались въ абоской губернской канцеляріи, и — сразу стали въ оппозицію Буксгевденскому предписанію. Иныхъ описателей этой эпохи удивляетъ и радуетъ то «изумительное» единодушіе, съ которымъ всѣ эти представители высказались противъ русскаго требованія. Многіе изъ этихъ послѣднихъ явились съ готовыми уже записками въ одномъ и томъ же оппозиціонномъ смыслѣ, не исключая и крестьянина Кавѐна [1]). Но собственно удивляться здѣсь нечему: Спренгтпортенъ, помимо другихъ внушеній, всѣмъ и каждому толковалъ о созваніи сейма какъ о безусловной волѣ Государя. Поэтому распоряженію Буксгевдена, въ точности основанному на объявленномъ Румянцовымъ повелѣніи, придали характеръ нарушенія высочайшей воли, и въ этомъ смыслѣ оно было впослѣдствіи обжаловано въ петиціи и самому Государю. Трехъ почти недѣль было вполнѣ достаточно для того, чтобы хорошо спѣться на счетъ какъ содержанія мнѣній, такъ и формы ихъ изложенія.

Изъ дворянъ трое явились съ записками: Эренмальмъ, Карлъ

никъ Эрнстъ Егергорнъ, подполковникъ баронъ Отто Стакелбергъ, подполковникъ баронъ Карлъ де-Карналь, маіоръ баронъ Іоганъ-Рейнгольдъ Ребиндеръ (отецъ будущаго финляндскаго статсъ-секретаря Роберта-Генриха Ребиндера), маіоръ баронъ Карлъ Ребиндеръ, маіоръ баронъ Карлъ Маннергеймъ (впослѣдствіи вице-президентъ финляндскаго сената), маіоръ баронъ Іёранъ Любеккеръ, ассесоръ Карлъ Гюльденстолпе. Castrén, Finska Deputationen, 28.

[1]) Записка составлена была не имъ. Вопреки мнѣнію о повсемѣстной грамотности и даже образованности финляндцевъ, изъ числа трехъ крестьянскихъ членовъ депутаціи, бывшихъ членовъ шведскаго риксдага, принявшихъ впослѣдствіи участіе въ подачѣ въ Петербургѣ петиціи, двое не умѣли подписать свое имя и ставили своеобразныя монограммы. Кавѐнъ подписалъ свое имя и фамилію; но даже финскій историкъ Кастрѐнъ сомнѣвался, что бы онъ самъ составилъ записку.

Ребиндеръ и Адольфъ Виллебрантъ. Они излагали соображенія, по которымъ потребованный Буксгевденомъ выборъ признавался незаконнымъ: онъ противорѣчилъ шведскому положенію о «Рыцарскомъ домѣ» и дворянскимъ привилегіямъ. Въ основѣ протеста лежали выраженныя сперва въ прокламаціи 10-го февраля а потомъ въ манифестѣ 5-го іюня и при другихъ случаяхъ, обѣщанія Императора Александра сохранить законы и привилегіи отдѣльныхъ классовъ. Представители благороднаго сословія очень хорошо понимали, что ни о какихъ нарушеніяхъ не было здѣсь рѣчи даже съ ихъ точки зрѣнія; вызывалось не формальное представительство, а совершенно исключительная депутація, въ виду не менѣе исключительнаго событія — покоренія страны иноземнымъ государемъ. Но, какъ дальше объяснено, они считали полезнымъ такой пріемъ. Поэтому развивая мотивы своего протеста, финскіе рыцари и дворяне прежде всего указывали, что предписаніемъ Буксгевдена пренебреженъ основной принципъ дворянскихъ привилегій, именно представительство чрезъ главъ семействъ (capita familiarum), т. е. чрезъ старшихъ въ родѣ. Въ настоящемъ случаѣ они видѣли особенное нарушеніе въ томъ, что въ числѣ приглашенныхъ двѣнадцати дворянъ нѣкоторые (Виллебранты, Ребиндеры) принадлежали къ одному и тому же роду, а другіе не были главами фамилій.

Далѣе шло указаніе на нарушеніе въ формѣ, въ которой выражена воля Государя о призывѣ депутатовъ. Объявленія ея чрезъ Буксгевдена, или даже Румянцова, было для нихъ недостаточно. Руководясь обычаемъ (и только обычаемъ) прежняго времени, когда короли сами подписывали призывы представителей на собранія, эти подполковники и маіоры находили, что Императору Александру слѣдовало обратиться къ нимъ съ особымъ собственноручно подписаннымъ рескриптомъ.

Еще далѣе находили, что если бы депутація даже и сформировалась, то она не могла бы дать «въ настоящее время» объясненій о положеніи и нуждахъ страны, и что вообще эти объясненія надежнѣе было бы отложить до возстановленія мира.—«Настоящее время», т. е. 20-е число іюля, дѣйствительно давало финляндскимъ рыцарямъ довольно основательные поводы вести раз-

говоры съ Русскими и быть смѣлыми и даже дерзкими. Войска Раевскаго и Тучкова терпѣли на сѣверѣ пораженіе за пораженіемъ, партизанскія партіи наносили имъ громадный вредъ, двѣ трети Финляндіи были опять заняты Шведами, а по сосѣдству съ Або крейсеровали суда короля Густава-Адольфа. Весьма было естественно ожидать что и остальная часть Финляндіи, гдѣ они теперь засѣдали, вскорѣ освободится отъ русскаго владычества.

Конечные выводы дворянскихъ мемуаровъ сводились къ тому болѣе или менѣе общему, притомъ рѣшительному заключенію, что хотя они и не считали себя въ правѣ высказаться противъ самой депутаціи, однако находили порядокъ избранія ея состава незаконнымъ. Кромѣ того, и едва-ли не главнѣе всего, они видѣли политическую опасность для своего сословія [1]).

На основаніи такихъ соображеній дворяне составили общую записку для передачи губернатору.

Одновременно съ дворянами собрались и представители бюргерства отъ шести названныхъ городовъ. Они также рѣшили: не избирать депутата. Бюргерамъ нельзя было толковать о «главахъ фамилій»; поэтому они мотивировали свой отказъ различіемъ правъ и преимуществъ, принадлежащихъ разнымъ городамъ по шведскимъ законамъ, которые—тотъ же припѣвъ — Его Императорскому Величеству угодно было всемилостивѣйше утвердить. Фальшь совершенно неопредѣленнаго и необдуманнаго обѣщанія сохранить всѣ права и преимущества начинала, какъ легко видѣть, производить свое дѣйствіе и запутывать положеніе. Або

[1]) Въ заявленіи барона Карла Ребиндера говорилось: «Хотя я не могу и не хочу ничего возражать противъ самаго факта избранія и отправки депутатовъ, но въ виду важныхъ, принадлежащихъ моему сословію правъ, я считаю своимъ личнымъ долгомъ, насколько въ силахъ, стараться отстранить прецедентъ, который можетъ привести къ самымъ непредвидѣннымъ случайностямъ въ будущемъ. Если бы я отнесся иначе къ предлагаемому нынѣ способу избранія сословныхъ представителей, то долженъ былъ бы считать себя преступно содѣйствовавшимъ особенно въ самомъ началѣ новаго правленія, упадку значенія и положенія финляндскаго рыцарства и дворянства какъ государственнаго сословія».—Castrén, Skildringar ur Finlands nyare historia, вып. 1, стр. 29.

и Бьернеборгъ имѣютъ право на заграничную торговлю—писали протестанты,—Раумо и Ништадтъ торгуютъ только по Балтійскому морю, Нодендаль пользуется лишь внутренними водами, Таммерфорсъ вовсе удаленъ отъ моря и не ведетъ морской торговли. Всѣ они преслѣдуютъ разныя цѣли и имѣютъ разные интересы. Слѣдовательно—полное основаніе къ отказу въ выборѣ депутатовъ: нельзя предоставить охрану пользъ и нуждъ этихъ шести городовъ представителю одного изъ нихъ, такъ какъ интересы эти нерѣдко прямо противоположны.

Наконецъ и записка крестьянина Кавéна заявляла объ отказѣ отъ содѣйствія къ выбору депутата. Финскаго, вообще довольно грубаго крестьянина, нельзя было отличить въ ней отъ вѣжливаго дворянина. «Насколько я преклоняюсь предъ всемилостивѣйшею заботливостію Его Императорскаго Величества о нашей странѣ,—написано было въ поданной имъ запискѣ,—и предъ желаніемъ его помочь въ ея нуждахъ, настолько я чувствую себя недостойнымъ быть представителемъ цѣлаго сословія, владѣвшаго издревле правомъ посредствомъ свободнаго избранія даровать свое неограниченное довѣріе тому, кто въ интересахъ его долженъ приблизиться къ верховной власти и быть истолкователемъ его желаній предъ самимъ престоломъ. Я глубоко оскорбилъ бы это святое право, если бы не подвергнувъ себя избранію, и слѣдовательно безъ вѣдома моихъ собратій, возвелъ себя въ ихъ представители, тогда какъ они могли бы почтить своимъ довѣріемъ другаго, достойнѣйшаго.» Такъ пѣлъ свою партію полуграмотный крестьянинъ въ созвучномъ хорѣ абоскихъ протестантовъ.

Нѣтъ сомнѣнія,—пишетъ финскій историкъ Кастрéнъ,—что доводы противъ депутаціи (приведенные выше) только частію, и то самою незначительною, служили выраженіемъ истинныхъ чувствъ, одушевлявшихъ большинство.—Съ этимъ нельзя не согласиться. Немного надо было соображеній, чтобы придти къ заключенію о нелѣпости изложенныхъ доводовъ въ виду предъявленнаго требованія и бывшихъ обстоятельствъ. Но собравшимся рыцарямъ отнюдь нельзя отказать въ извѣстной мѣрѣ ума, или по крайней мѣрѣ разсчета. Они хитрили, надѣясь сбить

русское правительство съ толку. Это открывается изъ нѣкоторыхъ документовъ. Маннергеймъ, одинъ изъ 12-ти, а потомъ и предводитель депутаціи въ Петербургѣ, разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ [1]), что на собраніи 1-го августа вовсе почти не было и рѣчи о главномъ выставленномъ въ запискѣ мотивѣ, т. е. о представительствѣ чрезъ старшихъ въ родѣ. Напротивъ, главнѣйшія разсужденія были о томъ что всѣ финляндскіе дворяне, въ качествѣ государственнаго сословія, имѣютъ одинаковое право участвовать въ выборѣ депутатовъ, и что выборы эти должны быть отложены до заключенія мира, такъ какъ большинство дворянъ находится на войнѣ (противъ Русскихъ, въ рядахъ шведской арміи). Дѣло было, слѣдовательно, въ чисто партійныхъ дворянскихъ интересахъ. Тѣми личными выгодами, которыми могли воспользоваться одни, желали воспользоваться и другіе. Въ числѣ 12-ти были двое Ребиндеровъ, потомъ явился и третій; Виллебрантовъ было также двое; самъ Маннергеймъ приходился зятемъ одному изъ Виллебрантовъ. Прежняя шведская практика научила, что всякія служебныя и другія выгодныя положенія дворянство брало себѣ и распредѣляло между своими членами, смотря по тому кто былъ у власти. Выставить главный мотивъ—отсутствіе большинства—было рисковано; русское правительство могло вспомнить, что эти отсутствующіе стояли съ оружіемъ въ рукахъ противъ него же самого, и при всемъ благодушіи и довѣрчивости не нашло бы нужнымъ оберегать интересы своихъ упорныхъ противниковъ. Этотъ взглядъ русской власти былъ извѣстенъ и принялъ уже конкретную форму: повелѣніе объ отобраніи бостельныхъ имѣній отъ семействъ рыцарей и дворянъ продолжавшихъ воевать, было уже два раза объявлено. Поэтому безъ сомнѣнія о главномъ мотивѣ, объ отсутствующихъ, распространялись на бумагѣ наименѣе, хотя на словахъ судили наиболѣе.

Но гораздо опредѣленнѣе обрисовалъ затаенныя мысли финляндцевъ самъ Ребиндеръ, который съ небольшимъ черезъ 3 года

---

[1]) Въ основаніе настоящаго разсказа принято главнымъ образомъ описаніе упомянутаго финскаго историка Кастрéна.

явился, благодаря совѣтамъ Маннергейма, докладчикомъ при Императорѣ Александрѣ по финляндскимъ дѣламъ. Въ своихъ мемуарахъ онъ также подтвердилъ, что заявленіе дворянъ было мотивировано двумя разными точками зрѣнія. Одну можно было высказать открыто, оффиціально; другую, интимную, нельзя было занести въ меморію, предназначавшуюся, какъ думали, къ поднесенію Государю. Ребиндеръ приводитъ выдержки изъ записокъ отца своего, Іогана-Рейнгольда, участвовавшаго въ засѣданіи 1-го августа. Вотъ что писалъ тотъ:

«Если мы послѣдуемъ вызову къ намъ обращенному, то мы растворимъ двери интригѣ и предадимъ себя самихъ и силу нашихъ отцовъ въ руки правительства, которое, конечно, съумѣетъ воспользоваться этимъ въ ущербъ нашей свободѣ. Приготовимся же къ борьбѣ за принципы, и не забудемъ, что уступая хотя бы пядь почвы на которой боремся, мы находимся въ опасности потерять все. Русское правительство, по всѣмъ видимостямъ хорошо знакомое съ узурпаціонной тактикой, не преминетъ рано или поздно воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что создано нами(!), и потомъ не разъ возобновитъ нынѣшній маневръ. Оно будетъ собирать въ своей столицѣ какую-нибудь дюжину такъ называемыхъ депутатовъ и придавать имъ личину законности на томъ основаніи, что они принадлежатъ ко всѣмъ четыремъ государственнымъ сословіямъ. На первый разъ ограничатся тѣмъ, что спросятъ совѣта этихъ манекеновъ народнаго представительства; но затѣмъ уже найдутся способы заставить ихъ издавать законы и вотировать бюджеты подъ диктовку правительства произвола.»

Вотъ, слѣдовательно, чего боялись дворяне; они боялись быть оттертыми отъ власти, которою привыкли пользоваться и распоряжаться тоже по произволу, только по своему и исключительно въ своихъ личныхъ видахъ. Опытный баронъ поэтому продолжалъ:

«Между тѣмъ, какъ бы ни были справедливы наши опасенія, мы не можемъ говорить о нихъ, не погрѣшая противъ приличія и не натыкаясь на другіе подводные камни. Поэтому сдѣлаемъ заявленіе, но уклонимся отъ выраженія истинныхъ причинъ нашего образа дѣйствій. Будемъ резонировать, худо-ли,

хорошо-ли; наши новые господа еще не освоились съ наши конституціонными таинствами. Безразлично, хромаетъ немно наше заявленіе, или нѣтъ; нужно только одно, чтобы оно не ра рушало основнаго правила, играющаго у насъ столь важну роль: principiis obstat—противорѣчить принципамъ» [1]).

Нужно ли прибавлять что-нибудь къ этимъ изъясненіям Обѣщали сохранить законы,—и вотъ лучшее средство парал зовать всякую мѣру русскаго правительства:—«нельзя; прот ворѣчить нашимъ принципамъ». И правительство съ непонятн слабостью уступало предъ этимъ дерзкимъ, систематически упорствомъ, жертвуя множествомъ существенныхъ интересо России.

Таковъ духъ, которымъ было проникнуто дворянство, а за ни и горожане. Крестьяне, разумѣется, своихъ мнѣній не имѣли этихъ политическихъ тонкостяхъ; но какъ самое консервативн сословіе были враждебны Русскимъ, что и доказывали въ теч ніе всей войны.

Не упоминалось до сихъ поръ о четвертомъ сословіи, первом послѣ дворянъ— о духовенствѣ. Оно дѣйствительно было нѣкот рымъ образомъ въ сторонѣ. Три прочія сословія имѣли губер скую организацію, а потому выборы ихъ дѣлались по губерніям духовенство же групировалось по эпархіямъ. Ихъ было двѣ: аб ская и боргоская. Послѣдняя, по правилу вышеуказанному, ка ближайшая къ русской границѣ, «сочла невозможнымъ—сказа въ консисторскомъ протоколѣ—уклониться отъ всемилостивѣй предписаннаго выбора депутата», — и таковой былъ назначе въ первомъ же засѣданіи 3 (15) іюля.

Но въ абоской эпархіи было иначе. Хотя консисторія и здѣ дѣйствовала безо всякой оффиціальной связи съ прочими сосл віями, тѣмъ не менѣе общность направленія сказалась рельефн Консисторія была впрочемъ осторожна: она пользовалась свѣ скими дѣятелями какъ застрѣльщиками, и ожидала результа ихъ огня прежде чѣмъ вступить въ битву. Въ первый разъ о в борѣ депутата разсуждали 1 (13) іюля, когда прочитано бы

---

[1]) Castrén, Finska deputationen, стр. 35.

предписаніе гр. Буксгевдена. Въ это время епископъ Тенгстрёмъ былъ въ отсутствіи, а другія сословія еще ничего не рѣшили. Пасторы нашли подходящій предлогъ оттянуть щекотливое дѣло и постановили: такъ какъ епископъ по всей вѣроятности долженъ вскорѣ вернуться, то отложить все до его возвращенія.

Можно было полагать что присутствіе столь важнаго сановника церкви какъ Тенгстрёмъ дастъ благопріятный оборотъ ходу выборовъ. Во вниманіи къ его настроенію въ пользу будто бы Русскихъ, Тенгстрёма предлагали изъ Петербурга даже возвести въ архіепископы, а Буксгевденъ посылалъ туда о немъ самые лестные отзывы. Его украсили уже анненской звѣздой и лентой. Но разсчетъ на него, какъ на помощника Русскимъ, былъ съ ихъ стороны однимъ изъ многихъ заблужденій. Именно теперь, послѣ почетныхъ отличій, вліяніе Тенгстрёма—сколько можно судить по разсказамъ Ребиндера—должно было сильно убавиться. На дачѣ, близъ Або, епископу грозилъ со стороны крестьянъ захватъ и выдача на шведскія суда. Вѣроятно чтобы быть подальше и отъ русскихъ и отъ шведскихъ властей, равно неудобныхъ, онъ и предпринялъ свою поѣздку внутрь страны. Но и тамъ было не лучше: береговые жители Лемо, гдѣ находился епископъ, начали надѣяться на нечаянное нападеніе Шведовъ и въ этой мѣстности, такъ какъ Русскіе продолжали отступать и самъ Каменскій едва не былъ захваченъ партизанами.

При такихъ условіяхъ въ концѣ іюля возвратился Тенгстрёмъ въ Або. Отъ предложеннаго ему депутатскаго званія и поѣздки въ Петербургъ онъ рѣшительно отказался. 3-го августа (22-го іюля) состоялось засѣданіе консисторіи, въ которомъ требованіе Буксгевдена было доложено снова. А за два дня предъ тѣмъ принято извѣстное рѣшеніе прочихъ сословій: не приступать къ выборамъ. Примѣръ былъ данъ, но осмотрительное духовенство предпочло быть возможно насторожѣ и «еще повременить предписанною мѣрою, пока не устранятся всѣ препятствія къ полному сформированію депутаціи, послѣ чего консисторія не замедлитъ, смотря по могущимъ встрѣтиться тогда обстоятельствамъ, съ возможною поспѣшностію исполнить требованіе». Пасторы, а съ ними и уче-

ствовалась сила, предъ которой, по мнѣнію Екатерины II, ф
ляндцы только и уступали. Самъ Маннергеймъ признавался
мемуарахъ, что «противъ этой властной рѣчи не могло быть
раженій». Къ тому же у протестантовъ почва начинала уход
изъ-подъ ногъ: надежда на возвращеніе Шведовъ исчезала.
чались блестящія дѣйствія Каменскаго. Генералъ Властовъ, 1
августа, при Карстулѣ разбилъ на голову героя финскихъ па
зановъ Фіандта, который могъ увести съ мѣста боя только т
своего отряда. А съ 19-го по 21-е произошли извѣстныя побѣ
носныя дѣла Каменскаго при Куортанѣ и Сальми, измѣнив
ходъ военныхъ дѣйствій самымъ рѣшительнымъ образомъ. У
докъ духа началъ распространяться въ населеніи; толпы кре
янъ, подкрѣплявшія шведскія войска, стали постепенно ра
диться; возстанію приближался конецъ.

Не удивительно поэтому, что уже 24-го августа (5-го се
бря), абоское дворянство приступило къ выбору депутата. «
самомъ дѣлѣ,—говорилъ будущій финляндскій статсъ-секрет
Ребиндеръ,—дальнѣйшее сопротивленіе здѣсь не послужило
ни къ чему.» При выборѣ голоса раздѣлились: баронъ М
нергеймъ получилъ 5 голосовъ, генералъ-маіоръ баронъ Ви
брантъ 4, другіе еще менѣе. Маннергеймъ оказался избранн
относительнымъ, а не абсолютнымъ большинствомъ; баллот
вавшихъ было къ тому же не 12, а нужно полагать 14; изъ ч
вновь появившихся былъ и Ребиндеръ-сынъ. Онъ попалъ та
въ составъ депутаціи, но особо отъ губернскихъ депутатовъ,
качествѣ представителя абоскаго гофгерихта. Виллебрантъ, т
Маннергейма, получивъ 4 голоса оказался забаллотированн
Но расположивъ къ себѣ Буксгевдена, онъ все-таки устрои
такимъ образомъ что поѣхалъ въ Петербургъ въ качествѣ
чальника водяныхъ сообщеній въ Финляндіи. Въ то время к
масса политиковала и фрондировала, отдѣльныя лица провид
уже выгоды и рвались къ нимъ.

Маннергеймъ, по словамъ протокола, настоятельно убѣжд
своихъ сочленовъ освободить его отъ обязанности ѣхать въ
тербургъ въ качествѣ депутата. Самъ онъ въ мемуарахъ раз
зываетъ что всѣми способами старался уклониться отъ опасн

порученія, особенно въ виду того что были другіе, кому довѣріе дворянства болѣе польстило бы. Однако всѣ его усилія были тщетны: сочлены-рыцари нашли что отмѣны выбора быть не можетъ, а вслѣдъ затѣмъ отъ главнокомандующаго прислано было письменное приказаніе не только немедленно, подъ страхомъ отвѣтственности, отправиться въ Петербургъ, но и приготовиться принять тамъ на себя званіе предводителя депутаціи. Ему же поручалось сказать и обычную при представленіи Государю рѣчь.

Въ тотъ же день какъ былъ выбранъ Маннергеймъ, состоялись выборы и между горожанами: жребій палъ на абоскаго купца Тьедера. Крестьянинъ Кавéнъ тоже долженъ былъ примириться съ своею ролью депутата, которую отстраняли отъ него составители записки.

И духовенство, отложившее свои выборы, теперь должно было наконецъ высказаться. Епископу Тенгстрёму Буксгевденъ спеціально поручилъ позаботиться, чтобы въ теченіе августа выборы были непремѣнно окончены. Консисторія должна была поэтому подчиниться. Тѣмъ не менѣе, когда предложенный Тенгстрёмомъ кандидатъ отказался отъ избранія, то пошли новые разговоры. Профессоръ Гадолинъ говорилъ о положеніи консисторіи подъ военной диктатурой, профессоръ Бернсдорфъ прямо высказался противъ всякаго избранія. Впрочемъ ораторы оговаривались всѣ безъ исключенія, что если другіе приступятъ къ выбору, то и они готовы примкнуть. Одинъ только профессоръ Лагусъ, какъ выше было упомянуто, прямо и добросовѣстно призналъ свою обязанность избрать депутата. Выборъ дѣйствительно наконецъ состоялся, и палъ на профессора богословія и настоятеля церкви въ Ульфсбю, доктора Лебелля, свояка Виллебранта.

По другимъ губерніямъ депутаты назначены съ меньшей оппозиціей, которая приняла здѣсь характеръ болѣе пассивный. На вызовъ тавастгусскаго губернатора изъ 20 дворянъ явилось только 9, прочіе уклонились подъ разными предлогами; въ Гейнола прибыло всего человѣкъ 12. Позднѣе, на выборахъ въ вазаской губерніи, собралось только трое дворянъ, духовныхъ явилось лишь двое. Но не ограничиваясь представителями губерній

ГЛАВА XVIII.

Финляндская депутація въ Петербургѣ.

I.

Прибытіе и пребываніе.

Кто были эти люди, которые въ качествѣ депутатовъ ѣхали теперь знакомить петербургскія власти со вновь завоеванною страной и ея нуждами? Мы имѣемъ поименные ихъ списки [1]), но къ сожалѣнію очень мало данныхъ для характеристики личностей. Разскажемъ однако то что извѣстно [2]).

Старѣйшій изъ депутатовъ, генералъ-маіоръ баронъ Эрнстъ-Густавъ фонъ-*Виллебрантъ,* какъ выше сказано, не былъ губернскимъ депутатомъ; онъ не представлялъ собою никакого сословія, ни даже учрежденія, такъ какъ былъ единолично начальникомъ водяныхъ путей Финляндіи. Но его особенно рекомендовалъ главнокомандующій гр. Буксгевденъ. Послѣдній не затруднился писать о немъ Государю даже отдѣльно [3]), представляя его «какъ такого человѣка, который пользуется всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ народа, и всегда оказывалъ отличное усердіе къ пользамъ службы и особенно при совершеніи на вѣрноподданство присяги.» Ему ставили въ большую заслугу то, что въ теченіе не

---

[1]) См. Приложеніе, № 131.

[2]) На основаніи свѣдѣній, имѣющихся въ архивныхъ дѣлахъ министерства иностр. дѣлъ въ Renseignemens fournis par M-r Buck sur les députés de la Finlande (députation finlandaise, л. 64), отчасти же по разсказамъ Кастрéна, Коскинена и др. Надв. сов. Букъ, природный шведъ, послѣднія 15 лѣтъ жилъ въ Россіи; предлагалъ гр. Румянцову свои услуги состоять при финляндскихъ депутатахъ, слѣдить и вліять на нихъ (ibid., листъ 63).—Спренгтпортенъ его особенно рекомендовалъ.

[3]) Всеподданн. докладъ отъ 26-го августа 1808, л. 177.

болѣе 12-ти дней онъ заготовилъ для арміи 10.000 бочекъ ржи и имѣлъ въ виду еще повторить эту операцію [1]). Румянцова Буксгевденъ извѣщалъ позднѣе, что Виллебрантъ представитъ ему прочихъ депутатовъ. Такое порученіе было не изъ удачныхъ, такъ-какъ Виллебрантъ не зналъ никакого языка кромѣ шведскаго, и потому не могъ быть посредникомъ между депутатами и министромъ, а тѣмъ болѣе Государемъ, неговорившими по-шведски. Во главѣ депутаціи protégé Буксгевдена остаться естественно не могъ, и замѣненъ зятемъ Виллебранта Маннергеймомъ. Тѣмъ не менѣе тесть остался при депутаціи и воспользовался всѣми удобствами и выгодами, ей предоставленными. И предъ Государемъ, и предъ Румянцовымъ Буксгевденъ ходатайствовалъ о награжденіи Виллебранта орденомъ св. Анны 1-й ст.. Это былъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ выдающійся. Пробывъ нѣкоторое время въ шведской военной службѣ, онъ занялся потомъ разными спекуляціями въ войну съ Россіей при Екатеринѣ и на поставкѣ продовольствія нажилъ большія деньги. Потомъ былъ абоскимъ губернаторомъ, а затѣмъ статсъ-секретаремъ въ шведскомъ департаментѣ экономіи и промышленности. Оба короля при которыхъ онъ служилъ, были очень къ нему благосклонны, а Густавъ-Адольфъ IV позволилъ даже продать принадлежавшую Виллебранту губернаторскую должность, что въ это время было уже большою рѣдкостію. Отъ него пожалованъ ему и баронскій титулъ. Не получивъ никакого образованія и даже бывъ едва грамотнымъ человѣкомъ, Виллебрантъ былъ практическимъ знатокомъ Финляндіи и ея средствъ и умѣлъ этимъ воспользоваться для своихъ выгодъ. Онъ былъ дѣлецъ очень ловкій и надо было имѣть много проницательности, чтобы отличить въ широкихъ планахъ его дѣйствительно полезное отъ замаскированнаго эгоистическаго разсчета [2]).

---

[1]) При окончательныхъ разсчетахъ возникли однако большія затрудненія, и переписка о полнотѣ поставки затянулась надолго. См. Corresp. off. de Sprengtporten, изд. Коскинена.

[2]) Въ упомянутой выше запискѣ Турскаго (Военн. Уч. Арх.) о генералѣ Виллебрантѣ написана такая характеристика: «ненавидимъ всѣмъ міромъ и всѣ страшатся быть опять подъ его начальствомъ.»

Оффиціальный предводитель депутаціи, баронъ Карлъ *Маннергеймъ* [1]), бывшій маіоръ шведской службы, близкій какъ сказано свойственникъ Виллебранту, былъ по политическимъ взглядамъ единомышленникъ Спренгтпортена. Это требуетъ впрочемъ нѣкоторой оговорки. Маннергеймъ былъ дѣятельнымъ членомъ аньяльской конфедераціи въ предпослѣднюю войну; ѣздилъ въ качествѣ депутата отъ финскихъ полковъ склонять шведскіе полки къ оппозиціи Густаву III. Нѣкоторое время онъ былъ арестованъ, а по другимъ свѣдѣніямъ даже осужденъ на смертную казнь. Но рожденный и воспитанный въ Швеціи, онъ противодѣйствовалъ королю лишь въ его абсолютистскихъ будто бы стремленіяхъ, и вовсе не имѣлъ въ виду отторженія Финляндіи отъ Швеціи, которое напротивъ выставлялъ на своемъ знамени Спренгтпортенъ. Во всякомъ случаѣ Маннергеймъ былъ совершенно чуждъ компаніи всѣхъ Егергорновъ, Глазеншерновъ, Ладо и друг., орудовавшихъ тогда подъ руководствомъ и въ пользу Спренгтпортена. Самую встрѣчу въ Петербургѣ съ этимъ послѣднимъ Маннергеймъ находилъ, сколько можно судить по его мемуарамъ, непріятною. «Тяжела была необходимость, — писалъ онъ [2]), — совѣщаться съ осужденнымъ на смерть соотечественникомъ, который надѣлалъ своей родной землѣ столько зла. Sed tempora mutantur....» Этотъ апострофъ довольно страненъ подъ перомъ человѣка, который самъ былъ недалеко отъ эшафота.

Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, Маннергеймъ былъ единомышленникъ Спренгтпортена какъ по принятымъ имъ отъ абоскихъ сотоварищей инструкціямъ, такъ и во всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ, исходившихъ изъ одной мысли и стремившихся къ одной цѣли—возможному обособленію Финляндіи отъ Россіи. Оставивъ свои шведскія имѣнія брату, Маннергеймъ на полученныя за нихъ деньги сдѣлался кореннымъ финляндскимъ землевладѣльцемъ. Тамъ онъ пользовался доброю славою какъ гражданинъ, хотя и

---

[1]) Впослѣдствіи русскій тайный совѣтникъ и финляндскій графъ. Былъ вице-предсѣдателемъ учрежденнаго позднѣе финляндскаго сената; но за противодѣйствіе, оказанное генералъ-губернатору гр. Закревскому, въ 1826 г. уволенъ въ отставку.

[2]) Castrén, Skildringar, Finska Deputationen, 62.

не стоялъ выше всѣхъ; какъ образованный человѣкъ, напротивъ, онъ особенно выдавался между своими сочленами. Имъ написана по-французски рѣчь, произнесенная при пріемѣ депутаціи Императоромъ Александромъ; имъ же написаны и нѣкоторыя дѣловыя бумаги по представленіямъ депутаціи.

Депутатъ абоскаго духовенства, пасторъ докторъ Фридрихъ *Лебеллъ* изъ Ульфсбю, также близкій свойственникъ и Виллебранта и Маннергейма, былъ человѣкъ просвѣщенный и способный, но хитрый и небезкорыстный.

Другой представитель духовенства, отъ боргоской эпархіи, пасторъ Иваръ *Валленіусъ* изъ Хаухо, докторъ богословія, не уступалъ предъидущему ни въ познаніяхъ, ни въ образованіи, но пользовался значительно большимъ уваженіемъ за свои нравственныя правила.

Представитель кюменегордской провинціи Карлъ-Фридрихъ фонъ-*Роткирхъ*, камеръ-юнкеръ шведскаго двора, бывшій экспедиціонный секретарь—молодой еще человѣкъ—пріобрѣлъ полное довѣріе своихъ земляковъ гейнольской губерніи. Будучи не безъ познаній, онъ хорошо владѣлъ иностранными языками. Открытымъ, безхитростнымъ характеромъ своимъ онъ былъ, по словамъ Бука, весьма симпатиченъ.

Не разъ упоминавшійся баронъ Робертъ Генрихъ *Ребиндеръ*-сынъ, такой же, если еще не болѣе молодой человѣкъ, былъ ассесоромъ абоскаго гофгерихта и также въ званіи камеръ-юнкера. Принадлежалъ къ кружку лицъ особенно рекомендованныхъ Маннергеймомъ. Вскорѣ онъ вступилъ въ русскую службу въ качествѣ помощника Сперанскаго по финляндскимъ дѣламъ.

Представитель университета, профессоръ медицины Гавріилъ-Эрикъ *Гартманъ*, былъ многіе годы извѣстенъ и въ Швеціи и въ Финляндіи своею ученостію и принадлежалъ къ числу людей выдающихся.

Изъ прочихъ депутатовъ абоскій купецъ *Тьедеръ* велъ значительную торговлю солью и другими заграничными товарами, вымѣнивая ихъ на сельскія произведенія. Онъ настолько пріобрѣлъ довѣрія, или число желающихъ ѣхать въ Петербургъ было такъ ограничено,—что избранъ былъ въ депутацію представителемъ

отъ четырехъ городовъ. Крестьянскіе депутаты были прежде членами шведскаго сейма [1]).

Вотъ все, что мы знаемъ о личности финскихъ депутатовъ. Сами мѣстные историки, признавая что эти лица силою обстоятельствъ оказали Финляндіи великія услуги—съ финской конечно точки зрѣнія,—не отвергаютъ однако, что существенную и видную роль могъ играть одинъ только Маннергеймъ. Онъ ее дѣйствительно и игралъ. Прочіе были люди самостоятельные, почтенные въ кругу своей дѣятельности, но не имѣвшіе особаго значенія; люди экономически независимые, не настолько однако чтобы не толковать много и долго объ издержкахъ, съ которыми поѣздка въ Петербургъ сопряжена. И эти-то заурядные люди, какъ сейчасъ увидимъ, могли выбить русское правительство изъ намѣченной имъ себѣ правильной и естественной колеи!... Въ дѣйствительности, какія силы противопоставлялись единодушному натиску этой кучки далеко не геніальныхъ, но отлично дисциплинированныхъ людей? Единственный истинно-русскій государственный человѣкъ—гр. Румянцовъ, любовь котораго къ Россіи и разумная забота о ея интересахъ не подлежали сомнѣнію,—уѣзжалъ съ Императоромъ Александромъ въ Эрфуртъ для участія въ свиданіи съ Наполеономъ. «Имѣть попеченіе» о финскихъ депутатахъ поручено безличному товарищу Румянцова по министерству иностранныхъ дѣлъ, гр. Салтыкову. Отсутствіе Румянцова изъ Петербурга, продолженное потомъ посылкою его изъ Эрфурта въ Парижъ, имѣло очень большое вліяніе на весь ходъ объясненій съ депутатами. Оставшіеся налицо дѣятели: Аракчеевъ, Салтыковъ и потомъ Кноррингъ, замѣнившій Буксгевдена въ командованіи арміею, были плохіе борцы противъ дружно сомкнутыхъ

---

[1]) По спискамъ депутатовъ, крестьянинъ Петръ *Клокаръ* значился бывшимъ сеймовымъ депутатомъ; но историкъ Коскиненъ его не упоминаетъ. Яфетъ *Кайтали* и Бенгтъ *Лаурикайненъ* оказались въ этомъ званіи у Коскинена, хотя не значатся въ спискахъ. Но вообще перечень лицъ, названныхъ у послѣдняго (стр. 565 Finnische Geschichte), менѣе полонъ нежели въ документахъ. Кастрéнъ, напротивъ, всѣхъ крестьянскихъ депутатовъ: Кавéна, Кайтала, Лаурикайнена и Пикарайнена называетъ бывшими членами риксдага.

рядовъ финляндскихъ депутатовъ. Нашъ тріумвиратъ былъ весь подъ вліяніемъ и въ рукахъ Спренгтпортена, а этотъ былъ тоже весь за обособленность Финляндіи. Былъ еще Сперанскій, которому суждено было играть видную роль въ присоединеніи Финляндіи къ Россіи. Теперь онъ тоже отсутствовалъ изъ Петербурга, находясь за границей въ свитѣ Государя; но возвратясь, притомъ много ранѣе Румянцова, онъ былъ въ безпредѣльномъ восторгѣ отъ западныхъ учрежденій и сдѣлался рѣшительнымъ пособникомъ депутатовъ въ ихъ вожделѣніяхъ. Человѣкъ, для котораго въ его бюрократическихъ увлеченіяхъ, по выраженію одного современника, перо было рычагъ, а бумага—точка опоры для этого рычага чтобы перевернуть весь міръ,—Сперанскій бредилъ теперь европейскими конституціонными учрежденіями,—и Финляндія представляла для него интересный матеріалъ, а можетъ быть и образчикъ. Такимъ образомъ предъ финляндскими депутатами и ихъ стремленіями, столь опредѣленно выраженными въ инструкціяхъ имъ данныхъ на родинѣ, съ русской стороны для соглашенія этихъ стремленій съ дѣйствительными интересами Россіи, а въ случаѣ надобности для отпора имъ, не оказывалось никого. Правда, Румянцовъ возвратясь въ Петербургъ и лично ведя въ слѣдующемъ 1809 году фридрихсгамскіе переговоры о мирѣ съ Швеціей, исправилъ въ возможной мѣрѣ сдѣланныя ошибки; тѣмъ не менѣе онѣ были налицо, усложнили дѣло и дали матеріалъ для кривыхъ толкованій. На ихъ почвѣ выросла потомъ, несообразная сама по себѣ, но излюбленная многими финляндцами, идея Финляндіи обособленной въ отдѣльное государство—stat för sig.[1])

[1]) И позднѣе, Румянцовъ будучи уже канцлеромъ, гдѣ и когда могъ, старался направлять на истинный путь отношенія Финляндіи къ Россіи. По вѣрности взгляда заслуживаетъ полнаго вниманія отзывъ его Сперанскому отъ 10-го ноября 1809 г. № 1971, по вопросу о торговлѣ Россіи и о таможенной чертѣ между ею и Финляндіей.—«Что касается до надзора чтобы россійскія сырыя кожи въ Финляндію не вывозились, я бы готовъ былъ въ видѣ комерческомъ положить тому преграду оставленіемъ таможенной цѣпи на прежней границѣ; но въ видѣ политическомъ я чуждаюсь мѣры сей, потому что въ настоящемъ положеніи присоединеннаго края не нахожу пользы прикосновеніемъ правительства отличать старыя границы

При такихъ условіяхъ слабости съ русской стороны, про
ная сторона—депутаты—получала новыя еще подкрѣпленія
обращенному въ началѣ похода приглашенію къ финляндск
дворянству посѣтить Петербургъ и представиться ко двору,
лающихъ нашлось немного, да и тѣ не спѣшили; однако въ і
были уже здѣсь двое-трое изъ пріятелей Спренгтпортена, въ т
числѣ де-Гееръ и Егергорнъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вращаясь
петербургскихъ сферахъ, они поддерживали взгляды своего
отечественника и постепенно внушали идеи, лежавшія въ осн
депутатскихъ инструкцій. Въ началѣ августа оба собирались-б
уже возвратиться въ Финляндію, но были удержаны по волѣ
ператора Александра, который желалъ чтобы они дождались п
бытія депутатовъ. Безсознательно онъ увеличивалъ число враг
Россіи. Повелѣно вмѣстѣ съ тѣмъ ускорить, сколько возмо
отправкою депутаціи. Поспѣшность была въ связи съ предст
шимъ отъѣздомъ въ Эрфуртъ.

По свѣдѣніямъ гр. Буксгевдена депутаты выѣхали 22-го
густа [1]; между тѣмъ и въ половинѣ сентября ихъ еще не б
въ Петербургѣ. Буксгевдену и Обрескову, выборгскому военн
губернатору, слали вопросъ за вопросомъ: не остановились-ли
депутаты, въ Выборгѣ или въ другихъ мѣстахъ, или не вст
тились-ли имъ какія на пути препятствія?—Однако Госуд
такъ и не дождался депутаціи. Министерство иностранныхъ д
было въ недоумѣніи. Оказалось, задержка вышла изъ-за невѣ
понятаго срока пребыванія Императора за границей. Кромѣ т
сомнѣвались: на чьи средства придется депутатамъ жить въ
лицѣ? Здѣсь готовили для нихъ пріемъ, но Буксгевденъ
этомъ извѣщенъ не былъ. Потому, и въ виду отсутствія Г

отъ новыхъ, когда всѣ виды министерства клонились къ тому, чтобы
всегда укоренить въ умахъ народныхъ благополучное сліяніе оныхъ.
симъ причинамъ сужу, что лучше вынести нѣкоторыя злоупотребле
или прекращать ихъ частными порученіями, нежели постоянною мѣ
возобновлять въ памяти мысли, забвенію преданныя.» Обо всемъ э
гр. Румянцовъ, какъ онъ пояснилъ въ бумагѣ, доводилъ до свѣдѣнія
сударя Императора.

[1]) Camp. Suèd., corr. Buxhoevden, л. 176.

даря, онъ предоставилъ депутатамъ возвратиться съ дороги по домамъ и остаться тамъ 30 или 40 дней. Объ этомъ объявлялось имъ по пріѣздѣ въ Выборгъ и они отправлялись обратно. Это относится впрочемъ къ позднѣйшему времени, именно къ началу сентября; въ началѣ же августа, когда Александръ Павловичъ пожелалъ скорѣйшаго прибытія финляндцевъ, оно не могло состояться по той простой причинѣ, что о самыхъ выборахъ, какъ объяснено выше, не могли столковаться. По отзыву главнокомандующаго депутаты и сами предпочитали возвращаться, «разсчитывая хозяйственныя обстоятельства свои, дабы въ ожиданіи высочайшаго прибытія, по недостаточному положенію своему, не нести въ столицѣ тягостныхъ для нихъ издержекъ» [1]).

Спренгтпортенъ съ своей стороны внушалъ Салтыкову, что депутаты могутъ не безполезно провести время въ Петербургѣ и въ отсутствіе Государя: они занялись бы подготовкою дѣлъ. Онъ указывалъ и на обременительность поѣздокъ взадъ и впередъ, что при экипажномъ способѣ сообщеній того времени, медленномъ и утомительномъ, имѣло свою долю основательности. Спренгтпортенъ просилъ поэтому Салтыкова немедленно написать Обрескову о предвареніи депутатовъ, что они могутъ продолжать свой путь; однако тотъ не рѣшился взять на себя отмѣну распоряженія главнокомандующаго [2]). Послѣ дальнѣйшей переписки и когда выяснилось, что депутаты найдутъ въ Петербургѣ «готовый домъ и угощеніе», Буксгевденъ приказалъ 28-го сентября оповѣстить ихъ, чтобы «ни мало не озабочиваясь со стороны своихъ хозяйственныхъ разсчетовъ» и не мѣшкая ѣхали въ столицу. Около половины октября съѣздъ дѣйствительно начался. Одинъ только Яфетъ Кайтала, крестьянскій представитель нюландской и тавастгусской губерній проѣхалъ въ Петербургъ по первому вызову и былъ тамъ уже съ 10 (22) сентября.

---

[1]) Отношеніе Буксгевдена къ Салтыкову 28-го сент. 1808, № 344, лист. 186, corresp. Buxhoevden.

[2]) Арх. М. Ин. Д., Camp. Suèd. 1808, 14 сент., л. ad № 70.

осмѣиваетъ и для бòльшей ироніи приводитъ описаніе мунд
фантазіи, сочиненнаго для себя абоскимъ депутатомъ Ть
ромъ [1]). Этотъ купецъ, считая тоже необходимымъ являться
праздничныя собранія въ мундирѣ, хотя такого у него не б
сочинилъ себѣ темноголубой фракъ съ небольшимъ стоячимъ
ротникомъ, убранный стальными пуговками, шелковый жил
и бѣлое исподнее платье; при бедрѣ была шпага на стальной
ревязи, а на башмакахъ стальныя же пряжки. Напудренные
лосы и взбитый кокъ возвышали красоту абоскаго купца. До н
не дошло,—иронизируетъ, въ pendant Маннергейму, историкъ
стрéнъ,—какъ были украшены участвовавшіе въ депутаціи
стьяне. Ему очевидно неизвѣстно, что крестьяне-депутаты б
одѣты не только въ обыкновенное платье, но и на счетъ рус
казны, и что на одежду каждаго израсходовано около 50 р. [2]).
кто же помѣшалъ бы и безмундирному купцу одѣться въ
гражданское, конечно приличное, праздничное платье? Безъ
мнѣнія никто; но собственное тщеславіе не позволяло выдѣли
скромнымъ костюмомъ изъ уровня нарядной толпы блестя
двора,—и въ описаніи историка виноватымъ оказывается э
дворъ и это общество, которымъ однако въ могущественной
періи, особенно при условіяхъ своего времени, и не подобало б
иначе.

Между тѣмъ недѣля проходила за недѣлей, а о пріемѣ деп
товъ у Государя попрежнему ничего не было слышно. Финл
цевъ это не могло конечно не озадачивать. Они находили н
необъяснимое въ такомъ своеобразномъ отношеніи къ нимъ,
путатамъ, вызваннымъ по волѣ самого же Государя; недо
вали, какимъ образомъ въ теченіе цѣлыхъ недѣль Император
могъ найти времени чтобы повидать ихъ. Демонстративной
брежности они сами не допускали, въ виду знаковъ вниман
вѣжливости, оказанныхъ имъ во всемъ прочемъ. Пытались
вить промедленіе въ связь съ неоконченными еще военными

---

1) Кастрéнъ, стр. 87, Finska deputationen.

2) Отчетъ Ахлопкова, прил. къ рапорту 25-го февр. 1809 г., лис и послѣд.—Арх. М. Ин. Дѣлъ.

ствіями на сѣверѣ, съ переговорами въ Лондонѣ и пр.; но болѣе всего склонялись къ тому, что между совѣтниками Александра было будто-бы разногласіе во взглядѣ на то, какое значеніе слѣдуетъ дать депутатамъ.

На дѣлѣ гаданія эти были ни на чемъ не основаны и сводились къ тому, что Салтыковъ поджидалъ съѣзда всѣхъ депутатовъ, очевидно затрудняясь докладывать о пріемѣ ихъ частями. И безъ того уже сдѣланы были въ этомъ отношеніи изъятія. Баронъ Виллебрантъ, о которомъ гр. Буксгевденъ спеціально писалъ и Государю и Румянцову, пріѣхавъ 15-го октября просилъ объ особомъ для него отъ прочихъ депутатовъ пріемѣ, ссылаясь на то что по порученію главнокомандующаго на его рукахъ лежитъ экстренное дѣло — заготовка для арміи хлѣба. Это было исполнено, и Александръ Павловичъ принялъ Виллебранта отдѣльно 2-го ноября, въ 7 часовъ вечера. При представленіи не было никого кромѣ переводчика. 8-го числа состоялся пріемъ его у обѣихъ Императрицъ, у великихъ князей и великихъ княженъ, — вездѣ съ переводчикомъ. Но уѣхалъ Виллебрантъ изъ Петербурга только 2-го декабря, уже послѣ общаго представленія остальныхъ депутатовъ. Очевидно дѣла и необходимость быть для нихъ скорѣе на мѣстѣ служили только благовиднымъ предлогомъ для полученія отдѣльнаго представленія, которымъ онъ безъ сомнѣнія полагалъ болѣе выдвинуться. Примѣру Виллебранта послѣдовалъ ректоръ университета Гартманъ. Онъ также былъ допущенъ къ Императору особо, 12-го ноября; прочими лицами царской семьи принятъ 15-го числа; уѣхалъ же изъ Петербурга послѣднимъ, только 2-го февраля. Воздержаніе Салтыкова отъ доклада о единичныхъ представленіяхъ оказывается такимъ образомъ вполнѣ естественнымъ. Когда же наконецъ выяснилось, что изъ двухъ недостававшихъ депутатовъ Ребиндеръ лежитъ больной въ Выборгѣ, о Флодбергѣ же сами товарищи его говорили, что онъ не пріѣдетъ,—то 12-го ноября Салтыковъ доложилъ о томъ Александру Павловичу, — и пріемъ всѣхъ наличныхъ депутатовъ назначенъ на 17-е ноября, во вторникъ, въ 4 часа.

Въ этотъ день въ послѣобѣденное время депутаты собрались у Маннергейма, откуда и отправились во дворецъ. За ними были

присланы четыре запряженныя цугомъ кареты, семистекольныя—поясняетъ въ своемъ отчетѣ Ахлопковъ; на запяткахъ по два придворныхъ лакея. При каретахъ былъ конюшенный офицеръ [1]). Въ первой каретѣ сѣли трое дворянъ и съ ними приставъ Ахлопковъ; во второй духовенство и переводчикъ; въ третьей—купеческіе депутаты, въ четвертой—крестьяне съ переводчикомъ финскаго языка. Подъѣхавъ къ собственному (салтыковскому) подъѣзду, депутаты проведены были скороходомъ на половину Его Величества. Въ корридорѣ ихъ встрѣтили два гофъ-фурьера и переводчикъ церемоніальнаго департамента, съ которыми они и прошли далѣе въ столовую гдѣ и остались ожидать. Вскорѣ туда пришли гр. Салтыковъ и Спренгтпортенъ; въ сопровожденіи ихъ они перешли въ комнату предъ кабинетомъ Государя. Здѣсь они были привѣтствованы оберъ-гофмаршаломъ.

Послѣ небольшаго ожиданія депутатовъ пригласили въ кабинетъ, куда они и вошли въ сопровожденіи Салтыкова и Спренгтпортена, назначеніе котораго на должность финляндскаго генералъ-губернатора было тѣмъ временемъ уже рѣшено. Переводчики остались въ аванзалѣ, такъ что крестьяне и другіе не говорившіе по-французски представители были глухими свидѣтелями пріема и объясненій, происходившихъ на этомъ языкѣ.

Аудіенція была несложна. Баронъ Маннергеймъ привѣтствовалъ Государя, и въ рѣчи своей «предавая судьбу соотчичей великодушію побѣдителя, съ твердымъ упованіемъ на благость Императора Александра удостовѣрялъ, что они, депутаты, съ

[1]) По Маннергейму при его каретѣ ѣхалъ унтеръ-шталмейстеръ; по отчету пристава—просто конюшенный офицеръ. Послѣднее должно быть справедливѣе, такъ какъ Маннергеймъ и его историкъ вездѣ преувеличиваютъ его значеніе, оффиціальный же чиновникъ не имѣлъ поводовъ искажать значеніе вещей. Кромѣ того унтеръ-шталмейстеръ есть одинъ изъ старшихъ конюшенныхъ чиновниковъ, и ему депутація не могла сдѣлать, въ награду за эту поѣздку, подарокъ въ видѣ золотыхъ часовъ въ 150 р. Небезъинтересно то, что даже и этотъ незначительный подарокъ сдѣланъ депутатами не изъ собственныхъ средствъ, а на счетъ суммы отпущенной на ихъ содержаніе изъ государственнаго казначейства.—Отчетъ Ахлопкова.

радостью видятъ уже многіе знаки милосердыхъ попеченій новаго своего великаго монарха о благѣ финляндцевъ». Рѣчь свою онъ закончилъ выраженіемъ благодарности за сохраненіе русскими войсками при движеніи ихъ чрезъ Финляндію добраго порядка, насколько то совмѣстно было съ военными обстоятельствами.—Александръ Павловичъ отвѣтилъ на это, что изъявленіе вѣрноподданическаго усердія депутатовъ принимаетъ онъ съ особеннымъ благоволеніемъ и не перестанетъ помышлять о благѣ жителей Финляндіи, и обѣщая соблюдать всѣ дарованныя имъ права и преимущества сходно съ прежними ихъ постановленіями.

Тѣмъ и кончилась аудіенція. Рѣчь Маннергейма была предварительно просмотрѣна гр. Салтыковымъ. При этой цензурѣ измѣнено мѣсто, гдѣ говорилось о добрыхъ чувствахъ связывающихъ Финляндію съ Швеціей; нѣсколько же словъ, въ которыхъ выражалась признательность графу Буксгевдену за его добродушіе, и вовсе вычеркнуты: покоритель Финляндіи былъ уже въ немилости и наканунѣ удаленія отъ должности главнокомандующаго [1]).

---

[1]) Приведенное содержаніе рѣчи Маннергейма и отвѣта Императора Александра взято изъ оффиціальной статьи изготовленной для «Спб. Вѣдомостей», включенной и въ отчетъ пристава Ахлопкова, очевидно на основаніи даннаго ему оффиціальнаго же изложенія, такъ какъ онъ при аудіенціи не присутствовалъ. Вотъ рѣчь Маннергейма въ изложеніи Коскинена (стр. 566—7, Finnische Geschichte). «Предъ блестящимъ трономъ В. И. В-ва предстоитъ теперь часть Финляндіи въ лицѣ избранныхъ по милостивому повелѣнію депутатовъ, членовъ свободнаго, но послушнаго закону народа, отличавшагося болѣе вѣрностью и преданностью законной власти нежели удивленія достойными дѣяніями. Эти качества доказалъ онъ въ теченіе шести столѣтій соединенія своего съ Швеціей. Теперь, когда судьбы Финляндіи измѣнились, и ей открываются новые горизонты счастія и благополучія благодаря великодушію побѣдителя, онъ найдетъ въ обитателяхъ Финляндіи вѣрныхъ подданныхъ. Депутація осмѣливается въ томъ увѣрить, особенно въ виду того что новый властелинъ, которому удивляется вся Европа и принадлежитъ любовь его прежнихъ подданныхъ, желаетъ уготовать также и счастье финскаго народа». Затѣмъ отъ себя лично и отъ имени своихъ земляковъ депутаты (посланники—die Gesandten) выразили благодарность за полученное милостивое удостовѣреніе, что религія, законы и

По окончаніи аудіенціи депутаты отправились домой тѣмъ же порядкомъ. Вечеромъ они ѣздили къ гр. Салтыкову, благодарили за предоставленный пріемъ у Государя и за всѣ оказанные имъ знаки попеченія и заботъ, а затѣмъ были съ визитомъ и у Спренгтпортена.

Въ дальнѣйшемъ пребываніе финляндцевъ въ Петербургѣ проходило среди новыхъ пріемовъ, обѣдовъ и придворныхъ увеселеній. Отмѣтимъ главнѣйшіе. Въ слѣдующее послѣ представленія Государю воскресенье, 22-го ноября, послѣ обѣдни депутаты были приняты обѣими Императрицами, великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Павловичами, великими княжнами Екатериной и Анной Павловнами и великой княгиней Маріей Павловной. Представлялъ ихъ бар. Спренгтпортенъ, тѣмъ временемъ окончательно уже назначенный генералъ-губернаторомъ Финляндіи. Между разговорами Императрица Марія Ѳеодоровна сама пригласила всѣхъ депутатовъ на балъ, у нея назначенный на слѣдующій вторникъ, 24-го. Отъ оберъ-гофмаршала были присланы кромѣ того билеты на спектакль въ Эрмитажѣ. 28-го ноября оберъ-камергеръ Нарышкинъ давалъ въ честь депутатовъ обѣдъ; къ нему, также какъ и на балъ 24-го, были приглашены и другіе финляндскіе дворяне бывшіе въ Петербургѣ. А 2-го декабря эти лица обѣдали вмѣстѣ съ депутатами у Государя.

Черезъ недѣлю, 9-го декабря, прибыли четверо депутатовъ вазаской губерніи. 15-го числа, въ 7 часовъ вечера, они представлялись Императору Александру, но ѣздили во дворецъ уже въ про-

---

прочія вольности и преимущества, которыми каждое сословіе съ давнихъ временъ пользовалось, будутъ свято соблюдаемы. «Кротостію и милостію— продолжалъ ораторъ—укрѣпится могущество В. В-ва надъ народомъ, который счастіе оружія В. В-ва обратило въ Ваше подданство; память о любимомъ властелинѣ сохранится въ позднѣйшемъ потомствѣ.» — Также излагаетъ и Кастре́нъ въ Skildringar, стр. 75. Онъ приводитъ еще, на основаніи Маннергейма, что Александръ въ отвѣтѣ будто бы выразился, что считаетъ за честь (ansäg för en ära) царствовать надъ такимъ народомъ какъ финны.—Едва-ли это не плодъ краснорѣчія Маннергейма: не въ духѣ русскихъ государей говорить такимъ льстивымъ языкомъ.

стыхъ экипажахъ. Представлялъ Спренгтпортенъ въ присутствіи гр. Салтыкова.

23-го декабря всѣ были во второй разъ на обѣдѣ, теперь прощальномъ, у Государя, послѣ чего откланивались Ихъ Величествамъ. Однако нѣкоторые депутаты, именно вазаскіе, а также Ребиндеръ, Гультманъ и профессоръ Гартманъ просили дозволенія Государя остаться въ Петербургѣ до исхода рождественскихъ праздниковъ [1]). По случаю новаго года и назначеннаго на 1-е января обрученія великой княжны Екатерины Павловны предстояли особыя празднества. Желаніе депутатовъ было исполнено и имъ всѣмъ предоставлено остаться въ Петербургѣ и присутствовать на торжествахъ. Большинство воспользовалось этимъ разрѣшеніемъ; не дождавшись праздниковъ уѣхали только Маннергеймъ и купецъ Тьедеръ (31-го декабря; они и пріѣхали вмѣстѣ).

Наконецъ 6-го января были въ Петербургѣ и остальные депутаты, въ числѣ трехъ, отъ улеаборгской губерніи. Приняты какъ Государемъ, такъ и прочими членами царскаго семейства, 13-го числа послѣ обѣдни. Вечеромъ всѣ депутаты были на придворномъ маскарадѣ и на ужинѣ въ Эрмитажѣ. 1-го февраля улеаборгскіе депутаты обѣдали у Императора Александра, послѣ чего откланивались какъ ему, такъ и Императрицѣ-супругѣ. Празднества для финляндцевъ предполагалось окончить 3-го, когда трое улеаборгцевъ были приглашены къ столу Маріи Θеодоровны, послѣ чего они простились и съ нею и съ великими князьями. Однако на другой день, 4-го февраля, они еще были у нея на балѣ. Ко всѣмъ благосклонная Марія Θеодоровна явила себя такою и финляндцамъ. Кромѣ личной привѣтливости имъ оказанной, она особымъ рескриптомъ на имя Спренгтпортена предоставила ему обращаться къ ней съ представленіями о воспитаніи финскихъ дѣвицъ; сообщены были правила пріема въ институты и даже образецъ прошенія [2]).

Раньше прибывшіе финляндскіе гости начали разъѣзжаться 18-го января; 27-го уѣхали вазаскіе депутаты; послѣднимъ от-

[1]) Арх. Мин. Ин. Д., Финляндскія дѣла, л. 53.

[2]) Correspondance off. de M. Sprengtporten, изд. Коскинена, стр. 24, № 13.

портенъ изложилъ планъ временнаго управленія Финляндіей, къ которому предстоитъ возвратиться въ слѣдующей главѣ. Взглядъ на этотъ предметъ и въ частности на Спренгтпортена нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ депутатовъ рельефно характеризовался въ мемуарахъ Маннергейма.—«Дошли до моего свѣдѣнія—писалъ онъ со словъ Салтыкова—проекты генерала Спренгтпортена; въ цѣломъ они не столько направлены ко благу страны, сколько свидѣтельствуютъ о намѣреніи этого господина самовластвовать въ Финляндіи подобно турецкому пашѣ» [1]).

Дѣловыя занятія депутаціи начались въ концѣ октября [2]). 31 числа Маннергеймъ собралъ ее въ первое засѣданіе, открытое имъ рѣчью, въ которой просилъ къ себѣ довѣрія сочленовъ и выражалъ свои къ нимъ чувства. Въ секретари былъ взятъ, за неимѣніемъ никого другаго, торговый бухгалтеръ изъ Ловизы Гаммарбергъ.

Депутатъ фонъ Роткирхъ внесъ первое предложеніе о томъ, чтобы ходатайствовать объ установленіи непосредственныхъ почтовыхъ сношеній депутатовъ съ Финляндіею. До того времени корреспонденція шла туда чрезъ посредство главной квартиры, гдѣ безъ сомнѣнія подвергалась перлюстраціи. По важности лежащихъ на депутатахъ обязанностей и необходимости сношеній съ остающимися на мѣстѣ соотечественниками, Роткирхъ находилъ нужнымъ установить безпрепятственныя почтовыя сношенія. Записка въ этихъ видахъ была подана Маннергеймомъ гр. Салтыкову; въ ней приводились конечно другіе мотивы, именно продолжительная неизвѣстность о семействахъ и обратно, такъ какъ на пересылку письма, по словамъ депутатовъ, употреблялось до 4-хъ недѣль [3]). Заявленіе не достигло, кажется, цѣли, что впрочемъ

---

[1]) Skildringar ur Finlands nyare historia, стр. 66.

[2]) Въ описаніи этихъ занятій приняты въ руководство главнымъ образомъ сообщаемые Кастрéномъ свѣдѣнія и документы, протоколы и пр. Въ Архивѣ М-ва Ин. Дѣлъ найдены лишь нѣкоторыя бумаги; существенныя изъ нихъ приводятся.

[3]) Арх. М. Ин. Д.; записка отъ 25-го ноября 1808 г. листъ 21. «Selon les renseignements sûrs jusqu'à 10 (22) de Novembre de la Finlande toutes les lettres écrites à nos femmes et amis au commencement de notre

и вполнѣ понятно, такъ какъ война еще энергически продолжалась.

Но сдѣланный Роткирхомъ шагъ былъ простымъ эпизодомъ и не входилъ въ программу предводителя депутаціи Маннергейма. Нужно было, отложивъ въ сторону потребности минуты, позаботиться о политической роли, въ чемъ по увѣренію Маннергейма всѣ были единодушны. Поэтому къ ней тотчасъ и обратились. На сцену было выдвинуто все то же выраженное отъ имени Императора въ разныхъ прокламаціяхъ обѣщаніе сохранить Финляндіи ея права и преимущества. Опираясь на него находили, что ничего подобнаго вызванной теперь депутаціи нѣтъ въ шведской конституціи. Отсюда заключали—что депутація незаконна. А разъ она признается незаконною и произвольною, то и не можетъ рѣшительно высказываться ни о чемъ, что касается перемѣны въ законахъ страны, податяхъ, оброчныхъ статьяхъ, и т. п. Все разыгрывалось вполнѣ вѣрно по нотамъ написаннымъ въ Або. Наилучше все оставить по прежнему, не установляя никакихъ хотя бы и временныхъ мѣръ, и отложить ихъ до обѣщаннаго первою прокламаціей сейма.

Не смотря однако на общее единодушіе депутатовъ на счетъ «политической» роли, нашелся среди нихъ одинъ непріятный и съ ихъ точки зрѣнія крайне фальшивый голосъ. Представитель города Борго, купецъ Линдертъ, категорически возсталъ противъ воздержанія, которое по совѣтамъ Маннергейма депутація возлагала на себя въ отношеніи какой бы ни было дѣятельности въ Петербургѣ.

— «Я вовсе не думалъ ѣдучи сюда,—говорилъ этотъ практическій человѣкъ,—что все наше дѣло будетъ состоять только въ разныхъ церемоніяхъ и въ выраженіи предъ Государемъ почтительнѣйшихъ и благоговѣйныхъ чувствъ. Можно было бы по крайней мѣрѣ заняться разработкою и представленіемъ дѣлъ изъ области экономической.»

séjour ici, manquent encore à être arrivées;—comme la tranquilité dans l'intérieur du pays est rétablie, et la Finlande n'est à regarder comme une Province Russe, le soussigné croit de son devoir de supplier trés humblement, pour que V. Exc..... и т. д.

Но такое разсужденіе боргоскаго депутата было рѣшительно несогласно съ видами абоскихъ и другихъ дальнихъ дворянъ, которымъ, какъ извѣстно, вмѣнялось тайными инструкціями въ обязанность пассивно противодѣйствовать всѣмъ шагамъ русскаго правительства въ самостоятельныхъ его дѣйствіяхъ. Поэтому Маннергеймъ нашелъ нужнымъ вышибить Линдерта изъ сѣдла однимъ ударомъ.

— «Но, позвольте, развѣ вы считаете себя сеймовымъ депутатомъ?» — обратился тотъ къ нему.

Вопросъ былъ совершенно неправильный и неумѣстный; но онъ дѣйствительно сбилъ съ толку неопытнаго въ казуистикѣ купца, — и тотъ отвѣтилъ утвердительно.

— «Въ такомъ случаѣ, — возразилъ Маннергеймъ, — если г. Линдертъ находитъ возможнымъ дѣлать тѣ или другія предложенія въ видахъ своей личной выгоды или въ видахъ пользы его города, — это его особое дѣло; депутаціи ими заниматься нечего».

И въ большее подтвержденіе будто бы основательности своего вывода, Маннергеймъ прочелъ извѣстный разъяснительный циркуляръ гр. Буксгевдена, въ которомъ говорилось что депутація имѣетъ не сеймовый, а свой особый характеръ. Ловкій софистъ совершенно обошелъ прямо и сообразно съ назначеніемъ депутаціи поставленное заявленіе объ экономическихъ нуждахъ; а ссылкою на документъ, служившій вполнѣ въ поддержку противника, уничтожилъ его благодаря хитро поставленному другому, побочному и къ дѣлу неидущему вопросу.

Этимъ инцидентъ по поводу «политическаго» значенія депутаціи былъ на этотъ разъ исчерпанъ.

Но въ слѣдующемъ засѣданіи 16 (4) ноября онъ возникъ снова. Умалчивая о желаніяхъ, ясно выраженныхъ въ сообщеніи гр. Румянцова отъ 9-го іюня, и о той роли депутаціи по точному смыслу циркуляра о созывѣ ея, который Маннергеймъ приводилъ во свидѣтельство, онъ предложилъ своимъ коллегамъ опять обратиться къ вопросу о значеніи депутаціи. По его мнѣнію нужно было представить Императору меморіалъ, въ которомъ были бы приведены основанія, по коимъ члены ея

не считаютъ себя въ правѣ смотрѣть на себя какъ на представителей финскаго народа и входить въ какія бы ни было сужденія и давать заключенія.—И въ этомъ шагѣ Маннергеймъ являлся опытнымъ дѣльцомъ. Видя уже уступчивость или вѣрнѣе полную слабость русскаго правительства, онъ съ упорствомъ продолжалъ развивать мотивы и соображенія, которымъ рѣшительно не должно было быть мѣста. При всей своей несообразности, постоянно повторяясь, они дѣйствительно производили свой эффектъ.—Предложеніе Маннергейма было безъ труда принято его сочленами, и для составленія мемуара образована коммисія. Въ ея составъ вошла квинтъ-эссенція оппозиціи проявленной при выборѣ депутатовъ, именно абоскіе представители въ полномъ составѣ: пасторъ Лебелль, купецъ Тьедеръ и извѣстный подачею записки крестьянинъ Кавéнъ. Недоставало четвертаго, главнѣйшаго изъ абоскихъ депутатовъ,—представителя рыцарства; но это былъ самъ Маннергеймъ, который конечно не остался безъ воздѣйствія на коммисію, будучи инициаторомъ самой идеи мемуара. Формально же въ составъ коммисіи вошелъ въ качествѣ члена отъ дворянства упоминавшійся уже фонъ-Роткирхъ, депутатъ отъ дворянства гейнольской и кюменегордской провинцій.

Черезъ шесть дней, 22 (10) ноября, коммисія представила свой проектъ мемуара. Въ немъ не было ничего новаго. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ начинался тѣмъ же вступленіемъ о благодарности Государю за обѣщаніе сохранить религію, законы, права и преимущества; а далѣе онъ переходилъ къ изложенію тѣхъ препятствій, кои по смыслу будто бы конституціи не давали депутатамъ возможности выступить въ качествѣ народныхъ представителей. Конечно, говоря о «конституціи», признано было за благо умолчать что тò была конституція шведская, а не финская, которой никогда не бывало. Такого поясненія руководители депутаціи никогда не допустили бы, потому что не смотря на добродушіе и довѣрчивость русскихъ государственныхъ людей, они все таки увидѣли бы, что сохраненіе Финляндіи ея законовъ еще не значитъ и перенесеніе на русскую почву всѣхъ шведскихъ порядковъ, такъ какъ несомнѣнно въ

отношеніи покоренной провинціи мѣсто Швеціи заступила теперь Россія [1]).

Въ поддержку приведеннаго взгляда цитировались изданныя въ 1617 и 1723 гг. постановленія о созывѣ и организаціи шведскихъ государственныхъ сеймовъ. Это впрочемъ еще прежде Спренгтпортенъ писалъ въ своихъ запискахъ въ пользу созванія сейма, но такіе доводы тогда не подѣйствовали. Затѣмъ цитировались правила выборовъ въ разныхъ сословіяхъ; приводились наконецъ какъ фактъ имѣющій какое-то значеніе, и тѣ затрудненія, которыя дѣлали абоскіе избиратели по поводу перваго циркуляра Буксгевдена. Очевидно съ цѣлію его болѣе или менѣе компрометировать прилагались и копіи съ обоихъ циркуляровъ.

Большинство членовъ одобрило меморіалъ; но купецъ Линдертъ опять настаивалъ на томъ, что онъ не измѣняетъ своихъ мыслей и что до свѣдѣнія русскаго правительства должны быть доведены заявленія о тѣхъ экономическихъ нуждахъ, по коимъ онъ является ходатаемъ. Линдертъ находилъ къ тому же, что онъ вполнѣ законно избранъ своимъ городомъ Борго и потому имѣетъ полное право настаивать на своемъ требованіи. Очевидно боргоскій депутатъ не довольно проникся тѣми инструкціями, которыя требовали отъ него безусловнаго единодушія съ товарищами въ преслѣдованіи извѣстныхъ цѣлей. Поэтому со стороны Маннергейма послѣдовали новыя увѣщанія. Онъ внушалъ непослушному депутату, что если бы онъ дѣйствительно вздумалъ представить правительству подобныя свои заявленія, то онъ, Маннергеймъ, долженъ протестовать, такъ какъ Линдертъ въ качествѣ члена депутаціи не имѣетъ права такъ поступать, и что его заявленія противорѣчатъ взгляду другихъ членовъ на значеніе депутаціи. Маннергеймъ убѣждалъ и въ томъ, что членъ сословія съ правами уполномоченнаго не можетъ вносить на усмотрѣніе правительства единолично ничего касающагося всего сословія, безъ соглашенія съ прочими депутатами его сословія.

[1]) Кастре́нъ, говоря объ этомъ мемуарѣ, не стѣсняется утверждать что въ немъ сдѣлана была ссылка на «финскую конституцію»; но подлинный текстъ мемуара опровергаетъ такой произвольный разсказъ.

Эти объясненія поколебали Линдерта, но не окончательно. Онъ заявилъ что въ такомъ случаѣ воздержится отъ подписи меморіала. Маннергеймъ воспротивился и этому. Ему, конечно, нужно было показать предъ русскими властями полное единодушіе всѣхъ депутатовъ во взглядѣ на незаконность ихъ выбора, и строго выполнить инструкцію абоскихъ рыцарей на счетъ конституціонныхъ таинствъ. Поэтому Маннергеймъ категорически заявилъ Линдерту, что не можетъ допустить воздержанія его отъ подписи мемуара. Впрочемъ, въ утѣшеніе его, и пожалуй для очистки его совѣсти передъ боргоскими согражданами, предоставилъ на его волю внести заявленіе въ протоколъ, котораго никто разумѣется кромѣ депутатовъ не читалъ. Цѣль была наконецъ достигнута; подпись Линдерта дѣйствительно оказалась на опротестованномъ имъ меморіалѣ, и послѣдній получилъ значеніе совершившагося факта.

Финскіе писатели даютъ этому документу особое значеніе какъ первому шагу на пути «договора», состоявшагося по ихъ утвержденію между Александромъ I и Финляндіей помимо Россіи. Для большей точности, и для того чтобы видѣть въ какомъ тонѣ говорили именуемые финскіе «посланники», приведемъ этотъ мемуаръ цѣликомъ, въ переводѣ съ французскаго текста.

«Государь! Ваше Императорское Величество удостоили дозволить финскимъ депутатамъ, вызваннымъ сюда по Вашему повелѣнію, повергнуть у подножія Вашего Августѣйшаго престола нижайшія выраженія ихъ почитанія и признательности за милосердіе, съ которымъ Вамъ угодно было всемилостивѣйше принять всѣхъ жителей Финляндіи и дать имъ самыя священныя обѣщанія въ сохраненіи ихъ вѣры, законовъ и всѣхъ ихъ привилегій. По истинѣ, Государь, это такое благодѣяніе, которое наполняетъ насъ самыми сладостными чувствами; воспоминаніе о немъ никогда не изгладится изъ нашихъ благодарныхъ сердецъ. При увѣренности въ великодушіи самаго милосердаго изъ монарховъ, намъ остается указать со всею покорностію безпокоющія насъ препятствія, кои кажется встрѣчаются въ исполненіи нашего назначенія.

«Сообразно постановленіямъ 1617 и 1723 годовъ, всегда счи-

Но такое разсужденіе боргоскаго депутата было рѣшительно несогласно съ видами абоскихъ и другихъ дальнихъ дворянъ, которымъ, какъ извѣстно, вмѣнялось тайными инструкціями въ обязанность пассивно противодѣйствовать всѣмъ шагамъ русскаго правительства въ самостоятельныхъ его дѣйствіяхъ. Поэтому Маннергеймъ нашелъ нужнымъ вышибить Линдерта изъ сѣдла однимъ ударомъ.

— «Но, позвольте, развѣ вы считаете себя сеймовымъ депутатомъ?» — обратился тотъ къ нему.

Вопросъ былъ совершенно неправильный и неумѣстный; но онъ дѣйствительно сбилъ съ толку неопытнаго въ казуистикѣ купца, — и тотъ отвѣтилъ утвердительно.

— «Въ такомъ случаѣ, — возразилъ Маннергеймъ, — если г. Линдертъ находитъ возможнымъ дѣлать тѣ или другія предложенія въ видахъ своей личной выгоды или въ видахъ пользы его города, — это его особое дѣло; депутаціи ими заниматься нечего».

И въ большее подтвержденіе будто бы основательности своего вывода, Маннергеймъ прочелъ извѣстный разъяснительный циркуляръ гр. Буксгевдена, въ которомъ говорилось что депутація имѣетъ не сеймовый, а свой особый характеръ. Ловкій софистъ совершенно обошелъ прямо и сообразно съ назначеніемъ депутаціи поставленное заявленіе объ экономическихъ нуждахъ; а ссылкою на документъ, служившій вполнѣ въ поддержку противника, уничтожилъ его благодаря хитро поставленному другому, побочному и къ дѣлу неидущему вопросу.

Этимъ инцидентъ по поводу «политическаго» значенія депутаціи былъ на этотъ разъ исчерпанъ.

Но въ слѣдующемъ засѣданіи 16 (4) ноября онъ возникъ снова. Умалчивая о желаніяхъ, ясно выраженныхъ въ сообщеніи гр. Румянцова отъ 9-го іюня, и о той роли депутаціи по точному смыслу циркуляра о созывѣ ея, который Маннергеймъ приводилъ во свидѣтельство, онъ предложилъ своимъ коллегамъ опять обратиться къ вопросу о значеніи депутаціи. По его мнѣнію нужно было представить Императору меморіалъ, въ которомъ были бы приведены основанія, по коимъ члены её

не считаютъ себя въ правѣ смотрѣть на себя какъ на представителей финскаго народа и входить въ какія бы ни было сужденія и давать заключенія.—И въ этомъ шагѣ Маннергеймъ являлся опытнымъ дѣльцомъ. Видя уже уступчивость или вѣрнѣе полную слабость русскаго правительства, онъ съ упорствомъ продолжалъ развивать мотивы и соображенія, которымъ рѣшительно не должно было быть мѣста. При всей своей несообразности, постоянно повторяясь, они дѣйствительно производили свой эффектъ.—Предложеніе Маннергейма было безъ труда принято его сочленами, и для составленія мемуара образована коммисія. Въ ея составъ вошла квинтъ-эссенція оппозиціи проявленной при выборѣ депутатовъ, именно абоскіе представители въ полномъ составѣ: пасторъ Лебелль, купецъ Тьедеръ и извѣстный подачею записки крестьянинъ Кавéнъ. Недоставало четвертаго, главнѣйшаго изъ абоскихъ депутатовъ,—представителя рыцарства; но это былъ самъ Маннергеймъ, который конечно не остался безъ воздѣйствія на коммисію, будучи иниціаторомъ самой идеи мемуара. Формально же въ составъ коммисіи вошелъ въ качествѣ члена отъ дворянства упоминавшійся уже фонъ-Роткирхъ, депутатъ отъ дворянства гейнольской и кюменегордской провинцій.

Черезъ шесть дней, 22 (10) ноября, коммисія представила свой проектъ мемуара. Въ немъ не было ничего новаго. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ начинался тѣмъ же вступленіемъ о благодарности Государю за обѣщаніе сохранить религію, законы, права и преимущества; а далѣе онъ переходилъ къ изложенію тѣхъ препятствій, кои по смыслу будто бы конституціи не давали депутатамъ возможности выступить въ качествѣ народныхъ представителей. Конечно, говоря о «конституціи», признано было за благо умолчать что тò была конституція шведская, а не финская, которой никогда не бывало. Такого поясненія руководители депутаціи никогда не допустили бы, потому что не смотря на добродушіе и довѣрчивость русскихъ государственныхъ людей, они все таки увидѣли бы, что сохраненіе Финляндіи ея законовъ еще не значитъ и перенесеніе на русскую почву всѣхъ шведскихъ порядковъ, такъ какъ несомнѣнно въ

отношеніи покоренной провинціи мѣсто Швеціи заступила теперь Россія [1]).

Въ поддержку приведеннаго взгляда цитировались изданныя въ 1617 и 1723 гг. постановленія о созывѣ и организаціи шведскихъ государственныхъ сеймовъ. Это впрочемъ еще прежде Спренгтпортенъ писалъ въ своихъ запискахъ въ пользу созванія сейма, но такіе доводы тогда не подѣйствовали. Затѣмъ цитировались правила выборовъ въ разныхъ сословіяхъ; приводились наконецъ какъ фактъ имѣющій какое-то значеніе, и тѣ затрудненія, которыя дѣлали абоскіе избиратели по поводу перваго циркуляра Буксгевдена. Очевидно съ цѣлію его болѣе или менѣе компрометировать прилагались и копіи съ обоихъ циркуляровъ.

Большинство членовъ одобрило меморіалъ; но купецъ Линдертъ опять настаивалъ на томъ, что онъ не измѣняетъ своихъ мыслей и что до свѣдѣнія русскаго правительства должны быть доведены заявленія о тѣхъ экономическихъ нуждахъ, по коимъ онъ является ходатаемъ. Линдертъ находилъ къ тому же, что онъ вполнѣ законно избранъ своимъ городомъ Борго и потому имѣетъ полное право настаивать на своемъ требованіи. Очевидно боргоскій депутатъ не довольно проникся тѣми инструкціями, которыя требовали отъ него безусловнаго единодушія съ товарищами въ преслѣдованіи извѣстныхъ цѣлей. Поэтому со стороны Маннергейма послѣдовали новыя увѣщанія. Онъ внушалъ непослушному депутату, что если бы онъ дѣйствительно вздумалъ представить правительству подобныя свои заявленія, то онъ, Маннергеймъ, долженъ протестовать, такъ какъ Линдертъ въ качествѣ члена депутаціи не имѣетъ права такъ поступать, и что его заявленія противорѣчатъ взгляду другихъ членовъ на значеніе депутаціи. Маннергеймъ убѣждалъ и въ томъ, что членъ сословія съ правами уполномоченнаго не можетъ вносить на усмотрѣніе правительства единолично ничего касающагося всего сословія, безъ соглашенія съ прочими депутатами его сословія.

[1]) Кастрéнъ, говоря объ этомъ мемуарѣ, не стѣсняется утверждать что въ немъ сдѣлана была ссылка на «финскую конституцію»; но подлинный текстъ мемуара опровергаетъ такой произвольный разсказъ.

Эти объясненія поколебали Линдерта, но не окончательно. Онъ заявилъ что въ такомъ случаѣ воздержится отъ подписи меморіала. Маннергеймъ воспротивился и этому. Ему, конечно, нужно было показать предъ русскими властями полное единодушіе всѣхъ депутатовъ во взглядѣ на незаконность ихъ выбора, и строго выполнить инструкцію абоскихъ рыцарей на счетъ конституціонныхъ таинствъ. Поэтому Маннергеймъ категорически заявилъ Линдерту, что не можетъ допустить воздержанія его отъ подписи мемуара. Впрочемъ, въ утѣшеніе его, и пожалуй для очистки его совѣсти передъ боргоскими согражданами, предоставилъ на его волю внести заявленіе въ протоколъ, котораго никто разумѣется кромѣ депутатовъ не читалъ. Цѣль была наконецъ достигнута; подпись Линдерта дѣйствительно оказалась на опротестованномъ имъ меморіалѣ, и послѣдній получилъ значеніе совершившагося факта.

Финскіе писатели даютъ этому документу особое значеніе какъ первому шагу на пути «договора», состоявшагося по ихъ утвержденію между Александромъ I и Финляндіей помимо Россіи. Для большей точности, и для того чтобы видѣть въ какомъ тонѣ говорили именуемые финскіе «посланники», приведемъ этотъ мемуаръ цѣликомъ, въ переводѣ съ французскаго текста.

«Государь! Ваше Императорское Величество удостоили дозволить финскимъ депутатамъ, вызваннымъ сюда по Вашему повелѣнію, повергнуть у подножія Вашего Августѣйшаго престола нижайшія выраженія ихъ почитанія и признательности за милосердіе, съ которымъ Вамъ угодно было всемилостивѣйше принять всѣхъ жителей Финляндіи и дать имъ самыя священныя обѣщанія въ сохраненіи ихъ вѣры, законовъ и всѣхъ ихъ привилегій. По истинѣ, Государь, это такое благодѣяніе, которое наполняетъ насъ самыми сладостными чувствами; воспоминаніе о немъ никогда не изгладится изъ нашихъ благодарныхъ сердецъ. При увѣренности въ великодушіи самаго милосердаго изъ монарховъ, намъ остается указать со всею покорностію безпокоющія насъ препятствія, кои кажется встрѣчаются въ исполненіи нашего назначенія.

«Сообразно постановленіямъ 1617 и 1723 годовъ, всегда счи-

тавшимся основными законами, государь въ случаѣ возникновенія вопросовъ касавшихся общихъ интересовъ страны, особо распубликованными указами повелѣвалъ созывать общее собраніе земскихъ чиновъ. Чины эти, отъ четырехъ сословій, имѣютъ право обсуждать и рѣшать, въ высочайшемъ присутствіи, предложенные предметы. Старшій въ каждомъ дворянскомъ семействѣ, если онъ достигъ совершеннолѣтія, потому самому есть уже представитель дворянства, какъ значится въ распоряженіяхъ 1626 и 1778 годовъ именуемыхъ Уставомъ Рыцарскаго Дома — *Riddarhus Ordning*. Духовное представительство образуется изъ нѣсколькихъ лицъ отъ каждой эпархіи, коихъ избираютъ всѣ пасторы и капелланы. Представители горожанъ выбираются всѣми гражданами города, имѣющими право участія въ выборахъ. Наконецъ всѣ крестьяне-собственники избираютъ между собою одного изъ нихъ поуѣздно (Härad). Всѣ эти лица собираются въ назначенное время и мѣсто, и обще съ государемъ составляютъ власть законодательную.

«Въ глубочайшей покорности депутаты сознаютъ призвавшіе ихъ сюда отеческіе виды Вашего Императорскаго Величества. Размѣры сихъ послѣднихъ дѣлаются еще очевиднѣе отъ пріема безконечно милостиваго, коимъ отмѣчено было приближеніе депутатовъ къ престолу. Одушевленные любовью къ отечеству, полные благоговѣнія къ Августѣйшей Особѣ Вашего Императорскаго Величества, мы не колебались бы ни минуты изложить средства, кои по нашему сужденію были бы наиболѣе примѣнимы и нужны для будущаго счастія Финляндіи, если бы способъ нашего назначенія былъ соотвѣтственъ духу вышеупомянутыхъ основныхъ законовъ, и мы могли бы видѣть въ себѣ представителей всего народа.

«Циркуляромъ, посланнымъ гражданскимъ губернаторамъ абоскому и бьернеборгскому, нюландскому и тавастгусскому, и кюменегордскому,—копія съ коего при семъ прилагается подъ литерою А,—его сіятельству главнокомандующему графу Буксгевдену угодно было предписать, въ какомъ порядкѣ должны быть произведены выборы. Въ абоской и бьернеборгской губерніяхъ созванные для того члены дворянства, городскіе избира-

тели и одинъ изъ прежнихъ крестьянскихъ представителей, нашли себя въ невозможности приступить къ выбору нѣсколькихъ депутатовъ, также какъ и снабдить соотвѣтственными общимъ желаніямъ инструкціями, такъ какъ имъ казалось что всѣ имѣли одинаковое право быть для того призванными и можетъ быть удивлены были тѣмъ, что ихъ не выслушали. Они полагали, что депутація такимъ образомъ сформированная не могла бы удовлетворить всемилостивѣйшимъ намѣреніямъ Вашего Императорскаго Величества. На сдѣланныя о томъ представленія господинъ главнокомандующій повторилъ свои приказанія; копія также прилагается подъ литерою В. Такимъ путемъ всѣ затрудненія по этому деликатному предмету должны были исчезнуть.

«Государь, депутаты увѣренные въ милосердіи Вашего Императорскаго Величества и осмѣлившіеся со всею покорностію указать препятствія, кои казалось имъ встрѣтились при исполненіи ихъ миссіи, полагаютъ что не бывъ представителями всего народа, они не могутъ войти въ сужденія принадлежащія земскимъ чинамъ, созваннымъ въ обыкновенномъ порядкѣ предписанномъ конституціею. Но если бы Вашему Императорскому Величеству угодно было повелѣть потребовать отъ насъ нѣкоторыхъ разъясненій по дѣламъ экономическимъ нашего отечества, мы сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее, дабы повиноваться Вашей великодушной волѣ, предоставляя полному усмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества, если бы это оказалось нужнымъ въ настоящемъ положеніи вещей, — повелѣть созвать общее собраніе земскихъ чиновъ въ странѣ, чтобы выслушать голоса народа по дѣламъ, касающимся блага и пользы всѣхъ. Что голосъ этотъ всегда окажется единодушнымъ въ почитаніи и любви къ Августѣйшей Особѣ Вашего Императорскаго Величества, въ покорности Ея повелѣніямъ и въ признательности за Ея благодѣянія, — въ томъ депутаты смѣютъ удостовѣрить.

«Съ глубочайшимъ почтеніемъ и полнѣйшею покорностію депутаты имѣютъ честь быть, Государь, Вашего Императорскаго Величества

всепокорнѣйшими и вѣрнѣйшими подданными:

Баронъ Маннергеймъ, Фред. Роткирхъ. П. Силь-

вершольдъ, Фредр. Лебелль, Иваръ Валленіусъ Иванъ Тьедеръ, І. Карлстедтъ, Эрикъ Боргстрёмъ, І. Линдертъ, Густавъ Кавенъ, Яфетъ Кайтала, поставилъ трясущеюся рукой знакъ 7 и Бенгтъ Лаурикайненъ, тоже нѣчто въ родѣ монограммы B.

Этого мемуара финскіе историки Коскиненъ и Кастрéнъ текстуально не приводятъ [1]). Притомъ что труды ихъ несомнѣнно направлены къ доказательству государственной самостоятельности Финляндіи—оно и понятно. Сквозь какія бы патріотическія очки ни глядѣть, рѣшительно нельзя высмотрѣть въ мемуарѣ ничего похожаго на договоръ. Благодарность, вѣрнѣйшіе подданные, милосердіе, великодушіе, готовность исполнить повелѣніе и опять благодарность за милосердіе,—вотъ наиболѣе характерныя слова этого документа. Приводится правда историческая справка о шведскихъ порядкахъ XVII вѣка, дѣлается косвенный доносъ на главнокомандующаго и выражаются затрудненія исполнить обязанности народныхъ представителей, которыхъ въ сущности на нихъ никто и не возлагалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отдается на «полное усмотрѣніе Его Императорскаго Величества созвать общее собраніе земскихъ чиновъ, если бы это оказалось нужнымъ въ настоящемъ положеніи вещей». Это есть вѣнецъ желаній, и только желаній; но и они—какою условностію они обставлены! *Полное усмотрѣніе*, т. е. совершенное произволеніе Государя: пожелалъ—исполнилъ, не захотѣлъ—ничего не далъ; затѣмъ *если бы* оказалось нужнымъ,—т. е. если бы опять онъ же, Государь, самъ или по совѣту ближайшихъ сотрудниковъ призналъ за благо; наконецъ *въ настоящемъ положеніи вещей*, т. е. въ видѣ временной мѣры при данныхъ обстоятельствахъ, а не безусловно, не навсегда. Вотъ какъ обставлены были даже самыя «желанія» депутатовъ. Понятно что нельзя было приводить этого документа in extenso въ доказательство наличности соглашенія, а тѣмъ болѣе договора: ни соглашенія, ни договора здѣсь не оказывается.

[1]) Французскій текстъ см. Приложеніе № 132.

но отдѣльныя фразы, въ родѣ приведенныхъ историческихъ справокъ, представляютъ удобный въ извѣстномъ смыслѣ матеріалъ, и имъ пользуются.

Когда и кѣмъ поднесенъ былъ Императору Александру мемуаръ депутатовъ,—сказать съ полною точностію трудно. Финскій сенаторъ Мехелинъ, въ своемъ Précis du droit public du Grand Duché de Finlande, говоритъ что мемуаръ былъ поданъ при самой аудіенціи [1], т. е. 17-го ноября. Однако въ оффиціальномъ русскомъ отчетѣ вовсе не упоминается о передачѣ при этомъ какого бы ни было мемуара; объ этомъ нѣтъ упоминанія и въ публикаціи С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Профессоръ Коскиненъ въ своей Финской Исторіи говоритъ (стр. 567), что «подписаніе» мемуара состоялось 1-го декабря новаго стиля, т. е. 19-го ноября стараго. Кастрéнъ (стр. 76) также говоритъ о 1-мъ декабря (19-мъ ноября), какъ о днѣ подписанія мемуара, поясняя, что этотъ послѣдній «вслѣдъ за тѣмъ» (derefter genast) былъ отправленъ къ Салтыкову,—конечно для представленія Государю.

Мелочное повидимому обстоятельство, т. е. опредѣленіе дня подачи депутатами упомянутаго мемуара, имѣетъ однако немалое значеніе. Въ отмѣну повелѣнія 9-го іюня вскорѣ послѣдовало опять распоряженіе о созваніи сейма. Точное опредѣленіе дня подачи мемуара важно именно для уясненія себѣ: на сколько эта бумага имѣла вліянія на такую крупную перемѣну взгляда. Показаніе Л. Мехелина, какъ ничѣмъ неподтвержденное, о подачѣ при самомъ пріемѣ у Императора Александра, опровергается, какъ сказано, показаніями названныхъ другихъ двухъ историковъ. Они единогласно объясняютъ, что подача состоялась «на другой день» пріема [2]). Съ одной стороны это объясненіе характеристично въ томъ отношеніи, что хотя меморіалъ былъ уже изготовленъ еще до пріема, но депутаты не давали ему хода и даже не подпи-

[1]) Reçue en audience solennelle par Alexandre, la députation présenta un mémoire contenant... и пр. «Торжественной», solennelle, аудіенціи, какъ передъ симъ изложено, не было, была лишь частная аудіенція.

[2]) Am folgenden Tage den 1 Dec.; påföljande dag, den 1 dec. Собственно не на другой день, а на послѣ завтра, такъ какъ пріемъ у Государя былъ не 18-го, а 17-го ноября.

сывали, въ ожиданіи по всей вѣроятности того, что̀ обозначится при свиданіи съ Императоромъ-побѣдителемъ. Депутаты шли впередъ съ большой опаской и даже прямо съ робостью. Но разъ они лично убѣдились въ крайней мягкости Императора Александра, то боязнь была оставлена и ее заступила смѣлость лишь прикрытая подобострастіемъ.

Съ другой стороны изъ сопоставленія датъ слѣдуетъ сдѣлать тотъ существенный выводъ, что мемуаръ не имѣлъ ровно никакого дѣйствительнаго значенія. 19-го ноября гр. Салтыковъ былъ съ очереднымъ докладомъ у Государя. Допустивъ, что онъ успѣлъ взять съ собой мемуаръ депутатовъ подписанный въ тотъ же день, онъ однако вмѣстѣ съ тѣмъ привезъ къ докладу, и дѣйствительно докладывалъ, совершенно особый перечень вопросовъ, кои предстояло предложить депутатамъ на ихъ разсмотрѣніе. О немъ сейчасъ будетъ сказано. Если припомнить, что Маннергеймъ именно отказывалъ Линдерту въ разсмотрѣніи отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ, и что этимъ же духомъ проникнутъ былъ и весь меморіалъ, то станетъ очевидно, что онъ постановкѣ отъ русскаго правительства частныхъ вопросовъ не попрепятствовалъ. Если же смотрѣть на меморіалъ какъ на средство, которое привело къ утвердительному разрѣшенію вопроса о сеймѣ, то и въ этомъ отношеніи нельзя признать за нимъ никакого вѣса. Въ тотъ же самый день 19-го ноября, когда Салтыковъ только и могъ представить мемуаръ депутатовъ, по докладу военнаго министра гр. Аракчеева, послѣдовало уже подписаніе указа о назначеніи Спренгтпортена финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и утвержденіе «Положенія о Главномъ Правленіи въ новой Финляндіи». Въ этомъ Положеніи которое будетъ разсмотрѣно особо, говорилось въ совершенно опредѣленной формѣ о предстоящемъ созваніи «генеральнаго собранія изъ депутатовъ всѣхъ состояній». Положеніе, кромѣ Аракчеева, составляли Кноррингъ и Спренгтпортенъ; извѣстно упорство, съ которымъ этотъ послѣдній преслѣдовалъ идею сейма, извѣстны и неоднократные его личные по сему предмету мемуары въ то еще время, когда о депутаціи не было и помина. Положеніе, первоначально проектированное Спренгтпортеномъ, разсматривалось въ комитетѣ изъ названныхъ лицъ. Оно написано по-фран-

цузски и по-русски. Все это вмѣстѣ взятое должно было занять нѣсколько дней времени. Указъ подписанъ и Положеніе утверждено именно 19-го ноября; это документально и не отвергается и самими финскими писателями [1]). Значитъ все, что въ Положеніи заключалось, а въ томъ числѣ и мнѣніе о созывѣ земскихъ чиновъ, приняло опредѣленную и рѣшительную форму еще до 19-го ноября. А такъ какъ финскіе историки признаютъ и то что мемуаръ депутатовъ поданъ также 19-го ноября, то естественно, что онъ могъ *только встрѣтиться* у Государя, притомъ съ готовымъ уже рѣшеніемъ на счетъ созванія сейма, и никакъ не могъ слѣдовательно дать инициативу или положить основаніе тому, что сеймъ былъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ созванъ. Можно, въ крайнемъ случаѣ, допустить что отдѣльные депутаты тамъ и здѣсь, гдѣ могли, внушали и поддерживали мысль о сеймѣ; но основное проведеніе принадлежитъ безспорно Спренгтпортену, и мемуаръ депутатовъ здѣсь рѣшительно не причемъ. Но даже и за подписаніемъ Положенія 19-го ноября и новаго повелѣнія созвать представителей сословій, въ русскомъ правительствѣ все еще были колебанія на этотъ счетъ, и даже въ концѣ декабря къ Маннергейму обращались за новыми разъясненіями; очевидно все еще сомнѣвались, нужно-ли, при бывшихъ тогда обстоятельствахъ, созывать сеймъ.

Между тѣмъ при докладѣ 19-го ноября, какъ предъ симъ упомянуто, гр. Салтыковъ подносилъ Императору Александру перечень вопросовъ кои должно было предложить депутатамъ. Эти вопросы составлялъ Спренгтпортенъ. Промеморія его была написана по обыкновенію по-французски и заключала въ себѣ слѣдующее.

«Какъ только депутаты будутъ представлены и исполнятъ первыя обычныя формальности своего званія (les premières cérémonies de leurs fonctions) Его Императорское Величество потребуетъ у нихъ разъясненій по слѣдующимъ предметамъ:

«1) о настоящемъ положеніи страны вообще, ея населеніи, сред-

---

[1]) Corresp. off. de Sprengtporten, Коскинена.

ствахъ для военныхъ потребностей и о тѣхъ частяхъ ея, кои наиболѣе пострадали;

«2) объ общей сложности податей (sur la masse générale des contributions) и о томъ, какія изъ нихъ выплачиваются натурою, и какія деньгами;

«3) о собственныхъ доходахъ городовъ;

«4) о казенныхъ имуществахъ и объ ихъ доходахъ;

«5) о военномъ устройствѣ страны по основному учрежденію (d'après l'ordonnance fondamentale de son origine) и о сдѣланныхъ въ немъ измѣненіяхъ, а также о всемъ что можетъ относиться къ сему предмету;

«6) тоже въ отношеніи гражданскаго устройства, губернской администраціи и судопроизводства;

«7) о привилегіяхъ каждаго сословія, въ томъ видѣ какъ онѣ послѣдне установлены;

«8) о духовенствѣ и его имуществахъ;

«9) о положеніи и числѣ фабрикъ всякаго рода, о привилегіяхъ имъ предоставленныхъ. Какія изъ нихъ были наиболѣе благопріятны для народной промышленности;

«10) тоже о мануфактурахъ;

«11) общій обзоръ торговли страны. Предметы наибольшаго вывоза и привилегіи городовъ въ этомъ отношеніи;

«12) по всѣмъ исчисленнымъ предметамъ Его Величество потребуетъ изложенія точнаго и яснаго, дозволяя депутатамъ сопроводить его мыслями (réflexions) объ улучшеніяхъ признаваемыхъ ими наиболѣе настоятельными, чтобы изыскать затѣмъ соотвѣтственныя мѣры къ облегченію жителей» [1]).

Перечень этотъ, какъ легко видѣть, имѣлъ характеръ чисто-справочный. Депутаціи нужно было бы посвятить годы для того чтобы отвѣтить обстоятельно на многіе изъ пунктовъ, а нѣкоторые изъ нихъ требовали цѣлыхъ трактатовъ. Иные предметы, какъ напримѣръ образованіе, вовсе не упомянуты, хотя Императоръ Александръ въ рескриптѣ абоскому университету отъ 4-го іюня особо обѣщалъ покровительствовать дѣлу просвѣщенія. Можетъ быть впрочемъ личное присутствіе ректора Гартмана въ Петер-

[1]) Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Affaires finlandaises, 44.

бургѣ побуждало вести объясненія съ нимъ непосредственно; но въ такомъ случаѣ значеніе выборной депутаціи, которой желаютъ придать политическое значеніе, еще больше умаляется. Положенію сельскаго населенія, составляющаго болѣе 80 процентовъ, также не посвящено ни одного пункта, и оно теряется вообще «въ привилегіяхъ» сословій.

Графъ Салтыковъ, очевидно вполнѣ полагаясь на соображенія Спренгтпортена, поднесъ его промеморію въ нетронутомъ видѣ Государю. Императоръ Александръ также не измѣнилъ проекта вопросовъ, но, какъ видно изъ надписи на немъ, повелѣлъ «прибавить статью: какія по мнѣнію депутатовъ улучшенія нужны теперь въ Финляндіи?»—Это повелѣніе не заключаетъ въ себѣ собственно ничего новаго, ибо въ 12-мъ пунктѣ промеморіи именно говорилось о томъ, что депутаты могутъ высказать свои мысли объ улучшеніяхъ. Но оно очень важно для обрисовки настроенія Императора Александра и вообще тогдашнихъ взглядовъ правительства въ отношеніи къ депутаціи. Тутъ же на столѣ у Государя лежалъ мемуаръ депутатовъ, одновременно привезенный Салтыковымъ и тутъ же доложенный; въ немъ Маннергеймъ съ товарищами усиленно отнѣкивались отъ всякихъ сужденій объ измѣненіяхъ въ краѣ, признавая себя не въ правѣ о томъ судить. И тѣмъ не менѣе Государь категорически приказываетъ имъ высказаться: какія улучшенія, слѣдовательно и измѣненія, нужны для страны, въ виду конечно измѣнившихся условій ея существованія. Этими двумя строками личной воли Императора Александра мемуаръ депутатовъ еще болѣе сводится съ того пьедестала quasi-договора, который финскіе писатели стараются ему соорудить. Онѣ еще болѣе удостовѣряютъ, что мемуару депутатовъ дано было не болѣе значенія какъ множеству всякаго рода подобныхъ ему записокъ, подаваемыхъ при всякомъ событіи съ самыми далекими и широкими цѣлями и замыслами, но оставляемыхъ безъ всякаго вниманія.

То, что явилось послѣдствіемъ утвержденной программы вопросовъ, будетъ изложено далѣе. Теперь же обратимся къ генералъ-губернатору, получившему свое основаніе въ тотъ же столь существенный для Финляндіи день 19-го ноября.

ГЛАВА XIX.

Генералъ-губернаторъ и главное правленіе.

Попытки организовать гражданское управленіе Финляндіи, дѣлавшіяся съ самаго вступленія русскихъ войскъ, какъ выше изложено не удавались. Губернаторъ Эминъ, которому дѣло это поручено было главнокомандующимъ, не могъ справиться съ задачей, а тотъ кому оно наиболѣе принадлежало по назначеніямъ изъ Петербурга—Спренгтпортенъ—пробывъ въ Финляндіи около мѣсяца не только ничего не сдѣлалъ, но запуталъ еще болѣе положеніе своими невѣрными сообщеніями и пристрастной критикой.

Нѣсколько позже, вѣроятно въ іюнѣ или въ іюлѣ, нѣкто Турскій (о немъ уже упоминалось) представлялъ свои соображенія объ устройствѣ администраціи Финляндіи. Во главѣ онъ ставилъ особый совѣтъ управленія [1]. «Этотъ совѣтъ, предполагалось, будетъ имѣть пребываніе въ Абовѣ и займется устроеніемъ всѣхъ частей правленія, усовершенствованіемъ всѣхъ сложностей онаго и благоденствіемъ всего края, сообразно видамъ и намѣреніямъ Россійскаго Правительства.» Постановленія его должны были присылаться на усмотрѣніе и утвержденіе Государя. Совѣтъ, по мысли проекта, сформировывался изъ 18 членовъ, т. е. изъ 9 финляндскихъ и 9 русскихъ чиновниковъ. Въ число первыхъ предлагались отчасти извѣстные уже: Тенгстрёмъ, Троиль, Калоніусъ (особо рекомендовался какъ человѣкъ съ рѣдкими свѣдѣніями), и кромѣ того Вибеліусъ — куопіоскій губернаторъ [2], Валеріанъ —

---

[1]) Воен.-Учен. Арх., 1808 г., № 1665, Записка Турскаго.

[2]) См. стр. 141 и 142 этого тома.

совѣтникъ абоскаго гофгерихта, Альфвингъ—директоръ межевой конторы, Радлофъ—секретарь экономическаго общества, Стирнвальдъ—подполковникъ и Вамбергъ—вазаскій губернаторъ.

Авторъ, какъ легко видѣть, плохо былъ освѣдомленъ о политической благонадежности лицъ имъ рекомендованныхъ, ибо нѣкоторыя изъ нихъ прямо заявили себя оппозиціей распоряженіямъ русскаго правительства. Впрочемъ въ дальнѣйшемъ проектъ Турскаго примѣненія не получилъ.

Но до того, въ концѣ февраля, Аракчеевъ какъ извѣстно пріѣзжалъ на короткое время въ Финляндію, и привезъ Спренгтпортену выраженіе довѣрія и благосклонности Императора Александра; при этомъ онъ сдѣлалъ предложенія, исполненіе коихъ тотъ просилъ отложить до занятія Або. Предложенія эти касались, какъ потомъ выяснилось, назначенія Спренгтпортена финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Но съ того времени Або около полутора мѣсяца былъ уже занятъ, а о предположенномъ назначеніи Спренгтпортена главнымъ начальникомъ края никто повидимому не думалъ. Спренгтпортенъ не могъ конечно съ этимъ примириться. Посему не ожидая далѣе онъ не стѣснился самъ заговорить, при томъ непосредственно съ Государемъ.

Предлогомъ послужило взятіе Свеаборга. Въ письмѣ къ Александру Павловичу отъ 25-го апрѣля, поздравляя его съ этимъ событіемъ и находя въ немъ доказательства хорошаго настроенія народа, Спренгтпортенъ прямо приступалъ къ дѣлу. «Теперь—писалъ онъ—наиудобнѣйшее время созвать представителей Финляндіи, назначить генералъ-губернатора для этой страны, удовлетворить ея нуждамъ, устроить ея судьбу.»—Онъ возобновилъ затѣмъ въ памяти Государя причины, по которымъ отказался недавно отъ предложеннаго гр. Аракчеевымъ назначенія.

— «Поведеніе гр. Буксгевдена, явно отмѣченное безпокойною въ отношеніи меня завистью, не позволяло мнѣ надѣяться выполнить съ успѣхомъ обязанности по части подчиненной полномочному генералу, и я долженъ былъ отказаться. Теперь же, когда завоеваніе Финляндіи совершено, военныя въ ней дѣйствія могутъ считаться конченными, и должно приступить къ принятію мѣръ для ея сохраненія, — я почтительнѣйше желалъ бы знать:

каковы будутъ намѣренія Вашего Императорскаго Величества на счетъ меня? Если Вы изволите еще полагать меня годнымъ на что-либо, — послѣдняя капля моей крови будетъ употреблена на службу Вашему Величеству. Настаивая на этомъ я умоляю Ваше Величество не считать меня способнымъ претендовать на что-либо; я желаю лишь быть въ извѣстности о Вашей волѣ, дабы затѣмъ знать что мнѣ дѣлать, съ покорностію во всякомъ случаѣ Вашимъ мнѣ повелѣніямъ» [1]).

Требованіе у Государя отчета въ его намѣреніяхъ по меньшей мѣрѣ заслуживало молчанія. Но на дѣлѣ вышло иначе. Императоръ Александръ правда не согласился съ Спренгтпортеномъ, но любезно отвѣтилъ ему, притомъ довольно скоро [2]). Проектъ рескрипта былъ даже собственноручно написанъ гр. Румянцовымъ.

«Я получилъ ваше письмо отъ 25-го апрѣля и тѣмъ болѣе вамъ признателенъ за привѣтствія по случаю пріобрѣтенія всей Финляндіи, что не сомнѣваюсь въ вашей ко мнѣ привязанности, также какъ вполнѣ знаю ваши желанія успѣха этому предпріятію. Какъ вамъ извѣстно, я имѣлъ намѣреніе предоставить вамъ постъ генералъ-губернатора этой Провинціи, но ваше собственное благоразуміе побудило уклониться отъ него, когда вы замѣтили что между гр. Буксгевденомъ и вами существовало недоразумѣ-

[1]) La conduite de S. E. M-r le comte de Buxhoevden, trop ouvertement marquée au coin d'une jalousie inquiète, ne me permettait pas d'espérer de pouvoir remplir avec succès pour le service un département subordonné aux pleins-pouvoirs de ce général; je devais donc le refuser.—Maintenant que la conquête de Finlande est achevée, que les opérations militaires peuvent être considérées comme finies et que doivent commencer celles qui assurent sa conservation, je désirerais très respectueusement de connaître, quelles seront les intentions de V. M. I-le à mon égard? Si Elle me croit encore en état d'être bon à quelque chose, la dernière goute de mon sang est à son service. En insistant là-dessus, je supplie V. M-té de ne pas me croire capable de vouloir mettre en avant la moindre prétention, je ne désire que d'être instruit de Ses ordres pour savoir à quoi m'en tenir pour m'arranger en conséquence, soumis dans tous les cas à tout ce qu'Elle pourrait ordonner de moi.—Арх. М. Ин. Д. Спренгтп., ad № 10. Письмо отъ 25-го апрѣля 1808.

[2]) 8-го мая.

ніе, которое могло повредить пользѣ моихъ дѣлъ. Это прискорбное несогласіе служитъ причиною тому, что я и теперь лишенъ возможности удовлетворить вашему желанію: пока война продолжается, польза службы требуетъ чтобы военная и гражданская власти были довѣрены лицамъ, способнымъ быть между собою въ добромъ согласіи. Засимъ молю Бога и проч.» [1]).

Такимъ образомъ завѣтное желаніе Спренгтпортена быть первымъ лицомъ въ Финляндіи на этотъ разъ не исполнилось.

Тѣмъ временемъ, для уясненія положенія дѣлъ, состоялся описанный предъ симъ вызовъ депутатовъ. Объ устройствѣ мѣстнаго управленія, которое до войны тяготѣло къ Стокгольму, пошла неизбѣжно рѣчь съ самыхъ же первыхъ поръ появленія финляндцевъ въ Петербургѣ. Разные мемуары посыпались на русскихъ министровъ и не могли не увеличивать смущенія ихъ въ дѣлѣ вовсе имъ неизвѣстномъ, тѣмъ болѣе что разныя свѣдѣнія сообщаемыя по тому же дѣлу главнокомандующимъ, проходя чрезъ злую критику его петербургскихъ враговъ со Спренгтпортеномъ во главѣ, теряли большую часть цѣны.

Когда удаленіе Буксгевдена стало дѣломъ почти несомнѣннымъ, проектъ учрежденія въ Финляндіи генералъ-губернаторства пошелъ вновь и бойко въ ходъ. Голоса раздававшіеся противъ него, и въ особенности противъ Спренгтпортеновскаго въ немъ участія, очевидно не были довольно сильны. Неизвѣстные нынѣ ав-

[1]) Monsieur le général Baron de Sprengtporten, j'ai reçu la lettre que Vous m'avez écrite le 25 avril, et je Vous scais d'autant plus gré des compliments que Vous me faites sur l'acquisition de toute la Finlande, que je ne fais pas de doute de Votre attachement pour moi et que je connais parfaitement les voeux que Vous formez pour le succés de cette entreprise. C'était comme Vous le savez mon intention de Vous accorder le Gouvernement Général de cette Province, mais Votre propre sagesse a fait que Vous Vous en êtes écarté lorsque Vous avez apperçu qu'il regnait entre le comte de Buxhoevden et Vous une mésintélligence qui pourrait nuire au bien de mes affaires. Cette facheuse disharmonie est encore le motif qui me prive du plaisir de deférer à Vos voeux; tant que la guerre durera il est du bien de mon service que l'autorité militaire et l'autorité civile soit confiée à (deux?) personnes faites pour se bien entendre entre elles. Sur ce je prie Dieu...

торы записокъ тогда представленныхъ возражали противъ учрежденія генералъ-губернатора вообще; они говорили что на него будутъ смотрѣть какъ на деспота, а это не согласовалось съ общимъ тогда направленіемъ, которое можно было бы характеризовать гораздо позднѣйшимъ наименованіемъ диктатуры сердца. Авторы совѣтовали, можетъ быть и по недовѣрію къ личности уже намѣченнаго генералъ-губернатора, не возлагать управленія страной на одного этого сановника. а поручить его коллективно главнокомандующему арміей вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ и съ третьимъ еще генераломъ, назначеннымъ ad hoc [1]). Однако то были голоса въ пустынѣ; наличные элементы правительства были вполнѣ въ пользу проекта: Кноррингъ, предназначенный уже на мѣсто Буксгевдена, былъ согласенъ на выдѣленіе гражданской части въ вѣдѣніе Спренгтпортена, союзника его и друга—до первой впрочемъ ссоры. Аракчеевъ, третій и наиболѣе сильный тогда врагъ Буксгевдена, прямо покровительствовалъ этому проекту и не замедлилъ привести его въ дѣйствіе.

При характерѣ Спренгтпортена естественно ожидать, что готовясь вступить въ управленіе Финляндіей, онъ не преминетъ обрисовать предъ Александромъ въ самыхъ яркихъ краскахъ трудность предстоящаго ему подвига, дабы тѣмъ выше и тѣмъ блестящѣе оказались его дѣянія. Такъ дѣйствительно и случилось. Спренгтпортенъ нашелъ нужнымъ сдѣлать видъ, что онъ при крайнемъ будто бы состояніи страны поставленъ въ необходимость обставить свое положеніе извѣстными условіями. Въ мемуарѣ, поданномъ на имя Императора Александра, онъ писалъ [2]):

«Довѣріе, коимъ В. И. В-ву угодно меня удостоить, выражая желаніе чтобы я принялъ на себя гражданское управленіе Финляндіи, обязываетъ меня повергнуть предъ Вами мои по этому предмету мысли прежде нежели осмѣлиться взять на себя бремя столь тяжкое для моихъ лѣтъ [3]) и для малыхъ моихъ способностей. Тягость его зависитъ отъ состоянія, въ коемъ находится

[1]) Camp. Suéd. 1808. Mémoires, лист. 80.

[2]) По обыкновенію по-французски. Приложеніе № 56.

[3]) Спренгтпортену было въ это время 66 или 67 лѣтъ.

страна; физіономія ея въ настоящее время очень отлична отъ того, что было въ началѣ нашего вступленія. В. И. В-во изволите увидѣть изъ этихъ размышленій, позволительно-ли мнѣ надѣяться, что я оправдаю Вашъ выборъ и буду соотвѣтствовать Вашимъ намѣреніямъ? Если таково мое счастіе, я предаюсь душой и сердцемъ Вашимъ повелѣніямъ.»

Бросивъ такимъ образомъ еще одинъ камень въ почти низвергнутаго уже побѣдителя Финляндіи, Спренгтпортенъ продолжалъ развивать свои размышленія:

«Финляндія почти вся покорена успѣхами Вашего оружія, Государь! Остается еще покорить сердца ея жителей, которые болѣе чѣмъ когда-либо отчуждены отъ насъ [1]). Только при справедливомъ управленіи, сообразномъ съ ихъ прежней организаціей и способномъ залечить глубокія раны, нанесенныя минувшими военными дѣйствіями, только при немъ можетъ состояться эта побѣда, столь необходимая для дальнѣйшихъ успѣховъ Вашего оружія.

«Уже въ одномъ изъ предъидущихъ мемуаровъ я имѣлъ честь выразить, и теперь повторяю, что вопросъ не столько въ военныхъ мѣропріятіяхъ, сколько въ тѣхъ, кои должны быть пущены въ ходъ чтобы расположить въ свою пользу общественное мнѣніе, пріобрѣсти благосклонность (la bienveillance) и покорить умы, дабы въ предстоящемъ собраніи получить въ свою пользу средства необходимыя для дальнѣйшаго распространенія нашихъ успѣховъ, если-бы обстоятельства того потребовали. Ибо въ концѣ концовъ, если извѣстныя Вамъ, Государь, политическія событія не приведутъ къ полюбовному окончанію этой борьбы, лишь въ сердцѣ Швеціи можете Вы упрочить покореніе Финляндіи. Если-бы даже эта идея показалась химерическою, всетаки хорошо было бы упрочить ее въ странѣ, которая съ удовольствіемъ видитъ удаленіе войны отъ нея.

«Но до сихъ поръ никакія мѣры не были направлены въ этомъ смыслѣ; напротивъ, многія насилія исходившія отъ дурно-

[1]) Надо не забывать, что въ это время только успѣло улечься упорное возстаніе и пріостановилась жестокая партизанская война.

ознакомленной военной власти ожесточили умы и возмутили людей наиболѣе благонамѣренныхъ; эта власть посягнула на личную безопасность (!), на общественное довѣріе (!), она уничтожила вѣру въ правительство обходя его объявленія, контракты, капитуляціи; она разрушила надежду поданную первою прокламаціею, мудро соображенною [1]) съ характеромъ народа извѣстнаго по свободѣ мнѣній; однимъ словомъ, эти насилія опрокинули и перепутали всѣ права; ничто изъ того что было обѣщано не было исполнено, и В. В-во конечно будете удивлены, узнавъ что благородныя пособія, которыя Ваше великодушіе назначило на вознагражденіе за грабежи (pillages), совершенные при первыхъ столкновеніяхъ,— еще ожидаются страждущими. Такую картину представляетъ въ эту минуту страна, разоренная во многихъ своихъ частяхъ, гдѣ однако надлежитъ продовольствовать армію, черезчуръ можетъ быть многочисленную для мѣстныхъ средствъ, въ виду послѣдовавшихъ уже военныхъ событій.»

Кто ознакомился изъ всего предъидущаго изложенія съ личностію и образомъ дѣйствій Спренгтпортена, тотъ не затруднится узнать въ приведенной тирадѣ этого мстительнаго и честолюбиваго старика. На тѣхъ самыхъ дняхъ, когда онъ писалъ и подавалъ этотъ свой доносъ на Буксгевдена, его соотечественники— финляндскіе депутаты—хотѣли благодарить Государя именно за то, что Буксгевденъ былъ поставленъ во главѣ арміи, и что этою послѣдней былъ соблюденъ возможный порядокъ. Если слова ихъ не были сказаны, то исключительно изъ-за придворной осторожности Салтыкова, цензуровавшаго приготовленную рѣчь. Въ своемъ мѣстѣ были приведены отзывы частныхъ лицъ въ ихъ интимной перепискѣ, судя по которымъ распоряженія Буксгевдена безусловно вызывали симпатію и доброе расположеніе. Ниспроверженіе правъ, нарушеніе обѣщаній и капитуляцій и другія «ужасныя» слова не безъ основанія разсчитаны были на впечатлительность Александра. Здѣсь конечно, и прежде всего, подразумѣвалось отнятіе бостельныхъ имѣній отъ женъ и семействъ тѣхъ офицеровъ, кои продолжали сражаться противъ

[1]) Ее, какъ объяснено, сочинялъ самъ Спренгтпортенъ.

Россіи: мѣра двукратно, при посредствѣ Румянцова, не только утвержденная Императоромъ Александромъ, но и предписанная къ исполненію не ожидая новыхъ повелѣній, хотя и до самаго удаленія Буксгевдена неприведенная въ исполненіе. Далѣе подразумѣвались полевые суды, которые во время повсемѣстной партизанской войны конечно не могли передать своей обязанности мѣстнымъ гражданскимъ судамъ. Капитуляціи конечно также не могли сохранять своей силы когда сдавшіеся вновь шли въ ряды возставшаго противъ Русскихъ населенія и усугубляли силу мятежа. Съ благороднымъ будто-бы негодованіемъ говорилось о бѣдствіяхъ разоренныхъ жителей, которые естественно должны были платиться за оказанное сопротивленіе,—и вовсе умалчивалось о бѣдствіяхъ русскихъ войскъ, бивуакировавшихъ на жестокомъ морозѣ, питавшихся за неимѣніемъ провіанта кореньями и всякою дрянью, падавшихъ отъ изнуренія и отъ измѣннических выстрѣловъ и всевозможныхъ засадъ того самаго населенія, которое будущій генералъ-губернаторъ желалъ выставить столь несчастнымъ и угнетеннымъ. Были недоразумѣнія и промедленія въ денежныхъ разсчетахъ по поставкамъ, но въ военное время можетъ-ли быть иначе? Однако русскія власти все-таки разсчитывались болѣе или менѣе точно, хотя могли бы, по праву побѣдителя, брать все нужное безъ всякихъ разсчетовъ и уплатъ. Можно было бы долго возражать на вопли мстительнаго старика, но, повторяемъ, клеветы его достигали цѣли,—а это для него только и требовалось.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи своего мемуара, переходя къ средствамъ ближе ознакомиться съ бѣдствіями, картиною которыхъ онъ такъ старательно возмущалъ Императора Александра, и со средствами помочь въ этихъ бѣдствіяхъ, Спренгтпортенъ находилъ что конечно депутація, бывшая теперь въ Петербургѣ, могла бы кое-что предложить, такъ какъ въ ней есть нѣсколько дѣльныхъ головъ и честныхъ людей. Но забывая что депутація вызвана по его же указанію, онъ въ одинъ голосъ съ депутатами не стѣснился заявлять о нелегальности ея избранія и неспособности выполнить важную задачу ей предлежавшую. Единственный путь спасенія—созваніе сейма.—«Генеральное и конституціон-

ное собраніе, на которое будутъ вліять люди самые благонам
ренные; великодушіе, благотворительность и самое присутст
В. И. В-ва — вотъ что нужно; это единственный путь, могущ
привести къ полному соединенію умовъ, которыхъ настоящее с
стояніе неувѣренности держитъ еще удаленными отъ насъ. Н
ступившая зима, завершивъ военныя дѣйствія, представляе
время наиболѣе удобное для этой мѣры, и я отвѣчаю за самы
благодѣтельныя отъ нея послѣдствія для службы В. В-ва.»
Спренгтпортенъ былъ въ извѣстномъ отношеніи правъ: сеймъ с
единилъ умы; но насколько устранилось удаленіе ихъ отъ Ро
сіи и насколько это соединеніе было полезно для «службы Е
Величества», т. е. для пользы Россіи, — такъ какъ не можетъ бы
иной службы Государя кромѣ попеченія о благѣ его госуда
ства, — это вопросъ, на который отвѣчаютъ новѣйшія отношен
Финляндіи къ Россіи.

Въ вопросѣ о порядкѣ управленія страной Спренгтпортенъ п
видимому долженъ бы быть въ сильномъ разнорѣчіи съ депут
ціей, предводитель которой Маннергеймъ приписывалъ ему каки
то «турецкіе» проекты. Но въ запискѣ своей Государю Спренг
портенъ пѣлъ съ депутаціей рѣшительно въ унисонъ. — «Было б
не только безполезно, но даже и опасно дѣлать какія-нибудь н
вovведенія во время войны» — говорилъ онъ. Такое соображен
истекало изъ того, что по мнѣнію этого нѣкогда сотрудника Г
става III въ низверженіи конституціи, а потомъ врага короля
защитника будто-бы конституціи, — эта послѣдняя была верхо
совершенства. При ней, дѣйствительно, олигархія расцвѣла пы
нымъ цвѣтомъ, а дворянство сдѣлало себѣ изъ государства о
рочную статью, хотя прочіе классы и особенно крестьянство пр
шли въ разореніе. Поэтому Спренгтпортенъ внушалъ Государ
«Финляндія пользуется, вмѣстѣ съ Швеціей, тою же констит
ціею и управляется тѣми же законами, которые въ отношен
благосостоянія и безопасности гражданъ достигли мудрост
націи, бывшей сама себѣ законодательницею, такого соверше
ства, какое только человѣчески возможно. Нельзя замѣнить и
ничѣмъ лучшимъ». Столь довольный законами, которые приве
Швецію послѣ блестящихъ временъ Густава-Адольфа въ сове

шенный упадокъ, Спренгтпортенъ не находилъ нужнымъ останавливаться на томъ, что Финляндія была только нѣкоторою частію Швеціи; что въ качествѣ провинціи въ ней примѣнялись шведскіе законы, но оттого сама она еще не была Швеціею, т. е. не воплощала въ себѣ всего шведскаго государства, которому одному только принадлежали верховныя права и власть. Со вступленіемъ Финляндіи въ составъ Россійской Имперіи и съ водвореніемъ въ качествѣ русской провинціи, о чемъ уже всему міру было торжественно объявлено,—верховныя права переходили отъ Швеціи къ Россіи и послѣдняя, а не Финляндія, становилась на мѣсто Швеціи. Вопросъ требовалъ глубокаго и всесторонняго разсмотрѣнія, начиная съ того что Швеція была государство съ весьма ограниченною монархическою властію, а весь строй Россіи зиждился на основахъ самодержавія,—и кончая тѣмъ, что шведскій король по конституціи былъ обязательно лютеранскаго исповѣданія, а русскій императоръ былъ Царь православный. Финляндіи могли быть сохранены въ возможно широкой мѣрѣ ея прежніе коренные законы и привилегіи, но государство ее покорившее имѣло свои безспорныя права, съ которыми финляндскіе прежніе порядки должны были быть согласованы. Во всякомъ случаѣ, отъ завоеванія Финляндіи Россія должна была получить выгоды, а не ущербъ, и Александръ I это высказалъ въ манифестѣ по заключеніи мира съ Швеціей, притомъ въ выраженіяхъ недопускающихъ сомнѣній.

Но Спренгтпортенъ не находилъ нужнымъ глядѣть на дѣло съ этой точки зрѣнія, которая не привела бы къ его цѣли. А потому, и сумѣвъ внушить Императору Александру мысль о настоятельной необходимости устранить вліяніе на гражданскую администрацію военной власти, онъ представилъ на его усмотрѣніе планъ временнаго управленія. Съ этимъ планомъ сразу вносилась фальшь въ отношенія Финляндіи къ новому ея государству. Спутывая, конечно не безъ намѣренія, значеніе провинціальныхъ и центральныхъ органовъ власти, что предложилъ онъ? Онъ предложилъ «учредить временное правленіе (Régence provisoire) по образцу стокгольмскаго, замѣнившаго тамошній сенатъ по его упраздненіи, для сужденія «въ послѣдней инстанціи» по тѣмъ дѣламъ, кои

будутъ Е. И. Величествомъ предложены на его разсмотрѣніе, и давать въ нихъ отчетъ непосредственно Государю». Спренгтпортенъ благоразумно умалчивалъ: гдѣ учредится этотъ органъ высшей государственной власти? Въ образцѣ, по которому строился проектъ, этотъ органъ находился въ столицѣ Швеціи, и относился ко всему государству. Логически ему слѣдовало быть въ Петербургѣ, если даже функція распространялась на одну только новую провинцію. Это было тѣмъ основательнѣе, что въ столицѣ былъ уже сенатъ, вѣдавшій въ качествѣ высшей инстанціи судебныя и другія дѣла всей Имперіи, въ томъ числѣ и схожихъ съ Финляндіею, бывшихъ прежде также подъ шведской конституціею балтійскихъ провинцій. Но Спренгтпортену это было не съ руки, и онъ счелъ за лучшее спутать понятія. Онъ предложилъ въ предсѣдатели этого верховнаго трибунала — вновь учреждаемаго генералъ-губернатора, т. е. себя самого,—и тѣмъ сразу переносилъ центръ тяжести изъ столицы въ провинцію. Сообразно съ тѣмъ проектированъ и составъ правленія.—«Этотъ трибуналъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, будетъ образованъ изъ членовъ взятыхъ въ самой націи и наиболѣе извѣстныхъ какъ ихъ способностями и патріотизмомъ, такъ и желаніемъ единенія съ Россіей.» Въ отношеніи къ порядку избранія этихъ членовъ, обязанностей, штата и всего прочаго до нихъ касающагося, Спренгтпортенъ изъявилъ готовность представить особый мемуаръ, какъ только основная мысль будетъ одобрена.

Бросивъ такимъ образомъ совершенно слегка въ нѣсколькихъ словахъ разрѣшеніе вопроса капитальнѣйшей важности, Спренгтпортенъ тотчасъ же перешелъ въ своемъ мемуарѣ къ предмету, на который Императоръ Александръ естественно и неизбѣжно долженъ былъ обратить особенное вниманіе. Онъ заговорилъ о снабженіи войскъ провіантомъ, о транспортировкѣ продовольствія и о прочихъ относящихся къ тому предметахъ. Здѣсь онъ, похваливъ обоихъ своихъ друзей: и новаго главнокомандующаго Кнорринга, и военнаго министра Аракчеева, въ то же время не замедлилъ дать въ благовидной формѣ и лишній шагъ финляндцамъ передъ русскими еще разъ устраняя послѣднихъ отъ дѣла. «Что касается всего относящагося до продовольствія войскъ

и перевозки жизненныхъ припасовъ въ разныя мѣста сообразно ходу операцій, то по этимъ предметамъ я спеціально переговорю съ главнокомандующимъ. Извѣстное благоразуміе этого просвѣщеннаго генерала, одушевленнаго, также какъ и я, одинаковымъ рвеніемъ связать интересы службы съ облегченіемъ жителей, устраняетъ для меня всякія опасенія на этотъ счетъ. Мысли мои по сему предмету я представлю въ большей подробности тогда, когда средства страны мнѣ будутъ лучше извѣстны. До того времени предложу только:

«1) чтобы всякаго рода контракты были гарантированы военнымъ министромъ, энергическій и законный надзоръ коего внушилъ уже наилучшее довѣріе;

«2) чтобы платить наличными деньгами;

«3) чтобы разсчеты по перевозкѣ дѣлались чрезъ посредство лицъ избранныхъ въ самыхъ тѣхъ губерніяхъ гдѣ исполняются поставки, дабы избѣжать безпорядковъ происходящихъ отъ русскихъ коммисаровъ, которые не зная языка часто оставляютъ крестьянъ безъ уплаты.»

Будущій генералъ-губернаторъ легко разрѣшилъ вопросы: русскій военный министръ всею своею энергіей обезпечитъ вчерашнихъ и даже сегоднишнихъ враговъ въ томъ, что они ни въ чемъ не потерпятъ ущерба, а что все понесетъ на себѣ русская казна; русскій министръ финансовъ озаботится, чтобы эти враги не потерпѣли даже ни малѣйшей задержки въ слѣдущихъ имъ платежахъ и получали наличными. На войнѣ конечно можетъ встрѣтиться недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ; въ такомъ случаѣ изъ мемуара явствуетъ что слѣдовало предпочесть финляндцевъ русскимъ. Далѣе предложено русскихъ коммисаровъ, путающихъ будто бы языки, устранить отъ денегъ и передать послѣднія мѣстнымъ финляндцамъ. Но тѣ въ свою очередь не знаютъ русскаго языка; какъ же они будутъ отчитываться передъ русскими чиновниками? Отчетность непремѣнно запутается, примѣръ чему былъ даже съ генераломъ Виллебрантомъ по поставкѣ хлѣба; но до этого Спренгтпортену тоже нѣтъ дѣла. Во всякомъ случаѣ, безусловно требуя всякихъ гарантій отъ русскаго правительства,— отъ побѣдителя, онъ не обмолвился ни однимъ даже намекомъ на

то: какія гарантіи въ исполнительности будутъ съ финской стороны, со стороны побѣжденнаго [1]).

Спренгтпортенъ коснулся въ своемъ мемуарѣ и вопроса «о монетѣ». До того времени въ шведской Финляндіи изъ бумажныхъ денегъ были въ обращеніи, по объясненію Спренгтпортена, только банко-специи и риксдалеры. Естественно, что незнакомые въ странѣ бумажные рубли не могли разсчитывать на полное довѣріе и должны были, при обыкновенныхъ условіяхъ, терять на курсѣ. Спренгтпортенъ признавалъ значительныя отъ того потери для интересовъ Имперіи вообще и для арміи въ частности, и предлагалъ немедленно же учредить, на средства казны, банковыя конторы съ достаточными средствами въ Гельсингфорсѣ и въ Або, дабы приличными операціями пустить въ оборотъ наши ассигнаціи и мало по малу изъять изъ обращенія шведскія бумажки. Хотя Спренгтпортенъ не излагалъ подробнѣе своихъ по этому вопросу мыслей, и надо думать имѣлъ о немъ не довольно опредѣленное понятіе, тѣмъ не менѣе нельзя не признать что мысль сама по себѣ была вѣрна и, бывъ полезна мѣст-

[1]) Хозяйственная администрація осталась въ финскихъ рукахъ. Затѣмъ получались слѣдующіе о ней отзывы. 22-го іюля 1809 г. замѣнившій уже Спренгтпортена Барклай-де-Толли писалъ: «губерніи вазаская, куопіоская и улеаборгская конечно истощены отъ военныхъ дѣйствій и безпрерывныхъ переходовъ войскъ. Хотя Его В-ву угодно было приказать купить знатное количество хлѣба для вспоможенія бѣднымъ, но отъ недѣятельности земскаго здѣшняго правительства обыватели мало воспользовались монаршею милостію».—8-го авг. гр. Аракчеевъ писалъ Сперанскому, что приказанія перваго не могутъ быть исполнены «по причинѣ великихъ безпорядковъ во всѣхъ частяхъ здѣшняго земскаго правленія и паче по части финансовъ, которые такъ запущены, что немалое время и терпѣніе нужно, чтобы нѣкоторымъ образомъ привесть ихъ въ порядокъ».—Въ 1810 г. заступившій Барклая-де-Толли, генералъ-губернат. Штейнгель просилъ разрѣшенія «хотя въ убытокъ продавать нерозданный хлѣбъ для возврата 400.000 руб. (отпущенныхъ изъ госуд. казначейства по ходатайству и въ руки Спренгтпортена), безъ всякаго хозяйственнаго распоряженія и безъ малѣйшей бережливости израсходованныхъ.»—(Изъ бумагъ Сперанскаго, бывшихъ потомъ въ финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ).

ному населенію, имѣла существенное значеніе и для русскаго правительства въ его видахъ.

Наконецъ Спренгтпортенъ не могъ обойти молчаніемъ дѣла крайне ему близкаго по его дворянско-финскимъ сословнымъ отношеніямъ. «Мнѣ остается сказать—писалъ онъ—относительно мѣры примѣненной къ плѣннымъ офицерамъ водворенным во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Правда, съ нѣкоторыми изъ нихъ, отказавшимися принести вѣрноподданническую присягу, слѣдовало поступить съ такою строгостію. Однако между этими военными находится лучшая часть общества, въ большинствѣ землевладѣльцы; отсутствіе ихъ огорчаетъ семейства и производитъ очень замѣтное неудовольствіе (!). Полагаю что надо отмѣнить эту мѣру, производящую дурное политическое вліяніе. Возвращеніе этихъ военныхъ въ ихъ дома, откуда они и вышли-то противъ воли, въ силу долга чести котораго нельзя поставить имъ въ преступленіе,—это возвращеніе, говорю я, повліяетъ чувствительнымъ образомъ на умы и произведетъ самый счастливый эффектъ особенно въ такую минуту, когда приступлено будетъ къ созыву народнаго собранія. Оно дастъ вмѣстѣ съ тѣмъ благопріятный поводъ объявить эту милость, не нарушая установленнаго принципа.» Война еще не была кончена, а Спренгтпортенъ домогался «для эффекта» освобожденія изъ плѣна даже такихъ офицеровъ, которые не хотѣли присягнуть новому Государю, т. е. упорствовали въ преданности Швеціи и были открытыми врагами Россіи!

Странно было бы, если бы получая назначеніе, Спренгтпортенъ не позаботился о своемъ личномъ положеніи. Поэтому онъ заключилъ свой мемуаръ такими словами:

«Не вхожу здѣсь ни въ какія подробности, лично меня касающіяся, также какъ моего штата и моихъ обязанностей, отдавая себя въ этомъ случаѣ инструкціямъ и великодушію В. И. В-ва. Вамъ не безъизвѣстно, что для представительства съ успѣхомъ и достоинствомъ на столь высокомъ постѣ нужны средства превышающія мое состояніе.» Впрочемъ онъ обусловилъ ожидаемыя отъ Государя щедроты однимъ пунктомъ: «я желаю только сохранить за собою свободу въ выборѣ людей, которые

должны помогать мнѣ въ исполненіи Вашихъ повелѣній», и это для того—«дабы въ возможной скорости представить Вамъ, Государь, народъ покорный и спокойный, достойный великодушныхъ о немъ и о его счастіи попеченій Вашего любящаго сердца».

Вотъ содержаніе мемуара-программы. Въ итогѣ она представлялась очень немногосложною. Крайнее порицаніе существующаго положенія; учрежденіе какъ-бы мѣстнаго, а въ существѣ высшаго правительственнаго органа, безъ тѣни даже присутствія русскаго элемента въ его составѣ; учрежденіе банковыхъ конторъ на русскія средства; нѣкоторыя условія продовольствія русскихъ войскъ къ выгодѣ мѣстнаго населенія, и льготы плѣнымъ финскимъ офицерамъ. Этимъ исчерпывался весь проектъ административной организаціи завоеваннаго края.

Когда именно подалъ или передалъ Спренгтпортенъ Государю этотъ мемуаръ свой—неизвѣстно, но безъ сомнѣнія уже по возвращеніи его изъ Эрфурта, т. е. въ послѣднихъ числахъ октября или въ первыхъ ноября: въ мемуарѣ упоминается о присутствующей уже въ Петербургѣ депутаціи. Получивъ одобреніе своихъ основныхъ мыслей, Спренгтпортенъ успѣлъ представить и болѣе подробный планъ управленія; даже этотъ планъ въ свою очередь успѣлъ быть разсмотрѣнъ въ особомъ комитетѣ и утвержденъ Александромъ уже 19 ноября. На всю работу потребовалось слѣдовательно двѣ—три недѣли.

Въ связи съ такою быстротою хода дѣла и съ содержаніемъ первоначальнаго мемуара, естественно что и болѣе подробный «планъ» его оказывается въ сущности весьма поверхностнымъ произведеніемъ. «Plan pour un gouvernement provisoire en Finlande» состоялъ изъ 17-ти параграфовъ, изъ коихъ 8 были посвящены собственно «управленію», а 9—генералъ-губернатору. Содержаніе ихъ слѣдующее [1]:

§ 1. Правительственный Комитетъ состоитъ изъ 12-ти членовъ финляндцевъ; ему принадлежитъ общая администрація края.

§ 2. Комитетъ дѣлится на 4 департамента или отдѣленія:

---

[1]) Французскій текстъ см. Приложеніе № 56 bis.

военный—вѣдаетъ прежнее военное устройство и полицію,

внутреннихъ дѣлъ,

юстиціи — окончательная инстанція для высшихъ судовъ абоскаго и вазаскаго (гофгерихтовъ);

финансовъ и торговли.

§ 3. Каждое отдѣленіе состоитъ изъ 3 членовъ, секретарей и пр.

§ 4. Члены избираются на половину изъ дворянства и изъ прочихъ сословій.

§ 5. Назначеніе на 3 года; въ случаѣ продолженія войны—новое избраніе или утвержденіе прежнихъ членовъ, но не болѣе трехъ разъ.

§ 6. Недостойный членъ исключается изъ комитета по докладу Государю и замѣщается до слѣдующаго выбора генералъ-губернаторомъ.

§ 7. «Дѣла будутъ производиться, за невозможностію поступить иначе, на нынѣ господствующемъ въ краѣ языкѣ; но когда попеченіями правительства будутъ учреждены школы русскаго языка, этотъ языкъ въ качествѣ главнаго будетъ введенъ вообще въ дѣлопроизводство вмѣстѣ съ финскимъ, какъ языкомъ народнымъ».—Текстуально.

§ 8. О назначеніи въ комитетъ предсѣдателя по избранію Государя.

§ 9. Генералъ-губернаторъ назначается Е. И. В-вомъ. Онъ есть начальникъ Правительственнаго Комитета, въ коемъ онъ, когда признаетъ нужнымъ, и предсѣдательствуетъ.

§ 10. «Представляя собою власть государя, онъ (генералъ-губернаторъ) одинъ отвѣтственъ за добрый порядокъ и справедливость; онъ наблюдаетъ за ними и поддерживаетъ средствами ему ввѣренными, въ чемъ и даетъ отчетъ Императору и Его министрамъ».

§ 11. Всѣ чиновники края состоятъ въ его распоряженіи; на должности губернаторовъ онъ представляетъ къ утвержденію Его Величества способнѣйшихъ.

§ 12. Въ отсутствіе генералъ-губернатора текущія дѣла поручаются предсѣдателю Комитета.

§ 13. При генералъ-губернаторѣ состоятъ три секретаря для

корреспонденціи на трехъ употребительныхъ языкахъ (шведскомъ, финскомъ, русскомъ).

§ 14. Три старшихъ офицера въ качествѣ адъютантовъ.

§ 15. По реорганизаціи финляндской арміи она въ качествѣ милиціи будетъ состоять подъ особымъ начальствомъ генералъ-губернатора.

§ 16. Мѣстопребываніе генералъ-губернатора, на время войны—тамъ гдѣ обстоятельства потребуютъ, а по установленіи затѣмъ болѣе прочнаго порядка—по указанію Его Величества,

и § 17. Генералъ-губернатору предоставляется подносить на утвержденіе Государя необходимыя дополненія, дабы дать Комитету болѣе устойчивую и полезную организацію (pour donner à ce Comité la constitution stable et utile qui doit répondre à Ses intentions).

Изъ этого изложенія плана легко видѣть, что отзывъ Маннергейма о желаніи Спренгтпортена устроить себѣ въ Финляндіи пашалыкъ не былъ далекъ отъ истины. Онъ сосредоточивалъ въ себѣ абсолютную власть. Члены высшаго комитета, хотя и избираемые изъ финляндцевъ, ставились въ полную отъ него, генералъ-губернатора, зависимость: они могли быть удалены по представленію его, Спренгтпортена, и замѣщались уже безъ всякаго даже контроля по его же усмотрѣнію. Всѣ служащіе были въ полной отъ него зависимости. Онъ получалъ начальство и надъ комитетомъ,—начальство, предѣлы котораго совершенно не опредѣлялись. Въ планѣ, какъ легко видѣть, Спренгтпортенъ пошелъ далѣе чѣмъ въ первоначальномъ мемуарѣ; тамъ онъ дѣлалъ генералъ-губернатора предсѣдателемъ комитета; но предсѣдательство имѣетъ преимущество только одного лишняго голоса при счетѣ. Онъ устранялъ теперь это ограниченное право и ставилъ себя уже выше комитета—его начальникомъ. Все, и люди и средства края поступали такимъ образомъ въ безусловное распоряженіе Спренгтпортена. Въ свое время въ одномъ изъ докладовъ Государю онъ говорилъ съ нѣкоторою нескрытою надменностію, что Финляндія поступала подъ «деспотическую» [1])

[1]) Мемуаръ 17-го марта 1808, Прилож. № 52.

власть Россіи; между тѣмъ своимъ проектомъ управленія онъ присвоивалъ себѣ именно чисто деспотическую власть.

И тѣмъ не менѣе Спренгтпортенъ не могъ обойти двухъ капитальной важности постановленій, которыя неизбѣжно истекали изъ положенія Финляндіи, тогда для всѣхъ естественнаго и никѣмъ не оспореннаго,—изъ положенія «русской провинціи». Шведскій языкъ сохранялся лишь временно, какъ переходная мѣра, пока государственный русскій языкъ не войдетъ въ общее употребленіе, о чемъ правительству и предуказывалось озаботиться устройствомъ русскихъ школъ. Второе—представленіе отчетовъ о ходѣ дѣлъ Государю и «Его министрамъ», т. е. признаніе безусловной подчиненности Финляндіи высшему русскому правительству. Самъ борецъ за автономію Финляндіи не имѣлъ такимъ образомъ въ эту пору поползновенія на «государственную» обособленность.

Излишне входить въ частное, болѣе подробное разсмотрѣніе отдѣльныхъ пунктовъ настоящаго проекта: то былъ легкій набросокъ весьма поверхностнаго свойства. Самые капитальные его пункты, напр. о порядкѣ избранія членовъ комитета, о начальствованіи генералъ-губернатора въ высшихъ судебныхъ дѣлахъ и т. п., не только не развиты какъ слѣдовало бы, въ виду отношенія ихъ ко всему населенію или къ цѣлымъ общественнымъ слоямъ, но даже и не намѣчены сколько нибудь опредѣленно.

Тѣмъ не менѣе въ такомъ видѣ проектъ или «планъ» Спренгтпортена вмѣстѣ съ мемуаромъ получилъ дальнѣйшій ходъ. Для его разсмотрѣнія былъ образованъ упомянутый уже особый комитетъ изъ военнаго министра Аракчеева, новаго главнокомандующаго въ Финляндіи Кнорринга и самого Спренгтпортена.

Разсмотрѣніе это было дѣломъ чисто формальнымъ и нисколько не отозвалось на сущности проекта. Вліяніе Аракчеева сказалось лишь въ спеціально военно-хозяйственныхъ подробностяхъ. Во всемъ прочемъ, притомъ главнѣйшемъ, проектъ вышелъ изъ комитета весь цѣликомъ, нерѣдко въ тѣхъ же выраженіяхъ въ какихъ былъ внесенъ. Къ пунктамъ взятымъ изъ плана прибавлены въ концѣ пункты упоминавшіеся въ мемуарѣ,—и дѣло

было кончено. При этомъ Спренгтпортенъ побудилъ ультра-консервативнаго Аракчеева подписаться подъ своими мыслями о «сдѣланіи генеральнаго и конституціоннаго собранія»,—которое, не далѣе 5-ти мѣсяцевъ назадъ, было признано за излишнее Высочайшимъ повелѣніемъ. Министръ самодержавнаго монарха такимъ образомъ, опираясь на какія-то безъ сомнѣнія ему уже вовсе неизвѣстныя конституціи, находилъ возможнымъ прямо отмѣнить волю своего Государя. Явленіе знаменательное: оно свидѣтельствовало о той путаницѣ понятій, которая была въ сознаніи правительственныхъ органовъ, стоявшихъ при дѣлѣ. Отсутствіе Румянцова несомнѣнно сказывалось.

Въ виду извѣстнаго значенія составленнаго на этой основѣ «Положенія о учрежденіи главнаго правленія въ новой Финляндіи» оно приводится здѣсь полностію. Оригиналъ написанъ, en régard, по-французски и по-русски.

D'après les ordres Suprêmes de Votre M. I-le, le Ministre de la Guerre et les Généraux d'Infanterie Knorring et le Baron de Sprengtporten examinèrent un plan, accompagné d'un très humble mémoire, que ce dernier a présenté sur l'établissement d'un Gouvernement provisoire en Finlande et resolurent unanimemant ce qui suit.

1) Il sera établi un Comité de Régence provisoire en Finlande, qui aura une influence superieure sur l'administration du pays, sous les ordres immédiats du Gouverneur Général.

2) Le Comité sera composé de 12 membres, choisis dans la nation, moitié dans l'ordre equestre, moitié parmi les autres ordres de

Исполняя Высочайшее повелѣніе В. И. В-ва Военный Министръ и Генералы отъ Инфантеріи Кноррингъ и Баронъ Спренгтпортенъ разсматривали представленный послѣднимъ изъ нихъ при особой всеподданнѣйшей запискѣ планъ о учрежденіи главнаго правленія въ Финляндіи, и общимъ мнѣніемъ положили.

1) Учредить Комитетъ Главнаго Правленія Финляндіи, который бы имѣлъ верховное вліяніе на управленіе землею подъ непосредственнымъ начальствомъ Генералъ-Губернатора.

2) Комитету сему состоя подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Губернатора изъ 12 членовъ избранныхъ въ нар

l'état, sous la présidence du Gouverneur Général.—L'état de la chancéllerie du Comité et la fonction de chaque employé seront exposés par le général Sprengtporten, suivant les besoins locaux du pays.

3) Le Comité sera divisé en quatre départements, savoir: a) *le départ. militaire*, auquel seront soumis tous les objets, concernant l'ancienne constitution militaire, ainsi que la police intérieure du pays, avec tout ce qui peut y avoir rapport; b) *le départ. des affaires intérieures*, qui s'occupera à diriger tout ce qui appartient à l'économie civile, anciennement du ressort du Collége Caméral, c) *Le département de justice* sera tenu à l'expédition en dernier ressort de tous les objets émanans des deux cours de justice suprême, à Abo et Wasa; d) *le départ. des finances et du commerce* qui réglera la recette et la dépence, d'après les institutions établies. De cette manière chaque département sera composé de trois membres qui auront les titres de Conseillers suivant leur fonctions respectives, comme: Conseillers de Guerre, Caméraux de Justice et de Commerce.

4) Les Nobles seront élus par

половина коихъ должна быть дворянъ, а другая изъ прочихъ состояній. Штатъ Канцеляріи Комитета и должность каждаго чина изъяснены будутъ генераломъ Спренгтпортеномъ по усмотрѣнію мѣстныхъ надобностей.

3) Комитетъ раздѣлить на четыре департамента: а) *Военный*, коему подчинить предметы относящіеся до древней военной конституціи, а такъ же и внутреннюю полицію земли со всѣмъ тѣмъ, что можетъ до сего касаться; b) *Внутреннихъ дѣлъ* для управленія тѣми дѣлами гражданскаго хозяйства, коими завѣдывала прежде Камеральная Коллегія; с) *Юстиціи*, для окончательнаго рѣшенія предметовъ происходящихъ отъ двухъ вышнихъ юстицкихъ мѣстъ въ Або и Вазѣ; d) *Финансовъ и Коммерціи*, который распорядитъ доходы и расходы по основаннымъ заведеніямъ. Такимъ образомъ каждый департаментъ имѣть будетъ 3-хъ членовъ подъ названіемъ Совѣтниковъ по порядку департаментовъ: т. е. военные, камеральные, Юстиціи и Коммерціи Совѣтники.

4) Дворянъ избирать на три

la totalité de leur ordre et choisis parmi les propriétaires les mieux connus, pour trois ans. Le même principe aura lieu pour les membres de la seconde classe; mais aucun membre ne pourra être élu plus de trois fois.

5) Si l'un des membres se rend coupable de quelque manière que ce soit, il en sera fait rapport à V. M. I-le, qui daignera en ordonner l'exclusion et la vacance sera remplacée par le Gouverneur Général jusqu'à l'élection prochaine.

6) Toutes les affaires se traiteront dans la langue du pays actuellement dominante, jusqu'à ce que la langue Russe soit mise en usage; de même toutes les loix d'après lesquelles la Finlande fut gouvernée, y seront en vigueur.

7) Concernant le Gouverneur Général de la Finlande, étant choisi par l'Empereur, et gouvernant le pays suivant les loix et les moyens qui lui sont confiés, lui seul est responsable du bon ordre et de la justice; c'est pourquoi tous les employés civils en général lui seront subordonnés et resteront à sa disposition; mais pour la place des Gouverneurs il présentera au choix de Son Auguste Souverain deux candidats, qu'il aura jugé les plus capables

года изъ всей сложности между помѣщиками наиболѣе извѣстными, равномѣрно и членовъ втораго класса; но никакой членъ не можетъ быть избранъ болѣе трехъ разъ.

5) Членъ исключается изъ сего званія за какой-либо противозаконный поступокъ съ Высочайшаго разрѣшенія по представленію Генералъ-Губернатора, который между тѣмъ долженствуетъ замѣстить его вакансію до слѣдующаго выбора.

6) Всѣ дѣла производить на нынѣ употребляемомъ въ Финляндіи языкѣ, доколѣ войдетъ въ употребленіе Россійскій, и по законамъ, коими доселѣ Финляндія управляема была.

7) Относительно Генералъ-Губернатора Финляндскаго, то онъ, какъ избранная Государемъ особа, управляя всею землею по закону и довѣренности ему данной, одинъ отвѣтствуетъ за хорошее устройство, порядокъ и правосудіе. Для чего подчиняются ему всѣ вообще гражданскіе чины, коихъ самъ онъ опредѣляетъ и увольняетъ, кромѣ Губернаторовъ, въ каковое званіе избирая извѣстныхъ ему по усердію и способности,

pour en être revêtus, par leur zèle et leurs talents.

8) L'état du Gouverneur Général consistera en trois aides de camps employés auprès de lui pour des différantes commissions militaires et en trois secrétaires, dont l'un sera le chef des autres.

9) En temps de paix le Gouverneur Général aura une place fixe, mais durant la guerre il se transportera partout où les circonstances l'exigeront. Le Comité de Régence provisoire en Finlande sera établi jusqu'à nouvel ordre à Tavasthus.

10) Quand les circonstances permettront la réorganisation de l'armée finlandaise, soit d'après son ancienne constitution ou autrement, ces trouppes, comme milice du pays, seront sous le commandement spécial du Gouverneur Général.

11) Le Gouverneur Général présentera par les Ministres toutes les affaires qui sont de leur ressort et recevra par la même voie les ordres Suprêmes de Son Souverain.

12) Pour tout ce qui peut régarder l'approvisionement des trouppes, l'achât et le transport des vivres, la distribution des quar-

двухъ кандидатовъ представляетъ на Высочайшее утвержденіе.

8) Штатъ Генаралъ-Губернатора составляютъ три адъютанта для разныхъ по воинской части порученій, и три секретаря, изъ коихъ одинъ будетъ начальникомъ прочихъ.

9) Генералъ-Губернатору въ мирное время назначится всегдашнее мѣстопребываніе, но въ военное присутствуетъ онъ тамъ, гдѣ обстоятельства наиболѣе потребуютъ. Комитету же Главнаго Правленія въ Финляндіи быть впредь до усмотрѣнія въ Тавастгусѣ.

10) Когда послѣдуетъ преобразованіе финляндской арміи по древней ея конституціи или другимъ какимъ образомъ, тогда войска составляющія милицію сей земли, находиться должны подъ особеннымъ начальствомъ Генералъ-Губернатора.

11) Генералъ - Губернаторъ представляетъ всѣ дѣла по ихъ принадлежности чрезъ Министровъ, отъ коихъ равнымъ образомъ получаетъ и Высочайшія повелѣнія.

12) Генералъ-Губернатору по званію своему быть въ неразрывной связи съ главнокомандующимъ арміею, по назначе-

*

tiers, la marche non interrompue des trouppes et en un mot, dans tout ce qui pourra avoir rapport à la partie civile pour les interêts et le bon ordre de l'armée, le Gouverneur Général s'abouchera avec le commandant en chef de l'armée; dans le cas contraire, lui seul en est responsable.

нію коего распоряжаетъ онъ продовольствіе войскъ, покупки провіанта и фуража, транспорты, располагаетъ войска на квартирахъ, учреждаетъ порядочное и безостановочное слѣдованіе оныхъ; однимъ словомъ содѣйствуетъ единодушно по гражданской части пользамъ и доброму состоянію арміи; а за противное тому и отвѣтствуетъ уже одинъ Генералъ-Губернаторъ.

13) Après que le Gouverneur Général sera entré en fonction, il prendra connaissance des ressources du pays pour le soulagement des habitants. Connaissant les sacrifices que la couronne est obligée de faire maintenant pour l'approvisionement des trouppes, il s'empressera sûrement d'apprendre les moyens d'arranger des achâts sur les lieux en compensation des denrées qu'on y envoie d'ici. En conséquence les objets présentés par le général Sprengtporten seront confirmés d'avance, savoir: que les contracts en tout genre seront garantis par le Ministre de la Guerre; que les payements se feront en argent comptant, et qu'enfin la liquidation des transports se fasse par des personnes choisies dans les gouvernements et non par des commis-

13) По вступленіи въ должность, Генералъ-Губернатору откроются способы земли къ народному продовольствію и избытки ея. Извѣстно ему теперь будучи съ какимъ пожертвованіемъ казны происходитъ снабженіе войскъ жизненными припасами, онъ конечно не оставитъ пріискивать средства къ замѣнѣ посылаемыхъ отсель продуктовъ мѣстною покупкою. На сей конецъ благовременно утверждаются представляемые Генераломъ Барономъ Спренгтпортеномъ предметы, а именно: чтобы контракты имъ доставляемые утверждалъ Военный Министръ, чтобы плату производить наличными деньгами, и наконецъ, чтобы разсчеты въ платежѣ за транспорты чинимы были людьми избранными въ

aires russes, qui n'entendant pas a langue peuvent souvent occaionner de la confusion.

14) Pour ce qui regarde les ransports de la Couronne nous vons crû nécessaire d'abolir les ayements qui se faisaient jusu'à présent par werstes, et l'établir ceçi dorénavant de la nanière suivante: le Gouverneur Général en désignant le nombre les chevaux de relais pour le transport des vivres, fixera généralement le payement pour toute la distance par sac. Aprés que les gens, attachés aux relais auront fourni le transport à l'endroit marqué et reçu de l'officier auquel ils seront adressés la quittance sur la réception exacte du certain nombre de sacs, ils retourneront dans leurs places, où le Gouverneur Général ordonnera de les satisfaire en faisant payer ce qui revient à chacun. C'est pour quoi le Ministre de la guerre ne fournira la somme nécessaire aux transports qu'au Gouverneur Général, d'après l'avis préalable qu'il aura de lui sur sa totalité.

C'est en cela que consiste l'abrégé des principes généraux qui doivent servir de base à l'administration de la Finlande. Le Gouverneur Général présentera dans

губерніяхъ, а не русскими комисарами, которые по незнанію языка могутъ повести разное неустройство.

14) Относительно казенныхъ транспортовъ, признали мы нужнымъ отмѣнить существующій теперь платежъ поверстно; но на будущее время установить сіе такимъ образомъ: Генералъ-Губернаторъ, дѣлая нарядъ подводъ къ перевозкѣ провіанта, опредѣлитъ плату генерально за все разстояніе съ куля. Подводчики доставивъ въ назначенное мѣсто транспортъ, получаютъ тамъ квитанцію отъ чиновника къ коему адресованы будутъ, въ исправномъ только пріемѣ отъ нихъ извѣстнаго числа кулей и возвращаются въ свое мѣсто, гдѣ Генералъ-Губернаторъ и прикажетъ удовлетворить ихъ подлежащими деньгами. Для сего всю сумму на траспорты Военный министръ и доставляетъ одному уже Генералъ-Губернатору по предварительному его извѣщенію о количествѣ оной.

Въ семъ заключается краткое начертаніе общихъ правилъ, долженствующихъ служить основаніемъ къ управленію Финляндіею. Генералъ-Губернаторъ

la suite les augmentations nécessaires pour donner à ce Comité la constitution stable et utile aux intentions et aux interêts de V. M. I-le. En outre les mesures suivantes sont reconnues comme essentielles pour le moment.

15) Il sera établi dans la Finlande nouvellement conquise une assemblée générale et constitutionnelle, composée de députés de toutes les classes. Elle découvrira les idées ainsi que les besoins de la nation, les moyens d'amélioration et la manière d'établir la bonne harmonie parmi les esprits Finois, éloignés pour ainsi dire par la situation incertaine dans laquelle ils se trouvent actuellement. Cette assemblée se fera au mois de Janvier à Lovisa, et s'arrangera en conséquence sans perdre de temps. Après quoi la députation qui est maintenant ici et qui c'est faite au préjudice des loix et de la confiance nationale pourra être congédiée.

16) Afin que cet appel national fasse plus d'impression, on fera retourner quelques officiers prisoniers confinés dans l'intérieur de la Russie.—Le Ministre de la guerre communiquera au Général Sprengtporten le régistre qui con-

представитъ впослѣдствіи времени нужныя прибавленія къ составленію полной инструкціи Комитету, которая соотвѣтствовала бы намѣреніямъ и пользамъ В. В-ва. На теперешній же разъ признаются необходимыми сверхъ того слѣдующія еще средства.

15) Сдѣлать въ новопріобрѣтенной Финляндіи Генеральное и Конституціонное собраніе изъ депутатовъ всѣхъ состояній. Оно откроетъ мысли и надобности народа, средства къ поправленію и согласитъ умы Финновъ, удаленные можно сказать по нынѣшнему ихъ неизвѣстному состоянію. Собраніе сіе сдѣлать въ Генварѣ мѣсяцѣ, слѣдовательно распорядиться къ тому не теряя времени и мѣстомъ сбора назначить Ловизу. Послѣ чего депутація здѣсь находящаяся, въ противность закона и безъ народной довѣренности прибывшая, можетъ быть распущена.

16) Чтобы при семъ народномъ созывѣ сдѣлать болѣе впечатлѣнія, то возвратить нѣкоторыхъ плѣнныхъ офицеровъ внутрь Россіи разосланныхъ. Военный Министръ снабдитъ Генерала Спренгтпортена имян-

tiendra les noms de ces officiers, et quant à ce dernier, après son arrivée en Finlande, il marquera d'après le régistre ceux des officiers qu'il faudra faire retourner et adressera le tout au Ministre pour la confirmation de V. M. I-le.

нымъ объ нихъ спискомъ; а онъ по прибытіи въ Финляндію сдѣлаетъ назначеніе въ спискѣ, кого возвратить изъ тѣхъ офицеровъ и доставить оное Министру для всеподданнѣйшаго В. И. В-ву доклада.

17) On établira à Helsingfors et Abo des comptoirs de Banque aux frais de la couronne avec des fonds suffisants, qui mettraient nos assignats en crédit, et les papiers Suèdois hors de circulation.

17) Учредить въ Гельзингфорсѣ и Або казенныя и банковыя конторы съ достаточными суммами, которыя бы исподволь вывели изъ употребленія Шведскія бумажки, а ввели наши ассигнаціи.

Signé: Comte Araktchéeff, Baron de Sprengtporten, Bogdan de Knorring.

Подлинное подписали: Графъ Аракчеевъ, Баронъ Спренгтпортенъ, Богданъ Кноррингъ.

С.-Петербургъ, 19-го ноября 1808 года.

Постановленіе комитета, можно сказать почти безграмотное, нисколько не пополнило первоначальнаго Спренгтпортеновскаго плана. Самое опредѣленіе функціи комитета «который бы имѣлъ верховное вліяніе (influence supérieure) на управленіе землею» могло только еще болѣе спутать понятія. Правда, здѣсь, въ отмѣну проектированнаго въ планѣ, точно выражено что генералъ-губернаторъ предсѣдательствуетъ въ комитетѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранено и выраженіе о томъ, что комитетъ дѣйствуетъ «подъ непосредственнымъ начальствомъ генералъ-губернатора». Въ редакціи параграфовъ не только не достигнута большая опредѣлительность, но, какъ легко видѣть при первомъ даже взглядѣ, явились новыя неопредѣленности. Впрочемъ входить въ подробное ихъ разсмотрѣніе нѣтъ нужды.

Положеніе поднесено Аракчеевымъ и утверждено Императоромъ Александромъ 19-го ноября надписью «быть по сему». Но въ самомъ текстѣ, противъ 11-го параграфа положена особая резолюція. На ней слѣдуетъ остановиться.

Параграфомъ 11-мъ установлялось, что генералъ-губернаторъ

представляетъ всѣ дѣла по принадлежности чрезъ министровъ, отъ коихъ равнымъ образомъ получаетъ высочайшія повелѣнія. Противъ этого параграфа Александръ Павловичъ сдѣлалъ слѣдующую надпись: «*кромѣ сего пункта, всѣ же представленія дѣлать ко мнѣ*». Это изъятіе оказалось чреватымъ послѣдствіями. Въ дальнѣйшія времена все что въ Финляндіи желало возможно удалиться и отдѣлиться отъ Россіи, забывая всѣ ея права, хваталось за эту надпись. Примѣняя систему обобщеній дошли до того, что усмотрѣли въ этой помѣтѣ полное основаніе для теоріи личной уніи. Въ этихъ видахъ Ю. Коскиненъ, въ своемъ изданіи оффиціальной переписки Спренгтпортена (1882 г.), которому предпослано кромѣ финскаго и французское предисловіе о Финляндіи какъ отдѣльномъ государствѣ (état séparé), помѣщаетъ Положеніе 19-го ноября 1808 г. съ объясненною надписью на первомъ мѣстѣ, не упоминая ни о какихъ другихъ данныхъ сюда относящихся, кои давали бы этимъ нѣсколькимъ словамъ принадлежащее имъ значеніе.

Въ сущности, хотя и нельзя не пожалѣть о надписи Александра съ русской точки зрѣнія, какъ о поводѣ къ зарожденію тѣхъ противогосударственныхъ недоразумѣній, которыя разрослись съ теченіемъ времени опираясь на нее,—она ни къ чему однако коренному не обязывала и въ существѣ предрѣшала весьма немного. Если бы въ этомъ направленіи хода дѣлъ лежала система, сознательное обособленіе Финляндіи въ отдѣльную единицу, оно выразилось бы болѣе опредѣленно въ формѣ какого-либо акта, манифеста, или хотя бы указа: ими столь богатъ былъ именно 1808 г., когда Аракчеевъ, вступивъ въ управленіе военнымъ министерствомъ, наводнилъ Полное Собраніе Законовъ множествомъ высочайшихъ повелѣній по разнымъ случаямъ. Настоящее Положеніе шло также черезъ руки Аракчеева и имъ докладывалось Государю. Въ данномъ случаѣ выразилось только желаніе Императора Александра обратить личное вниманіе на направленіе, которое получатъ дѣла въ новопріобрѣтенномъ краѣ, о неустройствѣ коихъ получались до того отъ враговъ Буксгевдена самыя неблагопріятныя вѣсти. Весьма вѣроятно что и Спренгтпортенъ, при удобномъ случаѣ, склонялъ Государя въ такомъ направленіи. Около этого времени депутаты духовенства, исполняя ин-

струкціи, подавали свое ходатайство о непосредственномъ внесеніи на высочайшее усмотрѣніе представленій ихъ консисторій. Пользуясь имъ, Спренгтпортенъ могъ побуждать Александра къ такому направленію тѣмъ болѣе, что при немъ его собственное вліяніе и значеніе только усиливались, притомъ очень значительно. Однако вліяніе на финляндскія дѣла русскихъ министровъ никакъ не устранялось. Уже самое учрежденіе банковыхъ конторъ на счетъ русской казны, которое Александръ одобрилъ безусловно, при томъ съ цѣлію вывести изъ употребленія шведскія бумажки и ввести «*наши*» ассигнаціи, говорило прямо о томъ, что русскому государственному казначею предстояло въ Финляндіи прямое и жизненное дѣло. Въ другомъ, точно также безусловно апробованномъ пунктѣ (16-мъ), относительно возврата плѣнныхъ офицеровъ, указывался порядокъ назначенія таковыхъ и заключался повелѣніемъ Спренгтпортену: «доставить оное (т. е. назначеніе) Министру для всеподданнѣйшаго доклада».—Въ п. 13-мъ о порядкѣ заготовленія провіанта, говорилось именно: «чтобы контракты имъ (генералъ-губернаторомъ) доставляемые утверждалъ Военный Министръ».

Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не замѣтить, что Александръ отмѣнилъ собственно только первую часть 11-й статьи, хотя и написалъ вообще «кромѣ сего пункта»; повелѣвъ вносить всѣ представленія прямо къ нему, онъ не предуказалъ однако пути которымъ повелѣнія его будутъ объявляться. Возвратясь изъ Эрфурта онъ былъ вполнѣ очарованъ Сперанскимъ, бывшимъ при немъ во время путешествія. Можетъ быть уже тогда являлась ему мысль поручить молодому статсъ-секретарю ближайшія при себѣ занятія по дѣламъ вновь пріобрѣтеннаго края. Вскорѣ, въ концѣ 1808 г., всѣ бумаги финляндской депутаціи переданы Сперанскому, а затѣмъ генералъ-губернаторъ Спренгтпортенъ, хотя и писалъ свои французскіе доклады на имя Государя, но сносился собственно со Сперанскимъ, также какъ и съ другими министрами, и многія дѣла шли неизбѣжно черезъ нихъ [1]).

[1]) Не только архивныя дѣла, но и опубликованные документы, напр. Correspondance officielle de Sprengtporten, изданная Ю. Коскиненомъ, удостовѣряютъ что переписка по дѣламъ Финляндіи велась и доклады

Въ Императорѣ Александрѣ желаніе ближе видѣть финляндскія дѣла было вполнѣ естественно и по другимъ причинамъ. Изъ этихъ послѣднихъ мы устраняемъ соображеніе о томъ, чтобы онъ положительно самъ хотѣлъ дать Финляндіи конституціонную форму правленія. Безъ сомнѣнія онъ не имѣлъ опредѣленнаго на этотъ счетъ и твердаго представленія, въ чемъ свидѣтельствовало между прочимъ то одобрявшееся, то отмѣнявшееся предположеніе о созывѣ финляндскаго сейма. Оставляя эту мысль въ сторонѣ, легко найти объясненіе образа дѣйствій Александра. Онъ не довѣрялъ теперешнимъ своимъ министрамъ, а прежнихъ близкихъ совѣтниковъ уже не было при немъ. Графъ (позднѣе князь) Кочубей, бывшій со дня учрежденія министерствъ въ 1802 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, оставилъ незадолго предъ тѣмъ портфель и уѣхалъ въ отпускъ; знаменитый «тріумвиратъ», или какъ въ шутку называлъ его Императоръ Александръ—comité du salut public—совсѣмъ распался. Новосильцовъ, личный докладчикъ при Государѣ по всѣмъ дѣламъ и управлявшій дѣлами комитета министровъ, теперь былъ назначенъ сенаторомъ и устраненъ отъ всѣхъ докладовъ; Строгоновъ, бывшій товарищемъ министра при Кочубеѣ, съ начала кампаніи 1807 г. вступилъ въ военную службу. Чарторижскій, товарищъ при государственномъ канцлерѣ гр. Воронцовѣ, сохранилъ только званіе попечителя виленскаго учебнаго округа. Трощинскій, довѣренный съ начала царствованія человѣкъ, еще три года назадъ оставилъ службу. Теперь при дѣлахъ стояли большею частію люди незначительные. Кромѣ Аракчеева, который начиналъ входить въ силу, но имѣлъ дѣла исключительно военнаго вѣдомства, и министра иностранныхъ дѣлъ гр. Румянцова, теперь отсутствовавшаго, министры были заурядные. Относительно гр. Салтыкова, товарища гр. Румянцова по министерству иностранныхъ дѣлъ, самъ Императоръ Александръ довольно легко отзывался въ письмахъ къ Румянцову [1]). Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ

по нимъ Императору Александру представлялись Сперанскимъ въ теченіе всѣхъ трехъ лѣтъ съ конца 1808 г. и до начала 1812 года.

[1]) См. собственнор. письмо Императора Александра къ гр. Румянцову отъ 15-го августа 1809 г. въ Арх. М. Ин. Д., Négociations de paix, листъ 165.

лишь незадолго назначенъ кн. Куракинъ, который не могъ еще заслужить достаточно довѣрія. Государственный казначей Голубцовъ былъ человѣкъ слабый. Оставался одинъ Сперанскій—личный статсъ-секретарь, который и получилъ вскорѣ дѣла финляндскія въ ближайшее вѣдѣніе. Въ качествѣ товарища министра юстиціи, въ какой должности Сперанскій теперь состоялъ, онъ имѣлъ повидимому всѣ шансы направлять дѣла вполнѣ легальнымъ путемъ [1]).

Въ утвержденіи «Положенія» состоялся первый актъ, которымъ полагалось основаніе внутренней администраціи Финляндіи. Одновременно, 19-го ноября, подписанъ слѣдующій указъ на имя Спренгтпортена на русскомъ языкѣ, контрасигнированный военнымъ министромъ Аракчеевымъ [2]).

«Господину Генералу отъ Инфантеріи Барону Спренгтпортену.

«Утвердивъ составленное вами, обще съ военнымъ министромъ и генераломъ отъ инфантеріи Кноррингомъ положеніе о учрежденіи Главнаго Правленія въ новой Финляндіи, и по особой довѣренности Моей къ вамъ возлагая на васъ управленіе оною по Гражданской части, Я препровождаю означенное Положеніе съ тѣмъ чтобы оно служило вамъ на первый случай руководствомъ въ новой должности. Извѣстная опытность ваша и приверженность къ Россіи [3]) покажутъ вамъ на мѣстѣ болѣе способовъ къ управленію Финляндіею, и къ содѣланію жителей ея вѣрными подданными, и вамъ останется только о всѣхъ новыхъ заведеніяхъ на пользу ихъ и отечества представлять Мнѣ, въ полной надеждѣ что благосостояніе финляндцевъ столько же для меня дорого, какъ и прочихъ моихъ подданныхъ. Я надѣюсь что Финны, одуше-

---

[1]) Выс. повелѣн. объявленное Сперанскимъ кн. Куракину 28-го декабря 1808 г. Прил. № 85.

[2]) Въ Архивѣ М. Ин. дѣлъ, corr. Sprengtporten, 1808, ad 15, онъ имѣется въ современной той эпохѣ копіи. Согласно съ этою копіей, указъ напечатанъ по-русски въ Corresp. off. de M. de Sprengtporten изд. Коскинена. У Кастрéна—шведскій переводъ съ измѣненіемъ ниже указаннымъ.

[3]) Въ шведскомъ переводѣ «*ко Мнѣ*»—till Mig.—Castrén, Skildringar, стр. 111.

вленные таковымъ залогомъ Моего объ нихъ попеченія, и имѣя і
лицѣ вашемъ своего представителя, скоро почувствуютъ пер
мѣну ихъ положенія и содѣлаются достойными тѣхъ попеченій

«Въ С.-Петербургѣ. Ноября 19-го дня 1808 года.»

Получивъ окончательное назначеніе на столь давно желанны
постъ, Спренгтпортенъ объявилъ о немъ въ Финляндіи циркул
ромъ, въ которомъ являлся довѣреннымъ отъ Государя лицоі
для искорененія золъ, причиненныхъ будто бы военнымъ упра
леніемъ Буксгевдена, и провозвѣстникомъ созванія сейма. Во
содержаніе этого циркуляра отъ 11-го декабря 1808 г., изданна
на шведскомъ языкѣ [1]).

«До свѣдѣнія Его И. В-ва дошли тѣ многочисленные безп
рядки, злоупотребленія и притѣсненія, которыя явились какъ п
слѣдствіе соединенія гражданскаго управленія страны съ упра
леніемъ главнокомандующаго арміей. Такое соединеніе было н
обходимо въ виду военныхъ операцій; теперь же оно прекращаетс
ибо страна на всемъ протяженіи завоевана, народъ покоренъ ск
петру Е. И. В-ва и дѣла приходятъ къ болѣе прочному окончанії

«Посему Е. И. В-во, озабочиваясь уготовленіемъ блага всѣ
безъ исключенія своихъ вѣрныхъ подданныхъ, высочайше пов
лѣть изволилъ учредить особую должность начальника, которь
имѣлъ бы о семъ высшее законное попеченіе, при содѣйствіи вр
меннаго правленія состоящаго изъ наиболѣе свѣдущихъ мѣс
ныхъ уроженцевъ. Для избранія ихъ, а также и для прочихъ дѣ
кои могутъ потребовать устройства, Е. И. В-во рѣшилъ созва
общій сеймъ какъ скоро то будетъ возможно, для чего время
мѣсто впередъ будутъ назначены.

«Сообщая о семъ вамъ для всеобщаго свѣдѣнія, и на осн
ваніи всемилостивѣйшаго на мое имя рескрипта Е. И. В-ва,
Іёранъ Магнусъ Спренгтпортенъ, генералъ отъ инфантеріи, дѣ
ствительный камергеръ, кавалеръ орденовъ св. Александра Не
скаго и св. Анны 1 степ., и большаго креста Мальтійскаго Орден

---

[1]) Castrén, Skildringar, ibid., стр. 111.

и кавалеръ шведскаго ордена Меча [1]) и пр.,—нынѣ вступаю въ должность генералъ-губернатора бывшей шведской Финляндіи, со всѣми къ ней относящимися губерніями.»

Спренгтпортенъ получилъ новое и видное положеніе, которое, казалось, на склонѣ дней предоставило ему все, чего онъ жадно добивался болѣе 20 лѣтъ. Онъ дѣлался безаппеляціоннымъ повелителемъ страны, гдѣ онъ такъ страстно желалъ властвовать. Все повидимому обезпечивало ему успѣхъ: благосклонность Императора Александра казалось была отдана ему безусловно; доброжелательство Аракчеева вмѣстѣ съ дружбою новаго главнокомандующаго не подлежали сомнѣнію, и обѣщали самое полное взаимнодѣйствіе въ распоряженіи страной, только что завоеванной не ихъ руками.

Самыя мнѣнія соотечественниковъ, прежде довольно двусмысленныя, приняли теперь въ лицѣ выдающихся финляндцевъ форму сочувственную новому сановнику. Тотъ самый Маннергеймъ, который высказывалъ, что «тяжела была необходимость совѣщаться съ осужденнымъ на смерть землякомъ, надѣлавшимъ своему отечеству столько зла», – тотъ Маннергеймъ, который писалъ о намѣреніи «этого господина самовластвовать въ Финляндіи подобно турецкому пашѣ»,—этотъ самый Маннергеймъ говорилъ теперь совсѣмъ другимъ языкомъ. «Турецкій» проектъ былъ принятъ полностію, а благородный Маннергеймъ писалъ уже Румянцову: «большое счастіе для Финляндіи и особенная для нея милость Е. И. В-ва заключается въ томъ, что ей данъ нынѣ генералъ-губернаторъ, который съ непоколебимымъ рвеніемъ къ службѣ своего Государя соединяетъ еще столько любви и привязанности къ своей родной странѣ» [2]). Здѣсь Маннергеймъ и про себя могъ бы сказать, какъ прежде про Спренгтпортена, sed tempora mutantur.

Штатъ генералъ-губернатора составился по инструкціи 19-го ноября, т. е. изъ трехъ адъютантовъ и трехъ секретарей. Въ

[1]) Спренгтпортенъ былъ, какъ извѣстно, приговоренъ къ смертной казни за измѣну Швеціи; очевидно шведскій, тѣмъ болѣе военный, орденъ Меча былъ съ него снятъ.

[2]) Записка Маннергейма отъ 28-го декабря 1808 г. Арх. М. Ин. Дѣлъ, Déput. finland., mémoires, лист. 70.

числѣ первыхъ были Краминъ, состоявшій при Спренгтпортенѣ въ весеннюю его поѣздку при главной квартирѣ, и бывшій шведской службы маіоръ Гриппенбергъ [1]); ему сохранено полное содержаніе которымъ онъ пользовался на шведской службѣ, прочимъ жалованье по чину и содержаніе наравнѣ съ офицерами дѣйствующей арміи. Въ первые секретари, съ тѣмъ чтобы онъ былъ начальникомъ остальныхъ двухъ, Спренгтпортенъ взялъ также состоявшаго при немъ коллежскаго ассесора *Древновскаго*, котораго рекомендовалъ отлично. Вторымъ секретаремъ былъ назначенъ *Лагель*, состоявшій прежде при русской миссіи въ Стокгольмѣ, а потомъ при финскихъ депутатахъ. Онъ владѣлъ русскимъ языкомъ такъ же какъ шведскимъ и финскимъ, и Спренгтпортенъ находилъ его полезнымъ для дѣлопроизводства на этихъ языкахъ. Содержаніе назначено первому секретарю въ 1.500, а обоимъ другимъ по 1.000 руб. металлическихъ; по такой же суммѣ, но ассигнаціями, выдано имъ на подъемъ и путевыя издержки. При Спренгтпортенѣ состоялъ еще нѣкій титулярный совѣтникъ *Ледунъ*, которому предоставлено также 1.000 р. на путевые расходы [2]). Что касается до 3-го секретаря, то Спренгтпортенъ желалъ взять для этого назначенія кого-либо изъ мѣстныхъ уроженцевъ, свѣдущаго въ законахъ и обычаяхъ страны [3]).

---

[1]) Corresp. off., стр. 34, № 23, письмо на русскомъ языкѣ къ гр. Аракчееву.

[2]) Стр. 50 и 81, № 38, 1 и 2. Corr. off. de M. Sprengtp., Коскинена.

[3]) Относительно денежнаго положенія самого Спренгтпортена въ качествѣ генералъ-губернатора, можно думать что на этотъ счетъ со стороны русскихъ министерствъ не было особенной податливости. За прежнее время онъ получалъ изъ государственнаго казначейства пенсія по 5.493 р., согласно указу Кабинету отъ 25-го января 1802 г., съ дополненіемъ курса, считая рубль въ 50 штиверовъ (около 10.000 р. асс.). Въ мемуарѣ объ учрежденіи финляндскаго генералъ-губернаторства онъ поручалъ личное свое положеніе великодушію Императора Александра; но въ теченіе мѣсяца со дня назначенія (19-го ноября) ничего сдѣлано не было. Въ рапортѣ отъ 16-го декабря 1808 г. (Corr. off., стр. 42, № 31) онъ опять упоминалъ о своемъ содержаніи. Но должно быть и это не подѣйствовало, такъ какъ по вступленіи уже

Отмѣтимъ здѣсь кстати, что хотя такимъ образомъ штатъ генералъ-губернаторской канцеляріи сформировался, Спренгтпортенъ продолжалъ однако оффиціальную переписку по французски. Это вызвало со стороны Аракчеева выраженіе желанія, чтобы новый генералъ-губернаторъ сносился съ нимъ по-русски. Но Спренгтпортенъ сослался на то, что у него нѣтъ еще третьяго секретаря для корреспонденціи спеціально на этомъ языкѣ и что поэтому онъ проситъ чтобы военный министръ допустилъ продолженіе прежняго порядка, т. е. сноситься по-французски съ приложеніемъ русскаго перевода [1]). У Спренгтпортена были Древновскій, Лангель которые знали по русски, послѣдній даже былъ оффиціальнымъ переводчикомъ; онъ ожидалъ третьяго секретаря собственно для финской внутренней корреспонденціи, и тѣмъ не менѣе далъ такой отвѣтъ. Уже изъ этого эпизода слѣдовало

Сперанскаго въ завѣдываніе финляндскими дѣлами, т. е. въ январѣ 1809 г., представляя списокъ 11-ти дѣлъ по которымъ не получено еще высочайшаго разрѣшенія, онъ упоминалъ о томъ, что «Е. В-во удостоитъ милостиво опредѣлить генералъ-губернатору столовыя деньги, дабы поставить его въ возможность принимать и угощать жителей столь обширной Провинціи прилично и достойно великаго Государя» (déterminer l'Argent de Table du Gouverneur Général afin de le mettre en état de recevoir et de traiter convenablement et d'une manière digne d'un grand Souverain les habitans d'une Province étendue (стр. 69 ibid.).» Въ январѣ наконецъ пожаловано Спренгтпортену изъ государственнаго казначейства 10.000 р. подъемныхъ, и по 5.000 р. въ мѣсяцъ на экстраординарные расходы (стр. 82, № 3, и 197, № 53). Но въ какомъ размѣрѣ были назначены ему столовыя деньги, того изъ дѣлъ не видно; во всякомъ случаѣ онъ просилъ объ ассигнованіи ихъ не бумажками, а монетою. Въ отпускѣ этихъ денегъ также происходила задержка, такъ что полученіе ихъ за январь и февраль онъ вынужденъ былъ поручить женѣ (стр. 185, № 40). Потомъ дѣло затянулось справками о размѣрѣ финляндскихъ доходовъ, и Спренгтпортену предоставлено брать свои столовыя на счетъ экстраординарной суммы (стр. 197, 8).

[1]) Au ministre de la guerre, C-te Aracczejeff, le 3 décembre 1808.. comme jusqu'à ce moment je ne me suis pas encore choisi le troisième secrétaire qui doit m'être attaché particulièrement pour cette langue, je prie V. Exc. de vouloir bien trouver bon, que je continue en attendant à avoir l'honneur de V. écrire en français, avec la traduction russe à coté.

предвидѣть, насколько приложитъ Спренгтпортенъ старанія къ водворенію въ Финляндіи русскаго языка. Между тѣмъ ему же предоставляли спеціальную о томъ заботу.

Еще оставаясь въ Петербургѣ Спренгтпортенъ повелъ уже довольно обширную переписку по дѣламъ новаго своего вѣдѣнія,— въ томъ числѣ и о предстоящемъ сеймѣ, къ чему вскорѣ и предстоитъ обратиться. Уѣхалъ онъ на мѣсто новаго назначенія лишь 28-го января 1809 г.

ГЛАВА XX.

Финляндская депутація. — Конецъ занятій.

Отвѣчая на поставленные ей, приведенные выше вопросы [1]), финляндская депутація представила на имя Государя прошеніе, которымъ въ 17-ти пунктахъ излагала нужды страны требовавшія по ея мнѣнію наибольшаго вниманія. Прошеніе было изложено бар. Маннергеймомъ по-французски, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ. Его подписали тѣ же лица, что и первый мемуаръ, трое дворянъ: Маннергеймъ, Роткирхъ и Сильвершольдъ, двое духовныхъ, четверо купцовъ и трое крестьянъ. Незнавшіе французскаго языка подписывали очевидно по довѣрію къ составителямъ.

Такъ какъ документъ этотъ имѣетъ существенное значеніе для характеристики отношеній къ Россіи, въ которыхъ стояли тогда финляндцы, нелишне будетъ привести его здѣсь полностію въ точномъ переводѣ [2]).

Государь! Финскіе депутаты спѣшатъ повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества ихъ почтительнѣйшія и покорнѣйшія благодаренія за милость и высокую благосклонность, съ которою В. В-во обращаете свои благотворныя попеченія на все, что касается новыхъ Вашихъ подданныхъ.

«Милостивое обѣщаніе В. И. В-ва созвать въ скорости сословія Финляндіи, дабы имъ позволено было высказать предъ

---

[1]) Т. II, стр. 219.

[2]) Арх. М. Ин. Д., Camp. Suèd., Députation finlandaise, 1808, листъ 71 и посл. Подлинный французскій текстъ см. Приложеніе № 133.

Трономъ ихъ мнѣнія о благѣ отечества, есть лучшее ручательство въ сохраненіи нашей свободы и нашихъ законовъ, и еще разъ свидѣтельствуетъ о величіи души нашего возлюбленнаго Монарха; озабоченный нашимъ счастіемъ онъ побѣждаетъ всѣ препятствія, торопитъ и такъ сказать считаетъ минуты, задерживающія теченіе его благоволенія.

«Депутаты пріемлютъ (vont recevoir) съ глубочайшею почтительностію всемилостивѣйшее дозволеніе указать тѣ предметы, въ которыхъ они желали бы видѣть милость В. И. В-ва явившеюся на помощь и облегченіе новыхъ Вашихъ подданныхъ. Воодушевленные любовью къ отечеству и съ чистыми намѣреніями, мы спѣшимъ такимъ образомъ вручить отеческимъ попеченіямъ В. И. В-ва слѣдующіе предметы, представляющіеся намъ наиболѣе существенными для счастія страны въ настоящее время.

«1) Для общественнаго спокойствія необходимо, чтобы подъ покровительствомъ Государя законы сохраняли силу, личная безопасность была уважаема, и вполнѣ соблюдено священное право не быть безъ законныхъ формъ ни задержаннымъ, ни наказаннымъ. Подъ благодѣтельнымъ скипетромъ Александра Перваго это основаніе всякой гражданской свободы не будетъ никогда поколеблено, и такъ какъ театръ войны въ настоящее время удалился отъ насъ, можно полагать что строгость военныхъ законовъ не будетъ болѣе столь необходима, и виновные будутъ отсылаться въ обыкновенные суды страны.

«2) Для сужденія и рѣшенія въ послѣдней инстанціи процессовъ и дѣлъ, вносившихся прежде по аппеляціи въ высшую палату и въ коллегіи Стокгольма, кажется намъ, было бы настоятельно необходимо образовать временное управленіе изъ наиболѣе способныхъ и безукоризненныхъ людей націи.

«3) По распоряженію главнокомандующаго цѣна ассигнаціоннаго рубля опредѣлена у насъ въ 32 шведскихъ шиллинга. Но какъ въ послѣднее время рубль потерялъ въ цѣнности сравнительно съ шведскою банковою монетою, то нужно бы, намъ кажется, отмѣнить означенное распоряженіе какъ вредное для бѣднѣйшихъ людей, и для общественнаго довѣрія установить чтобы стоимость рубля опредѣлялась впредь по курсу С.-Петербурга.

какъ и въ остальной Имперіи. Учрежденіе въ странѣ размѣнныхъ кассъ и большее количество мелкихъ билетовъ, также какъ и мѣдной монеты, должно во многомъ облегчить внутреннюю торговлю.

«4) Такъ какъ налоги и казенные доходы еще не вполнѣ установлены, депутатамъ кажется что теперь было бы наиболѣе полезно прекратить сборъ налоговъ, пока предстоящій сеймъ не организуетъ окончательно это щекотливое дѣло

«5) Въ виду того, что подводная повинность (для перевозки транспортовъ) принадлежитъ къ числу неудобствъ причиняющихъ наиболѣе безпорядковъ, было бы желательно чтобы это неизбѣжное бремя было болѣе равномѣрно распредѣлено между городами и деревнями; чтобы крестьяне были увѣдомляемы о томъ заблаговременно и если можно за нѣсколько дней; чтобы по прибытіи ихъ они не были задерживаемы безъ крайней надобности, и не были заставляемы слѣдовать далѣе, или въ другія мѣста кромѣ тѣхъ, кои назначены въ распубликованныхъ приказахъ; чтобы причитающіяся имъ деньги были немедленно уплачиваемы. чтобы съ ними обращались кротко и справедливо подъ начальствомъ гражданскихъ правительственныхъ чиновниковъ.

«6) Депутаты съ глубочайшей почтительностію испрашиваютъ у В. И. В-ва, чтобы согласно данному милостивому обѣщанію, тѣ изъ мирныхъ жителей финновъ, кои понесли ущербъ отъ войскъ В. И. В-ва, были въ скорѣйшемъ времени вознаграждены по сдѣланной и провѣренной оцѣнкѣ.

«7) Въ видѣ особливой милости Вашего Величества было бы желательно, чтобы въ Финляндіи лица обоего пола получавшія при прежнемъ правительствѣ оклады жалованья, пенсіи или вознагражденіе изъ общественныхъ или частныхъ фондовъ, получали и впредь это единственное средство къ поддержкѣ ихъ существованія.

«8) Было бы еще новымъ знакомъ отеческихъ чувствъ В. И. Величества къ нашей странѣ, и привязанность и любовь жителей къ обожаемому Монарху только усилилась бы, если бы предоставлено было возвратиться по домамъ къ своимъ семействамъ тѣмъ финскимъ офицерамъ и унтеръ-офицерамъ, равно солдатамъ и резервистамъ народныхъ полковъ, кои находятся нынѣ въ плѣну.

«9) Лишь исходя изъ полнѣйшаго убѣжденія въ милосердіи В. И. Величества депутаты осмѣливаются нижайше умолять, дабы предоставлено было женамъ и дѣтямъ финскихъ военныхъ сохранить до окончательнаго мира ихъ казенныя помѣстья (бостели) и оклады содержанія, и чтобы дѣйствіе приказа объ ихъ конфискаціи было остановлено. Этимъ возвращены будутъ жизнь и средства существованія семействамъ, кои принятая мѣра повергла бы въ самую ужасную нищету. Великодушною благостію В. И. Величества они будутъ осчастливлены и никогда не перестанутъ взывать къ Небу о благополучіи и счастіи ихъ августѣйшаго благодѣтеля.

«10) Дабы повинность расквартированія въ городахъ воинскихъ чиновъ была менѣе обременительна для обывателей, и чтобы въ будущемъ установился лучшій порядокъ, депутаты испрашиваютъ, чтобы распредѣленіе помѣщеній было впредь довѣряемо магистратамъ и гражданамъ городовъ, и чтобы число покоевъ было точно опредѣлено для каждаго военнаго чина.

«11) По отеческой заботливости В. И. Величества Финляндія только что снабжена солью, составляющею предметъ необходимости. Но чтобы благодѣтельные виды В. В-ва были достигнуты во всей широтѣ Вашихъ великодушныхъ намѣреній, депутаты осмѣливаются умолять В. И. В-во, чтобы эта соль продавалась по установленной цѣнѣ и малыми количествами, чрезъ что она будетъ доступна всѣмъ и особенно бѣднѣйшимъ людямъ. А какъ жители Финляндіи не могутъ обойтись безъ этого предмета, также какъ и безъ хлѣба, то депутаты не колеблются умолять В. Величество милостиво повелѣть доставить таковыхъ слѣдующей весной столько, сколько для страны признано будетъ нужнымъ.

«12) Депутаты смѣютъ полагать, что еслибы при каждомъ изъ судебныхъ учрежденій были установлены присяжные переводчики,—ходъ дѣлъ отъ того много выигралъ бы.

«13) Въ видахъ предупрежденія столкновенія между обывателями и воинскими чинами, было бы желательно чтобы на будущее время воспрещено было солдатамъ ходить по странѣ безъ начальниковъ и требовать угрозами или силой того, чего владѣлецъ не желаетъ имъ предоставить.

«14) Многіе изъ жителей страны перешли въ продолженіе настоящей войны на сторону шведовъ, оказавшихъ впрочемъ имъ чувства привязанности; этимъ навлекли они на себя немилость В. Величества. Можно полагать, что если будетъ объявлена общая амнистія всѣмъ тѣмъ, кто добровольно подчинится могущественному покровительству В. Величества, то они обратятся на путь долга, и сердца трепещущія предъ строгостію покорно уступятъ предъ милосердіемъ.

«15) Такъ какъ много несчастныхъ случаевъ уже произошло и слѣдуетъ еще опасаться отъ неблагоразумія солдатъ при печеніи хлѣба, кромѣ того что значительно увеличивается потребленіе дровъ, жители городовъ испрашиваютъ чтобы войсковыя пекарни учреждались внѣ городскихъ поселеній.

«16) Призываемъ великодушное состраданіе В. И. Величества къ нашимъ соотечественникамъ губерній вазаской, улеаборгской и куопіоской, коимъ неизбѣжный бичъ войны причинилъ совершенное разореніе. А такъ какъ есть основаніе опасаться голода, особенно въ верхней части Финляндіи, то по нашему почтительному мнѣнію единственный способъ предоставить бѣднымъ хлѣбъ и возможную надежду на болѣе счастливую жизнь въ будущемъ заключается въ учрежденіи хлѣбныхъ магазиновъ для нуждающихся.

«17) Для развитія оспопрививанія и культуры картофеля до нынѣ ассигновывалось по 9.000 р. изъ общихъ доходовъ въ распоряженіе Экономическаго Общества. Долгъ депутатовъ обязываетъ представить В. В-ву объ этихъ учрежденіяхъ общественной пользы. Мы указываемъ на нихъ Государю, который желаетъ лишь счастія своему народу.

«Государь! По исполненіи обязанностей возложенныхъ на насъ волею В. И. Величества, причемъ любовь къ родинѣ руководила нашими сужденіями о настоятельныхъ нуждахъ страны коей мы являемся представителями, для насъ нѣтъ ничего болѣе сладостнаго какъ глубокое убѣжденіе въ благости Монарха, дышащаго лишь справедливостью и благотвореніемъ; священнѣйшій залогъ ея данъ намъ въ увѣреніи, что чины Финляндіи будутъ созваны для обсужденія интересовъ страны, и результаты

его будутъ повергнуты на рѣшеніе ихъ Августѣйшаго Государя, по сущей правдѣ именуемаго Возлюбленнымъ!

«Съ глубочайшимъ почтеніемъ и полнѣйшею покорностію депутаты имѣютъ честь быть, Государь, В. И. В-ва нижайшими и покорнѣйшими слугами и подданными.»

Далѣе слѣдуютъ перечисленныя выше десять подписей и два рукоприкладства.

Сличая содержаніе этой просьбы съ программой или перечнемъ вопросовъ, апробованныхъ Императоромъ Александромъ 19-го ноября, легко съ перваго же взгляда видѣть, что одна вовсе не служитъ отвѣтомъ на другой. Едва-ли и могло быть иначе. Вопросы требовали такихъ топографическихъ, этнографическихъ и статистическихъ данныхъ, которые, даже для поверхностнаго отвѣта, могли почерпнуты быть только на мѣстѣ. Никакія свѣдѣнія, никакая опытность не могли удовлетворить по одной только памяти такому разностороннему и широкому требованію. Представляя неисполнимую программу для предложенія ея депутатамъ, Спренгтпортенъ еще разъ ставилъ русское правительство въ неловкое положеніе. Впрочемъ самъ Спренгтпортенъ видѣлъ теперь, что представленное депутатами изложеніе не соотвѣтствовало предложенной задачѣ.

Сличая же съ другой стороны это прошеніе съ приведеннымъ выше мемуаромъ Спренгтпортена объ устройствѣ управленія, и съ постановленіемъ особаго комитета утвержденнымъ 19-го ноября, легко видѣть что между ними было много общаго. И то и другое писалось такъ сказать подъ однимъ руководствомъ. Хотя прошеніе получило ходъ позднѣе постановленія 19-го ноября, однако послѣднее какъ бы отвѣчаетъ уже на заявленіе просителей: объ огражденіи отъ военной власти, объ организаціи временнаго правленія, о языкѣ, о монетѣ и т. п. Это впрочемъ было естественно, такъ какъ Спренгтпортенъ, бывъ предназначенъ въ генералъ-губернаторы, еще до формальнаго своего назначенія сдѣлался уже de facto посредникомъ между депутатами и правительствомъ и велъ съ ними переговоры по главнѣйшимъ пунктамъ ихъ просьбъ и желаній.

Къ какому времени относится подача приведенной просьбы,—

сказать прямо нельзя, такъ какъ на ней нѣтъ даты. Быть можетъ она была изготовлена уже вскорѣ по пріемѣ депутаціи Государемъ. По крайней мѣрѣ чрезъ восемь дней послѣ того, именно отъ 25-го ноября, Спренгтпортенъ сообщалъ гр. Салтыкову предположеніе, что депутація могла бы уже представить о результатѣ своихъ занятій и о тѣхъ предметахъ, на которые она желала бы чтобы монаршія милости были обращены [1]). Спренгтпортенъ объяснялъ при этомъ, что въ виду послѣдовавшаго дозволенія Императора Александра созвать сеймъ, Его Величество ограничится быть можетъ тѣми свѣдѣніями которыя депутаты представятъ, такъ какъ на основаніи ихъ все-таки можно будетъ получить нѣкоторое понятіе о настоящемъ положеніи дѣлъ, а для него, Спренгтпортена, эти указанія послужатъ нѣкоторою инструкціей въ виду его отъѣзда. Впрочемъ документъ этотъ (т. е. письмо Спренгтпортена) настолько неясенъ, что нельзя положительно сказать: относится-ли онъ къ окончанію уже занятій депутаціи по разнымъ вопросамъ ей предлежавшимъ, или же только къ ихъ началу. При обычномъ его письмамъ отсутствіи системы онъ говоритъ здѣсь и о «словесномъ предложеніи чрезъ него депутаціи въ ея засѣданіи, подобно тому какъ это дѣлается при обыкновенныхъ сеймахъ, каждый разъ когда государь имѣетъ предложить что-либо на ихъ разсмотрѣніе,»— и тутъ же говоритъ о томъ, чтобы «отпустить депутатовъ какъ только они представятъ свой отвѣтъ». Въ рапортѣ же Стренгтпортена Императору Александру отъ 17-го декабря, этотъ «мемуаръ о предметахъ наиболѣе необходимыхъ» отнесенъ у него прямо къ 17-му ноября, т. е. считается какъ бы одновременнымъ первому мемуару [2]). Однако это едва-ли сообразно со всѣмъ ходомъ дѣла. Ни Кастре́нъ, ни Коскиненъ не даютъ съ своей стороны положительныхъ указаній на счетъ времени подачи этого втораго прошенія или мемуара; но изъ соображеній послѣдняго можно заключить, что упомянутое письмо Спренгтпортена относилось лишь къ началу дѣла, т. е. только послѣ него депу-

[1]) Арх. М. Ин. Д., Camp, Suèd 1808, déput. finl., л. 17.
[2]) См. Прилож. № 134.

таты приступили къ составленію своей просьбы и что на это было особое повелѣніе Спренгтпортеномъ объявленное [1]).

Но кромѣ общей просьбы нѣкоторые депутаты подавали и отдѣльные мемуары. Депутаты отъ духовенства обѣихъ эпархій Лебелль и Валеніусъ обратились съ запиской, въ которой, въ точности согласно съ данной инструкціей, просили чтобы церковныя ихъ дѣла восходили по-прежнему «на окончательное высочайшее рѣшеніе Е. И. В-ва безъ посредства промежуточныхъ инстанцій (à la haute et définitive décision de S. M. J. sans passer par des instances intermédiaires)» [2]). Депутатъ отъ городовъ Гельсингфорса и Тавастгуса Боргстрёмъ просилъ, во-1-хъ о пособіи бѣднѣйшимъ жителямъ и объ освобожденіи ихъ отъ снабженія войскъ дровами и свѣчами; во-2-хъ, о разрѣшеніи ссуды Гельсингфорсу изъ петербургскаго заемнаго банка на продолжительный срокъ, съ погашеніемъ на счетъ домовладѣльцевъ кои пожелаютъ строиться. Боргстрёмъ указывалъ на примѣръ шведскаго правительства, предоставлявшаго съ этою цѣлію безплатно кирпичъ и известь изъ свеаборгскихъ магазиновъ; въ-3-хъ, освободить отъ платежа таможенныхъ пошлинъ всѣ суда, прибывающія въ Петербургъ изъ Гельсингфорса, Борго и Ловизы.

Ректоръ абоскаго университета Гартманъ ходатайствовалъ по тремъ предметамъ: объ освобожденіи, согласно прежнимъ привилегіямъ, университетскихъ зданій отъ воинскаго постоя; объ отпускѣ 6.000 р. на окончаніе построекъ для университета, и о безплатной высылкѣ въ Або изъ Петербурга газетъ и журналовъ. Въ подкрѣпленіе приводились университеты Іены, Галле, Гетингена и выписки изъ ст. 8 и 13 устава дерптскаго университета.

Депутатъ пасторъ Лебелль, въ качествѣ инспектора бьернеборгской нормальной школы, просилъ объ отпускѣ 2.000 риксдалеровъ на перестройку дома школы сгорѣвшей въ 1801 [3]). При-

[1]) Koskinen, Finnische Geschishte, стр. 568. По изложенію этого автора слѣдуетъ заключить, что Спренгтпортенъ письменно предложилъ депутаціи волю Государя о доставленіи необходимыхъ свѣдѣній лишь 11-го декабря (29-го ноября).

[2]) Арх. М. Ин. Д., députation finlandaise, лист. 21.

[3]) Corr. off. de Sprengtporten. стр. 64, № 6.

бывшіе позднѣе вазаскіе депутаты просили о пособіи ихъ провинціи, весьма пострадавшей при троекратномъ движеніи войскъ туда и обратно. Спренгтпортенъ съ своей стороны поддерживалъ ихъ, испрашивая пособіе бѣднѣйшимъ жителямъ въ количествѣ 149.380 р. и снабженіе хлѣбомъ изъ казенныхъ магазиновъ [1]). Это было исполнено. Но вслѣдъ затѣмъ явилось новое ходатайство по поводу того же печальнаго положенія вазаской провинціи. «Безъ сомнѣнія, Государь,—писалъ Спренгтпортенъ,—мнѣ нѣтъ надобности останавливать на немъ ваше вниманіе; такое сердце какъ ваше не имѣетъ надобности въ возбужденіи чувствительности.» А затѣмъ подносилось представленіе объ ассигнованіи 228.000 р. на покрытіе убытковъ, понесенныхъ жителями Вазы при «разграбленіи» ея [2]).

Подобнымъ образомъ улеаборгскіе депутаты просили о снабженіи ихъ хлѣбомъ и солью. Спренгтпортенъ убѣждалъ Государя немедленно вытребовать изъ внутри Россіи отъ 30.000 до 40.000 кулей по какой бы ни было цѣнѣ. Просили также и о вознагражденіи за убытки.

Наконецъ депутатъ Ребиндеръ, въ качествѣ представителя абоскаго гофгерихта, представилъ особую записку по части судопроизводства.

Таковы были собственно оффиціальныя ходатайства депутатовъ внесенныя на усмотрѣніе Государя. Было еще нѣсколько частныхъ просьбъ по разнымъ случаямъ, обращенныхъ къ гр.

---

[1]) Рапортъ Императору Александру 16-го декабря 1808 г., стр. 42, Corresp. officielle, изданіе Коскинена, 1882 г.

[2]) Выше было видно, что эти жители послѣ принесенія уже присяги измѣннически стрѣляли по русскимъ солдатамъ по занятіи ими города $^{13}/_{25}$ іюня, за что онъ былъ разоренъ. При этомъ 13 человѣкъ были убиты и 14 ранены. Такимъ образомъ находили нужнымъ вознаградить за справедливое наказаніе. Это представленіе впрочемъ долго не получало разрѣшенія, такъ что Спренгтпортенъ нашелъ нужнымъ просить предстательства Сперанскаго. 25-го января 1809 г. онъ имѣлъ наконецъ возможность сообщить депутату Гекерту, что Императоръ соизволяетъ на пособіе, съ тѣмъ чтобы потери были приведены въ болѣе точную извѣстность. Ibidem, стр. 46, 66, 69, 80.

Салтыкову, на которыхъ останавливаться нѣтъ надобности
Такимъ образомъ просьбы депутатовъ раздѣлились на двѣ групп
одна, въ 17 пунктахъ, представляла коллективное ходатайст
двѣнадцати, или какъ-бы всѣхъ депутатовъ; другая состоя
изъ отдѣльныхъ записокъ разныхъ лицъ, изъ которыхъ три п
писали и коллективное прошеніе. Хотя предметы, которыхъ
сались обѣ категоріи заявленій, были какъ видно изъ изложе
наго рѣшительно однородны, однако дальнѣйшее ихъ движе
было неодинаково, и рѣшенія по нимъ получены разновремен
по отдѣльнымъ запискамъ отвѣтъ послѣдовалъ 25-го декабря
позднѣе, а по коллективной просьбѣ въ январѣ 1809 г.

Первыя записки четырехъ делегатовъ были доложены Го
дарю самимъ Спренгтпортеномъ, который 10-го декабря об
вилъ гр. Салтыкову высочайшую по нимъ волю, изложивъ ее
надписяхъ противъ каждаго предмета [2]). По этимъ надпися
въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ составленъ былъ проек
отношенія отъ Салтыкова къ Спренгтпортену, который и апро
ванъ Государемъ 24-го декабря [3]). Повелѣно:

Просьбу пасторовъ уважить; сообразно съ тѣмъ—«духовн
консисторіи (лютеранскія) имѣютъ на будущее время относит
съ своими записками и просьбами къ генералъ-губернатору,
немедленнаго поднесенія Е. Величеству [4])».

По просьбамъ гельсингфорсскаго бургомистра Боргстрёма
пособіи бѣднѣйшимъ жителямъ, объ освобожденіи отъ постав
дровъ и свѣчей и о займѣ—«Его В—во предоставляетъ себѣ о
явить рѣшеніе въ особомъ указѣ на имя генералъ-губернато

---

[1]) О выдачѣ жалованья нѣкоторымъ чиновникамъ, о паспортахъ
проѣздъ въ Россію и обратно и пр.

[2]) Арх. М. Ин. Д., Aff. finl., déput., л. 21.

[3]) Projet de lettre du Ministre adjoint des affaires étrangères au
néral d'Infanterie Baron de Sprengtporten, съ надписью «быть по се
24-го декабря. Подписано и отправлено 25-го декабря 1808 г.

[4]) Собственноручная резолюція Спренгтпортена: S. M. I. permet
ordonne que les affaires aillent directement à Lui,—présentées par le G
verneur-Général,—auquel les Consistoires ont à adresser leur requêt
ou mémoires.

Что касается до освобожденія финляндскихъ судовъ въ Петербургѣ отъ таможенныхъ сборовъ, то Е. В—во на это соизволилъ и соотвѣтственныя повелѣнія даны уже министру комерціи».

Наконецъ по просьбѣ Гартмана о сохраненіи абоскому университету прежнихъ льготъ, — Государь повелѣлъ Салтыкову снестись съ министромъ народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ чтобы онъ исполнилъ ее «сообразно общимъ правиламъ установленнымъ для россійскихъ университетовъ» [1]). Объ отпускѣ 6.000 р. на постройки дано отдѣльное разрѣшеніе еще прежде [2]).

Позднѣе, уже чрезъ посредство Сперанскаго, послѣдовало распоряженіе и по просьбѣ Лебелля о школьныхъ постройкахъ: новый статсъ-секретарь по финляндскимъ дѣламъ извѣстилъ Спренгтпортена [3]) о повелѣніи представить общее донесеніе о состояніи публичныхъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи.

Коллективная просьба пошла какъ сказано путемъ болѣе долгимъ и подверглась по внѣшности болѣе обстоятельному разсмотрѣнію. Первоначальный проектъ отвѣта на нее составлялъ также Спренгтпортенъ [4]). Затѣмъ, вмѣстѣ съ самою просьбою онъ обсуждался въ особомъ комитетѣ изъ Аракчеева, Салтыкова и Спренгтпортена, которые и составили свое о томъ постановленіе. Здѣсь случилось то, чего и слѣдовало ожидать: оба первые подчинились послѣднему и заговорили такимъ языкомъ, который конечно менѣе всего былъ свойственъ министрамъ самодержавнаго государя, а тѣмъ болѣе Аракчееву. Забывая о первой цѣли созыва депутаціи, столь ясно изложенной въ высочайшемъ повелѣніи 9-го іюня, и о томъ что ею была оказана финляндцамъ царская «милость», какъ выразился Румянцовъ, забывая нако-

---

[1]) D'en conférer avec le Ministre de l'instruction publique, afin qu'il soit satisfait aux demandes du professeur Hartmann conformément au reglement général établi pour les universités Russes.

[2]) Corresp. offic. de Sprengtporten, стр. 23, № 11.

[3]) 23-го января 1809.

[4]) При письмѣ отъ 10-го декабря 1808 (л. 20) Спренгтпортенъ препроводилъ Салтыкову проектъ отвѣта на мемуаръ депутаціи, поясняя qu'il serait très charmé если бы отвѣтилъ въ этой запискѣ намѣреніямъ Е. И. В-ва.

нецъ и ея значеніе чисто совѣщательное, комитетъ сразу, не хуже абоскихъ рыцарей, повелъ рѣчь о «незаконности» будто-бы депутаціи и о неимѣніи ею народной довѣренности!

«Она (просьба депутатовъ) заключаетъ въ себѣ вообще — писалъ Аракчеевъ съ товарищами въ докладѣ Государю 19-го декабря—предметы для пользы финляндцевъ придуманные и съ важнымъ даже пожертвованіемъ нашей казны. А нѣкоторыя требованія (sic) ихъ и предупреждены уже высочайше конфирмованнымъ 19-го ноября Положеніемъ объ устройствѣ Главнаго Правленія въ Финляндіи [1]). Положеніемъ симъ рѣшено сдѣлать генеральное и конституціонное собраніе въ Ловизѣ изъ депутатовъ всѣхъ сословій; послѣ чего депутацію здѣсь теперь находящуюся въ противность закона (!) и безъ народной довѣренности прибывшую, распустить.»

Признавъ, такимъ образомъ съ голоса Спренгтпортена и депутатовъ высочайшее повелѣніе 9-го іюня «незаконнымъ», аракчеевскій комитетъ присвоилъ депутатамъ значеніе—только частныхъ просителей. «Пріемля за основаніе мысль сію,—продолжалъ докладъ—а депутатовъ теперешнихъ за частныхъ просителей, отъ народа не уполномоченныхъ, мы бы думали объявить только имъ, что назначенное въ январѣ мѣсяцѣ собраніе или сеймъ лучше откроетъ мысли и надобности народа, и единодушнымъ мнѣніемъ, при посредствѣ генерала Спренгтпортена, съ лучшею удобностію ограничитъ какъ требованія финновъ, такъ и обязанности ихъ къ новому правительству. Напослѣдокъ же В. И. Величество при благодѣтельныхъ попеченіяхъ о благѣ народа не откажете явить финнамъ милосердія своего по всей справедливости и возможности» [2]).

Читая эти строки нельзя невольно не признать всей вѣрности разсчета абоскихъ избирателей при посылкѣ въ Петербургъ депу-

---

[1]) О немъ было говорено выше, стр. 240.

[2]) Эти мысли и даже изложеніе несомнѣнно исходили отъ Спренгтпортена. Онѣ приводятся въ этихъ выраженіяхъ, на французскомъ только языкѣ, какъ именно ему принадлежащія, и Коскиненомъ въ его изданной для сепаратистическихъ цѣлей Correspondance officielle de Sprengtporten, стр. 37.

татовъ. Повторимъ ихъ слова, въ своемъ мѣстѣ приведенныя; ими руководились не только депутаты, но и Спренгтпортенъ: «Будемъ резонировать худо-ли хорошо-ли; наши новые господа еще не освоились съ нашими конституціонными таинствами. Безразлично, хромаетъ немного наше заявленіе или нѣтъ; нужно только одно, чтобы оно не разрушало основнаго правила, играющаго у насъ столь важную роль: principiis obstat—противорѣчитъ принципамъ». Эта злая иронія прямо относилась къ удивительному постановленію Аракчеева съ Салтыковымъ,—и они ея не замѣчали... Понятія русскихъ министровъ были настолько ограничены, сбивчивы и несообразны съ дѣйствительностію, что они могли ожидать отъ будущаго «конституціоннаго собранія», что оно «*ограничитъ требованія* финновъ, также какъ и ихъ обязанности».—Послѣдняго, т. е. ограниченія и даже полнаго упраздненія *обязанностей*, конечно слѣдовало ожидать; но чтобы сеймъ самъ на себя наложилъ руку и ограничилъ свои домогательства, если не требованія, то объ этомъ могли писать только люди, дѣйствительно нисколько «неосвоенные» съ конституціонными таинствами. Правда, упоминалось, что все случится «съ лучшею удобностію при посредствѣ генерала Спренгтпортена»,—но эта фраза только еще рельефнѣе показывала всю безпомощность русскихъ министровъ, которые, не говоря уже о томъ что вовсе не умѣли понять личность Спренгтпортена и его ходы, не предвидѣли что заявленій или предложеній Спренгтпортена сеймъ не будетъ даже и выслушивать, какъ на дѣлѣ оно и случилось [1]).

[1]) Но, возлагая вину на Салтыкова, повторимъ еще разъ, что ея не должно распространять и на самого министра его, гр. Румянцова: онъ былъ довольно самостоятеленъ оберегая русскіе интересы. Поэтому, ведя позже мирные переговоры въ Фридрихсгамѣ, онъ потребовалъ къ своему разсмотрѣнію разныя финскія заявленія и ходатайства, и относя все, что касается до внутреннихъ распорядковъ Финляндіи, къ дѣламъ домашнимъ, въ существенной части опредѣленія политическаго положенія этой области твердо оградилъ русское право, нисколько не видя стѣсненія въ миновавшемъ уже тогда боргоскомъ сеймѣ. И въ другихъ случаяхъ, какъ видно изъ выдержки на стр. 193, онъ проявлялъ истинное пониманіе государственнаго достоинства и значенія Россіи въ отношеніи Финляндіи.

Высказавъ такое свое по истинѣ удивительное мнѣніе, комитетъ остановился однако предъ возможностію что Александръ Павловичъ не убѣдится ихъ доводами, и не захочетъ пренебречь коллективною просьбою депутатовъ, тѣмъ болѣе что на другія было уже отвѣчено. Въ виду такого случая, который дѣйствительно и оказался, они изложили свои предположенія объ отвѣтахъ по каждому изъ 17-ти пунктовъ. Но здѣсь вышло между членами разногласіе, хотя и по одной только статьѣ. Нелишне на немъ нѣсколько остановиться.

Первоначальный проектъ отвѣтнаго постановленія былъ, какъ сказано, написанъ все тѣмъ же Спренгтпортеномъ. Гр. Салтыковъ, которому онъ былъ посланъ на разсмотрѣніе, нашелъ нужнымъ его измѣнить и въ передѣланномъ видѣ послалъ обратно барону. Но тотъ въ свою очередь не согласился съ проектированной Салтыковымъ редакціей. Дѣло шло именно о томъ 9-мъ пунктѣ просьбы, въ которомъ говорилось о возстановленіи права военныхъ на бывшія въ ихъ пользованіи казенныя имѣнія (бостели). Въ этомъ вопросѣ были заинтересованы едва ли не всѣ финляндцы находившіеся въ Петербургѣ и всѣ дворянскія фамиліи Финляндіи, такъ какъ въ каждой изъ нихъ были военные и гражданскіе чиновники, пользовавшіеся бостелями прямо или косвенно.

Съ русской точки зрѣнія было естественно не оказывать покровительства и милости людямъ, открыто стоявшимъ противъ правительства въ непріятельской арміи съ оружіемъ въ рукахъ, и невыражавшимъ даже намѣренія смириться предъ побѣдителемъ. Но съ другой стороны, помимо личной враждебности этихъ офицеровъ къ Россіи, за нихъ говорило сознаніе долга, которымъ они были обязаны предъ своимъ до того законнымъ шведскимъ правительствомъ. Практическое разрѣшеніе бостельнаго вопроса было поэтому очень щекотливо и не поддавалось усиліямъ.

Изъ права пользованія бостелями, какъ извѣстно, думали сдѣлать мѣру побужденія финскихъ офицеровъ къ оставленію шведскихъ знаменъ [1]). Сперва назначенъ былъ Буксгевденомъ трехнедѣльный срокъ; однако онъ соблюденъ не былъ. Потомъ, въ

---

[1]) См. выше, т. II, стр. 127, 137.

манифестѣ Александра отъ 5-го іюня, назначенъ 6-ти-недѣльный срокъ, причемъ главнокомандующему указано чтобы по истеченіи его онъ не ожидалъ новыхъ повелѣній, а приступалъ не откладывая къ конфискаціи и продажѣ имѣній невозвратившихся офицеровъ. Противъ этой мѣры поднялся Спренгтпортенъ еще до того какъ она была подтверждена манифестомъ; потомъ онъ не переставалъ говорить и писать противъ нея, критикуя распоряженія Буксгевдена [1]). Прибывшіе въ Петербургъ депутаты постоянно развивали эту тему и наконецъ включили ее въ прошеніе. Мѣстные губернаторы съ своей стороны писали о затрудненіяхъ въ исполненіи; многимъ семействамъ, по ихъ отзывамъ, угрожала нужда и крайность. Абоскій губернаторъ Троиль, помимо Буксгевдена, писалъ объ этомъ въ Петербургъ [2]), донося что бостели окончательно назначены въ продажу на 2-е ноября. Однако и эта продажа не состоялась. Буксгевденъ, почти наканунѣ своего увольненія, вынужденъ былъ писать Государю о затрудненіяхъ губернаторовъ [3]). Для русскаго правительства вопросъ о бостеляхъ, какъ совершенно чуждый основаніямъ русской военной организаціи, казался все еще не довольно яснымъ; обратились по этому за совѣтомъ къ Маннергейму. Тотъ представилъ особую записку, въ которой разумѣется поддерживалъ мнѣніе о сохраненіи бостелей за ихъ тогдашними держателями.

Между тѣмъ донесеніе Буксгевдена было передано на заключеніе Спренгтпортена, который не преминулъ по-прежнему отнестись ко всему этому дѣлу съ полнѣйшимъ порицаніемъ. «Кажется его сіят-во графъ Буксгевденъ долженъ былъ предвидѣть гибельныя послѣдствія этой мѣры прежде чѣмъ исторгнуть (avant d'avoir extorqué) согласіе на нее Е. И. В-ва,—писалъ онъ Салтыкову 21-го ноября [4]).—А насколько она была возмутительна (a repugné) для доброты и справедливости Государя, достаточно видно изъ повелѣнія вами полученнаго—остановить дальнѣйшее

[1]) Мемуаръ 31-го мая поданный Государю; отнош. къ гр. Салтыкову 3-го ноября 1808 (стр. 10 Corresp. off.).

[2]) Арх. М. Ин. Д., Camp. Suéd., Déput. finl. листъ 68.

[3]) Всеподд. докл. 13-го ноября. Ibid., Corr. Buxhoevden, листъ 191.

[4]) Въ Corresp. off. помѣчено 20-мъ ноября. Стр. 15.

исполненіе ея, даже если бы она начала уже примѣняться [1]). Мнѣ остается только настаивать на такомъ великодушномъ рѣшеніи Е. В-ва, дабы окончательно потушить это дѣло; я предоставляю себѣ на мѣстѣ изыскать способы придти на помощь тѣмъ, кто сдѣлался его жертвою.»

Теперь, когда составлялось постановленіе комитета по просьбѣ депутатовъ, Спренгтпортенъ воспротивился Салтыковскому изложенію пункта о бостеляхъ. «Пунктъ сей,»—писалъ онъ ему 13-го декабря,—«составленъ не въ томъ духѣ, въ какомъ шла о немъ рѣчь, и какъ повелѣно Е. В-вомъ исполнить. Дѣло идетъ здѣсь не о тѣхъ бостеляхъ, которые принадлежатъ военнымъ, взятымъ въ плѣнъ,—имъ они слѣдуютъ по праву согласно первой прокламаціи Е. В-ва,—но о тѣхъ, кои числятся за военными, еще сражающимися подъ знаменами Швеціи, и которые не могутъ отказаться отъ своего долга до заключенія мира. Его В-во уже призналъ справедливымъ остановить до того времени ихъ конфискацію въ знакъ милосердія его къ семействамъ этихъ воиновъ.» — Спренгтпортенъ отказывался подписать проектъ отвѣта, если не будетъ сдѣлано требуемой имъ перемѣны.

Можетъ быть колебанія Салтыкова исполнить такое требованіе, а еще вѣроятнѣе обычная Спренгтпортену настойчивость, побудили его не ограничиться протестомъ. Черезъ четыре дня, 17-го декабря, онъ особо отъ себя представилъ Государю о состоявшемся по просьбѣ депутатовъ постановленіи. Свидѣтельствуя, что насколько онъ могъ освѣдомиться по переводу разногласіе есть по одному пункту о бостеляхъ, Спренгтпортенъ «считалъ долгомъ справедливости остаться при томъ мнѣніи, чтобы все сохранилось до мира въ прежнемъ положеніи (que j'ai crû devoir de justice rester comme ils sont jusqu'à la paix). Онъ настаивалъ при этомъ, что такъ какъ отвѣтъ депутатамъ пойдетъ чрезъ него, Спренгтпортена, то чтобы и изложеніе его было по всѣмъ пунктамъ согласно съ проектомъ имъ составленнымъ. Конечно такое удивительное требованіе, какъ легко видѣть, совершенно устраняло противное мнѣніе другихъ двухъ членовъ комитета; но оно было

[1]) Также повелѣніе Кноррингу отъ 7-го декабря 1808.

украшено тѣми фразами, которыми финляндцы вообще и Спренгтпортенъ въ частности съ одной стороны льстили Императору Александру, а съ другой поддерживали въ немъ нѣкоторыя опасенія [1]).

Дѣйствительно Спренгтпортенъ взялъ верхъ, и въ комитетскомъ постановленіи явилась уступка въ видѣ пункта, которымъ предоставлялось ему, Спренгтпортену, «сдѣлать распоряженіе для управленія оными (бостелями) для пропитанія семействъ, въ нихъ теперь живущихъ. Но справедливость требуетъ сохранить—пояснялъ комитетъ—бостели сіи только въ такомъ видѣ. А по окончаніи войны, кто не возвратится въ оные въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ изъ шведской арміи, тѣ навсегда ихъ лишатся и оные будутъ проданы или отданы другому.»—Кажущаяся эта угроза, какъ легко видѣть, собственно не имѣла никакого значенія по самому существу бостелей. Они давались какъ содержаніе на службѣ; разъ прекращалась служба—прекращалось и содержаніе. Но членамъ комитета, мнѣніе которыхъ было такъ своеобразно пренебрежено, оставалось чѣмъ-нибудь проявить свое участіе въ разсмотрѣніи. Поэтому не ограничась приведенной оговоркой, они включили и другую.—«Да и на счетъ тѣхъ военныхъ людей изъ финляндцевъ, кои послѣ мира до сроку прибудутъ въ новопріобрѣтенную Финляндію, постановить правиломъ, что оставятся за ними бостели ихъ съ разсмотрѣнія генерала Спренгтпортена единственно по вѣрнымъ доказательствамъ, что не отъ воли ихъ зависѣло отстать отъ шведскихъ войскъ. Касательно жалованья, то... генерально всѣ чины не имѣютъ на оное права, а еще менѣе тѣ, кои теперь служатъ въ шведскомъ войскѣ; кто же изъ людей военныхъ пожелаетъ вступить въ нашу службу, тотъ опредѣляясь въ полкъ и жалованье получитъ по особымъ назначеніямъ.»

[1]) ....je prendrai, Sire, la liberté de Vous supplier très humblement de permettre que cette réponse, devant passer par moi pour être communiquée à la députation, puisse être expédiée en tout point conforme au projet qu'il m'a été ordonné de rédiger d'après les intentions bienfaisantes de V. M. I. et dans l'esprit de Vous attacher, Sire, l'amour, la confiance et l'attachement de la nation finoise, encore un peu incertaine sur le sort qu'elle peut espérer et que Vos propres intérêts Vous obligent de ménager dans un premier moment.... Арх. М. Ин. Д., 1808, Sprengtporten, 22.

Этой редакціей казалось удовлетворены были желанія Спренгтпортена; чрезъ два дня послѣ обращенія его непосредственно къ Государю, постановленіе было подписано всѣми тремя членами комитета. Въ такомъ видѣ журналъ сообщенъ Аракчеевымъ гр. Салтыкову 18-го декабря для доклада Государю, а 19-го состоялось и его утвержденіе Александромъ Павловичемъ [1]). Но этимъ дѣло по просьбѣ депутатовъ не кончилось. Комитетъ заключилъ донесеніе свое словами: «Если соизволите В. И. В-во изъявить высочайшую волю на сдѣланіе отвѣта нынѣшнимъ депутатамъ, то генералъ Спренгтпортенъ пріемлетъ на себя составленіе на семъ основаніи проекта отвѣта и поднести оный на высочайшее усмотрѣніе чрезъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ».

На дѣлѣ же проектъ отвѣта составило министерство, а Спренгтпортену принадлежало его исправленіе, и онъ широко воспользовался правомъ редакціонныхъ поправокъ. Многіе пункты постановленія комитета подверглись не только измѣненію редакціи, но и полной передѣлкѣ. Не входя въ подробности, достаточно упомянуть лишь о только-что разсмотрѣнной статьѣ—о бостеляхъ. Всѣ угрозы и указанія, включенныя русскими членами комитета въ отношеніи извѣстной разборчивости при возстановленіи офицерству права на эти имущества, были выкинуты. Той же участи подверглись указанія на счетъ выдачи жалованья; самый шестимѣсячный срокъ для возвращенія офицеровъ послѣ заключенія мира былъ уничтоженъ, и весь пунктъ получилъ слѣдующій видъ.

«Что касается до бостелей, то главнокомандующему войскамъ въ Финляндіи расположенными, генералу отъ инфантеріи Кноррингу, дано высочайшее повелѣніе остановить ихъ продажу. Онѣ останутся поэтому въ настоящемъ положеніи до заключенія мира. Тогда Е. И. В-во, дабы согласить милосердіе свое съ справедливостью, удостоитъ опредѣлить правила и назначить послѣдній срокъ, послѣ котораго всѣ офицеры не оставившіе Швеціи, будутъ безвозвратно лишены бостелей.» Спренгтпортенъ достигъ своей цѣли: мѣра строгости была вполнѣ отмѣнена, и враги могли оставаться врагами въ увѣренности, что жены и семейства ихъ благо-

---

[1]) Députation finland. 1808, л. 52; Intérieur, л. 22 и 23.

денствуютъ на счетъ русскаго правительства, противъ котораго мужья продолжали сражаться еще цѣлые 9-ть мѣсяцевъ послѣ того.

Самый отвѣтъ депутатамъ, измѣненный Спренгтпортеномъ противъ постановленія комитета и окончательно очищенный въ стилистическомъ собственно отношеніи Салтыковымъ, имѣлъ форму сообщенія, именемъ Императора Александра, отъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Высочайшая апробація состоялась 4-го января 1809 г. [1]). Для большей наглядности приводятся здѣсь, en regard, какъ постановленіе комитета, такъ и данный депутатамъ отвѣтъ въ окончательной редакціи [2]).

Мнѣніе комитета.

По Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію военный министръ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ и управляющій въ Финляндіи гражданскою частью разсматривали поднесенное В. Величеству прошеніе отъ финскихъ депутатовъ.

Оно заключаетъ въ себѣ вообще предметы для пользы финляндцевъ придуманные и съ важнымъ даже пожертвованіемъ нашей казны. А нѣкоторыя требованія ихъ и предупреждены уже Высочайше конфирмованнымъ 19-го ноября положеніемъ объ устройствѣ главнаго правленія Финляндіи.

Окончательный отвѣтъ.

Господа депутаты. Е. И. В-во благосклонно принявъ ваши заявленія, съ удовольствіемъ увидѣлъ, что по многимъ пунктамъ ваши желанія были предупреждены, въ особенности главное изъ нихъ учрежденіе высшаго трибунала, составленнаго изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Необходимыя наставленія уже даны на этотъ счетъ барону Спренгтпортену, финляндскому генералъ-губернатору, одна изъ первыхъ обязанностей котораго будетъ состоять въ томъ чтобы въ предстоящемъ общемъ собраніи сословій выборъ палъ на людей наиболѣе того достойныхъ, и при способности къ дѣ-

---

[1]) Арх. М. Ин. Д., Camp. Suéd. 1808 г. Affaires finlandaises, № 55.

[2]) Относительно сдѣланныхъ Спренгтпортеномъ измѣненій, также какъ и французскій текстъ отвѣта, см. Приложеніе № 135.

Положеніемъ симъ рѣшено между прочимъ сдѣлать генеральное и конституціонное собраніе въ Ловизѣ изъ депутатовъ всѣхъ состояній; послѣ чего депутацію здѣсь теперь находящуюся, въ противность закона и безъ народной довѣренности прибывшую, распустить. Пріемля за основаніе мысль сію и депутатовъ теперешнихъ за частныхъ просителей, отъ народа неуполномоченныхъ, мы бы думали объявить только имъ, что назначенное въ январѣ мѣсяцѣ собраніе или сеймъ лучше откроетъ мысли и надобности народа и единодушнымъ мнѣніемъ, при посредствѣ генерала Спренгтпортена, съ лучшею удобностію ограничитъ какъ требованія финновъ, такъ и обязанности ихъ къ новому правительству. Напослѣдокъ же В. И. В-во при благодѣтельныхъ попеченіяхъ о благѣ народа не откажете явить финнамъ милосердія своего по всей справедливости и возможности.

На тотъ однако случай если бы благоугодно было В. В-ву повелѣть сдѣлать отвѣтъ на просьбу депутатовъ, мы излагаемъ всеподданнѣйшее мнѣніе наше на каждую статью оной.

ламъ заслужившихъ общее довѣріе.

Большую часть статей заключающихся въ вашемъ прошеніи соотвѣтственнѣе будетъ обсудить въ общемъ собраніи, когда генералъ-губернаторъ, будучи уже на мѣстѣ, соберетъ необходимыя свѣдѣнія объ общественныхъ нуждахъ, также какъ и о всеобщихъ желаніяхъ населенія. Однако Государь Императоръ, постоянно занятый изысканіемъ способовъ для устройства благосостоянія Финляндіи на твердыхъ основаніяхъ, за удовольствіе считаетъ предварительно ознакомить васъ, гг. депутаты, съ Его образомъ мыслей и дать вамъ вмѣстѣ съ тѣмъ знать о Его рѣшеніяхъ по каждой статьѣ вашихъ заявленій.

1) Чтобы подъ покровительствомъ Государя законы дѣйство-

вали въ своей силѣ, чтобы безъ законнаго обряда никто не поступалъ подъ стражу и не былъ наказанъ. И поелику театръ войны нынѣ удалился, то полагать должно, что строгость военныхъ законовъ не такъ нужна и виновные будутъ уже отсылаемы къ обыкновеннымъ земскимъ судамъ.

По положенію, 19-го ноября конфирмованному, всѣ дѣла производимы будутъ по законамъ коими доселѣ Финляндія управляема была. Слѣдовательно финны и могутъ остаться въ полной увѣренности на новоучреждаемый Комитетъ Главнаго Правленія Финляндіи. Соотвѣтствуя съ своей стороны попеченіямъ объ нихъ правительства, сами они пріобрѣтутъ личную безопасность каждаго, въ чемъ и обнадежить ихъ можно. Но строгость военная неминуемо обратится на виновныхъ при малѣйшемъ подозрѣніи. Тогда мѣстное начальство возьметъ рѣшительныя мѣры не только на дѣйствія подозрѣваемаго, но и на самыя намѣренія, на переписки и на оружіе гражданъ.

Е. И. В-во изволилъ уже торжественно обѣщать, что жители Финляндіи сохранятъ ихъ прежнія права и привилегіи, и что дѣла будутъ производиться по законамъ донынѣ дѣйствующимъ въ Финляндіи. Строгость военныхъ законовъ, какъ послѣдствіе военнаго положенія, должна поэтому прекратиться съ учрежденіемъ Комитета центральнаго управленія Финляндіи. Императоръ увѣренъ, что жители этой провинціи, чувствуя столь много заботливости со стороны Правительства, приложатъ усиліе къ тому чтобы заслужить его довѣріе, и сдѣлаютъ ненужными тѣ мѣры общественной безопасности, которыя служатъ для обузданія неразумныхъ и для наказанія виновныхъ.

2) Для окончательнаго рѣшенія дѣлъ, кои переносились прежде въ верховную камеру юстиціи и въ стокгольмскія коллегіи, учредить временное правительство изъ способнѣйшихъ и честнѣйшихъ финляндцевъ.

По означенному положенію учрежденъ будетъ Комитетъ Главнаго Управленія Финляндіи изъ 12-ти членовъ избранныхъ въ

Е. И. В. удостоилъ изъявить свое соизволеніе на то, чтобы высшее Правленіе, гдѣ будутъ производиться дѣла по всѣмъ

народѣ и подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора.

частямъ центральной администраціи, состояло изъ 12-ти членовъ отъ всѣхъ сословій народа подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора.

3) Учредить мѣновыя конторы, внести большее количество мелкихъ ассигнацій и мѣдной монеты и постановить, чтобы бумажный рубль ходилъ въ цѣнѣ по курсу С.-Петербургскому точно такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ Имперіи.

Въ Гельсингфорсѣ и Або государственный казначей распоряжаетъ уже учрежденіе банковыхъ конторъ. Когда они примутъ свое дѣйствіе, въ то время и курсъ самъ по себѣ уравняется.

Когда банковыя конторы вступятъ въ дѣйствіе согласно инструкціи уже данной на этотъ предметъ генералъ-губернатору, размѣнный курсъ установится самъ собою.

4) Пріостановить сборъ податей впредь до рѣшительнаго на сеймѣ положенія.

Генералъ Спренгтпортенъ во время сейма, который въ будущемъ мѣсяцѣ и начнется, можетъ разсмотрѣть сіе требованіе и представить В. Велич-ву свое мнѣніе.

Е. И. В-во призналъ соотвѣтственнымъ отложить до созванія сейма всѣ мѣры относящіяся до налоговъ, кои должны быть однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ сужденій этого собранія.

5) Поставку лошадей для транспортовъ распредѣлять съ бóльшимъ уравненіемъ и благовременно, чтобы не задерживать подводъ и не перемѣнять тракта, плату выдавать немедленно, обходиться съ подводчиками кротко и чтобы они всегда состояли въ подчиненности у гражданскихъ чиновниковъ.

Обѣщать сіе можно, тѣмъ болѣе что и въ общемъ положеніи включены по означенному предмету 13-я и 14-я статьи.

Инструкціями данными генералъ - губернатору на счетъ доставленія средствъ перевозки, Е. И. В-во уже предупредилъ ваши желанія по этому предмету.

6) Вознаградить по сдѣланнымъ и утвержденнымъ исчисленіямъ тотъ уронъ, который понесли отъ войскъ нашихъ мирные жители Финляндіи.

7) Особамъ кои получали жалованье, пансіоны и денежныя награжденія, ассигнованныя прежнимъ правительствомъ на публичные или частные капиталы, оставить и на будущее время.

Послику главное намѣреніе В. В-ва есть благодѣтельство финнамъ то на сеймѣ и можетъ быть опредѣлена сумма на сіи предметы изъ общихъ податей. Генералъ Спренгтпортенъ предложитъ сейму мнѣніе свое о томъ, и можетъ обнадежить что справедливыя требованія по возможности удовлетворены будутъ.

Какъ ни трудно удостовѣрить и оцѣнить убытки, являющіеся неизбѣжнымъ послѣдствіемъ бѣдствій войны, коихъ притомъ первою причиною часто было поведеніе нѣкоторыхъ жителей страны, тѣмъ не менѣе по совершенно исключительной благосклонности которую Е. И. В-во являетъ новымъ своимъ подданнымъ, генералъ-губернатору будетъ повелѣно обратить вниманіе на законныя заявленія и удовлетворить ихъ въ мѣрѣ возможности. Относительно пенсій предоставленныхъ многимъ лицамъ прежнимъ правительствомъ, послѣдуетъ окончательное постановленіе какъ только высшее Правленіе вступитъ въ дѣйствіе. Ему будетъ спеціально поручено назначить на этотъ предметъ особую сумму на счетъ доходовъ Финляндіи.

8) Позволить офицерамъ, нижнимъ чинамъ и резервамъ изъ полковъ національныхъ возвратиться въ дома ихъ.

Изъ офицеровъ многіе уже отпущены по представленіямъ генерала Спренгтпортена, а о нижнихъ чинахъ военный министръ сдѣлаетъ въ свое время разсмотрѣніе.

Е. И. В-во призналъ удобнѣйшимъ разсмотрѣніе статьи о плѣнныхъ финляндцахъ всѣхъ чиновъ передать военному министру, распоряженіемъ котораго многіе офицеры могли уже возвратиться къ своимъ семей-

ствамъ; приказанія также даны чтобы возвратить и всѣхъ тѣхъ, кои значатся въ спискѣ представленномъ военному министру генералъ-губернаторомъ барономъ Спренгтпортеномъ.

9) Сохранить женамъ и дѣтямъ военныхъ людей финляндскихъ до рѣшительнаго мира ихъ бостели и жалованье и чтобы остановить данное предписаніе о конфискованіи оныхъ.

Относительно бостелей генералъ Кноррингъ по повелѣнію 7-го декабря ему данному остановилъ продажу оныхъ. Управляющему въ Финляндіи по гражданской части предоставить послѣ сего сдѣлать распоряженіе объ управленіи оными бостелями для пропитанія семействъ въ нихъ теперь живущихъ. Но справедливость требуетъ сохранить бостели сіи до мира только въ такомъ видѣ. А по окончаніи войны кто не возвратится въ оные въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ изъ шведской арміи, тѣ на всегда ихъ лишатся и оныя будутъ проданы или отданы другому. Да и на счетъ тѣхъ военныхъ людей изъ финляндцевъ, кои послѣ мира до сроку прибудутъ въ новопріобрѣтенную Финляндію, постановить правиломъ, что оставятся за ними бостели ихъ съ разсмотрѣнія генерала Спренгтпортена единственно по вѣрнымъ доказа-

Что касается до бостелей, то главнокомандующему войсками въ Финляндіи расположенными, генералу отъ инфантеріи Кноррингу, дано высочайшее повелѣніе остановить ихъ продажу. Они останутся по этому въ настоящемъ положеніи до заключенія мира. Тогда Е. И. В-во, дабы согласить милосердіе свое съ справедливостью, удостоитъ опредѣлить правила и назначить послѣдній срокъ, послѣ котораго всѣ офицеры не оставившіе Швеціи, будутъ безвозвратно лишены бостелей.

тельствамъ, что не отъ ихъ воли зависѣло отстать отъ шведскихъ знаменъ. Касательно жалованья, то оно капитуляціоннымъ ассигновано и безъ задержанія выдано будетъ, но генерально всѣ чины не имѣютъ на оное права, а еще менѣе тѣ, кои теперь служатъ въ шведскомъ войскѣ; кто же изъ людей военныхъ пожелаетъ вступить въ нашу службу, тотъ опредѣлясь въ полкъ и жалованье получитъ по особымъ назначеніямъ.

10) Назначеніе постоевъ поручить на будущее время магистратамъ и городскому обществу и опредѣлить съ точностію число покоевъ для каждаго военнаго чина.

Сіе зависѣть будетъ отъ распоряженія управляющаго въ Финляндіи по гражданской части.

Распоряженія относительно квартиръ, зависятъ отъ генералъ-губернатора и будутъ своевременно исполнены.

11) Продавать соль по цѣнамъ установленнымъ и малыми порціями; равномѣрно доставить оной въ Финляндію и будущею весной.

Обѣщать, и потому предоставить министру внутреннихъ дѣлъ сдѣлать о томъ распоряженіе.

Его И. В-во повелѣлъ генералъ-губернатору организовать доставку и продажу соли по умѣренной цѣнѣ.

12) Опредѣлить въ каждое присутственное мѣсто присяжныхъ переводчиковъ.

Зависѣть будетъ отъ управляющаго въ Финляндіи по гражданской части, если онъ найдетъ сіе нужнымъ.

Учрежденіе переводчиковъ предоставлено разсмотрѣнію генералъ-губернатора.

13) Запретить солдатамъ ходить безъ начальниковъ по деревнямъ и требовать съ угрозами или брать силою что хозяинъ дать не пожелаетъ.

Воспретить строжайше, какъ обстоятельство противное прежнимъ повелѣніямъ В. В-ва.

Самыя строгія приказанія будутъ даны дабы военная дисциплина въ точности соблюдалась.

14) Объявить всеобщее прощеніе тѣмъ изъ финляндскихъ жителей, кои перешли въ Швецію или оказали къ оной приверженность, но теперь добровольно явятся.

Мы не находимъ никакого въ томъ препятствія; напротивъ считаемъ нужнымъ явить финляндцамъ сей опытъ монаршаго милосердія и объявить оное публичнымъ актомъ.

Государь Императоръ желая дать новое доказательство своихъ великодушныхъ намѣреній въ отношеніи къ жителямъ Финляндіи, вмѣнитъ генералъ-губернатору въ обязанность объявить общую амнистію всѣмъ тѣмъ изъ нихъ, кто находясь до сихъ поръ въ Швеціи, добровольно возвратится во свояси.

15) Учредить для солдатъ пекарни внѣ городовъ для большей безопасности отъ огня и для экономіи въ дровахъ.

Предоставить мѣстному распоряженію управляющаго въ Финляндіи по гражданской части.

Распоряженія о хлѣбопекарныхъ печахъ и о предосторожности противъ пожаровъ принадлежатъ вѣдѣнію мѣстныхъ властей.

16) Для пропитанія учредить хлѣбные магазины.

Способы къ тому могутъ быть опредѣлены на сеймѣ.

17) Для распространенія прививанія коровьей оспы и посѣва земляныхъ яблокъ было назначено 9-ть тысячъ рублей изъ государственныхъ доходовъ. Депутаты доносятъ о сихъ заведеніяхъ клонящихся къ общественному благу.

Равномѣрно на сеймѣ опредѣлить способы сихъ заведеній.

И безъ подробнаго разсмотрѣнія приведенныхъ документовъ очевидно, что Спренгтпортенъ позаботился своимъ изложеніемъ отвѣта перенести центръ тяжести власти безусловно на свою сторону. Упоминавшіеся въ постановленіи русскіе министры почти

исчезли съ поверхности и вездѣ замѣнились генералъ-губернаторомъ имѣющимъ особыя инструкціи. Нѣтъ надобности также пояснять, что во всѣхъ этихъ редакціонныхъ поправкахъ лично Императоръ Александръ былъ не при чемъ. Все оставалось въ тѣсныхъ канцелярскихъ рамкахъ между упорнымъ и рѣшительнымъ Спренгтпортеномъ и слабымъ, если не совсѣмъ ничтожнымъ Салтыковымъ; это видно изъ самаго хода поправокъ [1]).

Въ связи съ пребываніемъ депутатовъ въ Петербургѣ было еще одно обстоятельство, второстепенное и мало замѣтное тогда, но получившее вскорѣ значеніе цѣлаго событія. То было появленіе на сценѣ финляндскихъ дѣлъ, притомъ въ роли совершенно исключительной, съ одной стороны извѣстнаго Сперанскаго, съ другой—бывшаго теперь въ Петербургѣ въ числѣ другихъ финляндцевъ Ребиндера.

По осени 1808 г., когда Александру Павловичу пришлось болѣе чѣмъ когда-либо входить въ дѣла Финляндіи, онъ выразилъ желаніе имѣть при себѣ личнаго секретаря знающаго эти дѣла. Въ это время имъ было уже рѣшено поручить общее завѣдываніе финляндскими дѣлами Сперанскому [2]), на котораго возложены потомъ и обязанности государственнаго секретаря при учреждавшемся государственномъ совѣтѣ. Ничего не могло быть естественнѣе и правильнѣе этого соединенія обязанностей. Сохраняя извѣстную мѣстную автономію, новая провинція входила однако въ составъ Россіи и должна была въ общемъ направленіи главнѣйшихъ вопросовъ сообразоваться и подчиняться цѣлямъ и потребностямъ общегосударственнымъ. Въ такихъ же видахъ были впослѣдствіи учреждены при государственномъ совѣтѣ комитеты: кавказскій, царства польскаго, остзейскій и т. п.

Но такъ какъ Сперанскій не зналъ шведскаго языка, безъ котораго нельзя было сдѣлать шага въ финляндскомъ дѣлопроизводствѣ, веденномъ на бывшемъ государственномъ языкѣ страны,

---

[1]) См. Приложеніе № 135.

[2]) Приложеніе № 85.

то весьма вѣроятно имъ же было указано на необходимость имѣть себѣ въ помощь лицо этимъ языкомъ владѣющее.

Желаніе свое Императоръ Александръ передалъ Салтыкову а тотъ обратился за совѣтомъ къ барону Маннергейму. Послѣдній указалъ на слѣдующихъ лицъ [1]).

1) *Адольфъ фонъ-Виллебрантъ*, сенешалъ (судья) южнаго округа абоской губерніи, въ чинѣ полковника, служилъ прежде въ королевскихъ канцеляріяхъ. Извѣстно, что Маннергеймъ былъ въ свойствѣ съ Виллебрантами; возможно, что это побудило его поставить Адольфа Виллебранта на первомъ мѣстѣ среди кандидатовъ на положеніе во всякомъ случаѣ выгодное. По политическимъ убѣжденіямъ этотъ первый претендентъ принадлежалъ къ тѣмъ дворянамъ, которые въ Або прежде другихъ высказались противъ посылки депутаціи и явились въ собраніе уже съ готовыми записками. Виллебранту было теперь 42 года и можно полагать что взгляды его и убѣжденія уже прочно установились.

2) *Карлъ фонъ-Гюльденстольпе*, также человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, бывшій капитанъ шведской гвардіи и ассесоръ абоскаго гофгерихта. Онъ хотя и не подавалъ особой записки, но былъ также въ числѣ 12-ти, отказавшихся выбирать абоскихъ депутатовъ.

3) *Баронъ Ребиндеръ*, извѣстный уже по депутаціи камеръ-юнкеръ шведскаго двора, молодой человѣкъ около 30 лѣтъ, тоже ассесоръ абоскаго гофгерихта.

4) *Фонъ-Роткирхъ*, также упоминавшійся членъ депутаціи, и также молодой человѣкъ.

5) *Баронъ Густавъ Котенъ*, капитанъ, 32-хъ лѣтъ, окружной

---

[1]) Записка 21-го декабря 1808 г. Арх. М. Ин. Д. Aff. finl., députation, л. 69. Такъ какъ безъ сомнѣнія все, въ исполненіе воли Государя, сдѣлалось очень скоро, то весьма вѣроятно что рѣчь о личномъ секретарѣ пошла съ 19-го декабря, т.-е. съ доклада постановленія комитета разсматривавшаго просьбу депутатовъ, гдѣ Спренгтпортенъ, какъ единственное лицо знавшее шведскій языкъ, безусловно первенствовалъ. Очень можетъ быть, что Императоръ Александръ самъ выразилъ предположеніе о личномъ при себѣ секретарѣ, хотя съ другой стороны несомнѣнно Спренгтпортенъ принималъ участіе въ назначеніи послѣдняго.

судья въ абоской губерніи [1]). Сынъ маіора нюландскихъ драгунъ, участвовавшаго въ аньяльской конфедераціи.

6) *Карлъ Валлéнъ*, капитанъ не изъ дворянъ, 30-ти лѣтъ, фискальный прокуроръ въ абоскомъ гофгерихтѣ.

Въ безупречности нравственныхъ качествъ всѣхъ этихъ лицъ баронъ Маннергеймъ ручался.

Легко видѣть, что не великъ былъ кругъ, изъ котораго дѣлалъ свой выборъ этотъ совѣтникъ Салтыкова, а чрезъ него и Александра Павловича: абоское дворянство и чиновничество безусловно первенствовало. Политическія же убѣжденія абоскихъ кружковъ были разсмотрѣны выше съ достаточною подробностію.

Выборъ остановился на Ребиндерѣ. Почему?—сказать трудно; вѣроятно потому что онъ былъ нѣсколько болѣе извѣстенъ Государю нежели другіе. Бывъ въ Петербургѣ онъ представлялся ему по случаю болѣзни отдѣльно. Пріятныя его манеры могли содѣйствовать выгодному впечатлѣнію.

Но безъ сомнѣнія большое значеніе имѣло и ходатайство за него Спренгтпортена. Въ письмѣ отъ 30-го декабря онъ говорилъ Сперанскому о назначеніи Ребиндера въ качествѣ помощника послѣдняго по части гражданскаго управленія Финляндіи въ такихъ выраженіяхъ, которыя побуждаютъ думать, что мысль о семъ была отъ Императора Александра сообщена Сперанскому именно чрезъ Спренгтпортена, и что онъ же велъ предварительные переговоры съ самимъ Ребиндеромъ. Такимъ образомъ Спренгтпортенъ являлся здѣсь главной пружиной. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хлопоталъ и объ устраненіи другихъ кандидатовъ. «Пора,—внушалъ онъ Сперанскому въ этомъ письмѣ,—знать чего держаться. Выборъ Ребиндера запретъ двери интригамъ тѣхъ, кто орудуетъ уже чтобы получить это назначеніе, столь важное какъ для службы Его В-ва, такъ и для самого финскаго народа, который съ безпокойствомъ увидѣлъ бы на этомъ постѣ лицо непользующееся его довѣріемъ [2]).»

[1]) По Biografiska Anteckningar om Kejserliga Senatens för Finland Ledamöter under åren 1809—1877» (1878 г. изд.) онъ значился герадсгевдингомъ, а въ чинѣ капитана не показанъ. Стр. 112.

[2]) 30-го декабря, № 137. Онъ повторялъ свое ходатайство объ устройствѣ положенія Ребиндера и въ особо поданномъ Сперанскому спискѣ дѣлъ,

Помощникомъ, а вѣрнѣе руководителемъ, Императора Александра и его всемогущаго статсъ-секретаря являлся сынъ того самаго маіора Іогана Рейнгольда Ребиндера, который въ дѣлѣ о депутаціи такъ недвусмысленно требовалъ примѣненія въ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ системы «конституціонныхъ мистерій» и упорства въ ссылкахъ на принципы. Самъ новый помощникъ статсъ-секретаря, о которомъ не разъ выше упоминалось, также высказывалъ въ мемуарахъ, что при вступленіи въ русскую службу онъ имѣлъ завѣтную цѣль «спасти» Финляндію, и держался того почти республиканскаго принципа, что Государь долженъ царствовать, а не управлять (il regnait, mais il ne gouvernait pas) [1]).

Ребиндеръ съ своей стороны, ссылаясь на объявленное ему Спренгтпортеномъ намѣреніе Александра опредѣлить его въ канцелярію финляндскихъ дѣлъ (bureau des affaires finnoises), представилъ Сперанскому 6-го января лично отъ себя мемуаръ, прося содержаніе его довести до высочайшаго свѣдѣнія. Въ этомъ мемуарѣ, въ виду опредѣленія на правительственную службу въ Петербургѣ, Ребиндеръ описывалъ свое матеріальное положеніе въ такихъ выраженіяхъ:

«Состояніе мое настолько ограничено, что живя въ отдаленной провинціи нужно было соблюдать всевозможную экономію. Тѣмъ болѣе оно будетъ недостаточно для существованія здѣсь, такъ какъ я долженъ еще помогать моему престарѣлому отцу и теткѣ. Поэтому я поставленъ въ прискорбное положеніе при соображеніяхъ на счетъ моего жалованья какъ бы злоупотребить обычными милостію и великодушіемъ Е. И. В-ва. Я не мечтаю о роскошномъ и великолѣпномъ образѣ жизни, столь мало соотвѣтствующемъ человѣку занятому исполненіемъ своего долга (?); мое счастіе составило бы извѣстное довольство и особенно независимость. Принимая въ соображеніе: ущербъ, который понесу за невозможностію наблюдать за моимъ хозяйствомъ въ Финляндіи; необ-

---

по которымъ просилъ предстательства статсъ-секретаря у Императора Александра. Corr. off. de M. Sprengtporten.

[1]) Castrén, R. H. Rehbinder, стр. 266.

ходимость сдѣлать здѣсь довольно цѣнное обзаведеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по незнанію здѣшняго языка, не имѣть возможности устроить свое хозяйство наивыгоднѣйшимъ образомъ; наконецъ въ качествѣ единственнаго служащаго здѣсь финляндца, обязанность принимать у себя земляковъ,—въ виду всего этого я не могу устроить своего существованія если мнѣ не будетъ дано квартиры, экипажа и по крайней мѣрѣ 4.000 р. въ годъ.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ребиндеръ выражалъ безусловную для него необходимость (il m'est absolument nécéssaire) имѣть своего секретаря, котораго онъ желалъ выбрать между судебными чиновниками Финляндіи. Къ свѣдущему человѣку такимъ образомъ требовались другіе, можетъ быть еще болѣе свѣдущіе люди. Ребиндеръ не предуказывалъ размѣра содержанія своему секретарю, однако выставлялъ на видъ что для полученія дѣльнаго человѣка нужно поставить его въ такія условія, чтобы онъ не пожалѣлъ о покинутомъ мѣстѣ.

Послѣдствіемъ этого мемуара былъ указъ государственному казначею отъ 22-го января, которымъ «барону Ребиндеру, опредѣленному при Мнѣ для производства дѣлъ новоприсоединенной Финляндіи, повелѣвалось производить по 4 тыс. рублей въ годъ доколѣ онъ въ сей должности пребудетъ». Изъ имѣющихся бумагъ нельзя заключить, въ какомъ видѣ назначена ему квартира и экипажъ. Ребиндеръ былъ женатъ, и конечно ему требовалось помѣщеніе достаточное и приличное [1]).

---

[1]) Что касается прочихъ преимуществъ по службѣ, то Ребиндеръ послѣ боргоскаго сейма, указомъ правительствующему сенату отъ 7-го іюля 1809 г., даннымъ въ Борго, пожалованъ въ статскіе совѣтники. Еще черезъ годъ, 6-го октября 1810 г., указомъ придворной конторѣ, онъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры. Впрочемъ въ это время онъ, кромѣ занятій при Сперанскомъ, состоялъ сперва членомъ боргоскаго сейма, а вскорѣ въ числѣ членовъ учрежденнаго для Финляндіи правительственнаго совѣта. Въ 1811 г. онъ получилъ по рекомендаціи президента Тандефельта мѣсто совѣтника абоскаго гофгерихта. По всей вѣроятности баронъ не особенно ладилъ съ своимъ непосредственнымъ начальникомъ—Сперанскимъ, въ которомъ, несмотря на либерализмъ, не могли въ крупнѣйшихъ вопросахъ не сказываться русскій человѣкъ и извѣстная забота о русскихъ

Что касается до секретаря при Ребиндерѣ въ первоначальной его роли помощника Сперанскаго, то, какъ видно изъ письма къ послѣднему [1]), онъ избралъ нѣкоего Густава Блэкборга, вице-прокурора абоскаго гофгерихта, «одареннаго всѣми качествами, кои могутъ сдѣлать его достойнымъ этого довѣрія». Относительно оклада онъ предоставлялъ опредѣленіе его размѣра великодушію Александра Павловича. Но вскорѣ Ребиндеру понадобился еще чиновникъ, и онъ рекомендовалъ, а въ Петербургѣ утвердили, Валлёна. Онъ состоялъ секретаремъ въ абоскомъ гофгерихтѣ и секретаремъ же при канцлерѣ абоскаго университета. Ребиндеръ желалъ чтобы ему оставлено было содержаніе обѣихъ должностей и кромѣ того назначено было по 1.000 р. въ годъ какъ чиновнику по финляндскимъ дѣламъ вообще и особо еще по 1.000 р. за занятія въ коммисіи финляндскихъ дѣлъ. Валлёнъ сосредоточивалъ въ себѣ такимъ образомъ четыре должности [2]). Все это было исполнено.

Всѣ выдачи, также какъ и вообще расходы по новой Финляндіи повелѣно заимствовать изъ государственнаго («здѣшняго») казначейства до окончательнаго разсчета, въ предположеніи возвращать изъ мѣстныхъ финляндскихъ доходовъ [3]).

Такъ начало водворяться въ самой столицѣ Россіи, мало по малу, незамѣтно, совершенно чуждое ей и даже враждебное финляндское управленіе.

интересахъ. Такъ можно судить потому, что бывъ назначенъ въ составъ учрежденной Сперанскимъ коммисіи финляндскихъ дѣлъ сформированной подъ предсѣдательствомъ русскаго сенатора фонъ-Тейльса изъ двухъ членовъ русскихъ и двухъ финляндскихъ, Ребиндеръ былъ всего въ двухъ ея засѣданіяхъ и затѣмъ не присутствовалъ. Роль и значеніе его въ извѣстномъ антирусскомъ направленіи сказались во всей силѣ позднѣе, когда по удаленіи Сперанскаго онъ занялъ его мѣсто въ качествѣ докладчика Императору Александру по дѣламъ Финляндіи.

[1]) Отъ 1-го февраля 1809 г.—Изъ бумагъ Сперанскаго.

[2]) Письмо къ Сперанскому отъ 31-го декабря 1809 г.—Потомъ Валлёнъ отказался отъ должности ассесора въ абоскомъ гофгерихтѣ и по ходатайству Ребиндера ему пожалованъ орд. св. Владиміра 4 ст.

[3]) Указъ государств. казнач. 10-го января 1810.

Какія впечатлѣнія и чувства вынесли изъ русскаго гостепріимства и радушія эти силою вытребованные представители,—видно изъ упомянутыхъ выше отзывовъ Маннергейма. Пренебрежительное высокомѣріе снаружи, а внутри непріязнь и даже злоба—вотъ общій тонъ ощущеній, вывезенныхъ финляндцами изъ русской столицы, насколько можно судить по приводимымъ ихъ историками подробностямъ. Останавливаться на нихъ далѣе нѣтъ надобности. Но кромѣ этихъ чувствъ депутаты увезли въ себѣ еще и сознаніе извѣстнаго торжества: вопросъ о созваніи сейма не только вновь былъ поставленъ, но и разрѣшенъ Императоромъ Александромъ въ утвердительномъ смыслѣ. Что произойдетъ на этомъ сеймѣ? — вопросъ другой, которымъ депутаты, сколько можно судить по документамъ, не были особенно озабочены. Для нихъ въ эту минуту былъ важенъ фактъ созванія сейма. Данныя депутатамъ инструкціи они исполнили въ точности.

Всѣ депутаты, кромѣ готоваго какъ выше объяснено содержанія, получили щедрыя награды. Барону Виллебранту пожалованы звѣзда и лента Анны 1 ст. и 500 червонцевъ. Баронъ Маннергеймъ удостоенъ того же ордена 2 ст. съ алмазами и 500 червонныхъ. Прочіе дворяне: Роткирхъ, Сильвершольдъ, Краббе и Ребиндеръ награждены анненскими крестами той же степени, но безъ алмазовъ и каждый также пятью стами червонцами. Ректоръ Гартманъ и духовные Лебелль, Валеніусъ, Яймеліусъ и Кастрéнъ пожалованы кавалерами ордена св. Владиміра 4 ст. и брилліантовыми перстнями съ шифрами, цѣною отъ 1.000 до 1.500 р. каждый. Купеческимъ депутатамъ, въ числѣ семи лицъ, даны золотыя медали на шею, на голубыхъ андреевскихъ лентахъ, и по брилліантовому перстню безъ шифра, цѣною отъ 600 до 700 руб Наконецъ пятеро крестьянъ получили по золотой же медали только меньшаго размѣра, для ношенія на шеѣ на красныхъ александровскихъ лентахъ, и каждый по 500 р. асс. Сдѣланное для нихъ платье осталось, разумѣется, при нихъ.

Медали изготовлены были спеціально для этого случая; на нихъ изображены: на одной сторонѣ—портретъ Императора Александра; на другой—надпись по-русски: «финскимъ депутатамъ,

17-го ноября 1808 г.»—т. е. день представленія большинства ихъ Государю.

Содержаніе депутаціи обошлось государственному казначейству въ 28.837 р. [1]), а съ подарками въ 52.000.

---

[1]) Изъ отчета Ахлопкова:

	руб.	коп.
Столовыя деньги, 23 лицамъ, со дня пріѣзда до выбытія	12.763	33¾
Наемъ квартиръ съ мебелью	4.197	30
Наемъ квартиры бар. Спренгтпортену, по особому высочайшему повелѣнію	935	—
Отопленіе	1.256	42
Освѣщеніе	754	80
На экипажъ, загородныя поѣздки и разъѣзды чиновниковъ	6.945	—
Наемъ ложъ въ театрахъ	825	—
На жалованье 3-мъ истопникамъ и комнатному смотрителю	277	50
На платье 5-ти депутатамъ крестьянскаго сословія и покупку лентъ къ медалямъ	272	—
...лочи и загородныя угощенія	611	—
	28.837	35

ГЛАВА XXI.

Приготовленія къ сейму.

Положеніе о временномъ управленіи Финляндіи и о генералъ-губернаторѣ, утвержденное 19-го ноября, обѣщало «генеральное и конституціонное собраніе» финскихъ земскихъ чиновъ. Аракчеевъ не долго думая подписалъ сочиненный Спренгтпортеномъ проектъ, рѣшительно обѣщающій конституціонный созывъ сейма, хотя дѣйствовавшая конституція была собственно конституція Швеціи. Но гр. Салтыковъ, этого положенія неподписывавшій и по новизнѣ дѣла болѣе осторожный, или можетъ быть будучи подъ вліяніемъ образа мыслей своего начальника гр. Румянцова, побудившаго Императора Александра полгода назадъ отмѣнить обѣщанный сеймъ,—Салтыковъ колебался. Колебаніе было тѣмъ рельефнѣе что въ это именно время, т. е. во второй половинѣ декабря, ему приходилось заниматься вмѣстѣ съ Спренгтпортеномъ отвѣтомъ на просьбу депутатовъ, въ чемъ оба не вполнѣ были согласны между собою. Въ отвѣтѣ также приходилось обѣщать созваніе въ скоромъ времени сейма. Дѣло было новое, крайне щекотливое, и Салтыковъ, дѣйствуя за гр. Румянцова, не могъ не бояться отвѣтственности. Поэтому онъ сталъ искать помощи и совѣта помимо Спренгтпортена,—и не нашелъ ничего лучшаго какъ обратиться къ Маннергейму. Такимъ образомъ безсознательно и даже съ добрыми побужденіями, каждый почти изъ русскихъ государственныхъ людей попадалъ подъ вліяніе лицъ прямо враждебныхъ Россіи.

Маннергеймъ охотно пошелъ навстрѣчу къ человѣку, кото-

рый самъ отдавался ему въ руки. Поэтому въ частной запискѣ [1]) онъ излагалъ ему свои личныя мысли и чувства по поводу тогдашняго положенія Финляндіи, и не претендуя будто-бы на вѣрность своихъ взглядовъ просилъ считать ихъ совершенно частными. Какъ и другіе его соотечественники, дававшіе совѣты русскимъ правительственнымъ лицамъ, онъ повторялъ тотъ же мотивъ, что слишкомъ еще рано окончательно устраивать управленіе Финляндіи. «Прежде чѣмъ думать о немъ,—писалъ онъ,—необходимо возстановить полное спокойствіе; до того же достаточно временныхъ мѣръ. Страна только-что завоеванная и еще недовѣряющая можетъ быть своимъ новымъ властителямъ, гдѣ населеніе, частію по крайней мѣрѣ, предано прежнему своему правительству, страна, которая вновь можетъ сдѣлаться театромъ войны,—такая страна не способна воспринять прочныя учрежденія, пока благодѣтельный миръ не разсѣетъ опасеній и не соединитъ сердецъ. Финскій народъ добръ, но не свободенъ отъ предразсудковъ. При справедливомъ и умѣренномъ правительствѣ онъ всегда будетъ доволенъ и признателенъ; напротивъ, несправедливость и притѣсненія вызовутъ недовольство и свирѣпость (farouche). Онъ крайне привязанъ къ своимъ стариннымъ обычаямъ и недовѣряетъ новизнамъ. Послѣ Бога, государь—его божество, особенно когда онъ добръ, благосклоненъ и заботится о его счастіи.»

Общія эти фразы, сами по себѣ вѣрныя не въ отношеніи къ финнамъ только, но и ко всякому народу, направлены были конечно къ тому, чтобы предрасположить Салтыкова въ пользу сохраненія прежнихъ порядковъ и въ частности въ пользу созванія сейма. Маннергеймъ въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ мыслей сдѣлалъ краткій очеркъ учрежденій и дѣйствующихъ законовъ Финляндіи, общихъ впрочемъ—пояснялъ онъ—для всей Швеціи.

Но затѣмъ Маннергеймъ прямо отвѣчалъ на вопросъ Салтыкова: нужно-ли, при бывшихъ обстоятельствахъ, созваніе сейма?

---

[1]) Отъ 28-го декабря 1808 г. Арх. М. Ин. Д., Camp. Suèd. 1808, députation finl., лист. 70; записка на французскомъ языкѣ.

—«Я не могу не отвѣчать утвердительно,—писалъ онъ. Сеймъ всетаки будетъ для страны сборнымъ пунктомъ и можетъ быть средствомъ примирить интересы и умы, не довольно еще привыкшіе къ новому порядку вещей. Присутствіе нашего августѣйшаго Государя, его доброта, доступность, довѣріе тѣмъ самымъ проявленное и обѣщанія на дѣлѣ исполненныя, пріобрѣтутъ ему болѣе сердецъ, нежели милостивыя воззванія и торжество его оружія, и благодѣтельный Александръ будетъ столько же любимъ финнами, сколько и другими его подданными.»

«Я согласенъ однако,—продолжалъ Маннергеймъ,—что для окончательнаго устройства Финляндіи не настало еще время. Что же касается дѣлъ въ настоящую минуту неотложныхъ, каковы налоги, военное положеніе, устройство суда, то ихъ можно было бы временно привести въ порядокъ, пока не будетъ заключенъ миръ. Но, говорю еще разъ, надо очень осторожно приниматься за нововведенія; лучше сохранить въ цѣлости старые обряды, даже съ ихъ недостатками, отложивъ перемѣны до другаго времени. Думаю, что народъ тогда будетъ наиболѣе доволенъ и не будетъ имѣть права (?) требовать (!) ничего больше; онъ будетъ спокоенъ и не подумаетъ о тѣхъ прожектёрахъ, которые подъ личиною блага страны часто ничего не ищутъ, кромѣ пищи для своихъ происковъ и честолюбія.»

Какъ видно, Маннергеймъ неуклонно слѣдовалъ инструкціямъ, даннымъ въ Або. Онъ забывалъ на время исторію, говоря напр. о обожаніи финновъ къ ихъ государю, когда не позже какъ черезъ два мѣсяца, при содѣйствіи финляндцевъ былъ низвергнутъ и заточенъ Густавъ Адольфъ IV, а противъ его предшественника Густава III именно финляндцы затѣяли аньяльскую конфедерацію, съ прямою цѣлью лишить его не только части владѣній, но даже при надобности свободы и самой жизни. О болѣе давнихъ случаяхъ излишне и говорить. Финляндское дворянство шло рука объ руку съ дворянствомъ шведскимъ того времени, мятежнымъ и продажнымъ. Но Маннергейму нужно было достигать своихъ цѣлей, и всякія средства были для того хороши. Тѣмъ болѣе онъ могъ разсчитывать на успѣхъ настоящихъ своихъ объясненій, что они носили на себѣ печать благоразумія и спокой-

ствія; нигдѣ не просвѣчивало и тѣни пренебреженія къ русскому государственному достоинству, а тѣмъ болѣе «абоскихъ» идей. Подкладки не было видно, а добродушные люди, къ которымъ онъ обращалъ свои слова, угадать ея не могли.

Дѣйствительно, нужно полагать что Салтыковъ вполнѣ успокоился послѣ Маннергеймовой записки, такъ какъ уже черезъ недѣлю, 4-го января, былъ доложенъ и утвержденъ Александромъ проектъ отвѣта финляндскимъ депутатамъ. Въ немъ, какъ извѣстно, обѣщаніе созвать въ скоромъ времени сеймъ повторялось съ полною опредѣленностію.

Сеймы въ Швеціи были двоякаго рода: общегосударственные и мѣстно-провинціальные. О послѣднихъ въ отношеніи собственно Финляндіи говорилъ и Буксгевденъ Румянцову, возражая противъ созванія сейма [1]). О сеймѣ государственномъ (риксдагѣ) не могло быть рѣчи. Но теперь, когда надо было приступить къ исполненію обѣщанія и къ созванію сейма на дѣлѣ, министерство не знало за что приняться. Явились на помощь тѣ же шведы и финны и засыпали свѣдѣніями и записками о составѣ сеймовъ, о порядкѣ созыва и дѣйствій, о предѣлахъ ихъ власти и пр. Всѣ эти записки и свѣдѣнія принимались къ дѣламъ и руководству, безъ соображенія съ тѣмъ что они относились не къ мѣстнымъ, а къ общегосударственнымъ шведскимъ риксдагамъ. Какъ упомянуто, Маннергеймъ сообщилъ ихъ въ запискѣ Салтыкову. Ребиндеръ излагалъ ихъ въ особомъ мемуарѣ. Агентъ министерства иностранныхъ дѣлъ Букъ, въ сущности агентъ Спренгтпортена, съ своей стороны тоже подалъ записку, едва-ли не самую пространную. Министерство принимало записки и не видѣло ихъ несообразности. Не давая себѣ отчета дѣлали сразу крупную ошибку, примѣняя къ мѣстному ландтагу формы шведскихъ риксдаговъ.

Изложимъ для видимости краткія свѣдѣнія объ этихъ послѣднихъ. По шведскимъ постановленіямъ представительныя права принадлежали четыремъ сословіямъ: дворянству, духовенству, горожанамъ и крестьянамъ или земледѣльцамъ. Каждое изъ этихъ

---

[1]) См. выше, стр. 151, т. II.

крестьянъ-землевладѣльцевъ только часть къ нему допускалась. Крестьяне дѣлились всегда на коронныхъ, фрельзовыхъ или дворянскихъ, и скаттовыхъ или собственниковъ, смотря по натурѣ земель на которыхъ имѣютъ осѣдлость, казенныхъ, дворянскихъ или собственныхъ. Эти крестьянскія земли (гейматы) заключаютъ въ себѣ извѣстное количество обработанной земли, съ крестьянскимъ дворомъ и угодьями въ такомъ размѣрѣ, чтобы оно, составляя родъ небольшой фермы, могло существовать самостоятельно[1]). Крестьянинъ коронный, или казенный, платитъ за обработываемый имъ участокъ опредѣленныя закономъ подати казнѣ. При исправности онъ пользуется обезпеченіемъ въ томъ, что земля имъ занимаемая можетъ остаться и за его наслѣдниками. Единовременной уплатой трехлѣтнихъ податей (скаттъ) казенный крестьянинъ можетъ обратить казенный гейматъ въ полную свою собственность и сдѣлаться самостоятельнымъ владѣльцемъ, или *скаттонымъ* крестьяниномъ. Фрельзовые или дворянскіе земледѣльцы, живя подобнымъ образомъ на дворянскихъ или помѣщичьихъ земляхъ по контрактамъ, не имѣли значенія крѣпостныхъ крестьянъ и пользовались общими гражданскими правами. Земли ими занимаемыя также могли, въ извѣстномъ порядкѣ, дѣлаться ихъ собственностію и въ такомъ случаѣ гейматъ и крестьянинъ обращались во фрельзе-скаттовые, но самыя земли не лишались права дворянскихъ имѣній, т. е. освобожденія отъ извѣстныхъ податей. Впрочемъ собственники и казенно-скаттовыхъ и фрельзескаттовыхъ участковъ обязаны были вносить постоянно казнѣ и дворянину опредѣленныя подати.

Изъ всѣхъ этихъ категорій крестьянъ только крестьяне скаттовые составляли и составляютъ до сего времени въ Финляндіи четвертое сеймовое сословіе. Всѣ прочіе жители, военные и гражданскіе чиновники, служащіе и отставные, если они не изъ дво-

[1]) Это не относится къ такъ называемымъ торпарямъ и бобылямъ, которые арендуютъ, какъ у дворянъ и другихъ владѣльцевъ, такъ и у крестьянъ, произвольныя количества земли для постановки дома и хозяйства, за которые и платятъ деньгами или работою. Владѣлецъ имѣетъ право во всякое время выселить торпаря и воспользоваться обработанною имъ землею (система англійскаго фермерства).

рянъ, рабочій классъ, торпари, прислуга и т. п., не причисляются ни къ одному изъ сословій и потому не участвуютъ въ сеймахъ.

Главнѣйшія правила, коими руководились въ Швеціи въ отношеніи сеймовъ, были слѣдующія. Слѣдуетъ впрочемъ повторить, что то были сеймы не провинціальные или мѣстные, а государственные; самое названіе риксдага (Riksdag) свидѣтельствовало объ ихъ общегосударственномъ значеніи. Созваніе чиновъ принадлежало исключительно королю, также какъ и время и мѣсто собранія ихъ. Сеймъ могъ заниматься только дѣлами предложенными королемъ. Всѣ главнѣйшіе предметы управленія, вопросы касающіеся измѣненія коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ, отмѣна привилегій предоставленныхъ сословіямъ, изданіе уголовныхъ и гражданскихъ законовъ, наложеніе новыхъ податей, измѣненіе въ законахъ о военной службѣ и т. п., король обязанъ былъ предлагать на разсмотрѣніе государственныхъ чиновъ и безъ ихъ согласія ничего повелѣть не могъ. Измѣненіе коренныхъ постановленій и привилегій, а также назначеніе новыхъ податей требовали согласія всѣхъ четырехъ сословій. Въ прочихъ дѣлахъ согласія трехъ сословій было достаточно. Постановленія сейма для облеченія въ силу закона представлялись на утвержденіе короля. Для управленія совѣщаніями въ двухъ низшихъ сословіяхъ сейма король назначалъ предсѣдателей или ораторовъ (тальмановъ); предводитель дворянскаго сословія, ландмаршалъ, былъ и представителемъ сейма. Въ духовенствѣ постояннымъ предводителемъ былъ архіепископъ упсальскій. При открытіи сейма читались королевскія предложенія по дѣламъ назначеннымъ на разсмотрѣніе сейма. Для разработки ихъ сеймъ выбиралъ особыя коммисіи, въ составъ которыхъ назначалось отъ дворянства вдвое болѣе членовъ, нежели отъ каждаго изъ прочихъ сословій. Соображенія коммисій поступали на разсмотрѣніе каждаго изъ сословій въ отдѣльности. Эти послѣднія собирались каждое отдѣльно; общее собраніе всѣхъ чиновъ (plenum plenorum), кромѣ открытія и закрытія сейма, случалось очень рѣдко. Рѣшенія сословія сообщались всѣмъ прочимъ сословіямъ. Въ сословіяхъ недворянскихъ дѣла рѣшались въ каждомъ по большинству голосовъ, въ дворянствѣ же, которое дѣлилось какъ

сказано на три класса, каждый дворянскій родъ имѣлъ въ своемъ классѣ или разрядѣ одинъ голосъ, и мнѣніе составлялось по большинству голосовъ; затѣмъ каждый классъ въ отношеніи ко всему сословію имѣлъ также одинъ голосъ, такъ что мнѣніе двухъ классовъ уничтожало несогласное мнѣніе третьяго. Окончательное сеймовое опредѣленіе составлялось особо избранными отъ каждаго сословія членами. Въ случаѣ несогласія короля съ опредѣленіемъ сейма онъ не имѣлъ права принять какія либо мѣры, а дѣло отлагалось до слѣдующаго сейма.

Таковы были начала, которыя, по справкамъ финскихъ совѣтниковъ, предстояло русскому государю примѣнять къ сейму или ландтагу новопокоренной провинціи. Весьма сомнительно, чтобы Императору Александру извѣстны были всѣ подробности и вся сущность ихъ. Но одно можно утвердительно сказать, что всѣ мемуары, которые предназначались для свѣдѣнія его, напр. письмо Маннергейма Салтыкову, записки Ребиндера и Бука, сглаживали или проходили молчаніемъ безправіе королевской власти. Цѣль Ребиндера, чтобы Государь въ Финляндіи не управлялъ а только царствовалъ, хранилась въ тайнѣ. Главнѣе же всего умалчивалось о томъ, что въ Швеціи ея конституція имѣла свое историческое raison d'être, короли избирались въ прежнее время народомъ именно на условіяхъ этой конституціи, которая и получала характеръ обоюднаго договора. Потомъ эта конституція въ своихъ видоизмѣненіяхъ была послѣдствіемъ всякаго рода революцій и въ ней, не смотря на нѣкоторыя фразы о почтеніи къ особѣ короля и о довѣріи къ народу, съ очевидностію просвѣчивало обоюдное же недовѣріе и исканіе гарантій. По этой конституціи представители народа раздѣляли съ королемъ верховную власть, и самая присяга на вѣрность приносилась не только королю, но и государственнымъ чинамъ. Какъ примѣнить къ одной только покоренной провинціи такой сложный, притомъ государственный аппаратъ, стоящій въ полномъ противорѣчіи съ государственнымъ механизмомъ Россіи,—тогдашніе русскіе правители не думали, надо полагать по совершенному незнанію этого аппарата. Самъ Сперанскій впослѣдствіи, говоря о множествѣ мелочныхъ по Финляндіи дѣлъ, восходившихъ на разсмотрѣніе и

утвержденіе Императора Александра, признавалъ что въ Швеціи, въ силу ея конституціи, власть державная бывъ ограничена закономъ, должна была искать усилить себя подробностями управленія [1]). Роль, нельзя не признать, совершенно несвойственная и недостойная самодержавной верховной власти.

Такимъ образомъ русское правительство, широко обѣщая сохраненіе правъ и преимуществъ вновь завоеваннаго края, вовсе не имѣло о нихъ даже приблизительнаго понятія, и потому, не положивъ опредѣленныхъ предѣловъ этой терпимости или великодушію, какъ бы ставило Государя своего въ положеніе ограниченнаго и поддоговорнаго правителя, хотя между побѣдителемъ и побѣжденнымъ не было и не могло быть и тѣни договора. Это было на дѣлѣ невозможно и по существу русской государственной власти, а потому Аракчеевъ, Салтыковъ и имъ подобные безсознательно оказались предъ дилеммой. Какъ она разрѣшилась и разрѣшилась-ли—видно изъ послѣдующаго изложенія.

Въ п. 15 Положенія 19-го ноября постановлено было, что собраніе земскихъ чиновъ состоится въ январѣ, и для сбора ихъ назначенъ городъ Ловиза. Этотъ городокъ былъ избранъ какъ мѣсто наиболѣе близкое къ прежней границѣ и къ столицѣ, въ той надеждѣ что Императоръ Александръ лично прибудетъ на сеймъ [2]). Но время шло, пребываніе финляндскихъ депутатовъ въ Петербургѣ затянулось; замедлилось и разсмотрѣніе ихъ просьбъ. На представленія Спренгтпортена не получалось отвѣтовъ. Сперанскому, какъ человѣку новому, нужно было время осмотрѣться. Поэтому разсчетъ на то, что сеймъ соберется въ январѣ, былъ оставленъ, и для него назначенъ новый срокъ—въ мартѣ.

Для Императора Александра сеймъ не составлялъ—слѣдуетъ повторить—предмета особаго интереса, а тѣмъ менѣе инниціативы. Ему этотъ сеймъ, такъ сказать, навязывали; поэтому о немъ надо было напоминать и повторять мотивы служившіе поводомъ его

---

[1]) Отчетъ Сперанскаго за 1810 г. Сборн. Истор. Общ..

[2]) Corresp. off. de Sprengtporten, стр. 62.

собранія. Спренгтпортенъ, который находился еще въ Петербургѣ, это и дѣлалъ въ одномъ изъ докладовъ Государю въ январѣ мѣсяцѣ [1]). Представляя проектъ объявленія о созывѣ сейма и ссылаясь на Положеніе 19-го ноября, онъ находилъ нужнымъ вновь разъяснять Государю значеніе сейма. Такія повторенныя разъясненія свидѣтельствуютъ, что въ надобности созыва сейма Александръ Павловичъ не имѣлъ не только убѣжденія но даже и просто опредѣленнаго мнѣнія. Напротивъ, можно думать что сейма если не сознательно, то инстинктивно въ Петербургѣ побаивались. Спренгтпортенъ вновь разсказывалъ, что это общее собраніе сословій Финляндіи назначено «для раскрытія мыслей и нуждъ народа, способовъ къ улучшенію и установленію гармоніи въ умахъ финляндцевъ, удаленныхъ такъ сказать тѣмъ положеніемъ неувѣренности, въ которомъ они теперь находятся» [2]). Спренгтпортенъ, конечно, не преминулъ напомнить Александру Павловичу и о томъ, что обѣщаніе созыва недавно возобновлено въ отвѣтѣ депутатамъ.

Мѣсто собранія переносилось теперь изъ Ловизы въ Борго, 45 верстъ далѣе, причемъ Спренгтпортенъ прямо себѣ приписывалъ такую перемѣну [3]). Въ Ловизѣ, оказывалось, всѣ казенныя зданія болѣе или менѣе удобныя, были отданы подъ госпитали и разныя другія учрежденія; переносить ихъ и ремонтировать строенія взяло бы много времени. Або, по дальности отъ Петербурга и по

[1]) Безъ помѣты числомъ. Corresp. de Sprengtporten, стр. 61.

[2]) .....une Assemblée Générale des états de Finlande, pour y découvrir les idées, ainsi que les besoins de la nation, les moyens d'amélioration et la manière d'établir la bonne harmonie parmi les esprits finnois éloignés pour ainsi dire par la situation incertaine dans laquelle ils se trouvent actuellement и т. д.

[3]) .....j'ai cru devoir déterminer pour cet effet la ville de Borgo. (Изъ упомянутаго предъ симъ доклада).—Борго одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Финляндіи. Полагаютъ, что онъ основанъ въ половинѣ XIV столѣтія. Въ немъ считалось до 2.800 жителей, имѣлъ мѣстопребываніе епископъ, была гимназія, домъ которой и назначенъ подъ сеймъ. — Теперь (Statistisk årsbok 1887) въ немъ числится 3.876 жителей. Жилыхъ домовъ 355; имѣется 1 лицей съ 185 учениками, 1 частное женское училище со 108 дѣвочками и 1 элементарная школа; все шведское.

близости къ мѣсту военныхъ дѣйствій, не долженъ былъ приниматься въ разсчетъ. Можно думать, что Ребиндеръ предлагалъ собрать сеймъ въ Выборгѣ и подавалъ даже объ этомъ записку,— но такое предположеніе не соотвѣтствовало видамъ Спренгтпортена и другихъ финляндцевъ, такъ какъ Выборгъ былъ въ Россіи. Затѣмъ Борго представлялъ наиболѣе удобствъ въ виду окружающихъ его на близкомъ разстояніи имѣній, такъ что по мнѣнію Спренгтпортена Государь со свитой могли бы помѣститься тамъ прилично (convenablement). Новый срокъ опредѣленъ Спренгтпортеномъ на 10-е марта (стар. стиля), о чемъ онъ и докладывалъ Александру, поясняя что ранѣе невозможно было назначить, такъ какъ нужно еще время для разсылки объявленій о выборѣ депутатовъ.

Затѣмъ онъ ожидалъ повелѣній. Однако ихъ не получалось. Поэтому, сообщая Сперанскому списокъ дѣлъ, по которымъ ожидаются высочайшія разрѣшенія, онъ включилъ въ него (подъ № 4) и ходатайство объ утвержденіи проекта объявленія о созывѣ сейма. Наконецъ особымъ письмомъ къ Сперанскому отъ 18-го января онъ еще разъ просилъ ускорить этимъ дѣломъ, объясняя, что теперь и къ новому сроку, т. е. 10-му марта, нельзя будетъ поспѣть всѣми приготовленіями.

Такія настоянія наконецъ подѣйствовали, и проектъ объявленія по докладу Сперанскаго утвержденъ 20-го января. Проектъ относился собственно къ такъ называемой новой Финляндіи, т. е. той ея части, которая была только-что покорена. Онъ былъ написанъ по-французски и на немъ имѣется французская же надпись рукою Сперанскаго о высочайшемъ подписаніи [1]). Вотъ это воззваніе.

«Par les décrets de la Providence et les succès de Nos armes, le grand Duché de Finlande ayant été uni pour toujours à Notre Empire, le bien-être de ses habitants devient un des premiers objets de Notre sollicitude. Persuadés que pour atteindre à ce but salutaire tous les

---

[1]) Signé par S. M. le 20 Janvier 1809 et expédié au général Sprengtporten.—Projet de lettre patente pour la convocation de la diète.—Бумаги Сперанскаго.

états de Finlande s'empresseront à Nous seconder de leurs efforts, Nous avons résolu conformément aux constitutions du pays de les réunir en diète, et en conséquence nous avons ordonné et l'ordonnont par ces présentes qu'une diète générale soit convoquée pour le dix du mois de mars de cette année dans la ville de Borgo. A cet effet les plénipotentiaires de tous les états s'y rendront de la manière prescrite dans les réglements de diète pour discuter des objets que Nous trouverons bon de confier à leurs délibérations.—Donné à S-t Pétersbourg, le 20 Janvier 1809 [1]).

Слѣдуетъ отмѣтить въ этомъ объявленіи нѣкоторыя выраженія, имѣющія значеніе для болѣе точнаго толкованія документа: сказано о соединеніи Финляндіи съ Россіей, а не съ короною, не съ особой императора. Затѣмъ созывъ сейма сдѣланъ conformément *aux* constitutions, а не *à la* constitution, т. е. сообразно съ установленіями страны, а не съ конституціею общею. Шведскій переводъ сдѣланъ былъ Лангелемъ и Спренгтпортеномъ, и въ немъ употреблено выраженіе Landets författningar, т. е. по установленіямъ, учрежденіямъ страны [2]). Составители держались, слѣдовательно, духа манифеста 5-го іюня 1808 г. о единеніи Финляндіи съ Россіей.

Успѣхъ настояній Спренгтпортена получилъ наконецъ вполнѣ опредѣленное выраженіе, и онъ торопился переводомъ воззванія и его оглашеніемъ. Въ послѣднюю минуту произошла новая, хотя и мелочная задержка въ печатаніи шведскаго перевода, который

[1]) По соединеніи волею Провидѣнія и успѣхами Нашего оружія Великаго Княжества Финляндскаго на всегда съ Нашей Имперіей, благосостояніе его жителей дѣлается однимъ изъ первыхъ предметовъ Нашихъ попеченій. Въ убѣжденіи, что для достиженія этой жизненной цѣли всѣ сословія Финляндіи поспѣшатъ оказать Намъ содѣйствіе своими усиліями, Мы рѣшили, сообразно съ установленіями страны, собрать ихъ на сеймъ; вслѣдствіе чего Мы повелѣли и повелѣваемъ настоящею грамотою дабы общій сеймъ былъ созванъ на 10-е марта сего года въ г. Борго. На сей конецъ уполномоченные всѣхъ сословій отправятся туда въ порядкѣ предписанномъ правилами сейма для сужденій по тѣмъ предметамъ, кои Мы признаемъ за благо довѣрить ихъ обсужденію.—Дано въ Петербургѣ 20-го января 1809 г.

[2]) Офф. переп. Спренгтпортена, стр. 107, № 34.

собственно и долженъ былъ быть посланъ для распубликованія. Въ петербургскихъ типографіяхъ не нашлось готовой литеры å, употребляемой въ шведскомъ языкѣ, и ее пришлось рѣзать, а затѣмъ отливать. По поводу этой задержки съ шведскимъ переводомъ нельзя не обратить вниманія на то, что заботились о шведскомъ текстѣ объявленія и вовсе не думали о текстѣ финскомъ, тогда какъ большинство крестьянскаго и отчасти городскаго населенія Финляндіи не знало шведскаго языка. Это, конечно, характеризуетъ мѣру значенія сейма, какъ всенароднаго представительства. Преобладающая масса народа могла знать только то, что скажутъ чиновники и пасторы, и кàкъ они скажутъ.

Для разсылки объявленій Спренгтгортенъ потребовалъ 21 го января у Сперанскаго эстафеты въ четырехъ направленіяхъ: въ Куопіо и въ Улеаборгъ, въ Гейнола, въ Тавастгусъ и Вазу, и въ Або и въ Борго. Вмѣсто эстафетъ были посланы въ дальнія мѣста фельдъегеря.

По отправкѣ объявленій пошла рѣчь о церемоніалѣ открытія сейма. Знатоки, бар. Ребиндеръ и особенно Букъ, составляли описанія разныхъ подробностей созыва шведскихъ чиновъ.

Тѣмъ временемъ Спренгтпортенъ торопился до отъѣзда изъ Петербурга провести своихъ людей на видныя мѣста теперь предстоявшія. Въ числѣ такихъ на первомъ планѣ было званіе маршала сейма, т. е. предводителя дворянскаго сословія, который руководилъ бы и всѣмъ порядкомъ на сеймѣ вообще. Поэтому Спренгтпортенъ поспѣшилъ обратиться къ Сперанскому съ заявленіемъ о необходимости немедленно назначить это должностное лицо. «Среди тѣхъ,—писалъ онъ ему 24-го января,—кто могъ бы считать себя въ правѣ домогаться этого назначенія, я не знаю никого болѣе достойнаго, какъ барона Де-Геера, теперь здѣсь находящагося.» Это былъ тотъ самый баронъ Де-Гееръ, котораго Спренгтпортенъ такъ усиленно рекомендовалъ въ началѣ войны гр. Румянцову, какъ богатѣйшаго землевладѣльца, ревностно желающаго присягнуть Императору Александру, и который такъ неожиданно опровергъ всѣ утвержденія Спренгтпортена. Теперь Спренгтпортенъ вновь осыпалъ похвалами своего пріятеля. «Со

всеобщимъ довѣріемъ, коимъ Де-Гееръ пользуется, —продолжалъ онъ внушать Сперанскому,—баронъ обладаетъ всѣми качествами, нужными для этого званія: способностью, рожденіемъ, значеніемъ и честностью; если Е. В. удостоитъ его своимъ вниманіемъ, то не сомнѣваюсь, что будетъ очень доволенъ своимъ выборомъ.» Спренгтпортенъ умалчивалъ при этомъ объ одномъ недостаткѣ Де-Геера, очень немаловажномъ. Извѣстный Ребиндеръ съ своей стороны, характеризуя Де-Геера по поводу одного обстоятельства, писалъ [1]) тому же Сперанскому: «я отвѣчаю за его (Де-Геера) добрыя намѣренія, но онъ слабъ и даетъ себя водить то просвѣщеннымъ людямъ, то разнымъ аферистамъ» [2]).

«Маршалъ дворянства, — продолжалъ Спренгтпортенъ, — живетъ на счетъ государя. Онъ установляетъ порядокъ предложеній, занятія депутацій, внутреннее хозяйство и полицію сейма. Обыкновенно въ его распоряженіе предоставляется нѣкоторая сумма для употребленія въ дѣлахъ, успѣхъ коихъ остается на его отвѣтственности. Отъ Е. В. зависитъ опредѣлить по своему усмотрѣнію эту сумму; но какъ бы она ни была велика, она обыкновенно возвращается въ казну вслѣдъ за прекращеніемъ сейма, для чего признательный народъ назначаетъ часть усиленной подати [3]).»

Предложеніе Спренгтпортена было принято, и Де-Гееръ въ началѣ февраля былъ уже маршаломъ сейма. Онъ не замедлилъ обратиться къ Сперанскому съ запиской (note très humble), въ которой среди 4-хъ пунктовъ по разнымъ предметамъ заключалось и ходатайство объ отпускѣ аванса, который по окончаніи сейма,—повторялъ и онъ,—будетъ пополненъ. Де-Гееръ прямо опредѣлялъ размѣръ суммы въ 100 или 150 тысячъ рублей; назначеніе ея было—на расходы по сейму (pour les frais de la diète). Онъ просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы часть денегъ была немедленно вы-

[1]) 25-го марта, изъ Борго.—Переписка Сперанскаго. Прилож. № 106.

[2]) Впослѣдствіи, при выборѣ сеймомъ кандидатовъ на должности членовъ правительственнаго совѣта, Де-Гееръ получилъ голоса только двухъ сословій изъ четырехъ. Это не свидѣтельствовало о всеобщемъ къ нему довѣріи.

[3]) См. Приложеніе № 101.

собственно и долженъ былъ быть посланъ для распубликованія. Въ петербургскихъ типографіяхъ не нашлось готовой литеры å, употребляемой въ шведскомъ языкѣ, и ее пришлось рѣзать, а затѣмъ отливать. По поводу этой задержки съ шведскимъ переводомъ нельзя не обратить вниманія на то, что заботились о шведскомъ текстѣ объявленія и вовсе не думали о текстѣ финскомъ, тогда какъ большинство крестьянскаго и отчасти городскаго населенія Финляндіи не знало шведскаго языка. Это, конечно, характеризуетъ мѣру значенія сейма, какъ всенароднаго представительства. Преобладающая масса народа могла знать только то, что скажутъ чиновники и пасторы, и какъ они скажутъ.

Для разсылки объявленій Спренгтгортенъ потребовалъ 21-го января у Сперанскаго эстафеты въ четырехъ направленіяхъ: въ Куопіо и въ Улеаборгъ, въ Гейнола, въ Тавастгусъ и Вазу, и въ Або и въ Борго. Вмѣсто эстафетъ были посланы въ дальнія мѣста фельдъегеря.

По отправкѣ объявленій пошла рѣчь о церемоніалѣ открытія сейма. Знатоки, бар. Ребиндеръ и особенно Букъ, составляли описанія разныхъ подробностей созыва шведскихъ чиновъ.

Тѣмъ временемъ Спренгтпортенъ торопился до отъѣзда изъ Петербурга провести своихъ людей на видныя мѣста теперь предстоявшія. Въ числѣ такихъ на первомъ планѣ было званіе маршала сейма, т. е. предводителя дворянскаго сословія, который руководилъ бы и всѣмъ порядкомъ на сеймѣ вообще. Поэтому Спренгтпортенъ поспѣшилъ обратиться къ Сперанскому съ заявленіемъ о необходимости немедленно назначить это должностное лицо. «Среди тѣхъ,—писалъ онъ ему 24-го января,—кто могъ бы считать себя въ правѣ домогаться этого назначенія, я не знаю никого болѣе достойнаго, какъ барона Де-Геера, теперь здѣсь находящагося.» Это былъ тотъ самый баронъ Де-Гееръ, котораго Спренгтпортенъ такъ усиленно рекомендовалъ въ началѣ войны гр. Румянцову, какъ богатѣйшаго землевладѣльца, ревностно желающаго присягнуть Императору Александру, и который такъ неожиданно опровергъ всѣ утвержденія Спренгтпортена. Теперь Спренгтпортенъ вновь осыпалъ похвалами своего пріятеля. «Со

всеобщимъ довѣріемъ, коимъ Де-Гееръ пользуется, —продолжалъ онъ внушать Сперанскому,—баронъ обладаетъ всѣми качествами, нужными для этого званія: способностью, рожденіемъ, значеніемъ и честностью; если Е. В. удостоитъ его своимъ вниманіемъ, то не сомнѣваюсь, что будетъ очень доволенъ своимъ выборомъ.» Спренгтпортенъ умалчивалъ при этомъ объ одномъ недостаткѣ Де-Геера, очень немаловажномъ. Извѣстный Ребиндеръ съ своей стороны, характеризуя Де-Геера по поводу одного обстоятельства, писалъ [1]) тому же Сперанскому: «я отвѣчаю за его (Де-Геера) добрыя намѣренія, но онъ слабъ и даетъ себя водить то просвѣщеннымъ людямъ, то разнымъ аферистамъ» [2]).

«Маршалъ дворянства, — продолжалъ Спренгтпортенъ, — живетъ на счетъ государя. Онъ установляетъ порядокъ предложеній, занятія депутацій, внутреннее хозяйство и полицію сейма. Обыкновенно въ его распоряженіе предоставляется нѣкоторая сумма для употребленія въ дѣлахъ, успѣхъ коихъ остается на его отвѣтственности. Отъ Е. В. зависитъ опредѣлить по своему усмотрѣнію эту сумму; но какъ бы она ни была велика, она обыкновенно возвращается въ казну вслѣдъ за прекращеніемъ сейма, для чего признательный народъ назначаетъ часть усиленной подати [3]).»

Предложеніе Спренгтпортена было принято, и Де-Гееръ въ началѣ февраля былъ уже маршаломъ сейма. Онъ не замедлилъ обратиться къ Сперанскому съ запиской (note très humble), въ которой среди 4-хъ пунктовъ по разнымъ предметамъ заключалось и ходатайство объ отпускѣ аванса, который по окончаніи сейма,—повторялъ и онъ,—будетъ пополненъ. Де-Гееръ прямо опредѣлялъ размѣръ суммы въ 100 или 150 тысячъ рублей; назначеніе ея было—на расходы по сейму (pour les frais de la diète). Онъ просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы часть денегъ была немедленно вы-

[1]) 25-го марта, изъ Борго.—Переписка Сперанскаго. Прилож. № 106.

[2]) Впослѣдствіи, при выборѣ сеймомъ кандидатовъ на должности членовъ правительственнаго совѣта, Де-Гееръ получилъ голоса только двухъ сословій изъ четырехъ. Это не свидѣтельствовало о всеобщемъ къ нему довѣріи.

[3]) См. Приложеніе № 101.

дана для передачи интенданту сейма, въ виду спѣшности ра
ряженій.

Русское правительство должно быть довѣряло тому, чт
пуски суммъ изъ государственной казны дѣйствительно во
тятся въ нее на счетъ мѣстныхъ финляндскихъ доходовъ. На
эти обѣщанія писались только для того, чтобы легче добива
ассигнованій изъ русской казны. Проходили какъ потомъ ок
лось годы, а о возвратѣ такъ называемыхъ позаимствован
было и помина, и по свѣдѣніямъ мѣстныхъ управителей от
ходовъ Финляндіи не было почти никакихъ остатковъ [1]).

Заявленіе Де-Геера было въ скорости удовлетворено, хо
въ минимальномъ размѣрѣ, и министръ финансовъ получил
19-го февраля 1809 г. слѣдующій именной указъ: «Федоръ А
сандровичъ, предназначивъ въ будущемъ мартѣ мѣсяцѣ откр
сеймъ въ новоприсоединенной Финляндіи, на необходимыя
семъ случаѣ пріуготовленія повелѣваю отпустить въ распор
ніе маршала сего сейма, барона Де-Геера *сто тысячъ руб.*
изъ коихъ одну половину вы не оставите вручить нынѣ а
другую по востребованіи.»

Сперанскій съ своей стороны, посылая Гурьеву указъ,
нялъ ему что Де-Гееръ завтра, т. е. 20-го февраля, получает
пускную аудіенцію и въ воскресенье долженъ отправитьс
этому торопилъ выдачей денегъ. А не далѣе 6-го марта С
скому дано повелѣніе, чтобы отпущены были и остальныя
сячъ.

Ассигнованныя Де-Гееру деньги пошли въ болѣе или ме
чительной мѣрѣ на угощеніе депутатовъ. Получивъ ден
Гееръ просилъ и объ отпускѣ ему серебра, канделябров
зовъ, столоваго бѣлья и пр. на 50 персонъ; просилъ прис
дворныхъ ливрей, 6 лошадей и экипажей отъ двора.

[1]) Въ 1811 году министръ финансовъ Гурьевъ требова
остатковъ дохода по новой Финляндіи. За расходами ихъ
1808—10 годовъ до 2.339.080 р. 64 к.; но на дѣлѣ на пи
разныя издержки и въ дѣйствительности остатки составили в
86 к. Конечно ими немногое можно было покрыть изъ милліо
образныхъ выдачъ.—Бумаги Сперанскаго.

волю Государя о прочихъ назначеніяхъ, были редактированы съ большою вѣжливостью. Дворянству съ особою предупредительностію особенно указывалось, что право избранія секретаря этого сословія принадлежитъ самимъ дворянамъ и что настоящее распоряженіе, какъ вызванное обстоятельствами, не посягаетъ на ихъ права. Стенгофу, помощнику сеймоваго интенданта, письмо было короче; Сперанскій спеціально объяснялъ, что такое назначеніе даетъ ему возможность все болѣе и болѣе заслуживать вниманіе Е. В-ва и пріобрѣсти его благосклонность [1]).

Между тѣмъ съ назначеніемъ Де-Геера маршаломъ, онъ принялъ участіе въ сочиненіи, вмѣстѣ съ Ребиндеромъ, церемоніала открытія сейма. Въ числѣ предварительныхъ дѣйствій при шведскомъ правительствѣ было принесеніе лично королю присяги маршаломъ дворянства, архіепископомъ, въ качествѣ предводителя духовнаго сословія, и канцлеромъ юстиціи. При этомъ короли вручали маршалу особый жезлъ, эмблему шведской государственности. У Финляндіи, какъ шведской провинціи, никакого жезла не было, но Де-Гееръ поспѣшилъ сочинить для себя особый жезлъ съ гербомъ Финляндіи и эскизъ его препроводить Сперанскому. Проектировался жезлъ, обдѣланный синимъ бархатомъ и вышитый золотомъ сообразно финляндскому гербу; на жезлѣ императорская корона золоченая, также какъ и наконечникъ [2]).

На всѣ эти повидимому мелочи въ Петербургѣ смотрѣли легко,

ніямъ. Дано въ столичномъ Нашемъ градѣ Петербургѣ Февраля 19-го дня 1809 г. На подлинномъ подписано: «Александръ».

[1]) Стенгофъ, подобно своему прямому начальнику Штакельбергу (см. выше, стр. 139), достигъ полученія ссуды изъ государственнаго заемнаго банка внѣ всякихъ правилъ и безъ всякихъ имущественныхъ гарантій въ размѣрѣ 30 т. р.—Corresp. Sprengtporten.

[2]) Такъ описанъ жезлъ въ составленномъ Де-Гееромъ спискѣ предметовъ нужныхъ для сейма. Le baton de maréchal, velour bleu, brodé en or selon les armes de la Finlande; sur le baton une Couronne Impériale dorée aussi bien que le bout. Очевидецъ же (Treize journées, анонимное изданіе, приписываемое бывшему на сеймѣ въ свитѣ Императора Александра генералъ-адъютанту князю Гагарину) пишетъ, что жезлъ былъ синій бархатный съ серебряными украшеніями и золоченою короною.

не давая себѣ отчета въ томъ значеніи, которое можетъ имъ быть дано впослѣдствіи, — и ихъ утверждали безъ дальнихъ разсужденій.

Въ тотъ же богатый разными бумагами день 19-го февраля посланы и приглашенія епископу Тенгстрёму и президенту Тандефельду прибыть въ Петербургъ. Въ письмѣ Сперанскаго къ Тенгстрёму по этому случаю объяснялось, что Государь имѣетъ намѣреніе объявить ему о назначеніи его ораторомъ духовенства въ тотъ же день, какъ Де-Гееру будетъ объявлено назначеніе маршаломъ, именно 6-го марта. По поводу поѣздки Тенгстрема Спренгтпортенъ, рекомендуя его Сперанскому, писалъ изъ Або отъ 28-го февраля:

«Не скрою отъ в. пр-ва, что этотъ сановникъ церкви мало привыкъ къ быстрымъ поѣздкамъ; ведя жизнь сидячую, соотвѣтственно его званію, лишь въ исполненіе высочайшей воли Е. И. В-ва отправляется онъ съ такою поспѣшностью, желая тѣмъ указать насколько новые подданные Императора ревностно относятся къ Его о нихъ попеченіямъ.» Не совсѣмъ то писалъ отъ того же числа и по этому же случаю Спренгтпортенъ своему другу и единомышленнику Де-Гееру: «Президентъ Тандефельдъ не очень-то доволенъ своимъ новымъ назначеніемъ; издержки и утомленіе, связанныя съ этой поѣздкой, ужасаютъ его (l'effarouchent). То же самое и съ епископомъ Тенгстрёмомъ, который желаетъ освободиться отъ поѣздки въ Петербургъ для присяги. Лучше исполнить эту церемонію въ Борго [1]).»

---

[1]) Corresp. off. de Sprengtporten. Стр. 192, № 47. ...Je ne dissimuler[illegible] point à V. E. que cet ecclésiastique est peu habitué à des courses précipités; menant une vie sédentaire et conforme à son état, ce n'est qu'aux ordres Suprêmes de S. M. I. qu'il se rend avec autant d'empressement et qu'il prouve par là combien les nouveaux sujets de l'Empereur sont jaloux d'exciter ses sollicitudes à leur égard.—Стр. 183, № 38... M. le Président de Tandefeldt n'est pas trop content de sa nouvelle dignité; les dépenses, la fatigue attendues à son voyage l'effarouchent.... La même est arrivée aussi à l'Evêque Tengström, qui désire dispance pour aller à St.-Petersbourg pour prêter son serment. Il vaut mieux qu'il remplit cette cérémonie à Borgo.

Тѣ же Ребиндеръ и Де-Гееръ составили и проекты присяги, которую избранныя лица должны были принести. На нихъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться: въ этихъ присягахъ заключались, послѣ общей присяги на вѣрность, принесенной населеніемъ въ маѣ и іюнѣ 1808 г., первыя обязательства оффиціальныхъ финляндцевъ предъ Россіею и ея Государемъ. Тенгстрёмъ и Тандефельдъ принесли ее по-французски.

Вотъ подлинный текстъ присяги маршала:

«Moi, soussigné, promets et jure devant Dieu et sur Son saint Evangile, que par la grâce de S. M. l'Empereur de Russie et Grand Duc de Finlande, mon Maitre, étant nommé maréchal de la noblesse à la diète de Finlande, convoquée dans la ville de Borgo, je soutiendrai et appuierai avec impartialité et intrépidité tous les droits de la Couronne, ainsi que les privilèges de la noblesse, et les droits des états conformément aux constitutions en vigueur et aux lois fondamantales confirmées par S. M. l'Empereur; que je remplirai les devoirs de ma charge d'après les réglements et statuts et que je ne souffrirai rien qui puisse porter préjudice ou désavantage aux interêts de l'Empereur et de ma patrie. Je m'engage sur la foi et l'honneur de chevalier d'accomplir ces promesses et prie Dieu de sauver mon âme autant que j'observerai ce serment; ainsi Dieu me soit en aide en mon corps et en mon âme. Подписано: Robert Wilh. de Geer.

Присяга епископа, вообще одинаковая съ приведенною, имѣла однако нѣкоторыя характерныя особенности.

«Moi, soussigné, Evêque d'Abo, promets et jure devant Dieu et sur Son saint Evangile, qu'étant appellé par la grâce de S. M. l'Empereur de Russie, Grand Duc de Finlande, mon Maitre, aux fonctions de l'orateur du clergé à la diète de Finlande, convoquée dans la ville de Borgo, je ferai tous mes efforts pour maintenir et défendre la vraie et pure doctrine évangélique luthérienne, les droits de la Couronne et la liberté des états, conformément aux constitutions en vigueur et aux lois fondamentales. Je ne permettrai rien qui pourrait être contraire et dirigerai les délibérations de manière à ce qu'elles tournent à la gloire de Dieu, aux interêts de la Couronne, de ma patrie et de mon état. Je maintiendrai aussi les privilèges de mon état, et ne souffrirai aucune proposition opposée à la puissance de l'Empereur, mon Maitre, et à la liberté

но то были только проекты, мечты и мысли, хотя бы и обмѣнивавшіяся между нимъ и Императоромъ Александромъ. Въ законѣ же и въ жизни оставался неизмѣнно вѣковой историческій принципъ безусловнаго самодержавія.

5) Весьма вѣское подтвержденіе такого взгляда представляетъ дальнѣйшая редакція обѣихъ присягъ. Шведская конституціонная присяга обязывала маршала охранять права и преимущества сословій по точно опредѣленнымъ и перечисленнымъ законамъ, составлявшимъ дѣйствовавшую въ Швеціи конституцію, именно по *«незыблемо, присягою утвержденной, Формѣ Правленія отъ 21-го августа 1772 года и по постановленію риксдага отъ 24-го января 1617 г.»* [1]). Де-Гееръ напротивъ обязывался охранять привилегіи дворянства и преимущества сословій «сообразно ихъ конституціямъ (т.-е. уставамъ и учрежденіямъ), *имѣющимъ силу*, и основнымъ законамъ, *утвержденнымъ Е. Величествомъ Императоромъ.»* Такія оговорки, конечно, лишали новѣйшую присягу того категорическаго и опредѣленнаго характера, которымъ отличалась присяга по шведской конституціи. Если бы имѣлось въ виду сохранить незыблемо *всѣ* постановленія этой послѣдней, то нужно было или вполнѣ остаться при ея формулѣ, или же обойтись безъ вставки словъ «имѣющихъ силу» и «утвержденнымъ Е. И. Величествомъ». Тогда формула присяги приняла бы вполнѣ опредѣленный видъ: буду охранять права короны, привилегіи дворянства и права сословій сообразно ихъ уставамъ и основнымъ законамъ. Внесенныя же въ присягу Де-Геера ограничительныя выраженія совершенно измѣняли положеніе дѣла, на которое покореніе Россіей не могло не наложить неизгладимой печати, и въ сущности все оставлялось на волю Императора Александра. Они могли бы имѣть силу и значеніе въ единственномъ случаѣ, если бы Императоръ Александръ особымъ законодательнымъ актомъ установилъ: какіе именно уставы или «конституціи» сословій онъ признаетъ «имѣющими силу» и какіе именно «основные законы» имъ

---

[1]) enligt then oryggeligen beswurne Regerings-Formen af then 21 Augusti 1772 och Ricksdags-Ordningen af then 24 Januarii 1617.—Ibid., Пальмéнъ.

утверждаются. Но этого не было. Не зная очевидно не только въ подробности, но и въ общихъ даже чертахъ сущности этихъ привилегій и основныхъ законовъ, русское правительство не рѣшилось, а можетъ быть и прямо не желало утвердить узаконенія, коими власть Государя была бы ограничена въ отношеніи покоренной провинціи, и даже дѣлалась прямо невозможною.

Довольно взглянуть на законъ 21-го августа 1772, извѣстный подъ именемъ Формы Правленія и упоминаемый въ конституціонной шведской присягѣ, для того, чтобы видѣть его несоотвѣтствіе съ положеніемъ Россіи и ея Монарха [1]). § 1 говоритъ: единство въ религіи и богослуженіи суть твердѣйшія основанія правленія благоустроеннаго, единодушнаго и неразрушимаго. Вслѣдствіе сего король, всѣ особы при должностяхъ находящіяся и всѣ подданные должны слѣдовать впредь, какъ и прежде сего было, слову Божію, въ пророческихъ и апостольскихъ преданіяхъ содержащемуся, и истолкованному христіанскими символами, катехизисомъ Лютера и аугсбургскимъ исповѣданіемъ, и наконецъ какъ упсальскимъ синодомъ утвержденному, также и рѣшеніемъ государственныхъ чиновъ одобренному. § 2. Король долженъ управлять государствомъ сходственно съ постановленными въ Швеціи законами и пр. § 3. Въ отношеніи престолонаслѣдія не должно быть учинено ни малой перемѣны противъ условія, составленнаго и одобреннаго въ Стокгольмѣ въ 1743 г., соглашенія, подписаннаго въ Вестерасѣ въ 1544 г. и норкёпинскаго договора 1604 г.—Въ другомъ законѣ, «Актѣ Соединенія и Безопасности» 1789 г., составляющемъ также основу шведской конституціи, п. 2 установлялъ, что король въ высшемъ судѣ имѣлъ только два голоса. 8-й п. повелѣвалъ: «всѣ шведскіе государи при вступленіи на престолъ *должны* собственноручно подписать этотъ «Актъ Соединенія и Безопасности», и пояснялъ далѣе что «всякое покушеніе къ малѣйшей перемѣнѣ, равно толкованіе или исправленіе буквальнаго его смысла совершенно возбраняется». Это воспрещеніе было обязательно для короля.

б) Эти же соображенія надо отнести и къ обязательству мар-

---

[1]) Приложенія, №№ 61—63.

шала руководиться въ исполненіи должности своей, какъ значится въ присягѣ Де-Геера, «правилами и уставами», но безъ точныхъ указаній какими именно, между тѣмъ какъ въ конституціонной присягѣ въ такое руководство прямо преподаны постановленія рыцарскаго дома отъ 1626 г., утвержденныя въ 1778 г.

Б. Относительно особенностей присяги епископа Тенгстрёма въ общемъ должно сказать то же самое, что и о присягѣ Де-Геера. Назначеніе Тенгстрёма ораторомъ духовнаго сословія послѣдовало также *по милости* русскаго Императора (par la grâce de S. M. l'Empereur de Russie). Здѣсь представляется полное уклоненіе отъ шведскихъ конституціонныхъ формъ. Послѣднія не требовали и даже не допускали вмѣшательства короны въ назначеніе архіепископа (упсальскаго) предводителемъ на сеймѣ духовнаго сословія. Архіепископъ имѣлъ это право предводительства не справляясь съ намѣреніями короля. Поэтому шведская форма присяги говорила просто: «я, такой-то, архіепископъ упсальскій, клянусь предъ Богомъ и на Его святомъ Евангеліи въ томъ, что по моей должности архіепископа и въ силу постановленія о государственныхъ чинахъ, состоявшагося въ Оребро 24 января 1617 года, имѣю право на этомъ всеобщемъ, государственномъ сеймѣ быть ораторомъ духовнаго сословія» [1]).

Съ другой стороны Тенгстрёмъ обязывался охранять и защищать, прежде правъ короны, *«истинное и чистое евангелическо-лютеранское ученіе* (la vraie et pure doctrine évangélique luthérienne)». Противъ присяги шведской здѣсь было лишь то уклоненіе, что въ послѣдней говорилось объ истинныхъ и чистыхъ «вѣрѣ и ученіи (Tro och Lära)», а въ присягѣ Тенгстрёма не о вѣрѣ, а только объ «ученіи». Безъ сомнѣнія это измѣненіе сдѣлано въ виду особы русскаго Императора, исповѣдующаго иную вѣру. Но и за всѣмъ тѣмъ допущеніе предъ искони и преемственно православнымъ государемъ присяги въ томъ, что «истинное и чистое лютеранское ученіе» будетъ оберегаться преимущественно предъ всѣмъ прочимъ, т. е. и предъ вѣрою государя, и предъ интересами его

[1]) Äger nu at wid thetta Allmänna Riksens Ständers Möte wara Taleman för Preste-Ständet.

короны,—такое послабленіе можно объяснить только шаткостію религіозныхъ убѣжденій того времени. Это неудивительно въ Императорѣ Александрѣ I, который лишь въ 30-ти-лѣтнемъ возрастѣ, по преданію, ознакомился съ Евангеліемъ; но въ александроневскомъ семинаристѣ Сперанскомъ оно представляется рѣшительнымъ вѣроотступничествомъ.

Наконецъ общая обѣимъ присягамъ черта заключается въ томъ, что и маршалъ, и епископъ обязывались охранять интересы *отечества*. Первый говорилъ, что онъ не допуститъ ничего, что могло бы нанести ущербъ интересамъ Императора и отечества (porter préjudice ou désavantage aux interêts de l'Empereur et de ma patrie). Тенгстрёмъ обѣщалъ «направлять сужденія такъ, чтобы они обращались во славу Божію, въ пользу короны, моего отечества и моего сословія».

Здѣсь является сопоставленіе интересовъ съ одной стороны Государя, притомъ не великаго князя Финляндскаго (въ приведенныхъ мѣстахъ присяги этотъ титулъ вовсе не упоминается), а именно русскаго Императора, и съ другой—отечества. Какого «моего» отечества? русскаго или финляндскаго? Въ шведской конституціонной присягѣ и ландмаршалъ, и архіепископъ также говорили объ интересахъ своего отечества (mit Fädernesland), но тамъ они говорили въ качествѣ государственныхъ шведскихъ людей, и у нихъ было одно отечество—Швеція, которое они и обязывались охранять. Теперь въ права Швеціи вступила Россія; естественно она дѣлалась для присягавшихъ новымъ отечествомъ, интересы котораго они обязывались оберегать. Такъ Спренгтпортенъ въ оффиціальныхъ запискахъ называлъ Россію вторымъ отечествомъ. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, финляндцы стали признавать своимъ отечествомъ только Финляндію, дѣйствуя для охраны его въ ущербъ и вредъ Россіи. Но при подобномъ толкованіи слѣдовало бы допустить, что и Де-Гееръ и Тенгстрёмъ сознательно вносили въ свои клятвенныя обѣщанія прямую ложь, обѣщая охранять интересы Императора. Нельзя ограждать интересы государя не ограждая интересовъ его государства, которое онъ въ себѣ воплощаетъ. Въ присягѣ не могло, конечно, быть и рѣчи о личныхъ или частныхъ выгодахъ

Императора Александра, и дѣло шло не иначе какъ о единомъ новомъ отечествѣ присягавшихъ—о Россіи.

Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній легко видѣть, что акты, которыми начинала проявлять себя русская власть, страдали неопредѣленностію, свойственною всякимъ общимъ фразамъ. При бюрократическомъ взглядѣ на дѣло Сперанскаго—онѣ могли считаться достаточными для того чтобы обойти трудности, ту дилемму, о которой упоминалось, съ тѣмъ чтобы частно разрѣшать ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; финляндцамъ же оказывалось ими возможное вниманіе въ томъ смыслѣ, что учрежденія ихъ не подвергались сразу коренной ломкѣ, въ прежней надеждѣ упрочить ихъ привязанность и преданность Россіи. Но разсчетъ этотъ оказался очень недальновиднымъ, и общія фразы внесли со временемъ большую путаницу.

Къ 12-му февраля Де-Гееръ и Ребиндеръ уже представили свой проектъ церемоніала и ожидалось утвержденіе главнѣйшихъ его пунктовъ [1]). Пошла переписка съ капитуломъ орденовъ о доставленіи разныхъ вещей, «потребныхъ для учрежденія финляндскаго сейма». Кромѣ упомянутыхъ уже маршальскаго жезла, заказаннаго по эскизу Де-Геера, и серебра на 50 персонъ, экипажей, ливрей и проч., требовавшихся отъ двора лично для него, въ списокъ вошли:

«Императорскій тронъ съ балдахиномъ для поставленія въ залѣ собранія сейма;

«Балдахинъ, который имѣетъ быть надъ Его Императорскимъ Величествомъ во время Высочайшаго шествія въ кафедральную церковь» [2]);

---

[1]) Письмо Сперанскаго къ Спренгтпортену 12-го февраля 1809 г. — См. Приложенія, № 86.

[2]) Эти свѣдѣнія взяты изъ современнаго русскаго списка. Во французскомъ текстѣ Де-Геера приведенные пункты изложены такъ: 1) [illegible] Baldaquin Impérial dans la sale du Royaume; 2) une Trone du même espè[ce]; 3) un dais Impérial qui doive être porté quand S. M. l'Empereur ira à l'Egl[ise] et à la sale du Royaume; 4) les armes de la Finlande brodé derrier le Trone.

«Два одѣянія для герольдовъ съ жезлами».

Кромѣ того въ русскомъ спискѣ значились первоначально Императорская корона и мантія, но потомъ оба эти пункта вычеркнуты. Списокъ былъ написанъ очевидно по словесному перечисленію кого-либо изъ финляндскихъ составителей церемоніала. Въ собственноручномъ же спискѣ Де-Геера было еще требованіе сукна зеленаго для скамей и пола въ залѣ, и синяго для дворянства, но о коронѣ и порфирѣ не упоминалось.

Самый проектъ церемоніала былъ написанъ рукой Ребиндера: при слабости характера Де-Геера первый вѣроятно былъ главнымъ руководителемъ. На расходы не скупились, такъ какъ и самъ Сперанскій поощрялъ къ тому. «Что касается издержекъ,—писалъ онъ Спренгтпортену 12-го февраля,—то онѣ будутъ достойнымъ образомъ соотвѣтствовать присутствію Императора [1]).»

Проектъ церемоніала, если не числомъ параграфовъ, то мелочными подробностями былъ очень богатъ. Вообще подробности были такого свойства, чтобы дать сейму возможно больше блеска, а дѣятелямъ его больше значенія. Нѣкоторые пункты при дальнѣйшей редакціи проекта нѣсколько сокращены, а корона и Императорская мантія, которыми составители очевидно желали придать церемоніи характеръ или видъ коронованія, вовсе исключены. Впрочемъ и въ измѣненномъ изложеніи было немало лишнихъ подробностей.

Въ окончательномъ видѣ церемоніалъ былъ написанъ по-французски и состоялъ изъ двухъ частей: одна касалась собственно открытія сейма и носила названіе: *Cérémonial pour l'ouverture de*

Очевидно Де-Геeръ, при плохомъ знаніи французскаго языка, не давалъ себѣ отчета въ томъ что писалъ, двукратно повторяя sale du Royaume (королевская зала), ибо нельзя допустить того смысла, что онъ надѣялся теперь же увидѣть Финляндію королевствомъ. Русскій списокъ, какъ видно, не допустилъ такихъ погрѣшностей стиля. Онъ вовсе не говоритъ и о финляндскомъ гербѣ сзади (?) трона, что и понятно, такъ какъ тронъ былъ Императорскій.

[1]) Quant aux dépenses elles seront fixées d'une manière digne de la présence de l'Empereur.—Прилож. № 86.

8) по занятіи Е. И. В-вомъ мѣста, начнется богослуженіе въ общеустановленномъ порядкѣ. Текстъ проповѣди будетъ назначенъ Е. В. Императоромъ. На «Тебѣ Бога хвалимъ» послѣдуетъ салютъ изъ пушекъ.

Шествіе изъ собора въ залу засѣданій послѣдуетъ въ такомъ порядкѣ:

горожане и крестьяне, предшествуемые ихъ ораторами;

духовенство, предшествуемое его ораторомъ;

герольды дворянства;

маршалъ дворянства;

другія лица въ вышеуказанномъ порядкѣ.

Въ залѣ собранія дворянство займетъ мѣста направо, прочія сословія налѣво. Каждое сословіе будетъ имѣть предъ собою своего оратора;

Императорская свита помѣстится за трономъ;

генералъ-губернаторъ и канцлеръ помѣстятся у подножія трона по обѣимъ сторонамъ, первый справа, а второй слѣва;

въ залѣ къ сторонѣ, справа, будетъ находиться столъ, за которымъ статсъ-секретарь и его помощникъ будутъ вести протоколъ.

Его И. В-во, сидя на тронѣ, произнесетъ рѣчь; генералъ-губернаторъ, помѣстясь на второй ступени трона, прочтетъ ее по-шведски;

маршалъ дворянства и ораторы отвѣтятъ одинъ за другимъ рѣчами;

послѣ сего Императоръ повелитъ канцлеру читать статьи, кои будутъ предложены на обсужденіе сейма;

послѣ такого прочтенія канцлеръ передастъ одинъ экземпляръ (по одному экземпляру?) маршалу и ораторамъ;

затѣмъ засѣданіе будетъ закрыто. Возвращеніе Е. И. В-ва послѣдуетъ въ томъ же порядкѣ, какъ и въ соборъ, т. е. въ предшествіи дворянства и императорской свиты.

Церемоніалъ принесенія присяги.

1) 17-го марта, на другой день по открытіи сейма, два герольда объявятъ въ публичныхъ мѣстахъ, при барабанномъ боѣ, что всѣ члены сословій великаго княжества финляндскаго бу-

дутъ допущены къ присягѣ на вѣрность, и что для сего имъ надлежитъ прибыть въ соборъ;

2) согласно съ симъ всѣ члены сейма соберутся тамъ до полудня;

3) когда оберъ-гофмаршалъ двора доложитъ Е. И. В-ву о собраніи всѣхъ членовъ, шествіе [1]) откроется слѣдующимъ порядкомъ:

a) войска будутъ выстроены по обѣ стороны улицы, ведущей къ собору;

b) герольды [2]);

c) лица Императорской свиты;

d) канцлеръ и генералъ-губернаторъ;

e) оберъ-гофмаршалъ;

f) Е. И. В-во подъ балдахиномъ, который будутъ нести Его генералы и полковники.

4) Вступленіе въ соборъ послѣдуетъ при звукахъ оркестра;

8) [3]) Е. И. В. сидя на тронѣ произнесетъ рѣчь; генералъ-губернаторъ объяснитъ ее (en donnera une explication) по-шведски.

7) Канцлеръ, стоя на второй ступени трона, пригласитъ дворянство къ принесенію присяги, текстъ которой онъ будетъ читать вслухъ; дворянство приблизясь къ трону будетъ за нимъ повторять слова. Другія сословія поступятъ тѣмъ же порядкомъ;

5) Послѣ сего генералъ-губернаторъ объявитъ, что Е. И. В-во удостоилъ торжественно утвердить конституцію Финляндіи своею

---

[1]) Въ шведскомъ переводѣ прибавлено: изъ императорской резиденціи — ifrån Keiserliga Residenset.

[2]) Русскіе.

[3]) Изложеніе пунктовъ слѣдуетъ, въ двухъ спискахъ, какъ здѣсь значатся; но нумерація въ спискѣ, бывшемъ въ рукахъ составителя, переиначена; въ опубликованномъ же тогда шведскомъ переводѣ соблюденъ и порядокъ изложенія и согласная съ нимъ нумерація пунктовъ. — Порядокъ изложенія, какъ легко видѣть, предполагаетъ, что сперва Императоръ Александръ сказалъ рѣчь, затѣмъ принесена сословіями присяга, потомъ прочитана грамота 15-го марта и наконецъ произнесены благодарственныя рѣчи. Порядокъ же по измѣненной нумераціи говоритъ: о прочтеніи сперва грамоты, о произношеніи потомъ благодарственныхъ рѣчей и присяги, а затѣмъ уже о рѣчи Императора Александра, на что послѣдовали восклицанія.

подписью, прочтетъ вслухъ актъ утвержденія и передастъ его маршалу дворянства;

8) Маршалъ произнесетъ благодарственную рѣчь отъ имени дворянства, ораторы отъ лица подлежащихъ сословій;

9) Тогда герольдъ дворянства, помѣстясь у подножія трона, возгласитъ при пушечномъ салютѣ эти слова: да здравствуетъ Александръ I Императоръ Всероссійскій и пр., Великій Князь Финляндскій.

10) Послѣ сего одинъ изъ епископовъ прочтетъ съ кафедры благодарственную молитву, за которою послѣдуетъ «Тебѣ Бога хвалимъ».

11) Обратное шествіе въ томъ же порядкѣ [1]).

Церемоніалъ этотъ во второй особенно его части, которая имѣетъ предметомъ принесеніе присяги и утвержденіе «конституціи» Финляндіи, требуетъ объясненій. Часть изъ нихъ уже указана выше, по поводу присяги маршала и епископа; прочія будутъ представлены въ своемъ мѣстѣ при описаніи исполненія церемоніала на дѣлѣ. Здѣсь замѣтимъ только, во-1-хъ, что церемоніалъ подписанъ лишь Сперанскимъ, а не самимъ Александромъ, и слѣдовательно вообще и въ частности теряетъ большую часть своего вѣса; во-2-хъ, что въ то время, когда составлялся церемоніалъ, акта «утвержденія конституціи Финляндіи» еще не было изготовлено; не было даже и проекта. Акта же, который въ точности соотвѣтствовалъ бы этому названію, не было и впослѣдствіи.

Пока шли всѣ эти приготовленія въ Петербургѣ, Спренгтпортенъ готовился къ созыву сейма и къ пріему Государя на мѣ...

[1]) Въ сообщенной Аракчееву выпискѣ статей церемоніала, относящихся до военной части, въ подробностяхъ всему приданъ русскій характеръ. «Во время церковной службы при пѣніи Тебѣ Бога хвалимъ должна быть пушечная пальба». «При возглашеніи многолѣтія Е. И. В-ву производится барабанный бой и пушечная пальба.» «На другой день (17-го марта) Его И. В-во изволитъ шествоватъ изъ Дворца въ церковь для принятія отъ членовъ сейма присяги. Войска должны быть также въ строю».— Выписка приложена къ отношенію Сперанскаго Аракчееву 21 февраля 1809.

стѣ, въ самой Финляндіи. Тамъ картина была впрочемъ иная. Если въ Петербургѣ финляндцы съ Сперанскимъ во главѣ вели пустячныя въ сущности объясненія и переписку о мелочныхъ деталяхъ, о маршалскомъ жезлѣ, о каретѣ шестерикомъ съ лакеями и пр., и дѣлали все, чтобы умалить или по крайней мѣрѣ запутать внѣшнюю форму права Россіи на Финляндію, тамъ, на мѣстѣ, сила вещей брала свое, и русское владычество было налицо. Войска готовились къ движенію въ Швецію, и этой цѣли должно было волей неволей подчиняться все. Спренгтпортенъ, вопреки своему влеченію хлопотать болѣе о сеймовыхъ дѣлахъ, долженъ былъ заботиться о разныхъ распоряженіяхъ по снабженію русской арміи продовольствіемъ, подводами и прочимъ для серьезной военной операціи. Кромѣ того онъ долженъ былъ находиться не въ Борго, гдѣ онъ готовился «заблистать всѣми своими талантами», а въ Або, такъ какъ особое повелѣніе Александра остановило его въ этомъ центральномъ пунктѣ, дабы имѣть отъ него, какъ отъ начальника по гражданской части, содѣйствіе спѣшно готовившейся аландской экспедиціи [1]).

Приготовленія въ Борго шли поэтому въ отсутствіи Спренгтпортена и только по его письменнымъ наставленіямъ. Для помѣщенія Государя устраивали въ центрѣ города домъ, который занималъ въ екатерининскую войну король Густавъ III. По близости были хорошія квартиры для Сперанскаго и оберъ-гофмаршала графа Толстого. Вообще въ отводѣ квартиръ особымъ рескриптомъ на имя гр. Аракчеева [2]) повелѣно поручить коменданту города быть въ сношеніяхъ съ интендантомъ сейма барономъ Штакельбергомъ и «доставлять ему пособіе». Себѣ Спренгтпортенъ взялъ мызу Кіала, принадлежавшую г-жѣ Адлеркрейцъ, женѣ генерала шведской арміи, и взялъ, кажется, безъ ея предварительнаго согласія [3]). Помѣщеніе собственно сейма готовилось въ зданіи гимназіи или лицея. Былъ выписанъ изъ Москвы старый тронъ. Для разныхъ работъ мастеровые и художники отправлялись

[1]) Corresp. off. de Sprengtporten, стр. 182, № 38, письмо къ Де-Гееру отъ 22-го февраля.

[2]) Отъ 23-го февраля.

[3]) Тоже, письмо къ Де-Гееру, отъ 22-го февраля.

распоряженіемъ петербургскаго военнаго генералъ-губернатора Балашова. Онъ же, по просьбѣ Штакельберга, поручилъ купцу Лялину снабдить Борго 17-ю волами для высочайшаго стола [1]). Гр. Толстой посылалъ серебро, сервизы и бѣлье на 100 персонъ, о чемъ просилъ Спренгтпортенъ [2]). По распоряженію послѣдняго, въ Ловизѣ и Борго сооружались Дрентельномъ тріумфальныя арки; рисунки даны были самимъ Спренгтпортеномъ.

И тѣмъ не менѣе возникло опять сомнѣніе: пріѣдетъ-ли на сеймъ Императоръ Александръ? Письмомъ отъ 7-го февраля [3]) Сперанскій вызвалъ на этотъ счетъ въ Спренгтпортенѣ какія-то безпокойства. Онъ поэтому спѣшилъ склонить Сперанскаго къ содѣйствію въ устраненіи препятствій. Иначе—пояснялъ онъ—не будетъ достигнута главная цѣль [4]). Какая? Во всякомъ случаѣ цѣли Спренгтпортена были не тѣ, которыя должно было преслѣдовать русское правительство. Вся сущность дѣла, т. е. обсужденіе нѣкоторыхъ вопросовъ которые имѣлось въ виду предложить сейму, могла быть исполнена одинаково хорошо или дурно, независимо отъ того—приметъ Императоръ Александръ или нѣтъ участіе въ тѣхъ формальностяхъ, для которыхъ составлялись подробные церемоніалы. Если, какъ писали Маннергеймъ и другіе, присутствіе Александра на сеймѣ должно имѣть больше значеніе, чѣмъ всѣ подвиги русской арміи, то неужели можно было такимъ льстивымъ фразамъ давать цѣну, и думать что минутное проявленіе даже искренняго чувства будетъ играть серьезную роль въ крупномъ историческомъ событіи, имѣвшемъ и начало, и все свое теченіе, и конецъ, на полѣ сраженія и въ обдуманныхъ дипломатическихъ актахъ?

Цѣли были чисто личныя—и Спренгтпортену онѣ были наиболѣе близки. Поэтому онъ находилъ нужнымъ дѣлать Сперан-

[1]) Бумаги Сперанскаго.

[2]) Письмо его къ Сперанскому отъ 5-го февраля ....«pour vous régaler dignement quand vous viendrez».

[3]) Письмо это составителю не извѣстно; на него имѣется лишь ссылка въ отвѣтномъ письмѣ Спренгтпортена, вслѣдъ за симъ цитируемомъ.

[4]) Corresp. off. de Sprengtporten, стр. 150, № 8, письмо къ Сперанскому отъ 13-го февраля.

скому какъ бы откровенныя внушенія. «Если,—продолжалъ онъ—Е. В-во рѣшился не присутствовать лично при первомъ открытіи этого сейма, также какъ и при его закрытіи, составляющихъ двѣ эпохи гдѣ его присутствіе рѣшительно необходимо чтобы внушить націи то высокое представленіе, которое должно остаться въ немъ отъ этой церемоніи,—если это не въ видахъ Е. В-ва, то лучше пріостановить все до времени болѣе спокойнаго, вести машину какъ можно, и пещись объ управленіи по установившимся принципамъ [1]) и тѣми средствами, которыя могу употребить для внушенія довѣрія, повиновенія и доброй воли, разрушенныхъ военными притѣсненіями Я посовѣтовалъ бы такую отмѣну сейма тѣмъ охотнѣе, что дѣйствительно мы находимся здѣсь въ положеніи нужды и путаницы, которое меня пугаетъ. Продовольствіе войскъ и транспорты губятъ (abîment) страну и порождаютъ безпорядки, составляющіе главный предметъ нашихъ заботъ... Сеймъ можетъ состояться если угодно, также какъ и быть отмѣненнымъ безъ затрудненій для кого бы ни было.» А черезъ два дня, 15 (27) февраля, прося того же Сперанскаго о деньгахъ на покупку хлѣба для вазаской и куопіоской губерній, Спренгтпортенъ ссылался на предъидущее письмо свое о сеймѣ и пояснялъ еще, что лично онъ былъ бы въ восхищеніи, если бы Сперанскій сказалъ ему: публикуйте, что сеймъ отложенъ до времени болѣе спокойнаго, когда будетъ что ѣсть [2]).

Однако эти заявленія оказались запоздалыми: уже 12-го февраля Сперанскій извѣщалъ своего корреспондента, «что по мѣрѣ того, какъ занятія сеймомъ идутъ впередъ, затрудненія устраняются и выраженныя прежде опасенія уменьшаются настолько, что онъ, Сперанскій, питаетъ увѣренность, что при существенномъ взаимнодѣйствіи Спренгтпортена все пойдетъ хорошо».

---

[1]) Безъ сомнѣнія здѣсь подразумѣвается Положеніе 19-го ноября 1808, по которому Спренгтпортенъ, какъ генералъ-губернаторъ, имѣлъ диктаторскую власть.

[2]) Стр. 159, № 14. Je me refère au reste sur ma lettre d'hier (13-го), quant à la diète, charmé, quant à ma propre personne, quand vous me direz: faites publier qu'elle est remise à un tems plus calme, qu'on aura quelque chose à manger.

ГЛАВА XXII.

Сеймъ въ Борго.

Предположеніе, что Императоръ Александръ отправится лично открыть сеймъ въ Борго, наконецъ осуществилось. 13-го марта возвращены Кноррингомъ въ Финляндію, къ сильному неудовольствію Императора Александра, войска геройски перешедшія въ Швецію. Въ этотъ самый день онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ новую свою провинцію. Императора Александра сопровождали: графъ Румянцовъ, оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, генералъ-адъютанты Уваровъ и князь Гагаринъ, тайный совѣтникъ князь Голицынъ, Сперанскій, лейбъ-медикъ Виллie и флигель-адъютанты Альбедиль и Аракчеевъ. Военный министръ гр. Аракчеевъ былъ уже въ Финляндіи и наблюдалъ за аландской экспедиціей [1]). Поѣздка имѣла цѣлью не только присутствіе на сеймѣ, но и личное удостовѣреніе въ положеніи нашихъ войскъ и средствъ, съ которыми предстояло нанести окончательный ударъ непріяте-

[1]) Михайловскій-Данилевскій не упоминаетъ Сперанскаго, конечно по недосмотру (стр. 421). Изъ имѣющейся выписки, посланной Сперанскимъ князю А. Б. Куракину отъ 8-го марта 1809 г., видно что потребованы были лошади:

Впередъ за сутки.	Для генералъ-адъютанта Уварова	3 лош.
»	» » кн. Гагарина	3 »
»	кн. Алекс. Никол. Голицына	3 »
»	статсъ-секретаря Михаила Михайловича Сперанскаго	3 »
»	услуги Его Величества	3 »
		15 лош.

лю. Поэтому, проѣхавъ въ Ловизу и остановившись на три дня въ Борго, Императоръ Александръ 18-го марта былъ уже въ Гельсингфорсѣ, 19-го вечеромъ въ Або, гдѣ провелъ три дня, и вечеромъ 22-го выѣхалъ обратно въ Петербургъ.

Въ Ловизу, 14-го марта, Александръ Павловичъ въѣхалъ подъ тріумфальной аркой. Здѣсь онъ принялъ депутатовъ, присланныхъ отъ боргоскаго сейма и принесшихъ поздравленія съ прибытіемъ въ новопокоренную область. На слѣдующій день 15-го состоялся въѣздъ въ Борго.

Было холодно, до 8° мороза по Р., но солнце свѣтило ясно на скромный городокъ, живописно лежащій близъ Финскаго залива, съ его старинною каменною церковью, посреди темнокрасныхъ деревянныхъ домиковъ на узкихъ и кривыхъ улицахъ. Время подходило къ полудню, когда боргоскіе колокола и русскія пушки возвѣстили о прибытіи Императора Александра. Передъ заставой онъ сѣлъ на коня и торжественно въѣхалъ въ городъ также подъ тріумфальною аркой. Она, какъ и въ Ловизѣ и другихъ мѣстахъ, была проявленіемъ оффиціальнаго усердія Спренгтпортена. Поэтому и надписи на одной изъ арокъ: «Александру I. Его оружіе овладѣло краемъ, а кротость Его покорила сердца» слѣдуетъ давать соотвѣтственное значеніе. Выраженіе чувствъ населенія было тутъ непричемъ, тѣмъ болѣе что оно не могло еще узнать и даже не видѣло своего новаго государя, только-что въѣзжавшаго первый разъ въ край.

У воротъ ожидали Спренгтпортенъ, чиновники и толпы народа. При колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ прослѣдовалъ Александръ между шпалерами русскихъ войскъ къ приготовленному ему дому. «Онъ блисталъ прелестью молодости и красоты,—писало одно изъ лицъ его свиты [1],—народъ судилъ о немъ по лицу и

Марта 13-го числа. Для Его Императорскаго Величества. . .	3 лош.
» гардероба	3 »
для фельдъегеря.	3 лош.
» лейбъ-хирурга Виллie и Аракчеева	3 »
» камердинера Воробьева и графскаго	3 »
	15 лош.

[1]) Treize journées.

долженъ бы быть имъ очарованъ.» У крыльца государева дома встрѣтили его депутаты сейма и маршалъ съ жезломъ. Послѣдовали представленія, и затѣмъ нѣкоторые изъ депутатовъ были приглашены къ Императорскому столу. Такія приглашенія имѣли мѣсто и въ слѣдующіе два дня пребыванія Александра Павловича въ Борго.

Представители сословій собрались на сеймъ далеко не въ большомъ числѣ. Если на выборы петербургской депутаціи прошлаго года они не явились, находя ее незаконною, то въ настоящемъ случаѣ, казалось, этого предлога уже не было. Въ существѣ воздержаніемъ ихъ руководило, не смотря на всѣ крики оффиціальныхъ лицъ о горячей преданности финляндцевъ Россіи и ея государю, полное нерасположеніе и недовѣріе къ новому порядку вещей. Отзывъ профессора Калоніуса оправдывался на дѣлѣ. Изъ двухъ графскихъ фамилій не явилось къ открытію сейма никого. Лишь позднѣе въ коммиссіяхъ упоминается графъ Крейцъ. Изъ 27 бароновъ записалось только 8, изъ 202 дворянъ всего 48. Такимъ образомъ изъ 231 члена дворянскаго сословія налицо было только 56, немного болѣе одной четверти [1]). Отъ духовенства 9 человѣкъ: епископъ Тенгстрёмъ и по 3 отъ обѣихъ эпархій; кромѣ того секретарь и одинъ нотаріусъ. Горожанъ было 21, въ томъ числѣ отъ Або двое и отъ 19 городовъ по одному; отъ Нодендаля не было никого. Крестьянъ было 28 человѣкъ [2]).

Въ тотъ же день, 15-го марта (27-го по новому стилю), издана была грамота, которою Императоръ Александръ еще разъ повторялъ финляндцамъ обѣщаніе сохранить ихъ религію и привилегіи. Это обѣщаніе уже выражено было, какъ извѣстно, въ прокламаціяхъ главнокомандующаго 10-го февраля и 9-го апрѣля, и въ манифестѣ 5-го іюня 1808 г. Оно было повторено словесно при пріемѣ Александромъ депутатовъ въ Петербургѣ 17-го ноября, и письменно 4-го января 1809 г. въ отвѣтѣ графа Салтыкова на просьбу депутатовъ о разныхъ предметахъ. Теперь, по настояніямъ финлянд-

---

[1]) См. Прилож. № 77.

[2]) Абоской г. 6, кюменегордской и вазаской по 3, куопіоской 5, нюландской 7, улеаборгской 4.

скихъ совѣтниковъ которымъ вторилъ Сперанскій, хотя и не на столько сколько желали бы первые, дано новое подтвержденіе прежнихъ обѣщаній. Ему присвоена форма, въ какой принято у насъ жаловать права и преимущества разнымъ сословіямъ и корпораціямъ, видъ грамоты, за собственноручнымъ подписаніемъ Александра. Этотъ актъ написанъ и подписанъ по-русски въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности, и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи; въ удостовѣреніе чего сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили. Въ городѣ Борго, марта 15-го дня 1809.» Подписано собственноручно: «Александръ» [1]).

Слѣдуетъ нѣсколько остановиться на этомъ документѣ, который въ дальнѣйшемъ подвергался подъ перомъ шведскихъ и финскихъ историковъ разнымъ коментаріямъ, и истолковывался какъ краеугольный камень не провинціальныхъ особенностей Финляндіи, а самостоятельной ея государственности.

Изъ приведеннаго подлиннаго текста съ очевидностію явствуетъ, что новою своею грамотою русскій Императоръ *вновь*, т.-е. не первый разъ, объявлялъ всему краю вообще и въ частности собраннымъ его же волею земскимъ представителямъ о данныхъ имъ льготахъ. Видно кромѣ того, что онъ *уже вступилъ въ обладаніе* великимъ княжествомъ, притомъ не въ силу какого-либо соглашенія и тѣмъ менѣе договора, а исключительно *произволеніемъ Всевышняго*, выразившимся въ предоставленныхъ ему Промысломъ побѣдахъ. Въ этихъ словахъ содержался весь принципъ не консти-

---

[1]) Прибавленіе къ Уложенію, существующему въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи, изд. по выс. повелѣнію въ 1827 г. По свѣдѣніямъ Кастрéна и подлинникъ, и современный ему шведскій переводъ, сгорѣли въ Або, во время пожара.

туціоннаго, а самодержавнаго Государя, власть котораго признается имѣющею божественное происхожденіе.

Далѣе—онъ при этомъ случаѣ *призналъ за благо*, т.-е. поступилъ по своему собственному произволенію, издавая эту грамоту, сохранявшую финляндцамъ ихъ преимущества. Наконецъ объявлялось, что будутъ сохранены прежде всего религія всѣхъ и каждаго, затѣмъ *коренные* законы и привилегіи каждаго сословія въ отдѣльности по *конституціямъ*, т.-е. по уставамъ ихъ. Здѣсь упоминаемые *коренные* законы надо отличать отъ того, что называется въ русскомъ государственномъ правѣ «основными» законами, содержащими въ себѣ основы государственнаго порядка и управленія. Послѣдніе могутъ быть очень новаго происхожденія и потому самому не быть коренными, т.-е. составляющими предметъ общаго и давняго, укоренившагося сознанія. Въ настоящемъ случаѣ коренными положеніями были, напр., личная свобода крестьянъ, въ противность бывшему въ то время въ Россіи крѣпостному праву, право для всѣхъ владѣть землею, неимѣніе рекрутской повинности. Напротивъ, собственно «основные законы» или шведская конституція не имѣли значенія коренныхъ законовъ. Они были предметомъ сознанія и пониманія лишь для ограниченнаго числа образованныхъ или интеллигентныхъ лицъ; самое происхожденіе ихъ, кромѣ революціоннаго свойства, было и весьма недавнее, относясь къ 1772 и 1789 гг. Но главнѣе всего эти законы были несогласимы съ существующимъ въ Россіи образомъ правленія, какъ уже выше было объяснено.

Кромѣ того и порядокъ установленія въ самой Швеціи этихъ основныхъ законовъ подвергалъ вопросу возможность ихъ перенесенія на русскую почву. Съ точки зрѣнія послѣдней не могло не быть очень большаго сомнѣнія на счетъ того, какую шведскую конституцію слѣдуетъ считать законной? Конституціи въ Швеціи мѣнялись сообразно обстоятельствамъ. По Ништадтскому миру 1721 г. Россіей были признаны основные шведскіе законы 1720 г. Эта конституція даже гарантировалась ею именно какъ такая форма правленія, которая, возбуждая внутренніе раздоры партій и ослабляя власть короля, дѣлала Швецію безсильной. Могъ-ли Александръ желать перенесенія такой конституціи въ русскую

провинцію, если бы даже все прочее было оставлено въ сторонѣ? Конечно, нѣтъ. Позднѣе, Густавъ III, тяготясь своимъ безправіемъ, произвелъ въ 1771 г. революцію, послѣ которой состоялось съ государственными чинами соглашеніе, результатомъ коего былъ законъ о «Формѣ Правленія 21-го августа 1772 г. (RegeringsForm)». А 17 лѣтъ спустя, послѣ аньяльской конфедераціи, т. е. опять послѣ революціонной попытки, состоялся съ тѣми же шведскими чинами другой актъ, 3-го апрѣля 1789 г., извѣстный уже актъ Соединенія и Безопасности (Förenings och Säkerhets Act); онъ вмѣстѣ съ закономъ 1772 г. и представлялъ собою главнѣйшія основы конституціи шведской. Насколько было возможно безусловное утвержденіе ихъ Россіей видно по приведеннымъ выше [2]) выдержкамъ изъ закона о Формѣ Правленія 1772 г., равно изъ акта Соединенія и Безопасности 1789 г.

Такимъ образомъ изъ грамоты 15-го марта 1809 г. можно усмотрѣть, что Императоръ Александръ обезпечивалъ только всѣмъ и каждому ихъ религію, права и преимущества, но нисколько не обязывался переносить на себя и на русское государство всю шведскую конституцію, такъ какъ это было логически и фактически неисполнимо. Если бы допустить, что онъ желалъ сохранить нѣкоторыя изъ ея законоположеній, то было неизбѣжно сопроводить грамоту перечнемъ этихъ узаконеній, но сего не было исполнено ни тогда, ни позже, и все осталось въ произволеніи русскаго Императора. Въ силу этого произволенія былъ теперь созванъ сеймъ въ Борго, былъ назначенъ «на этотъ разъ» канцлеръ юстиціи и другія должностныя лица; въ силу этого же произволенія утвержденъ церемоніалъ, въ который вошли нѣкоторые обряды и формы изъ временъ жизни Финляндіи подъ шведской конституціей; но этимъ все и кончалось. Утвержденіе шведской конституціи какъ основнаго закона для этой страны поставило бы Императора Александра не только въ противорѣчіе съ его священнымъ долгомъ противъ Россіи,—долгомъ, торжественно признаннымъ предъ лицомъ Божіимъ при короновaніи на царство, но и прямо во враждебное къ ней положеніе. Мало того, утвержденія шведской кон-

[2]) Т. II, стр 315.

ституціи не только не было, но о ней даже и не позволялось разсуждать, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго.

Для опубликованія грамоты 15-го марта сдѣланъ былъ шведскій съ нея переводъ, вѣрность котораго удостовѣрилъ помощникъ Сперанскаго Ребиндеръ. Нельзя не удивляться смѣлости, съ которой онъ, не зная русскаго языка, взялъ на себя такое удостовѣреніе. Но послѣдствіемъ его незнанія, если не допустить сознательнаго намѣренія, было немаловажное искаженіе въ шведскомъ переводѣ подлиннаго русскаго текста. Въ немъ [1]) заключались слѣдующія неточности:

1) Слово «вновь» предъ словомъ «утвердить» имѣетъ большой вѣсъ, ибо сохраненіе религіи, законовъ и пр. обѣщано было, какъ сказано, уже нѣсколько разъ до боргоскаго собранія, въ нѣсколькихъ предъ тѣмъ изданныхъ актахъ. Грамота оказывалась только повтореніемъ и не заключала въ себѣ ничего новаго. Шведскій переводъ выкинулъ это слово *вновь*, и боргоская грамота явилась какъ бы совершенно особымъ, самостоятельнымъ, только впервые на сеймѣ совершеннымъ актомъ.

Во-2-хъ, русскій текстъ говоритъ объ утвержденіи *религіи* всѣхъ подданныхъ вообще и каждаго въ отдѣльности. Переводчикъ передъ словомъ «религія», Religion, произвольно вставилъ Landets (страны), отчего получилось утвержденіе *религіи страны*, т. е. господствующей церкви, конечно евангелическо-лютеранской, къ которой по шведской конституціи, какъ сказано, долженъ принадлежать и государь. Соотвѣтственно съ тѣмъ православная грекороссійская церковь исключалась изъ утвержденія правъ. Между тѣмъ такого утвержденія господствующей церкви и косвеннаго отверженія православной въ русской грамотѣ вовсе нѣтъ.

Въ-3-хъ, слово «*подданные*» замѣнено словомъ «inbyggare»— *жители* —что далеко не одно и то же: льготы обѣщаны только новымъ русскимъ подданнымъ, т. е. подчинившимся новымъ усло-

[1]) Напечатано въ Finlands Grundlagar, какъ Пальмéна, такъ и Мехелина, у перваго стр. 235, у послѣдняго стр. 72.—Г. Мехелинъ, въ своихъ Précis du droit public du Gr. Duché de Finlande напечаталъ французскій переводъ не съ точнаго русскаго подлинника, а съ невѣрнаго шведскаго перевода.

віямъ политическаго и государственнаго положенія края, тѣмъ, кто присягнулъ на «вѣрное Россійскому скипетру подданство» согласно манифесту изданному годъ назадъ 20-го марта 1888 г., а не всѣмъ вообще обывателямъ, среди которыхъ могло быть и было дѣйствительно много явныхъ и тайныхъ враговъ Россіи, что и доказывали партизанскія дѣйствія, засады, убійства изъ-за угла и пр., парализовавшія всѣ распоряженія русской власти. Обезпечивать такимъ «жителямъ» сохраненіе всѣхъ ихъ правъ значило бы не понимать самыхъ первыхъ элементовъ государственнаго достоинства и безопасности.

Въ-4-хъ, слово *«конституція»* по смыслу французскаго constitution, употреблялось и употребляется весьма часто вмѣсто словъ: устройство, установленіе, учрежденіе. Поставленное въ русскомъ текстѣ *множественное число* этого слова особенно это подтверждало, говоря объ отдѣльныхъ правахъ сословій и частныхъ лицъ, по уставамъ или учрежденіямъ имъ спеціально предоставленныхъ. Переводъ, вмѣсто множественнаго числа «по конституціямъ ихъ», поставилъ единственное, *по конституціи.* Само по себѣ употребленіе и въ такомъ видѣ этого французскаго слова, при указанномъ его значеніи, ничего исключительно важнаго не представляло. Но при томъ что Императоръ Александръ употребилъ въ рѣчи своей, ниже приводимой, это слово въ единственномъ числѣ, со смысломъ которому трудно дать точное опредѣленіе— говорилось-ли объ организаціи страны, или собственно о «конституціи», въ извѣстномъ болѣе тѣсномъ значеніи,—сдѣланною въ переводѣ замѣною единственнаго числа множественнымъ показывается наклонность ввести въ грамоту совершенно несуществующее въ ней, въ высшей степени важное обѣщаніе перенести въ новую часть Россіи чуждый ей государственный строй, притомъ въ такомъ порядкѣ, что самой Россіи это капитальное измѣненіе ея государственныхъ основъ вовсе даже не было извѣстно [1]). Подоб-

[1]) Грамота 15-го марта не была въ установленномъ порядкѣ распубликована въ русскихъ законодательныхъ изданіяхъ, изъ чего слѣдуетъ заключить также, что законодатели смотрѣли на нее какъ на мѣру мѣстнаго, чисто провинціальнаго свойства, если не предположить со стороны Сперанскаго системетическаго обмана.

ный подмѣнъ, однако, вовсе не соотвѣтствовалъ видамъ русскаго правительства. Доказательство тому находится въ послѣдующихъ актахъ. Дабы не давать впредь возможности злоупотреблять мало замѣтнымъ различіемъ словъ «по конституціямъ ихъ» и «по конституціи», Императоръ Александръ II, издавая въ 1855 г., при восшествіи на престолъ, такое же какъ Александръ I обѣщаніе финляндцамъ сохранить ихъ религію и привилегіи, нашелъ лучшимъ вовсе исключить это слово, и замѣнить чисто русскими словами «по прежнимъ установленіямъ». Затѣмъ уже и по-шведски пришлось переводить это мѣсто словами соотвѣтственными видоизмѣненному русскому выраженію, что далеко не означаетъ прежней конституціи. Въ этой же точно редакціи изданъ манифестъ и при восшествіи на престолъ Императора Александра III [1]).

въ 5-хъ, наконецъ имя «грамота», которое присвоено манифесту 15-го марта въ русскомъ оригиналѣ, въ смыслѣ документа на царское пожалованіе, по-шведски ближайшимъ образомъ могло и должно было быть переведено словами edict, befallning, diplom, patent, bref. Въ переводѣ же оно замѣнено словомъ «Försäkrings-Act», что было прямо взято изъ шведскихъ конституціонныхъ порядковъ и выражало собой тотъ «удостовѣрительный актъ», которымъ короли приносили при вступленіи на престолъ «присягу» вѣрности конституціи по § 8-му Акта Соединенія и Безопасности [2]).

Этотъ переводъ, который прямо можно назвать подложнымъ, былъ объявленъ во всеобщее свѣдѣніе и руководство и далъ достаточный поводъ для дальнѣйшихъ уклоненій отъ исторической

---

[1]) См. Сборникъ финляндскихъ постановленій, а также упомянутыя выше изданія Finlands Grundlagar: у Пальмéна—стр. 261, у Л. Мехелина—стр. 74. Слѣдуетъ впрочемъ отмѣтить, что и здѣсь допущена неточность перевода на шведскій: употреблено выраженіе Lands författning, т. е. по «установленію страны», въ единственномъ числѣ и съ упоминаніемъ «страны», тогда какъ подлинникъ говорилъ о прежнихъ установленіяхъ во множественномъ и безъ слова «страны». «Прежнія установленія» могли быть какъ финляндскія провинціальныя, такъ и русскія государственныя.

[2]) Въ объявленіи 19 февраля 1855 г., въ виду этого можетъ быть, даже вовсе исключена вся фраза гдѣ упоминалась грамота, обратившаяся въ переводѣ въ «удостовѣрительный актъ (Försäkrings-Akt)».

истины въ дѣлѣ отношеній Финляндіи къ Россіи. На почвѣ этого перевода воспитывались дѣти и внуки, и не должно удивляться что есть между достойными уваженія финляндцами люди, которые, считая подобный искаженный переводъ за точный документъ, твердо вѣруютъ въ основательность притязаній многихъ финскихъ дѣятелей на государственную обособленность ихъ края.

Въ дальнѣйшемъ открытіе сейма слѣдовало согласно церемоніалу; отступленія были лишь въ мелочахъ. 16-го марта, съ утра, было уже на улицахъ городка общее движеніе. Погода была та же какъ вчера и съ своей стороны оживляла картину. Небо было спокойно и ясно; первое весеннее солнце улыбалось природѣ, заставляя не думать о порядочномъ морозѣ. Русскія войска становились шпалерами на назначенныя мѣста по улицамъ, гдѣ Императору Александру предстояло шествовать въ соборъ и затѣмъ въ залу засѣданій. Къ государеву дому собирались дворяне; другія сословія—въ лютеранскую церковь. У крыльца дома, въ ожиданіи выхода Императора, появился балдахинъ, штанги котораго держали генералъ-маіоры при ассистентахъ штабъ-офицерахъ. Балдахинъ — серебряной парчи съ золотомъ и съ шифрами высочайшаго имени. Къ 10-ти часамъ вышелъ Императоръ Александръ, окруженный русскими сановниками и свитой, и процессія двинулась.

Открывали шествіе два герольда финляндскаго дворянства [1]) въ одѣяніяхъ синяго цвѣта съ серебромъ, за ними маршалъ съ жезломъ и дворяне по два въ рядъ, чиновники и генералъ-губернаторъ Спренгтпортенъ. Это было представительство сословій и администраціи вновь покоренной страны. Далѣе шла русская власть въ предшествіи двухъ герольдовъ Россійской Имперіи, съ красными перьями на головныхъ уборахъ, въ одѣяніяхъ зеленаго бархата съ серебромъ и съ андреевскими звѣздами на груди и на спинѣ. За ними Императоръ Александръ, окруженный прибывшими изъ Петербурга русскими высшими чинами [2]).

---

[1]) Не княжества, а именно только дворянства финляндскаго.

[2]) Въ такомъ порядкѣ описано шествіе очевидцемъ въ Treize journées.

ный подмѣнъ, однако, вовсе не соотвѣтствовалъ видамъ русскаго правительства. Доказательство тому находится въ послѣдующихъ актахъ. Дабы не давать впредь возможности злоупотреблять мало замѣтнымъ различіемъ словъ «по конституціямъ ихъ» и «по конституціи», Императоръ Александръ II, издавая въ 1855 г., при восшествіи на престолъ, такое же какъ Александръ I обѣщаніе финляндцамъ сохранить ихъ религію и привилегіи, нашелъ лучшимъ вовсе исключить это слово, и замѣнить чисто русскими словами «по прежнимъ установленіямъ». Затѣмъ уже и по-шведски пришлось переводить это мѣсто словами соотвѣтственными видоизмѣненному русскому выраженію, что далеко не означаетъ прежней конституціи. Въ этой же точно редакціи изданъ манифестъ и при восшествіи на престолъ Императора Александра III [1]).

въ 5-хъ, наконецъ имя «грамота», которое присвоено манифесту 15-го марта въ русскомъ оригиналѣ, въ смыслѣ документа на царское пожалованіе, по-шведски ближайшимъ образомъ могло и должно было быть переведено словами edict, befallning, diplom, patent, bref. Въ переводѣ же оно замѣнено словомъ «Försäkrings-Act», что было прямо взято изъ шведскихъ конституціонныхъ порядковъ и выражало собой тотъ «удостовѣрительный актъ», которымъ короли приносили при вступленіи на престолъ «присягу» вѣрности конституціи по § 8-му Акта Соединенія и Безопасности [2]).

Этотъ переводъ, который прямо можно назвать подложнымъ, былъ объявленъ во всеобщее свѣдѣніе и руководство и далъ достаточный поводъ для дальнѣйшихъ уклоненій отъ исторической

---

[1]) См. Сборникъ финляндскихъ постановленій, а также упомянутыя выше изданія Finlands Grundlagar: у Пальмéна—стр. 261, у Л. Мехелина—стр. 74. Слѣдуетъ впрочемъ отмѣтить, что и здѣсь допущена неточность перевода на шведскій: употреблено выраженіе Lands författning, т. е. по «установленію страны», въ единственномъ числѣ и съ упоминаніемъ «страны», тогда какъ подлинникъ говорилъ о прежнихъ установленіяхъ во множественномъ и безъ слова «страны». «Прежнія установленія» могли быть какъ финляндскія провинціальныя, такъ и русскія государственныя.

[2]) Въ объявленіи 19 февраля 1855 г., въ виду этого можетъ быть, даже вовсе исключена вся фраза гдѣ упоминалась грамота, обратившаяся въ переводѣ въ «удостовѣрительный актъ (Försäkrings-Akt)».

истины въ дѣлѣ отношеній Финляндіи къ Россіи. На почвѣ этого перевода воспитывались дѣти и внуки, и не должно удивляться что есть между достойными уваженія финляндцами люди, которые, считая подобный искаженный переводъ за точный документъ, твердо вѣруютъ въ основательность притязаній многихъ финскихъ дѣятелей на государственную обособленность ихъ края.

Въ дальнѣйшемъ открытіе сейма слѣдовало согласно церемоніалу; отступленія были лишь въ мелочахъ. 16-го марта, съ утра, было уже на улицахъ городка общее движеніе. Погода была та же какъ вчера и съ своей стороны оживляла картину. Небо было спокойно и ясно; первое весеннее солнце улыбалось природѣ, заставляя не думать о порядочномъ морозѣ. Русскія войска становились шпалерами на назначенныя мѣста по улицамъ, гдѣ Императору Александру предстояло шествовать въ соборъ и затѣмъ въ залу засѣданій. Къ государеву дому собирались дворяне; другія сословія—въ лютеранскую церковь. У крыльца дома, въ ожиданіи выхода Императора, появился балдахинъ, штанги котораго держали генералъ-маіоры при ассистентахъ штабъ-офицерахъ. Балдахинъ — серебряной парчи съ золотомъ и съ шифрами высочайшаго имени. Къ 10-ти часамъ вышелъ Императоръ Александръ, окруженный русскими сановниками и свитой, и процессія двинулась.

Открывали шествіе два герольда финляндскаго дворянства [1]) въ одѣяніяхъ синяго цвѣта съ серебромъ, за ними маршалъ съ жезломъ и дворяне по два въ рядъ, чиновники и генералъ-губернаторъ Спренгтпортенъ. Это было представительство сословій и администраціи вновь покоренной страны. Далѣе шла русская власть въ предшествіи двухъ герольдовъ Россійской Имперіи, съ красными перьями на головныхъ уборахъ, въ одѣяніяхъ зеленаго бархата съ серебромъ и съ андреевскими звѣздами на груди и на спинѣ. За ними Императоръ Александръ, окруженный прибывшими изъ Петербурга русскими высшими чинами [2]).

[1]) Не княжества, а именно только дворянства финляндскаго.

[2]) Въ такомъ порядкѣ описано шествіе очевидцемъ въ Treize journées.

женныхъ ясно видно, что Императоръ Александръ *не могъ* дать своимъ словамъ такого значенія. Сему новымъ подтвержденіемъ служитъ и то, что въ рѣчи онъ обѣщалъ «maintenir votre constitution, vos lois fondamentales», т. е. сохранить особо и конституцію и коренные законы. Но это былъ бы ничѣмъ не объяснимый плеоназмъ, такъ какъ «конституція» уже обнимаетъ всякіе основные и коренные законы. Напротивъ оба слова имѣютъ полное основаніе быть употребленными рядомъ безъ всякаго излишества, если слову конституція присвоенъ былъ смыслъ учрежденія, организаціи, устройства. Сохранялось административное «устройство», и вмѣстѣ съ нимъ «коренные законы», въ родѣ личной свободы и т. п. Такое толкованіе соотвѣтствуетъ и всей совокупности мѣръ принятыхъ въ эту эпоху, и отвѣтной рѣчи епископа Тенгстрёма, вслѣдъ за симъ приводимой. Нельзя также не видѣть, что Императоръ Александръ говорилъ о *пополненіи* своихъ правъ, предоставленныхъ военнымъ счастіемъ, *а не объ ихъ ограниченіи*, что было бы естественно, и даже обязательно сказать въ параллель съ правами побѣдителя, если-бы имѣлась на самомъ дѣлѣ въ виду конституція въ новѣйшемъ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

О томъ, что происходило на торжественномъ засѣданіи, долженъ былъ по церемоніалу быть веденъ протоколъ Сперанскимъ при содѣйствіи Ребиндера. Для нихъ былъ даже приготовленъ и особый столъ. Шведско-финскіе писатели при этомъ называютъ Сперанскаго «статсъ-секретаремъ финляндскихъ дѣлъ (statssekretärare för finska ärendena) [1])». На дѣлѣ онъ былъ статсъ-секретаремъ Его Величества, независимо отъ этихъ дѣлъ, и ранѣе того какъ они ему были поручены. Самъ Сперанскій вездѣ подписывался просто: «статсъ-секретарь Сперанскій» и нигдѣ къ этому титулу не встрѣчается прибавки относительно финляндскихъ дѣлъ.

Кастрéнъ говоритъ что протоколъ былъ веденъ, но признается вмѣстѣ съ тѣмъ, что его нигдѣ не оказалось. Можно довольно основательно предположить что протокола и вовсе не было. Идея протокола, вѣроятно, не принадлежала Сперанскому, и была ему навязана составителями церемоніала. Но допустивъ ее въ

[1]) Castrén, стр. 139.

числѣ прочихъ статей, когда дѣло дошло до осуществленія, онъ не исполнилъ ея. Сперанскому, стоявшему теперь на высотѣ бюрократическаго величія, естественно должно было показаться неумѣстнымъ исполнять обязанности протоколиста предъ второстепеннымъ провинціальнымъ собраніемъ. Къ тому же, и едва-ли это не наиболѣе существенно, Сперанскому было не только затруднительно, но и невозможно вести протоколъ, въ которомъ все по крайней мѣрѣ на половину было ему непонятно. Правда при немъ былъ Ребиндеръ; но было бы очень легкомысленно положиться исключительно на этого молодаго и мало извѣстнаго Сперанскому человѣка, и такъ сказать съ закрытыми глазами подписывать то, что онъ предложитъ. Не исполнить въ виду этого статью о протоколѣ было тѣмъ легче, что церемоніалъ имѣлъ значеніе второстепенное, и не былъ подписанъ Государемъ. По всей вѣроятности Императоръ Александръ даже и не былъ освѣдомленъ о всѣхъ подробностяхъ церемоніала; форма утвердительной надписи свидѣтельствовала, что послѣдній былъ только «доложенъ» ему Сперанскимъ, т. е. на словахъ объяснены сущность и главнѣйшія черты его. Тѣмъ легче было видоизмѣнить разныя детали, лишь доводя о томъ при надобности до высочайшаго свѣдѣнія.

За неимѣніемъ протокола трудно сказать, были-ли привѣтственныя рѣчи ораторовъ сословій сказаны до рѣчи Императора Александра или послѣ нея. Князь Гагаринъ, описавшій 13 дней поѣздки Александра по Финляндіи, обрисовывая это собраніе, говоритъ: «начались фразы; каждое сословіе говорило свои; ландмаршалъ тоже; Императоръ сказалъ свое слово очень милостиво» [1]).

---

[1]) Весь тонъ разсказа князя Гагарина въ его Treize journées, не смотря на легкій, фельетонный характеръ, тонъ полунасмѣшливый, не можетъ не подтвердить той мысли, что на всѣ церемоніи и обрядности, которымъ финляндцы впослѣдствіи стали придавать финско-государственное значеніе, глядѣли тогда какъ на невинныя, нѣсколько пожалуй любопытныя, но ни къ чему серьезному неведущія формальности. Порядокъ, въ которомъ князь Гагаринъ упоминаетъ о рѣчи Императора на послѣднемъ мѣстѣ, какъ будто даетъ понять, что церемоніалъ былъ исполненъ въ томъ порядкѣ, какъ сдѣлана вышеуказанная перестановка параграфовъ его (стр. 323).

Рѣчей Де-Геера и Ореуса не имѣется среди наличныхъ документовъ; но епископъ Тенгстрёмъ и ораторъ крестьянскаго сословія Клокаръ составили свои привѣтствія въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

Тенгстрёмъ [1]).

«Государь! Благородное сердце, вмѣстѣ съ просвѣщенными и либеральными чувствами В. И. В-ва, уже въ достаточной мѣрѣ обезпечили намъ ненарушимость всемилостивѣйшихъ Вашихъ обѣщаній. Съ перваго же вступленія въ нашу страну Вашихъ побѣдоносныхъ войскъ, В. В-во удостоили дать намъ увѣренія въ неизмѣнномъ сохраненіи нашей вѣры, нашей формы администраціи (administration) и всѣхъ другихъ правъ и преимуществъ, коими пользовались мы до сихъ поръ подъ кровомъ законовъ, основавшихъ и въ теченіе многихъ вѣковъ поддерживавшихъ безопасность и счастіе каждаго финляндца.

«Но В. И. В-во тѣмъ не менѣе имѣли великодушіе предложить сословіямъ Финляндіи, здѣсь по всемилостивѣйшему Вашего В-ва повелѣнію собраннымъ, новыя выраженія святости увѣреній, которыя имъ уже были даны В. И. В-вомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ принять новые знаки вѣрности покорнаго и благодарнаго народа.

«Эти знаки представлены сегодня В. И. В-ву не только по глубокому уваженію, обязательному предъ могуществомъ и величествомъ престола, но еще болѣе въ силу самой живой и самой искренней привязанности, одушевляющей въ настоящую минуту всѣхъ добрыхъ гражданъ, счастливыхъ воздать Кесарева Кесареви и Божія Богови.

«Лѣтописи человѣчества увѣковѣчатъ память о милосердіи и великодушіи, коими В. И. В-во удостоили сегодня привязать къ себѣ Вашихъ новыхъ подданныхъ; они же никогда не перестанутъ стремиться все болѣе и болѣе дѣлаться достойными благодѣяній и отеческой любви В. И. В-ва; милость и покровительство Ваше всегда будутъ ихъ славою и ихъ счастіемъ.

«Всенижайше Яковъ Тенгстрёмъ.»

[1]) Французскій текстъ, въ оригиналѣ руки Тенгстрёма, см. въ Приложеніяхъ, № 80.

Рѣчь представителя крестьянъ, Клокара [1]):

«Могущественнѣйшій и всемилостивѣйшій Императоръ и Великій Князь! Въ ту минуту, когда съ дозволенія В. И. В-ва крестьянское сословіе также пользуется неоцѣненною милостью приблизиться къ августѣйшей и священной особѣ В. И. В-ва, мнѣ не достаетъ словъ для выраженія преданнѣйшаго почитанія и самой душевной признательности, коими сословіе чувствуетъ себя проникнутымъ. Отъ искреннѣйшихъ сердецъ желаетъ оно при этомъ случаѣ принести черезъ мое посредство В. И. В-ву самые добровольные дары. Они всегда будутъ послѣдствіемъ чувствъ, столь многократно вызывавшихся и возобновлявшихся щедротами В. И. В-ва, даже среди ужасовъ сопровождавшихъ первые удары оружія [2]).

«Съ такими мыслями сословіе крестьянъ представляетъ себѣ прежде всего величіе настоящаго событія, когда В. И. В-во, будучи побѣдителемъ, пожелало однако всемилостивѣйше дозволить покоренному народу собраться предъ августѣйшей Особой В. И. В-ва въ порядкѣ, установленномъ древними правами, дабы быть выслушану и обсудить свои собственныя дѣла.

«Все это торжественно выражаетъ милостивые виды В. И. В-ва въ отношеніи нашего и страны нашей будущаго благополучія; было бы поэтому преступленіемъ даже противъ насъ самихъ, если бы мы не шли навстрѣчу В. И. В-ву съ тѣмъ довѣріемъ, котораго В. И. В-во имѣетъ полнѣйшее право ожидать.

«При искренности и единеніи, кои всегда были въ подобныхъ случаяхъ отличительными качествами крестьянскаго сословія, беру смѣлость также удостовѣрить въ нихъ В. И. В-во, присоединяя всепокорнѣйшую просьбу о томъ, чтобы мнѣ, также какъ и всему сословію, сохранены были милости В. И. В-ва.

«Во всей покорности

«Петръ Клокаръ, ораторъ крестьянскаго сословія.»

---

[1]) Писана не его рукой. Франц. текстъ см. въ Прилож. № 81.

[2]) Эта историческая неправда говорилась и писалась о томъ самомъ крестьянствѣ, которое упорно предпринимало всякія мѣры сопротивленія русскому движенію и составляло энергическія партизанскія партіи.

Нельзя не замѣтить по поводу этихъ рѣчей, что вся сущность ихъ заключается въ благодарности,—и только въ благодарности, за предоставленныя льготы. Никакого даже намека—не только на какія-либо условія, но и на просьбы.

Послѣ рѣчей канцлеръ Тандефельдъ, согласно церемоніалу, прочелъ отъ имени Императора Александра тѣ вопросы, которые предлагались на обсужденіе сейма. Ихъ было четыре, и содержаніе слѣдуетъ ниже. Вопросы эти, или предложенія, сообщены при слѣдующей бумагѣ Сперанскаго, отъ 16-го марта, на французскомъ языкѣ [1]):

«Его И. Величество, созывая сословія Финляндіи на общій сеймъ, желалъ явить тѣмъ самымъ торжественное доказательство его великодушныхъ намѣреній сохранить и соблюсти ненарушимо религію, законы, учрежденія (la constitution) страны, права и привилегіи всѣхъ сословій вообще и каждаго гражданина въ частности.

«Въ этомъ первомъ и торжественномъ собраніи Е. И. В-во, признавая желанія и чувства новыхъ своихъ подданныхъ, желаетъ принять ихъ присягу вѣрности [2]) и тѣмъ сплотить узы, которыми Провидѣніе связало Его и подчиненный Его скипетру народъ.

«Между предметами Его отеческихъ попеченій о благѣ этой страны разныя отрасли ея хозяйства и общаго управленія особенно привлекли къ себѣ вниманіе Е. И. В-ва. Полный довѣрія къ чувствамъ своихъ подданныхъ и убѣжденный въ усердной готовности народа идти навстрѣчу Его благодѣтельнымъ намѣреніямъ, Е. И. В. рѣшилъ внести нижеслѣдующіе предметы на обсужденіе (délibération) сословій, приглашая ихъ предста-

---

[1]) См. Приложеніе № 72.

[2]) Въ шведскомъ переводѣ сказано förnyade tro-och-huldets ed, т. е. возобновленіе присяги, что и вѣрно, такъ какъ присяга была уже принесена еще прежде въ маѣ и іюнѣ 1808. По всей вѣроятности, текстъ былъ первоначально составленъ по-шведски Де-Гееромъ и Ребиндеромъ, которые этимъ занимались, какъ выше было видно изъ письма Сперанскаго. Де-Гееръ очень плохо владѣлъ французскимъ языкомъ для того, чтобы прямо писать на немъ.

вить Ему ихъ мнѣнія (à Lui présenter leurs avis) о способахъ привести ихъ въ устройство въ порядкѣ, наиболѣе соотвѣтствующемъ благосостоянію жителей.»—(Подписано: по повелѣнію Е. И. В-ва, статсъ-секретарь Сперанскій).

Затѣмъ слѣдовали самыя предложенія.

«*О военномъ устройствѣ.* Е. И. В-во, вѣрный принципамъ, принятымъ Имъ въ отношеніи управленія (sur l'administration) Финляндіею, и увѣренный кромѣ того, что хорошо устроенное народное ополченіе есть наилучшая охрана государства, и что изъ всѣхъ способовъ защиты оно наименѣе обременительно для жителей, въ особенности же наименѣе вредно для пользъ населенія и для земледѣлія,—Е. В-во намѣревается сохранить это учрежденіе въ главныхъ его основаніяхъ. Но такъ какъ возможно, что крупныя неудобства вкрались и въ способъ распредѣленія этой повинности, и въ другія части, составляющія всю общность ея организаціи, то Государь Императоръ охотно позволяетъ (veut bien permettre) сословіямъ представить Ему ихъ мнѣнія (avis) объ этихъ неудобствахъ, и указать вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе дѣйствительные способы къ ихъ устраненію, не посягая на самый принципъ, на которомъ это учрежденіе зиждется. Его В-во приметъ въ соображеніе эти мнѣнія (prendra en considération ces avis); до того же милиція останется, какъ и нынѣ, распущенною. Доходы, назначенные на ея содержаніе, будутъ вноситься въ казну (dans le trésor de la couronne) на основаніи справедливой и свободной раскладки, которую сословія опредѣлятъ.

«Его В-ву угодно вмѣстѣ съ тѣмъ положительно удостовѣрить сословія, что кромѣ учрежденія милиціи и образованія регулярныхъ войскъ на Его собственныя средства, наймомъ ли охотниковъ или же путемъ подавленія бродяжничества сообразно существующимъ законамъ, никакой другой способъ рекрутской или же военной конскрипціи не будетъ имѣть мѣста въ Финляндіи.»

«*О взиманіи податей.* Двѣ крупныя повинности, изъ коихъ одна (benevolences) казалась обременительною для жителей, а другая (акцизъ внутреннихъ таможенъ) стѣсняла очень чувствительнымъ образомъ движеніе народной промышленности,—обѣ,

хотя и составляютъ значительную отрасль казенныхъ доходовъ, были немедленно упразднены, какъ только установилась нынѣшняя администрація. Такъ пожелалъ Его И. В-во возвѣсить жителямъ о своемъ вступленіи въ обладаніе этимъ краемъ; такъ заявилъ Онъ съ самаго вступленія и благотворное свое могущество, и свои безкорыстные принципы! Предлагаемыя теперь Его В-вомъ на обсужденіе сословій предположенія составлены въ томъ же духѣ отеческихъ попеченій о благѣ Финляндіи.

«Е. В-во освѣдомился о существованіи въ настоящемъ способѣ распредѣленія и взиманія податей многоразличныхъ неудобствъ; масса доходовъ, слишкомъ дробныхъ, слишкомъ разнородныхъ по ихъ происхожденію, представляетъ для плательщиковъ, въ особенности же для земледѣльцевъ, много трудностей при разсчетахъ. Посему Е. В-во приглашаетъ сословія сообразить способъ взиманія болѣе легкій, и уменьшивъ число предметовъ обложенія слишкомъ мелочныхъ и требующихъ сложныхъ вычисленій, свести все къ отраслямъ дохода болѣе однообразнымъ, болѣе примѣненнымъ къ мѣстнымъ условіямъ и потому самому менѣе зависящимъ отъ произвола, безъ уменьшенія однако общей суммы ихъ поступленія.

«Эта сумма должна быть сообразована съ нуждами государства. Далекій отъ всякой мысли о личномъ своемъ интересѣ, Е. И. В-во смотритъ на доходы Финляндіи лишь какъ на источникъ, назначенный для процвѣтанія жителей. Но чтобы способствовать этому благосостоянію, чтобы имѣть администрацію безупречную и бодрствующую, нужны достаточныя средства. Въ отношеніи финансовъ народъ настолько можетъ быть свободенъ въ своемъ внутреннемъ управленіи, насколько онъ самъ удовлетворяетъ своимъ внутреннимъ потребностямъ.»

«*О монетной системѣ.* Вопросъ о монетной системѣ Финляндіи, тѣсно связанный съ ея настоящимъ политическимъ положеніемъ, представляетъ при разрѣшеніи своемъ большія трудности. Нужно согласить частные интересы съ нынѣшнимъ порядкомъ вещей. Е. И. В-во предлагаетъ сословіямъ обратить особое вниманіе при обсужденіи на этотъ существенный предметъ, приглашая ихъ представить Ему о лучшихъ способахъ устранить

эти трудности. Е. И. В-во, не предрѣшая мѣръ, кои Онъ изволитъ признать соотвѣтственнымъ принять въ дѣлѣ столь щекотливомъ, расположенъ придти на помощь своимъ вѣрнымъ подданнымъ Финляндіи, насколько размѣръ ихъ нуждъ и свойство средствъ могутъ это дозволить».

Четвертое предложеніе касалось собственно назначенія членовъ въ Правительственный Совѣтъ уже учрежденный по постановленію 19-го ноября 1808 г. [1]). Но теперь это постановленіе пересматривалось въ особой коммисіи. Предложеніе было написано по-французски же, какъ и другія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Административныя учрежденія, распредѣленныя въ разныхъ губерніяхъ Финляндіи, имѣли надобность въ центральномъ учрежденіи, гдѣ дѣла могли бы сосредоточиваться, для окончательнаго регулированія.

«Его И. В-во уже утвердилъ общій планъ такого установленія подъ именемъ Правительственнаго Совѣта. Уставъ этого совѣта требуетъ особой разработки; какъ только она будетъ окончена, Е. В-во имѣетъ намѣреніе предложить ее сословіямъ для полученія ихъ мнѣній (avis).

«Въ ожиданіи сего Государю Императору угодно дать новое доказательство довѣрія Е. В-ва къ сословіямъ, приглашая ихъ представить Ему двѣнадцать кандидатовъ, изъ коихъ половина отъ дворянства, половина отъ другихъ сословій страны, для четырехъ отдѣленій изъ коихъ означенный Совѣтъ будетъ составленъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора. Ихъ служба будетъ продолжаться три года. Изъ сихъ кандидатовъ Его В-во изберетъ число чиновниковъ, которое Онъ признаетъ нужнымъ для образованія этого Совѣта, предоставляя Себѣ въ будущемъ (se réservant pour l'avenir) окончательно опредѣлить порядокъ ихъ назначенія.»

По прочтеніи предложеній Тандефельдтъ передалъ ихъ маршалу дворянства, и церемонія была кончена. Процессія возвратилась тѣмъ же порядкомъ, какъ и пришла.

[1]) Письмо Сперанскаго къ Барклаю-де-Толли, отъ 27-го іюня 1809. См. Прилож. № 97.—Castrén, стр. 192.

хотя и составляютъ значительную отрасль казенныхъ доходовъ, были немедленно упразднены, какъ только установилась нынѣшняя администрація. Такъ пожелалъ Его И. В-во возвѣсить жителямъ о своемъ вступленіи въ обладаніе этимъ краемъ; такъ заявилъ Онъ съ самаго вступленія и благотворное свое могущество, и свои безкорыстные принципы! Предлагаемыя теперь Его В-вомъ на обсужденіе сословій предположенія составлены въ томъ же духѣ отеческихъ попеченій о благѣ Финляндіи.

«Е. В-во освѣдомился о существованіи въ настоящемъ способѣ распредѣленія и взиманія податей многоразличныхъ неудобствъ; масса доходовъ, слишкомъ дробныхъ, слишкомъ разнородныхъ по ихъ происхожденію, представляетъ для плательщиковъ, въ особенности же для земледѣльцевъ, много трудностей при разсчетахъ. Посему Е. В-во приглашаетъ сословія сообразить способъ взиманія болѣе легкій, и уменьшивъ число предметовъ обложенія слишкомъ мелочныхъ и требующихъ сложныхъ вычисленій, свести все къ отраслямъ дохода болѣе однообразнымъ, болѣе примѣненнымъ къ мѣстнымъ условіямъ и потому самому менѣе зависящимъ отъ произвола, безъ уменьшенія однако общей суммы ихъ поступленія.

«Эта сумма должна быть сообразована съ нуждами государства. Далекій отъ всякой мысли о личномъ своемъ интересѣ, Е. И. В-во смотритъ на доходы Финляндіи лишь какъ на источникъ, назначенный для процвѣтанія жителей. Но чтобы способствовать этому благосостоянію, чтобы имѣть администрацію безупречную и бодрствующую, нужны достаточныя средства. Въ отношеніи финансовъ народъ настолько можетъ быть свободенъ въ своемъ внутреннемъ управленіи, насколько онъ самъ удовлетворяетъ своимъ внутреннимъ потребностямъ.»

«*О монетной системѣ.* Вопросъ о монетной системѣ Финляндіи, тѣсно связанный съ ея настоящимъ политическимъ положеніемъ, представляетъ при разрѣшеніи своемъ большія трудности. Нужно согласить частные интересы съ нынѣшнимъ порядкомъ вещей. Е. И. В-во предлагаетъ сословіямъ обратить особое вниманіе при обсужденіи на этотъ существенный предметъ, приглашая ихъ представить Ему о лучшихъ способахъ устранить

эти трудности. Е. И. В-во, не предрѣшая мѣръ, кои Онъ изволитъ признать соотвѣтственнымъ принять въ дѣлѣ столь щекотливомъ, расположенъ придти на помощь своимъ вѣрнымъ подданнымъ Финляндіи, насколько размѣръ ихъ нуждъ и свойство средствъ могутъ это дозволить».

Четвертое предложеніе касалось собственно назначенія членовъ въ Правительственный Совѣтъ уже учрежденный по постановленію 19-го ноября 1808 г. [1]). Но теперь это постановленіе пересматривалось въ особой коммисіи. Предложеніе было написано по-французски же, какъ и другія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Административныя учрежденія, распредѣленныя въ разныхъ губерніяхъ Финляндіи, имѣли надобность въ центральномъ учрежденіи, гдѣ дѣла могли бы сосредоточиваться, для окончательнаго регулированія.

«Его И. В-во уже утвердилъ общій планъ такого установленія подъ именемъ Правительственнаго Совѣта. Уставъ этого совѣта требуетъ особой разработки; какъ только она будетъ окончена, Е. В-во имѣетъ намѣреніе предложить ее сословіямъ для полученія ихъ мнѣній (avis).

«Въ ожиданіи сего Государю Императору угодно дать новое доказательство довѣрія Е. В-ва къ сословіямъ, приглашая ихъ представить Ему двѣнадцать кандидатовъ, изъ коихъ половина отъ дворянства, половина отъ другихъ сословій страны, для четырехъ отдѣленій изъ коихъ означенный Совѣтъ будетъ составленъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора. Ихъ служба будетъ продолжаться три года. Изъ сихъ кандидатовъ Его В-во изберетъ число чиновниковъ, которое Онъ признаетъ нужнымъ для образованія этого Совѣта, предоставляя Себѣ въ будущемъ (se réservant pour l'avenir) окончательно опредѣлить порядокъ ихъ назначенія.»

По прочтеніи предложеній Тандефельдтъ передалъ ихъ маршалу дворянства, и церемонія была кончена. Процессія возвратилась тѣмъ же порядкомъ, какъ и пришла.

---

[1]) Письмо Сперанскаго къ Барклаю-де-Толли, отъ 27-го іюня 1809. См. Прилож. № 97.—Castrén, стр. 192.

ствительно-ли я лишился милости Императора.» Оказалось, по дальнѣйшему разсказу Маннергейма, что Сперанскій опровергъ эти слухи, заявивъ, что никакого вопроса о закрытіи ландтага не возникало.

Кто былъ правъ, Маннергеймъ-ли, передававшій такое опроверженіе слуха, или Спренгтпортенъ, чрезъ котораго онъ распространился, сказать трудно. Но во всякомъ случаѣ инцидентъ этотъ во всей его общности еще разъ рисуетъ положеніе, и говоритъ о томъ, что все дѣло было не въ какомъ-либо соглашеніи или договорѣ финляндцевъ, а въ личномъ и совершенно произвольномъ усмотрѣніи Александра Павловича, и что всѣ эти представители финскаго народа молчаливо подчинялись этому усмотрѣнію.

Описавъ изложенное, Маннергеймъ добавляетъ что Сперанскій показалъ ему уже извѣстную вышеприведенную грамоту 15-го марта, «которою въ общихъ выраженіяхъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ подробностей утверждаются коренные законы и учрежденія страны, равно привилегіи, льготы и права каждаго сословія».

Соображенія по поводу этой грамоты уже выше изложены и возвращаться къ нимъ нѣтъ надобности. Слѣдуетъ однако замѣтить, что финскіе писатели вопреки очевидности желаютъ убѣдить, что въ ней-то и заключается конституціонная присяга Императора Александра предъ Финляндіей. Но мысль подчинить побѣдителя, самодержавнаго государя, тому условію чтобы онъ торжественно призналъ свое самодержавіе *ненавистнымъ*, хотя бы въ отношеніи небольшой части своихъ владѣній,—такая мысль могла придти въ голову лишь людямъ, ослѣпленнымъ неожиданнымъ успѣхомъ другихъ ихъ смѣлыхъ домогательствъ.

Въ самый день 17-го марта, около двѣнадцати часовъ, между рядами войскъ опять прослѣдовалъ Императоръ Александръ въ парадной военной формѣ изъ своего помѣщенія въ соборную церковь. Только два русскіе герольда предшествовали ему, и русскіе же сановники сопутствовали. Вступивъ въ храмъ при звукахъ музыки, Александръ Павловичъ сѣлъ на тронъ. Здѣсь противъ церемоніала было, кажется, то отступленіе что при началѣ присяги Александромъ не было произнесено никакой рѣчи. Представители

сословій привѣтствовали его, и Тандефельдъ пригласилъ дворянъ къ принесенію присяги. Она произносилась по-шведски и выражала слѣдующее [1]).

«Мы, рыцарство и дворянство, собранные на этотъ общій сеймъ, какъ за себя, такъ и отъ лица отсутствующихъ сочленовъ нашего сословія, обѣщаемъ и клянемся, всѣ вообще и каждый въ отдѣльности, предъ Богомъ и на Его Святомъ Евангеліи, что мы признаемъ нашимъ Государемъ Александра I Императора и Самодержца Всероссійскаго, Великаго Князя Финляндскаго, и что мы будемъ неизмѣнно сохранять коренные законы и учрежденія этой страны въ томъ видѣ, какъ они существуютъ и дѣйствуютъ, равно будемъ опорою верховной власти, и такъ повиноваться ея повелѣніямъ и ихъ исполнять, чтобы имѣть возможность дать отвѣтъ предъ Богомъ и людьми. Государю принадлежатъ повелѣнія, а намъ исполненіе въ сохраненіи всего того, что справедливо какъ въ отношеніи къ особѣ Государя, такъ и въ отношеніи насъ самихъ; мы также обѣщаемъ и удостовѣряемъ Его Величество быть всегда вѣрными Его службѣ, особенно защищать страну, соблюдать по законамъ и нашимъ привилегіямъ нашу военную службу лишь только она будетъ возстановлена, какъ при смотрахъ, такъ и на защиту страны. Мы будемъ убѣждать всѣхъ подданныхъ страны къ вѣрности и къ уплатѣ должныхъ коронѣ повинностей. Мы сохранимъ все это вѣрно по нашему лучшему разумѣнію и возможности, въ удостовѣреніе чего мы это обѣщаемъ, поднявъ руки, и молимъ Бога да будетъ намъ въ помощь какъ душевно, такъ и тѣлесно.»

Подобнымъ образомъ принесена присяга и прочими сословіями, духовенствомъ, горожанами и крестьянами.

Затѣмъ была прочтена Спрентпортеномъ въ переводѣ грамота 15-го марта. Былъ-ли то вышеприведенный невѣрный переводъ, или какой другой, сказать нельзя по неимѣнію данныхъ.

Въ отвѣтъ на это ораторы говорили свои благодарственныя

---

[1]) Въ бумагахъ Сперанскаго имѣется современный французскій переводъ, представленный безъ сомнѣнія Императору Александру. Настоящее русское изложеніе сдѣлано по этому французскому переводу.

рѣчи [1]) на что Императоръ Александръ сказалъ по-французки слѣдующее:

«Je reçois avec sensibilité les serments de fidélité que les habitants de la Finlande viennent de Me prêter par l'organe de leurs représentants.

«Les liens qui M'unissent à eux, affermis par le mouvement spontané de leur affection, consacrés par cet acte solennel, en deviennent plus chers à Mon coeur, plus conformes à Mes principes.

«En leur promettant de maintenir leur religion, leurs lois fondamentales, j'ai voulu leur montrer le prix que j'attache aux sentiments de la confiance et de l'amour [2])».

---

[1]) Въ Приложеніи № 82 приведена рѣчь оратора крестьянства Клокара; другихъ не было въ рукахъ составителя.

[2]) Съ чувствомъ принимаю Я присягу вѣрности, принесенную Мнѣ жителями Финляндіи чрезъ посредство ихъ представителей. Узы, Меня съ ними соединяющія, укрѣпленныя неподготовленнымъ выраженіемъ ихъ привязанности и освященныя этимъ торжественнымъ дѣйствіемъ, становятся тѣмъ болѣе дороги Моему сердцу, тѣмъ болѣе соотвѣтствуютъ Моимъ началамъ. Обѣщая имъ сохранить ихъ религію, ихъ коренные законы, я желалъ показать имъ, какую цѣну даю чувствамъ любви и привязанности. Статья Н. Путята «Сеймъ въ городѣ Борго» напечатанная въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1860 г., т. 25, основана на шведскихъ источникахъ, и въ ней эта рѣчь переведена со шведскаго съ тѣмъ характеромъ, который отличаетъ передачу всѣмъ документовъ, къ этому дѣлу относящихся. Такъ, въ самомъ началѣ французскій оригиналъ говоритъ просто: «съ чувствомъ»,—а переводъ Путяты «съ живѣйшимъ чувствомъ»; далѣе подлинникъ говоритъ объ узахъ, освященныхъ этимъ торжественнымъ дѣйствіемъ, т. е. принесеніемъ присяги, а переводъ — «освящены симъ торжественнымъ актомъ соединенія», чего въ подлинникѣ вовсе нѣтъ. Еще далѣе Императоръ Александръ просто говоритъ: «обѣщая сохранить имъ вѣру» и пр.,—а Путята переводитъ словами «произнося обѣтъ сохранить финнамъ» и пр., что чрезмѣрно усиливаетъ значеніе, вовсе непринадлежащее слову подлинника «en promettant». Наконецъ изложеніе Путяты приводитъ еще цѣлый заключительный пунктъ, котораго составитель этого описанія не видѣлъ во французскомъ текстѣ, имѣвшемся въ бумагахъ Сперанскаго: «Молю Всемогущаго Бога даровать силу и мудрость въ управленіи этимъ достойнымъ уваженія народомъ, согласно его законоположеніямъ и неколебимымъ законамъ вѣчнаго правосудія». Нѣтъ

Пріѣхавъ въ Тавастгусъ, Императоръ Александръ ознакомился съ мѣстными учрежденіями, въ томъ числѣ съ управленіемъ генералъ-губернатора, которому, согласно съ мнѣніемъ Спренгтпортена, мѣстопребываніе назначено было въ этомъ городѣ[1]). Но здѣсь случился эпизодъ, устранившій со сцены лицо игравшее, въ послѣдне-описанныхъ событіяхъ въ особенности, едва-ли не главнѣйшую роль.

При объясненіяхъ Государь выразилъ между прочимъ мнѣніе о томъ, что было бы удобнѣе имѣть генералъ - губернаторское управленіе не въ Тавастгусѣ, а въ Або. Это мнѣніе, высказанное вскользь и несодержавшее въ себѣ строго опредѣленной монаршей воли, повлекло однако за собою крупныя послѣдствія: и главнокомандующій Кноррингъ, и генералъ-губернаторъ Спренгтпортенъ, столь прочно поддерживавшіе до сихъ поръ одинъ другого, сперва столкнулись между собою, а потомъ должны были оставить свои высокія должности: Кноррингъ въ апрѣлѣ, Спренгтпортенъ въ началѣ іюня. Для перваго вполнѣ достаточный поводъ подать просьбу объ отставкѣ заключался уже въ томъ крайнемъ неудовольствіи, которое Александръ Павловичъ недвусмысленно выразилъ ему за нѣсколько дней предъ симъ въ Або, по случаю отмѣненной экспедиціи на шведскій берегъ[2]). Новѣйшій эпизодъ только

[1]) Въ Тавастгусѣ Императоръ Александръ останавливался въ домѣ нѣкоего Меллерсвельда. Въ знакъ своего удовольствія онъ приказалъ потомъ сдѣлать семейству его слѣдующіе подарки: самому Меллерсвельду—перстень, женѣ его—фермуаръ, старшей дочери—гребень, и младшей дочери—также фермуаръ. Несомнѣнно на всю семью было обращено особенное вниманіе. Посылая вещи, Сперанскій писалъ Спренгтпортену, отъ 2-го апрѣля: «S. M. I-le dans l'intention de marquer sa satisfaction à l'hospitalité que M-r Mellersweld à eu l'honneur de donner à l'Empereur lors de son passage par Tavasthus, m'a chargé de lui faire parvenir les présentes et la lettre ci-jointe. En vous les transmettant, mon général, pour cette destination je prendrai la liberté de vous prier de les faire envoyer par un exprès, afin d'ajouter à ce procédé de votre part un nouveau prix à cet acte de munificence de l'Empereur. Je joins la note de quatre effets qui vous seront remis avec cette lettre sous le cachet du Cabinet de S. M. par le porteur.—Бум. Сперанскаго.

[2]) См. Т. I, стр, 428.

ускорилъ развязку. Для отставки же Спренгтпортена онъ былъ едва-ли не исходнымъ пунктомъ. Столь настойчиво домогавшійся пріѣзда Александра въ Финляндію, Спренгтпортенъ въ этой самой Финляндіи и отъ самого Александра получилъ такой урокъ, который разбилъ всѣ его честолюбивыя мечты.

Сущность дѣла состояла въ томъ, что Спренгтпортенъ не замедлилъ принять высказанное мимоходомъ мнѣніе Александра къ безотложному исполненію, и поручилъ абоскому губернатору Троилю озаботиться тотчасъ же приготовленіемъ въ Або квартиры для генералъ-губернатора. Лучшій домъ занятъ былъ главнокомандующимъ Кноррингомъ, и Троиль, хотя усиленно извиняясь, обратился къ нему съ просьбою очистить этотъ домъ, ссылаясь на высочайшее повелѣніе, по которому будто бы въ немъ именно долженъ былъ помѣститься бар. Спренгтпортенъ съ своей канцеляріей. Кноррингъ обидѣлся и, получивъ письмо 30-го марта, на другой же день написалъ Государю, не безъ раздраженія, повтореніе поданной еще въ Або просьбы объ увольненіи отъ должности, прибавивъ такое выраженіе: «Льщу себя надеждою, что В. И. В-во, лишивъ меня помѣщенія присвоеннаго должности главнокомандующаго Вашей арміей, удостоите предоставить мнѣ и свободу отправиться отсюда». Въ отвѣтъ Императоръ Александръ, также съ очевиднымъ раздраженіемъ, извѣстилъ Кнорринга въ томъ смыслѣ, что со времени подачи первой его просьбы объ отставкѣ онъ не удерживалъ его ни одного дня; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ставилъ Кноррингу на видъ всю несообразность его довѣрія къ повелѣнію, объявленному гражданскимъ чиновникомъ, притомъ словесно и чрезъ третье лицо, и все незнаніе главнокомандующимъ мѣры его власти и почета связаннаго съ его должностію. «Генералъ Спренгтпортенъ дастъ мнѣ отчетъ—присовокуплялъ Императоръ — въ поступкѣ столь необдуманномъ, столь рѣшительно противномъ моимъ намѣреніямъ.»

Одновременно, въ не менѣе сильной формѣ, сдѣланъ былъ выговоръ и Спренгтпортену. Сославшись на представленное Кноррингомъ письмо Троиля объ очищеніи дома, Александръ Павловичъ писалъ: «Если бы я не имѣлъ этого письма предъ глазами, трудно было бы повѣрить дѣйствительности такого случая. Было

бы странно въ самомъ дѣлѣ предположить, что на основанiи простаго предварительнаго, притомъ словеснаго разсужденiя вы почли себя въ правѣ учредить мѣстопребыванiе управленiя въ Або, устроить тамъ нужныя квартиры, начиная вопреки всѣмъ приличiямъ съ вашей, и превысить такимъ образомъ предѣлы власти вамъ ввѣренной; вы обратили по вашему усмотрѣнiю предварительныя сужденiя въ положительныя мѣры и предупредили повелѣнiя, кои никогда вамъ не были даны, и коихъ именно я рекомендовалъ вамъ ожидать. Такая путаница въ соображенiяхъ и такая быстрота въ ихъ исполненiи едва были бы вѣроятны, если бы я не имѣлъ тому очевиднаго доказательства. Съ сожалѣнiемъ вижу себя вынужденнымъ призвать васъ къ порядку (de vous rappeler à l'ordre), предлагая не только остановить всѣ распоряженiя на счетъ окончательнаго устройства мѣстопребыванiя гражданскаго управленiя въ Або, но и воздержаться отъ всякой важной мѣры, которая выходила бы изъ предѣловъ полномочiй, опредѣленныхъ вашими инструкцiями или въ точности предписанныхъ моими повелѣнiями.»

Такое рѣзкое порицанiе дѣйствiй побудило Спренгтпортена проситься въ отставку. Правда, онъ не сразу отступилъ отъ того положенiя, для устройства котораго онъ не пренебрегалъ ничѣмъ. Онъ писалъ оправданiя Государю, въ которыхъ не стѣснялся сваливать вину за инцидентъ на своего стариннаго единомышленника и друга губернатора Троиля, отчасти же и на самого Государя, давшаго ему будто-бы предъ отъѣздомъ изъ Тавастгуса опредѣленныя повелѣнiя на счетъ перемѣны мѣстопребыванiя; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ и новому другу Аракчееву, признаваясь, что «не имѣетъ привычки» получать письма въ родѣ ему присланнаго. Догадываясь, что такая суровость «предвѣщаетъ желанiе отъ него отдѣлаться», Спренгтпортенъ заявлялъ ему намѣренiе «съ честью» и «не дорожа личными выгодами», оставить постъ, «къ которому относятся съ такимъ презрѣнiемъ безъ всякой вины.»

Кромѣ выговора отъ Императора Александра, Спренгтпортена побуждало уйти съ должности, служившей нѣсколько мѣсяцевъ назадъ предметомъ его горячихъ желанiй и домогательствъ,

и другое обстоятельство. Онъ совсѣмъ разочаровался въ дѣлахъ сейма, о которыхъ будетъ вскорѣ разсказано. Сперва избраніе помимо его, какъ онъ по крайней мѣрѣ думалъ, коммиссіи для составленія Положенія о правительственномъ совѣтѣ, затѣмъ неудача съ его сеймовымъ предложеніемъ, а наконецъ и полное его устраненіе свыше отъ вмѣшательства въ дѣла сейма, въ которомъ онъ прежде надѣялся начальствовать и блистать во всей силѣ своихъ талантовъ, — все это составляло цѣлый рядъ разочарованій и оскорбленій, которыя дѣлали почти невозможнымъ сохраненіе имъ генералъ-губернаторства.

Но если онъ писалъ Аракчееву о желаніи уйти съ честью, не думая о своихъ личныхъ выгодахъ, то затѣмъ, предпринимая послѣдніе шаги, онъ остался тѣмъ же какъ и прежде, т. е. на дѣлѣ незабывающимъ этихъ выгодъ. Въ Приложеніи № 139 читатель найдетъ, между прочимъ, письмо Спренгтпортена къ Аракчееву отъ 4-го мая 1809 г., въ которомъ, выставляя на видъ ревностныя старанія свои о присоединеніи Финляндіи къ Россійской Имперіи, онъ говоритъ и о желаніи пожизненной пенсіи, и о пожалованіи деревни въ Россіи, и объ удостоеніи жены его [1]) «знакомъ отличія, которымъ нынѣ столь милостиво жалуются дамы ея званія, за оказанныя мужьями ихъ услуги отечеству». Это послѣднее касалось вѣроятно пожалованія въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины.

Вмѣстѣ съ этими домогательствами Спренгтпортенъ давалъ понять Аракчееву, что онъ не прочь былъ бы сохранить званіе генералъ-губернатора до закрытія сейма, «чтобы видѣть успѣшныя послѣдствія общаго нашего съ вашимъ сіятельствомъ предположенія къ гражданскому управленію сего края». Однако, Аракчеевъ относился къ просьбамъ и желаніямъ своего «друга» совершенно равнодушно, и увольненіе состоялось за мѣсяцъ до конца сейма, 5-го іюня. Самонадѣянныя мечты честолюбца разлетѣлись въ прахъ: онъ не угодилъ ни русскому правительству, съ которымъ хитрилъ, ни современникамъ - финляндцамъ, которыхъ оскорблялъ. Но на почвѣ его хитростей съ теченіемъ времени, благодаря

---

[1]) Третьей, рожденной Замыцкой.

довѣрчивости и недальновидности русскихъ правительственныхъ органовъ, могла произрасти и дѣйствительно произрасла та путаница понятій, за которую новѣйшіе финляндцы возвели Спренгтпортена въ народные герои [1]).

Этимъ кончилась карьера Спренгтпортена, пользовавшагося цѣлые 23 года отъ русскихъ государей и на счетъ русскаго народа всѣми благами, какія можетъ предоставить счастливая служба. И теперь, при увольненіи, честолюбіе этого баловня судьбы, не смотря на недавніе столь недвусмысленные отзывы Александра, было вновь польщено и въ очень крупныхъ размѣрахъ: при закрытіи сейма, уже уволенный отъ должности, Спренгтпортенъ пожалованъ графскимъ достоинствомъ. Не забыто и матеріальное его положеніе: ему сохраненъ пенсіонъ изъ Кабинета по 5493 р. 18 к. въ годъ, а по указу 5 го іюня 1809 г. назначенъ изъ государственнаго казначейства особо пенсіонъ по 6.000 р.. Имѣній кажется ему не дано; онъ уже получалъ ихъ при Екатеринѣ и не умѣлъ сохранить; неизвѣстно равнымъ образомъ, была-ли жена его пожалована въ кавалерственныя дамы. Но извѣстно, что и по оставленіи должности Спренгтпортенъ не переставалъ просить, а при добромъ посредствѣ Сперанскаго, и получать богатыя милости. Въ 1810 г., по докладу Сперанскаго, послѣдовали: рескриптъ министру финансовъ Гурьеву, отъ 6-го мая,—о выдачѣ новому графу опредѣленнаго ему отъ казны пенсіона по 6.000 р., *впредь за пять лѣтъ;* и указъ Кабинету, отъ 7-го того же мая, о производствѣ ему, Спренгтпортену, получаемаго имъ пенсіона въ 5.493 р. 18 к., «когда онъ въ чужихъ краяхъ находиться будетъ, вдвое, т. е. по 10.986 р. 36 коп.». Такими льготами Спренгтпортенъ продолжалъ пользоваться еще цѣлыя 10 лѣтъ до смерти.

---

[1]) Описаніе эпизода, приведшаго къ увольненію сперва Кнорринга, а потомъ и Спренгтпортена, основано на перепискѣ, имѣющейся въ Военно-Ученомъ Архивѣ подъ № 1674. Переписка эта интересна для характеристики принимавшихъ въ ней участіе Александра I, Кнорринга, Спренгтпортена, Аракчеева и Сперанскаго, и желающіе найдутъ ее въ Приложеніяхъ къ сему тому, подъ № 129.

ГЛАВА XXIII.

Сеймъ въ Борго.—Его занятія.

Для предварительной разработки предметовъ данныхъ на обсужденіе сейма образованы были двѣ коммисіи. Каждая состояла изъ 15-ти членовъ, притомъ съ такимъ разсчетомъ, что въ нее входило по 6-ти членовъ отъ дворянства и по 3-ти отъ каждаго изъ прочихъ сословій. Одна коммисія была подъ предсѣдательствомъ маіора барона Рейнгольда Ребиндера, написавшаго свои историческія слова о «конституціонныхъ таинствахъ»; ей принадлежали занятія по вопросамъ о милиціи и о податяхъ [1]. Другая, подъ предсѣдательствомъ не менѣе извѣстнаго барона Маннергейма, вѣдала финансовыя дѣла [2]. Кромѣ этихъ коммисій были образо-

[1] Въ эту коммисію, кромѣ Ребиндера, входили: отъ дворянства, извѣстный уже генер.-м. баронъ Виллебрандъ, Де-Геерь, а вмѣсто него Гиэингеръ, капитанъ Кульфельдтъ, поручикъ Шернваль и камерiръ Норденсванъ; отъ духовенства — профессоръ богословія Гадолинъ, пасторы Сундваль и Валленіусъ; отъ горожанъ—заводчикъ Солитандеръ, бургомистръ города Гамле-Карлебю Винге, и Бладъ; отъ крестьянъ Кайтала изъ абоской губерніи, Вэнэненъ изъ куопіоской и Гранротъ изъ вазаской губ. Донесеніе Геера Императору Александру 15 (27) апрѣля 1809. См. Приложеніе № 76.

[2] Въ нее входили: подполковникъ баронъ Карпелланъ, фонъ Роткирхъ, Гюльденстольпе, ассесоръ гофгерихта, полковникъ Кноррингъ и военный совѣтникъ Энегьельмъ; отъ духовенства—пасторы Яймеліусъ, Сигнеусъ, деканъ Алопеусъ; отъ горожанъ — купецъ Хольмстенъ, ратманъ Энгманъ изъ Улеаборга, ратманъ Мальмъ изъ Ню-Карлебю; отъ крестьянства Сэпэля изъ кюменегордской губ., Ланстрёмъ изъ нюландской и Вэзола изъ улеаборгской.—Ibidem.

ваны комитетъ по дѣламъ дворянства [1]), и депутаціи для разсмотрѣнія дѣлъ не входящихъ въ кругъ занятій другихъ коммисій. Эти депутаціи были каждая исключительно въ предѣлахъ отдѣльнаго сословія, и Де-Гееръ называлъ ихъ вообще депутаціею прошеній (députation des Suppliques); вошли: 6-ть членовъ отъ дворянства, всѣ 6 духовныхъ и 9 горожанъ; составъ крестьянскихъ депутатовъ неизвѣстенъ [2]). Какъ видно изъ донесенія Де-Геера Императору Александру отъ 15 (27) апрѣля, коммисія гражданскихъ и экономическихъ дѣлъ въ это время была уже въ полномъ ходу. Другія коммисіи или депутаціи также приступили къ занятіямъ. «Такъ какъ въ этомъ начало всего—писалъ Де-Гееръ на своемъ особенномъ французскомъ языкѣ—и депутаціи не могли еще ничего рѣшить, то я и не могу имѣть честь (je ne peux pas avoir grâce) доложить ни о какомъ рѣшеніи; только всѣ чрезвычайно довольны и дѣлаютъ все возможное чтобы выполнить высокую волю Е. И. В-ва, нашего всемилостивѣйшаго Государя, о уготовленіи нашего благополучія также какъ и счастія нашихъ потомковъ. Единогласно (avec une bouche) сословія и вся страна благословляютъ Е. И. В-во за ту милость, что они могутъ сами, безъ вліянія кого-либо другого, кто не представитель и не членъ сословій, разсуждать о своемъ благополучіи и принимать самимъ рѣшенія, со всемилостивѣйшаго одобренія Е. И. В-ва.»

Это послѣднее толкованіе было совершенно несогласно съ тѣмъ, что было предложено Императоромъ Александромъ, и что Сперанскій разъяснялъ въ письмѣ къ Барклаю-де-Толли, т. е. что отъ сейма потребованы не рѣшенія, не декреты, а простыя мнѣнія [3]). Но Де-Гееръ слѣдовалъ здѣсь системѣ всѣхъ своихъ сотоварищей: онъ повторялъ, какъ бы мимоходомъ, выраженія не

[1]) Въ него входили: отъ 1-го класса—гр. Крейцъ, баронъ Аксель Цедеркрейцъ, баронъ Карлъ Эфраимъ Карпеланъ; отъ 2 класса—Отто Бойе, Генрихъ Споре, Иванъ де ла Шапель; отъ 3-го класса—Карлъ Сильвершольдъ, Карлъ Адлеркрейцъ и Яковъ Форселлесъ.—То же донесеніе.

[2]) Дворяне: бароны Мелинъ и Карпеланъ, Цинкенбергъ, Мölленсворсъ, Орньельмъ и Краббе; отъ горожанъ—Рингсбломъ, Тильманъ, Готшейкъ, Асколинъ, Нюманъ, Штоле, Совеліусъ, Бакманъ, Гранбергъ.

[3]) См. Прилож. № 97.

согласныя съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ, но выгодныя для его цѣлей, съ тѣмъ чтобы потомъ можно было на нихъ ссылаться какъ на документъ. Въ данномъ случаѣ такой пріемъ оказывался тѣмъ болѣе достигающимъ цѣли, что употреблялся въ бумагѣ адресованной самому Государю, которому обязательно говорить одну только правду. Конечно бумагъ Де-Геера, хотя бы въ виду неудобопонятнаго ихъ стиля, Императоръ Александръ самъ въ подробности не читалъ, а зналъ о нихъ только по докладамъ Сперанскаго [1]). Но цѣль въ извѣстномъ смыслѣ достигалась.

Вопросъ объ организаціи центральнаго административнаго учрежденія, совѣта правленія или правительственнаго совѣта, пошелъ другимъ путемъ. Какъ извѣстно, основанія этого совѣта положены еще инструкціей 19-го ноября 1808 г., данной Спренгтпортену въ руководство при назначеніи его на генералъ-губернаторство. Для разработки подробнаго плана этого совѣта былъ учрежденъ теперь особый комитетъ, но не по избранію сейма, а по назначенію отъ имени Государя. Предсѣдательство поручено абоскому епископу Тенгстрёму, который въ эти дни едва-ли не стоялъ выше всѣхъ другихъ финляндскихъ совѣтниковъ. Членами комитета были назначены баронъ Маннергеймъ, Гюльденстольпе, Гадолинъ и баронъ Ребиндеръ [2]). Кромѣ нихъ приглашенъ былъ Калоніусъ, тотъ самый профессоръ, который, какъ выше изложено было, находилъ измѣною службу русскому Государю до заключенія мира. Но не прошло и года, миръ далеко еще не былъ заключенъ, а профессоръ забылъ уже свою проповѣдь и не думалъ объ измѣнѣ, принимая предложенія врага. Какія при

---

[1]) Упомянутое донесеніе Де-Геера, въ числѣ другихъ, поднесено Александру Павловичу Сперанскимъ при краткомъ резюме, въ которомъ говорилось: «Баронъ де-Гееръ представляетъ:

1) списокъ чиновъ, избранныхъ въ комитеты и доноситъ, что всѣ работы идутъ своимъ порядкомъ; но окончательныхъ заключеній еще нѣтъ». 2) . . . и т. д. Государь слѣдовательно не зналъ, что финляндцы говорятъ о рѣшеніяхъ.—Бумаги Сперанскаго.

[2]) Письмо Спренгтпортена Сперанскому 30-го марта 1809 г. См. Приложеніе № 107.

этомъ цѣли имѣлъ онъ въ виду преслѣдовать?—въ 70 лѣтъ убѣжденія такъ легко не мѣняются [1]).

Но порядокъ составленія проекта этой организаціи вызвалъ сильное неудовольствіе Спренгтпортена; онъ считалъ себя оскорбленнымъ. Когда образовывалась коммисія ad hoc, его не было въ Борго; онъ не былъ и въ свитѣ Государя, и пріѣхалъ туда лишь на другой день по отбытіи Александра Павловича. Узнавъ о томъ что въ коммисіи предсѣдательствуетъ Тенгстрёмъ, онъ не замедлилъ выразить свои чувства Сперанскому. Формально онъ былъ правъ и имѣлъ подъ собой почву: было нѣчто несообразное въ томъ, что вопросъ капитальной важности, притомъ въ дѣлѣ при которомъ Спренгтпортенъ стоялъ непосредственно по званію генералъ-губернатора и предсѣдателя новаго совѣта, рѣшался однако безъ его участія. Въ этомъ было даже прямое нарушеніе самаго учрежденія 19-го ноября, гдѣ именно Спренгтпортену, какъ генералъ-губернатору, поручалось «представить въ послѣдствіе времени нужныя прибавленія къ составленію полной инструкціи Комитету», т. е. именуемому совѣту правленія. Объяснялось это

[1]) Приглашеніе было сообщено Калоніусу (который не былъ членомъ сейма) въ слѣдующемъ письмѣ Сперанскаго, отъ 22-го марта, изъ Або, по обыкновенію по-французски:

«М. Г.—Е. И. В-во желая положить основаніе центральному управленію Финляндіи, гдѣ разныя отрасли провинціальной администраціи могли бы соединяться, призналъ соотвѣтственнымъ образовать спеціальную коммисію, возложивъ на нее представить Е. В-ву проектъ учрежденія, сообразнаго настоящему порядку вещей. Епископъ абоскій стоитъ во главѣ этой коммисіи.

«Предупрежденный знаменитостію вашего имени, Императоръ желаетъ чтобы вы присоединили вашу просвѣщенность къ таковой же другихъ членовъ этой коммисіи, дабы оказать содѣйствіе успѣху ихъ трудовъ. Предметъ слишкомъ важенъ, слишкомъ тѣсно связанъ съ процвѣтаніемъ и счастіемъ этой страны, для того чтобы быть чуждымъ чувствамъ васъ одушевляющимъ. Е. В-во впередъ увѣренъ, что вы не упустите достойно оцѣнить этотъ знакъ Его довѣрія.

«Что касается до времени вашихъ собраній въ Борго, Е. В-во предоставляетъ это вамъ, въ увѣренности что вы поспѣшите туда отправиться какъ только состояніе вашего здоровья позволитъ.» Французскій подлинникъ см. Приложеніе № 87.

конечно интригой его же соотечественниковъ, которые теперь, въ виду постигшей Спренгтпортена нѣкоторой опалы, стали дѣйствовать смѣлѣе, давая волю своей давнишней, но до времени скрытой непріязни къ этому властолюбцу. Спренгтпортенъ писалъ Сперанскому [1]):

«Обязываюсь представить вамъ, м. г., что предметъ сей, какъ вамъ небезъизвѣстно, былъ уже предоставленъ моему распоряженію 2-мъ пунктомъ инструкціи, удостоенной одобренія Е. И. В-ва; въ силу его предсѣдательство въ комитетѣ (совѣтѣ) принадлежитъ мнѣ по праву какъ лицу, которое и по должности, и смѣю также сказать, по усердію своему, наиболѣе въ состояніи руководить этими работами. Посему, признаюсь вамъ, м. г., я не долженъ бы былъ ожидать увидѣть что-либо въ этомъ отношеніи установленнымъ безъ моего вѣдома, тѣмъ болѣе что довѣріе столь милостиво мнѣ выраженное Его Вел-вомъ въ первомъ Его письмѣ, было въ томъ для меня вѣрною порукою [2]). Мнѣ остается слѣдовательно возразить по этому предмету противъ перемѣны взглядовъ, совершившейся безъ того чтобъ имѣли любезность предварительно извѣстить меня, а также и по поводу избранія въ предсѣдатели комитета духовнаго лица. Хотя при обширномъ просвѣщеніи оно отличается и усердіемъ, однако не можетъ по самому даже сану своему имѣть познаній и свѣдѣній тамъ, гдѣ всѣ подробности принадлежатъ вѣдѣнію гражданскаго и военнаго управленія и потому непосредственно подчинены вліянію генералъ-губернатора.»

Спренгтпортенъ выразилъ затѣмъ насколько онъ въ этомъ дѣлѣ оскорбленъ, и недвусмысленно подозрѣвалъ, что о его усердіи было невѣрно доведено до свѣдѣнія Государя. Сперанскій поспѣшилъ однако послать оскорбленному барону обстоятельное объясненіе [3]), изъ котораго оказывалось, что все почти дѣлалось по предварительному съ нимъ соглашенію, и что онъ самъ даже очень одобрялъ назначеніе епископа. Весь тонъ письма былъ таковъ, чтобы оказать на Спренгтпортена успокоительное дѣйствіе.

[1]) Отъ 30-го марта. См. Приложеніе № 107.

[2]) Неизвѣстно, о какомъ письмѣ здѣсь идетъ рѣчь. Быть можетъ о рескриптѣ-ли при назначеніи Спренгтпортена генералъ-губернаторомъ —

[3]) Письмо отъ 2-го апрѣля. См. Приложеніе № 88.

въ концѣ концовъ обѣщано, что проектъ предварительно передачи на сеймъ будетъ присланъ изъ Петербурга на его заключеніе.

Предсѣдательство въ особомъ комитетѣ епископа Тенгстрёма не замедлило выразиться въ крупномъ шагѣ, который финляндское духовенство почти тотчасъ же сдѣлало предъ Императоромъ Александромъ. Извѣстно, что бывшіе въ числѣ депутатовъ въ Петербургѣ пасторы Лебелль, Валленіусъ и Яймеліусъ просили о томъ, чтобы дѣла финляндской лютеранской церкви шли на высочайшее разрѣшеніе непосредственно чрезъ генералъ-губернатора Спренгтпортена, безъ вмѣшательства административныхъ учрежденій Имперіи. Это и было предоставлено. Пасторы, вмѣстѣ съ Спренгтпортеномъ, были рѣшителями церковныхъ дѣлъ Финляндіи, дѣлъ предоставляющихъ духовенству огромное значеніе и выгоды. Но теперь обстоятельства перемѣнились. Положеніе Спренгтпортена дѣлалось непрочнымъ, а можетъ быть и самъ онъ оказался неудобенъ, и Тенгстрёмъ поспѣшилъ воспользоваться своимъ первенствующимъ положеніемъ именно при разработкѣ проекта о совѣтѣ управленія. Сеймовые духовные, съ нимъ во главѣ, обратились къ Александру Павловичу съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ только-что установленнаго порядка высшаго разрѣшенія духовныхъ дѣлъ, съ тѣмъ чтобы они шли на будущее время на рѣшеніе не Императора, а вновь учреждавшагося финляндскаго совѣта. Мотивировалось это конечно желаніемъ не утруждать Государя. «Бывъ уже усиленно занятъ—гласила петиція—неисчислимыми почти заботами по управленію столь обширною Имперіей, населенною столькими различными народами, Е. И. В-во былъ бы еще терзаемъ и удручаемъ (molesté et accablé) нашими церковными дѣлами, большинство коихъ не имѣетъ большаго значенія; къ тому же перенесеніе ихъ и обсужденіе въ Петербургѣ не можетъ не быть сопряжено съ крайними затрудненіями и издержками для бѣдныхъ жителей страны» [1]).

Неизвѣстно: приходило-ли кому изъ петербургскихъ правительственныхъ лицъ въ голову задать себѣ или Тенгстрёму во-

[1]) Петиція духовенства отъ 25-го марта (6-го апрѣля) 1809; также письмо Тенгстрёма къ Сперанскому отъ 25-го апрѣля. См. Приложенія №№ 73 и 112.

просъ: отчего же эти мысли не озабочивали депутатовъ четыре мѣсяца назадъ, когда они просили какъ милости того порядка, который теперь желали отмѣнить? Нѣкоторые изъ тогдашнихъ просителей подписались и теперь подъ новой просьбой. Вѣроятно нѣтъ, — и послѣдняя была удовлетворена.

Есть основаніе думать, что по образованіи коммисій шла рѣчь объ отсрочкѣ или распущеніи сейма. Какъ, и по какому поводу она возникла? — сказать опредѣлительно нельзя; можно однако полагать что самая мысль была предложена Де-Гееромъ. Но финляндскій помощникъ Сперанскаго спѣшилъ разубѣдить послѣдняго въ основательности такой мысли, удостовѣряя, что Де-Гееръ заявилъ о распущеніи «неблагоразумно и по легкомыслію (imprudamment, sans y refléchir)» и не позондировавъ общаго настроенія. Ребиндеръ утверждалъ что отстрочка сейма возбудила бы недовѣріе жителей, которые, видя возвращеніе депутатовъ съ сейма, заподозрили бы какія-либо тайныя намѣренія, и что это было бы тѣмъ болѣе вредно и неполитично, что гармонія умовъ и довѣріе къ Государю будто бы превосходны. Энтузіазмомъ и обожаніемъ населенія къ особѣ Александра послѣ путешествія надо было, по совѣту Ребиндера, пользоваться. Въ чьихъ видахъ—этого Ребиндеръ не разъяснялъ. Поэтому, и дабы прикрыть предъ Государемъ легкомысліе Де-Геера, онъ просилъ Сперанскаго доложить, что въ интересахъ Е. В-ва и ради блага родины сословія перемѣнили мнѣніе и болѣе не желаютъ быть распущенными. Эти внушенія подѣйствовали. Самъ Де-Гееръ, вразумленный вѣроятно тѣмъ же Ребиндеромъ, вскорѣ не замедлилъ высказаться противъ своего прежняго мнѣнія. Сперанскій въ свою очередь поспѣшилъ извѣстить «неблагоразумнаго» маршала, что соображенія, которыя его побудили устранить вопросъ объ отсрочкѣ сейма, слишкомъ хороши и солидны, чтобы не быть принятыми во вниманіе, и что Его Величество не встрѣчаетъ никакого затрудненія считать вопросъ этотъ устраненнымъ (nul et non avenu) и совершенно конфиденціальнымъ между Государемъ и имъ, Де-Гееромъ [1]).

Этимъ инцидентъ былъ исчерпанъ.

---

[1]) Письма: Де-Геера 23-го марта, Ребиндера 25-го марта и Сперанскаго къ Де-Гееру 2-го апрѣля 1809 года. Приложенія №№ 104, 106 и 89.

Нѣтъ надобности входить въ детали всего происходившаго въ коммисіяхъ и на сеймѣ. Не представляя въ общемъ особаго интереса, онѣ были бы даже и не довольно ясны безъ отдѣльнаго и обстоятельнаго изученія всѣхъ деталей сложной административной машины, которая, будучи приводима въ движеніе въ Стокгольмѣ, дѣйствовала и въ Финляндіи. Но не будетъ лишне отмѣтить болѣе характерныя черты.

Отношенія къ сейму Императора Александра подъ вліяніемъ совѣтовъ то русскихъ людей, то льстивыхъ фразъ новыхъ подданныхъ мѣнялись довольно замѣтно. Принципъ оставался тотъ же: отъ сейма требовались *мнѣнія*. Но форма исполненія принципа значительно колебалась. Когда открытіе сейма только еще подготовлялось, Спренгтпортенъ въ качествѣ генералъ-губернатора мнилъ стоять во главѣ съѣзда и руководить имъ. Изъ отвѣта петербургскимъ депутатамъ слѣдовало заключить, что такъ дѣйствительно и будетъ. Даже въ такомъ вопросѣ, какъ о сборѣ податей, Аракчеевскій комитетъ написалъ тогда, что «генералъ Спренгтпортенъ во время сейма можетъ разсмотрѣть сіе требованіе и представить В. В-ву свое мнѣніе». Далѣе говорилось въ самомъ уже отвѣтѣ депутатамъ: «большая часть предметовъ, содержащихся въ вашей просьбѣ, можетъ соотвѣтственнѣе обсужена быть на общемъ собраніи и когда генералъ-губернаторъ на мѣстѣ соберетъ необходимыя свѣдѣнія о общественныхъ нуждахъ и о желаніяхъ жителей». Эти соображенія были, какъ извѣстно, одобрены Императоромъ Александромъ. Весьма естественно что Спренгтпортенъ, который къ тому же самъ и составлялъ отвѣтъ, считалъ эти соображенія за правило, которымъ онъ можетъ и даже долженъ руководствоваться.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, онъ нашелъ нужнымъ обратиться къ сейму съ формальнымъ предложеніемъ, дабы выяснить свои взгляды и преподать ихъ въ руководство. Властолюбіе его конечно занимало здѣсь не послѣднее мѣсто. Онъ такъ резюмировалъ Сперанскому довольно сложную мотивировку этого шага [1]).

«На основаніи предшествовавшихъ инструкцій и характера

---

[1]) Письмо безъ даты, но несомнѣнно послѣ 2-го апрѣля, о которомъ оно упоминаетъ. См. Приложеніе № 108.

управленія, установленнаго для этой страны, я считалъ своимъ долгомъ наблюдать за ходомъ дѣлъ. Поэтому, въ качествѣ члена дворянства и какъ глава народа (chef de la nation), я передалъ сословіямъ мемуаръ, который прилагаю въ копіи. Ознакомляю васъ съ нимъ, дабы Е. В-во отдалъ дань справедливости моему усердію и моимъ добрымъ намѣреніямъ.»

Но Спренгтпортенъ впалъ въ грубую ошибку. Прежде всего онъ смѣшивалъ понятія: что можно было дѣлать члену дворянскаго сословія, того во многихъ случаяхъ не могъ и не долженъ былъ дѣлать представитель власти. Затѣмъ форма его предложенія была безтактна: онъ говорилъ съ сильно выраженнымъ авторитетомъ, какъ начальникъ [1]). Самое заглавіе было повелительное: «Земскимъ чинамъ Финляндіи отъ генералъ-губернатора барона Георгія Спренгтпортена». Весь тонъ былъ заносчивый. Указанія Спренгтпортена имѣли предметомъ извѣстныя четыре предложенія. По первому пункту о милиціи Спренгтпортенъ, какъ военный, говорилъ наиболѣе подробно. «Е. И. В-во, не входя въ объясненіе, должна-ли, и когда, какъ, и въ какихъ силахъ національная армія Финляндіи (Finlands indelta armée) быть возстановлена, выразилъ только волю, чтобы она была сохранена въ своемъ основаніи, давая однако намъ всемилостивѣйшее позволеніе выразить наши мнѣнія о неудобствахъ, которыя могутъ оказаться въ распредѣленіи и въ другихъ частяхъ ея учрежденія, и представить наиболѣе дѣйствительные способы къ ихъ предупрежденію, не посягая однако на самый принципъ, на которомъ это учрежденіе зиждется.» Спренгтпортенъ приводилъ далѣе слова предложенія и нѣкоторыя свои соображенія и «по этимъ уваженіямъ, и принимая во вниманіе предложенія Е. И. В-ва, совѣтовалъ и требовалъ» чтобы комитету экономическихъ дѣлъ предписано было высказать свое мнѣніе по нѣсколькимъ пунктамъ, которые онъ самъ по своимъ личнымъ соображеніямъ проектировалъ и здѣсь перечислялъ.

---

[1]) Письмо и самое предложеніе см. Приложеніе № 79. Оригиналъ былъ по-шведски. Здѣсь предлагается французскій переводъ, сдѣланный Спренгтпортеномъ для Сперанскаго.

«Если всѣ эти пункты, — разъяснялъ онъ, — будутъ хорошо изучены комитетомъ и потомъ внесены на утвержденіе сословій, они могутъ со всею увѣренностью ожидать отъ попечительности Е. И. В-ва и Правленія (Régence), что все относящееся къ арміи будетъ отнынѣ установлено, на случай если бы Е. В-во призналъ за благо возстановить въ этомъ краѣ національное войско. Длинныя разъясненія тѣмъ менѣе нужны въ настоящемъ случаѣ, что всякій кто знаетъ страну и милиціонное распредѣленіе, знаетъ и основанія, на которыхъ можно правильно удовлетворить права короны и права землевладѣльцевъ въ отношеніи выставки солдата. Болѣе пространныя пренія о всѣхъ обстоятельствахъ, не относящихся собственно къ предмету, причинили бы лишь потерю времени, которой тѣмъ болѣе слѣдуетъ избѣгать что Е. В-во ожидаетъ скорыхъ и зрѣлыхъ сужденій по всѣмъ предметамъ, столь милостиво и съ такимъ довѣріемъ порученнымъ обсужденію сословій.»

По вопросу о податяхъ Спренгтпортенъ не высказывалъ никакихъ опредѣленныхъ сужденій, хотя здѣсь, по инструкціи 19-го ноября, онъ могъ бы наиболѣе воздѣйствовать въ видахъ правительства, способствуя облегченію податныхъ тягостей. Онъ ограничился препровожденіемъ свѣдѣній сообщенныхъ двумя губернаторами и рекомендовалъ обратиться къ словеснымъ разъясненіямъ губернскихъ камеровъ, бывшихъ налицо въ Борго.

На счетъ финансовыхъ дѣлъ Спренгтпортенъ былъ того мнѣнія, что они требуютъ большой точности и едва-ли могутъ быть удовлетворительно регулированы до заключенія мира. Онъ полагалъ поэтому, «что было бы короче всего, высказавъ мнѣніе о *принципахъ,* оставить все прочее сужденію Е. И. В-ва; это было бы средствомъ избѣжать ошибокъ».

Наконецъ о правительственномъ совѣтѣ онъ писалъ: «въ заключеніе я долженъ предупредить, что слѣдуетъ безъ отлагательства сдѣлать выборъ членовъ, которые по утвержденіи Е. И. В-мъ составятъ высшее учрежденіе въ краѣ подъ именемъ Совѣта Правленія; Финляндія не должна оставаться долѣе лишенною администраціи, столь необходимой для теченія дѣлъ. Хорошо установленное правленіе даетъ безопасность и устойчивость соціаль-

ному тѣлу. Гдѣ его нѣтъ — порядка нельзя найти. Поэтому надѣюсь, что для моего собственнаго спокойствія и руководства въ веденіи дѣлъ, это учрежденіе будетъ возможно-скоро установлено тѣми, кого Е. И. В-во для сего удостоилъ избрать».

Очевидно Спренгтпортенъ вовсе не давалъ себѣ отчета въ принадлежавшей ему роли и въ отношеніяхъ къ правительству. Иначе, какъ объяснить себѣ наприм. указанія его по вопросу о финансахъ? Правительству именно нужны были не принципы, а мѣры ближайшаго исполненія, зависѣвшія отъ знанія мѣстныхъ условій, а Спренгтпортенъ совѣтовалъ сейму сдѣлать обратное, преподать какіе-то принципы, оставляя затѣмъ всю второстепенную, детальную работу на Государѣ и русскомъ правительствѣ.

Спренгтпортенъ отправилъ свое предложеніе къ барону Де-Гееру при бумагѣ, вполнѣ соотвѣтствовавшей приложенному къ ней документу. Онъ говорилъ какъ власть имѣющій; между тѣмъ люди, къ которымъ онъ обращался, сами пытались всякими способами захватить власть. Естественно, что при происшедшемъ конфликтѣ Спренгтпортенъ не нашелъ себѣ поддержки въ Де-Геерѣ. На сеймѣ дѣйствительно были жаркіе разговоры, и Де-Гееръ боялся при необузданномъ характерѣ своего бывшаго друга и покровителя большихъ непріятностей. Спренгтпортенъ былъ прямо спрошенъ Де-Гееромъ: имѣетъ-ли онъ повелѣнія Государя руководить дѣлами сейма? «Я увѣрялъ его, — писалъ Де-Гееръ Сперанскому [1],— что дворянство въ такомъ случаѣ первое слѣпо повиновалось бы имъ, и ручался въ томъ же за другія сословія; я просилъ его лишь дать намъ объ этомъ знать документально.» Маршалъ недвусмысленно давалъ понять генералъ-губернатору, что указаній отъ него онъ не имѣетъ основанія принимать. «Я ему объяснилъ,—продолжалъ онъ,—что Е. И. В-во, также какъ и ваше пр-во (т. е. Сперанскій), приказывали мнѣ обращаться непосредственно къ вамъ.»

Де-Гееръ получилъ однако отъ Сперанскаго внушеніе щадить Спренгтпортена. Но это далеко не значило, что Спренгтпортена хотѣли поддержать въ Петербургѣ; его именно только щадили.

[1]) См. Приложеніе № 111, конфиденціальное письмо Де-Геера 15 (27) апр. 1809.

Въ тотъ самый день, какъ Спренгтпортенъ отправлялъ Сперанскому копію своего руководящаго предложенія, тотъ излагалъ ему, уже для его руководства, противоположныя воззрѣнія и даже требованія. На счетъ порядка и предѣловъ свободы преній на сеймѣ не было дано первоначально никакихъ опредѣленныхъ правилъ, и все зависѣло отъ усмотрѣнія Императора Александра. Де-Геeръ ожидалъ отъ Сперанскаго наставленій [1]). Объ этомъ рѣчь шла еще въ бытность Государя въ Або, и теперь Сперанскій нашелъ нужнымъ возобновить въ памяти генералъ-губернатора данныя тогда указанія. «Ваше высокопр-во безъ сомнѣнія припомните, что этотъ вопросъ былъ уже рѣшенъ при вашихъ послѣднихъ занятіяхъ съ Е. И. В-вомъ въ Або, въ Его кабинетѣ. Е. В-во изволилъ тогда заявить вамъ, что Его намѣреніе было предоставить чинамъ полную свободу сужденій. Это рѣшеніе не исключаетъ конечно совѣты, которые вы могли бы дать, *если бы ихъ у васъ просили;* но я не думаю, что нужно было бы стѣснять сословія проявленіемъ власти или надзора; едва-ли также было бы сообразно съ видами Государя Императора, если бы вы видимо руководили земскими чинами [2])».

Здѣсь не лишне отмѣтить, а приведенные случаи и вполнѣ подтверждаютъ, что Сперанскій игралъ теперь выдающуюся, почти самостоятельную роль во всѣхъ дѣлахъ касавшихся сейма и вообще Финляндіи, находя во всемъ одобреніе Императора Александра. Онъ старался быть пріятнымъ финляндцамъ, и подъ вліяніемъ лести, которою они его окружали, по видимому мало оглядывался на Россію съ ея интересами. Онъ толковалъ о свободѣ и ея охранѣ въ такихъ выраженіяхъ, что финляндцамъ конечно пока не оставалось желать ничего болѣе. У нихъ не безъ основаній могла «закружиться голова», по мѣткому выраженію Клика. «Вы знаете, генералъ, — писалъ Сперанскій Спренгтпортену, — что свобода, особенно свобода возрождающаяся, очень пуглива и требуетъ по-

[1]) ....j'aurai besoin de savoir la haute volonté de notre auguste et bien aimé Maître touchant plusieurs endroits des propositions.... quelques éclaircissements, savoir l'étendue des discussions sur les propositions.— Де-Геeръ Сперанскому 28-го марта (9-го апр.) 1809 г.

[2]) См. Приложеніе № 88.

печеній и бережнаго ухода (une culture délicate). Иногда одна лишь тѣнь начальства ее устрашаетъ, и конечно не теперь давать ей пугаться, когда нужно только успокоивать и упрочивать довѣріе [1])».

Финляндцы дѣйствительно льстили Сперанскому всячески. Эти «свободолюбивые» люди, этотъ Де-Геeръ, первый изъ первыхъ, получали отъ него будто бы «приказанія»; такъ они и называли его оффиціальныя бумаги. Его имя ставили наравнѣ съ именемъ Императора. Епископъ Тенгстрёмъ обращался къ нему съ титуломъ «Monseigneur», какъ бы къ принцу крови, и не только епископъ, но и Маннергеймъ, гордый своимъ баронствомъ и независимостью. Этотъ же Маннергеймъ писалъ Сперанскому, что пока финляндцы имѣютъ «счастіе» видѣть его во главѣ дѣлъ Финляндіи, имъ не остается ничего желать лучшаго [2]). Епископъ Тенгстрёмъ подносилъ ему еще болѣе тонкія куренія фиміама. Въ качествѣ проканцлера абоскаго университета, онъ просилъ его не отказать принять на себя обязанности самого канцлера, т. е. высшаго его начальника. Это канцлерское званіе возлагали позднѣе на наслѣдниковъ русскаго престола. «Наши дѣла,—писалъ хитрый пасторъ,—безотлагательно требуютъ, чтобы Государь Императоръ оказалъ милость дать намъ возможно скорѣе канцлера; онъ, какъ отецъ и покровитель, будетъ имѣть попеченіе о благѣ университета. Такъ какъ я освѣдомился о всемилостивѣйшихъ намѣреніяхъ на этотъ счетъ Е. И. В-ва, то всенижайше умоляю васъ, Monseigneur, не отказывать намъ долѣе въ вашихъ заботахъ и благодѣяніяхъ, и дать новые поводы васъ любить и уважать [3])». Дѣйствительно, тогда же, въ апрѣлѣ, состоялось назначеніе Сперанскаго канцлеромъ абоскаго университета. Одновременно впрочемъ онъ былъ опредѣленъ и членомъ главнаго правленія училищъ въ Россіи. При всѣхъ послабленіяхъ, финляндскій университетъ тогда ставился еще въ Петербургѣ въ связь съ русскимъ вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія [4]).

---

[1]) См. Приложеніе № 88.

[2]) Приложеніе № 109.

[3]) См. Приложеніе № 112, письмо епископа Тенгстрёма 25-го апрѣля.

[4]) Ректоръ Гартманъ, какъ выше видно было, ссылался въ своихъ ходатайствахъ на правила русскія. Русскимъ врачамъ полагалось предо—

Между тѣмъ земскіе чины, поощренные свободой преній имъ предоставленною и вниманіемъ, которое такъ щедро расточалъ предъ ними Сперанскій, нерѣдко отъ имени Императора, начали уже думать о расширеніи круга своихъ дѣйствій, о значеніи и о власти. При множествѣ произносимыхъ рѣчей не трудно было увлекаться и увлекать другихъ до того, что высказывались желанія, о которыхъ ранѣе едва ли и мечтали. Съ теченіемъ времени шли еще далѣе, и повторенныя мечтанія однихъ казались другимъ уже совершившимся фактомъ. Поэтому вскорѣ же перейдена была граница, намѣченная оффиціальными документами. Изъ протоколовъ видно, что въ сословіяхъ[1]) уже говорилось и писалось, что Императоръ Александръ предоставилъ финляндцамъ конституцію 1772 г., хотя объ этомъ какъ извѣстно, не только не было высказано ничего положительнаго, но и самое упоминаніе о ней было Сперанскимъ отклонено. По этой конституціи, конечно, боргоскіе депутаты могли считать себя «государственными» чинами, хотя самого государства и не было. Государственные чины въ Швеціи имѣли власть наравнѣ съ королемъ; явились поползновенія мечтать если не объ этомъ, то по крайней мѣрѣ о вмѣшательствѣ во всѣ дѣла. Исключенія, оказалось, не было и для дѣлъ международной политики.

Успѣшныя дѣйствія русскихъ войскъ, обошедшихъ въ это время Ботническій заливъ съ сѣвера и явившихся въ самой Швеціи, приводили къ ожиданію, что вскорѣ между Россіей и Швеціей будетъ заключенъ миръ. Оставленные на полной свободѣ боргоскіе делегаты, забывая что имъ даны на разсужденіе лишь четыре извѣстныя предложенія, нашли возможнымъ, хотя и съ большою осторожностью, поставить себѣ и обсуждать вопросъ первостепенной важности: объ участіи и ихъ въ дѣлѣ заключенія мира. Вопросъ былъ поднятъ мемуаромъ на эту тему бар. Маннергейма въ дворянскомъ сословіи. У дворянства, принявшаго этотъ мемуаръ съ сочувствіемъ и давшаго ему дальнѣйшій ходъ, была, судя по

ставить право практики въ Финляндіи наравнѣ съ врачами финляндскими. См. переписку Барклая-де-Толли, письмо 23-го іюля 1809 г. и отвѣтъ Сперанскаго 8-го августа.—Прилож. №№ 117 и 99.

[1]) Протоколъ сословія горожанъ 5-го апрѣля 1809 г.—Приложеніе № 75.

толкованіямъ Кастрéна [1]), другая цѣль. Оно желало добиться учрежденія комитета, носившаго въ Швеціи названіе «тайнаго» и установленнаго конституціей 1772 г. [2]). Во времена шведской вольности или олигархіи, послѣдовавшія послѣ Ништадскаго мира 1721 г., тайный комитетъ захватилъ въ свои руки всѣ главнѣйшія дѣла и распоряжался Швеціей по своему усмотрѣнію. Нѣкоторые финляндскіе дворяне надѣялись по всей вѣроятности воскресить въ будущемъ для себя это прекрасное прошедшее ихъ шведскихъ собратій. И дѣйствительно, вопросъ не только былъ обсуждаемъ, но и былъ представленъ Императору Александру, притомъ за подписью ораторовъ всѣхъ четырехъ сословій, хотя онъ и встрѣтилъ разнорѣчіе въ горожанахъ. Вотъ существенная часть этой петиціи [3]). Принеся обычныя благодаренія за оказанныя милости, ораторы писали:

«Послѣ тяжкихъ и кровавыхъ битвъ, коими всѣ почти края нашего отечества были терзаемы цѣлый уже годъ, побѣдоносныя войска В. И. В-ва кажется уготовили наконецъ спокойствіе и даютъ надежду на миръ, столь повсемѣстно желаемый и столь необходимый и благодѣтельный для страны.

«Если В. И. В-во, въ высокой мудрости Вашей, признаете за благо и соотвѣтственнымъ интересамъ великой имперіи Вашей вступить со шведской короной въ переговоры о мирѣ, вѣрные подданные В. И. В-ва остаются вполнѣ увѣрены, что В. В-во, руководимый нѣжными отеческими чувствами къ этой странѣ, удостоите имѣть въ семъ столь важномъ дѣлѣ самыя заботливыя попеченія объ охранѣ и о всѣхъ интересахъ даже и тѣхъ подданныхъ, которыхъ Вы только-что покорили.

«Но, Государь, наше отечество еще столь недавно подчинено скипетру В. И. В-ва, что мы не смѣемъ надѣяться, чтобы В. И. В-во, при занятіи Вашего драгоцѣннаго времени безчисленными заботами о благѣ многихъ другихъ народностей и подданныхъ, могли еще, въ столь короткій срокъ, вполнѣ освѣдомиться о всѣхъ

---

[1]) Skildringar ur Finlands nyare historia, стр. 207 и слѣд.

[2]) § 47 Форм. Правленія. См. Приложеніе № 61.

[3]) На франц. яз.. См. Приложеніе № 74.

нашихъ нуждахъ, или же чтобы Вы имѣли время настолько углубиться въ дѣла нашей страны, чтобы трактуя со Швеціей о мирѣ, дать свое весьма просвѣщенное всемилостивѣйшее вниманіе всѣмъ предметамъ, того заслуживающимъ, и войти во всѣ необходимыя подробности.

«Вотъ почему сословія Финляндіи, ввѣряясь чтимому всею вселенною милосердію В. И. В-ва, и возобновляя въ своей памяти всемилостивѣйшее разрѣшеніе В. В-ва подносить Вамъ всѣ важныя дѣла, осмѣливаются съ величайшею покорностію умолять о всемилостивѣйшемъ дозволеніи образовать въ продолженіе этого сейма особый комитетъ. Онъ могъ бы приготовить предметы, кои касались бы лишь страны вообще, разныхъ сословій ея жителей, ихъ дѣлъ и ихъ ремеслъ, собственно въ отношеніи экономическомъ и торговомъ, и о которыхъ надлежало бы заботиться, ведя переговоры о мирѣ, въ соображеніи обоюдныхъ правъ и выгодъ, кои могутъ быть извлечены обществомъ даже въ будущемъ. Всѣ эти дѣла будутъ обыкновеннымъ порядкомъ всенижайше поднесены на разсмотрѣніе и рѣшеніе В. И. В-ва.

«Такъ-какъ связи, существовавшія въ теченіе многихъ лѣтъ между Финляндіей и Швеціей подъ общими законами, привилегіями и учрежденіями, теперь порваны, и мы связаны новыми обязательствами съ великимъ могуществомъ намъ покровительствующимъ и насъ поддерживающимъ, то отъ всемилостивѣйшаго вниманія В. И. В-ва не ускользнетъ, сколько возникнетъ вопросовъ частныхъ и публичныхъ, когда порядокъ вещей измѣнится.»

Къ петиціи былъ приложенъ протоколъ сословія горожанъ, которое не согласилось съ прочими сословіями на счетъ учрежденія проектированнаго комитета. Горожане находили что для принесенія просьбъ и жалобъ уже учреждены въ каждомъ сословіи свои комитеты; установленіе затѣмъ особаго *секретнаго* комитета[1]) навлекло бы только подозрѣніе, неизбѣжно связанное со всѣмъ, что носитъ имя секретнаго. Кромѣ того горожане указывали возможность подозрѣнія, что настоящій шагъ черезчуръ близко касается

---

[1]) По § 47 шведской конституціи этотъ комитетъ, usu, былъ дѣйствительно секретный.

прерогативъ короны, между тѣмъ какъ можно достигнуть того же путемъ обыкновенныхъ комитетовъ [1]). Главнѣе же всего они опасались, что *вся власть* (sic) *сословій* (le pouvoir entier des états) перейдетъ, какъ и прежде было, въ руки одного комитета, дѣйствія котораго въ силу его тайнаго характера не дойдутъ до общаго свѣдѣнія, и такимъ образомъ могутъ пострадать интересы цѣлыхъ сословій. Горожане находили, что проектированный комитетъ въ существѣ своемъ будетъ хуже секретнаго комитета, установленнаго § 47 конституціи.

Легко видѣть даже изъ этого одного примѣра, какая, при полной свободѣ предоставленной сейму, вышла разница между видами правительства и между дѣйствіями представителей только что покоренной страны. Въ Петербургѣ были увѣрены, что земскіе депутаты занимаются только четырьмя ограниченными предметами, по которымъ отъ нихъ потребовали мнѣній, а въ Борго уже не только шла рѣчь, но и борьба, за власть, за преобладаніе надъ самимъ государемъ.

Де-Гееръ сообщилъ Сперанскому какъ петицію, такъ и протестъ, при письмѣ 15-го (27) апрѣля, и конечно поддерживалъ заявленіе трехъ сословій, называя проектированный комитетъ просто депутаціей [2]). Оффиціальный мотивъ маршала былъ тотъ же: такъ-какъ миръ можетъ быть вскорѣ заключенъ, а между тѣмъ «ни Е. И. В-во, ни Его министры въ это время не могутъ освѣдомиться о всѣхъ отрасляхъ отношеній»,—то и учредить депутацію. Но, говоря со Сперанскимъ, человѣкомъ единомышленнымъ, Де-Гееръ по свойственной ему легкости проговаривался весьма откровенно: «Очень естественно,—писалъ онъ,—что наши интересы побуждаютъ насъ пользоваться обстоятельствами, насколько это лишь возможно». При этомъ по адресу протестовавшаго городскаго сословія посылались косвенные доносы, и заботливый Де-Гееръ выражалъ опасеніе, какъ бы протоколъ горожанъ не «огорчилъ» Е. В-ва. Съ своей стороны Де-Гееръ мотивировалъ поддержку

[1]) Ainsi, lorsque par le Comité dont il est question, préjudice serait fait aux hauts droits du Souverain, on parvient aux mêmes fins par le moyen de comités ordinaires.

[2]) Приложеніе № 111.

мнѣнію трехъ сословій противъ горожанъ еще одною благовидною, на первый взглядъ, причиною. Являлась забота о частныхъ польвахъ «крестьянства»; домогательства горожанъ могли отозваться вредно на интересахъ крестьянъ въ дѣлѣ навигаціи: они имѣли право свободнаго плаванія въ Стокгольмъ, а теперь могутъ его лишиться при составленіи мирныхъ условій. А чтобы еще болѣе дать благовидности проектированному комитету, одна изъ цѣлей котораго была конечно прямое вмѣшательство въ мирные переговоры Россіи съ Швеціей, а по возможности и въ другія дѣла теперь сейму непредоставленныя, Де-Гееръ предлагалъ объявить высочайшее повелѣніе, чтобы члены комитета приняли «особую присягу» въ сохраненіи тайны по тѣмъ или другимъ вопросамъ.

Епископъ Тенгстрёмъ также говорилъ о будущемъ мирѣ и также поддерживалъ «невинную просьбу (la pétition innocente) трехъ сословій [1]), тоже невинно находя, что народъ самъ лучше знаетъ свои нужды. Епископъ конечно старательно умалчивалъ, что въ подкладкѣ дѣла была интрига въ видахъ захвата предполагаемой власти, и что громадное большинство народа тутъ было не причемъ. Противясь также заявленію горожанъ, онъ особенно выставлялъ на видъ только-что упомянутый Гееромъ мотивъ, именно тотъ, что и не только «бѣдные» крестьяне могутъ разориться, въ случаѣ лишенія ихъ права торговать въ шведскихъ портахъ, но что и Императоръ Александръ потерпитъ большой ущербъ, какъ въ доходахъ, такъ и въ лишеніи Его флота большаго числа искусныхъ матросовъ и транспортныхъ судовъ на случай морской экспедиціи».

Казалось бы подобный шагъ—домогательство принять участіе въ заключеніи мира послѣ войны, въ которой претенденты были сперва враждовавшей, а потомъ побѣжденной стороной,—былъ настолько смѣлъ, что требовалъ затѣмъ осторожности и выжиданія. На дѣлѣ было однако напротивъ. Поощренные русскою податливостію Де-Гееръ и тѣ, кто былъ за нимъ, шли еще далѣе. Они прямо и смѣло мѣтили на то, чтобы сеймъ сдѣлался фактическимъ распорядителемъ Финляндіи. Де-Гееръ не задумался просить,

---

[1]) Приложеніе № 112.

чтобы сейму предоставлено было разсуждать—обо всемъ. Съ этимъ онъ обращался однако не прямо къ Императору Александру, что ему было дозволено въ важныхъ случаяхъ, а чрезъ посредство Сперанскаго, готоваго повидимому на все, ради своихъ идей и расточаемой ему лести. Де-Гееръ просилъ его доказать свою дружбу и заручиться (procurer) отъ Императора Александра «письменнымъ разрѣшеніемъ земскимъ чинамъ разсуждать о всемъ касающемся *хозяйства, промышленности и внутренняго устройства Финляндіи*, хотя бы эти предметы и не заключались въ данныхъ предложеніяхъ». «Конечно,—заботливо пояснялъ финляндецъ,—ничто не должно быть допущено въ сужденіяхъ изъ того, что хотя малѣйше касается священныхъ правъ Е. И. В-ва, нашего многолюбимаго Государя, въ отношеніи защиты страны и воинской повинности [1])». Въ бесѣдѣ съ Сперанскимъ баронъ, оказывается, находилъ возможнымъ настолько простирать свою откровенность, что даже права Императора, такъ категорически огражденныя въ предложеніяхъ, манифестахъ и другихъ актахъ въ то время изданныхъ, не только ставилъ съ вопросительнымъ знакомъ, но и сжималъ въ тѣснѣйшія рамки одной только воинской повинности, къ тому же упраздненной милостію Императора, и защиты страны, т.-е. охраны благополучія этихъ честолюбцевъ! Впрочемъ онъ тутъ же просилъ, чтобы Сперанскій «*внушилъ* идею объ этомъ въ такомъ видѣ, чтобы она не показалась Его И. В ву *непріятною*» [2]). Конечно засимъ слѣдовали увѣренія, что все дѣлается для того, чтобы они, финляндцы, сами, и ихъ потомки, благословляли «великаго и многолюбимаго Александра, нашего дражайшаго Отца». Де-Гееръ былъ такъ далекъ, по его словамъ, отъ всякихъ непозволительныхъ желаній, его намѣренія и долгъ всегда настолько имѣли единственною исходною точкою высокіе интересы Е. В-ва, что онъ даже

[1]) Письмо Де-Геера отъ 15 (27) апрѣля. Прил. № 110. Cela s'entend que rien ne pourra être admis aux délibérations qui concerne la moindre chose touchant les droits sacrés de S. M. I., notre bien aimé Maitre, touchant la défense du pays et des distributions militaires.

[2]) Je supplie très humblement que V. Exc. veuille avoir la bonté d'insinuer cette demande d'une telle manière que S. M. I-le ne trouvera pas mal.—Ibid.

призывалъ на себя кары небесныя: «земля не могла бы меня носить,—восклицалъ онъ,—если бы столь велика была моя неблагодарность!»

Всѣ эти хлопоты единодушно направлялись къ одной цѣли и Гееромъ, и Маннергеймомъ и епископомъ Тенгстрёмомъ, и руководителями крестьянскаго сословія. И тѣмъ не менѣе они не достигли желаемой цѣли. Разумныя вліянія въ Петербургѣ, безъ сомнѣнія, осиливали домогательства финскихъ честолюбцевъ. Униженныя просьбы Де-Геера не были уважены. Самъ Сперанскій поставленъ былъ въ необходимость, вопреки дружбѣ, именемъ которой его убѣждали изъ Борго, отъ лица Государя вѣжливо отклонить заявленія маршала. Е. И. В-во—написалъ онъ Де-Гееру «дабы не отвлекать вниманіе сословій отъ важныхъ предметовъ уже переданныхъ на ихъ обсужденіе, не считаетъ умѣстнымъ дѣлать новыя предложенія» [1]). При этомъ оговаривалось, что «если бы встрѣтились нужныя замѣчанія по разнымъ областямъ политической экономіи, то самое простое было бы представлять о нихъ Императору въ видѣ *просьбъ, не передавая ихъ предварительно на сеймъ*». Этимъ отвѣтомъ, въ сущности, поддерживался взглядъ горожанъ, которые путь петицій находили наиболѣе соотвѣтственнымъ. Главнѣе же всего устранялось какое бы то ни было участіе боргоскаго сейма въ дѣлахъ внѣ предѣловъ четырехъ предложеній, данныхъ на «мнѣнія», и тѣмъ болѣе въ разсмотрѣніи вопросовъ политическихъ, кои правительство оставляло всецѣло въ своихъ рукахъ.

Но и въ ограниченномъ кругѣ этихъ четырехъ предложеній требовалась сдержанность и не допускалось расширеніе границъ вопросовъ. Такъ, по поводу «милиціи», Сперанскій внушалъ Де-Гееру [2]):

[1]) Pour ne pas distraire l'attention des états des objets importans, qui ont déjà été portés à leur délibération, S. M. I. ne croit pas à propos d'en proposer de nouveaux. Письмо Сперанскаго къ Де-Гееру 20-го апрѣля 1809 г. Приложеніе № 92.

[2]) 21-го мая 1809. См. Приложеніе № 94. Все это письмо представляетъ собою образецъ предварительныхъ указаній и руководства Сперанскаго.

лись при каждомъ случаѣ. Не могъ объ этомъ не знать и Сперанскій; душа этого идеалиста-чиновника горѣла мыслію одарить либеральной конституціей всю Россію; теперь представлялась удобная возможность сдѣлать экспериментъ хотя въ одной ея провинціи.

И, тѣмъ не менѣе,—ему самому приходилось своими руками вышибать тѣ устои, что сооружали для проектированнаго зданія готовые на то люди. Подъ сильными вѣроятно вліяніями въ Петербургѣ, пока еще въ точности неизвѣстными, Сперанскій опять долженъ былъ высказывать мысли, далеко несогласныя съ стремленіями его боргоскихъ друзей и поклонниковъ. Онъ изложилъ ихъ въ слѣдующемъ письмѣ къ Де-Гееру отъ 6-го іюня 1809 г. Это письмо должно отнести къ числу важнѣйшихъ документовъ; оно служитъ къ истинному пониманію, и значенія боргоскаго сейма, и силы тѣхъ мимолетныхъ словъ, коими какъ будто утверждалась конституція Финляндіи [1]).

«По мѣрѣ приближенія времени закрытія сейма,—писалъ Сперанскій маршалу,—свѣдѣнія о томъ, къ чему пришли разсужденія на немъ, становятся для насъ все болѣе и болѣе необходимыми. Въ предъидущемъ письмѣ я имѣлъ уже честь выразить вамъ мои о томъ желанія [2]).

«Какъ только эти свѣдѣнія къ намъ поступятъ, здѣсь займутся приготовленіями къ путешествію Е. И. В-ва, а между тѣмъ поспѣшать препроводить къ вамъ проектъ административнаго устройства, который Государь Императоръ обѣщалъ передать на обсужденіе сейма. Такимъ образомъ все, что заключается въ четырехъ предложеніяхъ Е. И. В ва, будетъ окончательно установлено, и настоящія сужденія сейма въ точности ограничатся ихъ содержаніемъ (et c'est à leur teneur stricte que les délibérations actuelles de la diète seront bornées). *Ничто постороннее этимъ пред-*

---

[1]) Подлинное письмо, по обыкновенію, на французскомъ языкѣ. См. Приложеніе № 95.

[2]) Письмо отъ 21-го мая. Приложеніе № 94. Оба эти письма были въ числѣ бумагъ Сперанскаго, и затѣмъ находились въ архивѣ финляндскаго статсъ-секретаріата; гдѣ они находятся затѣмъ, послѣ перемѣщенія архива въ Гельсингфорсъ,—неизвѣстно.

второстепенныхъ документахъ, исходившихъ лично отъ Сперанскаго, притомъ на французскомъ языкѣ, на которомъ значеніе слова «constitution», какъ выше разъяснено, очень широко—не имѣло того вѣса положительнаго утвержденія, котораго честолюбивые руководители сейма добивались. Въ нихъ говорилось, и много разъ, о коренныхъ законахъ, о правахъ и привилегіяхъ, о религіи; всѣ эти предметы настоящая конституція уже обнимаетъ, но они ея не составляютъ. Было, очевидно, что-то неясное, недоговоренное. Русскій Государь по милости своей обѣщалъ, и обѣщалъ немало, но не принялъ на себя тѣхъ конституціонныхъ обязательствъ, которыя могли истечь изъ утвержденія законовъ 1772 и 1789 гг. и составляли для финляндскихъ властолюбцевъ вѣнецъ желаній. Добивались поэтому акта за актомъ, даже въ излишествѣ, даже къ ущербу достоинства верховной власти, голосъ которой долженъ раздаваться лишь въ рѣдкихъ, самыхъ жизненныхъ случаяхъ, — и тѣмъ не менѣе категорическаго признанія конституціи 1772 г. не получали. Все оставалось слѣдовательно въ произволеніи Русскаго Государя; съ этимъ финляндскіе дворяне и интеллигенты, жаждавшіе власти и побуждаемые русскими послабленіями, неохотно примирялись.

Еще вначалѣ, какъ только рѣшено было созвать сеймъ въ Борго, бывшій шведской службы подполковникъ Егергорнъ подалъ особую записку, довольно пространную, въ которой развивалась мысль о необходимости сохранить Финляндіи шведскую конституцію; впрочемъ авторъ предполагалъ отчасти ее измѣнить [1]). Записка эта была адресована на имя Государя и истекала изъ мнѣнія, что мысли соотечественниковъ Егергорна на счетъ будущаго Финляндіи чрезвычайно неопредѣленны и спутаны. Авторъ оказывался также въ числѣ совѣтниковъ Императора Александра и предлагалъ довольно много разсужденій на избранную имъ тему. Нѣтъ надобности слѣдить за ними. Но въ числѣ поводовъ, требующихъ по его мысли перемѣнъ въ шведской конституціи для примѣненія ея къ Финляндіи, одно изъ первыхъ мѣстъ занимали обличенія соотечественниковъ, которыя не-

[1]) Записка помѣчена 26-мъ февраля, въ С.-Петербургѣ.

лялся съ своей задачей; профессоръ Калоніусъ, которому этотъ проектъ данъ былъ на спеціальную разработку, какъ теоретикъ, наводнилъ его множествомъ мелочныхъ подробностей. Комитетъ съ Тенгстрёмомъ во главѣ урѣзалъ нѣчто, но много еще оставилъ такого, что, по признанію послѣдняго, должно было «докучать Е. И. В-ву». Членъ Комитета бар. Маннергеймъ находилъ этотъ проектъ очень скороспѣлымъ [1]). Тенгстрёмъ не взялъ на себя окончательной отдѣлки и предоставилъ ее Сперанскому, въ увѣренности что онъ скоро и безъ большихъ затрудненій исполнитъ все что нужно.

Комитетскій проектъ дѣйствительно подвергся въ Петербургѣ нѣкоторой передѣлкѣ, и въ такомъ видѣ отосланъ 27-го іюня къ маршалу Гееру для предложенія сейму. На дѣлѣ отсылка состоялась едва-ли ранѣе 29-го числа, такъ какъ Ребиндеръ долженъ былъ еще перевести проектъ на шведскій языкъ, на что, по словамъ самого Сперанскаго, требовалось не менѣе двухъ дней [2]). На 7-е іюля было уже назначено закрытіе сейма, а потому сословія не могли входить въ пространныя сужденія. Впрочемъ Сперанскій, собираясь уѣхать въ Борго 1-го іюля, разсчитывалъ быть тамъ два дня ранѣе пріѣзда Государя и оказать личное вліяніе на окончаніе дѣла. По преданію, онъ дѣйствительно самъ редактировалъ изложеніе сдѣланныхъ на сеймѣ замѣчаній.

Замѣчанія эти относились собственно лишь *къ плану* административнаго устройства Финляндіи [3]). Самый проектъ положенія о Правительственномъ Совѣтѣ, или Совѣтѣ Правленія, разрабатывался уже по распущеніи земскихъ чиновъ. Изъ замѣчаній, и немногочисленныхъ, и въ большинствѣ незначительныхъ, слѣдуетъ однако указать: а) предоставленіе въ уголовныхъ дѣлахъ при ра-

---

[1]) Письмо къ Сперанскому 12 (24) апр. Приложеніе № 109.

[2]) Письмо къ Де-Гееру 27-го іюня (Прилож. № 96). — Оффиціальная бумага или предложеніе Сперанскаго, по обыкновенію на французск. языкѣ, слѣдующаго содержанія: «Е. И. В-во, разсмотрѣвъ планъ общаго управленія Финляндіи редактированный по Его повелѣнію въ особомъ комитетѣ, повелѣлъ мнѣ передать его в. пр-ву для освѣдомленія съ нимъ сейма. Государь Императоръ съ удовольствіемъ увидитъ мнѣніе сословій объ этомъ планѣ».

[3]) См. эти замѣчанія въ Приложеніи № 71.

именно въ виду того, что онъ имѣлъ въ себѣ всѣ элементы безсилія Швеціи. И вотъ новѣйшій совѣтникъ рекомендуетъ русскому государю принять на себя ту ничтожную роль, на которую его предокъ обрекалъ своего врага. А чтобы «возвысить» власть монарха (!)—при томъ что по проекту Егергорна *«государственные чины»* дѣлались участниками его правъ по законодательству,—авторъ проекта предлагалъ возвести Финляндію—на степень королевства... Управленіе королевствомъ, за пребываніемъ короля внѣ его, въ Петербургѣ, предлагалось возложить на особый Сенатъ, изъ 12 членовъ [1]).

Кромѣ изложеннаго въ мемуарѣ Егергорна посвящено было большое мѣсто преобразованію сословій, причемъ онъ не особенно лестно отзывался о дворянствѣ, къ которому принадлежалъ. «Финское дворянство,— объяснялъ онъ, — никакимъ образомъ не въ состояніи быть истинной опорой народа; оно необходимо должно быть преобразовано, чтобы сдѣлаться тѣмъ чѣмъ ему слѣдуетъ быть, т. е. истиннымъ защитникомъ и охраною законныхъ правъ короны, также какъ и святости соблюденія конституціи.» Егергорнъ заключалъ свои соображенія предложеніемъ поручить разработку ихъ Ребиндеру. О Сперанскомъ, его русскомъ начальникѣ, не упоминалось.

Всѣ эти комбинаціи были скрашены обычными увѣреніями въ любви, преданности и обожаніи къ Императору Александру. Онъ именовался «великимъ, неоцѣненнымъ монархомъ; онъ, какъ нѣкое благодѣтельное божество, какъ ангелъ хранитель, приготовляетъ наше счастіе, которое безъ Него выпадетъ изъ нашихъ слабыхъ рукъ».

Не смотря однако на всѣ эти льстивыя фразы, записка Егергорна не получила никакого оффиціальнаго движенія. Но это не мѣшало, конечно, говорить о ней на сеймѣ и вести рѣчь объ утвержденіи конституціи; на вопросъ о томъ неизбѣжно наталкива-

[1]) Послѣдняя часть внушеній, подъ именемъ Совѣта Правленія, вошла уже въ поднесенные Александру и усвоенные имъ планы. Впослѣдствіи, въ 1816 г., по низверженіи Сперанскаго вполнѣ овладѣвшіе Александромъ финляндцы достигли того, что Совѣту было предоставлено и наименованіе Сената, хотя въ сущности это ничего не измѣняло.

отъ каждаго сословія. Окончательно выборы состоялись въ день закрытія сейма, 7-го іюля. Избрано 19 лицъ: 9 изъ дворянъ и 10 изъ прочихъ сословій, преимущественно чиновниковъ. Изъ 19-ти—8 получили голоса всѣхъ четырехъ сословій; имена болѣе или менѣе уже извѣстныя: баронъ Виллебрандтъ, Гюльденстольпе, баронъ Меллинъ, Ореусъ, проф. Калоніусъ, Карпь, Троиль и купецъ Бладъ. Пятеро избраны тремя сословіями: Маннергеймъ, Валеріанъ, Роткирхъ, Идманъ и Эрвастъ. Стоявшіе такъ высоко во время сейма и до него, президентъ Тандефельдъ и маршалъ Де-Гееръ, удостоились голосовъ только двухъ сословій, также какъ и нѣкій Норденсванъ [1]). Это конечно не говорило объ избыткѣ довѣрія къ первымъ двумъ въ массѣ населенія, о чемъ усиленно твердили русскому правительству Спренгтпортенъ, самъ Де-Гееръ и др. Наконецъ три лица изъ чиновниковъ, вовсе не игравшіе роли, избраны лишь однимъ изъ сословій: Крогіусъ [2]), Лундстрёмъ и Тулиндбергъ.

По поводу состоявшихся выборовъ Тандефельдъ десять дней спустя подалъ особую записку, въ которой обратилъ вниманіе на то что надо остерегаться, чтобы Правительственный Совѣтъ не отвлекъ всѣхъ лучшихъ силъ отъ судебныхъ мѣстъ, въ которыхъ затѣмъ останутся только разстроенные здоровьемъ старики и неопытная молодежь. Онъ опасался что засимъ суды придутъ въ упадокъ. Можетъ быть въ виду между прочимъ и этого заявленія Сперанскій писалъ Барклаю-де-Толли, что выборъ сейма подлежалъ при окончательномъ утвержденіи строгому разбору [3]).

Однако въ конечномъ результатѣ всѣ избранные безъ исключенія получили мѣста въ качествѣ или членовъ Совѣта, или другихъ чиновниковъ [4]). Грамоты о ихъ назначеніи на французскомъ языкѣ подписаны 6 го августа, въ Петергофѣ.

---

[1]) Тандефельду отказали въ выборѣ дворянство и горожане. Де Гееру горожане же и духовенство.

[2]) Получилъ впослѣдствіи дворянство съ фамиліей Эдельгеймъ.

[3]) Арх. М. Ин. Д. Corr. Speransky et Barclay de Tolly. Письмо отъ 17-го іюля 1809 г.

[4]) Тандефельдъ, Гюльденстольпе, Валеріанъ, Карпь, Крогіусъ и Эрвастъ назначены членами судебнаго отдѣленія Совѣта; Де-Гееръ, Троиль,

венствѣ голосовъ перевѣса, не голосу предсѣдателя—генералъ-губернатора, а тому мнѣнію, которое благопріятнѣе для подсудимаго; б) объ опредѣленіи пути, которымъ должны восходить дѣла на высочайшее утвержденіе: отъ самихъ-ли коллегій (?) и Совѣта, или иначе? в) о выдачѣ жалованья чиновникамъ по счету на серебро, а не банковыми ассигнаціями, и объ увеличеніи нѣкоторыхъ окладовъ. Главнѣйшее же ходатайство состояло въ томъ, чтобы члены Совѣта были изъ финляндскихъ гражданъ и лютеранской вѣры. Какъ выше было объяснено, по шведской конституціи 1772 и 1789 г. лица, состоявшія въ высшихъ учрежденіяхъ, къ которымъ приравнивался теперь и Совѣтъ, должны были быть обязательно государственной, а не провинціальной, національности и религіи, т. е. шведы и лютеране. Сеймовые дѣятели, держась извѣстнаго направленія, нашли нужнымъ извратить этотъ существенный пунктъ и вмѣсто лицъ русской государственной національности, заступившей шведскую, провести финляндцевъ. То, что въ шведской конституціи служило къ укрѣпленію государства, здѣсь обращалось къ его ущербу и униженію. Тогдашнее русское правительство этого не видѣло.

Высказавъ свои замѣчанія на проектъ управленія, сословія должны были исполнить порученіе, на нихъ въ этомъ отношеніи прямо возложенное, именно выбрать кандидатовъ въ члены новаго Совѣта. Первоначально, какъ извѣстно, ихъ предполагалось имѣть 12. Но потомъ явилось соображеніе объ увеличеніи числа до 14. Весьма вѣроятно что желающихъ занять выгодныя мѣста, съ сохраненіемъ при томъ и прежнихъ должностей съ ихъ окладами, оказалось болѣе противъ прежде опредѣленной нормы: дѣйствительной необходимости въ такой прибавкѣ видѣть было не изъ чего; опытъ не могъ еще дать никакихъ указаній. Русское правительство не возразило и противъ этого. Половину 14 должно было избрать дворянство, остальныхъ семерыхъ всѣ прочія сословія.

На выборахъ и въ самомъ дѣлѣ встрѣтились затрудненія отъ избытка желающихъ: одно крестьянство предложило 40 кандидатовъ [1]). Выбирала сеймовая коммисія въ составѣ 56 лицъ, по 14

[1]) Кастрéнъ, стр. 192. Проток. крестьян. сослов. 15 (3) іюля.

такое учрежденіе казалось дѣломъ наилучшимъ. Неизбѣжно являлось бы большинство и меньшинство, которымъ можно въ извѣстныхъ случаяхъ управлять и, что еще важнѣе, съ которымъ неизбѣжно пришлось бы считаться. Это былъ бы для финляндскихъ честолюбцевъ новый выигрышъ, а для принципа Ребиндера солидная точка опоры.

Трудно сказать: склоненъ-ли былъ къ этой идеѣ самъ Сперанскій, невидѣвшій подкладки ея; но вопросъ объ особомъ комитетѣ при Государѣ предлагался коммисіи Ребиндеромъ отъ имени Сперанскаго. Предсѣдатель Тенгстрёмъ, также какъ и членъ Маннергеймъ, прямо писали каждый въ отдѣльности [1]), что они *не смѣли* (nous n'avons pas osé) разсуждать о такомъ комитетѣ, не имѣя точныхъ повелѣній по столь щекотливому предмету. Но высказывая затѣмъ частныя свои мнѣнія, оба совершенно расходились. Тенгстрёмъ думалъ что дѣло просто и можетъ быть разрѣшено безъ всякихъ со стороны ихъ, финляндцевъ, совѣтовъ и разъясненій. «Отъ усмотрѣнія Е. В-ва—писалъ онъ—будетъ безъ сомнѣнія зависѣть приказать двоимъ-троимъ изъ просвѣщенныхъ и честныхъ гражданъ пріѣхать въ Петербургъ, дабы подавать мнѣнія о благѣ и выгодахъ ихъ отечества; для нихъ не потребуется никакой другой инструкціи кромѣ ихъ патріотизма и привязанности къ Монарху, столь достойному непоколебимой любви и преданности всѣхъ его подданныхъ».

Маннергеймъ глядѣлъ иначе. «Въ настоящее время, — сообщалъ онъ Сперанскому въ упомянутомъ письмѣ отъ 12-го (24) апрѣля,—комитетъ, о которомъ идетъ рѣчь, не принесетъ никакой видимой пользы (utilité apparante). Пока мы имѣемъ счастіе видѣть ваше пр-во во главѣ финляндскихъ дѣлъ, намъ ничего не остается болѣе желать. Общее уваженіе, столь извѣстный характеръ в. пр-ва, гарантируютъ намъ въ вашей особѣ поддержку нашихъ правъ, нашего счастія. Нынѣшній помощникъ в. пр-ва (Ребиндеръ), исполненный чести и честности, заслуживаетъ также всего нашего довѣрія. Зачѣмъ же новый совѣтъ, который, по мо-

[1]) Письма: Маннергейма отъ 12-го апрѣля, и Тенгстрёма отъ 25-го. Прилож. №№ 109 и 112.

При разсмотрѣніи проекта Правительственнаго Совѣта возбужденъ былъ одинъ вопросъ, сейму не принадлежащій, но поднятый въ комитетѣ занимавшемся проектомъ. Дѣла должны были въ важнѣйшихъ случаяхъ идти на разрѣшеніе Государя. Но какимъ путемъ? Для людей, преслѣдовавшихъ свои цѣли, то или другое рѣшеніе имѣло огромное значеніе. Въ числѣ такихъ людей былъ и помощникъ Сперанскаго Ребиндеръ. Не должно забывать, что этотъ финляндецъ, вступивъ въ русскую службу, руководился тайными принципами, которые раскрылись лишь въ его мемуарахъ. Въ числѣ ихъ былъ тотъ, по которому русскому Императору надо было предоставить царствовать въ Финляндіи, но не управлять. Какъ членъ проектной коммисіи, онъ очень настаивалъ чтобы она высказалась въ томъ смыслѣ, что въ Петербургѣ надлежитъ образовать особый комитетъ для финляндскихъ дѣлъ, вносимыхъ на усмотрѣніе верховной власти [1]). Разсчетъ Ребиндера ясенъ: въ качествѣ помощника при Сперанскомъ, т. е. собственно подчиненнаго ему чиновника, онъ, Ребиндеръ, имѣлъ значеніе и вліяніе на дѣла лишь на столько, насколько Сперанскій то допускалъ. Какъ ни склоненъ былъ послѣдній во всемъ послаблять финляндцамъ въ ущербъ Россіи, тѣмъ не менѣе онъ всетаки былъ русскій человѣкъ, который могъ во всякую минуту измѣнить взглядъ вообще или въ частности на нѣкоторыя дѣла, и Ребиндеръ ничѣмъ не могъ заявить протеста; аппелировать было не къ кому. Учрежденіе комитета, который конечно связывалъ бы руки Сперанскому и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ бы прочную опору, консистенцію финляндскимъ домогательствамъ даже у самаго престола,

---

Роткирхъ, Маннергеймъ, Норденсванъ, Тулиндбергъ и Бладъ—въ хозяйственное отдѣленіе; послѣдній впрочемъ отъ должности отказался. Калоніусъ назначенъ прокуроромъ; Меллинъ, Ореусъ и Идманъ—референдаріями-секретарями: первый для общаго собранія хозяйственнаго отдѣленія, второй для судебнаго и послѣдній для гражданскаго отдѣла. Затѣмъ помимо сейма, по непосредственному представленію генералъ-губернатора Барклая-де-Толли, назначенъ 4-й референдарій въ отдѣленіе ревизіонное и счетное Лундстрёмъ.

[1]) Письмо епископа Тенгстрёма къ Сперанскому отъ 25-го апр. Прил. № 112.

прежнихъ гейматовъ (фермъ). Отъ этого принципа въ послѣднее время сдѣлано было шведскими королями отступленіе, и дворянство просило возстановить во всей чистотѣ прежнее положеніе, очевидно менѣе обременительное.

Кромѣ этого испрашивалось чтобы сбора милиціи не было по крайней мѣрѣ 50 лѣтъ; если же затѣмъ потребовалось бы возстановить ее, то это исполнялось бы постепенно, дабы избѣжать пополненія войска за одинъ разъ.

При разсмотрѣніи этихъ предположеній другими сословіями, они дополнены въ томъ смыслѣ, что при возстановленіи милиціи таковое желательно произвести не менѣе какъ въ пять лѣтъ; кромѣ того чтобы при этомъ какъ нижніе чины, такъ и самые командиры избираемы были изъ финляндцевъ, и чтобы финская милиція не назначалась въ походъ внѣ предѣловъ края. За такія льготы сословія выражали готовность вносить въ казну такъ называемую «вакантную» подать, платимую за освобожденіе отъ поставки солдатъ, въ размѣрѣ тогда же опредѣленномъ для разныхъ мѣстностей страны. Эта вакантная подать замѣнила всякаго рода повинности и сборы на содержаніе войска.

О податяхъ. Въ этомъ отношеніи сословія представили цѣлый проектъ упрощенія и болѣе правильнаго распредѣленія податей. Внесено ходатайство о томъ, чтобы новыя поселенія и раздѣлка пустошей (nybyggn) освобождены были на 25 лѣтъ отъ всякихъ казенныхъ податей, и на 5 лѣтъ затѣмъ отъ половины платежа. Ходатайствовали также о прекращеніи или облегченіи нѣкоторыхъ сборовъ, какъ напр. селитряннаго, объ освобожденіи кузницъ на время войны отъ молотоваго сбора (hammarskatt) и т. д. Впрочемъ дворянство, выражая свою благодарность за великія милости, уже оказанныя Императоромъ Александромъ въ сложеніи, какъ извѣстно, нѣкоторыхъ податей вслѣдъ за вступленіемъ русскихъ войскъ, полагало что слѣдуетъ, согласно бывшему при шведскомъ правительствѣ порядку, сохранить всѣ казенныя поступленія какъ подушныя, такъ и поземельныя. Дворяне, сами большинства податей не платящіе, удостовѣряли, что тò, что остается платить жителямъ за сдѣланными уже сокращеніями налоговъ, «будетъ ими уплачиваться съ радостью и постоянною безпредѣльною при-

ему мнѣнію, повѣрять лишь въ прошлогоднихъ дѣлахъ и времени, а который можетъ быть данъ лишь новые виды честолюбію и интригѣ иныхъ въ нашихъ соотечественникахъ. Часто важныя дѣла идутъ лучше въ рукахъ одного лица, нежели нѣсколькихъ».

Мнѣніе Маннергейма было вѣрно, и комитета въ Петербургѣ тогда учреждено не было.

Замѣчаніями на проектъ и выборомъ кандидатовъ ограничилось участіе сейма въ разработкѣ вопроса о Совѣтѣ Управленія — четвертаго въ порядкѣ сдѣланныхъ предложеній. По прочимъ тремъ состоялись слѣдующія мнѣнія сейма [1]).

О войскѣ. Въ представленномъ Государю Де-Гееромъ чрезъ Сперанскаго «Précis» мнѣній заключалось въ этой статьѣ слѣдующее вступленіе:

«Проникнутые безпредѣльнымъ почитаніемъ и такою же признательностію къ безконечной милости Е. И. В-ва, соизволившаго войти въ сношенія съ сословіями по предмету величайшаго значенія для народа, и послѣ столь возвышенныхъ обстоятельныхъ изысканій комитета, подробно изложенныхъ, дворянство повергаетъ на высокое и справедливое рѣшеніе Е. И. В-ва всенижайшія желанія (souhaits) съ величайшею откровенностію и съ безусловнымъ довѣріемъ къ Его высокому благоволенію и отеческому сердцу». Затѣмъ слѣдовало изложеніе самыхъ этихъ желаній.

Дворянство просило, чтобы основной принципъ, существовавшій на этотъ предметъ болѣе столѣтія, не былъ измѣняемъ. Принципъ заключался въ томъ, что обязанность выставлять и снабжать войска лежала на земледѣльцахъ, причемъ число пѣхотинцевъ и всадниковъ, которое должна была поставить каждая провинція, обязательно оставалось неизмѣннымъ. Контингентъ же, который выставлялся хозяйствами (фермами) вновь устраиваемыми, долженъ былъ идти лишь на замѣну или на облегченіе

---

[1]) Въ Прилож. №№ 114 и 115 находятся представленіе Де-Геера Императору Александру по этому предмету отъ 12-го (24) іюня и письмо къ Сперанскому отъ 23-го іюня (5-го іюля) 1809 г., а также два Précis состоявшихся на сеймѣ мнѣній. Одно изъ нихъ, болѣе подробное касается вопроса о монетѣ.

то просили 1 милл. сер. рублей, съ тѣмъ, чтобы онъ данъ былъ: a) на 20 лѣтъ безъ процентовъ, и b) уплачивался бы частями въ неопредѣленные сроки изъ платежа 3% интереса въ годъ. Въ поддержку банка чины просили уступить навсегда: или доходъ отъ гербовой бумаги (charta sigillata afgiften) и долю казны во всѣхъ денежныхъ пеняхъ (saköres midlen), какъ предложили дворяне и крестьяне, или налогъ извѣстный подъ именемъ замковаго (slottshjelp, на содержаніе королевскаго дворца)—согласно предложенію духовенства и горожанъ. Въ пользу же банка сеймъ просилъ предоставить: a) всѣ остатки и превышенія вообще въ казенныхъ доходахъ надъ расходами, и б) прибыли отъ учетной операціи, для которой проектировалась особая контора.

Сеймовые чины этимъ не ограничивались. Остановясь на рублѣ какъ на основной монетной единицѣ (едва-ли впрочемъ они и могли остановиться на чемъ нибудь другомъ), они «желали и просили», чтобы подъ надзоромъ банка предоставлено было чеканить монету страны (du pays) безъ платежа за то какой-либо пошлины (sans payer quelque intérêt pour cela). Далѣе они «желали и просили», чтобы подраздѣленія рубля имѣли на одной сторонѣ гербъ великаго княжества финляндскаго, а на другой надпись стоимости, въ 50, 25, 20, 15, 10 и 5 коп.; на какомъ языкѣ?—это высказано не было. Что касается до полнаго рубля, то по проекту онъ долженъ былъ имѣть на одной сторонѣ упомянутый гербъ, а на другой надпись стоимости: 1 рубль.—«Но чтобы сохранить навсегда память о несравненномъ и милосердомъ Покровителѣ, сословія всенижайше испрашивали дозволенія банку чеканить на другой сторонѣ (?) рублей, при всѣхъ будущихъ правительствахъ, медальонъ Александра I (le buste) съ латинскою надписью, которая возвѣщала бы самому отдаленному потомству признательность народа за великія благодѣянія, которыми онъ воспользовался по милости В. В-ва. Учрежденіе національнаго банка всегда будетъ считаться въ ихъ числѣ.»

Но и этими почтительными и благодарными желаніями, цѣль коихъ была стать въ независимое отъ Россіи положеніе на русскій счетъ, боргоскіе дѣятели не удовлетворялись. Они испрашивали еще, въ видахъ обезпечить банкъ въ его независимомъ су-

ществованіи, а народъ въ его собственности, чтобы Императоръ Александръ милостиво удостоилъ принять банкъ подъ свое высокое покровительство, а также утвердить, притомъ за себя и за преемниковъ, всѣ испрашиваемыя ему права и преимущества. Заявлялось между прочимъ и ходатайство, чтобы банкъ управлялся исключительно сеймомъ и его уполномоченными, имѣя сообразно съ тѣмъ и наименованіе Банка земскихъ чиновъ Финляндіи. «Впрочемъ, продолжалъ Де-Гееръ съ товарищами, такъ какъ банкъ безъ сомнѣнія можетъ быть учрежденъ лишь по окончаніи войны, и его учрежденіе вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія В. В-ва и отъ Вашего милостиваго соизволенія на предлагаемый сословіями основной капиталъ и другіе источники, то они не нашли соотвѣтственнымъ (convenable) входить въ настоящее время въ сужденія о будущемъ управленіи банка и о законахъ къ тому относящихся. Сословія осмѣливаются однако всенижайше повергнуть на разрѣшеніе В. В-ва, не удостоите-ли по заключеніи мира созвать земскіе чины, или дозволить законноизбраннымъ ихъ представителямъ собраться въ Або (какъ проектировали духовенство и горожане), или же согласно съ мнѣніемъ дворянства и крестьянъ въ какомъ-нибудь другомъ городѣ Финляндіи, который В. В-во могли бы назначить для мѣстонахожденія банка». Эти уполномоченные обсудили бы его устройство, администрацію и т. д.[1]).

Что изъ всѣхъ этихъ предположеній и ходатайствъ боргоскаго сейма Императоръ Александръ призналъ возможнымъ исполнить,—будетъ видно изъ послѣдующаго. Слѣдуетъ лишь пояснить, что всѣ разрѣшенія послѣдовали уже безъ участія сейма, по непосредственному усмотрѣнію петербургскаго правительства.

---

[1])См. Приложеніе № 115, b, Réponse des états à Sa Majesté Impériale sur la proposition concernant le système monétaire.

ГЛАВА XXIV.

Сеймъ въ Борго.

I.

Закрытіе.

Императоръ Александръ обѣщалъ прибыть лично на закрытіе сейма. Де-Гееръ повторилъ объ этомъ просьбу и получилъ отъ Сперанскаго повторительное увѣреніе. Въ концѣ іюня, когда обозначилось что затянувшіяся занятія сейма приближаются къ концу, опредѣлено было и время торжественнаго закрытія. Государь назначилъ выѣхать изъ Петербурга 4-го іюля (стараго стиля), 5-го быть въ Ловизѣ, гдѣ и ночевать, а 6-го въѣхать въ Борго. 7-го должно было состояться закрытіе, и въ тотъ же день Императоръ Александръ имѣлъ намѣреніе отбыть или въ Або, или обратно въ Петербургъ. Сперанскій писалъ Де-Гееру [1]), что если дворянство намѣрено дать Е. В-ву балъ, то онъ будетъ принятъ 6-го, т.-е. въ день въѣзда въ городъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга Сперанскій испросилъ повелѣніе министру Гурьеву отпустить на непредвидѣнные расходы по сейму еще 10.000 р., въ виду вѣроятно сомнѣній Де-Геера въ томъ, чтобы онъ могъ обойтись отпущенными 100.000 р. [2]). Впослѣдствіи однако эти 10 тыс. руб. были возвращены въ кабинетъ, такъ-какъ нужды въ нихъ будто бы не представилось. Въ дѣйствитель-

---

[1]) 27-го іюня, см. Приложеніе № 96.

[2]) См. выше, стр. 305—6.

ности впрочемъ нужда была очень большая и этихъ 10.000 было далеко недостаточно. Де-Гееръ передержалъ, сверхъ ста тысячъ, еще 29.887 р., которые и просилъ отпустить для уплаты долговъ, обязуясь представить, какъ въ прежнихъ, такъ и въ этихъ деньгахъ отчетъ. Всего же издержано на сеймъ, судя по отчету Де-Геера, 131.480 р. 24 коп. асс. Кромѣ того интендантъ Штакельбергъ издержалъ по сейму же 4.386 р., которые въ отчетъ не вошли «по ошибкѣ». Деньги и тому и другому были отпущены Барклаемъ-де-Толли изъ финляндскихъ доходовъ [1]).

[1]) Письмо Сперанскаго Дмитр. Алекс. Гурьеву 29-го іюня. Высоч. рескриптъ Барклаю де-Толли отъ 6-го августа. Письмо Сперанскаго Де-Гееру отъ 8-го августа и его же Барклаю-де-Толли отъ 5-го октября, всѣ 1809 г.

Въ рескриптѣ отъ 6-го августа значилось:

«При открытіи финляндскаго сейма признано было нужнымъ на разные предметы издержекъ быть при семъ могущихъ, сообразуясь прежнимъ обычаямъ и согласно представленію маршала финляндскаго сейма графа Геера, отпустить въ его распоряженіе 100.000 руб.—Деньги сіи въ то же время были ему отъ Государственнаго Казначея ассигнованы.—При окончаніи сего сейма гр. Гееръ представлялъ, что сверхъ сей суммы издержано на разныя пріуготовленія 29.887 р. асс., кои и проситъ отпустить для уплаты долговъ, обязуясь притомъ представить какъ въ прежнихъ, такъ и въ сихъ деньгахъ отчетъ.

«Пріемля общимъ правиломъ, чтобы всѣ расходы по Финляндіи сколько можно удовлетворяемы были изъ собственныхъ доходовъ края, и по предварительной смѣтѣ отъ сейма мнѣ представленной считая такое удовлетвореніе возможнымъ, поручаю вамъ: 1) графу Гееру отпустить изъ финляндскихъ доходовъ для уплаты долговъ по содержанію сейма сдѣланныхъ требуемые имъ 29.887 руб.; 2) принять мѣры, чтобы и прежде отпущенные на тотъ же предметъ деньги 100 тыс. руб. по мѣрѣ возможности изъ доходовъ финляндскихъ возвращены были Государственному Казначею».

Получивъ этотъ рескриптъ, Барклай-де-Толли писалъ Сперанскому изъ Або отъ 6-го сентября 1809, № 145, о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ. При этомъ упоминалъ и о предписанномъ возвращеніи въ казну отпущенныхъ заимообразно 400 тыс. р. на покупку хлѣба въ помощь продовольствію финляндскихъ обывателей.—«Для разрѣшенія запроса в. пр-ва о семъ предметѣ и для необходимаго поясненія, доставленные предмѣстникомъ графомъ Спренгтпортеномъ счеты и донесенія губернаторовъ указываютъ, что хотя деньги и всѣ израсходованы, но отчасти не по своему назначенію;

Составленъ былъ и церемоніалъ, вообще весьма сходственный съ тѣмъ, что было при открытіи сейма, но болѣе краткій. Подписанъ 28-го іюня Сперанскимъ. Вотъ его переводъ съ французскаго оригинала [1]).

«Въѣздъ Е. И. В-ва въ городъ Борго назначается на 6-е іюля стараго стиля.

«У воротъ города Е. И. В-во будетъ встрѣченъ при пушечной пальбѣ, барабанномъ боѣ и звонѣ колоколовъ генералъ-губернаторомъ, губернаторами провинцій и городскими властями. Войска будутъ подъ ружьемъ.

«Императоръ въѣдетъ верхомъ въ сопровожденіи свиты. Во дворцѣ Е. И. В-во приметъ поздравленія земскихъ чиновъ чрезъ посредство депутаціи отъ всѣхъ сословій.

«Генералъ-губернаторъ объявитъ этой депутаціи именемъ Е. И. В-ва, что слѣдующій день въ 10 часовъ утра состоится закрытіе сейма.

«Въ тотъ же день два герольда, сопровождаемые отрядомъ кавалеріи, объявятъ при звукѣ трубъ и барабанномъ боѣ, что по повелѣнію Е. И. В-ва закрытіе сейма воспослѣдуетъ на другой день, и что согласно съ симъ сословія имѣютъ прибыть въ 10 часовъ въ соборъ для присутствованія при богослуженіи и соберутся затѣмъ въ залѣ собранія.

«На другой день, 7-го, войска будутъ выстроены подъ ружьемъ по обѣимъ сторонамъ улицы, ведущей отъ дворца къ собору и оттуда къ залѣ собранія.

«Дворянство, предводимое маршаломъ и въ предшествіи двухъ

что значительное количество закупленнаго хлѣба остается безъ всякаго употребленія, въ заемъ никто не беретъ и нынѣ должно будетъ обратить его на продовольствіе арміи. Вообще же счетъ гр. Спренгтпортена и донесенія губернаторовъ неопредѣлительны и не сходны между собою, и все дѣло столь запутано, что много надо чтобъ привести въ ясность.»

Позднѣе Сперанскій увѣдомилъ Барклая-де-Толли, что Де-Гееръ представилъ Государю счеты; что Е. В-во ихъ разсмотрѣлъ и нашелъ въ порядкѣ и повелѣлъ передать для храненія въ архивѣ совѣта, не подвергая ихъ затѣмъ дальнѣйшей ревизіи.

[1]) Cérémonial de la clôture de la diète.—Приложеніе № 84.

герольдовъ, соберется во дворцѣ Императора и займетъ мѣста по старшинству. Другія сословія соберутся въ соборѣ.

«Процессія изъ дворца въ церковь двинется въ слѣдующемъ порядкѣ:

два герольда дворянства,

маршалъ дворянства,

дворянство, младшіе роды впереди,

два герольда императорскіе,

статсъ-секретарь и его помощникъ, канцлеръ, и генералъ-губернаторъ,

Е. И. В-во сопровождаемый Его министрами, оберъ-гофмаршаломъ и генералами свиты,

при входѣ въ соборъ деканъ боргоской епархіи, сопутствуемый духовенствомъ, привѣтствуетъ Е. И. В-во текстомъ изъ Священнаго Писанія.

Когда Е. В-во займетъ мѣсто на тронѣ, начнется божественная служба. Текстъ проповѣди по назначенію Императора. На «Тебѣ Бога хвалимъ» послѣдуетъ салютъ изъ пушекъ.

«Министры и генералы займутъ мѣста у спинки трона по обѣ стороны. Генералъ-губернаторъ и канцлеръ помѣстятся на первой ступенькѣ трона, первый справа и второй слѣва.

«По окончаніи богослуженія шествіе изъ собора въ собраніе послѣдуетъ въ такомъ порядкѣ:

горожане и крестьяне въ предшествіи ихъ ораторовъ,

духовенство, предшествуемое его ораторомъ,

герольды дворянства,

маршалъ дворянства,

всѣ прочіе въ порядкѣ выше указанномъ.

«Въ залѣ собранія дворянство займетъ мѣста направо, прочія сословія налѣво. Каждое сословіе будетъ имѣть предъ собой своего оратора.

«Императорская свита помѣстится позади трона, генералъ-губернаторъ и канцлеръ у подножія трона по обѣ стороны, первый справа, послѣдній слѣва.

«По занятіи Е. И. В-вомъ мѣста на тронѣ, маршалъ дворянства и ораторы произнесутъ одинъ за другимъ рѣчи.

«Императоръ повелитъ канцлеру прочесть разсужденія собранія сословій.

«Е. В-во закроетъ сеймъ рѣчью; канцлеръ, стоя на второй ступени трона, передастъ рѣчь на шведскомъ языкѣ.

«Засѣданіе закрыто. Возвращеніе Е. И. В-ва послѣдуетъ въ томъ же порядкѣ, какъ и въ соборъ, т.-е. въ предшествіи дворянства и въ сопровожденіи Императорской свиты.

«Вслѣдъ за симъ дворянство отправится въ капитулъ, гдѣ маршалъ откланяется своему сословію рѣчью.

«Въ тотъ же день вечеромъ маршалъ дворянства въ сопровожденіи двухъ старѣйшихъ графовъ или бароновъ отправится во дворецъ, гдѣ будетъ держать благодарственную рѣчь предъ Е. И. В-вомъ за довѣріе, коимъ былъ облеченъ во время сейма, и возвратитъ маршалскій жезлъ въ руки Императора».

Все исполнилось вообще согласно церемоніалу, и повторять описаніе нѣтъ надобности.

Въ день прибытія, къ столу Императора были приглашены, кромѣ министровъ и свиты, генералъ-губернаторъ, канцлеръ, ораторы всѣхъ сословій и часть членовъ сейма. По порядку, предварительно назначенному [1], генералъ-губернатору принадлежало мѣсто подлѣ Государя справа, потомъ канцлеръ и губернаторы, слѣва маршалъ дворянства и ораторы, свита напротивъ. То же повторилось и на другой день. Оба дня городъ былъ иллюминованъ.

При закрытіи сейма сказаны были рѣчи. За неимѣніемъ другихъ приводится здѣсь одна лишь рѣчь епископа Тенгстрёма [2]).

«Государь! Въ продолженіе всего этого собранія, воспоминаніе о которомъ никогда не изгладится изъ лѣтописей Финляндіи, сословія края постоянно удостовѣрялись въ отеческой благосклонности, съ которою В. И. В-во пріемлете Свой новый народъ.

«В. И. В-во, не ограничиваясь тѣмъ, что торжественно и по собственному Вашему побужденію подтвердили въ присутствіи представителей народа законы страны, и права и преимущества

[1]) Онъ былъ включенъ въ проектъ церемоніала, но въ утвержденномъ текстѣ исключенъ.

[2]) Французскій текстъ см. въ Приложеніи № 83.

каждаго сословія, Вы удостоили еще предоставить свободному обсужденію земскихъ чиновъ предметы величайшей важности касательно управленія краемъ, лучшей организаціи защиты, податей и его денежныхъ дѣлъ.

«Насколько такія благодѣянія со стороны могущественнаго побѣдителя побѣжденному народу представляются поразительно рѣдкими въ исторіи, настолько должна отличаться признательность финскаго народа Монарху, великому по власти и величію, и еще болѣе по добротѣ и великодушію, Монарху, который за всѣ труды и попеченія свои на высокомъ поприщѣ не ищетъ другаго вознагражденія, кромѣ искренней и постоянной любви милліоновъ его счастливыхъ подданныхъ.

«Вполнѣ убѣжденные въ этихъ благородныхъ и великодушныхъ чувствахъ В. И. В-ва, сословія Финляндіи принесли къ трону ихъ желанія и предположенія по самымъ существеннымъ предметамъ ихъ благополучія и охраны, съ прямотой и откровенностію, приличествующими свободному народу, и съ тѣмъ довѣріемъ, которое добрый отецъ внушаетъ добрымъ дѣтямъ. Указы и повелѣнія, кои засимъ В. И. В-во милостиво удостоите издать, будутъ новыми поводами радости и признательности для финскаго народа, который въ своемъ Государѣ навсегда будетъ видѣть своего высшаго благодѣтеля.

«Миръ, слава и счастіе да почіютъ на престолѣ и на всемъ августѣйшемъ домѣ В. И. В-ва! И да продлитъ Небо драгоцѣнные дни нашего многолюбимаго Государя на преуспѣяніе временъ настоящихъ и будущихъ!

«Духовенство всенижайше препоручаетъ себя навсегда милости В. И. В-ва.»

По произнесеніи рѣчей всѣхъ ораторовъ и по прочтеніи приведенныхъ выше заключеній сейма по четыремъ вопросамъ, Императоръ Александръ закрылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью:

«En réunissant les états de la Finlande en une diète générale j'ai voulu connaitre [1]) les désirs et les sentiments de la nation sur ses véritables intérêts.

[1]) Въ проектѣ здѣсь было вставлено: par l'organe de ses représentants; слова эти въ подлинникѣ выпущены.

въ лабиринтѣ всевозможныхъ усложненій оказывалось мало Императоръ Александръ вмѣстѣ со Сперанскимъ, этимъ истиннымъ представителемъ вѣка, не избѣгли общей колеи.

Если же отбросить фразы, то зерно рѣчи Александра представляло совершенно опредѣленную сущность, согласную съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ и вѣрнымъ ихъ пониманіемъ: «Созывая сословія, *я хотѣлъ* знать *желанія и мысли* народа насчетъ его истинныхъ интересовъ. *Мнѣнія*, вами высказанныя, *я приму въ соображеніе*». Вотъ и все содержаніе рѣчи. Какъ прежде въ актахъ и въ рѣчахъ не было никакихъ ни соглашеній, ни обязательствъ, а только добровольныя обѣщанія, такъ и теперь заявленіе о своемъ произволеніи (я хотѣлъ), добромъ правда и благожелательномъ, но всетаки произволеніи, было вновь повторено совершенно ясно и опредѣлено, съ тѣмъ что все выраженное и выслушанное обѣщано принять только въ соображеніе. Все что исходило изъ чувства и обращалось къ чувству,— все равно, было-ли то обоюдно искренно или нѣтъ,—все это должно было изгладиться изъ памяти очень скоро, какъ только люди возвратились къ своимъ ежедневнымъ нуждамъ и заботамъ. Все же серьезное, фактическое осталось въ полной волѣ Государя-побѣдителя.

Но поставленные на свое мѣсто и въ свои предѣлы на сеймѣ, финляндцы широко воспользовались предоставленною имъ возможностью обращаться къ Императору съ отдѣльными просьбами. Дворянство подало Александру не менѣе 38 ходатайствъ по разнымъ предметамъ, начиная съ жалобъ на то, что имѣнія ихъ во время войны занимались для русскихъ надобностей, и ихъ привлекали къ отбыванію подводной повинности наравнѣ съ крестьянами, чѣмъ-де нарушены ихъ привилегіи, — и кончая рекламаціями о дозволеніи всѣмъ чиновникамъ ушедшимъ во время войны въ Швецію, возвратиться въ Финляндію и занять прежнія должности, а въ случаѣ ихъ замѣщенія, имѣть въ виду опредѣленіе на другія подобныя же. Духовенство представило 20 ходатайствъ, между прочимъ о предоставленіи свободнаго употребленія шведскаго языка во всѣхъ судныхъ дѣлахъ и права подавать на немъ прошенія въ высшія мѣста. Отъ горожанъ подано 19, отъ кре-

стьянъ 2 петиціи: одна въ 6-ти, а другая въ 40 пунктахъ. Нѣкоторые предметы повторялись въ ходатайствахъ разныхъ сословій. Кромѣ того отъ 15-ти городовъ поданы просьбы о разныхъ ихъ нуждахъ. Всѣ поступили къ Сперанскому; во время же переговоровъ о мирѣ гр. Румянцовъ вытребовалъ ихъ къ себѣ и принялъ въ соображеніе то, что призналъ нужнымъ. Въ цѣляхъ настоящей задачи нѣтъ надобности, да и невозможно за недостаткомъ данныхъ, входить въ разсмотрѣніе этихъ просьбъ, тѣмъ болѣе что разрѣшеніе ихъ относится къ періоду послѣдующему.

По закрытіи сейма, предъ обѣдомъ у Императора Александра, главнѣйшіе финляндскіе дѣятели удостоились разныхъ почетныхъ наградъ. Отъѣзжая изъ Петербурга, Сперанскій взялъ съ собой по волѣ Государя, и по предварительному соображенію вѣроятно самого Сперанскаго, довольно много орденовъ, притомъ высшихъ степеней [1]). Однако на дѣлѣ щедрость въ пожалованіяхъ была приведена въ болѣе умѣренныя границы, и всѣ высшіе знаки, за исключеніемъ одной анненской звѣзды съ лентою, возвращены безъ употребленія. Изъ владимірскихъ крестовъ на шею (3 класса) также выданъ только одинъ, а два другіе употреблены вмѣсто крестовъ того же ордена 4-й степени, которыхъ недохватило.

Спрегтпортену и Де-Гееру пожаловано графское достоинство; ораторы сословій удостоены: епископъ Тенгстрёмъ—креста съ бриллiантами и дворянства дѣтямъ; горожанъ—купецъ Траппъ—званія комерціи совѣтника; крестьянъ—Клоккаръ—часовъ и медали. Президенту абоскаго гофгерихта Тандефельду пожаловано баронское достоинство, также какъ и абоскому губернатору Тролю. Другимъ губернаторамъ: тавастгусскому бар. Мунку, куопіоскому бар. Карпелану и гейнольскому Лоде даны табакерки

[1]) 3 Александра Невскаго, 3 Анны 1 ст., 8 Анны 2 ст., 3 Владиміра 3 ст. и 6 владимірскихъ крестовъ 4 ст.—Письмо Сперанскаго къ Ильѣ Яковл. Аршеневскому 28-го іюня 1809 г. и того же числа отвѣтъ Аршеневскаго за № 208, съ препровожденіемъ требуемыхъ знаковъ. Позднѣе, 2 дек. того же года № 538, Аршеневскій просилъ Сперанскаго доставить списки, кому какіе ордена пожалованы.

свои замѣтки, еще по всей вѣроятности не зналъ о запискѣ Егергорна на счетъ конституціи и образованія сената изъ 12 лицъ, которому предстояло захватить всю власть. Къ сожалѣнію, не смотря на вѣрность большинства взглядовъ, записка была такъ неумѣло написана и такимъ языкомъ, что ей нельзя было ожидать успѣха, особенно при господствовавшихъ теченіяхъ. Она въ существѣ требовала ломки всего, что Сперанскій съ Спренгтпортеномъ и финляндскими совѣтниками поставили въ основу ихъ проектовъ, и конечно не ея доказательность могла противостоять единодушной атакѣ финляндскихъ софистовъ. Съ другой стороны, глядя на проектировавшійся совѣтъ съ точки зрѣнія бюрократической, и предполагая въ составѣ его будущихъ членовъ, хотя и финляндцевъ, но русскихъ чиновниковъ, можно было признать его за учрежденіе составленное по всѣмъ правиламъ. Упускалась изъ виду только одна сторона—политическая;—но она-то именно и составила его ахиллесову пяту.

Въ то время, когда Барклай посылалъ изъ Борго эту неудачную записку, Сперанскій съ своей стороны ставилъ его въ извѣстность изъ Петербурга [1]) о всемъ томъ, что въ общихъ чертахъ произошло на сеймѣ. Относительно значенія самаго сейма онъ высказывалъ здѣсь, конечно для руководства новаго генералъ-губернатора, то приведенное выше (стр. 349) основное соображеніе, une observation essentielle, что отъ сейма требовали не декретовъ, не законоположеній, а простыхъ мнѣній. Здѣсь онъ говорилъ и объ исполненной уже подготовкѣ проекта правительственнаго совѣта. Къ Тенгстрёмовскому комитету его первоначально составлявшему, Сперанскій отнесся, вопреки отзывамъ самого предсѣдателя и членовъ, съ похвалой: «онъ исполнилъ порученіе ревностно и разумно—avec zèle et intelligence». Въ Петербургѣ—объяснялъ Сперанскій—проектъ былъ разсмотрѣнъ и улучшенъ. Въ такомъ видѣ онъ передалъ его теперь Барклаю безъ всякаго впрочемъ вызова на замѣчанія или выраженіе мнѣнія. Изъ этого сообщенія Барклай-де-Толли могъ ясно видѣть, что его соображенія, разминувшіяся съ бумагой Сперанскаго въ пути, оставлены будутъ безъ послѣдствій.

[1]) Письмо отъ 27-го іюня, французское. См. Приложеніе № 97.

Но когда получены были въ Петербургѣ извѣстныя краткія замѣчанія сейма, уже послѣ его закрытія, и въ соображеніи съ ними проектъ еще нѣсколько видоизмѣненъ, то въ новомъ видѣ онъ былъ отосланъ къ Барклаю именно на его заключеніе. Сперанскій предварялъ его, что Императоръ Александръ ожидалъ лишь этого заключенія, чтобы дать правительственному совѣту окончательное утвержденіе. Барклаю «предоставлялась полная свобода предложить все что онъ признаетъ нужнымъ, дабы учрежденіе это сдѣлалось дѣйствительно полезнымъ для блага страны»[1].

Чтобы оправдать сдѣланныя въ угоду сейму измѣненія, а можетъ быть и для того чтобы устранить возраженія, Сперанскій нашелъ нужнымъ войти въ нѣкоторыя подробности по существу сеймовыхъ замѣчаній.

О правѣ генералъ-губернатора въ случаѣ равенства голосовъ (глава V, § 28). «Первоначальная редакія,—объяснялъ Сперанскій,—предоставляла предсѣдателю (т. е. генералъ-губернатору) перевѣсъ при равенствѣ голосовъ. Но такъ какъ шведскій судебный кодексъ даетъ этотъ перевѣсъ тому мнѣнію, которое болѣе благопріятно для обвиняемаго, то признано за лучшее, согласно съ замѣчаніемъ сейма, замѣнить первую редакцію тою, въ которой пунктъ этотъ теперь изложенъ, сохраняя во всякомъ случаѣ за предсѣдателемъ право представлять свои соображенія Государю Императору.»

Сперанскій подчинялся такимъ образомъ вліянію своихъ финляндскихъ совѣтниковъ до примѣненія даже шведскаго взгляда на случаи равенства голосовъ. Это конечно вовсе не истекало изъ обѣщанія сохранить прежніе законы. Не только должность генералъ-губернатора, но и самый совѣтъ правленія были учрежденія новыя; для нихъ издавались новыя узаконенія, которыя слѣдовало установлять глядя на государственныя пользы Россіи, а не оглядываясь на шведскій законъ. Послѣдній былъ дѣйствительно либераленъ; но единственнаго русскаго, притомъ авторитетнаго пред-

[1]) Письмо Сперанскаго къ Барклаю-де-Толли отъ 17-го іюля. Арх. М. Ин. Д., corr. Speransky et Barclay-de-Tolly, affaires finlandaises. См. Прилож. № 98.

сословіемъ изъ четырехъ. Предъ Де-Гееромъ, получившимъ голоса лишь двухъ сословій, Сперанскій сыпалъ любезностями, сообщая ему объ утвержденіи его въ качествѣ члена, завѣдующаго милиціей, и убѣждая не отказываться отъ этого назначенія [1]). Барклай-де-Толли съ своей стороны давалъ особенную цѣну профессору Калоніусу и усиленно просилъ объ опредѣленіи его на должность прокурора.

На этотъ разъ мелкія генералъ-губернаторскія замѣчанія были приняты по большей части во вниманіе, какъ видно изъ объясненій по каждому пункту, сообщенныхъ Барклаю-де-Толли Сперанскимъ [2]). Нѣкоторыя включены въ самый проектъ, по другимъ обѣщано изданіе особыхъ постановленій [3]).

6-го августа послѣдовало окончательное утвержденіе организаціи совѣта, регламентъ котораго и препровожденъ къ генералъ-губернатору при особомъ рескриптѣ.

Регламентъ составленъ и утвержденъ на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Règlement de S. M. l'Empereur Alexandre I, Autocrate de toutes les Russies, etc., etc., pour l'organisation du Conseil de Régence dans le Grand Duché de Finlande [4]). Въ русскомъ переводѣ новому Совѣту присвоено наименованіе Правительствующаго. Мотивы учрежденія изложены въ немъ такъ: «Между способами къ утвержденію блага Финляндіи, учрежденіе мѣста для главнаго управленія представилось Намъ главнѣйшею необходимостью.

---

[1]) Письмо къ Де-Гееру 8-го авг. 1809 г., Прилож. № 100.

[2]) Письмо 8-го августа. Приложеніе № 99.

[3]) Барклай-де-Толли сдѣлалъ между прочимъ замѣчаніе въ видѣ вопроса: будутъ-ли врачи, экзаменованные въ Россіи, обязаны снова держать экзаменъ въ абоскомъ университетѣ, въ случаѣ занятій въ Финляндіи?—Сперанскій отвѣтилъ: «можно будетъ издать особое распоряженіе, по которому экзаменованные въ Россіи врачи будутъ допущены къ практикѣ въ Финляндіи (on pourra faire un règlement à part, par lequel les médécins examinés en Russie seront admis à la pratique en Finlande)». Письмо 8-го августа.

[4]) См. Прилож. № 126. Этотъ текстъ взятъ съ экземпляра, изданнаго въ 1809 въ Або по-французски и по-шведски, и сличенъ съ копіею, имѣющеюся въ Арх. М. Ин. Дѣлъ, aff. finlandaises, къ № 27.

Благосостояніе края сего требовало, чтобы правительственныя мѣста провинцій сосредоточивались въ одномъ мѣстѣ или въ верховномъ судилищѣ, которое могло бы ими управлять, сохранять единство въ началахъ, ограждать силу и дѣйствіе закона, имѣть бдѣніе надъ отправленіемъ правосудія, и дать благотворное движеніе распространенію просвѣщенія и успѣхамъ промышленности[1]).»

Регламентъ состоялъ изъ 57 параграфовъ, въ 3-хъ отдѣленіяхъ. Права Совѣта опредѣлялись въ главѣ III-й отдѣленія 1-го, въ §§ 15—18. Вотъ они:

§ 15. Все до главнаго управленія судебною частію и публичнымъ хозяйствомъ [2]) касающееся подлежитъ вѣдѣнію Совѣта, съ изъятіемъ дѣлъ и предметовъ, рѣшеніе коихъ, сообразно узаконеніямъ, принадлежитъ непосредственно высочайшей власти. Таковы суть: назначеніе на высшія мѣста, пожалованіе пенсіонами, награды, опредѣленіе въ нѣкоторыя должности по части духовной, изъятія изъ законоположеній, пожалованіе казенныхъ имѣній и заводовъ, дозволеніе обмѣна казенныхъ гейматовъ, и вообще все, что по существующимъ узаконеніямъ отъ особеннаго и непосредственнаго повелѣнія монаршаго зависитъ.

§ 16. Совѣтъ не можетъ самъ собою наложить новую подать или какой-либо другой сборъ или же дѣлать расходы, не опредѣленные росписаніемъ доходовъ и расходовъ, такъ какъ никакой чрезвычайный расходъ не можетъ имѣть мѣста иначе, какъ только по особому Е. И. В-ва повелѣнію.

§ 17. Вообще никакія законодательныя мѣры не могутъ исходить отъ Совѣта. Дѣйствія онаго ограничиваются существующими узаконеніями; возбраняется перемѣнять, пояснять или еще менѣе уничтожать [3]) оныя.

§ 18. Совѣтъ можетъ однако представлять на высочайшее

---

[1]) Прибавленіе къ изданному по Высоч. пов. Уложенію существующему въ В. К. Финляндіи 1827 г., стр. 234 и послѣд.

[2]) По-шведски allmänna, т. е. общимъ; во французскомъ оригиналѣ économie publique; въ русскомъ переводѣ 1827 г.—государственнымъ.

[3]) Въ русскомъ текстѣ упомянутаго изданія сказано: «или еще менѣе *унижать* оныя» Это невѣрно, такъ какъ и по-шведски въ параллельномъ изданіи употреблено слово afskaffa, т. е. уничтожать.

сословіемъ изъ четырехъ. Предъ Де-Гееромъ, получившимъ голоса лишь двухъ сословій, Сперанскій сыпалъ любезностями, сообщая ему объ утвержденіи его въ качествѣ члена, завѣдующаго милиціей, и убѣждая не отказываться отъ этого назначенія [1]). Барклай-де-Толли съ своей стороны давалъ особенную цѣну профессору Калоніусу и усиленно просилъ объ опредѣленіи его на должность прокурора.

На этотъ разъ мелкія генералъ-губернаторскія замѣчанія были приняты по большей части во вниманіе, какъ видно изъ объясненій по каждому пункту, сообщенныхъ Барклаю-де-Толли Сперанскимъ [2]). Нѣкоторыя включены въ самый проектъ, по другимъ обѣщано изданіе особыхъ постановленій [3]).

6-го августа послѣдовало окончательное утвержденіе организаціи совѣта, регламентъ котораго и препровожденъ къ генералъ-губернатору при особомъ рескриптѣ.

Регламентъ составленъ и утвержденъ на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Règlement de S. M. l'Empereur Alexandre I, Autocrate de toutes les Russies, etc., etc., pour l'organisation du Conseil de Régence dans le Grand Duché de Finlande [4]). Въ русскомъ переводѣ новому Совѣту присвоено наименованіе Правительствующаго. Мотивы учрежденія изложены въ немъ такъ: «Между способами къ утвержденію блага Финляндіи, учрежденіе мѣста для главнаго управленія представилось Намъ главнѣйшею необходимостью.

---

1) Письмо къ Де-Гееру 8-го авг. 1809 г., Прилож. № 100.

2) Письмо 8-го августа. Приложеніе № 99.

3) Барклай-де-Толли сдѣлалъ между прочимъ замѣчаніе въ видѣ вопроса: будутъ-ли врачи, экзаменованные въ Россіи, обязаны снова держать экзаменъ въ абоскомъ университетѣ, въ случаѣ занятій въ Финляндіи?—Сперанскій отвѣтилъ: «можно будетъ издать особое распоряженіе, по которому экзаменованные въ Россіи врачи будутъ допущены къ практикѣ въ Финляндіи (on pourra faire un reglement à part, par lequel les médécins examinés en Russie seront admis à la pratique en Finlande)». Письмо 8 го августа.

4) См. Прилож. № 126. Этотъ текстъ взятъ съ экземпляра, изданнаго въ 1809 въ Або по-французски и по-шведски, и сличенъ съ копіею, имѣющеюся въ Арх. М. Ин. Дѣлъ, aff. finlandaises, къ № 27.

губернаторъ сдѣланъ безправнымъ наблюдателемъ въ коллегіи, въ которой онъ является однимъ изъ пятнадцати голосовъ [1]).

О прокурорѣ Совѣта, установленія котораго такъ настоятельно желалъ Барклай-де-Толли, сказано лишь, что онъ подчиненъ генералъ-губернатору непосредственно (§ 27). Обязанность же его была: имѣть бдѣніе 1) чтобы порядокъ и исправность въ дѣлопроизводствѣ были соблюдаемы и 2) чтобы чиновники Совѣта исполняли съ точностію должности свои, и чтобы за неисправности ихъ по службѣ было взыскиваемо по строгости законовъ [2]).

Прочіе параграфы заключали, извѣстныя уже изъ вышеизложеннаго, правила о составѣ Совѣта, порядкѣ назначенія членовъ [3]) и другихъ должностныхъ лицъ, а также распредѣленіе дѣлъ по департаментамъ и экспедиціямъ и т. п. Совѣту предоставлено исходящія отъ него бумаги и рѣшенія писать отъ высочайшаго имени. Мотивировалось это тѣмъ, что «Совѣтъ не можетъ употреблять другой власти, кромѣ той, которая Е. И. Велич-вомъ высочайше оному предоставлена». Въ 24 § сказано объ употребленіи въ Совѣтѣ по дѣламъ частныхъ лицъ гербовой бумаги; въ 25-мъ о невзиманіи канцелярской пошлины [4]).

---

[1]) Изданная позднѣе, 31-го января 1812 г., инструкція генералъ-губернатору, испытавшая уже на себѣ исключительное вліяніе Армфельта, тѣмъ временемъ вступившаго въ роль руководителя Александра по финляндскимъ дѣламъ, еще болѣе ограничила значеніе этого русскаго начальника.

[2]) Тогда же изданная инструкція прокурору изъ финляндцевъ, напротивъ, усилила его права и сдѣлала, какъ выше сказано, контролеромъ надъ самимъ генералъ-губернаторомъ, у котораго онъ числился помощникомъ.

[3]) § 5. «Одна половина членовъ совѣта избирается изъ дворянства, а другая изъ прочихъ сословій Финляндіи. Выборъ и назначеніе оныхъ зависитъ отъ Государя Императора».

[4]) Спренгтпортенъ, по вступленіи въ должность генералъ-губернатора, истребовалъ отъ государственнаго казначея русскую гербовую бумагу, которая и доставлена разнаго достоинства на сумму 55.000 руб. Но оказалось, что разборы этой бумаги не соотвѣтствовали тѣмъ 23 сортамъ, преимущественно малоцѣнной бумаги, которая употреблялась во времена шведскія. Абоскій губернаторъ Троиль, указывая Барклаю-де-Толли что отъ неимѣнія надлежащей гербовой бумаги казна терпитъ ущерба по

усмотрѣніе мнѣніе свое о признаваемыхъ онымъ нужными поясненіяхъ въ постановленіяхъ или въ узаконеніяхъ. Такія представленія имѣютъ быть слѣдствіемъ зрѣлаго разсужденія и не будутъ дѣйствительны доколѣ не удостоятся высочайшаго утвержденія.»

Права и обязанности генералъ-губернатора, какъ предсѣдателя Совѣта, опредѣлены въ § 26. Изъ того, что было ему предоставлено Положеніемъ 19-го ноября 1808 г., не осталось ничего. Главнѣйшая его обязанность, сказано въ этомъ параграфѣ, «въ качествѣ предсѣдателя Совѣта состоитъ въ попеченіи о скорѣйшемъ доставленіи правосудія, о соблюденіи законовъ и постановленій, и о приведеніи въ исполненіе высочайшихъ повелѣній». Въ дѣлахъ тяжебныхъ ему не предоставлено власти судейской (§ 27), но принадлежитъ лишь «надзирать за надлежащимъ ходомъ оныхъ и за правильнымъ соблюденіемъ судебнаго порядка». По дѣламъ уголовнымъ (§ 28) «генералъ-губернаторъ участвуетъ въ рѣшеніи оныхъ, какъ по существу, такъ и по производству дѣла.» Далѣе слѣдуетъ упомянутая выше оговорка на случай равенства голосовъ. § 29 предоставляетъ генералъ-губернатору «подписывать всѣ исходящія бумаги по дѣламъ, по коимъ онъ лично предсѣдательствовалъ въ Совѣтѣ». Наконецъ § 30 говоритъ, что «на случай отсутствія генералъ-губернатора, отношенія его къ Совѣту имѣютъ быть опредѣлены особымъ постановленіемъ». Этимъ исчерпываются всѣ права высшаго въ краѣ русскаго правительственнаго лица. Хотя Сперанскій и увѣрялъ Барклая, что начальство надъ полиціей принадлежитъ ему по праву, какъ генералъ-губернатору, однако оговорка объ этомъ бывшая первоначально въ 29-мъ параграфѣ уничтожена вовсе. Въ ней говорилось: dans les affaires administratives et surtout dans celles de police générale, le gouverneur général agira conformément à ses instructions particulières. Въ изданномъ регламентѣ ея уже не было Напротивъ въ исчисленіи предметовъ вѣдѣнія экспедиціи учреди тельной полиціи хозяйственнаго департамента, на первомъ мѣст поставлено «сохраненіе общаго благочинія, тишины и безопаств сти вообще». Легко видѣть, что это право низведено до величи много меньшей противъ обѣщанія Сперанскаго, а самъ генера

«На первое заведеніе всѣхъ нужныхъ къ установленію сему потребностей, дозволяю вамъ употребить изъ финляндскихъ доходовъ до десяти тысячъ рублей ассигнаціями.

«Я удостовѣренъ, что зная всю необходимость и пользу сего установленія, въ благоразумной дѣятельности вашей не умедлите вы привести оное въ дѣйствіе, открывъ засѣданіе его по надлежащемъ всего изготовленіи, съ приличными важности мѣста сего обрядами.»

Выше было объяснено что Барклай-де Толли не только не признавалъ необходимости и пользы учрежденнаго теперь Совѣта, но и прямо возражалъ противъ него, находя его установленіе пагубнымъ. Тѣмъ не менѣе, исполняя волю Государя, онъ занялся приготовленіями къ его открытію. 20-го сентября, съ 10-ти часовъ утра, въ Або разставлены были войска въ парадѣ отъ дома, назначеннаго для засѣданій Совѣта, мимо квартиры генералъ-губернатора, до городской соборной церкви. Въ половинѣ одиннадцатаго собрались въ этой квартирѣ абоское городское начальство, знатнѣйшіе изъ гражданъ, члены консисторій духовной и университетской, чиновники губернской канцеляріи и абоскаго гофгерихта, члены новаго Совѣта, а также всѣ небывшіе въ строю генералы и штабъ-офицеры. По сообщеніи Барклаемъ-де-Толли собравшимся о предстоящемъ въ тотъ день открытіи Совѣта, всѣ двинулись процессіей въ назначенномъ напередъ порядкѣ въ соборную церковь при колокольномъ звонѣ и военной музыкѣ. При входѣ въ соборъ генералъ-губернаторъ былъ встрѣченъ двумя пасторами, которые отвели его на особо приготовленное мѣсто. По произнесеніи проповѣди и совершеніи богослуженія, процессія съ пушечной пальбой и при колокольномъ звонѣ отправилась тѣмъ же порядкомъ въ залу собраній Совѣта. Сюда былъ перенесенъ изъ Борго находившійся тамъ на время сейма московскій императорскій тронъ. Всѣ размѣстились въ опредѣленномъ порядкѣ по правой и лѣвой сторонѣ трона. Генералъ-губернаторъ, помѣстясь у подножія его, прочелъ рѣчь, въ которой кратко изложилъ ходъ учрежденія Совѣта, не преминувъ повторить тѣ же фразы и похвалы храброму и лойяльному народу, которыя составляли неизбѣжную приправу всѣхъ сеймовыхъ рѣчей правительства. Послѣ того пер-

вый секретарь прочелъ манифестъ объ учрежденіи Совѣта и актъ объ утвержденіи его членовъ. По окончаніи чтенія члены Совѣта и прокуроръ принесли присягу на вѣрность службы. Затѣмъ Барклай-де-Толли и старѣйшій изъ членовъ гофгерихта Тандефельдъ обмѣнялись рѣчами, и церемонія кончилась. У генералъ-губернатора былъ парадный обѣдъ, а вечеромъ городъ украсился иллюминаціей [1]).

Такъ состоялось открытіе учрежденія, сохранившаго потомъ въ теченіе 80-ти лѣтъ всѣ свои основныя черты.

Изъ прочихъ трехъ сеймовыхъ вопросовъ, милиціонный и податной пошли путемъ дальнѣйшихъ обсужденій. Въ разсмотрѣніе податного вопроса, по объясненнымъ выше причинамъ непредставляющаго интереса для настоящагс изслѣдованія, входить излишне. Въ милиціонномъ вопросѣ предсѣдатель совѣтскаго отдѣла, вѣдѣнію котораго онъ принадлежалъ, графъ Гееръ, на столько медлилъ не только разработкою предмета, но даже и вступленіемъ въ должность, что вызвалъ прямыя жалобы на него Сперанскому со стороны Барклая-де-Толли [2]). Впрочемъ спѣшности въ этомъ дѣлѣ и не предполагалось, такъ какъ всѣ принятыя на счетъ милиціи желанія сейма были отрицательнаго свойства: освобожденіе по крайней мѣрѣ на 50 лѣтъ отъ возстановленія милиціи, а при возстановленіи, исполненіе сего не менѣе какъ въ продолженіе 5 лѣтъ. Однако это еще не означало, что правительство дѣйствительно и окончательно рѣшило исполнить всѣ желанія сословій. Императоръ Александръ въ заключительной рѣчи своей обѣщалъ только принять ихъ въ соображеніе. По этому дальнѣйшая разработка между прочимъ и вопроса о милиціи не должна бы откладываться въ долгій ящикъ.

---

[1]) Изъ описанія самаго Барклая-де-Толли, въ бум. Сперанскаго.

[2]) Письмо отъ 17-го октября 1809 г. Mais comme M. De-Geer, jusqu'ici n'est pas arrivé sur les lieux pour entrer en fonctions, n'ayant pas même porté à ma connaissance les causes qui pourraient l'avoir retenu, j'ai toute raison de croire que M. De-Geer méconnait l'importance de l'emploi auquel il a été très-gracieusement nommé par S. M. I-le. Une telle négligence de sa part me semble mériter des remarques d'autant plus sérieuses, qu'elle a eue lieu à l'entrée même au service. Приложеніе № 118.

«На первое заведеніе всѣхъ нужныхъ къ установленію сему потребностей, дозволяю вамъ употребить изъ финляндскихъ доходовъ до десяти тысячъ рублей ассигнаціями.

«Я удостовѣренъ, что зная всю необходимость и пользу сего установленія, въ благоразумной дѣятельности вашей не умедлите вы привести оное въ дѣйствіе, открывъ засѣданіе его по надлежащемъ всего изготовленіи, съ приличными важности мѣста сего обрядами.»

Выше было объяснено что Барклай-де Толли не только не признавалъ необходимости и пользы учрежденнаго теперь Совѣта, но и прямо возражалъ противъ него, находя его установленіе пагубнымъ. Тѣмъ не менѣе, исполняя волю Государя, онъ занялся приготовленіями къ его открытію. 20-го сентября, съ 10-ти часовъ утра, въ Або разставлены были войска въ парадѣ отъ дома, назначеннаго для засѣданій Совѣта, мимо квартиры генералъ-губернатора, до городской соборной церкви. Въ половинѣ одиннадцатаго собрались въ этой квартирѣ абоское городское начальство, знатнѣйшіе изъ гражданъ, члены консисторій духовной и университетской, чиновники губернской канцеляріи и абоскаго гофгерихта, члены новаго Совѣта, а также всѣ небывшіе въ строю генералы и штабъ-офицеры. По сообщеніи Барклаемъ-де-Толли собравшимся о предстоящемъ въ тотъ день открытіи Совѣта, всѣ двинулись процессіей въ назначенномъ напередъ порядкѣ въ соборную церковь при колокольномъ звонѣ и военной музыкѣ. При входѣ въ соборъ генералъ-губернаторъ былъ встрѣченъ двумя пасторами, которые отвели его на особо приготовленное мѣсто. По произнесеніи проповѣди и совершеніи богослуженія, процессія съ пушечной пальбой и при колокольномъ звонѣ отправилась тѣмъ же порядкомъ въ залу собраній Совѣта. Сюда былъ перенесенъ изъ Борго находившійся тамъ на время сейма московскій императорскій тронъ. Всѣ размѣстились въ опредѣленномъ порядкѣ по правой и лѣвой сторонѣ трона. Генералъ-губернаторъ, помѣстясь у подножія его, прочелъ рѣчь, въ которой кратко изложилъ ходъ учрежденія Совѣта, не преминувъ повторить тѣ же фразы и похвалы храброму и лойяльному народу, которыя составляли неизбѣжную приправу всѣхъ сеймовыхъ рѣчей правительства. Послѣ того пер-

вый секретарь прочелъ манифестъ объ учрежденіи Совѣта и актъ объ утвержденіи его членовъ. По окончаніи чтенія члены Совѣта и прокуроръ принесли присягу на вѣрность службы. Затѣмъ Барклай-де-Толли и старѣйшій изъ членовъ гофгерихта Тандефельдъ обмѣнялись рѣчами, и церемонія кончилась. У генералъ-губернатора былъ парадный обѣдъ, а вечеромъ городъ украсился иллюминаціей [1]).

Такъ состоялось открытіе учрежденія, сохранившаго потомъ въ теченіе 80-ти лѣтъ всѣ свои основныя черты.

Изъ прочихъ трехъ сеймовыхъ вопросовъ, милиціонный и податной пошли путемъ дальнѣйшихъ обсужденій. Въ разсмотрѣніе податного вопроса, по объясненнымъ выше причинамъ непредставляющаго интереса для настоящаго изслѣдованія, входить излишне. Въ милиціонномъ вопросѣ предсѣдатель совѣтскаго отдѣла, вѣдѣнію котораго онъ принадлежалъ, графъ Гееръ, на столько медлилъ не только разработкою предмета, но даже и вступленіемъ въ должность, что вызвалъ прямыя жалобы на него Сперанскому со стороны Барклая-де-Толли [2]). Впрочемъ спѣшности въ этомъ дѣлѣ и не предполагалось, такъ какъ всѣ принятыя на счетъ милиціи желанія сейма были отрицательнаго свойства: освобожденіе по крайней мѣрѣ на 50 лѣтъ отъ возстановленія милиціи, а при возстановленіи, исполненіе сего не менѣе какъ въ продолженіе 5 лѣтъ. Однако это еще не означало, что правительство дѣйствительно и окончательно рѣшило исполнить всѣ желанія сословій. Императоръ Александръ въ заключительной рѣчи своей обѣщалъ только принять ихъ въ соображеніе. По этому дальнѣйшая разработка между прочимъ и вопроса о милиціи не должна бы откладываться въ долгій ящикъ.

[1]) Изъ описанія самаго Барклая-де-Толли, въ бум. Сперанскаго.

[2]) Письмо отъ 17-го октября 1809 г. Mais comme M. De-Geer, jusqu'ici n'est pas arrivé sur les lieux pour entrer en fonctions, n'ayant pas même porté à ma connaissance les causes qui pourraient l'avoir retenu, j'ai toute raison de croire que M. De-Geer méconnait l'importance de l'emploi auquel il a été très-gracieusement nommé par S. M. I-le. Une telle négligence de sa part me semble mériter des remarques d'autant plus sérieuses, qu'elle a eue lieu à l'entrée même au service. Приложеніе № 118.

около 292.027 р. нужныхъ для удовольствованія жалованьемъ тѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ финской арміи, кои яко подданные В. И. В-ва будутъ имѣть въ семъ краю свое жительство, остается 1.400 000 р., которые на содержаніе россійскихъ войскъ въ Финляндіи употребить можно; сверхъ того такъ называемые государственные доходы сего края поступаютъ въ распоряженіе самой провинціи.»

Оффиціальное разрѣшеніе милиціоннаго вопроса послѣдовало съ изданіемъ манифеста 15-го (27) марта 1810 г., коимъ рѣшено было «сохранить тамошнія войска на тѣхъ же основаніяхъ на которыхъ они до того времени находились, съ тѣми уравненіями, которыя соотвѣтствуютъ средствамъ страны и благосостоянію населенія; а потому Е. В-во призналъ за благо оставить поселенныя войска въ тогдашнемъ ихъ устройствѣ, не требуя ихъ на дѣйствительную службу, пока обстоятельства это позволяютъ и пока благосостояніе края не изгладитъ слѣдовъ войны [1])». Однако, почти одновременно съ изданіемъ этого манифеста, послѣдовало высочайшее повелѣніе объявлѣнное финляндскому генералъ-губернатору военнымъ министромъ, о наборѣ всѣхъ праздношатающихся въ Финляндіи людей годныхъ къ службѣ, и объ отсылкѣ ихъ въ Петербургъ. Финляндскій Совѣтъ вздумалъ было протестовать, хотя и въ скромной формѣ, выражая мнѣніе что повелѣніе это отмѣнено манифестомъ 15-го марта. Но военный министръ, теперь уже Барклай-де-Толли, нѣсколько ближе знакомый съ тенденціями финляндцевъ, повторилъ повелѣніе, пояснивъ что оно именно основано на манифестѣ. Тогда Совѣтъ предписалъ сдѣлать наборъ людей и отослать въ Петербургъ; впрочемъ написалъ всеподданнѣйшее представленіе о своемъ сомнѣніи. Такимъ образомъ прежнія финляндскія узаконенія и боргоскія мнѣнія были оставлены въ сторонѣ. Въ 1812 г. это повторилось, и по высочайшему повелѣнію 20-го іюля (1-го августа) сформированы были три егерскихъ полка, каждый въ два баталіона [2]).

[1]) Очеркъ устройства правленія В. К. Финляндскаго. Печат. въ тип. Головина.

[2]) Одна рота этихъ полковъ переформирована въ 1817 г. въ учебную команду для финскихъ войскъ, а въ 1818 г. въ учебный стрѣлковый ба-

Разрѣшеніе вопроса о монетѣ послѣдовало полгода спустя послѣ сейма, изданіемъ 17-го декабря 1809 г. особаго манифеста [1]). Съ того времени и до 1839 г. положеніе монетнаго дѣла въ Финляндіи оставалось неизмѣннымъ. Этимъ манифестомъ постановлено «признать россійскую серебряную монету главною и коренною В. К. Финляндскаго монетою, коей существенная цѣна должна служить правиломъ и мѣрою сравненія и опредѣленія цѣнъ всѣхъ прочихъ, имѣющихъ нынѣ обращеніе монетъ». Цѣна серебряному рублю положена въ 33 шилл. 4 рондштюка; менѣе противъ того, что полагали на сеймѣ. Банковый серебряный риксдалеръ составилъ 1 р. 44 к., шиллингъ 3, и рондштюкъ 1/4 коп. серебромъ. Въ отношеніи къ русскимъ ассигнаціямъ и равноцѣнной съ ними мѣди, при курсѣ ассигнаціоннаго рубля въ 50 коп. серебряныхъ, шведскій серебряный риксдалеръ составилъ 2 р. 88 к., шиллингъ 6 к. и рондштюкъ 1/2 к. По этому разсчету установлено принимать русскую ходячую монету и банковыя ассигнаціи съ 1-го января 1810 г. впредь до распоряженія, въ платежъ коронныхъ податей, а также въ выдачу жалованья чиновникамъ и т. п. [2]). Этотъ пунктъ мотивированъ въ манифестѣ слѣдующимъ образомъ: «По уваженію, что россійскія деньги и государственныя банковыя ассигнаціи, бывъ около двухъ уже лѣтъ въ Финляндіи повсемѣстно въ употребленіи, сдѣлались собственностію края сего, и что по назначенію нынѣ онымъ столь умѣренныхъ цѣнъ и легкому для счета опредѣленію ихъ шведскою монетою никто конечно не понесетъ ни малѣйшей потери, равно не можетъ встрѣтиться въ ономъ никакого затрудненія и неудобства,» и т. д. Въ отношеніи коронныхъ податей здѣсь принято въ уваженіе мнѣніе дворянства

таліонъ, расположенный съ 1824 г. въ Гельсингфорсѣ. 8-го (20) февраля 1827 г. повелѣно упомянутые три полка преобразовать въ шесть стрѣлковыхъ баталіоновъ. Учебный стрѣлковый баталіонъ пожалованъ 15-го (27) іюля 1829 г. въ молодую гвардію и получилъ наименованіе л.-г. финскаго стрѣлковаго баталіона (нынѣ 3-го).

[1]) Приб. къ изд. по высоч. пов. Улож. 1827 г. стр. 253 и послѣд.

[2]) Манифестомъ 11-го февраля 1811 г. цѣна серебрянаго рубля на тотъ годъ установлена въ 3 руб. банковыми ассигнаціями и мѣдною монетой.

и отвергнуто мнѣніе большинства прочихъ сословій. Для частныхъ оборотовъ предоставлено руководствоваться опредѣленіемъ цѣны банковыхъ ассигнацій по курсу и промѣну С.-Петербургской биржи. Шведская монета допущена въ частныхъ оборотахъ тоже съ ограниченіемъ мнѣнія сейма, именно не безусловно, а лишь на одинъ годъ, т. е. по 1-е января 1811 г. [1]). Съ наступленіемъ 1810 г всѣ коронные акты, договоры и обязательства должны были писаться въ русскихъ деньгахъ. Льстивое предложеніе увѣковѣчить память объ Императорѣ Александрѣ I его изображеніемъ на серебряныхъ рубляхъ пройдено полнымъ молчаніемъ, равносильнымъ отказу. Тоже случилось и съ ходатайствомъ о чеканкѣ монеты въ самой Финляндіи, о финляндскомъ на ней гербѣ и пр. Вездѣ узаконенъ русскій рубль, «который сдѣлался уже собственностію края сего». Ходатайство о финляндскомъ банкѣ разрѣшилось учрежденіемъ, согласно первоначальному еще предположенію 19-го ноября 1808 г., конторы въ Або для размѣна денегъ, а также вкладовъ и займовъ, съ отпускомъ въ основной капиталъ 2-хъ милліоновъ рублей ассигнаціями (1 милліонъ серебромъ).

Наконецъ созваніе сейма, о которомъ сословія ходатайствовали, для созданія «Банка земскихъ чиновъ Финляндіи» подъ ихъ гарантіею, не только не состоялось по заключеніи вскорѣ мира, но не исполнилось и во всѣ остальные 16 лѣтъ царствованія Александра, также какъ и затѣмъ во все 30-ти-лѣтнее царствованіе Императора Николая.

---

[1]) Однако деньги эти обращались и впослѣдствіи, такъ что правительство нѣсколько разъ (въ 1812, 1817 и др. год.) возобновляло объявленія о незаконности этихъ денегъ.

ГЛАВА XXV

и последняя.

Фридрихсгамскій миръ.

I.

Предварительныя соглашенія.

Въ самомъ началѣ 1809 г., когда въ Петербургѣ и русской арміи готовились къ переходу въ Швецію, а въ Стокгольмѣ царило общее уныніе и недовольство, Густавъ-Адольфъ первый заговорилъ о мирѣ. Но какимъ языкомъ заговорилъ онъ? 19-го (31-го) января Императору Александру написано имъ слѣдующее:

«Поступивъ столь несправедливо съ прежнимъ Вашимъ союзникомъ, королемъ шведскимъ, не перестававшимъ съ безупречною вѣрностью исполнять свои обязательства въ такое время, когда достойная презрѣнія политика нашихъ дней громко требовала инаго образа дѣйствія, В. И. В-во, конечно, признаете, что пора опредѣленно объясниться о побужденіяхъ, которыя могутъ въ дальнѣйшемъ направлять политику Вашего Величества. Нужно, слѣдовательно, знать: на какихъ справедливыхъ условіяхъ Финляндія можетъ быть возвращена Швеціи? Это неправедное завоеваніе, вмѣсто того чтобы упрочить могущество Россіи, сдѣлается главною причиною ея гибели, если В. В-во будете упорствовать въ сохраненіи того, что пріобрѣтено Вами такими путями, которые должны бы вычеркнуты быть со страницъ исторіи.— Густавъ-Адольфъ.»

Шведскій король, не перестававшій утверждать что онъ ведетъ войну законную и будетъ продолжать ее до послѣдней крайности, не видѣлъ ни кровавыхъ жертвъ, принесенныхъ Россіей, ни подвиговъ и лишеній, коими сыны ея покорили Финляндію. Онъ видѣлъ только вышеописанныя, въ сущности ничтожныя и ни къ чему неприведшія подпольныя махинаціи Спренгтпортеновъ и К°, которымъ, къ несчастію, русское правительство такъ легко довѣряло, и тѣмъ какъ-бы давало поводъ врагу клеймить его дѣйствія.

Дерзкій вопросъ шведскаго монарха,—такіе примѣры, впрочемъ, можно было видѣть и въ вышеизложенномъ,—былъ отвергнутъ съ спокойнымъ презрѣніемъ. Письмо Густава возвращено ему при слѣдующихъ немногихъ строкахъ:

«Всероссійскій Императоръ не можетъ въ соотвѣтственной формѣ отвѣчать на полученное письмо и возвращаетъ его, какъ незаключающее въ себѣ признаковъ примиренія и взаимнаго уваженія. Никакая война не вѣчна; всѣ онѣ кончаются миромъ. Императоръ желаетъ мира, и только мира, между всѣми. Онъ желаетъ видѣть Швецію счастливою и спокойною. Онъ готовъ предоставить ей миръ со всѣми державами, съ которыми она находится въ войнѣ.» Александръ Павловичъ прибавилъ еще собственноручно: «Финляндія вошла въ составъ Россіи по праву завоеванія и по жребію битвъ; только оружіемъ можетъ она быть отдѣлена отъ нея [1])».

[1]) Письмо Густава: «Votre Majesté ayant agi avec tant d'injustice envers votre ancien allié, le roi de Suède, qui n'a cessé de remplir ses engagements avec une fidélité sans réproche, à l'époque où la politique méprisable de nos jours exhortait à haute voix d'en agir autrement, reconnaitra sans doute qu'il est temps de s'expliquer clairement sur les motifs, qui pourront dorénavant guider la conduite politique de V. M-té. Il s'agit donc de savoir sous quelles conditions justes et équitables la Finlande puisse être restituée à la Suède? Cette conquête injuste, au lieu de consolider la puissance de la Russie, deviendra la cause principale de sa ruine, si V. M-té s'obstine à vouloir conserver ce qu'elle vient d'acquérir par des procédés, qui devraient être effacés des fastes de l'histoire. Gustave Adolphe. Le 19 (31) janvier 1809.—Отвѣтъ: L'Empereur de Russie ne peut pas répondre en forme et renvoit l'écrit, qui lui a été adressé, parcequ'il ne porte pas le

ній, дабы, въ случаѣ надобности, дѣйствовать «во всей силѣ». Въ подтвержденіе своихъ доводовъ онъ ссылался на тотъ указанный выше фактъ, что вмѣстѣ съ посылкою Стединка въ Фридрихсгамъ изъ Стокгольма посланы къ Умео противъ Русскихъ значительныя подкрѣпленія. «Самый сей поступокъ шведскаго правительства не показываетъ ли намъ примѣръ, чтобы и мы съ своей стороны, открывъ негоціаціи, не выпускали изъ виду военныхъ мѣръ? Можетъ быть что нѣкоторое обнаруженіе сильныхъ приготовленій съ нашей стороны при настоящихъ обстоятельствахъ произвело бы не безполезное для насъ дѣйствіе, и что явность таковыхъ мѣръ понудила бы, можетъ быть, шведское правительство скоропостижнѣе обратиться къ миролюбивымъ средствамъ и тогда даже, когда бы въ самомъ дѣлѣ на продолженіе войны они рѣшились.»

Въ это время назначенный вмѣсто гр. Шувалова предпріимчивый и счастливый гр. Каменскій наступалъ уже къ югу. Румянцовъ вновь поощрялъ Барклая[1]):«И маловажный даже успѣхъ, одержанный въ теперешнихъ обстоятельствахъ гр. Каменскимъ, послужилъ бы весьма сильнымъ подкрѣпленіемъ для меня, къ достиженію моей цѣли, ибо ежели бы таковое извѣстіе могло дойтить въ Стокгольмъ въ то же время, какъ пріѣдетъ туда курьеръ отправленный отъ барона Стединка, съ кондиціями отъ насъ предложенными о мирѣ, то конечно тѣмъ бы умножилось уныніе шведскаго правительства», и пр.. Главнокомандующій входилъ въ виды министра. Кромѣ движенія Каменскаго навстрѣчу гр. Вреде, генералъ Штейнгель приготовилъ и огласилъ экспедицію съ Аландскихъ острововъ на шведскій берегъ [2]).

Но шведское правительство было, какъ сказано, занято подобными же приготовленіями: оно снаряжало, для дѣйствія въ тылу Каменскаго, экспедицію адмирала Пуке и Вахтмейстера.

Графъ Каменскій не замедлилъ оправдать возлагавшіяся на него надежды, и уже 7-го и 8-го августа разрушилъ при Севарѣ и Ратанѣ планы шведской экспедиціи. Румянцовъ былъ въ восторгѣ

---

[1]) 9 августа 1809, стр. 21.

[2]) Барклай-де-Толли графу Румянцову 8 августа, № 187, л. 58.

отъ этихъ побѣдъ: c'est une excellente lettre de récommandation, dont vous venez d'appuyer ma négociation à Fredrikshamn,—писалъ онъ Каменскому 21-го августа [1]). Съ шведской стороны онъ имѣлъ извѣстія объ этихъ событіяхъ, конечно, въ другой окраскѣ. Но факты были налицо. Вахтмейстеръ и Пуке ушли, а Сандельсъ просилъ перемирія.

Между тѣмъ, въ виду энергическихъ возраженій Стединка противъ уступки Аландскихъ острововъ, или же по свойственному русскому человѣку вообще, а Румянцову въ частности, мягкосердію, онъ послѣ втораго же совѣщанія обратился къ Государю, убѣждая его склониться на уступку Швеціи въ вопросѣ о сѣверной части границы. Вмѣсто рѣки Торнео, какъ написано было въ инструкціи Алопеусу, или даже рѣки Каликса, какъ объявлялъ этотъ послѣдній и само русское министерство шведскому министру, Румянцовъ просилъ разрѣшить считать границею рѣку Кеми, восточнѣе Торнео, какъ предлагалъ въ свое время Лагербьёлке. Онъ взывалъ къ великодушію Александра Павловича. Рѣчь шла всего о нѣсколькихъ лапландскихъ хижинахъ и о какихъ-то желѣзныхъ рудникахъ между Торнео и Каликсомъ. «Какое убогое богатство, и стоитъ ли настойчиво гоняться за нимъ, рискуя замедлить заключеніе мира! [2]).»

Посылая эту просьбу и потомъ повторяя ее, гр. Румянцовъ почти одновременно напоминалъ Государю обѣщаніе, по возвращеніи съ боргоскаго сейма, передать представленные ему въ Финляндіи разные мемуары, касающіеся интересовъ этой провинціи. Бумаги были у Сперанскаго, и Румянцовъ находилъ нужнымъ имѣть ихъ теперь въ своемъ распоряженіи. «Прочитавъ ихъ и обсудивъ,—пояснялъ онъ,—я сдѣлаю нѣчто въ родѣ тиража и представлю В. В-ву мое мнѣніе о томъ: что должно войти въ статьи

---

[1]) Это (побѣда) отличное рекомендательное письмо, которымъ вы поддержали мои фридрихсгамскіе переговоры. Арх. Мин. Ин. Д. Corresp. Kamensky, стр. 73. Черновое собственной руки Румянцова.

[2]) Quelle triste richesse pour courir après avec cette opiniatrété, qui peut retarder la paix.—Арх. М. Ин. Д., Rapport à l'Empereur du 5 août 1809, л. 114, № 13.

трактата и что можетъ быть отброшено, какъ составляющее предметъ тѣхъ распоряженій, кои всякое государство имѣетъ право само дѣлать въ своихъ новыхъ пріобрѣтеніяхъ [1].» Къ числу такихъ мемуаровъ относилась и просьба жителей города Торнео о томъ, чтобы и они были приняты въ подданство Императора Александра вмѣстѣ съ прочей Финляндіей.

Въ виду вѣроятно этой записки, а отчасти и по другимъ соображеніямъ, Александръ не сдался вполнѣ на просьбу своего министра. «Я согласенъ съ вами, писалъ онъ ему 15-го августа, что можно уступить Шведамъ въ дѣлѣ о границѣ на Каликсѣ, но я желалъ бы чтобы это сдѣлалось только при самой послѣдней крайности. Я желалъ бы, въ такомъ случаѣ, чтобы вмѣсто Кеми вы добились границы на Торнео. Многія причины меня къ тому побуждаютъ. Кеми не перерѣзываетъ шведскую территорію до Норвегіи, что имѣетъ мѣсто при Торнео. Потомъ я получилъ очень любезное письмо отъ жителей города Торнео, выражающихъ горячее желаніе войти въ составъ Финляндіи. Это еще причина, обязывающая меня не возвращать ихъ Швеціи [2])».

Между тѣмъ Стединкъ, заболѣвшій лихорадкою вскорѣ по пріѣздѣ въ Фридрихсгамъ и потомъ немного оправившійся, вновь занемогъ и сильнѣе прежняго. Душевныя страданія, въ виду нерадостнаго положенія его при переговорахъ, несомнѣнно играли важную роль. Пріѣхавшій вскорѣ датскій посланникъ Блоомъ

[1]) Je me rappelle, Sire, que V. M. m'a fait l'honneur de me dire à son retour de Finlande, qu'on lui avait présenté differents mémoires sur divers articles concernant les interêts de cette Province, qu'il fallait ménager à la paix. Elle eut alors la bonté de me dire, que les papiers étaient entre les mains de M. de Speransky, mais qu'Elle se proposerait de lui ordonner de me les remettre. Je supplie V. M. de le préscrire en effet; il serait du bien de son service que j'eus dès à cette heure leurs connaissance. Après les avoir lues et méditées, j'en ferai une sorte de tirage; je présenterai à V. M. l'opinion que je m'en serai formé, prenant la liberté de lui présenter ce qu'en effet doit être pris en considération comme devant faire partie des articles du traité, et rejetant ce qui peut être du ressort réglementaire que chaque Empire a droit d'exercer en ses nouvelles acquisitions.—Rapport du 12 août 1809. Листъ 128, № 32.

[2]) Lettres autographes, листъ 165. См. Прилож. № 120.

нашелъ его очень измѣнившимся и постарѣвшимъ. Узнавъ изъ писемъ Румянцова о болѣзни Стединка, Александръ Павловичъ распорядился послать ему доктора Галловея, прежде лечившаго его въ Петербургѣ [1]). Этотъ врачъ нашелъ въ немъ страданія печени. Во время болѣзни Стединка получено было Румянцовымъ извѣстіе о побѣдѣ надъ Вахтмейстеромъ при Севарѣ и Ратанѣ. Конечно оно должно было имѣть большое значеніе при переговорахъ, но министръ пожалѣлъ больнаго и не сообщилъ ему тягостной для него вѣсти.

Благодаря продолжительной болѣзни Стединка и ожиданію возврата посланнаго въ Стокгольмъ курьера, совѣщанія возобновились не ранѣе 24-го августа. На конференцію собрались у Стединка; засѣданіе было продолжительное и тяжелое. Рѣчь вновь шла о границахъ, на счетъ которыхъ возвратившійся курьеръ привезъ дополнительныя инструкціи. Король изъявилъ готовность,— сколь ни тяжелы и ни пагубны русскія условія,—принять на себя обязательство, сохранивъ Аландскіе острова, не возводить на нихъ укрѣпленій и *уступить* Финляндію до р. Кеми. Финляндія всегда-де простиралась только до этой рѣки. Бо̀льшая уступка крайне вредно отозвалась бы на шведской торговлѣ.—Начались новыя и продолжительныя пренія. Румянцовъ напомнилъ Шведамъ, что дѣло вовсе не идетъ о какихъ-нибудь *уступкахъ* Россіи, потому что она уже владѣетъ островами и провинціей, о коихъ идетъ рѣчь. Поэтому онъ пригласилъ своихъ собесѣдниковъ поставить вопросъ на должную почву, сожалѣя о необходимости возвращаться къ препирательству, которое Государь думалъ устранить, предпославъ переговорамъ принятіе извѣстныхъ трехъ пунктовъ. Противъ нихъ Россія не можетъ сдѣлать никакихъ уступокъ. Всѣ доводы съ цѣлью склонить на нихъ не приведутъ ни къ чему, развѣ лишь къ доказательству что положеніе дѣлъ еще не настолько назрѣло, чтобы думать о мирѣ. Для графа Румянцова это было прискорбно, впрочемъ единственно по его любви къ миру; но, по его убѣжденію, оставаясь съ сложенными руками и

---

[1]) См. письмо Императора Александра отъ 18-го августа;—Приложеніе № 121.

съ тѣмъ поручалъ вниманію Кнорринга наканунѣ захваченный Кульневымъ шведскій отрядъ.

Весь тонъ письма носилъ отпечатокъ небрежно товарищескій и, при оффиціальномъ своемъ характерѣ, никакъ не соотвѣтствовалъ тому требованію извѣстнаго почтенія, какимъ младшій отрядный генералъ обязанъ главнокомандующему, хотя бы и непріятельскому[1]). Такое нарушеніе приличій можно извинить развѣ паническимъ страхомъ, который нагнало на шведовъ движеніе корпуса Багратіона. Дѣйствительно, въ этотъ самый день, 7-го марта, лихіе уральцы Кульнева уже взошли на шведскій берегъ и заняли Гриссельгамъ. Барклай шелъ по льдамъ Кваркена. Русскіе готовились пожать лавры и увѣнчать ими свои тяжелые подвиги. Но, увы! главнокомандующій Кноррингъ былъ чужой для русскаго чувства. Онъ не поставилъ Дӧббельна на его мѣсто, а поспѣшилъ оказать ему предупредительность, возможную со стороны не побѣдителя, а побѣжденнаго.

«Спѣшу препроводить в. пр-ву желаемый вами паспортъ для гр. Левенгіельма,—писалъ Кноррингъ Дӧббельну того же 7-го (19) марта. Цѣль его пріѣзда мнѣ лично (en mon particulier) слишкомъ пріятна для того, чтобы я не ожидалъ его съ удовольствіемъ. Прошу васъ, генералъ, разъясните ему, что онъ найдетъ меня въ домѣ Іомаласкаго пастора[2])».—Русскій главнокомандующій такъ глядѣлъ на себя и свое положеніе, что не надѣялся чтобы шведскій офицеръ могъ найти его квартиру иначе, какъ по адресу пастора...—«Намѣреніе его высочества регента прислать къ намъ уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ совершенно отвѣчаетъ нашимъ желаніямъ. Я не могу дать лучшаго тому доказательства отъ имени Государя, какъ пославъ съ вашимъ же парламентеромъ къ генералу, командующему авангардомъ подошедшимъ уже сегодня въ окрестности Гриссельгама, приказаніе тотчасъ же идти назадъ (de rebrousser chemin sur le champ.). Препровождаю вамъ такой же приказъ для командующаго вазаскимъ

---

[1]) Арх. М. Ин. Д. Camp. Suède, 1809, ad 6. Письмо Кнорринга къ Дӧббельну 7-го (19) марта; Приложеніе № 123.

[2]) Ibidem. Приложеніе № 124.

рѣшился наконецъ предоставить эти острова ихъ судьбѣ, но настаивалъ на томъ, чтобы на нихъ не было возводимо укрѣпленій и другихъ сооруженій военнаго вѣдомства. Это требованіе также имѣло не болѣе успѣха: гр. Румянцовъ нашелъ нужнымъ разъ на всегда объявить, что Государь, явивъ уже въ Финляндіи нѣсколько знаковъ своей верховной власти, разумѣется никогда не возьметъ на себя обязательства, которое или могло бы стѣснить его, или же касалось бы внутренней администраціи этой области. Императоръ Александръ желаетъ права собственности на Аландскіе острова безъ всякихъ условій.

Этимъ заключились пренія объ Аландѣ, и шведскіе уполномоченные къ нимъ почти не возвращались на совѣщаніяхъ. Но взамѣнъ того баронъ Стединкъ, казалось, хотѣлъ склонить русскихъ уполномоченныхъ къ большей уступчивости на сѣверной границѣ. Какъ сказано, въ этомъ отношеніи самъ Румянцовъ, въ глубинѣ души и даже въ сношеніяхъ съ Государемъ, былъ на его сторонѣ. Стединкъ убѣждалъ своихъ коллегъ, что проведя пограничную черту по рѣкѣ Кеми, удовлетворили бы всѣмъ требованіямъ какъ благоразумія, такъ и географическаго положенія, и остались бы въ самыхъ широкихъ предѣлахъ когда-либо составлявшихъ Финляндію. Напротивъ, настаивая на межѣ рѣкою Каликсъ, русское правительство явно выказывало намѣреніе стать твердой ногой въ самой Швеціи, и поразить обитателей ея ужасомъ недоумѣнія о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ Россіи. Стединкъ взывалъ къ великодушію Императора Александра,—пріемъ обычный, почти обязательный въ тѣ времена. Онъ выражалъ увѣренность, что Государь-побѣдитель не воспользуется прискорбнымъ положеніемъ до котораго доведена Швеція, и не повергнетъ ея въ полное отчаяніе. Употребляя наконецъ выраженія, мало или даже вовсе несвойственныя дипломатіи, Стединкъ просилъ умѣренности уже не по праву, а лишь какъ проявленія благодушія Императора Александра. Свою горячую рѣчь онъ заключилъ печальнымъ сознаніемъ своей ошибки: отправляясь въ Фридрихсгамъ, онъ льстилъ себя надеждою оказать нѣкоторую заслугу, участвуя въ обсужденіи условій которыя подлежатъ еще измѣненію; ока-

1-го марта, ратификаціи соглашенія. Алопеусъ, съ своей стороны, говорилъ объ извѣстныхъ условіяхъ положенныхъ въ основу его дѣйствій: миръ общій съ союзниками Россіи, закрытіе гаваней англичанамъ, уступка Финляндіи. «Знаю,—сказалъ герцогъ,— что такихъ условій нельзя избѣжать; но, для оправданія передъ сеймомъ, необходимо будетъ дѣлать видъ старанія пріобрѣсти Финляндію обратно.»

При свиданіи съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, барономъ Лагербьёлке, рѣчь шла о разныхъ сторонахъ того же предмета. По поводу требованія объ уступкѣ Финляндіи нашъ посланникъ увидѣлъ, что шведы не теряли еще надежды возвратить себѣ эту провинцію, разсчитывая на покровительство Франціи. Но когда Алопеусъ далъ понять что Императоръ Александръ, присоединивъ Финляндію къ своей державѣ, будетъ защищать ее также твердо, какъ защищалъ бы Москву или Петербургъ,—Лагербьёлке отвѣчалъ намекомъ на то, что Швеція могла бы не лишиться этой области, возведя на шведскій престолъ одного изъ русскихъ великихъ князей, или принца Ольденбургскаго, супруга великой княгини Екатерины Павловны[1]). Алопеусъ прошелъ это заявленіе полнымъ молчаніемъ, а въ частныхъ разговорахъ въ шведскомъ обществѣ прямо высказывалъ, что Россія, разумѣется, не можетъ давать такому предположенію никакого значенія, такъ-какъ хорошо научена недавнимъ еще опытомъ. По абоскому миру,—говорилъ онъ,—Елизавета Петровна возвратила Швеціи почти всю завоеванную тогда Финляндію, ради назначенія наслѣдникомъ шведскаго престола ея родственника, Фридриха-Августа Гольштинскаго. И что же? сынъ и внукъ его уже вели упорныя войны съ русскими императорами. Алопеусъ выражалъ при этомъ совсѣмъ недвусмысленно свое сомнѣніе и въ томъ, найдется-ли вообще уважающій себя принцъ, который пожелалъ бы надѣть шведскую корону и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться плѣнникомъ и орудіемъ самовольнаго и дерзкаго стокгольмскаго сената.

---

[1]) Густавъ-Адольфъ IV былъ устраненъ отъ престола со всѣмъ потомствомъ, а у Карла XIII (зюдерманландскаго) не было вовсе дѣтей. Вскорѣ начались интриги по пріисканію наслѣдника шведскаго престола.

По поводу вопроса о границахъ, Алопеусъ, хотя имѣлъ по инструкціи обязанность требовать рѣки Торнео, но говорилъ о рѣкѣ Каликсѣ, западнѣе Торнео, ссылаясь на преобладаніе финской въ той мѣстности рѣчи (идіомъ). Лагербьёлке возражалъ на это ссылкою, что финскія колоніи есть въ разныхъ мѣстахъ Швеціи, и что въ послѣднее время ихъ открыли даже въ Швейцаріи. Если же примѣнить принципъ uti possidetis, то, по мнѣнію министра, нужно бы ограничиться рѣкою Кеми, восточнѣе Торнео, гдѣ русскіе стояли въ началѣ года. Алопеусъ изъявилъ полную готовность принять принципъ uti possidetis, такъ какъ, пояснилъ онъ, отрядъ гр. Шувалова вѣроятно перешелъ уже и Каликсъ. До Стокгольма не дошла еще вѣсть о капитуляціи арміи Грипенберга, а потому легко себѣ представить впечатлѣніе этой новости на Лагербьёлке [1]). Въ числѣ другихъ статей, по которымъ Алопеусъ объяснялся съ министромъ, слѣдуетъ отмѣтить настоятельное требованіе послѣдняго, чтобы Россія взяла на себя обязательство не возводить укрѣпленій на Аландскихъ островахъ, и не дѣлать тамъ никакихъ вообще устройствъ военнаго вѣдомства. Такое требованіе заслуживаетъ вниманія въ виду того, что впослѣдствіи, когда шли уже формальчые переговоры о мирномъ трактатѣ, шведскіе уполномоченные долго и упорно настаивали на сохраненіи Аландскихъ острововъ во владѣніи Швеціи подъ тѣмъ предлогомъ, что они вовсе не составляютъ части Финляндіи, и что никогда не было даже и мысли объ уступкѣ ихъ Россіи.

---

[1]) Алопеусъ доносилъ гр. Румянцову: Ce propos (о томъ, что гр. Шуваловъ уже за Каликсомъ) frappa beaucoup M. de Lagerbielke, car on n'avait pas encore à Stockholm la nouvelle de la capitulation de l'armée de Finlande. Въ точности этого разсказа позволительно усомниться: опредѣленно неизвѣстно, когда именно происходилъ разговоръ; но, во всякомъ случаѣ, никакъ не ранѣе 23—24 марта, такъ какъ 21-го Алопеусъ писалъ еще въ Петербургѣ о томъ, что ему не присылаютъ паспортовъ на проѣздъ въ Стокгольмъ. (№ 90, Négociations de paix). Капитуляція же Грипенберга подписана 13-го марта. Неужели въ 10 дней, а вѣроятно и въ бо̀льшій срокъ, вѣсть о такомъ бѣдствіи не достигла Стокгольма? О занятіи Умео Русскими, состоявшемся 10-го марта, Грипенбергъ зналъ уже; это и побудило его положить оружіе. Слѣдовательно на проѣздъ курьера до столицы нужно было не болѣе 5—6 дней.

На прощальной аудіенціи, хотя еще ранѣе установлено было что о временномъ перемиріи не должно быть и рѣчи, принцъ Карлъ, любезный къ русскому представителю по прежнему, все-таки вручилъ ему проектъ перемирія. Алопеусъ принялъ бумагу; но, по его словамъ, даже не взглянулъ на нее [1]).

Предъ симъ было упомянуто, что отъѣздъ Алопеуса въ Стокгольмъ замедлился, такъ какъ оттуда не торопились выслать ему паспорты. Безъ сомнѣнія тамъ ожидали исхода другихъ, параллельныхъ негоціацій, которыя шведское правительство повело въ надеждѣ парализовать русскія требованія, или по крайней мѣрѣ произвести давленіе на предстоявшіе переговоры. Шведское правительство, хотя и было въ разрывѣ съ Франціей, однако обратилось къ Наполеону. Спеціальное къ нему посольство, съ извѣщеніемъ о происшедшей перемѣнѣ правительства и о желаніи войти въ соглашеніе о мирѣ, не привело ни къ чему [2]). Но, не дождавшись еще отвѣта, регентъ Карлъ обратился къ нему съ новымъ собственноручнымъ письмомъ, поручивъ передачу его и всѣ объясненія довѣренному и близкому ему человѣку, гр. Розену, котораго сопровождалъ адъютантъ Карла, гр. Біёрншерна [3]). Въ письмѣ отъ 29 (17) марта, описывая безвыходное положеніе Швеціи въ виду угрожающаго положенія Россіи, вступившей уже на Скандинавскій полуостровъ и направлявшейся будто бы къ самой столицѣ, Карлъ указывалъ на поведенные теперь съ русскимъ правительствомъ переговоры о мирѣ, и, какъ на первый ихъ результатъ,—на прекращеніе временно военныхъ дѣйствій. Рѣчь шла, конечно, о заключенной Кноррингомъ конвенціи, вслѣдъ за тѣмъ уничтоженной. Принцъ Карлъ находилъ однако этотъ достигнутый результатъ недостаточнымъ и признавалъ дѣло потеряннымъ, если Наполеонъ не вмѣшается въ переговоры въ качествѣ главнаго дѣятеля, comme partie principale.

[1]) Арх. М. Ин. Д. Camp. Suède. 1809. Corresp. Alopeus, № 97. Тутъ же и подробности о стокгольмской революціи 1-го марта.

[2]) Négociations de paix, донесеніе Румянцова Государю, л. 116.

[3]) Anteckningar af Grefve Magnus Björnstjerna. Utgifne efter hans död. Stockholm, 1852, ч. II, гл. 5.

Еще такъ недавно, съ высоты шведскаго престола, Наполеонъ украшался эпитетами антихриста и апокалиптическаго звѣря,— а теперь ему преподносилось названіе великодушнаго государя (souverain magnanime), которому Провидѣніе ввѣрило судьбы столь многихъ народовъ. Вся эта лесть, вмѣстѣ съ похвалами шведскому народу и другой аргументаціей, сводилась къ тому, чтобы избѣжать отдѣльныхъ переговоровъ о мирѣ съ Россіей, и чтобы Наполеонъ побудилъ своихъ союзниковъ, т. е. Данію и Россію, вести одновременные переговоры въ Парижѣ или въ мѣстѣ пребыванія французской главной квартиры, о соглашеніи обще съ Франціею на счетъ мира съ Швеціей. Въ виду быстраго хода событій Карлъ торопилъ Наполеона, и просилъ его послать соотвѣтсвенныя инструкціи посланникамъ при дворахъ петербургскомъ и копенгагенскомъ [1]).

---

[1]) Письмо принца Карла къ Наполеону изъ Стокгольма отъ 29-го марта 1809: «Monsieur mon Frère! Immédiatement après l'envoi de la lettre, que j'eus l'honneur d'adresser à V. M. Impériale et Royale en date du 17 de ce mois, j'ai vu successivement se dévélopper tous les dangers, qui auraient probablement conduit ma patrie à une destruction totale, sans le changement qui vient de s'opérer dans le gouvernement. Une armée russe menaçait déjà la capitale, tandis que d'autres divisions pénetraient dans des provinces plus éloignées. Ces démonstrations formidables, jointes aux propositions d'une paix séparée qui me furent faites de la part des généraux russes, m'engagèrent à demander à S. M. l'empereur de toutes les Russies l'admission d'une personne accréditée à Pétersbourg pour y ouvrir les négociations de la paix, et la cessation des hostilités en a été le premier résultat. Mais tout cela ne suffirait pas à l'objet important que je me propose, si je ne puis compter sur les dispositions de V. M. I. et R., et lorsque dans ma dernière lettre je m'adressais à Elle comme partie principale dans les négociations que je désirais d'ouvrir, je souhaitais alors comme je le souhaite maintenant, de trouver en Elle un appui et un médiateur; persuadé que les intérêts de la Suède de tout tems appréciés par V. M. I. ne sauraient jamais devenir indifférens à un souverain magnanime, à qui la Providence a confié les destinées de tant de nations. Celle que je gouverne est digne d'un sort prospère, digne de ne pas succomber par des évènemens aussi contraires à ses intérêts qu'au voeu général. Elle possède encore tous ces élémens de courage et d'énergie, qui depuis des siècles ont rendu son sort si intéressant pour la France. Ces considérations réunies me font espérer que V. M. I.

Наполеонъ былъ въ это время въ Испаніи, но узнавъ о вторженіи Австріи, поспѣшилъ вернуться въ Парижъ и ускакалъ затѣмъ на Дунай. Шведскіе посланцы должны были тщетно за нимъ гнаться. Отъ Дюрока они услышали въ отвѣтъ: «Императору довольно дѣла и безъ васъ (l'Empereur a bien d'autres choses à faire)». Наконецъ однако, около 20-го числа апрѣля, въ Донаувертѣ или въ Ингольштадтѣ, состоялась давно желанная аудіенція. Но и на ней услышали они вещи не болѣе утѣшительныя:— «Чего вы отъ меня хотите?—сказалъ императоръ. Ваша революція слишкомъ опоздала: я уже промѣнялъ Швецію на Испанію!» [1]) Впрочемъ въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ, по показанію Біёрншерна присутствовавшаго при разговорѣ, Наполеонъ высказалъ похвалы Швеціи, и далъ шведамъ понять что было бы полезно, если бы со временемъ они могли быть привлечены къ участію въ будущей борьбѣ съ Россіей. Поэтому онъ былъ бы готовъ сдѣлать для нихъ что можно; «но—заключилъ онъ—время теперь критическое; я нуждаюсь въ дружбѣ Александра; я просилъ его помочь мнѣ выгнать враговъ изъ Польши, и не могу и не хочу дать ему даже малѣйшій поводъ къ неудовольствію. Обладаніе Финляндіей составляетъ для него жизненный вопросъ. Если бы я вмѣшался теперь и повелъ шведскіе переговоры въ моемъ лагерѣ, то я навязалъ бы себѣ на шею 300.000 русскихъ,—общество, которое нисколько меня не соблазняетъ» [2]).

---

voudra bien intervenir auprès de ses alliés pour que la pacification de la Suède d'une part, de la Russie et du Danemarc de l'autre, se fasse à Paris ou à l'endroit de la résidence de V. M. I. et qu'elle s'y traite conjointement avec la paix entre la Suède et la France. Cette négociation simultanée me ferait tout espérer de la puissante médiation de V. M. I., et ce serait pour parvenir à ce but et pour m'éviter une négociation partielle avec la Russie que la succession rapide des évènemens pourrait peut-être rendre indispensable sans l'intervention de V. M. I., que je La prie de faire parvenir des instructions y analogues à Son ambassadeur à S. Pétersbourg le duc de Vicenze et à Son ministre à la cour de Danemarc. — Anteckningar af grefve Björnstjerna, ч. II, стр. 78—79

[1]) Que voulez-vous que je fasse? votre révolution vient trop tard; j'ai déjà échangé la Suède contre l'Espagne.—Björnstjerna, стр. 93.

[2]) Ibidem., стр. 94.

Такимъ образомъ и этотъ шагъ не привелъ Шведовъ ни къ чему. Но принцъ Карлъ въ письмѣ своемъ просилъ Наполеона позволить гр. Біёрншерна остаться при немъ, чтобы слѣдить за событіями и, разумѣется, при случаѣ напомнить о шведскихъ дѣлахъ. Молодой подполковникъ не остался однако при главной квартирѣ, а былъ отправленъ въ Страсбургъ, ко двору императрицы Жозефины. Не раньше какъ послѣ сраженія при Ваграмѣ, 6-го іюля, могъ Біёрншерна напомнить о своихъ шведскихъ дѣлахъ. Противъ Русскихъ они шли худо; послѣдніе стояли въ Умео, угрожая Стокгольму. Поэтому Наполеону посланъ былъ чрезъ Дюрока новый шведскій мемуаръ. Возобновляя описанія опасности, которой Швеція неминуемо подвергнется, Біёрншерна старался возбудить въ Наполеонѣ зависть къ Россіи, описывая возможно-яркими красками то, что послѣдняя пріобрѣтала вмѣстѣ съ Финляндіей. «Милліонное населеніе доставитъ русской арміи лучшихъ офицеровъ и солдатъ; отличные порты и множество прекрасныхъ матросовъ положатъ основаніе ея морской силѣ; но, въ особенности, она пріобрѣтетъ полную обезпеченность своего фланга, который въ предшествовавшія войны всегда былъ самымъ чувствительнымъ мѣстомъ ея границъ, ведя прямо къ центру, какъ военному такъ и политическому, къ самой столицѣ.»

«Если Швеція утратитъ Финляндію вполнѣ,—продолжалъ мемуаръ,—ей нельзя будетъ впредь дѣйствовать противъ Россіи, хотя бы съ какимъ-нибудь успѣхомъ. Военныя операціи чрезъ Торнео физически невозможны: между этимъ городомъ и Улеаборгомъ семь рѣкъ, изъ которыхъ каждая по меньшей мѣрѣ въ три раза шире Рейна. Всякая лѣтняя экспедиція чрезъ нихъ представляется химерическою, а зимою жестокая стужа этихъ странъ, полное отсутствіе средствъ въ этой пустынѣ, громадность разстояній, — все воздвигаетъ нападенію препятствія непреодолимыя.» Поэтому Россія со стороны Швеціи была бы уязвима только съ Ботническаго залива; но если принять въ соображеніе великіе способы этой державы и сравнить съ тѣми ничтожными, что останутся у Шведовъ, то, по соображенію Біёрншерна и его правительства, пропадаетъ даже всякая тѣнь надежды на успѣхъ въ дѣйствіяхъ наступательныхъ. «Если, почти пророчески

въ Фридрихсгамѣ праздно цѣлые десять дней, онъ узналъ еще что Стединка сопровождаетъ полковникъ Шёльдебрандъ, назначенный въ качествѣ помощника, а въ сущности надсмотрщика за Стединкомъ, которому новое шведское правительство не особенно довѣряло [1]). Румянцовъ предвидѣлъ невозможность объясняться съ Стединкомъ съ глаза на глазъ, и это его раздражало [2]).

Немедленно по пріѣздѣ оба шведскіе уполномоченные явились къ гр. Румянцову: Стединкъ былъ въ мундирѣ и при андреевской звѣздѣ; русскій министръ во фракѣ. Обѣдали, и о дѣлахъ разговора не было. По отбытіи гостей Румянцовъ съ Алопеусомъ поспѣшили отвѣтить короткимъ визитомъ, причемъ Стединкъ говорилъ о Густавѣ IV и былъ совершенно равнодушно выслушиваемъ Румянцовымъ. Послѣдній думалъ, что этими формальностями окончатся всѣ требованія шведскаго этикета, которыми онъ скучалъ, и можно будетъ уже приступить къ занятіямъ, тѣмъ болѣе что согласились обѣдать ежедневно у Румянцова, какъ у хозяина. Однако на другой день, 3-го августа, продолжались оффиціальныя представленія. Стединкъ вновь явился къ нему уже въ парадной формѣ, при андреевской лентѣ и въ сопровожденіи свиты. Пришлось отвѣчать тѣмъ же Стединку и Шёльдебранду, и забросить карточки прочимъ [3]). Впрочемъ уже въ этотъ день, 3-го августа вечеромъ, Алопеусъ началъ разговоръ о границахъ между Россіей и Швеціей, но встрѣтилъ сильныя возраженія противъ уступки Аландскихъ острововъ. Потомъ Стединкъ повелъ рѣчь о наслѣдникѣ шведскаго престола, но оба русскіе уполномоченные слушали его по-прежнему совершенно молчаливо и равнодушно.

Съ 4-го августа начались правильныя засѣданія, — и пошли утомительные споры. «Difficultés sans nombre», писалъ Румянцовъ Государю того же 4-го числа [4]). Такъ какъ главнѣйшій вопросъ

[1]) Алопеусъ доносилъ Румянцову что Стединкъ не пользуется довѣріемъ новаго правительства и сильно подозрѣвается партіей Адлерспорре, тогда господствовавшей. Corr. Alopeus, л. 102.

[2]) Rapport du c-te Roumianzoff à l'Empereur, отъ 28-го іюля, л. 106.

[3]) № 9, лист. 110, ibid.

[4]) № 12, лист. 113.

о границахъ встрѣтилъ сильныя возраженія въ Стединкѣ, то Румянцовъ, желая устранить обостреніе, предложилъ разсматривать предметы по порядку ихъ изложенія въ «трехъ пунктахъ», и договориться о континентальной системѣ и о соглашеніи Швеціи съ Даніей и Франціей. Не вдаваясь во всѣ подробности преній, можно отмѣтить здѣсь. что въ объясненіяхъ Шведовъ постоянно проглядывала надежда на содѣйствіе Франціи. Румянцовъ доказывалъ безосновательность этихъ надеждъ тѣмъ фактомъ, что Наполеонъ отклонилъ предложеніе шведскаго правительства перенести негоціаціи въ Парижъ, предваривъ что не пойдетъ на соглашеніе съ Швеціей, пока она не удовлетворитъ Россіи [1]).

Когда возвратились опять къ вопросу о границѣ, возраженія Стединка полились съ неменьшимъ жаромъ чѣмъ прежде. Онъ утверждалъ. что при отъѣздѣ его изъ Стокгольма никому тамъ даже и въ мысль не приходило, чтобы русскія требованія могли распространяться на присоединеніе къ Россіи и Аландскихъ острововъ; что изъ всѣхъ русскихъ отзывовъ тамъ заключали, что Россія домогается присоединенія къ ней только Финляндіи, и что въ случаѣ уступки острововъ никто въ Стокгольмѣ никогда не могъ бы спать покойно, ожидая ежеминутно явной опасности. Чтобы еще болѣе убѣдить, Стединкъ предлагалъ по документамъ разсмотрѣть и удостовѣриться, что Аландскіе острова относились всегда не къ Финляндіи, а къ Швеціи. Но Румянцовъ нашелъ это неумѣстнымъ. Тогда Стединкъ предложилъ взамѣнъ Аландскихъ острововъ уступить Россіи часть Финляндіи до р. Кумо, т. е. до Біорнеборга, или приблизительно шестую часть ботническаго побережья. Румянцовъ не нашелъ даже нужнымъ возражать на такое предложеніе. Онъ пояснилъ лишь, что Государь его заботится чтобы наслѣдники русскаго престола опять не имѣли на плечахъ войны съ Швеціей. Алопеусъ напомнилъ при этомъ, что въ разговорахъ его съ Лагербьёлке этотъ послѣдній признавалъ безспорною уступку всей Финляндіи, и что естественныя границы, какъ Аландское море, суть наилучшія.

---

[1]) Протоколъ засѣданія 4-го августа. Ad № 116.

Въ виду всѣхъ возраженій Румянцовъ сдѣлалъ видъ, что считаетъ дѣло переговоровъ прерваннымъ, положилъ заготовленные проекты статей въ карманъ и изъявилъ намѣреніе уѣхать въ Петербургъ, гдѣ серіозныя дѣла его ожидаютъ. Какъ бы мимоходомъ онъ сказалъ, что получилъ оттуда депеши относительно предложенія въ наслѣдники шведскаго престола принца Аугустенбургскаго. Слѣдуетъ замѣтить, что принцъ этотъ служилъ въ датской арміи, и копенгагенскій дворъ соглашался, какъ на объявленіе его наслѣдникомъ шведскимъ, такъ и на заключеніе мира съ Швеціей, лишь при условіи удовлетворенія требованіямъ Россіи.

Маневръ Румянцова произвелъ свое дѣйствіе. Стединкъ сталъ просить его дать ему проекты статей для составленія контр-проектовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ отправить курьера къ своему правительству для испрошенія дополнительныхъ инструкцій. На это послѣдовало полное согласіе, и Румянцовъ изъявилъ даже намѣреніе не уѣзжать въ Петербургъ впредь до возвращенія курьера, а заняться обсужденіемъ другихъ предметовъ.

Когда такимъ образомъ занятія возобновились, Стединкъ сдѣлалъ предложеніе объ оставленіи торговли между Швеціей и Финляндіей на прежнихъ основаніяхъ, и объ уплатѣ долговъ абоской конторы стокгольмскаго учетнаго банка. Румянцовъ полагалъ, что по первому предмету не встрѣтится никакихъ затрудненій, если послѣдуетъ соглашеніе по основнымъ пунктамъ переговоровъ. По второму вопросу, объ уплатахъ банку, онъ удостовѣрилъ самымъ положительнымъ образомъ, что разумѣется всякому русскому подданному будетъ вмѣнено въ обязанность законно выполнить всѣ свои обязательства въ отношеніи частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій [1]), въ надеждѣ что это условіе будетъ обоюдно.

Но еще новое предложеніе Стединка касалось уже государственныхъ долговъ Швеціи. Ея чины гарантировали ихъ, въ томъ

[1]) Протоколъ: Le comte Romanzoff assure de la manière la plus positive que certainement on obligerait tout sujet russe (т. е. и новыхъ подданныхъ-финляндцевъ) aux termes de la loi de remplir les obligations contractées envers des particuliers ou des instutitions publiques dans l'espoir que cette stipulation serait reciproque.

числѣ и Финляндія на одну треть, въ суммѣ до 4 милліон. банковыхъ ефимковъ, или около 12 милл. руб.—На вопросъ Румянцова: какими финляндскими доходами обезпеченъ этотъ долгъ? послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ.—Какимъ способомъ онъ погашается? Особымъ налогомъ. — Румянцовъ объяснилъ, что никогда не бывало, чтобы пріобрѣтенная государствомъ провинція продолжала платить прежнему правительству налоги, имъ установленные. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія министръ привелъ такого рода соображеніе: вѣроятно Швеція, не смотря на утрату Финляндіи, будетъ продолжать держать подъ ружьемъ то же число войскъ, какъ и прежде; но, разумѣется, она не потребуетъ чтобы Финляндія принимала участіе въ ихъ содержаніи. Такъ какъ вопросъ о долгахъ принадлежитъ именно къ той же категоріи, то онъ падаетъ самъ собой.

5-го августа отправился въ Стокгольмъ отъ Стединка кабинетъ-курьеръ Остбомъ за новыми инструкціями. Въ тотъ же день отъ графа Румянцова поскакалъ гонецъ къ главнокомандующему въ Або. Онъ повезъ извѣстіе о настоящемъ положеніи мирныхъ переговоровъ. Барклай-де-Толли еще прежде спрашивалъ министра: нужно-ли, въ виду происходящихъ совѣщаній, рѣшаться на значительныя затраты, съ которыми сопряжено будетъ приготовленіе къ дальнѣйшему продолженію военныхъ дѣйствій и къ охранѣ Аландскихъ острововъ [1]). Румянцовъ теперь отвѣчалъ ему: «Я искренно признаюсь в. высокопр-ву, что величайшею для пользы дѣлъ нашихъ важностію признаю то, чтобы прежде времени отнюдь намъ не обольщать себя, и отнюдь не останавливаться пожертвованіемъ даже значущихъ суммъ, дабы безъ потери времени приготовить нужное продовольствіе для войскъ нашихъ, на случай продолженія войны. Ежели бы въ послѣдствіи времени оказалось, что издержки таковыя сдѣланы были и понапрасну, то убытокъ отъ того понесенный нельзя сравнить съ тѣмъ, сколь чувствительно бы для насъ было повстрѣчать въ чемъ-либо недостатокъ тогда, когда обстоятельства понудили бы насъ продолжать войну». Гр. Румянцовъ убѣждалъ не оставлять приготовле-

[1]) 29 іюля 1809, № 178.

ряли чуть-ли не въ сотый разъ о желаніи съ ихъ стороны мира и о несчастіяхъ, въ которыя Швеція ввергнута не по винѣ Карла XIII. Но рѣшаясь отдать Финляндію, онъ желаетъ сохранить собственно Швецію неприкосновенною. На этомъ основаніи шведскіе уполномоченные опять предлагали Кеми какъ будущую границу. Повторенныя настоянія съ русской стороны устранили однако эти новыя попытки, и граница осталась, въ принципѣ, на берегахъ Торнео. Но эта рѣка, близъ Кенгисскаго желѣзодѣлательнаго завода, дѣлится на двѣ вѣтви. Одна, болѣе значительная, называется Муоніо и протекаетъ почти по прямой линіи съ сѣвера на югъ, отъ самой почти норвежской границы, и продолжаясь ближе къ Ботническому заливу въ томъ же направленіи, носитъ названіе Торнео. Другая вѣтвь, носящая также это послѣднее названіе отъ самаго истока, и составляющая поэтому какъ бы главную рѣку, менѣе значительна и направляясь съ запада дѣлаетъ немалый изгибъ. Если бы принять границей эту послѣднюю вѣтвь, какъ предлагалъ гр. Румянцовъ, то, по мнѣнію шведскихъ уполномоченныхъ, выгода Россіи была бы ничтожна, такъ какъ страна въ этой мѣстности по ихъ словамъ столь малолюдна, что поселенія есть только по берегамъ рѣкъ, и то на разстояніяхъ отъ 50 до 120 верстъ и даже болѣе. Притомъ какія поселенія?— продолжали пояснять Шведы. Убогія хижины, съ несчастными обитателями, едва себя прокармливающими. Для Швеціи же при такой границѣ было бы то неудобство, что земли, принадлежащія Кенгисскому заводу, который во всякомъ случаѣ остается въ ея предѣлахъ, были бы раздѣлены надвое, и наибольшая часть заводскихъ лѣсовъ осталась бы на русской сторонѣ. Даже плотина, принадлежащая заводу и пересѣкающая рѣку, упиралась бы концами своими во владѣнія обѣихъ державъ. Но къ этимъ неудобствамъ присоединялось, по словамъ авторовъ мемуара, дурное впечатлѣніе на общественное мнѣніе. Эта вѣтвь настолько много приближается къ рѣкѣ Каликсъ, что утрата земель, хотя бы и неудобныхъ, была бы для Швеціи почти столько же велика, сколько и при границѣ по Каликсу. При слѣдованіи ея по р. Муоніо, напротивъ, всѣ эти неудобства были бы устранены, и естественный рубежъ изображался бы прямою линіей съ сѣвера на югъ, отъ норвежской гра-

ныхъ на нихъ затратъ, и что слѣдовательно теперь они лишатся собственныхъ своихъ денегъ.»

Очевидно Румянцовъ имѣлъ въ виду навести Государя на мысль вознаградить этихъ шведскихъ господъ денежными выдачами изъ русской казны, что такъ часто практиковалось въ то время. Изъ приведенныхъ словъ доклада не видно: склонялся ли къ этому послѣднему мнѣнію самъ докладчикъ, что было бы любопытно для его характеристики. По убѣжденію онъ былъ несомнѣнно за первую половину; но можно было оставаться ей вѣрнымъ, и допустить денежное вознагражденіе. Насколько желалъ или допускалъ это самъ Румянцовъ, сказать трудно; вообще же онъ былъ не изъ числа скупыхъ министровъ. Какъ бы то ни было, но разрѣшеніе этого пункта задерживало исходъ переговоровъ и Румянцовъ находилъ нужнымъ напоминать о немъ и просить скорѣйшаго разрѣшенія [1]). Однако въ конечномъ результатѣ требованіе Шведовъ вовсе устранено [2]).

Статья объ амнистіи также, за разногласіемъ, потребовала вмѣшательства Императора Александра. «Будетъ общая амнистія—предлагали русскіе уполномоченные—для подданныхъ обѣихъ сторонъ.» А Шведы прибавляли: не военныхъ (non militaires). Румянцовъ, полушутя, дѣлалъ къ этой поправкѣ новую контръ-поправку, предлагая сдѣлать перестановку словъ и вмѣсто non militaires, написать militaires ou non. У Шведовъ оказывалась задняя мысль, притомъ очень злая. За ихъ поправкой скрывалась, какъ разъяснялъ Румянцовъ, суровая месть. Они хотѣли исключить изъ амнистіи военныхъ, дабы по окончаніи войны привлечь заочно къ суду тѣхъ изъ генераловъ и офицеровъ, которые, по ихъ мнѣнію, уступили Свеаборгъ и другія крѣпости и сложили оружіе, не потому будто бы что доблесть русскихъ войскъ ихъ къ тому вынудила, а по измѣнѣ долгу и чести. «Такимъ образомъ,—писалъ

---

[1]) Въ докладахъ отъ 31-го августа и 3-го сентября.

[2]) См. ниже, стр. 479: Собственноручное письмо Императора Александра Румянцову отъ 3-го сент. 1809, ad. № 78.—Вопросъ о бостеляхъ разрѣшился впослѣдствіи административнымъ путемъ. (Манифестъ 15-го (27) марта 1810 г.).

по двумъ вопросамъ, по которымъ самъ онъ не рѣшался сказать послѣднее слово, именно о бостеляхъ и объ амнистіи. Здѣсь дѣло шло о «великодушіи» Александра, и осторожный министръ, очевидно, боялся распорядиться невпопадъ. Онъ поэтому возобновлялъ свои настоянія; но въ какихъ изысканныхъ, образцовыхъ выраженіяхъ онъ это дѣлалъ!

«Я не удивленъ, Государь,—писалъ онъ 3-го сентября повторивъ свою просьбу,—тѣмъ, что не получилъ разрѣшенія такъ скоро, какъ того желалъ бы и какъ оно мнѣ необходимо по важности переговоровъ которые В. В-во удостоили возложить на меня. Но это единственное дѣло, меня теперь занимающее. А Вы, Государь, и въ это время? Насколько Ваше вниманіе должно быть устремлено въ разныя стороны! Благо Вашей Имперіи не требуетъ-ли чтобы Вы по крайней мѣрѣ настолько же озабочены были и берегами Дуная, и Галиційскими сценами и движеніемъ Вашихъ войскъ въ Молдавіи, насколько и тѣмъ, что происходитъ въ Фридрихсгамѣ!... Поэтому, Государь, я признаю что долженъ казаться В. В-ву утомительно назойливымъ; но боясь — или быть повидимому виноватымъ, или упустить промедленіемъ великое благо выгоднаго мира,—я не долженъ колебаться. Меня оправдаетъ, Государь, я въ томъ увѣренъ, Ваша благосклонность и та снисходительность, съ какою Вы всегда принимали мои представленія. Миръ будетъ, кажется мнѣ, подписанъ въ такомъ видѣ какъ его можно было желать. Эпоха, когда достигли его, удвоиваетъ для Россіи его цѣну. Она обязана будетъ этимъ громаднымъ благодѣяніемъ В. В-ву, и самое отдаленное потомство Вашихъ подданныхъ, Государь, будетъ пожинать его плоды.......»

III.

Конгрессъ и подписаніе мира.

Все, что дѣлалось въ Фридрихсгамѣ въ теченіе 5 недѣль, не носило однако характера формальныхъ конференцій. То была только подготовительная работа. Дѣйствительный конгрессъ открылся лишь теперь, 1-го сентября, въ 7 часовъ вечера. Когда соб-

ственно все дѣло было уже сдѣлано,—приступили къ обмѣну полномочій [1]).

При чтеніи полномочія даннаго гр. Румянцову, Стединкъ выражалъ замѣтное безпокойство, такъ какъ въ бумагѣ вездѣ говорилось о «шведскомъ королевствѣ», о «шведскомъ правительствѣ», и нигдѣ о шведскомъ «королѣ», чего онъ вѣроятно желалъ. Причина понятная: перемѣна короля произошла въ Швеціи во время войны, какъ результатъ революціи; изгнанная королева была сестра русской императрицы и находилась теперь въ ссылкѣ и подъ надзоромъ полиціи. Опасаясь какихъ-либо по этому предмету заявленій со стороны Стединка, послѣдствіемъ коихъ могла бы быть новая остановка, гр. Румянцовъ поспѣшилъ парировать ударъ, и лишь кончилось чтеніе, тотчасъ же заговорилъ со Стединкомъ о его королѣ, величая его именно этимъ титуломъ, чего не дѣлалъ въ продолженіе всѣхъ переговоровъ. Цѣль была достигнута, и Стединкъ, повидимому успокоенный, не сдѣлалъ никакихъ возраженій. Но могли встрѣтиться другія, чисто условныя и даже мелочныя подробности; онѣ также задержали бы окончательное совершеніе столь лихорадочно ожидаемаго теперь событія. Въ полномочіи Стединка, какъ обыкновенно водится, перечислены были ордена коихъ онъ состоялъ кавалеромъ. На первомъ мѣстѣ высшій шведскій орденъ Серафимовъ, затѣмъ русскій орденъ св. Андрея Первозваннаго, далѣе шведскій орденъ Меча, за нимъ опять русскій, св. Александра Невскаго. Гр. Румянцовъ еще до засѣданія, при частномъ просмотрѣ полномочія, обратилъ вниманіе на неудобство принятаго въ немъ порядка размѣщенія знаковъ отличій, причемъ русскимъ орденамъ давалась какъ бы нисшая степень, сравнительно со шведскими. Такъ какъ обычай установилъ другой, болѣе безобидный въ этомъ отношеніи пріемъ,—перечисленіе сперва орденовъ собственнаго своего государя, всѣхъ вмѣстѣ даже до самыхъ нисшихъ, а послѣ нихъ иностранныхъ,—то гр. Румянцовъ

[1]) J'ai demandé ce soir à 7 heures une conférance pour l'échange des pleinspouvoirs; elle a eu lieu. J'en sort et j'expédie tout de suite un courier à V. M. I. pour lui annoncer que le congrès vient de s'ouvrir. Nous avons commencé par la lecture des pleinspouvoirs. Изъ рапорта гр. Румянцова отъ 1-го сентября. Арх. М. Ин. Д., карт. 83, Négociations de paix, л. 156—70.

была. Поэтому бостели мнѣ необходимы, тѣмъ болѣе что совершенно несоотвѣтственно оплачивать чиновниковъ иностранной державы.—На статью объ амнистіи я смотрю также какъ вы. Установить ее единственно для *не военныхъ* значило бы приготовить себѣ существенныя затрудненія. Я предлагаю двѣ вещи: или объявить общую амнистію, или сказать, что ни одна изъ договаривающихся державъ не можетъ преслѣдовать тѣхъ изъ ея подданныхъ, кои водворились въ другой, за дѣйствія относящіяся къ нынѣшней войнѣ. Такимъ образомъ всѣ шведскіе подданные водворившіеся въ Финляндіи будутъ спокойны, также какъ и финляндцы занимавшіе гражданскія должности и бѣжавшіе за шведскими войсками, когда эти послѣднія дѣлали нападенія на Финляндію въ то время бывшую уже въ нашей власти, будутъ также освобождены отъ всякаго преслѣдованія [1])».

Оставалась переписка и подписаніе. Румянцовъ надѣялся на завтра вечеромъ отправить, съ состоявшимъ при немъ ст. сов. Шулеповымъ, готовый договоръ, чтобы повергнуть его къ стопамъ Его Величества. Онъ былъ доволенъ исходомъ даннаго ему порученія, и Императоръ Александръ не ошибался говоря что Россія много ему обязана. Онъ радостно и съ чувствомъ благодарилъ Государя за предоставленную ему честь сотрудничества въ этомъ крупномъ событіи.

«Провидѣніе поручило В. Велич-ву милліоны подданныхъ,—писалъ Румянцовъ Александру Павловичу 4-го сентября [2]),—но изъ громаднаго ихъ числа оно избрало меня, чтобы дать мнѣ признательное сердце, и чтобы съ самыхъ раннихъ поръ внушить мнѣ исключительную привязанность къ тому, кого оно назначило сдѣлаться моимъ Государемъ; привязанность въ такой мѣрѣ исключительную, что исполненіе моего долга было для меня отрадою и удовольствіемъ. Никогда не испытавъ сильныхъ страстей, кромѣ любви къ Государству, я считалъ за честь быть подданнымъ и служить такому Монарху, всѣ мысли коего принадлежатъ Импе-

---

[1]) «Съ моей стороны» вставлено Императоромъ Александромъ дополнительно надъ строкой.

[2]) Négociations de paix. Подлинникъ помѣченъ 4 августа; но это очевидная ошибка, судя по подробностямъ письма.

ріи, имъ управляемой.» И далѣе: «Примите, Государь, у Вашихъ ногъ выраженіе всей моей крайней и глубочайшей признательности, и за то что Вамъ угодно было именно здѣсь употребить меня въ дѣло, и за ту доброту съ которою Вы руководили моими занятіями; мнѣ не оставалось ничего желать:—ясность указаній Вашихъ охраняла меня отъ опасеній впасть въ ошибки. Я Вамъ много обязанъ, Государь, но и чувствую я это глубоко!»

5-го сентября подписанъ Фридрихсгамскій миръ.

Тотчасъ же извѣщены о томъ всѣ военные начальники. Къ генералъ-губернатору Барклаю-де-Толли посланъ въ копіи и самый трактатъ, впрочемъ до ратификаціи конфиденціально. За Шулеповымъ не замедлилъ уѣхать въ Петербургъ и самъ гр. Румянцовъ, прогостившій здѣсь цѣлыя шесть недѣль. Стединкъ и Шёльдебрандъ со свитою остались на нѣсколько дней на попеченіи Алопеуса, а затѣмъ также двинулись въ русскую столицу въ полномъ составѣ, съ единственною впрочемъ цѣлью привѣтствовать Императора Александра. Финляндскій городокъ вновь опустѣлъ, занявъ однако навсегда видное и почетное мѣсто въ русской исторіи. Въ немъ интересы Россіи были въ русскихъ рукахъ, и министръ-патріотъ, имѣвшій единственную страсть—любовь къ своему государству, не поступился ими.

Ратификація фридрихсгамскаго договора послѣдовала въ Петербургѣ 1-го октября.

Главнѣйшіе пункты его извѣстны изъ предъидущаго изложенія переговоровъ; тѣмъ не менѣе для полноты описанія представляется здѣсь краткое ихъ перечисленіе. Самый договоръ помѣщенъ въ Приложеніяхъ [1]).

Пунктъ 1. О стараніи договаривающихся сторонъ сохранить миръ, дружбу и доброе согласіе.

2. Обязательство для короля шведскаго не упускать изъ виду ничего для скорагo заключенія мира между нимъ и императоромъ французовъ, королемъ италійскимъ и королемъ датскимъ и норвежскимъ.

3. О присоединеніи Швеціи къ континентальной системѣ и о вос-

[1]) Приложеніе № 125. Полн. Собр. Зак. Р. И. т. XXX, № 23.884.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

44 [1]).

Спренгтпортенъ Императору Александру изъ Гельсингфорса отъ 21-го февраля 1808 г. [2]).

Sire! J'ai le bonheur de Vous adresser, Sire, ce très humble rapport de la ville d'Helsingfors que Vos troupes occupent depuis deux jours. Elle n'a pas été plus difficile à prendre que tout ce que nous avons pris depuis Lowise jusqu'ici, d'un pays qui se rende avec plaisir, déffendu par des trouppes qui se retirent sans cesse. Je comptais y trouver encore le C-te de Bouxhoevden—il est déjà en route pour Tavasthoust, n'ayant laissé ici qu'un petit corps de deux régiments pour servir d'observation envers la place de Svéaborg.

Dans cet état des choses, un peu déconcerté de ce qui arrive, je me permets, Sire, d'adresser à Votre M-té I-le ces lignes directement.

Avant de quitter Lovise, où m'avaient retenu quelques objets à régler de concert avec M-r le Gouverneur Emine, Son Exc. le C-te de Bouxhoevden m'avait déjà fait l'honneur de me communiquer son dessin et ses raison pour se porter en force sur Tavasthus. Persuadés comme je suis par les notions les plus sûres, que toute la force des Suédois sous le commandement de G-l Klerker, un vieillard de 70 ans, ne passe quatre régimens, ou 6000 hommes avec leur reserve, en mauvais état, j'avais crû qu'en renforçant la colonne de notre droite de quelques bataillons legers, elle suffirait pour pousser l'ennemi; et j'aurais désiré que notre gauche ici ne se serait pas écarté de son objet.

Mais comme il ne serait plus tems de revenir sur ses pas, que le tems nous est précieux,—l'hiver bientot verra sa fin; et que rien ne peut se consolider, si le pays jusqu'à Abo ne soit à notre disposition, j'ose, Sire, proposer de faire avancer le plutôt possible un corps suffisant pour masquer cette place, tandis que tout ce que

---

[1]) №№ 1—43 приложеній помѣщены въ I томѣ.

[2]) Спб. Главн. Арх. М. Ин. Д. Camp. Suéd., Sprengtporten, 1808, листъ 229. Лично Государю, довольно небрежно и неразборчиво писано.

nous avons ici s'avance sans retard par les routes les plus courtes, pour effectuer à Abo le rassemblement des députés de la nation, qui doivent assurer à l'armée la sureté, comme la jouissance de ses travaux. C'est à quoi s'attendent ici les esprits les plus attachés a Votre protection qui incertains sur les événemens balancent encore: mais ce mouvement hardi et imprevu les inspirerons le courage de deployer leur bonnes dispositions.

Si l'avenir ne me trompe pas plus que le passé, je prévoie peu de résistance à Tavasthus; les suédois prendront peut être la route par Pelkow et Tammerfors, pour se rapprocher de la province de Biorneborg, et se ménager une retraite par la Bothnique. Ils prirent la même route l'avant dernière guerre, quand les malheurs de Charles XII en Ukraine exposèrent la Finlande à sa propre déffense.

Il faut les suivre dans la même route, les pousser jusqu'au golfe, s'emparer des villes qui la bordent, et faire avancer d'ici en même temps à l'arrivée de la réserve les 2 bataillons actuellement ici pour s'emparer d'Hangoudd aussi essentiel presque que le post de Svéaborg à l'égard de la communication.

En soumettant tout ceci aux ordres de V. M-té I-le, j'irai demain trouver le C-te de Bouxhoevden, qui couche à 15 verstes d'ici et demain à Hymby à 35 verstes. Je reviendrai encore ici prendre quelques renseignements sur Svéaborg, dont le voisinage nous inquiète dans la position où se trouvent les choses.

Quant aux habitans du pays, qui me sont plus spéciellement confiés de surveiller les intérets, conforme aux intentions de V. M. I-le je le remplis comme je peux, n'ayant pas assez d'autorité pour empecher que mille choses ne se fassent que je ne saurais empêcher. Cependant je suis un peu parvenu à tranquiliser ceux qui ont le plus souffert, en leur faisant connaitre:

1°, que la volonté suprême de S. M. I-le est que les dommages légalement constatés par les employés à ce sujet seront remboursés;

2°, que pour le soulagement général des individus, les contributions ordinaires à la couronne seront gratis pour un an;

3°, que la douane des productions territoriales est annullée—faveur, qui interresse le paysan en général qui fourni les objets de consomation.

Tout cela, Sire, a produit le meilleur effet pour rétablir la confiance où nous avons été; reste à s'avancer sur le même principe.

Dans ce moment nous recevons l'alerte d'une sortie; on court aux armes; le tems est trop beau, trop claire pour avoir à craindre une surprise. Le général Rajevsky qui commande ici, est à faire ces dispositions. Les ordres portent de se retirer contre une force supérieure: j'espère que cela ne sera pas le cas pour le moment. M-r Emine ne partira pas (avant) que tout ne soit tranquile que je puisse assurer à V. M. I-le la soumission respectueuse.

45.

Спренгтпортенъ Императору Александру I отъ 24-го февраля 1808 г. [1]).

Sire! L'arrivée et le départ du C-te d'Aracchéeff ont été pour moi deux moments également sensibles à mon coeur. Instruit au fond de la position difficile où je me suis trouvé pendant le cours de cette expédition, il m'a consolé en me faisant part des sentiments de Bienveillance que Vous daignez, Sire, avoir pour moi. Je suis à Vos pieds pour Vous en faire mes très humbles remercimens.— J'ose cependant à cet égard Vous supplier, Sire, de remettre l'exécution de Vos bontés jusqu'au tems où mon influence dans le pays sera plus prononcée et que par là je pourrai aussi mieux les mériter,—c'est à dire, Sire, jusqu'à l'arrivée de nos trouppes à Abo. C'est alors, Sire, que je me ferai mieux connaître en parlant au nom de mon Maitre Auguste.

Je me refère au reste à ma dernière touchant les opérations, et ne doute pas que mes idées la dessus ne seront, si non approuvés, au moins considerées du côté de la (du) sincère dévoument avec lequel, Sire....

Sprengtporten.

Helsingfors, ce 24 fevr. 1808.

46.

Спренгтпортенъ Императору Александру I отъ 25-го апрѣля 1808 г. [2]).

Sire! J'apprends avec le plus grand intèret que Svéaborg s'est rendu et je m'empresse de faire là-dessus à Votre M. I-le mes très humbles complimens de félicitation. Cette prise qui assure Vos propres côtes jusqu'à Cronstadt est dans la situation actuelle des choses, de la plus grande conséquence à l'égard des communications.

Ce qui me plait le plus dans cette affaire, c'est la manière dont cette forteresse a capitulé, qui sert plus que jamais de preuve sur les bonnes dispositions d'un peuple dont ses braves défenseurs se rendent avec ce sentiment de patriotisme, seul motif qui en cette occasion a pû agir sur leur reddition.

Voici le moment de procéder à la convocation des Etats de la Finlande, de donner un Gouverneur Général à ce pays, d'arranger ses besoins et son sort. V. M. I. doit connaître les raisons qui m'ont fait un devoir de refuser cette place, lorsqu'elle me fut proposée à l'arrivée du Ministre de Guerre, Comte d'Aracchéeff, elles ont été

---

[1]) Спб. Главн. Арх. М. Ин. Д. Camp. Suéd. Sprengtporten. 1808, листъ 231.
[2]) Ibid., листъ 10, прилож. Также у Кастрена, Skildringar, Bilaga V, стр. 107.

expliquées dans ma très humble lettre du 24 février. La conduite de S. E. M. le C-te de Bouxhoevden, trop ouvertement marquée au coin d'une jalousie inquiète, ne me permettait pas d'espérer de pouvoir remplir avec succès pour le service un departement subordonné aux pleins-pouvoirs de ce Général; je devais donc le refuser.

Maintenant que la conquête de la Finlande est achevée, que les opérations militaires à cet égard peuvent être considerées comme finies, et que doivent commencer celles qui assurent sa conservation, je désirerais très respectueusement de connaitre, quelles seront les intentions de V. M. I-le à mon égard. Si Elle me croit encore en état d'être bon à quelque chose, la dernière goute de mon sang est à Son service.

En insistant là-dessus, je supplie Votre Majesté de ne pas me croire capable de vouloir mettre en avant la moindre prétention, je ne désire que d'être instruit de Ses ordres pour savoir à quoi m'en tenir, pour m'arranger en conséquence, soumis dans tous les cas à tout ce qu'Elle pourrait ordonner de (?) moi.

C'est avec le plus profond respect que j'ai l'honneur d'être, Sire, de Votre Majesté Impériale...

Sprengtporten.

47.

Письмо Спренгтпортена графу Н. П. Румянцову изъ Гельсингфорса 21-го февраля 1808 [1]).

Monsieur le Comte, Je réponds à Vos deux lettre du 15 et 17 renfermant le même objet, et je n'ai pas manqué même avant l'arrivée de Vos bonnes nouvelles sur les dispositions de la France, d'en répendre partout le bruit, comme étant effectivement très convenable à tranquiliser les bons finnois—un peu inquiets encore sur les événements. Je reçois anjourd'hui avec l'arrivée de M. le conseiller d'état Malte celle dont Vous m'avez honoré du 14 févr. incluse avec la déclaration. Elle me fait le double plaisir de me rassurer sur votre bon souvenir, M. le Comte, et de me mettre un peu à mon aise par les secours que je me promets d'un aide, qui me parait être également homme de bien et routiné dans les affaires. Il est déjà expédié avec ses dépeches et les exemplaires traduits en suédois, de la Declaration, chez S. Ex. le C-te de Bouxhoevden qui séjourne aujourd'hui à 15 verstes d'ici et qui j'espère me le renvera bientôt. Il fera, s'il revient, son premier essoie par mettre au net le rapport ci joint à S. M. I-le que les circonstances me rendent urgeant à lui soumettre.

---

[1]) Спб. Глав. Арх. М. Ин. Д., Camp. Suèd. 1808. Corresp. Sprengtporten, 230.

Vous connaissez déjà par ma dernière lettre de Lowisa aussi bien que par les détails que Vous en transmettra de nos opérations le C-te de Bouxhoevden les raisons qui l'ont déterminé à marcher réuni sur Tavasthus—aussitôt sa lettre reçue sur cet objet je me suis empressé de quitter Lowisa, oú me retenaient encore quelques objets à regler avec le Gouverneur Emine me flattant de le trouver encore ici; je n'y trouve que deux Régiments en garnison, et tout le reste en marche pour porter, comme l'espère le Comte, un coup decisif à Tavasthus. Vous verrez, M. le C-te, quelles sont là dessus mes idées, que j'ose soumettre à S. M. I-le, Vous priant de les appuyer, comme étant à ce que je crois ce qui nous reste le mieux à faire pour le moment. Si on ne veut pas s'emparer des forteresses, qu'on ne tarde pas au moins de se mettre en possession d'un pays à Votre disposition. C'est là où nous attend le développement de l'attachement des individus les plus marquants. Nous n'avons pas un moment à perdre, la soumission du pays en général et les bonnes dispositions des habitans nous vaudra les forteresses, qui peuvent en attendant se masquer, comme je l'ai proposé par un corps suffisant de réserve que S. M. I-le fera tout de suite avancer, lequel se grossisant peu à peu en ammenant avec lui les choses nécessaires à un assaut, escaladera un beau jour quelques de ses pils formidables qui servent de réfuge à leur flotte; c'est déjà assez gagné, le coup qui doit faire tomber Swartholm doit se méditer à Fredricksham et partir avec les glaces, rendus plus praticables vers le printems. On pourra communiquer cette idée ave le M-re de guerre, qui m'entendra bien et Vous aussi, M. le C-te, j'en suis sur. Il faut dans la sutuation où nous sommes faire fléche de tous bois.

Il me reste à Vous dire un mot du serment nécessaire à mésure qu'on s'avance. A ce sujet, les nobles de Geer et d'autres à Lowisa, ainsi que ceux des environs de Borgo, de peur d'être tenus suspects du peuple, m'ont supplié de faire procéder à cette cérémonie de maniere à commencer par les autres ordres de l'état; afin de les mettre à couvert sous cette égide d'une populace encore prévenue par les instigations suédoises. Comme cela revient au même pour nous, j'en ai recommandé à M-r Emine l'exécution sur ce principe; mais en celle, comme en toute chose, je dois vous avouer, que je suis toujours dans l'embarras quand il faut procéder à quelque mésure que ce soit par la difficulté que je trouve de me faire entendre, et encore plus de me faire obeir ainsi que je Vous déclare ici tout franchement, qu'à moins que S. M. I-le daigne me revêtir de quelque authorité dans la partie qui me concèrne et le seul où je veux paraître en avoir—je le supplie en grace sur mes deux genoux de me rappeller auprès de Sa personne; il est impossible, il coûte trop à mon coeur de voir le desordre qui règne autour de moi à cet égard, et qu'un mot à propos peut arranger.

C'est là dessus, M. le C-te, que m'appuyant de Votre protection, de votre amitié, du zèle qui Vous anime Vous même pour la bonne

Je vois avec quelque surprise, M. le Comte, que ces objets si essentiels à regler dès nos premiers pas dans le pays, sont encore à se réorganiser. J'aurais cru que M. Emine, muni de Vos ordres et de Vos instructions à ce sujet, et pour la forme aussi de mes conseils, dans les détails venus à ma connaissance et surtout de principes que je lui avais laissés pour base, par ma réponse du 14 à sa lettre du 13, serait venu au bout de Vous en rendre enfin un compte satisfaisant. S'il Vous dit que le B. de Geer se refuse à prêter le serment, auquel il s'est proposé lui même avec les autres nobles du pays, il s'est mépris du sentiment qui les avait animés. M. de Geer et ses compatriotes,là, ici et ailleurs, ne s'y sont point réfusés et ne s'y réfuseront pas; ils se refusent seulement à demander une chose que les loix de la guerre et du plus fort leur ordonnent de remplir, et cela est tout naturel. Des gens d'honneur ne peuvent pas demander à se faire parjures; mais ils rempliront même avec plaisir le devoir de reconnaitre un nouveau Maître, dès qu'on l'ordonne. C'est sur ce principe que m. de Geer et ses collègues se sont volontairement offerts, et ont même demandé devant V. Exc. à prêter leur serment de fidélité. C'est par ce principe que je l'ai proposé et que V. Exc. en vertu de ses pleins pouvoirs aurait pû ordonner comme de droit, pour ne pas y revenir à présent.

Quant aux autres objets Vous voudrez bien permettre, M. le Comte, que je Vous dise que n'ayant pas eu là-dessus à temp la confiance dont il Vous plaît de m'honnorer à présent et me laissant absolument hors du fil de Vos opérations, aux quels une heure de conversation amicale et confidentielle aurait suffit pour Vous témoigner ma bonne volonté, mon zèle et ma franchise à y répondre, je ne peux non plus à présent me charger de faire exécuter Vos ordres, dont une partie au reste est audelà du cercle de mes instructions, exprimées dans l'ordre suprême de S. M. I. du 4 févr. d'après lesquelles ma fonction, en me rendant actif à l'armée sous Votre commandement, se borne simplement à servir de conseil; quant à l'exécution de Vos desseins, V. Exc. me permettra sans doute de lui faire observer que Ses pleins pouvoirs ne peuvent s'étendre qu'à ceux qui lui sont subordonnés.

Vous ayant parlé ici, M. le Comte, avec la franchise qui tient à mon caractère, sans vouloir d'aucune manière me soustraire à concourir de tout mon coeur en tout ce que vous pouvez exiger de mes faibles lumières pour le bien du service, je me flatte de Vous voir approuver que je reste ici ou que je me rende chez Vous, si Vous me jugez nécessaire, pour partager Vos travaux et pour Vous aider, si je peux convaincre mes compatriotes que tous Vos efforts, et même le sang que vous serez obligé de faire répendre, ne tendent qu'à rassurer leur sureté et leur bonheur, sous une domination plus favorable selon tous les rapports à leur position politique et locale. Vous savez sans doute déjà par arrivée de M-r de Suchtelen, que j'ai été Vous réjoindre à Tusby, où si V. Exc. aurait

voulu se donner la patience de m'y attendre un moment comme j'avais lieu de l'espérer par sa lettre du 20 de ce mois, un quart d'heure aurait épargné à Vous et à moi cette longue lettre.

En attendant ici Votre réponse, j'ai l'honneur....

Sprengtporten.

№ 16. Helsingfors, ce 24 févr. 1808.

49.

Спренгтпортенъ графу Румянцову, 31-го мая 1808 г. [1]).

M. le Comte. Je viens de recevoir les deux lettres ci-jointes, de la Finlande, que j'ai crû mon devoir de porter a la connaissance de V. Ex. L'une de M-r de Knorring, employé près du Gouverneur Emmine, l'autre d'un M-r Láman, Finnois-Russe dont s'est servi le C-te de Bouxhevden dans ses premières opérations. Je Vous les donne telles qu'elles sont, n'ayant pas le tems d'en faire d'extrait, Vous priant de passer sur les expressions qui me regardent personnellement.

Mais ce qui mérite l'attention de S. M. I. c'est le mauvais ton qui commence à gagner les habitants de la Finlande conquise qu'il serait dangéreux de laisser s'accroître chez un peuple réputé le plus têtu de l'Europe.

J'ignore où l'on puise présentement les lumières nécessaires aux affaires de ce pays; mais mon devoir m'oblige de dire, que je crois nécessaire de revenir sur quelques mesures trop légérement proclamées, dont il parait que les malveillants et les émissaires suédois intéressés à fomenter le désordre se servent principalement à effaroucher les esprits. Telles sont par exemple:

1. *La perception du restant des contributions pour l'année 1807*, qu'il n'est pas dans l'intention, je crois, de S. M. Imp. de faire lever dans ce moment, que la guerre pèse sur les ressources individuelles.

2. *La publication vigoureuse de mettre en vente les propriétés du militaire encore sous les drapaux suédois*—mésure qui n'a pu et ne peut parvenir à sa connaissance, vue la rigueur des loix militaires et qui exécutée sans modification réduirait sa famille au bésac.

3. *L'article qui régarde le récrutement sur l'ancien pied*, qui est précisement le plus onéreux pour le pays. J'étai encore en Finlande quand on me proposa un mode de publication à ce sujet; je pris déjà alors la liberté de réprésenter qu'il etait beaucoup trop tôt de toucher à cet article et qu'il fallait le laisser avec plusieurs autres

[1]) Изъ № 10 прилож., Camp. Suéd. 1808, Corr. Sprengtporten, Спб. Арх. М. Ин. Дѣлъ.—Также: Castrén, Skildringar, стр. 108.

53.

Mémoire Спренгтпортена графу Румянцову, отъ 30-го марта 1808 [1]).

Egalement animé du désir de répondre à la confiance que S. M. I. a bien voulu me témoigner dans les affaires de la Finlande, que du zèle de concourir comme Finois moi même, au bonheur d'un pays qui maintenant nous appartient, je m'empresse de soumettre encore sous Ses yeux quelques objets qui peuvent mériter considération.

Si cette confiance existe encore, si elle n'est pas diminué par ceux qui cherchent à m'en écarter je dois me flatter de quelques attentions sur un sujet qui depuis trente ans a été l'objet unique de mes sollicitudes, de mes désirs et de mes travaux.

Le ciel a couronné mes voeux; la Finlande est à nous; il faut dans cette conquête même nous préparer les moyens de sa conservation. Dès ce jour date la guerre avec la Suède et la paix est à Stockholm, soit qu'elle s'y détermine par nos forces, ou par celles de nos alliés dont les diversions tendent à cet objet.

Dans la position où l'on peut se permettre de considérer les choses politiquement, je vois peu pour nous à craindre d'une campagne prochaine en Finlande. La Suède, n'ayant plus ni la force, ni les moyens, ni même la volonté de reconquérir une province, qu'elle n'aurait pas si facilement abandonnée s'il entrait dans ses vues de la reprendre, ses mesures se dirigeront de concert avec l'Angleterre vers la Norvège. Il n'est pas douteux que ce plan ne soit celui qu'elle ait adopté pour se dédommager de la Finlande. Au surplus le port de Svéaborg à nous, Hangeudd occupé, les scheres baltiques gardées d'une flotille supérieure à celle de l'ennemi, en partie détruite, le Golfe Bothnique jusqu'à Wasa garni de troupes et une réserve de 20.000 hommes derrière le Kymen prête à s'avancer si le cas l'exige,— ne laissent rien à redouter.

Je ne garantirai pas même les côtes de la Livonie des insultes anglaises, qui au bout du compte ne seraient qu'une insulte.

Il est donc, je pense, moins question ici des mesures militaires que de celles qui conviennent de mettre en usage pour conquérir la bienveillance, la soumission et les secours possibles des habitants pour nous mettre en état de pousser nos succès plus loin si les circonstances l'exigent. Cette supposition n'est pas du tout chimérique.

Dans mon dernier mémoire j'ai indiqué comme mesure définitive, la convocation des états à Abo. J'ai développé la raison qui la rend nécessaire. Elle est la plus propre à réunir les esprits en les disposant de concourir avec nous au même but, qui est d'éloigner la guerre de leurs frontières. Sous ce rapport il n'est pas douteux

[1]) Архив. М. Ин. Дѣлъ, ibidem. Напечатанъ также у Кастрéна въ Skildringar, Fin Deput., стр. 105, Bilaga IV (Copie № 6).

qu'on puisse trouver dans leur bonne disposition des resources considerables pour organiser un transport de troupes en Suède quand le cas se présentera et que les opérations de Français conjointement avec les Danois auront acquis quelque consistance en Scanie. On sait combien les scheres de Finlande en général avec les îles d'Alande fournissent des batiments, très propres à cet usage qui ne seront pas difficiles à ramasser. On en jugera encore mieux sur le lieu; je ne fais ici que d'en indiquer la possibilité. Un jour de calme suffit pour effectuer ce passage quand même la mer soit encore obstruée d'une glace flottante au travers de la quelle on passe très facilement dans les premiers jours du printemps.

Je n'ai pas besoin, je crois, de m'étendre d'avantage sur cet objet, regardé comme mesure de circonstance selon le degré d'énergie qu'on voudra mettre dans les opérations à venir; mais j'insiste avec force sur les raisons déjà alléguées pour la convocation à Abo, promise par la proclamation, conforme à la constitution du pays, et à laquelle j'ai disposé les esprits dans mes courses différentes. On peut s'en promettre non seulement les secours nécessaires mais encore les suites les plus salutaires pour le bien-être du pays et le service de S. M. I. combinées avec la prospérité et le contentement des habitants. Un peuple accoutumé à la liberté exige des ménagements qui flattent ses prejugés en detruisant ceux qui peuvent naître de la crainte d'une nouvelle domination.

Sprengtporten.

Ce 30 Mars 1808.

54.

Отъ Спренгтпортена графу Румянцову, 23-го марта 1808 г. [1]).

Monsieur le Comte! Comme je ne doute pas que S. M. I-le ne fixe Son opinion à l'egard de la convocation des Etats de la Finlande, suivant les raisons que j'en ai donné dans mon dernier Mémorial—je joint ici une apperçue des principaux objets qui doivent devenir le but des déliberations. Le temps ici est précieux—il faut en profiter. J'ai dit et j'ai l'honneur de le répéter que de toutes les mesures à prendre c'est la plus efficace pour consolider l'incorporation de ce pays avec l'Empire de Russie.

J'ai vu avec quelque surprise, que S. M. I. attende encore quelque éclaircissement sur l'esprit des habitants par le retour de M-r de Klick. J'aurais cru que celle que j'en ai donnée suffirait pour n'avoir aucun doute sur leurs bonnes dispositions en général et leur confiance en particulier à ma personne. Cela n'empêchera pas que

[1]) Арх. М. Ин. Дѣлъ, Corr. Sprengtporten et Roumiantzoff, ibid.

connus, Sire, ne viennent à términer cette lutte à l'amiable, ce n'est qu'au coeur de la Suède que Vous pourrez consolider la conquête de la Finlande. Quand même cette idée paraitrait chimérique, il est bon neanmoins de l'accréditer dans le pays, qui verra avec plaisir la guerre s'éloigner de ses foyers. Mais jusqu'ici aucune mésure n'a été dirigée vers ce but; au contraire une série de violances émanées d'une autorité militaire mal éclairée, ont éffarouché les esprits et mécontentés les mieux intentionnés, ont porté atteinte à la sureté personnelle, à la foi publique, on détruit la confiance au gouvernement, en éludant ses proclamations, les contrats, les capitulations, ont anéanti l'espérence qu'une prémière proclamation sagement calquée sur le caractère d'une nation connue libre dans ses opinions avait inspiré, en un mot elles ont bouleversé et confondu tous les droits, rien de ce qui a été promis n'a été tenu, et V. M. I. sera surprise d'apprendre que même jusqu'aux nobles secours que Sa générosité avait assigné pour dédomager les pillages causés par les premières hostilités sont encore attendus par les souffrants. Tel est le tableau que présente en ce moment ce pays dévasté en outre dans plusieures de ses parties, dans lequel il faut faire vivre une armée devenue peut-être par la suite des opérations beaucoup trop nombreuse pour ses ressources locales.

Pour connaitre ses maux et les moyens les plus propres pour y porter remède, on peut sans doute tirer parti de la députation actuellement ici, toute illégale qu'elle est quant à son élection qui s'est faite au préjudice des lois, elle est pourtant composée de quelques bonnes têtes et de personnes probes et instruites qui peuvent répondre aux intentions de V. M. I. en indiquant les améliorations les plus nécessaires; mais isolés de la confiance nationale elle ne remplira que bien imparfaitement cet objet capital. Ce-ci peut seul s'effectuer par une assemblée générale et constitutionnele sur laquelle influeront les personnes les mieux intentionnées, la générosité, la bienfaisance et la présence même de V. M. I.—je ne connais que ce seul moyen qui puisse opérer une réunion parfaite dans les esprits que leur état actuel d'incertitude tient encore éloignés de nous.

L'hiver qui termine les opérations offre une époque favorable à cette mésure et je réponds de l'effet le plus salutaire pour son service.

La Finlande jouissant avec la Suède d'une même constitution et se gouvernant par les mêmes loix lequelles ont acquises autant de perfection qu'il est humainement possible d'atteindre rélativement à la prospérité, la sureté et le bien-être du citoyen, par la sagesse d'une nation elle même législatrice,—on ne pourrait rien y substituer de mieux. Il serait inutile et même dangereux d'y faire les moindres innovations durant l'époque de la guerre. Cependant comme l'intention de V. M. I. est que toutes les parties de l'administration marchent sur les bases établies sans éprouver d'entraves de l'autorité militaire, je pense qu'il sera urgent pour en surveiller l'éxécution dont la stagnation en ce moment se fait sentir au désavantage de

l'individu et des affaires, d'établir une Régence provisoire à l'instar de celle de Stockholm substituée au Sénat aprés son abolition, pour juger en dernier ressort et en rendre compte direct à S. M. I. de tout ce qui peut par Elle être soumis à Sa compétence. Le Tribunal présidé par le gouverneur général sera formé des membres pris dans la nation les mieux connus par leur capacité, leur patriotisme et leur attachement à l'union avec la Russie. Si cette mésure sera approuvée comme essentielle à un nouvel ordre des choses, le mode de leur élection, leurs fonctions, leur état avec tout ce qui peut y avoir rapport sera pour moi l'objet d'un mémoire séparé.

Pour tout ce qui peut régarder l'approvisionnement des troupes et le transport des vivres dans les différentes parties où le rendent nécessaire la suite des opérations, je m'aboucherai spécialement sur ces objets avec le Général commandant de l'armée. La prudence réconnue de ce général éclairé, animé comme moi d'un même zéle à combiner l'interêt du service avec le soulagement des habitants ne me laisse rien à craindre à cet égard et je soumettrai plus particulièrement mes idées·ladessus quand les ressources du pays me seront mieux connues, je proposerai seulement à cet égart:

1°. Que les contracts en tout genre soyent garantis par le Ministre de la guerre dont la surveillance énergique et loyale ont déjà inspiré la meilleure confiance,

2°. Payer en argent comptant,

3°. Que la liquidation des transports se fasse par des personnes choisies dans les gouvernements où se font les livraisons, pour éviter les confusions qui émanent des commissaires russes qui n'entendant pas la langue laissent souvent les paysans sans payement.

Il se présente encore un article capitale à soumettre à une direction provisoire, c'est celui de la monnaye. La Finlande jusqu'ici n'à eu en circulation que les billets de *Banco-specie et les Rixdalers* garantis par la nation elle même. Il est tout naturel que les roubles en papier ne portant pas avec eux la même opinion de leur valeur, doivent perdre au cours de change, faute d'une monnaie plus courante et plus accréditée, de là une perte très nuisible aux interêts de l'Empire en général et à celui de l'armée en particulier qui perd déjà considérablement sur cet échange. Il est donc de la plus urgente nécessité de prendre quelques mésures à ce sujet. Je pense qu'il faut établir des comptoires de Banque sans délai aux frais de la couronne, l'un à Helsingfors, et uu autre à Abo, avec des fonde suffisants qui pourrons par leurs opérations mettre nos assignats en crédit et les papiers suédois peu à peu hors de circulation.

Il me reste à dire un mot sur la mésure adoptée à l'égard des officiers prisonniers confinés dans l'intérieur de la Russie. Il est vrai que quelques uns d'entre eux s'étant réfusé comme prisonniers de guerre à prêter le serment civique de fidélité, ils ont dû être traité avec cette sévérité; cependant la meilleure partie des individus se trouve parmis ces militaires, la plupart propriétaires, dont l'absence

attriste leurs familles et produit un mécontentement très sensible. Je crois qu'il faudra revenir sur cette mésure mal vue à l'égard de son influence politique. Le retour de ces militaires dans leurs foyers d'où ils ne sont sortis que malgré eux et par la suite d'un sentiment d'honneur dont on ne peut pas absolument leur faire un crime,— ce retour, dis-je influera sensiblement sur les esprits et produira l'effet le plus heureux surtout dans un moment où l'on procédera à l'appel national lequel offre en même temps l'occasion de faire publier cette grâce sans déroger au principe établi.

Au reste je n'entre point ici dans aucun détail qui me soit personnel, rélativement à mon état et mes fonctions, me dévouant en cela aux instructions et à la générosité de V. M. I. Elle n'ignore pas que pour réprésenter avec succès et dignité dans un poste aussi éminent il faut des moyens qui sont audessus de mon sort; je me reserve seulement les mains libres dans le choix des individus qui avec moi doivent concourir à l'exécution de Vos ordres àfin de Vous offrir, Sire, le plutôt que faire se pourra, un peuple soumis et tranquil, digne des généreuses sollicitudes qui occupent Votre coeur loyal pour eux et pour leur bonheur.

---

56 bis.

Copie. Plan pour un gouvernement provisoire en Finlande (ebauché par Sprengtporten) [1].

§ 1. Le gouvernement provisoire de la Finlande sera composé de 12 membres pris dans la nation, qui formera un Comité de Régence provisoire, où résidera le pouvoir de l'administration générale du pays.

§ 2. Ce Comité sera divisé en 4 départements ou bureaux, savoir:

1) le bureau militaire auquel seront soumis tous les objets concernant l'ancienne constitution militaire (compris sous le titre de Indelnings och Roterings Wärket), ainsi que la police intérieure du pays avec tout ce qui peut y avoir rapport.

2) le bureau des affaires intérieures qui s'occupera à diriger tout ce qui appartient à l'économie civile, anciennement du ressort du collège caméral et ses dépendances.

3) le bureau de justice sera tenu à l'expédition en dernier ressort de tous les objets émanants des deux cours de justice suprêmes à Abo et Wasa.

4) le bureau des finances et du commerce, qui reglera la récette et la dépense d'après les institutions établies.

§ 3. Chaque bureau aura trois membres qui auront les titres de leurs fonctions respectives, savoir:

---

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

ceux du bureau militaires—conseillers de guerre,
ceux de la chambre des affaires intérieurs,—conseillers cameraux,
ceux de la justice—conseillers de justice,
ceux des finances,—conseillers de commerce.

Il sera en outre attaché à chaque bureau un sécretaire pour l'expédition et les archives. Leur état ainsi que leur fonction seront établis dans un réglement séparé, présenté à l'approbation de S. M-té Imp-le.

§ 4. Les membres seront, comme il est dit, choisis dans la nation moitié dans l'ordre équestre, moitié parmi les autres ordres de l'état, au quel ou trouvera le plus de capacité et de bonne volonté. Les nobles seront élus par la totalité de leur ordre et choisis parmi les propriétaires les mieux connus. Le même principe aura lieu pour les membres de la seconde classe.

§ 5. Leur élection se fera pour trois ans, après lesquels, si la guerre dure, il s'en fera une nouvelle, soit pour confirmer leur existance ou pour les relever, mais aucun membre ne pourra être élu plus de trois fois.

§ 6. Si dans l'interval de ce temps quelqu'un des membres se montrera moins digne du choix qu'on en aura fait, soit par sa négligeance ou en se rendant autrement coupable, il en sera fait rapport à S. M. I. qui en ordonnera l'exclusion et la vacance sera remplacée par le Gouverneur Général ad interim jusqu'à l'élection prochaine.

§ 7. Toutes les affaires se traiteront dans la langue du pays actuellement dominante, ne pouvant être autrement, mais alors que par les soins du gouvernement des écoles pour la langue russe seront instituées, cette langue comme principale sera généralement admise dans le courant des affaires, conjointement avec la langue finoise, qui est la langue générale du peuple.

§ 8. Pour ce tribunal ainsi composé qui prendra le nom du Comité provisoire de régence, Sa M-té I-le nommera un président de son choix, qui en dirigera le travail. Il signe seul toutes les expéditions, émanantes du ressort du Comité.

Du Gouverneur Général.

§ 9. Le Gouverneur général de la Finlande est à la nomination de S. M. I-le. Il est en même temps le chef du Comité provisoire de Régence, où il pourra présider aussi souvent qu'il y jugera sa présence nécessaire.

§ 10. Représentant l'autorité Souveraine dans le pays, lui seul est responsable du bon ordre et de la justice, qu'il est de son devoir de surveiller et de maintenir avec les moyens qui lui sont confiés, et dont il rend compte direct à l'Empercur et à Ses ministres.

§ 11. Tous les employés subalternes et civils du pays seront à sa disposition, mais pour les places de Gouverneurs il présentera à la nomination de S. M. celui qu'il aura jugé le plus capable d'en être révetu.

§ 12. En son absence les affaires courrantes pourront s'expédier par le président du comité chargé de ses ordres.

§ 13. Pour sa chancellerie privée, S. M. I. permet trois sécretaires à lui personellement attachés, dont l'un en sera le chef, pour diriger sa correspondance dans les trois langues usitées.

§ 14. Il aura en outre trois officiers militaires supérieurs pour être employés auprès de lui comme aides-de-camp, dans les différentes expéditions rélativement aux troupes.

§ 15. Quand les circonstances permettent la réorganisation de l'armée finlandaise soit d'après son ancienne constitution ou autrement, ces troupes, comme milice du pays propremant dit, seront sous son commendement spécial.

§ 16 Pendant la durée de la guerre le Gouverneur général ne pourra avoir de place fixe, devant se transporter partout où l'exigent les circonstances, mais aussitôt que la paix permettra de prendre des mésures plus stables, S. M-té fera connaitre ses intentions à ce sujet.

§ 17. Au reste, comme le plan d'un gouvernement provisoire n'est qu'un apperçu des principes généraux qui doivent en faire la base, il sera encore réservé au Gouverneur Général de présenter à la confirmation de S. M. I. les augmentations nécessaires pour donner à ce Comité la constitution stable et utile qui doit répondre à Ses intentions.

57.

Гр. Буксгевденъ барону Спренгтпортену изъ Хювинге, 24-го февраля 1808, № 25 [1]).

M. le Baron. Persuadé qu'après l'arrivée des employés du Depart. des affaires étrangères V. Exc. à eu les moyens d'organiser la partie confiée par ordre de S. M. I-le à ses soins, c'est le rapport de M. d'Emine sur le refus qu'a donné M. le B. de Geer de prêter le serment de fidélité à Sa M-té et d'en donner conformément à sa première disposition manifestée par devant V-te Exc. l'exemple aux habitants du pays conquis, ce sont Vos offres complaisants, M. le. Baron, de me prêter le secours de Vos lumières en tout ce qu'il peut donner du succés à nos opérations, c'est enfin le bien du service de notre Auguste Souverain, qui après la déclaration de V. Exc. qu'elle ne connait pas le local ni les environs de Tavasthus, reduit à me contenter des renseignements que j'ai pu me procurer sous ce rapport, me portent à Vous prier, M. le Baron, de vouloir m'aider de toute Votre influence sur l'esprit de la noblesse de Finlande pour la décider à

---

[1]) Арх. М. Ин. Д. Corr. Bouxhevden, ad № 232.

se rendre aux vues de S. M. I-le, et d'en détruire la défiance qui après la rétraction d'une promesse solemnelement donnée doit nécessairement en être la suite; et comme eu cet égard d'un côte je crains que M. d'Emine malgré toute l'étendue de son savoir reconnue par V. Exc., pourrait manquer de liaisons dans ce pays, nécessaires pour en venir au bout avec les habitants d'une manière conciliante, et de l'autre je serais au désespoir d'être obligé de recourir à des moyens plus sévères, je conjure V. Exc. de vouloir bien retourner à Lowisa et d'y regler les opérations de M. d'Emine spécialement par rapport à l'acte de faire prêter le serment aux habitants et au retablissement de la communication avec nos frontières, soit pour le libre cours des postes, soit pour transport de nos vivres et des troupes qui avancent vers la frontière, de façon que cette partie ainsi que l'administration de la surveillance territoriable aussi bien que judiciaire, bref toute l'organisation de l'administration civile dans chaque cercle et dans chaque province étant une fois établie dans la province de Kymenegård, on puisse en suivre provisoirement les mêmes principes dans les autres provinces à mésure que le succés de nos armes nous fera avancer et que. V. Exc. en disposant entièrement de M-r d'Emine veuille bien se charger de toute cette organisation pour quel effet, en vertu des pleins pouvoirs de S. M. I-le, je l'authorise à agir selon les instructions données à M. d'Emine et selon ce qu'il lui plaira de juger nécessaire pour le bien du service de S. M. l'Empereur.

J'ai l'honneur....

C-te Bouxhevden.

№ 25 à Huvingue, ce 24 févr. 1808.

58.

Гр. Буксгевденъ графу Румянцову, 25-го февраля 1808 г., № 10, изъ Хаусъ-Ярви [1]).

Съ назначеніемъ моимъ къ настоящему командованію корпусомъ войскъ, пріятно было мнѣ узнать, что и Г. Генералъ отъ Инфант. Баронъ Спренгтпортенъ долженъ будетъ при ономъ находиться. Я напередъ уже обозрѣвалъ тѣ, столько нужныя мнѣ пособія, какія онъ, при вліяніи своемъ въ здѣшнемъ краѣ и при свѣдѣніяхъ мѣстныхъ могъ бы мнѣ подать; но признаюсь В. С-ву я въ ожиданіяхъ моихъ совершенно обманулся. Когда ввѣренныя мнѣ войска переходили границу, приглашалъ я его быть со мною въ головѣ колонны, но ему

[1]) Спб. Арх. М. Ин. Д. Camp. Suéd. 1808, Corresp. Buxhoevd., Récéption, лист. 99.

не было угодно принять сіе приглашеніе, и уже на другой день, по запятіи мною города Ловизы, прибылъ онъ въ оный. Овладѣніе потомъ крѣпкаго мѣста Форсбю требовало о немъ свѣдѣній, но только посредствомъ вѣрныхъ указателей и другихъ жителей, которые подали мнѣ таковыя свѣдѣнія и которымъ долженъ былъ за то заплатить, возмогъ открыть способы не только вытѣснить непріятеля изъ крѣпкой его при семъ городѣ позиціи, безъ всякой почти потери, но и завладѣть онымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и городомъ Борго. Двое сутокъ, по обстоятельствамъ встрѣтившимся мнѣ, оставался я въ семъ послѣднемъ мѣстѣ и въ предположеніи моемъ потомъ продолжать съ войсками движеніе къ Гельсингфорсу и оттуда къ Тавастгусу опять ожидалъ я, что Г. Генералъ отъ Инфант. Баронъ Спренгтпортенъ не оставитъ меня своими о сихъ мѣстахъ извѣщеніями, но не могъ его и тамъ дождаться и для того выступивши уже оттуда на третій день, просилъ его съ дороги прибыть на сей конецъ ко мнѣ. Отвѣтъ его былъ, что пріѣдетъ въ Гельсингфорсъ, но что о Тавастгусѣ никакихъ свѣдѣній подать не можетъ, поелику въ ономъ былъ онъ только одинъ разъ и то проѣздомъ. Тщетно однако-жъ надѣялся я на его прибытіе. Онъ непрежде пріѣхалъ, какъ чрезъ сутки послѣ того, когда я, въ продолженіе другихъ, здѣлавъ тамъ нужныя распоряженія и осмотрѣвъ Швеаборгскія укрѣпленія, выступилъ уже съ войскомъ далѣе къ Тавастгусу. В. С-во изволите изъ сего видѣть, что я нетолько не могъ имѣть отъ него пособій въ военныхъ моихъ операціяхъ, но и не видѣлъ доброй на то воли. Одни, находящіеся при мнѣ, н. сов. Гагельстремъ и к. асс. Ладо, водимы отличнымъ усердіемъ своимъ и ревностію, могли только доставлять мнѣ, со стороны нужныхъ въ семъ краѣ свѣдѣній, особенную пользу, въ чемъ долженъ отдать имъ съ моей стороны полную справедливость.

Г. бар. Спренгтпортенъ остался въ Гельсингфорсѣ; но слышу, выѣхалъ въ деревню. Я просилъ его заняться по крайней мѣрѣ съ губернаторомъ дабы здѣлалъ въ семъ краѣ нужныя учрежденія. В-му Сіят-ву однакожъ извѣстно, что онъ и по сей части отозвался уже письменно сказанному губернатору, что не занимавшись никогда по оной и никакихъ свѣдѣній дать не можетъ. Оставалось бы ему еще и за симъ работать къ пользѣ Россіи вліяніемъ своимъ въ здѣшнихъ жителяхъ и дѣйствовать на умы ихъ, но и въ семъ случаѣ многія причины заставляютъ меня сомнѣваться, а сверхъ того и тѣ, съ коими имѣлъ онъ нѣкогда связи, всѣ почти уже вымерли. Такимъ образомъ кажется мнѣ, что дѣло, начатое военною рукою, должно и въ окончаніи своемъ водимо быть одними и тѣми же правилами.

Съ совершеннымъ и пр.

Буксгевденъ.

59.

Выписка изъ письма гр. Буксгевдена къ гр. Румянцову, отъ 27-го февраля 1808 г., № 29, изъ Тавастгуса [1]).

Относительно влiянiя г. Барона Спренгтпортена на здѣшнихъ обывателей и въ томъ малой себѣ отъ него помощи не вижу, ибо по довольнымъ уже опытамъ имѣлъ случай убѣдиться, что всѣ свѣдѣнiя его, по долговременному отсутствiю изъ здѣшнихъ мѣстъ, по большей мѣрѣ не распространяются далѣе весьма ограниченнаго круга родственниковъ его, другая же и большая половина жителей отчасти по прошествiи толика лѣтъ не знаетъ его уже болѣе, а отчасти невыгодное о прежнихъ его дѣянiяхъ имѣетъ понятiе, какое до той степени доходитъ, что многiе изъ здѣшнихъ дворянъ, не только мнѣ одному, но и г. Ген.-Лейт. Князю Багратiону неоднократно и откровенно признавались, что присутствiе г. б. Спренгтпортена при армiи вредное оставляетъ впечатлѣнiе въ здѣшнихъ жителяхъ и что природные россiйскiе начальники войскъ во время малаго ихъ здѣсь пребыванiя въ большей мѣрѣ прiобрѣли уже довѣренность жителей, нежели бывшiй ихъ соотчичъ; наконецъ г. б. Спренгтпортенъ послѣднимъ отношенiемъ своимъ отказываясь отъ всякаго мнѣ содѣйствiя, даже въ томъ, что по Выс. пов. именно ему въ долгъ поставлено было, и требуя безпрестанно соучастiя въ воинскихъ операцiяхъ привелъ меня въ необходимость объяснить ему окончательно, что по Выс. волѣ, предполагая невмѣстнымъ. чтобы въ занимаемой войсками Е. И. В-ва странѣ средоточiе верховной власти, особливо же надъ войсками, раздѣляемо было и не видя съ его стороны никакого по ввѣренной ему части мнѣ содѣйствiя предоставляю ему избрать по желанiю своему мѣсто своего пребыванiя. О семъ долгомъ моимъ поставляя увѣдомить В. С-во, обязываюсь представить на Ваше, М. Г., благоусмотрѣнiе не можетъ ли примѣръ б. Спренгтпортена имѣть вредныхъ для воинскихъ операцiй послѣдствiй.

60.

Гр. Буксгевденъ графу А. Н. Салтыкову, товарищу министра иностр. дѣлъ, 6-го января 1809 [2]).

Милостивый государь мой, графъ Александръ Николаевичъ! Во время осады крѣпости Свеаборга тамошняго шведскаго гарнизона Адлеркрейцова полка капитана Рейтершельда жена сколько дѣятельностiю, столько же и значущимъ влiянiемъ на мужа ея, бывшаго

---

[1]) Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèd. Buxhevd., récept. № 102.
[2]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

тогда комендантомъ крѣпости Лило-остро-Сварто, а равно и на многихъ того же гарнизона офицеровъ, созванныхъ Г. Адмираломъ Кронштетомъ въ Совѣтъ по случаю предлагаемой конвенціи, приносила въ предпріятіи нашемъ великую пользу и не мало содѣйствовала къ склоненію того Совѣта къ сдачѣ крѣпости, неоднократно подвергаясь содержаніемъ сношеній съ гарнизонами личнымъ для нея опасностямъ. Отмѣнное ея усердіе къ пользѣ государства тогда же мною награждено съ обѣщаніемъ ей отъ Высочайшаго Имени, что въ священную награду ея приверженности Государь Императоръ по благоуспѣшности окончанія осады снисходя на стѣсненное ея съ многочисленнымъ семействомъ состояніе Всемилостивѣйше соизволитъ обезпечить ее и впредь въ содержаніи. По взятіи крѣпости Свеаборгъ и по отправленіи военноплѣнныхъ офицеровъ въ Россію, я намѣренъ былъ оставить капитана Рейтершельда въ Финляндіи, такъ-какъ я совершенно полагаться могъ на правила и на привязанность его къ государственному интересу, но онъ чувствуя что тѣмъ только пріусугубитъ навлекшее уже на себя въ Совѣтѣ подозрѣніе служившихъ съ нимъ офицеровъ, просилъ меня убѣдительно отправить его съ ними въ Россію. Нынѣ же жена его явясь ко мнѣ и представляя сколько она въ разлукѣ съ мужемъ и по крайне бѣдному ея состоянію нуждается, потому-что оставлена прежними ея знакомыми и родственниками взятыхъ въ плѣнъ свеаборгскаго гарнизона офицеровъ, которые узнавъ о прежнихъ ея сношеніяхъ стали ее ненавидѣть и угнетать, объявила что такъ-какъ мужу ея нравится городъ Калуга, гдѣ онъ нынѣ пребываніе имѣетъ, и онъ желаетъ, прервавъ всю связь съ отечествомъ своимъ, поселиться тамъ съ семействомъ, то и она согласна оставить сей край и переѣхать къ нему на жительство, если льститься можетъ надеждою что въ Монаршей щедротѣ обрѣтетъ при бѣдности ея способы къ пріѣзду въ Петербургъ, гдѣ намѣрена обождать мужа и къ содержанію впредь себя съ семействомъ. Посему въ уваженіе оказанныхъ ею въ пользу государства важныхъ услугъ покорнѣйше В. С-во прошу представить о семъ на Высочайшее Государя Императора усмотрѣніе испросить Высочайшее повелѣніе о позволеніи капитану Рейтершельду изъ Калуги, а женѣ его съ семействомъ изъ Гельсингфорса, пріѣхать въ С.-Петербургъ и тамъ встрѣтясь отправиться вмѣстѣ въ Калугу, также и о выдачѣ капитаншѣ Рейтершельдъ Высочайше назначенной ей на проѣздъ въ С.-Петербургъ суммы, которая препровождена быть можетъ къ пребывающему въ крѣпости Свеаборгъ Г. инженеръ генералъ маіору Шванебахъ, на коего и въ таковомъ случаѣ наиболѣе полагаю довѣренности, съ тѣмъ дабы онъ о томъ не оглашая выдалъ бы лично ей сіи деньги дабы извѣстностью не навлечь на нее болѣе негодованіе соотчичей. Что же касается обѣщаннаго ей содержанія на которое она по совершенному моему убѣжденію чрезъ оказанное усердіе полную пріобрѣла себѣ правость, то если Е. И. В-ву благоугодно будетъ Всемилостивѣйше утвердить предложеніе мое, въ такомъ случаѣ покорнѣйше Васъ, м. г. м., прошу о ис-

ходатайствованіи капитану Рейтершельду и женѣ его по смерть пенсіи отъ 1.200 до 1.500 руб. съ позволеніемъ имъ проживать оную въ Россіи.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіят-ва пок. слуга Графъ Буксгевденъ.

изъ дороги въ Гельсингфорсъ
генваря 6-го дня 1809 г.

61.

Шведская конституція.—Образъ правленія утвержденный Его Королевскимъ Величествомъ и чинами Государства Швеціи 21-го августа 1772 года [1]).

Мы Густавъ, Божіею милостію, Король Шведскій, Готскій и Вендскій и прочая, и прочая, и прочая; Наслѣдникъ Норвегіи, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій и прочая, симъ объявляемъ: Имѣвъ съ начала Царствованія нашего безпрерывное намѣреніе употреблять Королевскую нашу власть и могущество для возстановленія силы и блага Государства, равно для пользы, безопасности и благоденствія нашихъ вѣрноподданныхъ, и находивъ при томъ всемилостивѣйше, что для достиженія сего, нынѣшнее положеніе Отечества требуетъ дабы приспособленное къ помянутой чрезвычайно полезной цѣли исправленіе Коренныхъ Законовъ, было необходимо, и составивъ по тщательнѣйшемъ разсужденіи и разсмотрѣніи, образъ правленія Государства, собранными нынѣ Чинами онаго единогласно принятый и присягою утвержденный, мы всемилостивѣйше утверждаемъ и конфирмуемъ оный образъ правленія, на который чины государства согласились, точно такимъ какъ оный ниже сего отъ слова до слова гласитъ:

Мы нижеподписавшіеся шведской имперіи Совѣтники и Чины, Графы, Бароны, Епископы, Рыцарство и Дворянство, Духовенство, Военное Начальство, мѣщанство и крестьянство нынѣ здѣсь собравшіеся, какъ за себя, такъ и для братьевъ нашихъ дома оставшихся, симъ объявляемъ: поелику мы по несчастному опыту узнали, что подъ именемъ благородной вольности разные изъ нашихъ сограждань возвышались до владычества содѣлавшагося тѣмъ несноснѣе, какъ оно происходило отъ своеволія, утверждалось корыстью и жестокостью и наконецъ поддерживаемо было чужестранною силою, къ несчастію цѣлаго общества, что погрузило насъ въ величайшую опасность кривымъ толкованіемъ закона и наконецъ навлекало бы государству (любезному намъ всѣмъ отечеству) таковую жъ горькую судьбину, какъ показываютъ намъ примѣръ, исторія древнихъ вре-

[1]) Оффиціальный переводъ со шведскаго (рукописный).

менъ и сосѣды наши, если бы мужество и любовь къ отечеству усердныхъ согражданъ, поддерживаемыя радѣніемъ и стараніемъ высокомощнаго Государя Густава третьяго, Короля Шведскаго, Готескаго и Вендскаго нашего всемилостивѣйшаго Короля не избавило насъ отъ напасти, то мы помышляли объ утвержденіи нашей вольности такимъ образомъ, чтобъ она не могла быть обижаема честолюбивымъ и о государствѣ неблагомыслящимъ государемъ или согражданами тщеславными, корыстолюбивыми и измѣнническими, равно злобными и надменными непріятелями, такъ чтобъ древнее Свеаское и Готеское государство оставалось всегда вольнымъ и независимымъ королевствомъ. А посему утвердили мы, яко же симъ утверждаемъ сей образъ правленія непремѣннымъ закономъ, который мы для себя и для потомковъ нашихъ какъ родившихся, такъ и впредь родящихся, вызвались наблюдать и буквальному содержанію онаго слѣдовать, равно почитать каждаго и всѣхъ за непріятелей нашихъ и государства кои хотятъ отклонять насъ отъ онаго, точно такъ какъ оный гласитъ ниже сего отъ слова до слова:

§ 1. Единство въ религіи и настоящее богослуженіе суть твердѣйшія основанія правленія благоустроеннаго, единодушнаго и неразрушимаго. Вслѣдствіе сего Король, всѣ особы при мѣстахъ находящіяся и всѣ подданные должны слѣдовать впредь какъ и прежде сего было, слову Божію въ пророческихъ и апостольскихъ преданіяхъ содержащемуся и истолкованному Христіанскими символами, катехизисомъ Лютера и чрезъ Аугсбургское исповѣданіе преданному, и наконецъ, какъ Упсальскимъ Синодомъ утвержденному, также и рѣшеніемъ и обнародованіемъ государственныхъ чиновъ одобренному; и такъ права церкви да сохранятся безъ вреда для присвоенныхъ Королю, государству и націи шведской.

§ 2. Король долженъ управлять государствомъ сходственно съ постановленными въ Швеціи законами, онъ и никто другой не имѣетъ права наблюдать, любить и сохранять справедливость и истину, прекращать и уничтожать все то, что несправедливо и не законно. Онъ однакожъ да не касается жизни, чести, тѣла ниже благосостоянія особъ [1]) безъ произнесеннаго закономъ осужденія, король лично также и посредствомъ другихъ да не отиметъ, какъ движимаго такъ и недвижимаго имѣнія безъ суда и законнаго изслѣдованія. И такъ онъ управляетъ согласно съ королевскимъ закономъ, уложеніемъ государства, и симъ образомъ правленія.

§ 3. Касательно до наслѣдія на престолъ, то ни малой перемѣны не учинено противу условія, сдѣланнаго и одобреннаго въ Стокгольмѣ

---

[1]) На Сеймѣ 1786 г. опредѣлено, что въ словѣ благосостоянія нужно разумѣть и чины, которые безъ суда да не снимутся. См. стр. 67 всеобщаго изображенія Швеціи. (Это примѣчаніе вѣроятно принадлежитъ переводчику, или иному толкователю, такъ-какъ въ изданіи Пальмена (шведскій текстъ) къ § 2-му нѣтъ вовсе никакихъ примѣчаній или выносокъ, а въ изданіи съ предисловіемъ А. Мехелина имѣется лишь указаніе на § 4 постановленій риксдага 1786).

въ 1743 г.; согласія подписаннаго въ Вестеросѣ въ 1544 г. и Нодкепинскаго договора въ 1604 году.

§ 4. По Величеству Короля, ближайшее достоинство по сіе время бывшее и въ послѣдствіи временъ быть долженствующее, присвоено государственнымъ совѣтникамъ, которыхъ самъ Король избираетъ изъ благородныхъ Шведовъ, обязанныхъ его Королевскому Величеству и государству, преданностію, вѣрностію и людьми своими. Хотя число ихъ непремѣннымъ опредѣлиться не можетъ, а назначаютъ ихъ сколько нужды и честь государства сего потребуютъ, положительное однако число семнадцать, включая тутъ первые государственные чины и генералъ-губернатора Помераніи. Долгъ ихъ состоитъ, чтобъ при трудныхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ подавать Королю совѣты, когда онъ того потребуетъ, и стараться наблюдать права государства, предлагать Королю мнѣнія признанныя ими по лучшему разумѣнію полезнѣйшими для государя и государства, государственные чины и націи склонять къ вѣрности и послушанію; всегда пещись о сохраненіи правъ, преимуществъ, независимости и благосостоянія Короля и государства, и соглашаясь съ опредѣленіемъ Сейма 1602 г. совѣтовать, какъ то по мѣсту имъ предписывается, а не управлять. Впрочемъ государственные совѣтники подчинены единственно Королю, и одному ему въ совѣтахъ отчетъ даютъ. Король не можетъ однакожъ ихъ укорять или имъ приписать худой успѣхъ, происшедшій противу ихъ чаянія или мнѣнія, основаннаго на ясныхъ доводахъ, въ особенности тогда, когда хорошіе совѣты не достигаютъ предположенной цѣли виною того, кому приказано было, или надлежало оные совершать.

§ 5. Король обязанъ управлять, наблюдать, спасать и защищать города и землю, права ихъ и царскіе, какъ гласитъ законъ и сей образъ правленія.

§ 6. Понеже переговоры относящіеся къ замѣреніямъ, перемиріямъ и союзамъ, какъ оборонительнымъ, такъ и наступательнымъ, рѣдко малѣйшую медленность терпѣть могутъ и требуютъ необходимо самой большей тайны, то Король въ сихъ важныхъ случаяхъ имѣетъ совѣтованіе съ государственными совѣтниками и по отобраніи ихъ мнѣнія и прилежномъ разсмотрѣніи оныхъ онъ принимаетъ мѣры по мнѣнію его для государства полезнѣйшія, еслибъ въ подобномъ случаѣ государственные совѣтники были всѣ единогласно противнаго королевскому мнѣнія, тогда Его Величество долженъ уступить и согласиться; если же напротивъ голоса государственныхъ совѣтниковъ разногласны, то онъ ихъ голоса разсматриваетъ и принимаетъ тотъ, который полезнѣе и благоразумнѣе ему покажется.

§ 7. Если Король чужестранный, то онъ безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ выѣхать изъ королевства не можетъ, будучи жъ природный, долженъ сообщить намѣреніе свое государственнымъ совѣтникамъ, коихъ отзывъ и совѣты по предъидущей 6-й статьѣ отбираетъ.

§ 8. Дабы различные государственные дѣла производились съ

вящею скоростію и порядкомъ, то занятія имѣютъ раздѣлены быть между государственными совѣтниками такимъ образомъ какъ Король заблагоразсудитъ; понеже Его Величество яко голова государства, Богу и отечеству въ правленіи отчетъ дать долженъ, то во всѣхъ случаяхъ по выслушаніи мнѣнія государственныхъ совѣтниковъ, имѣющихъ свѣдѣнія о подобныхъ дѣлахъ и Его Королевскимъ Величествомъ къ тому приглашенныхъ имѣетъ онъ рѣшительный голосъ (Votum decisivum). Изъ сего исключаются однако судебныя дѣла, кои отъ гофгерихтовъ, военныхъ судовъ и другихъ присутственныхъ мѣстъ въ государствѣ зависятъ, и въ семъ послѣднемъ случаѣ идутъ на разсмотрѣніе суда (Justitiae Revision) составленнаго изъ семи государственныхъ совѣтниковъ, кои по судебной части были употребляемы и притомъ признаны искуснѣйшими, справедливыми и въ законахъ свѣдущими, Король, какъ и прежде, тутъ присутствовать долженъ, но онъ только два голоса имѣть будетъ и рѣшительный голосъ (Votum decisivum) при равномъ числѣ.

§ 9. Одному Королю слѣдуетъ миловать и прощать преступниковъ, честь, жизнь и имѣніе теряющихъ, во всѣхъ случаяхъ, когда преступленіе не противно ясному слову Божію.

§ 10. Всѣ чины высшіе, начиная отъ подполковника до фельдмаршала, включая и сіи два чина, и должности симъ степенямъ соотвѣтствующія, какъ духовные такъ и свѣтскіе, должны пожалованы быть Его Королевскимъ Величествомъ въ собраніи государственныхъ чиновъ слѣдующимъ образомъ: когда окажутся вакантныя мѣста, то государственные совѣтники должны освѣдомляться о способностяхъ и заслугахъ тѣхъ, кои просятся на оныя и могутъ обратить на себя вниманіе; послѣ того государственные совѣтники дѣлаютъ донесеніе Королю, и когда онъ въ собраніи государственныхъ совѣтниковъ объявитъ выборомъ своимъ удостоиваемаго, то государственные совѣтники помѣщаютъ въ протоколъ примѣчанія, кои сочтутъ быть нужными не подавая болѣе голосовъ своихъ. Во всѣ прочія должности коллегіями и другими мѣстами предлагаются Его Королевскому Величеству изъ имѣющихся на то особъ, трое умнѣйшихъ, достойнѣйшихъ и способнѣйшихъ къ помѣщенію на вакансію, въ сіе число можно включить одного или другаго заслуженнаго мужа въ коллегіи не служащаго, вмѣстѣ же съ тѣмъ представляются всѣ вообще лица на вакансію просящіеся и на то право имѣющіе. Что касается до полковъ, то относительно представленія на вакансію и замѣщенія оныхъ должно держаться установленія о вакансіяхъ Карломъ XII 6-го ноября 1716 г. положеннаго. Если въ сихъ представленіяхъ сдѣлается кому обида, или кого безъ причины обойдутъ, то содѣлавшіе сію несправедливость за то преданы будутъ отвѣтствію. Король изъ просящихся избираетъ признаннаго имъ способнѣйшимъ. Всѣ другія должности меньшей важности, кои коллегіями, консисторіями или начальниками полковъ и прочихъ мѣстъ до 1680 г. обыкновенно замѣщаемы были останутся какъ нынѣ, такъ и впредь въ ихъ распоряженіи. Чужестранцы, будь они князья или другаго состоя-

нія, не могутъ употреблены быть въ должности государства, какъ въ штатской такъ и въ военной службѣ, исключая дворъ королевскій и кромѣ тѣхъ случаевъ, когда сіи особы блистательными и отличными качествами могутъ принести большую честь или особенную пользу государству. Дарованія и опытность суть единыя права къ достиженію должностей, не взирая на породу и рожденіе, когда сіи выгоды не будутъ соединены съ способностями. При избраніи архіепископовъ, епископовъ и суперинтендентовъ прежнему обычаю слѣдовать должно, и Король одного изъ трехъ удостоенныхъ кѣмъ слѣдуетъ къ представленію, выбираетъ. При опредѣленіи пасторовъ, во всемъ поступать сходно положенію о образѣ правленія 1720 г., и указаніямъ потомъ обнародованнымъ.

§ 11. Одинъ только Король имѣетъ право давать дворянское достоинство тѣмъ, кои вѣрностью, добродѣтелью, мужествомъ, научными познаніями и опытностію сіе отъ Короля и королевства заслужили. Но какъ число дворянъ весьма велико, то Королю да будетъ угодно себя ограничить числомъ не превышающимъ ста пятидесяти коимъ рыцарство и дворянство не можетъ отказать во внесеніи ихъ въ дворянскую родословную книгу (Introduction). Дворяне не могутъ также отказать включеніемъ тѣхъ въ дворянскую родословную книгу, коихъ Король почтитъ достоинствами графовъ и бароновъ, важными заслугами сіе отличіе получившихъ.

§ 12. Всѣ дѣла кои выше сего не изъяты должны предлагаться Королю въ кабинетѣ, или въ одномъ изъ отдѣленій государственнаго Совѣта, когда находитъ сіе удобнѣе, или если хочетъ отобрать голоса разныхъ государственныхъ совѣтниковъ, но при всемъ томъ почитать сіе какъ бы оно въ кабинетѣ выслушано было.

§ 13. Понеже государство пространно, а дѣла слишкомъ многочисленны и важны, чтобъ одинъ Король имѣлъ возможность оныя рѣшить, то потребны Его Величеству въ помощь чиновники и исполнители.

§ 14. Для безостановочнаго производства и движеній дѣлъ, учреждены особыя коллегіи, кои яко руки тѣла простираются на все то, что въ государствѣ имѣетъ быть учреждено. Имъ даны каждой по вѣдомству своему власть и право, чтобы со стороны Короля и возложенной на нихъ обязанности давать своимъ подчиненнымъ предписанія, а тѣмъ кои находятся въ ихъ вѣдомствѣ, напоминанія о исполненіи долга званія своего, равно требовать отъ нихъ отчетъ въ данныхъ имъ порученіяхъ, представляя какъ о томъ, такъ и о собственныхъ занятіяхъ своихъ, Его Королевскому Величеству нужныя и потребныя свѣдѣнія.

§ 15. Въ гофгерихтѣ, яко верховномъ судилищѣ Короля, долженъ быть президентъ, который ученостію и правовѣдѣніемъ сдѣлался способнымъ къ судейской должности; онъ имѣетъ при себѣ засѣдателями одного вицепрезидента и обыкновенныхъ гофгерихтскихъ совѣтниковъ и ассесоровъ. Симъ высокимъ судилищамъ имѣть каждому по своему вѣдомству смотрѣніе и попеченіе о томъ, дабы законъ и пра-

восудіе исполнялись какъ слѣдуетъ по изданнымъ въ Швеціи уложенію и постановленіямъ, которыя имѣютъ быть наблюдаемы безъ какихъ-либо кривыхъ толкованій по настоящему и буквальному ихъ смыслу, въ руководство при рѣшеніи дѣлъ. Посему надлежитъ гофгерихтамъ безъ выгодъ, корысти, или по другимъ какимъ либо видамъ, оказывать каждому правосудіе такъ, чтобы въ томъ могли отдать отчетъ Господу Богу и Его Королевскому Величеству, и государство отъ несправедливости не претерпѣвало вреда. Никто изъ дворянъ по извѣтамъ касающимся до жизни и чести его не долженъ быть судимъ въ другомъ судѣ, какъ въ гофгерихтахъ, точно такъ, какъ установлено привилегіями и уставомъ о процессахъ 1615 г., съ тѣмъ однако, чтобъ изслѣдованіе производилось на мѣстѣ и никакія другія криминальныя дѣла не поступали въ помянутые суды, кромѣ относящихся до живота и чести. Гофгерихтамъ надлежитъ также имѣть тщательный присмотръ за нижними судьями въ уѣздахъ и городахъ и экзекуторами; а когда они провиняются въ чемъ нибудь по неумѣнію, дреманію или алчности къ деньгамъ, то предавать ихъ за то, смотря по особенному роду каждаго дѣла, тотчасъ законному отвѣтствію, приговору и наказанію; а если кто съ намѣреніемъ, по ненависти, недоброжелательству или жадности къ взяткамъ, кривымъ правосудіемъ и тѣмъ обременилъ совѣсть свою и сдѣлалъ ближнему своему вредъ въ отношеніи жизни, чести и благосостоянія его, то заплатить такому за злость свою не штрафными деньгами или отрѣшеніемъ отъ должности, но лишеніемъ жизни и чести, смотря по качеству и роду дѣла въ точности по уложенію Швеціи. Такія преступленія также не должны быть скрываемы или щадимы поддержкою, чрезмѣрнымъ снисхожденіемъ или неумѣстнымъ сожалѣніемъ, дабы въ подобныхъ щекотливыхъ дѣлахъ другіе не имѣли поводъ къ самовольному употребленію правосудія во зло, когда видятъ, что проступки и ошибки отъ злости учиненныя не наказываются справедливымъ образомъ, и какъ всякъ по винѣ своей того заслуживалъ. Напротиву сего, буде кто-либо по недоброжелательству, необдуманности и мщенію, ругательными и честь поносительными или обидными словами и сочиненіями нападать будетъ на судей и экзекуторовъ, при исполненіи ими должности своей, и потомъ не можетъ доказать учиненные имъ извѣты, то на таковаго тотчасъ наложить строгое наказаніе, смотря по роду дѣла въ предъостереганіе щекотливыхъ, сердитыхъ и худыхъ людей. Никто, кто бы онъ ни былъ, не долженъ быть содержанъ подъ арестомъ безъ преданія суду. А дабы нужда и бѣдность судей не служили поводомъ къ вреднымъ послѣдствіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предлогомъ къ употребленію самой должности во зло, то опредѣленныя отъ земства на содержаніе своихъ судей и жалованье ихъ, Лагманскіе, Герадсгевдингскіе и на столъ самому суду деньги во время съѣзда (Tingsgästning) должны быть сохраняемы на предположенную цѣль, и на отпускъ подлежащимъ судьямъ жалованья по штату, точно такъ какъ постановлено Актомъ блаженной памяти Короля Густава-Адольфа 1611 г. Стряп-

чіе и фискалы Короля, не должны исправлять должности своей съ обидами и корыстолюбіемъ, а когда сіе обнаружено будетъ, то подвергать ихъ за то законному отвѣтствію; за симъ бдительно смотрѣть канцлеру юстиціи, коему также имѣть надзоръ за исполненіемъ законовъ и постановленій, равно доносить ему о томъ Его Королевскому Величеству. Таковыхъ гофгерихтовъ должно быть три, какъ поднесь, первый въ Стокгольмѣ, въ вѣдомствѣ коего состоитъ все Свейское (Svea) Государство, называемый Своаскимъ Гофгерихтомъ въ старомъ уложеніи; второй всегда бываетъ въ Іёнкёпингѣ подъ коимъ находится все Гётское (Götha) государство, и третій находящійся въ Або и завѣдывающій Великимъ Княжествомъ Финляндіи.

§ 16. Всѣ вообще коммисіи, депутаціи, имѣющія равную съ присутственными мѣстами власть, или экстраординарные присутственные мѣста, учрежденные какъ Королемъ, такъ и чинами государства, должны быть упразднены, яко средства споспѣшествующія самовластію и тиранству; напротиву сего пользоваться каждому шведу тѣмъ правомъ, чтобъ былъ судимъ въ томъ присутственномъ мѣстѣ, въ вѣдомствѣ коего онъ по уложенію Швеціи находится. Но буде такъ случится, чтобъ какое нибудь лицо высокой породы, или государственные чиновники или же цѣлая коллегія провинятся до такой степени, что сіе касаться будетъ Короля, государства или короны, и виновные не могутъ быть судимы ни гофгерихтомъ, или совѣтомъ, то учредить государственный судъ (Rikets-Rätt) въ коемъ предсѣдательствовать Его Королевскому Величеству самому, или же на мѣсто его Кронъ-Принцу, или первому изъ наслѣдныхъ князей, или же старшему изъ государственныхъ совѣтниковъ, изъ фельдмаршала, всѣхъ президентовъ государственныхъ и королевскихъ коллегій, 4-хъ старшихъ совѣтниковъ, всѣхъ трехъ государственныхъ гофгерихтовъ, одного генерала, двухъ старшихъ генералъ-лейтенантовъ, двухъ старшихъ генералъ-маіоровъ, старшаго адмирала, двухъ старшихъ вице-адмираловъ и двухъ старшихъ контръ-адмираловъ, придворнаго канцлера и трехъ статсъ-секретарей; юстиціи канцлеръ всегда бываетъ казенный ходатай, а старшій ревизіонный секретарь ведетъ протоколъ. Сіе судилище должно по окончаніи слѣдствія объявлять рѣшеніе свое при открытыхъ дверяхъ, а потомъ никто не въ правѣ перемѣнять оное, а еще менѣе усилить наказаніе, съ предоставленіемъ однако Его Королевскому Величеству права помилованія.

§ 17. За гофгерихтами слѣдуетъ военная коллегія, въ коей находится какъ и прежде президентъ и генералъ-фельдцейхмейстеръ, генералъ-квартирмейстеръ и обыкновенные военные совѣтники, кои имѣютъ быть свѣдущи въ счетныхъ дѣлахъ и избираются изъ опытныхъ по военной части лицъ. Сія коллегія имѣетъ присмотръ и попеченіе о военной силѣ государства, сухопутной, артиллеріи употребляемой на полѣ и въ крѣпостяхъ, о фортификаціонномъ штатѣ, о большихъ орудіяхъ, о ружейныхъ заводахъ, оружіяхъ и шпагахъ,

аммуниціи и тому принадлежащемъ, о состояніи крѣпостей въ особенности на границѣ, о шанцахъ и прочихъ военныхъ постройкахъ, о наборахъ, вербовкѣ и смотрахъ и о прочемъ, вслѣдствіи инструкціи постановленій и королевскихъ рескриптовъ, которые уже изданы или впредь состояться будутъ.

§ 18. Вся военная сила, какъ сухопутная такъ и морская съ высшимъ и съ нижнимъ начальствомъ имѣетъ присягать на вѣрность и подданство Его Королевскому Величеству, государству и чинамъ онаго по составленному формуляру. Военная сила, какъ конная, такъ и пѣшая, обще съ ботманскою частію остается при приличныхъ доходахъ своихъ (Jndelning), а контракты заключенные по сему съ земствомъ и городами имѣютъ быть точно исполняемы и наблюдаемы до тѣхъ поръ, покуда Его Королевское Величество и чины государственные совокупно не найдутъ нужнымъ учинить въ оныхъ какую либо перемѣну.

§ 19. Безъ особеннаго Его Королевскаго Величества всемилостивѣйшаго повелѣнія возбраняется полковнику и другимъ военнымъ начальникамъ созвать уволенныхъ въ отпускъ нижнихъ чиновъ въ походъ, кромѣ обыкновеннаго сбора полка и другихъ сборищъ, исключая того случая, когда сіе дѣлается при неожиданномъ нападеніи государственнаго непріятеля, о чемъ тотчасъ слѣдуетъ доносить Его Королевскому Величеству. Его Королевскому Величеству имѣть главное начальство надъ всею военною силою, какъ сухопутною такъ и морскою, какъ то всегда употреблялось въ прежнія и для государства самыя блистательныя и счастливыя времена.

§ 20. Третья государственная коллегія есть адмиралтейская, въ коей имѣется президентъ и засѣдатели его суть всѣ состоящіе на лицо адмиралы и флагманы; для лучшаго-жъ хода сихъ дѣлъ долженъ быть въ совѣтѣ Его Королевскаго Величества по крайней мѣрѣ одинъ государственный совѣтникъ, служившій на морѣ и опытный по морской части. Сія коллегія имѣетъ присмотръ, наблюденіе и попеченіе о морской силѣ государства и о всемъ прочемъ къ тому принадлежащемъ, какъ относительно постройки кораблей, оснащенія и вооруженія ихъ, такъ и заготовленія провіанта, созыва боцмановъ, водолазной и лоцманской части, равно всѣхъ прочихъ принадлежащихъ къ сей части дѣлъ сходно инструкціямъ, королевскимъ рескриптамъ и постановленіямъ уже состоявшимся, или впредь издаваемымъ.

§ 21. Четвертая коллегія государства есть государственная канцелярія, въ коей всегда предсѣдательствуетъ одинъ изъ государственныхъ совѣтниковъ, имѣя при себѣ засѣдателями одного или болѣе государственныхъ совѣтниковъ, одного гофъ-канцлера, статсъ-секретаря и обыкновенныхъ канцелярскихъ совѣтниковъ. Въ сей коллегіи сочиняются всѣ вообще уставы, регламенты и рецессы (Recesser), которые касаются вообще государства или привилегіи особенныхъ городовъ и частныхъ лицъ, въ особенности грамоты на должности и чины, отношенія и предписанія. Сюда также принадлежатъ всѣ документы о государственныхъ сеймахъ и съѣздахъ, союзы съ чужими государствами и мирные трактаты съ непріятелями, надле-

жащее отправленіе пословъ, всѣ совѣщанія, кои Король обыкновенно имѣетъ съ государственными совѣтниками или съ нѣкоторыми изъ нихъ и веденные по сему протоколы, и тотъ изъ числа оныхъ, который выходитъ за подписью Его Королевскаго Величества. Сей коллегіи имѣть также присмотръ и попеченіе о почтовой части во всемъ государствѣ и въ подвѣдомственныхъ оному провинціяхъ, такъ чтобы она подъ надзоромъ опредѣленнаго оберъ-директора надлежащимъ образомъ была управляема. Статсъ-секретарю наиточнѣйше наблюдать и смотрѣть за тѣмъ, чтобы исходящія бумаги въ сходствіе разрѣшенія Его Королевскаго Величества и протоколовъ наискорѣе, вѣрно и хорошимъ порядкомъ были написаны и отправляемы безъ малѣйшаго упущенія по какой бы то не было причинѣ. Если кто нибудь былъ бы столь дерзокъ, чтобъ отправилъ бумагу, противную разрѣшенію Его Королевскаго Величества, и тѣмъ старался обмануть (surprendre) Его Величество (что при множествѣ бумагъ легко случиться можетъ) таковой по надлежащемъ судебномъ разбирательствѣ и рѣшеніи долженъ быть отставленъ отъ службы и оштрафованъ смотря по преступленію своему. А посему впредь какъ и поднесь, никакое предписаніе не имѣетъ быть выполнено, которое не снабжено надлежащею контрасигнировкою, исключая военныхъ дѣлъ. Коллегіи сей впрочемъ руководствоваться канцелярскимъ уставомъ и тѣми инструкціями, рескриптами и королевскими постановленіями, которые уже изданы и впредь состояться будутъ

§ 22. Его Королевское Величество назначаетъ въ присутствующемъ совѣтѣ, безъ отобранія однако голосовъ, президента въ канцелярію, канцелярскихъ совѣтниковъ, которые суть государственные совѣтники, гофъ-канцлера, статсъ-секретарей, канцеляріи совѣтниковъ и экспедиціонныхъ секретарей, избирая въ сіи званія тѣхъ, къ коимъ довѣріе имѣетъ. Тоже самое наблюдается относительно министровъ Его Королевскаго Величества при чужихъ дворахъ.

§ 23. Пятая государственная коллегія есть камеръ-коллегія, имѣющая одного президента и обыкновенныхъ камеральныхъ совѣтниковъ. Всѣ тѣ, кои занимаются сборомъ и расходомъ Короля и короны имѣютъ въ оной принимать приказанія и отдавать отчетъ, сходно инструкціямъ, королевскимъ рескриптамъ и приказамъ уже изданнымъ или впредь издаваемымъ. Заботы и попеченіе сей коллегіи состоятъ въ томъ, чтобы оброки надлежащимъ образомъ и заблаговременно были собираемы и умножаемы, земля хорошо обработываема, воздѣлываема и улучшаема надлежащимъ хозяйствомъ и поправкою, равно чтобы присвоенные казнѣ доходы не расточались и не пропадали отъ упущенія, а напротиву того государственныя деньги всячески были улучшаемы, приспособляемы къ удобнѣйшему обращенію, сохраняемы и заготовляемы заблаговременно, равно чтобы кредитъ не пропадалъ, такъ чтобы Его Королевское Величество въ случаѣ нужды могъ ожидать внутри и внѣ государства пособія и вспоможенія. Большія портовыя таможни съ сборами и счетами, равно малыя таможни съ акцизомъ состоятъ также подъ управленіемъ подлежа-

щаго оберъ-директора въ вѣдомствѣ камеръ-коллегіи и подъ надзоромъ ея, въ коей для цолнеровъ и сборщиковъ изготовляются грамоты съ надлежащимъ обезпеченіемъ Его Королевскаго Величества.

§ 24. Въ государственной конторѣ имѣть по одному президенту и обыкновенныхъ государственныхъ коммисаровъ. Въ вѣдѣніи ея состоятъ распредѣленіе и израсходованіе денежныхъ суммъ. Всѣ тѣ кои имѣютъ на рукахъ казенныя деньги обязаны представлять въ надлежащее время вѣдомости въ ту контору, какъ то въ инструкціяхъ имъ ясно предписано. Штатъ или роспись также ежегодно и заблаговременно имѣетъ быть составлена, въ чемъ роспись 1696 г. должна служить основаніемъ и руководствомъ, съ такимъ притомъ распоряженіемъ, дабы казенные служители получали жалованье свое изъ казенныхъ же доходовъ. Въ сей росписи не прибавляется и не умножается ничего, развѣ когда сіе для службы и пользы Его Королевскаго Величества и Государства необходимо нужно. Въ семъ штатѣ показывается не токмо та сумма, которая уже оставлена въ собственное и произвольное распоряженіе Его Королевскаго Величества, но опредѣляется еще каждогодно сумма для экстраординарныхъ выдачъ, которая ассигнуется по повелѣніямъ Его Королевскаго Величества за надлежащею подписью и контрасигнировкою, сходно инструкціямъ, королевскимъ рескриптамъ и постановленіямъ уже изданнымъ и впредь издаваемымъ

§ 25. Его Королевское Величество назначаетъ въ присутствіи совѣта безъ отобранія однако голосовъ президента и статсъ-коммисаровъ изъ такихъ мужей, которые преданностію и знаніями своими по сей важной части сдѣлались достойными довѣрія Его Королевскаго Величества.

§ 26. Горная коллегія имѣетъ также президента и обыкновенныхъ горныхъ совѣтниковъ и ассесоровъ, кои всѣ вообще ученостію и опытностію сдѣлались способными къ судейской должности и притомъ пріобрѣли себѣ нужныя и основательныя познанія по горной части во всѣхъ отношеніяхъ ея. Сей коллегіи имѣть присмотръ и попеченіе о поддержаніи горныхъ заводовъ и о прочемъ относящемся до устройства и улучшенія ихъ.

§ 27. Камеръ-коллегія имѣетъ также президента и обыкновенныхъ коммерціи совѣтниковъ, ассесоровъ и коммисаровъ, имѣющихъ основательное познаніе о торговлѣ. Сей Коллегіи заботиться о усиленіи, умноженіи и улучшеніи торговли, приведеніи мануфактуръ въ лучшее состояніе, о устройствѣ, присмотрѣ и содержаніи мастерскихъ, равно о наблюденіи постановленій касательно сбора таможенныхъ пошлинъ (Licent, Portorie), таможенныхъ тарифовъ и проч. какъ предписано въ инструкціяхъ, королевскихъ рескриптахъ и приказахъ уже изданныхъ или впредь издаваемыхъ.

§ 28. Камеръ-ревизія имѣетъ также нужды въ одномъ президентѣ, который съ обыкновенными засѣдателями имѣетъ попеченіе о томъ, дабы не токмо производящіяся въ оной слѣдственныя дѣла рѣшались по суду резолюціями и приводимы были фискалами къ концу.

но также казенные годовые счеты безъ замедленія по поступленіи ихъ въ камеръ-коллегію и по извѣщеніи о томъ камеръ-ревизіи, были разсматриваемы, объясняемы, заготовляемы и окончательно рѣшаемы, въ сходствіе инструкціи, королевскихъ рескриптовъ и постановленій уже издавныхъ или впредь издаваемыхъ.

§ 29. Маршалъ королевства или оберъ-гофъ-маршалъ есть одинъ изъ государственныхъ совѣтниковъ и опредѣленъ для надзиранія надъ дворцомъ, замкомъ и королевскимъ домомъ, онъ учрежденъ и располагаетъ всѣмъ, что относится до стола, придворныхъ служителей и что къ тому принадлежитъ.

§ 30. Дворъ Короля состоитъ въ особенномъ Его Величества распоряженіи и онъ одинъ можетъ относительно двора сдѣлать перемѣны и поправки, какъ за нужное признаетъ.

§ 31. Оберъ-штатгалтеръ въ Стокгольмѣ, капитанъ-лейтенантъ, лейтенанты и квартирмейстеры драбантовъ, полковникъ и подполковникъ Гвардіи, полковникъ Лейбъ полка, полковникъ Лейбъ-драгуновъ, полковникъ и подполковникъ артиллеріи, генералъ-адъютанты и комендантты пограничныхъ крѣпостей особенную довѣренность Короля имѣютъ, и Его Величество снимаетъ и налагаетъ сіи должности въ собраніи государственнаго совѣта безъ отобранія голосовъ.

§ 32. Коллегіи взаимную должны подавать другъ другу помощь во всемъ до выгодъ Короля и государства служащемъ, когда сіе требуется и въ томъ настоитъ нужда, такъ чтобы одна не присвоивала себѣ власть, другой принадлежащую, или причиняла ей препятствіе и ущербъ, а надлежитъ каждой изъ нихъ управлять своею частію съ надлежащею дѣятельностію, попеченіемъ, прилежностію, вѣрностію и осторожностію. Покуда президенты находятся въ своихъ коллегіяхъ на лицо, пользуются они предоставленною имъ властію, но когда они по дѣламъ Короля, или по собственнымъ надобностямъ находятся въ отсутствіи, то они хотя и удерживаютъ свой титулъ съ принадлежащими къ оному почестями, но отнюдь не должны приказывать, или распоряжать чѣмъ либо до президентской должности относящимся покуда не возвращаются и не вступятъ паки въ дѣйствительное отправленіе своей должности. Между тѣмъ исправляетъ старшій по президентѣ засѣдатель съ равнымъ правомъ и дѣйствіемъ принадлежащія сему званію дѣла. Сіи коллегіи обязаны отдавать Королю отчетъ въ своихъ занятіяхъ, когда Онъ сего отъ нихъ потребуетъ, отвѣтствуя Ему одному въ исправномъ выполненіи своихъ обязанностей.

§ 33. Губерніи и управленіе оными останутся на такомъ точно положеніи какъ нынѣ, ибо впредь генералъ-губернатора внутри государства быть не должно, исключая особенныхъ случаевъ, и на неопредѣленное время, никакихъ также удѣловъ или изъ рода въ родъ переходящихъ земель и леновъ давать не должно; но имѣютъ оныя оставаться въ томъ разпорядкѣ, въ коемъ нынѣ находятся и какъ образомъ правленія 1720 г. опредѣлено было.

§ 34. Наслѣдный Принцъ Шведскаго Государства и принцы

шведской крови не могутъ имѣть удѣла, или генералъ-губернаторства, но должны довольствоваться денежнымъ содержаніемъ по штату назначеннымъ, наслѣдные принцы не менѣе 100.000 далеровъ серебреною монетою, считая со дня объявленія ихъ совершеннолѣтними, что по двадцати-однолѣтнемъ возрастѣ имъ слѣдуетъ. Принцы шведской крови, въ степени царствующаго рода отдаленной, могутъ пользоваться ежегодно денежною суммою на содержаніе свое, соразмѣрно ихъ роду. Ихъ также позволяется величать титулами герцогствъ и княжествъ, какъ сіе издревле дѣлалось, но не имѣютъ никакихъ правъ на провинціи, коихъ имя носить будутъ, ибо сіи провинціи всегда имѣютъ находиться подъ однимъ властителемъ безъ какого либо уменьшенія, или раздробленія.

§ 35. Что принадлежитъ до содержанія наслѣднаго принца, который всегда бываетъ старшій изъ сыновей царствующаго Короля, или родной его внукъ, во всемъ поступлено быть имѣетъ, какъ постановлено было относительно содержанія для сына блаженной памяти Короля Адольфа-Фредерика, всемилостивѣйшаго нашего государя Густава III-го, нами днесь управляющаго. Наслѣдный Принцъ въ совѣтѣ Его Величества по совершеніи 18-ти лѣтъ засѣдаетъ.

§ 36. Никакой принцъ шведской крови, будь онъ наслѣдный принцъ, наслѣдный князь или князь, не можетъ сочетаться бракомъ безъ вѣдома и позволенія Короля. Если кто противу сего преступитъ, то поступаютъ съ нимъ по шведскому закону и дѣти лишаются права наслѣдства.

§ 37. Въ случаѣ болѣзни или долгаго путешествія Короля управляется государство тѣми государственными совѣтниками, коихъ Король къ тому назначаетъ. Если болѣзнь Короля будетъ толико скоропостижна, что онъ распоряженія о государственныхъ дѣлахъ учинить не успѣетъ, тогда исходящія бумаги идутъ на подписаніе къ четыремъ старшимъ государственнымъ совѣтникамъ и президенту канцеляріи, каковыя пять особъ совокупно власть королевскую да отправляютъ во всѣхъ дѣлахъ требующихъ скораго распоряженія, но опредѣлять къ мѣстамъ и заключать союзы воли не имѣютъ, пока здоровье Короля не придетъ въ состояніе самому дѣлами заняться позволяющее, и тогда управлявшіе должны дать отчетъ въ правленіи. Еслибъ жизнь Короля пресѣклась и наслѣдникъ малолѣтенъ, то вышесказанный порядокъ при учрежденіи правительства соблюденъ быть имѣетъ, и должности ввѣряемы быть должны на время исключая такого случая, когда покойный Король духовною своею предпишетъ иное распоряженіе, тогда завѣщаніе правиломъ служить должно.

§ 38. Государственные чины обязаны собираться по волѣ короля въ такое время и въ томъ мѣстѣ, гдѣ его величество засѣданіе назначить пожелаетъ, для совѣтованія съ его королевскимъ величествомъ о тѣхъ дѣлахъ, по коимъ его величество ихъ созываетъ. Нѣтъ причинъ, и никому кромѣ короля не имѣть власти созвать государственныхъ чиновъ къ общему сейму, исключая времени малолѣтства короля, тогда попечителямъ его сіе право отдается. Но

если бъ совершенное пресѣченіе мужескаго колѣна королевскому дому воспослѣдовало (несчастіе, отъ котораго Богъ насъ да сохранитъ), тогда государственные чины безъ напоминанія и безъ созыва обязаны въ тридцатый день послѣ смерти короля собраться въ Стокгольмѣ, какъ то объяснено въ актѣ нашемъ отъ 20-го іюня 1743 г., опредѣляя въ то же время наказаніе тѣмъ, кои при сихъ обстоятельствахъ происками или заговорами произвольному выбору государственныхъ чиновъ захотятъ учинить насиліе. При сихъ несчастныхъ обстоятельствахъ слѣдуетъ настоятелю дворянскаго дома, думѣ, консисторіи упсальской и стокгольмскому магистрату обнародованіе учинить наискорѣйшимъ образомъ во всѣхъ провинціяхъ государства, дабы каждый могъ по оному располагаться. А какъ ландсгевдинги должны каждой усильно объявлять смерть короля всѣмъ жителямъ губерніи, то собранное число людей къ опредѣленному времени должно быть довольно сильно для защиты и покровительства вольности государства, и для избранія новаго королевскаго дома.

§ 39. Государственные чины должны съ надлежащимъ попеченіемъ наблюдать со всею точностью всѣ права государя, такъ какъ шведскими законами предписано, во всей ихъ силѣ и могуществѣ; они должны наблюдать, подкрѣплять и защищать усердно и расторопно все, что ко власти королевской относиться будетъ. Вслѣдствіе сего они не могутъ поправить, перемѣнить, прибавить, ниже уменьшить ничего въ настоящихъ фундаментальныхъ законахъ безъ согласія короля, дабы несправедливость не нарушила истиннаго закона и дабы вольность подданныхъ и преимущества короля не потерпѣли или не уничтожились, но чтобъ каждый законнымъ правомъ своимъ и пріобрѣтенными привилегіями пользовался. Всѣ другія постановленія, которыя съ 1680 г. по сіе время почитаемы были фундаментальными, симъ уничтожаются.

§ 40. Король не можетъ издать новыхъ законовъ ниже старыхъ уничтожить, безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ.

§ 41. Государственные чины не могутъ издать новыхъ законовъ, ниже старыхъ уничтожить безъ вѣдома и согласія короля.

§ 42. При изданіи новаго закона нижеслѣдующій порядокъ наблюдается. Когда государственные чины оный желаютъ, то надлежитъ одумать между собою, и по общемъ согласіи проектъ четырьмя ораторами королю подносится, для истребованія на сіе мнѣнія его величества; король отбираетъ голоса государственныхъ совѣтниковъ, которые разсмотря, кладетъ рѣшеніе, потомъ собираетъ государственныхъ чиновъ въ залѣ своего дворца и ясною и короткою рѣчью изъявляетъ согласіе свое или же причины почему согласиться не можетъ. Если же король пожелаетъ предложить новый законъ, то его величество имѣетъ сперва сообщить оный государственнымъ совѣтникамъ и по внесеніи ихъ мнѣній въ протоколъ, все это передаетъ государственнымъ чинамъ, кои по разсмотрѣніи и соглашеніи между собою просятъ назначить день для сооообщенія согласія ихъ королю въ государственной залѣ. Если же мнѣніе будетъ от-

рицательно, то оное подадутъ чрезъ ораторовъ его величеству письменно съ изъясненіемъ причинъ [1]).

§ 43. Если бы случилось, что выйдутъ споры касательно какого закона, какъ тому не рѣдкіе примѣры въ недавнемъ времени были, то должно поступать согласно со статьею 42.

§ 44. Право бить монету остается собственностію государя; если же онъ возъимѣетъ учинить перемѣну въ вѣсѣ или составѣ металла, тогда государственные чины предоставляютъ себѣ право, чтобъ безъ вѣдома и согласія ихъ сіе не дѣлалось.

§ 45. Королю слѣдуетъ покровительствовать и защищать государство, а особенно противу непріятельскихъ силъ, но онъ не можетъ противу присяги своей при помазаніи и своею Акта увѣренія наложить на подданныхъ какіе либо военные налоги, новые поборы и подати безъ вѣдома и добровольнаго государственныхъ чиновъ согласія, исключая только тѣхъ несчастныхъ случаевъ, когда нечаянное нападеніе непріятеля на государство учинено будетъ, тогда онъ имѣетъ право принимать мѣры съ пользою и безопасностію государства соглашающіяся, также и съ выгодами его подданныхъ. Но по окончаніи войны государственные чины должны собраться и новые налоги, войною причиненные, тотчасъ уничтожаются.

§ 46. Сеймамъ не долѣе трехъ мѣсяцевъ позволено продолжать свои засѣданія, дабы государство отъ продолжительности не потерпѣло, какъ то до сего времени случалось, то король по истеченіи опредѣленнаго времени можетъ сеймъ разрушить и депутатовъ разослать каждаго въ свое мѣсто. Если въ теченіи сейма согласіе на новые поборы не утвердится, то оставаться по прежнему.

§ 47. Государственные чины имѣютъ право назначать особъ для засѣданія въ комитетахъ, съ коими его королевское величество хочетъ разсуждать о дѣлахъ по мнѣнію его сокрытыми остаться долженствующихъ. Члены сихъ комитетовъ пользуются всѣми преимуществами, кои государственнымъ чинамъ присвоены, но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ въ коихъ тайну хранить нѣтъ нужды дѣла сообщаются полному собранію каждаго состоянія государственныхъ чиновъ на разсмотрѣніе.

§ 48. Короли не могутъ объявлять войны, ни чинить нападеній безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ.

§ 49. Никакіе протоколы сообщены и требуемы государственными чинами быть не могутъ, кромѣ относящихся до дѣлъ, по которымъ король вмѣстѣ съ государственными чинами имѣлъ сужденіе.

§ 50. Комитетамъ государственныхъ чиновъ должно предъявлено быть состояніе государственной казны, дабы они могли удостовѣриться, что доходы употребляются къ пользѣ и благосостоянію королевства.

---

[1]) Сюда же слѣдуетъ сказанное на стр. во 66 всеобщ. изображ. Швеціи. (Тоже какъ выше, стр. 28, примѣчаніе).

§ 51. Если кто изъ членовъ сейма будетъ обиженъ въ продолженіи онаго, словомъ или дѣломъ, не подавъ самъ къ тому причины, какъ въ пути его на оный, такъ и при возвращеніи домой, и не взирая на объявленіе о его качествѣ; то за таковое преступленіе съ виновникомъ поступлено быть имѣетъ, какъ съ нарушителемъ королевской присяги, коею его величество вызвался наблюдать общую тишину.

§ 52. Король долженъ наблюдать, чтобъ всѣ четыре состоянія народа пользовались привилегіями и правами законнопріобрѣтенными. Ни которому состоянію преимуществъ дать не можно безъ вѣдома и согласія четырехъ состояній.

§ 53. Германскія провинціи поручаются единственному попеченію короля, онѣ должны управляемы быть сходственно съ законами германской имперіи, привилегіями благопріобрѣтенными и согласно съ установленіями Вестфальскаго мира.

§ 54. Всѣ города государства могутъ пользоваться законными преимуществами и правами, королями имъ предшествовавшими утвержденными, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ сіи права и преимущества приноровляемы были къ обстоятельствамъ и выгодамъ общественнымъ.

§ 55. Банкъ государственныхъ чиновъ остается какъ прежде подъ присмотромъ и отчетомъ ихъ, онъ управляемъ быть долженъ по узаконеніямъ и статутамъ уже утвержденнымъ государственными чинами или кои ими впредь учреждены будутъ.

§ 56. Касса армейскихъ пенсіоновъ должна быть управляема настоящими учрежденіями и тѣми, кои королемъ вновь съ повѣренными отъ военнаго начальства завербованной арміи учредиться могутъ.

§ 57. Если въ семъ законѣ открылась бы какая либо неясность, то слѣдовать буквальному содержанію онаго, покуда его королевское величество и государственные чины, какъ предписано въ 39 и 42 §§, между собою не согласятся.

Мы нынѣ здѣсь собравшіеся чины государства находили нужнымъ утвердить все сіе, для надлежащаго правленія государства, для вольности и безопасности какъ нашей, такъ и нашихъ дома остающихся собратьевъ и потомковъ родившихся и впредь родящихся.

Мы объявляемъ симъ вновь, что имѣя величайшее отвращеніе къ королевскому самодержавію или такъ называемому неограниченному правленію (souverainitet) почитаемъ за превосходнѣйшее счастіе наше, честь и выгоду, что живемъ вольными, независимыми, законодательными, но законоповинующимися чинами подъ управленіемъ могущественнаго, но законами ограниченнаго короля, соединенные оба и защищенные закономъ освобождающимъ насъ и любезное отечество наше отъ опасностей сопровождающихъ безпорядокъ, самовольство, аристократію и олигархію, во вредъ цѣлаго общества, въ тягость и прискорбіе каждаго согражданина. Мы тѣмъ болѣе увѣрены въ порядочномъ, конституціонномъ и счастливомъ правленіи, какъ его королевскимъ величествомъ уже объявлено, что почитаетъ за величай-

шую честь быть первымъ согражданиномъ между вольнымъ народомъ, и мы надѣемся, что таковое намѣреніе наслѣдниками нашими [1]) предано будетъ отъ потомка до потомка до позднѣйшихъ временъ свѣта. А посему объявляемъ за непріятелей нашихъ и королевства всѣхъ тѣхъ, неразумныхъ и зломыслящихъ согражданъ, кои въ тайнѣ или явнымъ образомъ, хитростію,замыслами или явнымъ насильствіемъ хотѣли бы отвести насъ отъ сего закона и навязать намъ королевское самодержавіе или такъ называемое неограниченное правленіе или же подъ видомъ вольности уничтожить сіи законы утверждающіе истинную вольность, отвращающіе своевольствія и безпорядокъ, и предающіе преступленія безъ пощады судебному разбирательству, сужденію и наказанію, по изданному въ Швеціи закону. Мы обязываемся также по присягѣ нашей на вѣрность учиненной и по сему образу правленія, повиноваться какъ слѣдуетъ его королевскому величеству и совершать приказанія его, во всѣхъ частяхъ, въ коихъ можно отдавать отчетъ Богу и людямъ, ибо слѣдуетъ повелѣвать ему, а намъ исполнять, всѣмъ оказать правосудіе, какъ ему такъ и намъ, какъ то подлежитъ вѣрнымъ мужамъ и подданнымъ.

Для вящей вѣрности укрѣпили и утвердили мы сіе подписаніемъ именъ нашихъ и приложеніемъ печатей, что учинено въ Стокгольмѣ 21-го августа 1772 г. послѣ Рождества Христова.

Со стороны рыцарства и дворянства А. Г. Леіонгуфвутъ теперешній земскій маршалъ.	Со стороны духовнаго сословія Анд. Г. Форсеніусъ ораторъ.	Со стороны мѣщанскаго сословія Іог. Генр. Хохшилдъ вмѣсто оратора.	Со стороны крестьянскаго сословія Іосифъ Гансонъ ораторъ.
(М. П.)	(М. П.)	(М. П.)	(М. П.)

Все вышеписанное признаваемъ мы не токмо сами за непремѣнный коренной законъ, но и повелѣваемъ всемилостивѣйше, чтобы всѣ тѣ, которые обязаны намъ и наслѣдникамъ нашимъ равно имперіи повиновеніемъ и вѣрностію, должны признавать и наблюдать сей образъ правленія, и повиноваться оному.

Для вящшей вѣрности подписали и утвердили мы сей собственноручно и приказали привѣсить къ оному ниже сего нашу печать, что учинено въ Стокгольмѣ 21-го дня августа 1772 г. послѣ Рождества Христова.

(М. П.)

Густавъ.

Перевелъ надворный совѣтникъ Фонъ-Виттъ.

---

[1]) Собственно должно быть «въ королевскомъ домѣ—i thet Kgl. Huset» *(Прим. авт.)*.

62.

Шведская конституція. Утвержденный его королевскимъ величествомъ и государственными чинами актъ соединенія и безопасности, отъ 21-го февраля и 3-го апрѣля 1789 года [1]).

Мы Густавъ и прочая симъ объявляемъ: находивъ себя принужденнымъ объявить нашимъ вѣрноподданнымъ во всеобщее свѣдѣніе и дать знать государственнымъ чинамъ что такія хитрыя затѣванія и намѣренія были заводимы кои имѣли цѣлью не иное кромѣ раздробленія государства, опасности для короля и упадка королевской власти, угнетенія и гибели вѣрныхъ подданныхъ, Мы признали что таковое опасное положеніе, непріятелемъ подкрѣпляемое и междуусобною бранью, раздоромъ и своенравными видами долгое время содержанное, необходимо требуетъ дабы мы и государственные чины изобрѣли столь дѣятельныя мѣры которыя могли бы теперь прекратить, а на предбудущее время препятствовать и отвращать столь неслыханныя и дерзкія предпріятія и смѣлые умыслы, посему полагали мы съ государственными чинами, что для достиженія таковой какъ для насъ такъ и для нихъ достойной цѣли, нужно будетъ дать основаніямъ правленія такую опредѣлительность и силу, коими независимость, честь и достоинство можно довести до высоты достиженной нашимъ возлюбленнымъ отечествомъ при достопохвальномъ правленіи прежнихъ королей и при мужественномъ и единогласномъ содѣйствіи вѣрныхъ подданныхъ. И какъ притомъ общій гласъ крайне требовалъ и ускорилъ сіе намѣреніе наше, то мы по таковымъ причинамъ и поводамъ согласясь съ государственными чинами утвердили и опредѣлили сей актъ соединенія и безопасности, нами всемилостивѣйше одобренный и конфирмованный по буквальному онаго содержанію и поколику оный согласенъ съ даннымъ впослѣдствіе времени на тотъ актъ утвержденіемъ, отъ слова до слова какъ слѣдуетъ.

Актъ соединенія и безопасности.

Дабы на всегдашнія времена отвращать отъ насъ и любезнаго намъ отечества сильныя потрясенія, которыя виною нѣкоторыхъ особъ влекомыхъ самолюбіемъ и желаніемъ владычествовать помощію тайныхъ пронырствъ и чужестранными, также завистію и несогласіемъ въ четырехъ состояніяхъ народа вперяемыми, столь часто подвергали опасности государство и его твердость, также и общее спокойствіе и которые производили раздоры не только между поддан-

[1]) Оффиціальный переводъ.—Этотъ актъ явился послѣдствіемъ заговора извѣстнаго подъ именемъ Аньяльской конфедераціи, во время войны Швеціи съ Россіей въ 1788 г. (См. томъ I, главы IV—VI).

ными, но также между государемъ и націею; и дабы можно было опредѣлить единожды на всегда утвердительныя правила, на коихъ законъ для управленія государствомъ долженъ основываться, равно для отвращенія впредь сей неясности и одностороннихъ прибавленій, угодно было всемилостивѣйшему королю нашему какъ ему самому, такъ и его потомкамъ условиться съ нами слѣдующимъ актомъ соединенія и безопасности.

Пунктъ 1-ый. Признаемъ имѣть короля наслѣдственнымъ, который совершенно властенъ управлять государствомъ, пещись о его безопасности и защищать оное, начинать войну, заключать миръ и союзы съ чужестранными владѣніями, раздавать милости, даровать жизнь, возвращать честь и имѣніе; по благоусмотрѣнію распоряжаться всѣми государственными должностями, которыя имѣютъ быть замѣщаемы только природными шведами, наблюдать законы, въ судахъ хранить порядокъ и во всѣхъ другихъ народныхъ дѣлахъ употреблять способы признанные королемъ полезнѣйшими.

Пунктъ 2-ой. Мы признаемъ себя подданными вольностію наслаждающимися, подверженными законамъ и безопасностію пользующимися подъ законно-увѣнчаннымъ королемъ, который согласно съ постановленными законами Швеціи нами управляетъ. Въ качествѣ подданныхъ равную вольность имѣющихъ, мы должны всѣ пользоваться подъ осѣненіемъ законовъ одинакими преимуществами, а потому верховный судъ королевской, судебныхъ и ревизіонныхъ дѣлъ, въ которомъ король два голоса имѣетъ, долженъ быть составленъ какъ изъ дворянъ такъ и не дворянъ [1]); число государственныхъ чиновниковъ сего судилища будетъ впредь совершенно зависѣть отъ воли короля. Его величество намѣренъ также, чтобъ всѣ какъ высшіе такъ и нижніе отъ несправедливости были предохранены и чтобъ никто не могъ претерпѣть наказанія тѣлеснаго, лишиться чести и имѣнія безъ слѣдствія въ надлежащемъ присутственномъ мѣстѣ и по законномъ его обличеніи въ преступленіи.

Пунктъ 3-й. Нація совершенно равною свободою пользующаяся, одинакія преимущества имѣть должна, а потому всѣ сословія имѣть должны равныя права, владѣть и пріобрѣтать земли въ общемъ ихъ отечествѣ, съ тѣмъ однако чтобъ дворяне сохранили древнее свое право на положеніи до сихъ поръ основанномъ и извѣстномъ, владѣя дворянскими свободными землями и именуемыми: сетерея, ро и рёрсъ-гейматы и инсокне (гейматы внутри прихода находящіеся въ Сканіи, Галландіи и Блекингенѣ). Въ прочемъ не позволяется никакой перемѣны, относительно древняго свойства земель фрельзовыхъ, скатовыхъ и коронныхъ. Обязанность снабжать путешествователей лошадями (выставка подводъ) распредѣляется также на всѣ гейматы, выключая сетерей, ро и рёрсъ гейматы, инсокне-гейматы и бостели отъ него освобожденные. Право крестьянъ пріобрѣсти коронные гей-

---

[1]) Въ регламентѣ правит. финлянд. совѣта то же самое сказано. *Примѣчаніе оффиціальнаго финляндскаго переводчика.*

маты и скатовое владѣніе, съ особеннымъ за то единовременнымъ платежемъ, и владѣть оными спокойно утверждено особеннымъ постановленіемъ сего числа, которое повелѣніе столь же дѣйствительно и ненарушимо какъ бы въ настоящій актъ включено было.

Пунктъ 4-ый. Верховные чины и первыя достоинства государства и придворныя мѣста имѣютъ только заняты быть дворянствомъ. Впрочемъ способности, заслуги, опытность и дознанныя гражданскія добродѣтели, суть единыя средства къ достиженію какъ нижнихъ такъ и вышнихъ мѣстъ въ государствѣ, не взирая на породу и состояніе. Если жъ недворянинъ возведенъ будетъ въ дворянское достоинство, то онъ не можетъ удержать за собою ту должность, которую онъ яко недворянинъ для храненія правъ недворянскаго состоянія (или мѣщанства) прежде получалъ и занималъ.

Пунктъ 5-ый. Поелику истинная вольность состоитъ въ томъ, чтобъ непринужденную приносить подать, которая необходимою признана будетъ для содержанія государства, то народъ имѣетъ неоспоримое право разсуждать объ ономъ съ королемъ, соглашаться, отказывать или вновь дѣлать условія.

Пунктъ 6-ой. Государственные чины въ теченіи сейма должны только заниматься тѣми предметами кои предлагаются королемъ какъ до 1680 г. въ обыкновеніи было.

Пунктъ 7-ой. Преимущества дворянства и духовенства 1723 г., также права и привилегіи городовъ совершенно подтверждаются во всѣхъ статьяхъ, которыя состоящемуся днесь акту не противны.

Пунктъ 8-ой. Всѣ шведскіе государи при вступленіи на престолъ должны собственноручно подписать сей актъ соединенія и безопасности. Всякое предложеніе или покушеніе къ малѣйшей перемѣнѣ, равно толкованіе или поправленіе буквальнаго его смысла совершенно возбраняется. Въ случаѣ пресѣченія царскаго поколѣнія, избранный король будетъ пользоваться всѣми здѣсь описанными преимуществами и обяжетъ себя наблюденіемъ оныхъ безъ малѣйшей перемѣны.

Пунктъ 9-ый. Образъ правленія 21-го августа 1772 года остается въ своей силѣ во всемъ томъ, что симъ актомъ не отмѣнено.

Дано въ Стокгольмскомъ замкѣ 21-го числа февраля въ 1789 г. послѣ Рождества Христова.

Со стороны рыцарскаго и дворянскаго сословія К. И. Левенгауптъ, теперешній земскій маршалъ.

Со стороны духовнаго сословія Яковъ - Аксель Линдбломъ епископъ въ Линкёпингѣ, на мѣсто оратора.

Со стороны мѣщанскаго сословія Андерсъ Лидбергъ, ораторъ.

Со сторон. крестьянскаго сословія Оловъ Ольсонъ ораторъ.

Выписанный актъ соединенія и безопасности принимаемъ мы для насъ и наслѣдниковъ нашихъ шведскаго престола, яко неотмѣнный и неопровергаемый коренной законъ, коего буквальный смыслъ имѣетъ быть исполняемъ безъ перемѣны, толкованія или нарушенія:

а по сему всемилостивѣйше повелѣваемъ, чтобы всѣ кои намъ, наслѣдникамъ нашимъ и имперіи[1]) подвластны, должны признавать сей актъ соединенія и безопасности, наблюдать и исполнять буквальное его содержаніе и повиноваться оному. При чемъ упоминается, что всѣ суды какъ въ высшихъ такъ и въ нижнихъ судилищахъ и всѣ младшіе должностные лица, не имѣющіе достоинства достовѣрныхъ особъ (Tromans värdighet) или не участвующіе въ земскомъ правленіи не должны лишаться своихъ мѣстъ безъ суда и рѣшенія по закону и военнымъ артикуламъ. Что касается до выставки подводъ, то ландбауеры дворянства и всѣ фрельсовые гейматы (utsockne hemman) должны брать равное съ коронными и скатовыми гейматами участіе въ выставкѣ подводъ подъ королевскіе транспорты и на гастгеберства, какъ обыкновенныхъ такъ и резервныхъ, равно въ военное время когда крайняя нужда требуетъ уравненія и когда войско идетъ походомъ чрезъ государство, или когда отправляется провіантъ, аммуниція и одежда въ армію, крѣпости и магазейны. И какъ мы нынѣ утвердили привилегіи рыцарства и дворянства 1723 г., кои въ образѣ правленія 1772 г. не признаны яснымъ образомъ, то повелѣваемъ, чтобы они сохраняемы были въ пред-будущее время въ полной силѣ своей, равномѣрно мы симъ утверждаемъ привилегіи духовенства 1723 г. и данное нами вновь 2-го марта сего года увѣреніе обще съ нѣкоторыми правами и преимуществами пожалованными нами 23-го февраля городамъ государства и присвоенными 23-го же февраля государственному крестьянству.

Перевелъ надворный совѣтникъ Фонъ-Виттъ.

63.

Шведская конституція. Его королевскаго величества увѣреніе, данное вѣрнымъ подданнымъ его и всѣмъ сословіямъ государства 21-го апрѣля 1772 г. [2]).

Мы Густавъ и прочая: симъ объявляемъ, поелику по дивному провидѣнію Господа Бога усилившееся въ семъ государствѣ съ многихъ лѣтъ тому назадъ и на презрѣніи законовъ основанное своевольство нынѣ совершенно искоренено, древнѣйшая шведская вольность возобновлена и старые законы Швеціи, такъ какъ они въ главнѣйшихъ частяхъ были до 1680 г., возстановлены новымъ кореннымъ закономъ; то мы наисильнѣйшимъ образомъ симъ увѣряемъ, что имѣемъ намѣреніе управлять государствомъ по принятому нынѣ коренному закону и отказываясь, какъ то нами уже учинено, отъ ненавистнаго королевскаго самовластія или такъ называемаго само-

[1]) Слово «имперія» употребилъ офф. финляндскій переводчикъ. Слѣдуетъ «государству—Riket». (*Прим. автора*).
[2]) Оффиціальный переводъ.

державія, мы почтемъ всегда за величайшую нашу честь чтобы быть первымъ согражданиномъ между вѣрнымъ и вольнымъ народомъ, все сіе яко нами безъ принужденія, по доброй волѣ и по хорошемъ обдумываніи положенное утверждаемъ мы собственноручнымъ подписаніемъ нашимъ и личною присягою, что будемъ оному слѣдовать, какъ суще да поможетъ намъ Господь Богъ душевно и тѣлесно.

Густавъ.

Перевелъ надворный совѣтникъ Фонъ-Виттъ.

64.

Шведская конституція.—Шведскій текстъ присяги короля [1]).

Wi N. N. med Guds Nåde Sweriges, Göthes och Wendes Konung, etc. etc. Göre wetterligit: At som then Högste Guden behagat ifrån thetta lifwet hädankalla then fordom Stormägtigste, Högborne Furste och Herre, Herr N. N. Sweriges, Göthes och Wendes Konung, Wår i lifstiden Högtälskelige Herr N. N. (här införes Slägtskapen): och Wi, enligt och i kraft af Sweriges fastställte Successions-Ordning, upstigit på then Swenska Thronen; Så lofwe och tilsäge Wi samtelige Rikhens Ständer och alle Wåre Undersåtare, höge och låge, så födde, som ofödde: At althenstund Guds underbara Försyn så skickat, att under then Stormägtigste Högborne Furstes och Herres, Herr Gustaf Then Tredies, Sweriges, Göthes och Wendes Konungs, Högst Salig i åminnelse. Regements tid, then urgamla Swenska Friheten blifwit uplifwad, samt Sweriges gamla Lagar, sådane som the före 1680 warit, til theras wäsendteligaste delar, igenom en then 21 Augusti 1772 antagen Fundamental-Lag, återstälde; Altså försäkre Wi härmed på thet kraftigaste, at Wi wele styra och regera Riket efter then antagna oryggeliga Regerings Form af then 21 Augusti 1772: afsägandes Oss härmed thet förhateliga Konungsliga Enwäldet eller then så kallade Souverainitéten och anseendes städse för Wår största ära, at wara then förste Medborgaren ibland et rättskaffens fritt Folk: Hwilket alt, såsom Wi thet onödde och otwungne af en fri wilja och wälbetänkt råd beslutit; Altså bekräfte Wi med Wår egenhändiga underskrift och liflig Ed, at sådant efterlefwa och fullgöra. Så sant Mig Gud hielpe til Lif och Siäl!

Wi förklare härmed, at thenne Försäkran är af Oss antagen för at wara then enda, hwar Swensk Konung til Sina undersåtare öfwerlemnar, utan någon tilläggning, minskning, rubbning eller ändring. Wi anrope med upriktigaste hiertan then Store Guden, hwilkens mägtiga hand styrer Länders och Rikens öden, at han må til

[1]) Изъ Finlands Grundlagar, Palmén. § 3, стр. 58. Оффиціальный переводъ предъ симъ, № 63.

thet längsta ålders mått ännu beskydda Wår Allernådigste Konungs lif, at thenna af Oss nu fastställte Konunga-Försäkran då många år ännu ey må blifwa nödig, och at Kongl. Maj : ts Efterträdares Regering, grundad på samma Lagar, måtte blifwa lika säll ock lycbelig.

65.

Шведская конституція.—Шведскій текстъ присяги ландмаршала [1]).

Landt-Marskalkens Ed. Jag N. N. lofwar och swär wid Gud och Hans Heliga Evangelium, at som jag af then Stormägtigste Högborne Furste och Herre, Herr N. N. Sweriges, Göthes och Wendes Konung, nu är utnämd at wara Landt-Marskalk wid thetta allmänna Riksens Möte; Så skal jag med all kraft och förmåga allan Konungsligan Rätt styrkja, bibehålla och handhafwa, samt owäldugt och oförskräckt förswara både Ridderskapets och Adelens Priwilegier, som ock Riksens Ständers Fri-och rättigheter, enligt then oryggeligen beswurne Regerings-Formen af then 21 Augusti 1772 och Riksdags-Ordningen af then 24 Januarii 1617. Jag skal ock föra mit Landt-Marskalks Embete aldeles efter Riddarhus-Ordningen af år 1626 och 1778 års Confirmation therå, och aldrig tillåta något ske, som kunde lända min Konung eller mit Fädernesland til mehn eller skada. Thetta lofwar jag alt på min Ridderliga tro och ära, och beder jag mig Gud min Siäl så wisst hielpa, som jag warder thetta troligen hållandes. Så sant mig Gud hielpe til Lif och Sial!

66.

Шведская конституція.—Шведскій текстъ присяги архіепископа [2]).

Arke-Biskopens Ed. Jar N. N. Ärke-Biskop af Upsala, lofwar och swär inför Gud och på thes Heliga Evangelium, at som jag, i följe af mitt Ärke-Biskops Embete, och i kraft af then Ordning uti Riksens Möter, som i Örebro then 24 Januarii 1617 af Riksens Ständer fastställd blef, äger nu at wid thetta Allmänne Riksens Ständers Möte wara Taleman för Preste-Ståndet; så skal jag med all kraft och förmåga bibehålla och handhafwa, samt med all min magt förswara, jemte wår sanna och rena Evangeliska Lutherska Tro och Lära, allan Konungsligan Rätt och Riksens Ständers Frihet, aldeles som then af them för sig och sine efterkommande för ewärdeliga tiderantagne och beswurne oryggelige Regerings-Form af then 21 Augustii 1772

[1]) Тамъ же, стр. 62, § 6.
[2]) Palmén. Finlands Grundlagar, стр. 63, § 6.

stadgar och förmår. Jag skal ock ej tillåta, at något theremot handlas, samt alla öfwerläggningar i Ståndet så föra, at the lända Gudi til ära, Kongl. Maj:t och Riket til gagn, Ståndet til heder och fromma. Jag skal och handhafwa Ståndets wälfångne Privilegier samt befordra alt, som länder min Konung och mit Fädernesland til godo, och aldrig tillåta, at sådane propositioner göras, som strida emot Konunga-Magten eller Riksens Ständers Frihet. At jag alla thessa Articlar troligen wil hålla, lägger jag min hand på thenna Bibliska Skrift: Bediandes min Gud wara mig så huldan til Lif och Siäl, som jag thetta troligen hålla skal!

67.

Переводъ присяги маршала дворянства барона Де-Геера (1809 г.) [1].

Я, нижеподписавшійся, обѣщаю и клянусь предъ Богомъ и на Св. Его Евангеліи, что бывъ по милости Е. В-ва Россійскаго Императора и Великаго Князя Финляндіи, моего Государя, назначенъ маршаломъ дворянства на финляндскомъ сеймѣ созванномъ въ городѣ Борго, буду поддерживать и утверждать безпристрастно и безбоязненно всѣ права короны, также какъ привилегіи дворянства и права сословій сообразно ихъ дѣйствующимъ установленіямъ и кореннымъ законамъ подтвержденнымъ Е. В. Императоромъ; исполню обязанности моего званія по правиламъ и уставамъ и не потерплю ничего, что могло бы нанести ущербъ или причинить невыгоду интересамъ Императора и моего отечества. Обязываюсь честью рыцаря выполнить эти обѣщанія и молю Бога о спасеніи моей души доколѣ буду соблюдать эту присягу;—и да будетъ мнѣ Богъ въ помощь душевно и тѣлесно.

Подписано: Робертъ Вильгельмъ Де-Гееръ.

68.

Переводъ присяги епископа Тенгстрёма (1809 г.) [2].

Я нижеподписавшійся, абоскій епископъ обѣщаю и клянусь предъ Богомъ и на Св. Его Евангеліи, что бывъ по милости Е. В. Императора Россійскаго, великаго князя Финляндіи, моего Государя, призванъ къ обязанностямъ оратора духовнаго сословія на финляндскомъ сеймѣ созванномъ въ городѣ Борго, я приложу всѣ усилія къ сохраненію и защитѣ истиннаго и чистаго евангелическо-лютеранскаго

[1]) Къ стр. 311, т. II.
[2]) Тоже, къ стр. 311.

ученія, правъ короны и свободы сословій сообразно дѣйствительнымъ установленіямъ и основнымъ законамъ. Я не позволю ничего противнаго и такъ буду направлять сужденія, чтобы они обращались въ славу Божію и къ пользѣ короны, моего отечества и моего сословія. Я буду также поддерживать привилегіи моего сословія, и не потерплю никакого предложенія противнаго державѣ Императора моего Государя, и свободѣ сословій. Въ удостовѣреніе чего полагаю руку на святое Евангеліе, моля Бога да поможетъ мнѣ душевно и тѣлесно на сколько соблюду эту присягу. Подписано Яковъ Тенгстрёмъ.

69.

Церемоніалъ открытія сейма [1]). Céremonial pour l'ouverture de la Diète.

Рукою Сперанскаго написано: «approuvé par S. M. l'Empereur le 23 fevrier 1809. Secrétaire d'Etat Speransky.

1) Le 13 Mars à midi le gouverneur général remettra l'acte de convocation à deux héraults d'armes et leur déclarera au nom de S. M. I. qu'ils aient à en faire la publication dans les formes usitées. Les héraults d'armes, accompagnés d'un détachement de cavalerie, proclameront au son des fanfares et des tambours, la réunion des membres de la diète aux lieux désignés pour la vérification de leurs pouvoirs.

2) A la suite de cette proclamation, la noblesse s'assemblera dans son chapitre (maison des nobles).

3) En même temps le maréchal de la noblesse, portant le bâton, qui lui aura été remis par S. M. I., entrera dans la ville, en équipage de la cour, pour se rendre au chapitre où il sera reçu à la porte par une députation.

4) Après avoir pris place dans l'assemblée, il en ouvrira les séances par un discours.

5) Ensuite la noblesse se présentera au directoire qui prendra leurs noms et leur delivrera les billets d'entrée au chapitre.

6) Le même jour, l'evêque d'Abo, orateur du clergé, fera son entrée en ville et se rendra à la maison désignée pour l'assemblée de ce corps.

7) Les membres du clergé, de la bourgeoisie et du corps des paysans se présenteront chez le chancelier pour la vérification de leurs pouvoirs respectifs

Le 14 Mars, dimanche, à midi tous les membres de la diète s'assembleront au palais, où le gouverneur général remettra les patents au nom de S. M. I. aux personnes appellées à remplir les

---

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

fonctions d'orateurs de la bourgeoisie et des paysans, et leur fera prêter serment entre ses mains.

Le 15 Mars, immédiatement après l'arrivée de S. M. I., une députation de tous les états, à la tête le maréchal et les orateurs, exprimera ses humbles remercîments pour la convocation de la diète; le gouverneur général declarera en même temps, au nom de S. M. I. que le jour suivant à 10 heures du matin sera entendu un sermon à l'office divin après lequel la diète sera ouverte dans une salle désignée à cet effet.

Le 16 Mars, les troupes seront rangées des deux côtés de la rue, qui conduit du palais à la cathédrale et de là à la salle de l'assemblée.

Le corps de la noblesse, precédé de son maréchal, précédé de deux héraults d'armes, s'assemblera au palais de l'Empereur et y prendra place par ordre de préséance.

Les autres états s'assembleront à la cathédrale.

La procession du palais à l'église sera reglée de la manière suivante:

1. Deux hérauts d'armes de la noblesse.
2. Le maréchal de la noblesse.
3. La noblesse, les familles moins anciennes précéderont.
4. Deux hérauts d'armes impériaux.
5. La suite de l'Empereur, le secrétaire d'état, son adjoint, le chancellier, le gouverneur général, le grand maréchal de la cour.
6. Sa M. I. sous un dais, qui sera porté par des généraux et des colonels.
7. A l'entrée de la cathédrale, l'evêque de Borgo accompagné du clergé saluera S. M. I. par un passage de l'écriture sainte.
8. Aussitot que S. M. I. aura pris sa place, commencera l'office divin, qui sera célébré avec les cérémonies usitées. Le texte du sermon sera fixé par S. M. l'Empereur. Au Te-Deum il y aura une salve d'artillerie.

La mache depuis la cathédrale jusqu'à la salle de l'assemblée se fera dans l'ordre suivant:

La bourgeoisie et les paysans précédés de leurs orateurs.

Le clergé précédé de son orateur.

Les hérauts de la noblesse, le maréchal et la noblesse. Les autres personnages dons l'ordre indiqué ci-dessus.

Dans la salle de l'assemblée la noblesse prendra place à droite; les autres états à gauche. Chaque état aura devant soi son orateur.

La suite impériale se placera derrière le trône.

Le gouverneur général et le chancellier se tiendront au pied du trône, des deux côtés, le premier à la droite, et le second à gauche.

De côté de la salle, à droite, sera posée une table, où le secrétaire d'état et son adjoint redigeront le procés verbal de l'assemblée.

S. M. I. assis sur le trône, prononcera un discours;—le gouver-

neur général s'étant placé sur la seconde marche du trône le lira en langue suédoise.

Le maréchal de la noblesse et les orateurs répondront l'un après l'autre par des discours.

Après quoi l'Empereur ordonnera au chancellier de lire les articles de déliberation qui seront proposés à la diète.

Le chancellier après en avoir fait lecture, en présentera un exemplaire au maréchal et aux orateurs.

Après cela la séance est levée. Le retour de S. M. I. se fera dans le même ordre de marche qu'à la cathédrale, c. à. d. précédé de la noblesse et de la suite impériale.

70.

Церемоніалъ принесенія присяги [1]. Cérémonial de la préstation du serment.

На подлинномъ рукою Сперанскаго написано: «approuvé par S. M. L'Empereur le 22 fevrier 1809. Secrétaire d'Etat Speransky».

1. Le 17 Mars, lendemain de l'ouverture de la diète deux héraults d'armes proclameront dans les places publiques, au son du tambour, que tous les membres des états du grand duché de Finlande seront admis au serment de fidélité et qu'à cet effet ils auront à se rendre à la cathédrale.

2. En conséquence les membres de la diète y seront tous réunis avant midi.

3. Lorsque le grand-maréchal de la cour aura instruit S. M. I. de la réunion de tous les membres la marche sera ouverte de la manière suivante:

a) les troupes seront rangées de deux côtés de la rue qui conduit du palais à la cathédrale;

b) Les héraults d'armes;

c) les personnes composant la suite impériale;

d) le chancellier et le gouverneur général;

e) le grand maréchal;

f) S. M. I. sous le dais qui sera porté par ses généraux et ses colonels.

4. L'entrée à la cathédrale se fera au bruit de l'orchestre.

8. S. M. I. assis sur le trône prononce un discours. Le gouverneur général en donnera une explication en langue suédoise.

7. Le chancellier placé sur la seconde marche du trône, invitera la noblesse à la préstation du serment de fidelité, dont il lira

[1] Тамъ же.

les paroles à haute voix; la noblesse en s'approchant du trône les répetera après lui. Les autres états procéderont de la même manière.

5. Après quoi le gouverneur général déclarera que S. M. I. a daigné confirmer solennellement la constitution de la Finlande en la sanctionnant de sa signature; il lira à haute voix l'acte de confirmation et le remettra au maréchal de la noblesse.

6. Le maréchal prononcera un discours de remerciement au nom de la noblesse; les orateurs au nom de leurs corps respectifs.

9. Alors un hérault d'armes de la noblesse se plaçant au pied du trône prononcera à haute voix aux salves d'artillerie ces paroles: *Vive Alexandre premier, Empereur de toutes les Russies etc. Grand Duc de la Finlande.*

10. Après quoi un des evêques du haut de la chaire lira une prière en action de grâces, qui sera suivi du Te-Deum.

11. La marche de retour se fera dans le même ordre de procession.

71.

Замѣчанія сейма въ Борго на проектъ плана Правительственнаго Совѣта (Conseil de Régence) доставленный Сперанскимъ барону Де-Гееру 27 го іюня 1809 [1]).

(Написаны противъ соотвѣтственныхъ пунктовъ шведскаго перевода проекта).

Au sujet du Projet concernant l'établissement du Conseil de Gouvernement les états ont fait des remarques suivantes:

Les états remettent très humblement à la décision de S. M-té si à l'avenir même les membres du Conseil ne puissent être nommés des citoyens de Finlande, qui sont de la réligion lutherienne [2]).

Titre 1, Dispositions générales: au lieu du *plus ancien des membres*—le membre *qui ait la prémière place dans le Conseil.*

Chap. 5.—Que dans les causes criminelles le gouverneur général n'ait la voix décisive; mais en cas que les voix fussent égales l'opinion de celui qui affranchit l'accusé, ou lui impose un chatíment moins sévère, sera préponderante selon le 3 § Chap. XXIII, section judiciaire du Code de 1734.

Titre 2, Chap. 1, 2 article.—Que le *Rivisions skilling*, ou l'argent qu'il faut déposer en apellant au Pouvoir Suprème, mais qui n'a point eu lieu dans les Collèges, ne soit exigé en d'autres causes que celles, où cette déposition antérieurement a été prescrite par la loi.

Même article.—Que les causes concernant les fautes des attachés au péage dans l'exercice de leurs fonctions, ainsi que celles qui re-

---

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

[2]) Въ шведскомъ текстѣ домогательство это помѣщено въ самомъ концѣ проекта.

gardent les fautes des arpenteurs, soient mises dans le nombre des affaires appartenant à la section de la justice.

Chap. 2.—Pour juger les causes qui regardent la vie ou l'honneur, il faut que sept membres, le president *compris*, soient présents [1]).

Comme le projet ne détermine point le procédé quant aux expéditions en des causes appartenant à la décision immédiate de S. M. I. et sur lesquelles le Conseil du Gouvernement n'est point autorisé de donner son avis, l'on supplie très humblement que S. M. I. daignerait ordonner si elles doivent être remises à S. M-té ou par le Conseil et les Colleges à qui il appartient.

Titre 3, Chap. 1, art. 7.—Ici l'on aurait aussi peut-être dû mentionner les plaintes qui regardent les actes de présentation (förslag) des municipaux des villes à des emplois qui sont à la nomination de Pouvoir Suprême.

Chap. 3, art. 3.—Conformement aves les rôles de capitation (Mantal Längden) *les listes des naissances, morts et mariages* (Tabelverket).

Le tems préscrit pour la poursuite des griefs d'appel en Suède est à présent peut être trop long et ne semble servir qu'à retarder la marche des affaires.

Il semble que les membres du Conseil, de même que ceux de la Cour Suprême à Stockholm dussent jouir *de quelque* semestre; sur quoi il sera peut être permis au Conseil de faire ses propositions très humbles.

Pour prévenir tout mesantendu snr la répartition des affaires, l'ordre du clergé très humblement remet à la décision de S. M-té, si toutes les affaires, nommées dans la circulaire en date du 29 janvier 1790 ne pourraient être remises au département des affaires ecclésiastiques.

Les appointements sont regardés insuffisants. En général on propose le même numeraire en argent qui a été fixé en billets de banque. Au reste les états osent soumettre à la decision de S. M-té si les appointements des divers officiers ne pourraient être augmentés, ainsi qu'il suit:

le secrétaire de protocole,
le régistrateur,
les cancellistes, les copistes,
les comissaires de revision,
les reviseurs,
le commis du bureau des finances.

Le loyer, le chauffage et les chandelles etc. *d'aprés les comptes vérifiés.*

L'état des prêtres ont regardé le procureur et les secrétaires d'expédition devoir jouir du droit de retenir ses appointements antérieurs conjointement aves ceux de leurs charges.

---

[1]) Въ проектѣ было: кромѣ председателя, non compris, oberäknad.

72.

Четыре предложенія сейму [1]). Propositions de S. M. I. remises aux Etats de la Diète.—Le 16 Mars 1809.

Sa Majesté Impériale en réunissant les états de Finlande en une Diète générale a bien voulu donner par là une preuve solennelle de ses intentions généreuses de conserver et maintenir inviolablement la religion, les lois, la constitution du pays, les droits et privilèges de tous les états en général et de chaque citoyen en particulier.

A cette première et solennelle réunion S. M. I. reconnaissant les voeux et les sentiments de ses nouveaux sujets veux bien recevoir leur foi et serment de fidélité et cimenter par là les liens que la Providence a formé entre Elle et le peuple soumis à son sceptre.

Parmi les objets de sa sollicitude paternelle pour le bien de ce pays différente branche d'économie publique et d'administration générale ont particilièrement attiré l'attention de S. M. I.. Pleine de confiance pour les sentiments de ses sujets et persuadée de l'empressement de la nation à aller au devant de ses vues bienfaisantes S. M. I. a resolu de porter les articles ci-dessous nommés à la délibération des états en les invitant à lui présenter leurs avis sur les moyens de les régler de la manière la plus conforme à la prospérité des habitants.

Expedié en conformité dès ordres de S. M. I.

Secrétaire d'Etat Speransky.

Sur l'organisation de la force militaire. Sa Majesté fidèle aux principes qu'Elle a adoptés sur l'administration de la Finlande et persuadée d'ailleurs qu'une milice nationale bien organisée est la sauve-garde la plus puissante de la sureté d'un Etat et que parmi tous les moyens de défense c'est le moins onéreux pour les habitants et surtout le moins préjudiciable aux interêts de la population et de l'agriculture, est intentionné de maintenir cette institution sur les bases principales, mais comme il est possible que des inconvenients graves aient pu se glisser, soit dans le mode de sa répartition, soit dans les autres éléments qui constituent l'ensemble de son organisation, l'Empereur veut bien permettre aux états de lui présenter leurs avis sur ces inconvenients et de désigner en même temps les moyens les plus éfficaces d'y remedier sans porter atteinte au principe sur lequel cette institution est basée. S. M. I. prenda en considération ces avis; en attendant la milice restera dissoute comme elle l'est à présent. Les revenus affectés à son entretien seront versés dans le trésor de la couronne d'après une répartition juste et libérale que les états auront à déterminer.

---

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

Sa Majesté se plait à donner en même temps une assurance positive aux états, qu'excepté l'organisation de la milice et la formation des troupes reglées à ses propres frais—soit par des engagements volontaires, soit par répression de vagabonds en conformité des lois existantes, aucune autre manière de recrutement forcé, ou de conscription militaire n'aura lieu en Finlande.

Sur la perception des impôts.—Deux grandes charges publiques dont une (les benevolences) paraissait onéreuse aux habitants et l'autre (l'assise de douannes intérieures) affectait et genait d'une manière très sensible le mouvement de l'industrie nationale, toutes deux formant une branche considérable des revenus de la couronne, ont été abolies au moment du premier établissement de l'administration actuelle. C'est ainsi que S. M. I. aimait à annoncer aux habitants sa prise de possession de ce pays; c'est ainsi qu'Elle signalait dès l'entrée et sa puissance bienfaisante et ses principes desinteressés.

Les vues que S. M. I. propose maintenant à la délibération des états, sont conçues dans le même esprit de sollicitude paternelle pour le bien de la Finlande.

Sa Majesté étant informée qu'il existe dans le mode actuel de répartitions et de perceptions des impôts, plusieurs genres d'inconvéniens, que la masse des rentes trop morcelée, trop hétérogène dans ses éléments primitifs présente aux contribuables et surtout aux cultivateurs beaucoup de difficultés à saisir leur résultat, invite les états à combiner une méthode de perception plus facile en reduisant les articles trop minutieux, trop hérissés de calcul, à des branches de revenus plus uniformes, plus adoptées aux localités, et par là moins sujets à l'arbitraire sans diminuer toute fois leur produit total.

Ce produit doit être proportionné aux besoins de l'Etat. Bien éloigné de toute idée d'interêt propre S. M. I. n'envisage les deniers publics de la Finlande que comme une ressource consacrée à la prospérité des habitants: mais pour favoriser cette prospérité, pour maintenir une administration intègre et vigilante, il faut des moyens suffisants. Sous le rapport des finances, une nation ne peut être libre dans son régime intérieur qu'autant qu'elle se suffit à elle même.

Sur le système monétaire. Le système monétaire de la Finlande intimement lié à sa position politique présente de grandes difficultés à résoudre. Il s'agit de concilier les interêts particuliers avec l'ordre des choses actuelles.—Sa Majesté Imperiale recommande très spécialement à la déliberation des états cette matière importante, en les invitant à lui soumettre les meilleurs moyens d'applanir ces difficultés. Sa Majesté Impériale sans anticiper sur les mésures qu'elle trouvera convenable de prendre dans une affaire aussi épineuse, est disposée à venir au secours de ses fidèles sujets de la Finlande autant que l'étendue de leurs besoins et la matière des moyens pourront le permettre.

Sur le Conseil de Régence.—Les autorités administratives reparties dans les differentes provinces da la Finlande, avaient besoin

d'une institution centrale, où les affaires pussent refluer et se réunir pour y être définitivement réglées.

Sa Majesté Imperiale a déjà confirmé un plan général de cette institution sous le nom de Conseil de Régence. Le réglement de ce Conseil demande un travail particulier; aussitôt qu'il sera achevé Sa Majesté est intentionnée de le proposer aux états pour recueillir leurs avis.

En attendant Elle veut bien donner une nouvelle preuve de sa confiance aux états, en les invitant à lui présenter pour les quatre sections dont ce Conseil sous la présidence du gouverneur général sera composé, douze candidats, dont la moitié [1]) de la noblesse et des autres classes de l'Etat. Leur service durera trois ans. Sa Majesté choisira de ces candidats le nombre de fonctionnaires qu'Elle jugera nécessaire pour l'organisation de ce Conseil, se réservant pour l'avenir de determiner définitivement le mode de leur nomination.

73.

Петиція духовенства о представленіи духовныхъ дѣлъ правительственному совѣту [2]).

Sire! Par nne note du gouverneur de Finlande le baron Sprengtporten signée le 28 décembre 1808 et adressée aux députés du clergé finnois qui viennent d'être présentés à Votre Majesté Imperiale à Pétersbourg, le gouverneur général les a prevenus de la permission de V. M. I. très gracieuse, accordée à nos consistoires, de pouvoir remettre immédiatement à la décision de V. M. I. toutes les affaires écclésiastiques des deux diocèses de la Finlande sans aucune intervention des autres pouvoirs administratifs de l'Empire.

C'est avec le respect le plus profond que le clergé de Finlande a l'honneur de témoigner la plus vive reconnaissance de cette nouvelle marque de la grâce et de la bienveillance de V. M. I. envers tout notre ordre ecclésiastique. Mais comme V. M. I. a daigné accorder à la nouvelle Finlande un conseil de régence sous la direction du gouverneur général où toutes les affaires et juridiques et civiles seront décidées en dernières instances, les soussignés représentants du clergé osent avec la soumission la plus respectueuse demander à V. M. I. que les écclésiastiques puissent de même que celles des autres départements de l'état, être portées à la discusion du dit conseil, afin que V. M. déjà si fort occupée des soins presque innombrables pour le gouvernement d'un Empire si vaste et habité par tant de nations différentes, ne soit pas molesté et accablé par nos affaires écclésiastiques dont la plupart n'est pas d'une grande impor-

---

[1]) Въ имѣющейся копіи здѣсь произошла порча, и потому слова «dont la moitié» быть можетъ не вполнѣ точны.

[2]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

tance et qui ne pourraient être portées et discutés à Pétersbourg sans trop d'embarras et de dépenses pour les pauvres habitants du pays.

Quant aux emplois écclésiastiques dont le roi de Suède, ci-devant, a disposé, comme à toutes les suppliques de grâce et les dispences au delà des lois du pays nos consistoires ne manqueront pas de les remettre à l'avenir comme auparavant à la disposition et à la décision de V. M. I.

Borgo le 25 мars (6 avril) 1809.

Jac. Tengström, Gust. Gadolin, Joh. Sundwall, N. Aymelius, M. Alopaeus, Ivar Wallenius, Ioh. Henr. Cygnaeus.

74.

Петиція сословій объ учрежденіи особаго комитета по случаю мирныхъ переговоровъ [1]).

Sire. La haute faveur et la bienveillance très gracieuse que V. M. I. a témoigné aux habitants de la Finlande et dont Elle les a très généreusement comblés donnent aux états du pays assemblés par les ordres de V. M. I. l'espérance la plus flatteuse que V. M. I. voudra bien leur permettre de recourir à V. M. I. dans une affaire de la dernière importance pour le bien de nos contemporains et pour celui de toute notre postérité et de demander très humblement une preuve nouvelle de l'intention gracieuse et bienfaisante qu'a V. M. I. de faire le bien de tous ses nombreux sujets.

Après les combats pénibles et sanglants dont la plupart des contrées de notre patrie ont été vexées depuis un an, les armées victorieuses de V. M. I. paraissent enfin avoir préparé le repos et font naitre l'espérance de la paix, si universellement souhaitée et si nécessaire et bienfaisante pour le pays.

Si V. M. I. dans Sa haute sagesse trouvera bon et convenable aux interêts de son grand empire d'entrer en négociation de paix avec la couronne suédoise, les fidèles sujets de V. M. I. sont persuadés que V. M. I. guidée des sentiments tendres et paternels pour ce pays, daignera dans une affaire si importante avoir le soin le plus tendre de la conservation et de tous les interêts même de ceux de ses sujets qu'Elle a dernièrement conquis.

Mais, Sire! notre patrie est si nouvellement soumise au sceptre de V. M. I. que nous n'osons pas espérer que V. M. I. dont le temps précieux est occupé par des soins innombrables du bien de plusieurs autres nations et sujets ait pû, dans un temps si court prendre une connaissance parfaite de tous nos besoins ou qu'Elle ait déjà eu le temps d'approfondir tellement les affaires de notre pays qu'Elle puisse en traitant de la paix avec la Suède, donner son attention très éc-

---

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

lairée et très gracieuse à tous les objets qui pourraient la mériter et entrer dans tous les détails qui pourraient être nécessaires.

C'est pourquoi les états de Finlande se confiant en la clémence de V. M. I. universellement vénérée et se ressouvenant de la permission très gracieuse que V. M. I. leur a donnée de rapporter et remettre à V. M. I. toutes les affaires importantes, osent, avec la soumission la plus grande, supplier la permission très gracieuse de pouvoir pendant cette diète constituer un comité particulier qui pourrait préparer les objets qui ne regardent que le pays en général, les divers états de ses habitants, leurs affaires et leurs métiers, considérés sous des vues économiques et dans les relations de commerce et auxquels il paraîtra nécessaire à veiller en traitant de la paix, avec égard aux droits mutuels et aux avantages que le public en pourra tirer, même pour l'avenir; après quoi toutes ces affaires seront dans l'ordre ordinaire, par les états en corps très humblement remises à l'examen et à la décision de V. M. I.

Lorsque les liens qui ont depuis plusieurs siècles lié la Finlande avec la Suède sous les lois, privilèges et constitutions communes sont rompus à présent et que nous sommes attachés par des nouvelles obligations au grand pouvoir qui nous protège et nous soutient il n'échappe pas à l'attention très gracieuse de V. M. I. combien de questions touchant les affaires particulières et publiques auront lieu à présent, l'ordre des choses étant changé.

Nous joignons ici très humblement l'extrait du procés que le corps de la bourgeoisie a communiqué aux états et qui contient les pensées particulières de cet ordre sur cette matière.

Les état ont l'honneur d'être avec la plus soumise et la plus profonde vénération, fidélité et zèle, Sire, de V. M. I.,

les très humbles, très obéissants et fidèles serviteurs et sujets

R. W. de Geer	Jaque Tengtröm
maréchal des nobles,	orateur du clergé,
Chr. Trapp	P. Klockars
orateur le la bourgeoisie,	orateur des paysans.

75.

Французскій переводъ извлеченія изъ протокола горожанъ [1]).

En examinant attantivement le mémorial présenté le 14 de ce mois-ci par le major et chevalier baron de Mannerheim à l'assemblée générale de la noblesse, où aussi bien que dans les assemblées des ordres respectifs des prêtres et des paysans, à ce que marquent les extraits de protocole reçus de ces ordres, ce mémorial sur le champ

[1]) Приложеніе къ петиціи. *Extrait du protocole* tenu dans l'assemblée générale des députés *de la bourgeoisie* à la diète de Borgo le 5 (17) avril 1809.

восудіе исполнялись какъ слѣдуетъ по изданнымъ въ Швеціи уложенію и постановленіямъ, которыя имѣютъ быть наблюдаемы безъ какихъ-либо кривыхъ толкованій по настоящему и буквальному ихъ смыслу, въ руководство при рѣшеніи дѣлъ. Посему надлежитъ гофгерихтамъ безъ выгодъ, корысти, или по другимъ какимъ либо видамъ, оказывать каждому правосудіе такъ, чтобы въ томъ могли отдать отчетъ Господу Богу и Его Королевскому Величеству, и государство отъ несправедливости не претерпѣвало вреда. Никто изъ дворянъ по извѣтамъ касающимся до жизни и чести его не долженъ быть судимъ въ другомъ судѣ, какъ въ гофгерихтахъ, точно такъ, какъ установлено привилегіями и уставомъ о процессахъ 1615 г., съ тѣмъ однако, чтобъ изслѣдованіе производилось на мѣстѣ и никакія другія криминальныя дѣла не поступали въ помянутые суды, кромѣ относящихся до живота и чести. Гофгерихтамъ надлежитъ также имѣть тщательный присмотръ за нижними судьями въ уѣздахъ и городахъ и экзекуторами; а когда они провиняются въ чемънибудь по неумѣнію, дреманію или алчности къ деньгамъ, то предавать ихъ за то, смотря по особенному роду каждаго дѣла, тотчасъ законному отвѣтствію, приговору и наказанію; а если кто съ намѣреніемъ, по ненависти, недоброжелательству или жадности къ взяткамъ, кривымъ правосудіемъ и тѣмъ обременилъ совѣсть свою и сдѣлалъ ближнему своему вредъ въ отношеніи жизни, чести и благосостоянія его, то заплатить такому за злость свою не штрафными деньгами или отрѣшеніемъ отъ должности, но лишеніемъ жизни и чести, смотря по качеству и роду дѣла въ точности по уложенію Швеціи. Такія преступленія также не должны быть скрываемы или щадимы поддержкою, чрезмѣрнымъ снисхожденіемъ или неумѣстнымъ сожалѣніемъ, дабы въ подобныхъ щекотливыхъ дѣлахъ другіе не имѣли поводъ къ самовольному употребленію правосудія во зло, когда видятъ, что проступки и ошибки отъ злости учиненныя не наказываются справедливымъ образомъ, и какъ всякъ по винѣ своей того заслуживалъ. Напротиву сего, буде кто-либо по недоброжелательству, необдуманности и мщенію, ругательными и честь поносительными или обидными словами и сочиненіями нападать будетъ на судей и экзекуторовъ, при исполненіи ими должности своей, и потомъ не можетъ доказать учиненные имъ извѣты, то на таковаго тотчасъ наложить строгое наказаніе, смотря по роду дѣла въ предъостереганіе щекотливыхъ, сердитыхъ и худыхъ людей. Никто, кто бы онъ ни былъ, не долженъ быть содержанъ подъ арестомъ безъ преданія суду. А дабы нужда и бѣдность судей не служили поводомъ къ вреднымъ послѣдствіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предлогомъ къ употребленію самой должности во зло, то опредѣленныя отъ земства на содержаніе своихъ судей и жалованье ихъ, Лагманскіе, Герадсгевдингскіе и на столъ самому суду деньги во время съѣзда (Tingsgästning) должны быть сохраняемы на предположенную цѣль, и на отпускъ подлежащимъ судьямъ жалованья по штату, точно такъ какъ постановлено Актомъ блаженной памяти Короля Густава-Адольфа 1611 г. Стряп-

чіе и фискалы Короля, не должны исправлять должности своей съ обидами и корыстолюбіемъ, а когда сіе обнаружено будетъ, то подвергать ихъ за то законному отвѣтствію; за симъ бдительно смотрѣть канцлеру юстиціи, коему также имѣть надзоръ за исполненіемъ законовъ и постановленій, равно доносить ему о томъ Его Королевскому Величеству. Таковыхъ гофгерихтовъ должно быть три, какъ поднесь, первый въ Стокгольмѣ, въ вѣдомствѣ коего состоитъ все Свейское (Svea) Государство, называемый Свеаскимъ Гофгерихтомъ въ старомъ уложеніи; второй всегда бываетъ въ Іёнкёпингѣ подъ коимъ находится все Гётское (Göthа) государство, и третій находящійся въ Або и завѣдывающій Великимъ Княжествомъ Финляндіи.

§ 16. Всѣ вообще коммисіи, депутаціи, имѣющія равную съ присутственными мѣстами власть, или экстраординарные присутственные мѣста, учрежденные какъ Королемъ, такъ и чинами государства, должны быть упразднены, яко средства споспѣшествующія самовластію и тиранству; напротиву сего пользоваться каждому шведу тѣмъ правомъ, чтобъ былъ судимъ въ томъ присутственномъ мѣстѣ, въ вѣдомствѣ коего онъ по уложенію Швеціи находится. Но буде такъ случится, чтобъ какое нибудь лицо высокой породы, или государственные чиновники или же цѣлая коллегія провиняются до такой степени, что сіе касаться будетъ Короля, государства или короны, и виновные не могутъ быть судимы ни гофгерихтомъ, или совѣтомъ, то учредить государственный судъ (Rikets-Rätt) въ коемъ предсѣдательствовать Его Королевскому Величеству самому, или же на мѣсто его Кронъ-Принцу, или первому изъ наслѣдныхъ князей, или же старшему изъ государственныхъ совѣтниковъ, изъ фельдмаршала, всѣхъ президентовъ государственныхъ и королевскихъ коллегій, 4-хъ старшихъ совѣтниковъ, всѣхъ трехъ государственныхъ гофгерихтовъ, одного генерала, двухъ старшихъ генералъ-лейтенантовъ, двухъ старшихъ генералъ-маіоровъ, старшаго адмирала, двухъ старшихъ вице-адмираловъ и двухъ старшихъ контръ-адмираловъ, придворнаго канцлера и трехъ статсъ-секретарей; юстиціи канцлеръ всегда бываетъ казенный ходатай, а старшій ревизіонный секретарь ведетъ протоколъ. Сіе судилище должно по окончаніи слѣдствія объявлять рѣшеніе свое при открытыхъ дверяхъ, а потомъ никто не въ правѣ перемѣнять оное, а еще менѣе усилить наказаніе, съ предоставленіемъ однако Его Королевскому Величеству права помилованія.

§ 17. За гофгерихтами слѣдуетъ военная коллегія, въ коей находится какъ и прежде президентъ и генералъ-фельдцейхмейстеръ, генералъ-квартирмейстеръ и обыкновенные военные совѣтники, кои имѣютъ быть свѣдущи въ счетныхъ дѣлахъ и избираются изъ опытныхъ по военной части лицъ. Сія коллегія имѣетъ присмотръ и попеченіе о военной силѣ государства, сухопутной, артиллеріи употребляемой на полѣ и въ крѣпостяхъ, о фортификаціонномъ штатѣ, о большихъ орудіяхъ, о ружейныхъ заводахъ, оружіяхъ и шпагахъ,

аммуниціи и тому принадлежащемъ, о состояніи крѣпостей въ особенности на границѣ, о шанцахъ и прочихъ военныхъ постройкахъ, о наборахъ, вербовкѣ и смотрахъ и о прочемъ, вслѣдствіи инструкціи постановленій и королевскихъ рескриптовъ, которые уже изданы или впредь состояться будутъ.

§ 18. Вся военная сила, какъ сухопутная такъ и морская съ высшимъ и съ нижнимъ начальствомъ имѣетъ присягать на вѣрность и подданство Его Королевскому Величеству, государству и чинамъ онаго по составленному формуляру. Военная сила, какъ конная, такъ и пѣшая, обще съ ботманскою частію остается при приличныхъ доходахъ своихъ (Jndelning), а контракты заключенные по сему съ земствомъ и городами имѣютъ быть точно исполняемы и наблюдаемы до тѣхъ поръ покуда Его Королевское Величество и чины государственные совокупно не найдутъ нужнымъ учинить въ оныхъ какую либо перемѣну.

§ 19. Безъ особеннаго Его Королевскаго Величества всемилостивѣйшаго повелѣнія возбраняется полковнику и другимъ военнымъ начальникамъ созвать уволенныхъ въ отпускъ нижнихъ чиновъ въ походъ, кромѣ обыкновеннаго сбора полка и другихъ сборищъ, исключая того случая, когда сіе дѣлается при неожиданномъ нападеніи государственнаго непріятеля, о чемъ тотчасъ слѣдуетъ доносить Его Королевскому Величеству. Его Королевскому Величеству имѣть главное начальство надъ всею военною силою, какъ сухопутною такъ и морскою, какъ то всегда употреблялось въ прежнія и для государства самыя блистательныя и счастливыя времена.

§ 20. Третья государственная коллегія есть адмиралтейская, въ коей имѣется президентъ и засѣдатели его суть всѣ состоящіе на лицо адмиралы и флагманы; для лучшаго-жъ хода сихъ дѣлъ долженъ быть въ совѣтѣ Его Королевскаго Величества по крайней мѣрѣ одинъ государственный совѣтникъ, служившій на морѣ и опытный по морской части. Сія коллегія имѣетъ присмотръ, наблюденіе и попеченіе о морской силѣ государства и о всемъ прочемъ къ тому принадлежащемъ, какъ относительно постройки кораблей, оснащенія и вооруженія ихъ, такъ и заготовленія провіанта, созыва боцмановъ, водолазной и лоцманской части, равно всѣхъ прочихъ принадлежащихъ къ сей части дѣлъ сходно инструкціямъ, королевскимъ рескриптамъ и постановленіямъ уже состоявшимся, или впредь издаваемымъ.

§ 21. Четвертая коллегія государства есть государственная канцелярія, въ коей всегда предсѣдательствуетъ одинъ изъ государственныхъ совѣтниковъ, имѣя при себѣ засѣдателями одного или болѣе государственныхъ совѣтниковъ, одного гофъ-канцлера, статсъ-секретаря и обыкновенныхъ канцелярскихъ совѣтниковъ. Въ сей коллегіи сочиняются всѣ вообще уставы, регламенты и рецессы (Recesser), которые касаются вообще государства или привилегіи особенныхъ городовъ и частныхъ лицъ, въ особенности грамоты на должности и чины, отношенія и предписанія. Сюда также принадлежатъ всѣ документы о государственныхъ сеймахъ и съѣздахъ, союзы съ чужими государствами и мирные трактаты съ непріятелями, надле-

жащее отправленіе пословъ, всѣ совѣщанія, кои Король обыкновенно имѣетъ съ государственными совѣтниками или съ нѣкоторыми изъ нихъ и веденные по сему протоколы, и тотъ изъ числа оныхъ, который выходитъ за подписью Его Королевскаго Величества. Сей коллегіи имѣть также присмотръ и попеченіе о почтовой части во всемъ государствѣ и въ подвѣдомственныхъ оному провинціяхъ, такъ чтобы она подъ надзоромъ опредѣленнаго оберъ-директора надлежащимъ образомъ была управляема. Статсъ-секретарю наиточнѣйше наблюдать и смотрѣть за тѣмъ, чтобы исходящія бумаги въ сходствіе разрѣшенія Его Королевскаго Величества и протоколовъ наискорѣе, вѣрно и хорошимъ порядкомъ были написаны и отправляемы безъ малѣйшаго упущенія по какой бы то не было причинѣ. Если кто нибудь былъ бы столь дерзокъ, чтобъ отправилъ бумагу, противную разрѣшенію Его Королевскаго Величества, и тѣмъ старался обмануть (surprendre) Его Величество (что при множествѣ бумагъ легко случиться можетъ) таковой по надлежащемъ судебномъ разбирательствѣ и рѣшеніи долженъ быть отставленъ отъ службы и оштрафованъ смотря по преступленію своему. А посему впредь какъ и понынѣ, никакое предписаніе не имѣетъ быть выполнено, которое не снабжено надлежащею контрасигнировкою, исключая военныхъ дѣлъ. Коллегіи сей впрочемъ руководствоваться канцелярскимъ уставомъ и тѣми инструкціями, рескриптами и королевскими постановленіями, которые уже изданы и впредь состояться будутъ

§ 22. Его Королевское Величество назначаетъ въ присутствующемъ совѣтѣ, безъ отобранія однако голосовъ, президента въ канцелярію, канцелярскихъ совѣтниковъ, которые суть государственные совѣтники, гофъ-канцлера, статсъ-секретарей, канцеляріи совѣтниковъ и экспедиціонныхъ секретарей, избирая въ сіи званія тѣхъ, къ коимъ довѣріе имѣетъ. Тоже самое наблюдается относительно министровъ Его Королевскаго Величества при чужихъ дворахъ.

§ 23. Пятая государственная коллегія есть камеръ-коллегія, имѣющая одного президента и обыкновенныхъ камеральныхъ совѣтниковъ. Всѣ тѣ, кои занимаются сборомъ и расходомъ Короля и короны имѣютъ въ оной принимать приказанія и отдавать отчетъ, сходно инструкціямъ, королевскимъ рескриптамъ и приказамъ уже изданнымъ или впредь издаваемымъ. Заботы и попеченіе сей коллегіи состоятъ въ томъ, чтобы оброки надлежащимъ образомъ и заблаговременно были собираемы и умножаемы, земля хорошо обработываема, воздѣлываема и улучшаема надлежащимъ хозяйствомъ и поправкою, равно чтобы присвоенные казнѣ доходы не расточались и не пропадали отъ упущенія, а напротиву того государственныя деньги всячески были улучшаемы, приспособляемы къ удобнѣйшему обращенію, сохраняемы и заготовляемы заблаговременно, равно чтобы кредитъ не пропадалъ, такъ чтобы Его Королевское Величество въ случаѣ нужды могъ ожидать внутри и внѣ государства пособія и вспоможенія. Большія портовыя таможни съ сборами и счетами, равно малыя таможни съ акцизомъ состоятъ также подъ управленіемъ подлежа-

шведской крови не могутъ имѣть удѣла, или генералъ-губернаторства, но должны довольствоваться денежнымъ содержаніемъ по штату назначеннымъ, наслѣдные принцы не менѣе 100.000 далеровъ серебреною монетою, считая со дня объявленія ихъ совершеннолѣтними, что по двадцати-однолѣтнемъ возрастѣ имъ слѣдуетъ. Принцы шведской крови, въ степени царствующаго рода отдаленной, могутъ пользоваться ежегодно денежною суммою на содержаніе свое, соразмѣрно ихъ роду. Ихъ также позволяется величать титулами герцогствъ и княжествъ, какъ сіе издревле дѣлалось, но не имѣютъ никакихъ правъ на провинціи, коихъ имя носить будутъ, ибо сіи провинціи всегда имѣютъ находиться подъ однимъ властителемъ безъ какого либо уменьшенія, или раздробленія.

§ 35. Что принадлежитъ до содержанія наслѣднаго принца, который всегда бываетъ старшій изъ сыновей царствующаго Короля, или родной его внукъ, во всемъ поступлено быть имѣетъ, какъ постановлено было относительно содержанія для сына блаженной памяти Короля Адольфа-Фредерика, всемилостивѣйшаго нашего государя Густава III-го, нами днесь управляющаго. Наслѣдный Принцъ въ совѣтѣ Его Величества по совершеніи 18-ти лѣтъ засѣдаетъ.

§ 36. Никакой принцъ шведской крови, будь онъ наслѣдный принцъ, наслѣдный князь или князь, не можетъ сочетаться бракомъ безъ вѣдома и позволенія Короля. Если кто противу сего преступитъ, то поступаютъ съ нимъ по шведскому закону и дѣти лишаются права наслѣдства.

§ 37. Въ случаѣ болѣзни или долгаго путешествія Короля управляется государство тѣми государственными совѣтниками, коихъ Король къ тому назначаетъ. Если болѣзнь Короля будетъ толико скоропостижна, что онъ распоряженія о государственныхъ дѣлахъ учинить не успѣетъ, тогда исходящія бумаги идутъ на подписаніе къ четыремъ старшимъ государственнымъ совѣтникамъ и президенту канцеляріи, каковыя пять особъ совокупно власть королевскую да отправляютъ во всѣхъ дѣлахъ требующихъ скораго распоряженія, но опредѣлять къ мѣстамъ и заключать союзы воли не имѣютъ, пока здоровье Короля не придетъ въ состояніе самому дѣлами заняться позволяющее, и тогда управлявшіе должны дать отчетъ въ правленіи. Еслибъ жизнь Короля пресѣклась и наслѣдникъ малолѣтенъ, то вышесказанный порядокъ при учрежденіи правительства соблюденъ быть имѣетъ, и должности ввѣряемы быть должны на время исключая такого случая, когда покойный Король духовною своею предпишетъ иное распоряженіе, тогда завѣщаніе правиломъ служить должно.

§ 38. Государственные чины обязаны собираться по волѣ короля въ такое время и въ томъ мѣстѣ, гдѣ его величество засѣданіе назначить пожелаетъ, для совѣтованія съ его королевскимъ величествомъ о тѣхъ дѣлахъ, по коимъ его величество ихъ созываетъ. Нѣтъ причинъ, и никому кромѣ короля не имѣть власти созвать государственныхъ чиновъ къ общему сейму, исключая времени малолѣтства короля, тогда попечителямъ его сіе право отдается. Но

если бъ совершенное пресѣченіе мужескаго колѣна королевскому дому воспослѣдовало (несчастіе, отъ котораго Богъ насъ да сохранитъ), тогда государственные чины безъ напоминанія и безъ созыва обязаны въ тридцатый день послѣ смерти короля собраться въ Стокгольмѣ, какъ то объяснено въ актѣ нашемъ отъ 20-го іюня 1743 г., опредѣляя въ то же время наказаніе тѣмъ, кои при сихъ обстоятельствахъ происками или заговорами произвольному выбору государственныхъ чиновъ захотятъ учинить насиліе. При сихъ несчастныхъ обстоятельствахъ слѣдуетъ настоятелю дворянскаго дома, думѣ, консисторіи упсальской и стокгольмскому магистрату обнародованіе учинить наискорѣйшимъ образомъ во всѣхъ провинціяхъ государства, дабы каждый могъ по оному располагаться. А какъ ландсгевдинги должны каждой усильно объявлять смерть короля всѣмъ жителямъ губерніи, то собранное число людей къ опредѣленному времени должно быть довольно сильно для защиты и покровительства вольности государства, и для избранія новаго королевскаго дома.

§ 39. Государственные чины должны съ надлежащимъ попеченіемъ наблюдать со всею точностью всѣ права государя, такъ какъ шведскими законами предписано, во всей ихъ силѣ и могуществѣ; они должны наблюдать, подкрѣплять и защищать усердно и расторопно все, что ко власти королевской относиться будетъ. Вслѣдствіе сего они не могутъ поправить, перемѣнить, прибавить, ниже уменьшить ничего въ настоящихъ фундаментальныхъ законахъ безъ согласія короля, дабы несправедливость не нарушила истиннаго закона и дабы вольность подданныхъ и преимущества короля не потерпѣли или не уничтожились, но чтобъ каждый законнымъ правомъ своимъ и пріобрѣтенными привилегіями пользовался. Всѣ другія постановленія, которыя съ 1680 г. по сіе время почитаемы были фундаментальными, симъ уничтожаются.

§ 40. Король не можетъ издать новыхъ законовъ ниже старыхъ уничтожить, безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ.

§ 41. Государственные чины не могутъ издать новыхъ законовъ, ниже старыхъ уничтожить безъ вѣдома и согласія короля.

§ 42. При изданіи новаго закона нижеслѣдующій порядокъ наблюдается. Когда государственные чины оный желаютъ, то надлежитъ одумать между собою, и по общемъ согласіи проектъ четырьмя ораторами королю подносится, для истребованія на сіе мнѣнія его величества; король отбираетъ голоса государственныхъ совѣтниковъ, которые разсмотря, кладетъ рѣшеніе, потомъ собираетъ государственныхъ чиновъ въ залѣ своего дворца и ясною и короткою рѣчью изъявляетъ согласіе свое или же причины почему согласиться не можетъ. Если же король пожелаетъ предложить новый законъ, то его величество имѣетъ сперва сообщить оный государственнымъ совѣтникамъ и по внесеніи ихъ мнѣній въ протоколъ, все это передаетъ государственнымъ чинамъ, кои по разсмотрѣніи и соглашеніи между собою просятъ назначить день для сооообщенія согласія ихъ королю въ государственной залѣ. Если же мнѣніе будетъ от-

рицательно, то оное подадутъ чрезъ ораторовъ его величеству письменно съ изъясненіемъ причинъ [1].

§ 43. Если бы случилось, что выйдутъ споры касательно какого закона, какъ тому не рѣдкіе примѣры въ недавнемъ времени были, то должно поступать согласно со статьею 42.

§ 44. Право бить монету остается собственностію государя; если же онъ возъимѣетъ учинить перемѣну въ вѣсѣ или составѣ металла, тогда государственные чины предоставляютъ себѣ право, чтобъ безъ вѣдома и согласія ихъ сіе не дѣлалось.

§ 45. Королю слѣдуетъ покровительствовать и защищать государство, а особенно противу непріятельскихъ силъ, но онъ не можетъ противу присяги своей при помазаніи и своею Акта увѣренія наложить на подданныхъ какіе либо военные налоги, новые поборы и подати безъ вѣдома и добровольнаго государственныхъ чиновъ согласія, исключая только тѣхъ несчастныхъ случаевъ, когда нечаянное нападеніе непріятеля на государство учинено будетъ, тогда онъ имѣетъ право принимать мѣры съ пользою и безопасностію государства соглашающіяся, также и съ выгодами его подданныхъ. Но по окончаніи войны государственные чины должны собраться и новые налоги, войною причиненные, тотчасъ уничтожаются.

§ 46. Сеймамъ не долѣе трехъ мѣсяцевъ позволено продолжать свои засѣданія, дабы государство отъ продолжительности не потерпѣло, какъ то до сего времени случалось, то король по истеченіи опредѣленнаго времени можетъ сеймъ разрушить и депутатовъ разослать каждаго въ свое мѣсто. Если въ теченіи сейма согласіе на новые поборы не утвердится, то оставаться по прежнему.

§ 47. Государственные чины имѣютъ право назначать особъ для засѣданія въ комитетахъ, съ коими его королевское величество хочетъ разсуждать о дѣлахъ по мнѣнію его сокрытыми остаться долженствующихъ. Члены сихъ комитетовъ пользуются всѣми преимуществами, кои государственнымъ чинамъ присвоены, но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ въ коихъ тайну хранить нѣтъ нужды дѣла сообщаются полному собранію каждаго состоянія государственныхъ чиновъ на разсмотрѣніе.

§ 48. Короли не могутъ объявлять войны, ни чинить нападеній безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ.

§ 49. Никакіе протоколы сообщены и требуемы государственными чинами быть не могутъ, кромѣ относящихся до дѣлъ, по которымъ король вмѣстѣ съ государственными чинами имѣлъ сужденіе.

§ 50. Комитетамъ государственныхъ чиновъ должно предъявлено быть состояніе государственной казны, дабы они могли удостовѣриться, что доходы употребляются къ пользѣ и благосостоянію королевства.

---

[1]) Сюда же слѣдуетъ сказанное на стр. во 66 всеобщ. изображ. Швеціи. (Тоже какъ выше, стр. 28, примѣчаніе).

§ 51. Если кто изъ членовъ сейма будетъ обиженъ въ продолженіи онаго, словомъ или дѣломъ, не подавъ самъ къ тому причины, какъ въ пути его на оный, такъ и при возвращеніи домой, и не взирая на объявленіе о его качествѣ; то за таковое преступленіе съ виновникомъ поступлено быть имѣетъ, какъ съ нарушителемъ королевской присяги, коею его величество вызвался наблюдать общую тишину.

§ 52. Король долженъ наблюдать, чтобъ всѣ четыре состоянія народа пользовались привилегіями и правами законнопріобрѣтенными. Ни которому состоянію преимуществъ дать не можно безъ вѣдома и согласія четырехъ состояній.

§ 53. Германскія провинціи поручаются единственному попеченію короля, онѣ должны управляемы быть сходственно съ законами германской имперіи, привилегіями благопріобрѣтенными и согласно съ установленіями Вестфальскаго мира.

§ 54. Всѣ города государства могутъ пользоваться законными преимуществами и правами, королями имъ предшествовавшими утвержденными, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ сіи права и преимущества приноровляемы были къ обстоятельствамъ и выгодамъ общественнымъ.

§ 55. Банкъ государственныхъ чиновъ остается какъ прежде подъ присмотромъ и отчетомъ ихъ, онъ управляемъ быть долженъ по узаконеніямъ и статутамъ уже утвержденнымъ государственными чинами или кои ими впредь учреждены будутъ.

§ 56. Касса армейскихъ пенсіоновъ должна быть управляема настоящими учрежденіями и тѣми, кои королемъ вновь съ повѣренными отъ военнаго начальства завербованной арміи учредиться могутъ.

§ 57. Если въ семъ законѣ открылась бы какая либо неясность, то слѣдовать буквальному содержанію онаго, покуда его королевское величество и государственные чины, какъ предписано въ 39 и 42 §§, между собою не согласятся.

Мы нынѣ здѣсь собравшіеся чины государства находили нужнымъ утвердить все сіе, для надлежащаго правленія государства, для вольности и безопасности какъ нашей, такъ и нашихъ дома остающихся собратьевъ и потомковъ родившихся и впредь родящихся.

Мы объявляемъ симъ вновь, что имѣя величайшее отвращеніе къ королевскому самодержавію или такъ называемому неограниченному правленію (souverainitet) почитаемъ за превосходнѣйшее счастіе наше, честь и выгоду, что живемъ вольными, независимыми, законодательными, но законоповинующимися чинами подъ управленіемъ могущественнаго, но законами ограниченнаго короля, соединенные оба и защищенные закономъ освобождающимъ насъ и любезное отечество наше отъ опасностей сопровождающихъ безпорядокъ, самовольство, аристократію и олигархію, во вредъ цѣлаго общества, въ тягость и прискорбіе каждаго согражданина. Мы тѣмъ болѣе увѣрены въ порядочномъ, конституціонномъ и счастливомъ правленіи, какъ его королевскимъ величествомъ уже объявлено, что почитаетъ за величай-

ными, но также между государемъ и націею; и дабы можно было опредѣлить единожды на всегда утвердительныя правила, на коихъ законъ для управленія государствомъ долженъ основываться, равно для отвращенія впредь сей неясности и одностороннихъ прибавленій, угодно было всемилостивѣйшему королю нашему какъ ему самому, такъ и его потомкамъ условиться съ нами слѣдующимъ актомъ соединенія и безопасности.

Пунктъ 1-ый. Признаемъ имѣть короля наслѣдственнымъ, который совершенно властенъ управлять государствомъ, пещись о его безопасности и защищать оное, начинать войну, заключать миръ и союзы съ чужестранными владѣніями, раздавать милости, даровать жизнь, возвращать честь и имѣніе; по благоусмотрѣнію распоряжаться всѣми государственными должностями, которыя имѣютъ быть замѣщаемы только природными шведами, наблюдать законы, въ судахъ хранить порядокъ и во всѣхъ другихъ народныхъ дѣлахъ употреблять способы признанные королемъ полезнѣйшими.

Пунктъ 2-ой. Мы признаемъ себя подданными вольностію наслаждающимися, подверженными законамъ и безопасностію пользующимися подъ законно-увѣнчаннымъ королемъ, который согласно съ постановленными законами Швеціи нами управляетъ. Въ качествѣ подданныхъ равную вольность имѣющихъ, мы должны всѣ пользоваться подъ осѣненіемъ законовъ одинакими преимуществами, а потому верховный судъ королевской, судебныхъ и ревизіонныхъ дѣлъ, въ которомъ король два голоса имѣетъ, долженъ быть составленъ какъ изъ дворянъ такъ и не дворянъ [1]); число государственныхъ чиновниковъ сего судилища будетъ впредь совершенно зависѣть отъ воли короля. Его величество намѣренъ также, чтобъ всѣ какъ высшіе такъ и нижніе отъ несправедливости были предохранены и чтобъ никто не могъ претерпѣть наказанія тѣлеснаго, лишиться чести и имѣнія безъ слѣдствія въ надлежащемъ присутственномъ мѣстѣ и по законномъ его обличеніи въ преступленіи.

Пунктъ 3-й. Нація совершенно равною свободою пользующаяся, одинакія преимущества имѣть должна, а потому всѣ сословія имѣть должны равныя права, владѣть и пріобрѣтать земли въ общемъ ихъ отечествѣ, съ тѣмъ однако чтобъ дворяне сохранили древнее свое право на положеніи до сихъ поръ основанномъ и извѣстномъ, владѣя дворянскими свободными землями и именуемыми: сетерея, ро и рёрсъ-гейматы и инсокне (гейматы внутри прихода находящіеся въ Сканіи, Галландіи и Блекингенѣ). Въ прочемъ не позволяется никакой перемѣны, относительно древняго свойства земель фрельзовыхъ, скатовыхъ и коронныхъ. Обязанность снабжать путешествователей лошадями (выставка подводъ) распредѣляется также на всѣ гейматы, выключая сетерей, ро и рёрсъ гейматы, инсокне-гейматы и бостели отъ него освобожденные. Право крестьянъ пріобрѣсти коронные гей-

---

[1]) Въ регламентѣ правит. финлянд. совѣта то же самое сказано. *Примѣчаніе оффиціальнаго финляндскаго переводчика.*

маты и скатовое владѣніе, съ особеннымъ за то единовременнымъ платежемъ, и владѣть оными спокойно утверждено особеннымъ постановленіемъ сего числа, которое повелѣніе столь же дѣйствительно и ненарушимо какъ бы въ настоящій актъ включено было.

Пунктъ 4-ый. Верховные чины и первыя достоинства государства и придворныя мѣста имѣютъ только заняты быть дворянствомъ. Впрочемъ способности, заслуги, опытность и дознанныя гражданскія добродѣтели, суть единыя средства къ достиженію какъ нижнихъ такъ и вышнихъ мѣстъ въ государствѣ, не взирая на породу и состояніе. Если жъ недворянинъ возведенъ будетъ въ дворянское достоинство, то онъ не можетъ удержать за собою ту должность, которую онъ яко недворянинъ для храненія правъ недворянскаго состоянія (или мѣщанства) прежде получалъ и занималъ.

Пунктъ 5-ый. Поелику истинная вольность состоитъ въ томъ, чтобъ непринужденную приносить подать, которая необходимою признана будетъ для содержанія государства, то народъ имѣетъ неоспоримое право разсуждать объ ономъ съ королемъ, соглашаться, отказывать или вновь дѣлатъ условія.

Пунктъ 6-ой. Государственные чины въ теченіи сейма должны только заниматься тѣми предметами кои предлагаются королемъ какъ до 1680 г. въ обыкновеніи было.

Пунктъ 7-ой. Преимущества дворянства и духовенства 1723 г., также права и привилегіи городовъ совершенно подтверждаются во всѣхъ статьяхъ, которыя состоящемуся днесь акту не противны.

Пунктъ 8-ой. Всѣ шведскіе государи при вступленіи на престолъ должны собственноручно подписать сей актъ соединенія и безопасности. Всякое предложеніе или покушеніе къ малѣйшей перемѣнѣ, равно толкованіе или поправленіе буквальнаго его смысла совершенно возбраняется. Въ случаѣ пресѣченія царскаго поколѣнія, избранный король будетъ пользоваться всѣми здѣсь описанными преимуществами и обяжетъ себя наблюденіемъ оныхъ безъ малѣйшей перемѣны.

Пунктъ 9-ый. Образъ правленія 21-го августа 1772 года остается въ своей силѣ во всемъ томъ, что симъ актомъ не отмѣнено.

Дано въ Стокгольмскомъ замкѣ 21-го числа февраля въ 1789 г. послѣ Рождества Христова.

Со стороны рыцарскаго и дворянскаго сословія К. И. Левенгауптъ, теперешній земскій маршалъ.	Со стороны духовнаго сословія Яковъ-Аксель Линдбломъ епископъ въ Линкёпингѣ, на мѣсто оратора.	Со стороны мѣщанскаго сословія Андерсъ Лидбергъ, ораторъ.	Со сторон. крестьянскаго сословія Оловъ Ольсонъ ораторъ.

Выписанный актъ соединенія и безопасности принимаемъ мы для насъ и наслѣдниковъ нашихъ шведскаго престола, яко неотмѣнный и неопровергаемый коренной законъ, коего буквальный смыслъ имѣетъ быть исполняемъ безъ перемѣны, толкованія или нарушенія:

**Маннергеймъ*, Карлъ, маіоръ и кавалеръ.
Мункъ, Іоаннъ-Гейнрихъ, ландсгевдингъ, кавалеръ и командоръ.
Карпеланъ, Симонъ-Вильгельмъ, генералъ-маіоръ, ландсгевдингъ и кавалеръ.

Кавалерскихъ классовъ.

Боге, Отто-Христіанъ, подполковникъ и кавалеръ.
Егергорнъ, Іоаннъ-Андерсъ, маіоръ и кавалеръ.
Скалмъ, А. Р., по довѣренности его Гейнрихъ-Іоаннъ фонъ-Кноррингъ, маіоръ.
Финкенбергъ, Соломонъ-Якобъ, капитанъ.
Споре, Гейнрихъ-Робертъ, капитанъ.
**Роткирхъ*, Карлъ-Фридрихъ, экспедиціонный секретарь.
Хестеско, Фридрихъ-Адольфъ, поручикъ.
Лиліебрунъ, Адольфъ-Іоаннъ, капитанъ.
Кулфельдъ, Генрихъ-Іоаннъ, капитанъ.
Гильденеръ, Іоаннъ-Андерсъ, поручикъ.
Рамзай, Фридрихъ-Адольфъ, поручикъ.
Аминовъ, Берндъ-Гейнрихъ, маіоръ и кавалеръ.
Армфельдъ, Карлъ-Іоаннъ, поручикъ.
Гилденстольпе, Карлъ-Эдуардъ, ассесоръ.
Де-ла-Шапелле, Іоаннъ-Казимиръ, совѣтникъ гофгерихта.
Энегіельмъ, Бенгтъ-Густавъ, поручикъ.
Босинъ, Эрикъ, маіоръ.
Мелленсвердъ, Карлъ-Адольфъ, ландсгевдингъ и кавалеръ.
Тандефельдъ, Іоаннъ, маіоръ.
Бруновъ, Робертъ, капитанъ.
Фонъ-Эссенъ, Георгъ-Фридрихъ, подполковникъ.
Линдтманъ, Іоахимъ-Фридрихъ, герадсгевдингъ.
Еренкрона, Нимъ, прапорщикъ.
Гриненбергъ, Карлъ-Магнусъ, маіоръ.
Де-Карналь, Карлъ-Константинъ, ландсгевдингъ.
Ернгіельмъ, Еиръ-Іоганъ, ротмистръ.
**Силфвершельдъ*, Петръ-Христ., военный совѣтникъ и кавалеръ.
Лагермаркъ, Карлъ, капитанъ.
Фонъ-Шанцъ, Антонъ-Вильгельмъ, полковникъ и кавалеръ.
Адлеркрейцъ, Карлъ-Гейнрихъ, герадсгевдингъ.
Ладо, Густавъ-Вильгельмъ, ассесоръ и кавалеръ.
Еренмальмъ, Фридрихъ, придворный проповѣдникъ.
Стіерневаллъ, Гейнрихъ, поручикъ.
Фонъ-Виллебрандтъ, Іоганъ-Фридрихъ, маіоръ.
Хартмансдорфъ, Христофоръ, маіоръ и кавалеръ.
Фонъ-Моріанъ, Іоганъ-Христ., лагманъ.
Клементьевъ, поручикъ.
Сегеркранцъ, Фридрихъ, поручикъ.
Гранфельдъ, К. А., маіоръ, по довѣренности его подполковникъ Іонасъ Энегіельмъ.

Фонъ-Кнорринъ, Гейнрихъ-Густавъ, полковникъ и кавалеръ.
Гизингеръ, Михаилъ, ротмистръ.
Фонъ-Форсель, Якобъ, военный совѣтникъ.
Валленстроле, Фридрихъ-Францъ, капитанъ.
Лангеншельдъ, Адамъ-Теодоръ, поручикъ.
Фонъ-Энгельмъ, Фабіанъ, военный совѣтникъ.
Фонъ-Цаузенъ, Фридрихъ-Августъ, маіоръ.
Норденсванъ, Гейнрихъ-Христіанъ, земскій камериръ.
**Краббе*, Карлъ-Арвидъ, ассесоръ и кавалеръ.

Шведскій подлинникъ подписалъ: *А. Г. Меллинъ.*

Списокъ депутатовъ со стороны духовенства.

Предводитель.

Епископъ абовскаго округа, абовской академіи проканцлеръ, Императорскаго ордена Св. Анны первой степени кавалеръ и королевскаго шведскаго ордена Сѣверной звѣзды членъ, докторъ Якобъ *Тенгстрёмъ*.

Депутаты со стороны духовенства абовскаго округа.

Абовской академіи теологіи профессоръ и старшій пасторъ магистръ Густавъ *Гадолинъ*.

*Пробстъ и старшій пасторъ и Императорскаго ордена Св. Владиміра 4-й степени кавалеръ магистръ *Яйменіусъ*.

Пробстъ и старшій пасторъ магистръ *Сундвалль*.

Депутаты боргоскаго округа.

Домпробстъ и старшій пасторъ докторъ Магнусъ-Якобъ *Алопеусъ*.

*Пробстъ и старшій пасторъ и ордена Св. Владиміра 4-й степени кавалеръ, равно шведскаго ордена Сѣверной звѣзды членъ, докторъ Иваръ *Валленіусъ*.

*Пробстъ и старшій пасторъ магистръ Іоганъ-Гейнрихъ *Цигнеусъ*.

Секретарь сего сословія лекторъ математики при боргоской гимназіи магистръ *Алопеусъ*.

Нотаріусъ сословія вице-нотаріусъ консисторіи Мартинъ-Густавъ *Бергольмъ*.

Шведскій подлинникъ подписалъ, по приказанію, *Магнусъ Алопеусъ*.

Списокъ депутатовъ со стороны мѣщанства.

Города Або: торгующій Христіанъ *Траппъ* (ораторъ).
» фабрикантъ Самуель *Готшейкъ*.

niement des affaires, que cet établissement principal sera le plus promtement possible réglé par ceux que S. M. I. par des lettres d'invitation, a daigné choisir pour cet effet.

Signé: Sprengtporten.

Borgo ce 2 (14) avril 1809.

80.

Двѣ рѣчи епископа Тенгстрёма при открытіи сейма [1])

A. S. M. I de toutes les Russies le 16 (28) mars 1809.

1) Sire. Le coeur noble et les sentiments éclairés et libérals de V. M. I. auraient déjà sans doute suffisamment nous garanti l'inviolabilité des promesses très gracieuses, que V. M. I., dès la première entrée de ses armées victorieuses en notre pays nous a bien daigné donner d'une conservation inaltérable de notre culte, notre forme d'administration et de tous ces autres droits et privilèges, dont nous avons jouis jusqu'ici, sous l'abri des lois qui déjà en plusieurs siècles passés ont fondé et maintenu la surété et le bonheur de chaque sujet finois.

Mais V. M. I. a néanmoins eu la générosité d'offrir aux états de Finlande, assemblés ici par les ordres très gracieux de V. M. I., des nouvelles contestations de la sainteté des assurances qui leur ont été déjà données de la part de V. M I. et en même temps de recevoir des nouveaux hommages de fidelité d'un peuple soumis et reconnaissant.

Ces hommages sont aujourd'hui prêtés à V. M. I. non seulement par le respect le plus profond qu'on doit à l'éclat du pouvoir et de la majesté du trône, mais encore plus de l'attachement le plus vif et le plus sincère qui à ce moment anime tous les bons citoyens, enchantés de rendre à Césare les choses qui sont à Césare et à Dieu celles qui sont à Dieu.

Les annales de l'humanité éternisant la mémoire de la clémence et de la générosité dont V. M. I. a bien daigné aujourd'hui attacher à ses nouveaux sujets, ceux-ci n'oublieront jamais de se rendre de plus en plus dignes des bienfaits et de l'amour paternel de V. M. I. dont la grâce et la protection sera toujours leur gloire comme leur bonheur.

Très humblement par Jacques Tengström.

2) Sire [2]). Parmi tous ses sujets bons et fidèles qui à la première arrivée de V. M. I. chez nous se sont empressés de se mettre aux pieds de V. M. I. pour rendre à V. M. leurs hommages

---

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

[2]) Рѣчь писана рукою епископа Тенгстрёма.

sincères et très respectueux, les académiciens de l'université d'Abo n'ont pas voulu être les derniers.

Mais étant occupés de leur fonctions ordinaires et assidues pour l'instruction de la jeunesse, c'est par nous leur collégues et représentants qu'ils demandent très humblement l'honneur d'assurer V. M. I. de leur fidélité inaltérable, de leur dévouement et de leur soumission la plus profonde.

Les lumières et la générosité d'un grand et puissant Monarque, élevé dès son berceau dans le sein des muses qui encore entourent le trône de leur Auguste élève, en jouissant de ses amours et de sa protection nous donnent l'espérance la plus vive et en même temps la plus sûre que l'université d'Ado, non moins que les autres instituts littéraires de la vaste monarchie de V. M. I., aura l'honneur et le bonheur d'être accueillie par V. M. I. avec les soins les plus paternels et les sentiments les plus tendres et libérales.

Peut-être est ce dans le sein de cet institut même, que se trouvent déjà ou se formeront bientôt ces genies et ces écrivains célèbres, qui enchantés des talents et des vertus de V. M. I. et animés de la faveur très gracieuse de V. M. envers les sciences et leur paisibles cultivateurs, non moins par devoir que par reconnaissance, au son de la lyre, ou à l'aide des annales de l'histoire remettront la mémoire de la sagesse et des bienfaits de V. M. I. à la postérité la plus reculée pour faire V. M. I. aussi aimée et célébrée des siècles à venir, qu'Elle est déjà bénie et adorée des millions de sujets heureux et reconnaissants.

Tel est notre espoir, tels sont nos présages; V. M. I. les accomplira sans doute d'une manière qui surpassera toute notre attente, en nous donnant avec chaque nouveau jour des nouvelles matières de l'amour, de l'admiration et de la vénération la plus profonde et la plus reconnaissante.

81.

Рѣчь оратора крестьянъ Клокара 16-го марта 1809 [1])

Très puissant et très gracieux Empereur et Grand-Duc! Dans le moment qu'avec la permission de V. M. I. l'ordre des paysans jouit aussi de le grâce inestimable de s'approcher de la personne auguste et sacrée de V. M. I. il me manque des paroles pour exprimer la vénération très soumise et la gratitude la plus animée dont l'ordre se sent pénétré et des coeurs les plus sincères souhaite à cette occasion par moi de porter à V. M. I. les offrandes les plus volontaires. Mais cela vient toujours être l'effet des sentiments, à tant des rai-

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

sons nées et remuées par la grâce de V. M. I. même au milieu des premières terreurs du bruit des armes.

Parmi toutes ces idées, l'ordre des paysans se représente premièrement la grandeur de la présente que V. M. I. étant vainqueur, pourtant bien a voulu très gracieusement permettre à une nation conquise que de s'assembler par devant l'auguste personne de V. M. I., selon l'ordre établi par ses droits anciens, pour se faire entendre et pour délibérer sur ses propres affaires.

Tout cela manifestant solennellement les vues gracieuses de V. M. I. à l'égard de notre salut future et de celui du pays, ce serait un crime même envers nous mêmes que de n'aller au devant de V. M. I. par la confiance que V. M. I. a le droit le plus haut de prétendre.

Mais la sincérité et l'union ayant toujours en des cas pareils été les qualités distinctives de l'ordre des paysans, moi j'ose aussi vous en assurer, V. M. I. en y joignant la demande la plus soumise, que moi, aussi bien que l'ordre entier, nous serons toujours conservés dans la grâce de V. M. I. en toute la soumission. Par Petter Klockars, orateur de l'ordre des paysans.

82.

Рѣчь Клокара 17 го марта [1]).

Très puissant et très gracieux Empereur et Grand-Duc. Aussi l'ordre des paysans va mettre aux pieds de V. M. I. ses remerciements les plus soumis de l'assurance solennelle, scellée par la signature de Votre nom auguste, que V. M. I. vient de donner aujourd'hui selon les lois fondamentales de ce pays, du maintien très gracieux de la constitution de Finlande. L'ordre des paysans étant par ce moyen encore le plus fortement convaincu de ce qu'il peut en pleine confiance à la grâce de V. M. I., pour tout ce qui lui concernera, s'approcher de Votre auguste personne, ainsi que les enfants s'approchent de leur père, sa fidélité et soumission envers V. M. I. sera plus l'effet du penchant et de l'amour de notre ordre, que de la puissance immense qu'il a plû à la Providence de mettre entre les mains de V. M. I.

Tels sont les sentiments sincères de l'ordre des paysans assemblé ici aussi bien que ceux de tous ses frères restés chez eux, sentiments que nous garderons à jamais en faisant des voeux fidèles pour que le Tout-Puissant conserve la personne sacrée de V. M. I. jusqu'à l'âge le plus avancé en donnant de la force aux sages conseils de V. M. I. pour le bonheur commun de tous Vos sujets.

[1]) Тоже.

Avec la plus grande soumission par Petter Klockars, orateur de l'ordre des paysans.

83.

Рѣчь епископа Тенгстрёма при закрытіи сейма [1]).

Sire! Pendant tout le cours de cette assemblée, dont le souvenir ne sera jamais effacé des fastes de la Finlande les état de ce pays on eu une constante expérience de la bienveillance paternelle dont Votre Majesté Impériale embrasse son nouveau peuple.

V. M. I., non contente d'avoir solennellement et de son propre mouvement devant les représentants de la nation confirmé les loi du pays et les privilèges et les immunités de chaque ordre, a daigné encore à la libre délibération des état offrir des objets de la plus grande conséquence touchant le gouvernement du pays et une meilleure organisation de sa défense, de ses impôts et de ses finances.

Autant que de tels bienfait d'un vainqueur puissant vers un peuble conquis sont d'une frappante rareté dans l'histoire, autant la reconnaissance du peuple finnois doit se distinguer vers le Monarque qui grand en pouvoir et majesté est encore plus grand en bonté et générosité et qui pour tous les travaux et soins de sa haute carrière ne cherche d'autre reconnaissance que l'amour sincère et constant des millions des sujets heureux.

Pleinement persuadés de ces nobles et généreux sentiments de V. M. I. les états de Finlande ont, avec cette droiture et franchise qui sied à un peuple libre et avec la confiance qu'un bon père inspire aux bons enfants, porté au throne leurs voeux et leurs projets sur les points les plus essentiels du salut publique de leur police(?); des decrets et ordonnances que V. M. I. en daignera gracieusement faire resulter, donneront des nouveaux sujets de joie et de reconnaissance au peuple finois qui dans son Maitre Souverain verra pour toujours son suprême bienfaiteur.

Que la paix, la gloire et le bonheur se reposent sur le throne et sur toute l'Auguste maison de V. M. I. et que le Ceil prolonge les jours précieux de notre Souverain bienaimé pour la prospérité des temps présents et futurs!

Le clergé se recommande trés humblement à la grâce perpetuelle de V. M. I-le.

---

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

84.

Церемоніалъ закрытія сейма. Projet du cérémonial pour la clôture de la diète [1]).

L'entrée de S. M. I. dans la ville de Borgo est fixée au 6 du mois de juillet [2]).

Aux portes de la ville S. M. I. sera reçu au bruit du canon et au son des cloches par le gouverneur général, par les gouverneurs des provinces et les autorités municipales, les troupes en armes et tambours battants.

L'Empereur entrera à cheval accompagné de sa suite. Au palais S. M. I. recevra les félicitations des états par une députation de tous les ordres.

Le gouverneur général declarera à cette députation au nom de S. M. I. que le jour suivant à 10 heures du matin la clôture de la diète aura lieu.

Le même jour deux hérauts d'armes, accompagnés d'un détachement de cavalerie, proclameront au son des fanfares et des tambours que d'après les ordres de S. M. I. la clôture de la diète se fera le jour suivant et qu'en conséquence les états auront à se rendre à 10 heures à la cathédrale pour assister au service divin et à se réunir ensuite dans la salle de l'assemblée.

* 6) Ce jour assisteront au diner de l'Empereur, 1) les orateurs de tous les états, 2) un tiers des membres de la diète, 3) le gouverneur général, le chancelier, les généraux et la suite de l'Empereur. A table le gouverneur général prendra place à droite, le chancelier et les gouverneurs seront rangés après lui, le maréchal de la noblesse et les orateurs à gauche; la suite de l'Empereur vis-à-vis.

Il y aura bal à la salle de l'assemblée de la noblesse et la ville sera illuminée * [3]).

Le 7, jour suivant [4]) les troupes seront rangées en armes des deux cotés de la rue qui conduit du palais à la cathédrale et de là à la salle de l'assemblée.

Le corps de la noblesse conduit par son maréchal, précédé de deux hérauts d'armes s'assemblera au palais de l'Empereur et y prendra place par ordre de préséance.

Les autres états s'assembleront à la cathédrale.

La procession du palais à l'église sera reglée de la manière suivante:

a) deux hérauts d'armes de la noblesse;

b) le maréchal de la noblesse;

---

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

[2]) Въ подлинникѣ: fixée au 6 du mois de Juillet v. style.

[3]) Все заключающееся между знаками * въ подлинникѣ выпущено.

[4]) Въ подлинникѣ: le jour suivant le 7 les troupes и т. д.

c) la noblesse, les familles moins anciennes en avant;
d) deux hérauts d'armes imperiaux;
c) le secrétaire d'état et son adjoint, le chancelier et le gouverneur général;
f) S. M. I. accompagnée de ses ministres, du grand maréchal de la cour et des généraux de sa suite;
g) à l'entrée de la cathédrale, le doyen du diocèse de Borgo, accompagné du clergé, saluera S. M. I. par un passage de l'écriture sainte.
h) S. M. ayant pris sa place sur le trône, l'office divin commencera. Le texte du sermon est fixé par l'Empereur. Au Te-Deum il y aura une salve d'artillerie.

Les ministres et les généraux tapisseront le dossier du trône des deux côtés. Le gouverneur général et le chancelier se tiendront sur la première marche du trône, le premier à droite et le second à gauche.

Le service divin fini la marche depuis la cathédrale jusqu'à l'assemblée se fera dans l'ordre suivant:
a) la bourgeoisie et les paysans précedés de leurs orateurs,
b) le clergé précédé de son orateur,
c) les hérauts d'armes de la noblesse,
d) le maréchal de la noblesse,
e) les autres dans l'ordre marqué ci-dessus.

Dans la salle de l'assemblée, la noblesse prendra place à droite, les autres états à gauche. Chaque état aura devant lui son orateur.

La suite impériale se placera derrière le trône, le gouverneur général et le chancelier se tiendront au pied du trône des deux côtés, le premier à droite, le second à gauche.

S. M. I. ayant pris sa place sur le trône, le maréchal de la noblesse et les orateurs prononcerent l'un après l'autre des discours.

L'Empereur ordonnera au chancelier de faire lecture des délibérations de l'assemblée des états.

S. M. prononcera le discours de la clôture; le chancelier placé sur la seconde marche du trône rendra le discours en langue suédoise.

La séance est levée. Le retour de S. M. I. se fera dans le même ordre de marche qu'à la cathédrale, c. à. d. précédé de la noblesse et accompagné de la suite impériale.

Immédiatement après cela la noblesse se rendra au chapitre ou le marechal prendra congé de son corps en prononçant un discours.

Ce jour assisteront au diner de l'Empereur les mêmes personnes et un tiers des états [1]).

Avant le diner aura lieu la distribution des grâces.

Le même jour au soir le maréchal de la noblesse accompagné des deux plus anciens comtes ou barons se rendra au palais où il tiendra une harangue pour faire à S. M. ses très humbles actions

[1]) Этотъ пунктъ и слѣдующій въ подлинникѣ выпущены.

est trop important, trop intimement lié au bonheur et à la prospérité de ce pays, pour être étranger aux sentiments qui vous animent. S. M. est persuadé d'avance que vous ne manquerez pas d'apprécier cette marque de sa confiance à sa juste valeur.

Quant à l'époque de votre réunion à Borgo, S. M. s'en remet à vous dans la persuasion que vous vous empresserez à vous y rende aussitôt que l'état de votre santé le permettra.

En m'acquittant des ordres de S. M. je me fais un vrai plaisir de vous témoigner l'estime la plus distinguée.

J'ai l'honneur d'être...

88.

Барону Спренгтпортену отъ Сперанскаго, 2-го апрѣля 1809 [1].

Monsieur Drewnowsky m'a remis la lettre que V. E. m'a fait l'honneur de m'écrire en date du 30 mars. Son contenu m'engage de vous donner des éclaircissements nécéssaires sur l'établissement du comité de l'organisation du pouvoir administratif. Un simple exposé de ce fait suffira, je crois, à effacer de votre ésprit toute espèce de prévention, dont j'ai cru appercevoir quelques vestiges dans votre lettre.

Vous vous rappelerez sans doute, mon général, que par ordre de l'Empereur, j'ai eu l'honneur de faire chez vous dans votre maison de ville à Borgo la lecture des articles désignés pour l'objet des délibérations de la diète. Un de ces articles roulait sur l'établissement du tribunal suprême. L'Empereur mandait aux états qu'il a déjà ordonné de faire un travail spécial sur l'organisation de ce tribunal et qu'il était intention de le remettre à la diète quand il aura été fini, afin d'en recueillir ses avis. Vous m'avez demandé alors: qui était chargé de ce travail, et je me suis empressé de vous informer que l'intention de S. M. a été d'établir une commission ad hoc qui s'occupera de cet objet et soumettra son projet à l'approbation de S. M. Vous avez non seullement rendu justice à cette idée, mais sur l'énumération de personnes désignées à former ce comité, vous en avez fort applaudi à leur choix et surtout à celui de l'evêque. C'est donc de votre connaissance plénière et avec votre consentement motivé que la base de ce comité a été posée. Le reste n'a été qu'une suite et un devéloppement ultérieur de ce principe, devéloppement d'ailleurs dont j'ai eu l'honneur de vous entretenir en détail à Abo, lorsqu'il a été question d'y agréger M-r Calonius.

Cette institution momentanée et urgente établie en quelque sorte d'après vos conseils et sous vos auspices n'est d'ailleurs nullement

---

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

préjudiciable ni à l'autorité qui vous est déléguée, ni à la confiance que S. M. vous a toujours témoignée. Dans la lettre que j'écrivis à ce sujet à l'evêque par ordre de S. M. I. il a été établi pour principe que le gouverneur général serait le président du tribunal suprême. Que le premier jet de cette organisation parte de V. E. ou d'une commission spéciale, le résultat en sera à peu près le même puisque dans l'une comme dans l'autre supposition il n'aura de realité qu'autant qu'il aura été motivé par vos avis et approuvé par S. M.. La seule différence qu'on peut assigner à ces deux modes de travail est qu'étant dirigé par une commission composée de membres de la diète, ce travail portera avec lui dans cette assemblée un caractère de confiance et de popularité beaucoup plus prononcé et par là son consentement en sera plus sûr.

Voici, mon général, les détails que j'ai crû devoir vous soumettre sur cette commission momentanée. Je suis sûr qu'en la considérant sous son vrai point de vue, bien loin d'y trouver des raisons de méfiance, vous y reconnaitrez le même esprit d'ordre et de principes dans lequels vos instructions précédentes ont été conçues.

Par suite de ces détails je crois devoir expliquer à V. E. la marche ultérieure de cette affaire. M-r le baron Rehbinder est chargé de porter à S. M. I. le projet de l'organisation aussitôt qu'il aura été fini par le comité, et avant qu'aucun arrêté définitif en sois pris ici, il vous sera remis de Pétersbourg par un ordre exprès de S. M. I. afin de l'examiner et de transmettre vos avis. Parvenu à ce degré de maturité et aprés avoir reçu l'approbation préalable de l'Empereur il sera remis aux états pour recueillir leurs avis définitifs d'après la promesse notifiée dans les articles de la délibération.

Il me reste à vous entretenir, mon général, d'une question marquée dans votre lettre et relative à l'influence de vos avis sur les délibérations de la diète. V. E. se rappellera sans doute, que cette question a été déjà décidée lors de votre dernier travail avec S. M. I. dans son cabinet à Abo. S. M. a daigné vous notifier alors que son intention était de laisser aux états toute la liberté dans leurs délibérations. Cette décision n'exclue certainement pas les consiels que vous seriez dans le cas de leur donner *s'ils vous en avaient demandés;* mais je ne crois pas qu'il faille les gêner par un sentiment d'autorité et surveillance ni qu'il soit conforme aux vues de l'Empereur d'avoir l'air de les guider. Vous savez, mon général, que la liberté des états et surtout une liberté renaissante est très ombrageuse et demande des soins et une culture délicate.

Quelquefois l'ombre de l'autorité l'effarouche et ce n'est certainement pas le cas à présent de lui donner cet ombrage, lors qu'il ne s'agit que de la rassurer et de consolider sa confiance. Ces vérités n'échapperont certainement pas à votre sagacité habituelle et S. M. reste pleinement persuadée qu'elles seront parfaitement saisies et suivies avec cette justesse d'esprit qui vous caractérise.

Quant aux renseignements que les états seront dans le cas de

demander sur quelques objets de l'administration actuelle, il est juste qu'ils s'adressent là-dessus à V. E., d'autant plus qu'il serait même difficile et inconvénant de prende une autre manière de procéder.

J'ai l'honneur d'être etc.

89.

Сперанскій епископу Тенгстрёму, 2 апрѣля 1809 [1]).

Monseigneur.—S. M. I. accoutumé à voir dans tout ce qui vient de votre part un caractère de prudence et de zèle pour le bien de la patrie, a daigné apprécier à sa juste valeur l'idée que vous avez présentée sur la promulgation de l'acte de serment.

Par suite de la persuasion des effets salutaires que cet acte peut avoir sur l'opinion publique, l'Empereur vient de signer les lettres patentes dont le projet a été calqué sur le votre et dont M-r le baron de Rehbinder aura l'honneur de vous remettre la traduction.

S. M-té s'en remêt absolument à votre zèle pour le mode dont cet acte serait publié, bien persuadé que vous choisirez dans votre sagesse celui qui est le plus adapté au but principal, celui d'achever de rassurer les esprits et de répandre parmi le peuple ce sentiment d'union et de confiance dont S. M. I. a été si sensiblement touché à la prestation du serment des états.

J'ai l'honneur...

Speransky.

90.

Барону Де-Гееру отъ Сперанскаго, 2-го апрѣля 1809 [2]).

Monsieur le baron. J'ai reçu les deux lettres que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire, la première adressée à Lovisa et la dernière avec l'incluse à Pétersbourg.

Les raisons qui vous ont déterminé à écarter la question sur la prorogation de la diète sont trop bonnes et trop solides pour ne pas y avoir égard. Aussi S. M. n'a fait aucune difficulté de considérer le projet de cette prorogation comme nul et non avenu et il sera purement confidentiel entre S. M. et vous. La diète poursuivra ses occupations dans l'ordre établi et il y a tout lieu de présumer qu'avec le zèle qui vous anime et que vous savez si bien inspirer tout sera achevé dans son temps. C'est ainsi, M-r le baron, que vous aurez par la réunion de toutes les bonnes intentions, posé les premiers

---

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.
[2]) Ibid.

éléments, la première pierre angulaire d'un édifice solide et durable, autant que les choses humaines peuvent l'être sous l'influence et la bénédiction du Ciel et par les soins d'un bon Souverain.

Vous me faites l'honneur de me consulter sur la manière dont la diète peut recevoir les renseignements qui lui seraient nécéssaires; je crois que la marche la plus droite serait de vous adresser au gouverneur général d'autant plus qu'il pourrait être embarrassant de citer personnellement les employés de l'administration financière sans ses ordres. Je suis persuadé d'ailleurs qu'il s'empressera de vous satisfaire dans tout ce qu'il sera possible d'obtenir des autorités locales.

J'ai l'honneur d'être...

91.

Барону Ребиндеру отъ Сперанскаго, 2-го апрѣля 1809 г. [1]).

Monsieur le baron. J'ai l'honneur de vous transmettre ci-joint les lettres patentes signées par S. M. sur la préstation du serment. Par le contenu de cet acte vous verrez qu'il est basé sur le projet que vous m'avez fait l'honneur de m'envoyer. Vous en soignerez, M-r le baron, la traduction et vous la transmettrez à M-r l'evêque d'Abo, afin que la publication en soit faite par les deux consistoires d'après les usages reçus et conformément à ce qu'il en était convenu.

Je n'ai pas manqué à cette occasion de prendre les ordres de S. M. au sujet des discours prononcés par l'Empereur. En rendant justice à vos intentions et à celles de M-r l'evêque, S. M. approuve l'idée que vous avez mise en avant de les faire imprimer en suédois et de les répandre, si toutefois après une mûre délibération et ayant pris les avis du maréchal et de l'evêque, vous trouvez que cette publicité pourrait contribuer à former et à éclairer l'opinion publique.

J'ai l'honneur d'être avec la plus parfaite considération.

Signé Speransky.

92.

Барону Де-Гееру отъ Сперанскаго, 20-го апрѣля 1809 г. [2]).

Monsieur! J'ai rendu compte à S. M. I. du contenu des dépêches que vous m'avez expédiées par le courrier que j'ai l'honneur de vous renvoyer.

S. M. a daigné témoigner Sa satistaction de la marche que la diète a observé jusqu'ici. Pour ne pas distraire l'attention des états des ob-

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.
[2]) Ibid.

jets importants qui ont déjà été portés à leur délibération S. M. I. ne croit pas à propos d'en proposer de nouvaux; mais s'il se présentait quelques observations necessaires à faire sur les diverses branches de l'économie politique, la manière la plus simple de les adresser à l'Empereur serait en forme de pétition, sans les porter préalablement à la diète, conformément à ce qui a été fait pour l'acte de navigation.

Quant à cet acte de navigation, comme M-r de Rehbinder ne fait que d'arriver hier, nous n'avons pas encore eu le temps de le lire; mais nous ne tarderons pas de nous nous en occuper et de le porter à la décision de S. M. Imp-le.

J'ai l'honneur d'être avec la plus parfaite considération.

Speransky.

93.

Спренгтпортену отъ Сперанскаго, 20-го апрѣля 1809 [1]).

Mon général. J'ai mis sous les yeux de l'Empereur les observations que vour m'avez adressées au sujet de la publication du serment par le consistoire.

S. M-té n'a pas jugé à propos de rien changer à sa première décision sur cet objet.

J'ai l'honneur....

Speransky.

94.

Барону Де-Гееру отъ Сперанскаго, 21-го мая 1809 г. [2]).

Monsieur le baron. J'ai rendu compte à S. M. I. du contenu de la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire en date du 28 Avril (10 Mai).

Le projet de l'administration redigé dans le comité de Borgo ne tardera pas à vous être remis pour être porté à la délibération de la diète. On s'occupe à présent ici de sa révision définitive.

En attendant S. M. présume que les autres articles de délibérations seront portés au plenum, à mesure qu'ils seront expédiés dans leurs comités respectifs. Sans presser les délibérations l'Empereur laisse à la diète du temps nécessaire pour les murir. L'époque de son voyage dépendra des avis que vous nous donnerez, M-r le ma-

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.
[2]) Ibid.

réchal, sur le cours des affaires et ne sera entreprise qu'à la suite des informations que vous nous transmettrez sur les conclusions définitives qui auront été prises dans le plenum de la diète. Il est toujours entendu que ces conclusions nous seront transmises par votre intermède.

S. M. I. n'a jamais varié dans son intention de se rendre en personne pour la clôture de la diète. l'Empereur attache trop d'intérêt aux idées libérales qui l'ont guidé dans la convocation de cette diète, et trop de prix aux sentiments de dévouement que ses nouveaux sujets lui ont témoigné pour leur refuser cette nouvelle preuve de sa haute bienveillance. S. M. I. m'a autorisé de vous réitérer encore une fois cette assurance positive.

Pour en revenir à l'objet de votre lettre du 10 mai après en avoir rendre compte à l'Empereur, j'ai l'honneur de vous communiquer:

1) La question de la milice doit nécessairement être traitée dans le sens stricte de la proposition faite par l'Empereur: c'est à dire, on ne s'occupera à proposer des vues sur l'amélioration de la milice soit en réduisant son nombre, soit en perfectionnant la distribution de son entretien, sans revenir sur son abolition entière. Le calcul des revenus qui aurait résulté de cette abolition pourrait être mentionné seulement en passant, afin que l'Empereur puisse décider s'il faudra maintenir la milice avec les améliorations que les états proposeront, ou bien—l'abolir. Il me semble que l'évaluation de revenus en cas de l'abolition doit être faite d'après le mode actuellement en vigueur.

2) Il serait difficile de permettre à présent un fond pour l'établissement de la banque national, mais on peut soumettre cette mésure à l'Empereur et s'en remettre à sa munificence à l'époque où il sera possible de trouver ce fond et d'établir la banque: ce qui est urgent, c'est de régler le cours des obligations actuelles, jusqu'à ce que la nouvelle banque soit établie.

3) Le choix de 12 membres restera tel qu'il a été designé dans les propositions. Il sera facile de suppléer aux deux places vacantes par une nomination spéciale.

4) Quant à l'objet de votre demande particulière sur la bonification du cours de change en faveur des employés civils S. M. désirerait d'être instruite de cette dépense supplémentaire et d'avoir en même temps une connaissance des revenus du pays, afin de prononcer s'ils seront suffisants pour couvrir cette dépense.

Dans tous les cas cette faveur pour les civils ne pourrait avoir lieu qu'en augmentant leurs appointements, mais non pas en changeant exclusivement le cours de change actuel, ce qui exciterait naturellement les réclamations des militaires.

J'ai l'honneur d'etre....

Speransky.

95.

Барону Де-Гееру отъ Сперанскаго, 6 іюня 1809 г. [1]).

Monsieur le baron. A mésure que le temps de la clôture de la diète approche, les communications sur ce qu'il avait été jusqu'ici arrêté dans ses délibérations nous deviennent de plus en plus nécessaires. Dans ma lettre précédente j'ai déjà eu l'honneur de vous en exprimer mes vœux.

Aussitôt que ces renseignements nous seront transmis on s'occupera des préparatifs du voyage de S. M. I. et en attendant on s'empressera de vous envoyer le projet de l'organisation administrative que l'Empereur a promis de remettre aux délibérations des états. C'est ainsi que tous les objets contenus dans les quatres propositions de S. M. seront définitivement arrêtés et c'est à leur teneur stricte que les délibérations actuelles de la diète seront bornées. Rien d'étranger à ces propositions ne sera admis à la discussion; telles ont toujours été les intentions de S. M. I. et quoiqu'il se présente encore plusieures matières très intéressantes à regler pour le bien du pays, et surtout pour la ....[2]) de sa constitution: mais ces matières sont de nature à être murement approfondies avant que de les proposer à la discussion des états, et comme rien n'est encore préparé pour ce travail, ces sortes de questions doivent être pour le moment soigneusement écartées. V. Exc. est convenue elle même de la justesse de cette observation lorsque j'ai eu l'honneur de l'entretenir à Pétersbourg et à Borgo sur le projet de reforme de la constitution proposé par M-r Jegerhorn; je suis persuadé, M-r le baron, que votre opinion là-dessus fondée sur des raisons aussi naturelles, n'a fait depuis que se raffermir par toute la force des motifs de sagesse et de prudence qui ont toujours caractérisés vos demarches.

J'ai l'honneur d'être etc...

96.

Барону Де-Гееру отъ Сперанскаго 27 іюня 1809 [3]).

J'ai eu l'honneur de mettre successivement sous les yeux de S. M. I. les depêches que V. E. m'a fait l'honneur de m'adresser avec le précis des délibérations de la diète.

Pour compléter les objets de ces délibérations l'Empereur après avoir examiné le projet d'administration général redigé par ses ordres dans un comité particulier, m'a ordonné de le remettre à V. E à la discussion des états.

---

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

[2]) Неразобрано; повидимому consolidation.

[3]) Ibid.

Le baron de Rehbinder s'occupe à présent de le mettre en suédois et dans deux jours il aura l'honneur de vous le remettre en personne, accompagné de ma lettre.

Il aura l'honneur de vous remettre aussi le cérémonial de la clôture dont voici la substance.

L'Empereur partira d'ici le 4 du mois de juillet vieux style. Le 5 il sera à Lovisa où il couchera. C'est le 6 que S. M. fera son entrée à Borgo. Le 7 aura lieu la clôture et le même jour S. M. a l'intention de partir soit pour aller à Abo, soit pour retourner à Pétersbourg. Si la noblesse est disposée à donner un bal à S. M., il sera accepté le 6 pour l'entrée en ville. M-r de Rehbinder vous remettra la liste des personnes qui composent sa suite.

Je me flatte M-r le baron de vous voir deux jours avant l'arrivée de l'Empereur. Je partirai le 1-er juillet et M-r Rehbinder me précédera de 2 jours, c'est à dire il partira le 29 de ce mois.

J'ai l'honneur d'être avec la plus parfaite considération...

Signé: Speransky.

---

96 bis.

Сперанскій Де-Гееру, 27 іюня 1809 [1]).

S. M. I. ayant examiné le plan de l'administration générale de la Finlande rédigé par ses ordres dans un comité particulier, m'a ordonné de le remettre à v. exc. pour être porté à la connaissance de la diète. L'Empereur verra avec plaisir les avis des états sur ce plan.

J'ai l'honneur d'être avec la plus parfaite considération...

Speransky.

97.

Генералу Барклаю-де-Толли отъ Сперанскаго, 27 іюня 1809 [2]).

M. général. Sur le compte rendu par le maréchal de la diète de Finlande de l'état actuel de ses délibérations, S. M. I. ayant vu que tous les objets remis à la discussion des états ont été suffisamment éclaircis, a jugé à propos de faire la clôture de la diète le 7 du mois de juillet prochain.

Empressé de transmettre à v. exc. cette détermination de l'Empereur je crois devoir en même temps vous mettre au fait des principes et des objets sur lesquels les délibérations de cette diète ont été particulièrement dirigés.

---

[1]) Ibid. Очевидно объ этомъ письмѣ упомянуто въ № 96.

[2]) Арх. М. Ин. Д., Aff. finl.. Barclay de Tolly et Speransky, 27.

Par suite des succès de nos armes ayant réunis la Finlande à la Russie, pour consolider cette réunion, S. M. I. a jugé nécessaire de compléter les droits de la guerre par ceux, que l'attachement et l'affection de ses nouveaux sujets pouvaient seuls lui offrir avec une garantie suffisante. L'Empereur s'est décidé à maintenir leur constitution. Rien ne pouvait mieux prouver cette intention généreuse que la formation d'une diète d'après les lois du pays. La diète a été convoquée. Il fallait fixer les objets de ses délibérations. Parmi les diverses branches de la législation on a choisi celle que l'on a cru les plus susceptibles d'une prompte amélioration. Telles sont la milice nationale, les finances, le système monétaire et le plan de l'administration générale. Par les copies ci-jointes v. exc. verra la manière dont ces quatre objets ont été proposés à la discussion des états. Il y a une observation essentielle à faire sur le mode d'après lequel on a dirigé cette discussion. Ce ne sont pas des décrets, ce sont de simples avis qu'on a demandé à la diète.

Autant qu'il a dépendu des états, ils ont satisfait à ces propositions; les trois points principaux ont été délibérés et leur résultat a été transmis par le maréchal de la diète à la connaissance de S. M. I.

Quant au quatrième point des propositions S. M. I. a cru nécessaire de former un comité spécial qui lui soumit ses vues sur l'administration générale. Le comité composé de l'évêque d'Abo, du professeur Calonius et d'autres membres, a rempli cette commission avec zèle et intelligence. Le projet a été examiné ici et perfectionné. Le baron de Rehbinder va le transmettre au maréchal pour être porté à la délibération de la diète. Cette délibération finie, tous les objets destinés à la discussion de la diète auront été achevés et comme ce projet a été dirigé par les mêmes personnes qui participeront le plus à sa discussion dans la diète, on présume avec raison qu'il passera dans cette assemblée sans difficulté; de là on a calculé que la clôture doit avoir lieu le 7 du mois de juillet.

L'Empereur partira d'ici le 4 juillet après la parade. Le 5 il couchera à Lovisa et le 6 Sa M-té faira son entrée à Borgo. Le 7 au soir Elle partira ou pour aller à Abo (circonstance qui n'est pas encore décidée), ou pour retourner à St-Pétersbourg. L'entrée et toutes les circonstances de son séjour sont fixées dans le cérémonial çi-joint. J'en communiquerai l'extrait au maréchal baron de de Geer pour ce qui regarde la diète.

En vous faisant part de tous ces détails j'aurai l'honneur de vous en donner de plus amples en personne. En prévenant le départ de l'Empereur de deux ou trois jours, j'espère arriver à Borgo le 3 juillet. Le baron Rehbinder partira après demain.

J'ai l'honneur....

Le 27 juin. Speransky.

P. S. Sous peu de jours j'aurai l'honneur d'envoyer à V. Exc. avec un exprès la liste de la suite et des équipages dont le nombre n'est pas encore définitivement arrêté.

98.

Генералу Барклаю-де-Толли отъ Сперанскаго 17 іюля 1809 [1]).

Mon général. J'ai l'honneur de vous remettre ci-joint le projet du plan de l'administration générale en Finlande avec les amendements qui y ont été ajoutês d'après les observations de votre excellence et celles de la diète. Je crois devoir entrer dans quelque explication plus détaillée sur la nature de ces amendements en passant en revue les articles retouchés.

1. (Chap. V. § 28). La première rédaction de cet article donnait au président une voix prépondérante dans le cas de la parité des opinions opposées; mais comme le code judiciaire de Suède attribue cette prépondérance à l'opinion la plus favorable à l'accusé, on a cru d'après l'observation de la diète devoir substituer à cette première rédaction celle qui y est exprimée maintement, en řéservant toutefois au président la faculté de porter ses observations à l'Empereur.

2. § 29. Ce chapitre a été conçu d'après les observations préliminaires. Mais en examinant cette rédaction Sa Majesté a reconnu qu'ils serait inutile de désigner ici l'autorité du président en fait de police administrative, autorité qui lui appartient et qu'il peut exercer indépendamment du conseil en sa qualité de gouverneur général conformément à ses instructions. Par ce motif l'Empereur a cru devoir omettre tout-à-fait cet article.

3. Il y a encore quelques changements très peu essentiels qui ont été ajoutés d'après les observations de la diète et il y en a d'autres dont on n'a pas fait mention dans le projet parcequ'on les a cru étrangers à la nature de cette organisation. Le baron Rehbinder rendra compte à v. exc. de ces observations de la diète.

4. Dans l'état des dépenses la diète a proposé deux amendemens: 1) de compter les appointemens en argent blanc, 2) de les augmenter pour quelques-uns des employés. La première proposition est admise; la seconde ne parait pas extrémement fondée.

5. Le choix des personnes proposées par la diète demande à être mûrement examiné.

En transmettant à v. exc. toutes ces explications je dois la prévenir que S. M. I. n'attend que ses observations pour donner à l'établissement du conseil son approbation définitive, en lui laissant d'ailleurs toute la latitude de proposer tout ce qu'elle croira le plus

---

[1]) Арх. М. Ин. Д., Aff. finl. 1809, Corr. Speransky et Barclay de Tolly.

convenable pour rendre cette institution d'une utilité réelle pour le bien du pays.

J'ai l'honneur... Speransky.

17 juillet 1809.

99.

Генералу Барклаю де-Толли отъ Сперанскаго, 8 августа 1809 [1]).

En transmettant à v. exc. les actes signés par S. M. I. sur l'organisation du conseil, je dois vous rendre compte du résultat des observations que vous m'avez fait l'honneur de m'adresser sur le projet de cette organisation.

S. M. I. les ayant toutes agréées m'a ordonné d'insérer quelques unes de ces observations dans le texte même de l'arrêté, comme v. exc. le verra par le contenu de diverses paragraphes de l'acte; les autres ont été différées par les considérations suivantes.

§ 5. L'Empereur en adoptant l'idée de la présentation des condidats comme principe, croit cependant superflù de l'énoncer dans un acte public et de prendre par là une espèce d'engagement formel.

Chap. IV. *Sur le secrétaire référendaire général.* En adoptant l'idée de cette fonction, S. M. a cru devoir cependant la borner seulement à la section de l'économie publique. Les deux sections ayant des objets différents et agissant séparement chacune d'après ses principes, seront rarement dans le cas de se réunir, chaque section formant un conseil à part et décidant définitivement les affaires qui lui sont attribuées. C'est dans ce sens que M-r Mellin est placé comme secrétaire général de tous les buraux de la section de l'économie publique, mais non pas de toutes les sections du conseil. Ses appointemens sont portés dans l'état à 2000 roubles.—Dans les cas rares où les deux sections auraient besoin d'être réunis, l'emploi de secrétaire sera rempli par le même secrétaire général.

§ 26 et 27. L'instruction du gouverneur général est sans doute trés nécessaire. S. M. I. désirerait que v. exc. Lui présentâ les premiers élements de cette instruction ainsi que de celle pour le procureur. L'instruction du gouvern. général comprendra deux parties, l'une publique et l'autre purement confidentielle, ayant pour objet les mésures de la haute police. La première seule sera communiquée au conseil.

Titre III. Sur les médecins. On pourra faire un réglement à part par lequel les médecins examinés en Russie seront admis à la pratique en Finlande.

S. M. a agréé votre avis, mon général, sur la manière de prevenir les refus dè membres choisis au conseil. Indépendament des

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

considérations qui sont consignées dans l'acte de leur nomination, j'écris particulièrement là-dessus à M. le comte de Geer, supposant que votre observation peut surtout l'avoir en vue.

Quant aux autres dispositions rélatives à cette organisation, v. exc. verra par le contenu des actes que tout ce qu'elle a proposé sur ces objets a été agréé. Le trône peut être transporté de Borgo et placé dans la salle du conseil. Il reste à placer quelques secrétaires reférendaires. J'attend votre choix définitif pour les proposer à S. M. I. conjointement avec M. Langenskiold, dont la présentation m'est entrée lorsque la nomination des autres était déjà faite et signée. Cela n'empêche cependant pas qu'il ne soit nommé sous peu de jours.—Il serait à désirer que la traduction de l'organisation du conseil en suédois soit confiée à une personne qui réunit la connaissance de la chose avec la connaissance des deux langues. Il serait essentiel d'engager à ce travail M-r l'évêque d'Abo. Le professeur Calonius pourrait concourir à cette oeuvre.

J'ai l'honneur...

Speransky.

100.

Графу де-Гееру отъ Сперанскаго, 8-го августа 1809 [1]).

Parmi les candidats proposés par la diète pour la formation du conseil de régence S. M-té a vu avec plaisir votre nom. Par suite de cette confiance dont l'Empereur s'est toujours complu à vous donner les marques positives, S. M-té a bien voulu confirmer ce choix en vous appellant à son conseil et en vous confiant spécialement la direction des affaires de milice.

Je n'ai pas manqué de rappeller à cette occasion les raisons que vous m'avez communiquées, M-r le comte, sur les motifs qui pourraient vous empêcher de gérer cet employe. Mais S. M. I. se référant plainement aux principes d'honneur et de l'amour de la patrie qu'Elle vous connait, n'a pas cru devoir s'arrêter à ces considérations étant persuadé d'ailleurs que lorsqu'il s'agit d'assurer dans son origine les bases d'une bonne administration par le choix des bons administrateurs vous ne balancerez pas, M-r le comte, à faire quelque sacrifice de votre répos au bien de la patrie et d'encourager les autres par votre exemple.

J'ai l'honneur...

Speransky

---

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

101.

Сперанскому отъ Спренгтпортена, 24-го янв. 1809 [1]).

Monsieur. S. M. l'Empereur ayant daigné confirmer la convocation des états de la nouvelle Finlande pour le 10 mars prochain, je pense qu'il sera nécessaire en ce moment même déterminer le choix pour la personne que S. M. déstine pour remplir les fonctions d'un maréchal de la diéte, dont le choix est à sa nomination, pour que celui qui en sera revêtu de cette dignité ait le temps de prendre ses arrangements et les ordres de S. M. I. pour sa réception. Parmi ceux qui pourront aspirer à cette place je ne connais personne plus digne à être proposé que M-r le baron de Geer actuellement ici; avec la confiance générale de la nation il réunit toutes les qualités requises à son emploi, capacité, naïssance, considération et probité, et si S. M. daigne l'agréer je ne doute pas qu'elle ne sera très satisfaite de son choix.—Un maréchal de la diète vit aux frais du souverain. C'est lui qni règle les propositions, le travail des députations, l'économie et la police intérieur de la diète. Il est d'usage de mettre à sa disposition une certaine somme à employer aux maniemens des affaires dont la réussite est à sa responsabilité.—C'est à S. M. de regler cette somme selon ses vues; mais quelque forte qu'elle soit elle rentre pour l'ordinaire dans le trésor, par le payement qui se fera immédiatement après la conclusion de la diète, où la nation pour exprimer sa reconnaissance fait pour l'ordinaire un effort gratuit sur la .... (?) de ses constitutions. Comme je crois nécessaire que ces objets soient mis sous les yeux de S. M., s'il est possible encore avant mon départ, je n'ai pas voulu manquer de vous en faire part, M-r, pour que vous puissiez saisir le premier moment de votre travail pour les faire parvenir à Sa connaissance.

Agréez toute la considération avec la quelle j'ai l'honneur d'être, Monsieur le Secrétaire d'Etat,

Votre très humble et obéissant serviteur

Sprengtporten

Dimanche ce 24 janvier 1809.

102.

Отъ де-Геера Сперанскому, 5-го февраля 1809.

Note très humble [2]).

Penétré de reconnaissance pour la confiance distinguée dont Sa M. l'Empereur a bien voulu m'honorer, en me faisant maréchal de

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.
[2]) Ibid.—Писана рукою бар. Ребиндера.

la diète fixée à Borgo, il est de mon devoir d'exposer les objets qui, vu le court éspace de temps restant pour les préparatifs de la diète assemblée, exigent une décision accéllerée. C'est pour cela que je supplie votre excellence de soummettre à Sa Majesté les affaires suivantes:

1°) Suivant la constitution suédoise le chancelier de la justice doit examiner les pleins-pouvoirs des ordres du clergé, de la bourgeoisie et des paysans et comme cette charge n'existe pas pour le présent en Finlande on ose proposer que M-r de Tandefeldt, président de la haute cour de justice, étant l'officier civil du plus haut rang du pays et d'ailleurs un homme fort respectable, soit constitué de faire les fonctions du chancelier pendant la diète.

2°) Le cas ci-dessus mentionné de la nomination(?) du chancelier a lieu pour ce qui regarde le secrétaire de l'ordre de la noblesse. Dans l'incertitude si une personne qui ait les connaissances requise pour ce poste se trouve à la diète, et encore étant d'une nécéssité urgente que ce secrétaire soit en activité avant le commencement de la diète pour régler la nobilière de la Finlande, et pour recueillir d'autres renseignements relatifs à ses fonctions, je supplie que S. M. voudrait bien, provisoirement et jusqu'a ce que la noblesse soit en cas de faire son choix, y nommer une personne avec ordre pour lui de se rendre tout de suite à Borgo. Pour cette place on ose récommander M-r le baron de Melin, assesseur de la haute cour de justice de Wasa, en qui des connaissances et un caractère probe se réunissent.

3°) S. M. est très humblement sollicité de nommer le secrétaire des paysans, pour quelle place importante on ose présenter le sénéchal d'Oréus, bourguemetre de la ville de Borgo, et membre adjoint de la haute cour de justice d'Abo, un homme estimé de tout le monde, tant pour sa capacité que pour une intégrité à toute épreuve.

4°) On implore l'assistance de S. M. pour une avance de cent ou cent cinquante mille roubles pour les frais de la diète que les états payeront après qu'elle sera finie. Si une partie de cette somme serait tout de suite assignée pour être remise à l'intendant de la diète, plusieurs avantages rélatifs aux arrangements subits qu'il doit prendre en resulteraient.

Je saisis cette occasion pour réitérer l'assurance de ma considération distinguée.

Robert Wilhelm de Geer.

St. Petersbourg. 5 fevr. 1809.

103.

Отъ Спренгтпортена Сперанскому, 13-го февраля 1809 г. [1]).

Monsieur! Vous m'avez inspiré quelque inquiètude par votre lettre du 7 que m'a remise mon aide de camp., M. de Bibikoff. Pour m'en

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго. Также Corr. off. de Sprengtporten, изд. Коскинена, стр. 150, № 8.

éclaircir je vous expédie le présent courrier le feldjäger Hübner qui vous présentera cette lettre.

Je conviens très fort qu'on s'est un peu tard occupé à déterminer la convocation des états de la Finlande que j'avais proposée au mois de novembre pour être fixé au 10 de janvier et qui n'a été signée que le 20 de janvier pour avoir lieu le 10 mars—mais malgré cela il n'y aura ni confusion, ni delai si S. M. se décide de la sanctionner par sa présence, sans cela le but principal en est manqué—ainsi que si d'autres considérations ne suffisent pas à la révoquer; rien encore n'est à redouter, mais je dois vous parler sans détour que si S. M. n'est pas décidée d'assister elle même à la première ouverture de cette diète, comme aussi à sa clôture, qui sont les deux époques où sa présence est absolument indispensable pour imprimer à la nation l'idée auguste qui doit lui rester de cette cérémonie, si tout cela n'est pas dans les vues de Sa Majesté il vaut mieux la suspendre a un temps plus calme, diriger en attendant le machine comme on pourra, et soigner comme vous dites l'administration dans les principes établis et avec les moyens que je pourrai employer pour inspirer la confiance, l'obéissance et la bonne volonté que l'oppression militaire a détruits. Je conseillerais cette revoquation de la diète d'autant plus volontiers qu'en effet nous sommes ici dans un état de misère et de confusion qui fait peur. L'approvisionnement des troupes et les transports abîment le pays et font naitre des desordres qui nous occupent impérieusement faute d'y avoir mis un principe général où chacun pourra se reconnaître et s'appuyer dessus. Je vous prie seulement de me fixer bien positivement ce que vous décidez, par le retour du courier; rien n'est encore de trop, la diète peut se faire si l'on veut, ou le contre-dire sans embarras de personne. Tout cela dépend des ordres de S. M. I. que vous aurez la complaisance de me faire parvenir. Je pourrais vous dire bien des choses qui ne sont pas agréables de conter—que la fourniture en bléd et provisions de l'année passée contracté par le général précédant se refuse à payer par le général d'aujoud'hui—que la confiance publique est par là détruite et la justice du souverain compromise—que les villes se brulent par la négligence des commendants et les villages par l'indolence du soldat [1]). Enfin que je suis ici sans moyens pour répondre du succés d'un approvisionnement où 10 à 12 personnes courent les uns devant les autres; ici un général, là un commissaire, plus loin un expédit on ne sait d'où, et tous pour savoir à qui gagner le plus—mais je glisse sur toutes ces belles choses, pour ne pas trop vous ennuyer par mes plaidoyers, j'aime mieux vous assurer de la parfaite considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être monsieur

Votre très humble et très obéissant serviteur

Tavastehus ce 13 Fevrier 1809. Sprengtporten.

---

[1]) У Коскинена par l'insolence du soldat; но это конечно менѣе вѣрно.

104.

Сперанскому отъ де Геера. 23-го марта 1809 [1]).

Votre excellence. Dabord après que j'eus l'honneur de vous faire ma visite le chambrier de Guilling de Heinola arriva en ville qui est nommé secrétaire dans la députation. Il me disait que tous les renseignements nécessaires de Heinola pourraient être ici après quatre jours. Comme les députations peuvent commencer leur travail d'abord je supplierai votre exc. d'avoir la bonté de faire avoir le gracieux consentement de l'Empereur qu'ils puissent continuer leur séance sans interruption, et comme les députations ne pourront pas exister sans les états je supplierai avec la plus grande ardeur la clémence même de notre auguste maitre qu'il daigne gracieusement permettre aux états de continuer leur assemblée. Je supplie cela tant par rapport au service de Sa Majesté Impériale comme pour accomplir les souhaits de plus grande part de la noblesse qui ne respire qu'attachement invincible pour notre bien aimé Empereur.

Une lettre seulement écrite par votre excellence qui m'annonce la volonté du Souverain que si les députations peuvent être en activité c'est sa gracieuse volonté que les états soient ensemble jusqu'à ce que les affaires soient finies.

J'attends la réponse de v. exc. avec le courier et le communiquerai d'abord avec les autres orateurs. La grace de S. M. I. je supplie avec la plus grande soumission et vous me permettez d'être de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

Robert Wilhelm de Geer.

Borgo le 23 Mars 1809.

105.

Сперанскому отъ де-Геера. Борго 28-го марта (9-го апр.) 1809 [2]).

Votre exc. Selon mes devoir et intentions, j'aurai l'honneur de vous faire savoir la marche des affaires de la diète, vous suppliant d'avoir la bonté de les présenter à notre Auguste Maitre. Je souhaite de tout mon coeur que notre travail soit d'après la haute volonté et que nous aurons Sa gracieuse approbation d'avoir accompli Ses intentions paternelles.

Comme j'avais l'honneur dans ma dernière de vous faire un rapport de ce qui se passait alors, le courier arriva d'abord après votre départ de Lowisa, j'ai cru accomplir le mieux mon devoir, de faire continuer les affaires de la diète, puisqu'on pourrait avoir les ren-

---

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.
[2]) Тоже.

seignements dont les députations pouvaient avoir besoin plutôt qu'on ne pensait à cause que la pluspart des comptoires aux gouvernements avaient déjà de soi-même commencé ce travail et que les souhaits des états était de travailler sans interruption pour accomplir le plustôt possible la gracieuse intention de S. M. I. pour le salut de notre patrie et le contentement de notre bien-aimé Père Alexandre.

Les états ont formé à présent deux députations sous le nom: députation d'économie, qui doit arranger les deux gracieuses propositions touchant le militaire et les impots du pays, l'autre sous le nom: de députation de la finance qui concernera l'arrangement de la monnaie.

La première ou députation d'économie, consiste de 6 membres de la noblesse et 3 de chaque autre ordre. La seconde de même. Les députations sont en pleine activité: il n'y a pas quelque chose de décidé que je puisse avoir l'honneur de vous faire savoir.

Je vous supplierai d'avoir la bonté de me faire savoir par une lettre la haute volonté de S. M. I-le si en cas que les états ou députations aient besoin de quelque renseignement, ou de quelque personne au service, s'ils pourront les demander de se présenter ici en personne de ces messieurs de qui cela appartient de les ordonner.

Je vois d'avance selon les gracieuses propositions de S. M. I. que j'aurai besoin de savoir la haute volonté de notre auguste et bien-aimé Maitre, touchant plusieurs endroits des propositions; j'espère que S. M. I. m'excusera et ne trouvera pas mal si j'insinue et demande très humblement quelques éclaircissements savoir l'étendue des discussions sur les propositions, je crois que c'est conform avec la gracieuse intention et promesse de S. M. I. qui avait la grâce de me permettre de m'adresser en tout à Elle même. Mon zèle pour le service de S. M. I. et ses hautes volontés, le bien-être de mes concitoyens et patrie sont inséparables et ne finiront qu'avec mes jours.

Avec l'attachement le plus sincère j'ai l'honneur de me recommander et suis de coeur et d'âme de v. exc. le très humble et très obeissant serviteur

Robert de Geer.

106.

Сперанскому отъ барона Ребиндера, 25 марта 1809 [1]).

Monsieur! Par la lettre de M-r de Geer v. exc. est instruite que les membres de comités de la diète croient pouvoir dans peu de temps se procurer tous les éclaircissements nécéssaires pour se mettre en activité et en conséquence que la prorogation de la diète serait à cet égard inutile.

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

J'ai sondé la dessus les principaux acteurs de la diète et ils sont tous d'accord qu'une telle prorogation peut être exciterait de la méfiance parmi les habitants du pays de voir revenir leurs représentants et que parmi les membres moins éclairés de la diète on soupçonnerait même des vues secrètes là-dessous, d'autant plus nuisible et impolitique que l'harmonie des esprits et la confiance pour le Souverain est parfaite, aussi bien qu'il faudrait profiter de cet enthousiasme et de cette adoration pour la personne de S. M. que son voyage vient de produire. Ainsi si les états ne demanderaient pas cette prorogation je supplie v. exc. de soumettre à S. M. que ce n'est qu'en considération pour les interêts de S. M. et le bien de la patrie qu'on a changé d'avis. Je me sers de l'expression changer, pour sauver le maréchal d'un démenti car pour dire la vérité les états n'ont jamais été de cet avis. Il vient imprudamment d'avancer une chose sans y réfléchir et sans sonder les esprits. S'il m'avait prévenu par un seul mot, il ne se serait pas exposé devant son monarque. Permettez que je réponde pour son attachement pour S. M. et ses bonnes intentions, mais il est faible et se laisse conduire tantôt par des gens éclairés, tantôt par des faiseurs de projets.

Je prie v. exc. d'expédier avec le feldjäger qui porte cette lettre la proclamation qui suivra l'assurance de Sa M-té afin que je puisse la traduire et faire imprimer. Si on voulait ajouter dans la proclamation que Sa M-té a daigné par la proposition de la diète délivrer le pays des conscriptions militaires je crois que cela ferait le meilleur effet J'en ai parlé à l'evêque et à plusieurs autres et ils m'ont prié de le soumettre à v. excellence.

Tout va bien ici, mais il faut dire que le bruit de cette prorogation répandu par les orateurs, n'ait pas un bon effet car tout le monde ignorait que le maréchal la projetait. J'ai réussi d'apaiser tout cela et l'union est réstituée, je vous le jure.

Recevez je vous en supplie l'assurance du profond respect et de la réconnaissance avec lesquels je serai toute ma vie de votre excellence,

Le très humble et très obéissant serviteur

Rehbinder.

Borgo le 25 mars 1809.

107.

Сперанскому отъ Спренгтпортена, 30 марта 1809 [1]).

Monsieur. C'est pour annoncer à V. E. mon arrivée ici le lendemain du départ de S. M. I. de cette ville, que j'ai l'honneur de vous écrire ainsi que pour vous faire part de ce qui c'est passé depuis la diète.

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

J'ai appris en arrivant ici qu'un comité á été formé pour organiser le tribunal central dont les bases sous la dénomination d'un comité de régence ont été déjà fixées dans l'instruction qui m'a été laissée pour mon gouverne et que M-r l'evêque d'Abo à été choisi pour présenter un projet d'organisation pour ce tribunal en partageant ce travail avec M-rs de Mannerheim, de Gullenstolpe, de Gadolin et de Rebinder auxquels on a adjoint M-r Calonius.

Il est de mon devoir de vous représenter, monsieur, que cet objet, comme vous ne l'ignorez point, a déjà été soumis à ma disposition par l'article 2 de cette instruction que S. M. I. a daigné approuver, en vertu de laquelle la présidence d'un tel comité m'était réservé de droit comme à la personne qui par sa charge et j'ose encore dire par son zèle est le plus à même d'en diriger les travaux. A ce titre je vous avoue M-r que je ne devrais pas m'attendre à rien voir d'établi sous ce rapport à mon insu, d'autant plus que la confiance que S. M. l'Emp. m'a si gracieusement exprimée dans sa première lettre m'en était un sûr garant. Je n'ai donc à objecter sur ce point que le changement des principes qui s'est opéré sans qu'on ait eu la complaisance de m'en instruire au préalable, et le choix d'un ecclésiastique pour présider à ce comité qui quoique rempli de lumières et du zèle de bien faire ne peux cependant pas par son état même posséder les connaissances, les notions nécéssaires dans une partie où tous les détails sont du ressort de l'administration civile et militaire et par là même immédiatement subordonnés à l'influence d'un gouverneur général.

Quant à ce qui me concerne personellement, monsieur, habitué toujours à parler le langage franc d'un soldat, dont l'amour de bien remplir ses devoirs fait la seule ambition, je ne vous dissimulerai point que je ne m'attendais pas, après tout ce que j'ai fait, à recevoir l'humiliation d'être réduit à l'inactivité dans un objet qui touche de si près à la dignité de ma place, où mon intention constante est de prouver mon attachement soutenu pour la prospérité de service de mon Souverain et au bien-être de mes concitoyens. Si S. M., mal informée de mon zèle, a pu un instant douter de mes véritables motifs en rétirant une confiance qu'Elle a daigné si généreusement placer jusqu'ici dans ma personne, je subirai mon sort avec une résignation soumise et j'établirai mon repos sur la certitude d'avoir rempli une longue carrière sans reproche.

Voilà, M-r, ce que ma sensibilité en cette occasion me fait un devoir de soumettre à la décision de mon auguste Souverain. Ne doutant point qu'Il ne daigne rendre justice à mes sentiments, comme quoi, je ne respire que de me conformer à sa volonté suprême. En attendant que je sache quel sera ici le rôle que je dois remplir, je m'occupe à fournir à m-rs les députés les lumières qu'ils exigent de moi pour la continuation de leur travail.

Parmi celles qu'on m'a demandé plusieurs sont essentiellement nécéssaires, mais la plupart roulent sur des minutes qui ne peuvent

servir à rien. Je les accorderai, en surveillant autant qu'il est de ma conpétence ume marche simple, nette et claire pour parvenir au but que nous cherchons à établir.

A l'égard de l'achat de blé et de la distribution pour les habitants des gouvernements de Wasa et de Kuopio vous avez établi pour principe qu'un comité des notables de paroisses sous la présidence du gouverneur de la province en sera responsable et en rendra un compte direct à S. M. I.; je m'y conformerai comme je le dois, mes ordres en sont donnés; mais je ne puis me dispenser de vous observer ici que cette marche de responsabilité n'est pas trop conforme à la confiance que demandent nos propres dispositions à ce sujet et ne pourra que vous devenir très embarassante dans une langue que vous ne saurez contrôler. Vous aurez incéssament de moi par exprès un tableau général qui vous mettra au fait de nos répartitions à cet égard, inclusivement avec le gouvernement d'Uleaborg, qui doit aussi y participer, quoiqu'il n'en soit pas spécialement mentionné dans la lettre de S. M.

Quant à la liquidation des appointements pour les officiers prisonniers des garnisons de Swartholm et de Swéaborg, j'attends pour terminer cet objet l'envoi de l'argent selon ma lettre au trésorier de l'Empire de ce jour. Dans celle qu'il m'a communiquée en date du 19 mars à ce sujet, son intention avait été de fournir cette somme par celles qui rentreront par la vente du blé, destiné au secours du pays, mais comme cet argent ne peut rentrer que peu à peu et pas en totalité, en exceptant la classe de ceux qui ne pourront payer qu'après la récolte prochaine et les indigents qui ne payent pas du tout, et que les appointements des officiers prisonniers doivent être liquidés en masse selon l'instruction donnée à cet égard, on ne peut mêler ces deux objets ensemble. En attendant mes ordres sont expédiés au comité de liquidation à Helsingfors d'en commencer le travail sous la direction du général-major de Sievers, auquel j'ai remis toutes les listes et payements déjà effectués par les gouverneurs respectifs de l'intérieur de la Russie où la plupart de ces officiers ont été relégués. Aussitôt que les rapports en viendront sur cet objet je ne manquerai pas d'en rendre compte à S. M. l'Emp. Quoique j'aie bien des objets sur lesquels je pourrais m'entretenir avec v. excel. cependant la longueur de cette lettre et le départ pressé de M-r de Drewnowski qui m'a demandé la permission de faire un voyage à Pétersbourg pour y soigner sa mère malade m'obligent d'en faire l'objet d'une expédition séparée.—Veuillez demander pour lui á S. M. I. la permission de rester à Pétersbourg aussi longtemps que les affaires de famille l'exigeront.

J'ai l'honneur d'être avec la considération la plus distinguée, Monsieur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur.

Spengtporten.

Borgo le 30 mars 1809.

108.

Сперанскому отъ Спренгтпортена, « » апрѣля 1809 [1]).

Monsieur. J'ai reçu les quatre lettres que m'avez fait l'honneur de m'adresser, toutes de la date du 2 de ce mois [2]), et j'y aurais déjà fait réponse, comme quelques circonstances m'ont paru l'exiger, si ma santé affaiblie par une fièvre qui depuis quatre jours me retient au lit, m'en avait donné la force; cela étant j'espère que vous m'excuserez ce retard involontaire en faveur des efforts que je ferai pour m'en acquitter sans plus de délai.

L'une de ces lettres renfermant les marques de munificence dont S. M. a bien voulu gratifier la famille de Mollerswärd, comme témoignage de satisfaction de l'hospitalité qu'elle a eu l'honneur de lui donner lors de son passage, a aussitôt été expédiée par un exprès pour me conformer à vos désirs. Ces bonnes gens déjà au dela de toute expression heureux par le bonheur seul d'avoir pu un moment posséder leur souverain chez eux se trouvent encore l'être doublement en recevant des marques si distinguées de bienveillance qui éternisent dans leur petite famille le souvenir d'un événement si flatteux pour eux; la lettre ci-jointe exprime leurs très humbles remerciements.

L'ordre suprême de S. M., exprimé dans celle par laquelle vous me transmettez l'acte au sujet de serment de fidélité, destiné à être traduit en suédois par le baron Rehbinder et ensuite remis à l'evèque d'Abo, comme à celui qui en a donné à S. M. la première idée pour être publié dans les églises, sera exécuté aussitôt que le baron sera de retour d'Abo où il se trouve encore; en attendant il est de mon devoir de vous observer que ce mode de publication est absolument contraire aux usages du pays établis. Les consistoires ecclésiastiques, dans aucun cas même en matière de réligion ne sont en droit de faire de pareilles publications, ils n'en recoivent que la communication directe du gouvernement, mais les publications appartiennent au gouverneur, chacun dans son gouvernement respectif. Cette manière est aussi la plus prompte puisque les gouvernements sont organisés pour cela, aulieu que les consistoires n'ayant que la poste ordinaire pour transmettre leurs expéditions, exigeraient un temps plus considérable, lui parait au fond tenir à peu de chose, cependant l'esprit de la nation et des lois toujours soigneux de se garantir vis-à-vis d'un ordre qui n'a jamais manqué une bonne occasion de manifester son envie de se mêler des affaires de ce monde si éloigné de sa vraie déstination, il serait je pense plus conforme à la concorde qu'on désire établir de se tenir aux usages usités;

---

[1]) Число не помѣчено. Изъ бумагъ Сперанскаго.

[2]) Неизвѣстно о какихъ 4-хъ письмахъ идетъ здѣсь рѣчь. Въ рукахъ составителя было лишь одно отъ 2-го апрѣля, которое и помѣщено выше, подъ № 88.

ainsi que si S. M. I. juge à propos, à l'égard de ces considérations, de revenir sur ce sujet il serait temps encore de me faire connaitre son ordre par exprès avant que M-r Rehbinder soit de retour, qui doit soigner la traduction de l'acte en question. Je reviens actuellement à ce qui me concerne personnellement relativement à mes fonctions à le diète.—Je conviens très fort avec vous qu'il faut laisser aux états son libre arbitre dans toutes leurs délibérations qu'une liberté renaissante est d'autant plus ombrageuse qu'elle ignore ses droits, qu'il ne faut pas la gêner avac une surveillance trop marquée qui porte avec soi un caractère de dépendance.

Personne n'est plus que moi pénétré de ces vérités qui le premier a proclamé cette diète aussi qui a démontré sa nécessité pour former un point de réunion entre le Souverain et Ses nouveaux sujets, le seul qui a combattu dans l'arène contre toutes les entraves que les préjugés ont sans cesse accumulés pour retarder cette mésure et le seul aussi qui a osé prendre sur soi d'en garantir le succès, appuyé dans mes principes par mon seul Souverain qui n'a pas dédaigné de suivre une route que la justesse de son esprit, sa noble assurance, ses lumières et ses idées libérales ont jugé convenable à ses propres interêts. Cet objet est donc un peu de mon ouvrage que je ne voudrais pas détruire en introduisant les principes opposés à la confiance que je cherhe d'inspirer aux habitants de la Finlande. Vous avez dû vous appercevoir, M-r, combien en effet le ton a changé depuis cette époque en faveur de nos interêts et combien S. M. a gagné sur tous les coeurs qui sont heureux de l'avoir vu et fiers du sort de lui appartenir; s'il y a des intrigants qui disent le contraire il faut les ranger parmi ceux qui ne sont jamais contents quelle bonne chose qui arrive, mais si d'un coté il serait imprudent de s'ingérer dans les affaires d'une assemblée qui marche encore en tremblant vers une liberté qu'elle cherche à connaître et sur laquelle elle pourrait se méprendre, si on ne cherche de bonne heure à la guider, il serait aussi de l'autre côté non moins dangereux de trop se rélacher sur le droit de gouvernement, qui sans porter préjudice aux délibérations est en droit de les connaitre et l'ordre dans lequel elles se traitent.

C'est la marche des choses à Stockholm et doit aussi l'être à Borgo. Cette espèce de surveillance, si on peut l'appeler ainsi est d'autant plus nécessaire qu'aucune affaire de quelle nature qu'elle soit, doit à la rigueur se traiter, lorsqu'elle se lève par proposition individuelle, sans que le gouverneur en soit instruit qui dans ce cas ait à rendre compte des arrangements déjà pris ou à prendre. La présence du Souverain supposé toujours présent pendant la durée d'une diète rend cette communication réciproque très facile, mais comme ce n'est pas ici le cas la régence qui réside jusqu'ici dans la personne du gouverneur général doit y suppléer. S. M. en établissant par sa bonté ordinaire une rélation directe entre lui et les états n'a pas pu prévoir que cette marche en excluant l'influence du gouver-

nement général sur les lieux rendrait plus difficile à connaitre la marche des affaires avec toutes les circonstances que cet officier devoué à sa personne pourrait lui transmettre.

Voila, Monsieur, ce que mon zèle pour le bien du survice de S. M. I. m'oblige de parler plus nettement, avec toute la soumission que je dois à sa connaissance particulière en excluant tout ce qui m'est personnel, je vous prie de me faire cette justice qui est due à mon caractère comme à mes principes. Qui a pu sacrifier jusqu'à l'opinion qui est pourtant quelque chose pour celui qui n'aime que la gloire pour le seul plaisir de bien faire, peut aussi renoncer aux objets purement du ressort de l'ambition qui sur les bords du tombeau n'ont plus le même éclat. C'est un sentiment dont je suis extrèmement jaloux et que j'ose espérer qu'on daigne m'accorder pour finir, s'il se peut, un ouvrage d'ailleurs assez pénible avec quelque consolation pour mes peines.—Au reste si j'ai trop dit, si mes idées ne rencontrent pas celles de mon Auguste Maitre qu'Il daigne me pardonner, c'est un mourant qui parle.

J'ai l'honneur d'être...

Sprengtporten.

Borgo. Ce avril 1809.

109.

Сперанскому отъ бар. Маннергейма, 12 (24) апрѣля 1809 [1]).

Monseigneur! La grâce particulière que V. E. m'a toujours témoignée, me fait espérer d'être pardonné pour la liberté que j'ose bien prendre par la présente. Les sentiments généreux de V. E. par rapport à ma patrie m'en donnent la hardiesse.

Le comité particulier, chargé par ordre de S. M. I. de former un projet sur l'organisation du conseil de régence pour le gouvernement futur de la Finlande, ayant fini son travail qui n'est pas en vérité qu'un ouvrage fait à la hâte, M-r le baron de Rehbinder nous a demandé de la part de V. E. nos avis sur le besoin d'avoir un conseil privé auprès de la personne de S. M. I. pour les affaires de la Finlande. Comme membres du comité, nous n'avons pas osé sans des ordres précis, d'entrer en délibération sur une matière aussi délicate et qui dépend si absolument de la volonté suprême de S. M.; mais comme particulier j'ai l'honneur de proposer à V. E. mes sentiments sur cette affaire.

Pour le présent et selon moi le conseil privé en question ne sera peut être d'aucune utilité apparente. Tant que nous avons le bonheur de voir V. E. à la tête des affaires de la Finlande, nous n'avons rien de plus à souhaiter. L'éstime générale, le caractère si

---

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

connu de V. E. nous garantit dans la personne de V. E. le soutien de nos droits, de notre bonheur. L'adjoint actuel de V. E., plein d'honneur et d'intégrité, mérite aussi toute notre confiance. Pourquoi donc un nouveau conseil, qui selon moi ne servira qu'à faire trainer les choses et le temps et qui peut-être donnera un nouveau ressort à l'ambition et à l'intrigue de quelques-uns de nos compatriotes. Souvent les affaires importantes sont mieux dans la main d'un seul que dans celle de plusieurs.

La diète n'est pas encore très avancée dans ses affaires. Il y a des renseignements nécéssaires qui manquent encore. Tout est tranquille et tant que je suis ici je me fais un devoir d'empêcher des nouveautés comme n'étant pas conformes à l'intention de S. M. l'Empereur. En demandant encore une fois a V. E. le pardon d'avoir abusé de sa bonté j'ai l'honneur d'être avec la plus haute considération de votre excellence,

le très humble et très obéissant serviteur,

Baron de Mannerheim.

Borgo ce 12 (24) avril 1809.

110.

Сперанскому отъ Де-Геера, 15 (27) апрѣля 1809 [1]).

Votre excellence! Avec le feldjäger j'ai l'honneur de recevoir la lettre de v. exc. du 2 avril. Mon bonheur et ma joie sont inexprimables de voir que S. M. I. a daigné prendre mes soins, touchant la continuation de la diète selon sa gracieuse coutume avec plaisir; je peux assurer que si c'était possible d'augmenter la vénération et confiance des états pour la personne sacrée de S. M. I. cette marque de bienveillance l'augmenterait, cette preuve des soins paternels de S. M. redouble l'activité des états, et leur unique soin est d'accomplir sa haute volonté qui confirmera le bien-être et l'existence de notre bonheur tout autant, que des siècles suivant. Comme v. exc. a eu la bonté de prescrire la marche de recevoir les renseignements, nous avons déjà pris la même route, qui continue l'ordre et nous nous sommes adressés au gouverneur général qui a eu la bonté de nous faire savoir qn'il a dabord ordonné que tous les actes doivent être incéssament envoyés des gouvernements pour accomplir les souhaits des états.

V. exc. eut la bonté de me dire à St.-Pétersbourg que je pourrai arranger selon les circonstances le défrayement des états. Après que je me suis informé des intentions des états et entendant leurs souhaits d'être traité de la même manière qu'aux diètes auparavant, j'ai pris cette résolution d'accomplir leurs souhaits; j'espère que

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

S. M. I. daignera m'excuser que je dissippe quelque part de cette somme que S. M. I. a eu la grâce de m'assigner pour les frais de la diète. Je trouve que S. M. veut que tous doivent être contents, pour accomplir sa haute et gracieuse volonté j'ai consentis à cette dépense.

Les paysans commencer de demander s'ils auront table et club comme de coutume; j'ai répondu que S. M. I. m'a ordonné que tout devrait être arrangé comme l'ancienne coutume dicte, part à part j'arrangerais table pour eux chez leur secretaire, et club aussi.

L'orateurs des bourgeois me demandait aussi si l'Empereur a ordonné quelque chose pour eux, car ils ont eu la coutume aux diètes que l'orateur a de l'argent pour la table, il offrait si en ce cas S. M. I. ordonnait quelques couverts de vouloir eux mêmes arranger pour les autres à la même table. Je leur répondis qu'un tel propos n'est pas convenable, mais que S. M. I. défrayera votre table. L'orateur du clergé proposait que ce n'était par nécessaire d'avoir table à part pour les prêtres, puisqu'ils sont toujours en plupart invités à la table de maréchal de la diète. Il résonnait un jour avec moi en disant qu'il pensait arranger une table de ses propres moyens, qu'il pouvait inviter ses confrères et d'autres en disant cela ne sera pas économie mais cela sera une satisfaction; ma reponse à monseigneur l'evêque: vous pouvez avoir une table, arrangez cela,—car la haute volonté de S. M. I. est de ne pas faire quelque différence entre ses nouveaux sujets. A cause de toutes ces circonstances tous les orateurs ont leurs tables qui sont défrayées au dépens de S. M. I. Dieu veuille que mes arrangement soient approuvés par notre gracieux Maitre, mon intention est pure, que tous doivent être contents.

Comme j'ai entendu de la bouche de S. M. I. elle même qu'elle veut et souhaite que les états passent et arrangent dans cette assemblée leur bonheur actuel et à l'avenir, que c'est sa haute volonté, qu'elle ne souhaite d'avantage que leur bien-être; je supplierai v. exc. d'avoir la bonté de nous montrer cette amitié de me procurer par écrit de S. M. I. sa gracieuse permission aux états, qu'ils pourront discuter toute chose qui appartient à l'économie, à l'industrie et à l'arrangement intérieur de la Finlande aussi en cas si ces matières ne seront pas nommés ou prescrits dans les propositions qu'ils nous ont livrés, ces resultats doivent être soumis à la haute décision et approbation de S. M. Cela s'entend que rien ne pourra être admis aux délibérations qui concerne la moindre chose touchant les droits sacrés de S. M. I. notre bien aimé Maitre, touchant la defense du pays et les distributions militaires.

Je supplie très humblement que v. exc. veuille avoir la bonté d'insinuer cette demande d'une telle manière que S. M. I. ne le trouvera pas mal, car mes intentions sont si pures et consistent seulement d'arranger des sujets qui de coeur et d'âme eux mêmes et leurs descendants après eux benissent le grand et bien-aimé Ale-

xandre qui forme la base de leur salut temporel en plusieurs siècles. Les souhaits de la plupart des états sont comme j'ai eu l'honneur de dire, mais nous avons tous notre intention de ne pas vouloir ni faire ni demander quelque chose de notre cheri Père, qui pourrait lui faire la moindre peine de ne pas nous l'accorder, c'est pour cela que j'ai pris cette route convaincu que S. M. I. ne daignera pas un moment mettre en question mes intentions et mon unique souhait et devoir, de toujours avoir ses hauts interêts pour mon point de vue. Soyez assuré aussi v. exc. que si cela pouvait être possible de m'écarter un moment pour d'autres objets, ma conscience ne me le permettrait pas, pour tant de grâce et confiance suprême dont S. M. I. a daigné me combler. La terre ne porterait pas de plus grand fardeau que mon ingratitude serait.

Comme le temps avance, je supplierai v. exc. d'avoir la bonté de me procurer la gracieuse réponse et décision le plus tôt possible, que les travaux des états puissent être finis au terme à la satisfaction de S. M. I. et notre bonheur commun. L'amitié de v. exc. je supplie tant pour les états que pour moi même.

Soyez assuré que tous aspirent d'être conservés dans les bontés et amitiés de v. exc. Vous me permettrez particulièrement d'avoir l'honneur d'être de votre excellence,

Le très humble et très obéissant serviteur.

Robert Wilhelm de Geer.

111.

Сперанскому отъ де-Геера, 15 (27) апр. 1809 (конфиденціальное) [1].

Comme de coutume j'ai l'honneur selon votre gracieuse promesse de vous entretenir confidentiellement.

V. exc. a beaucoup raison de dire qu'on doit ménager le gouverneur général. C'est un devoir tant pour ses grandes qualités, tant pour l'interêt qu'il a eu, et soutient encore pour notre patrie, tant pour son âge, mais le plus essentiel est que S. M. I. l'a nommé gouverneur général, peut être beaucoup pour lui témoigner sa haute bienveillance et récompense de ses services, mais aussi si notre amour propre a droit de raisonner, comme un cadeau pour tous les finois puisqu'il est lui même de notre nation.

Le gouverneur général est en tout sens, et de tout coté qu'on le voit, connu par ses grandes qualités, qu'aussi bien par ses grands défauts. Ils sont connus si bien de v. exc. comme de la plupart de nous, et particulièrement de moi.

Je vous assure sur mon honneur, que cela ne m'échapperait pas un moment de lui manquer en quelque occasion que ce soit, sans pourtant manquer à mon devoir pour mon maitre et les états. Nos

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

débats doivent seulement consister en des raisonnements, s'il a de la chaleur, moi de mon côté toujours avec décence, modération et froideur. Pour être sincère nous avons eu un pourparler qui a été bien animé touchant un mémoire que le gouverneur général adressait aux états tant en termes comme membre de la noblesse, mais aussi comme gouverneur général, pour aplanir tous les désagréments, que je craignais existeront, je consultais les autres orateurs, ils n'avaient pas quelque difficulté à repondre, puisque la noblesse devait discuter la première: comme chaque individu de la noblesse se forme sur notre cheri Pere Alexandre cela ne m'était pas difficile de faire passer cet acte sans beaucoup de formalités, le discours avec M-r le gouverneur général était assez vif, à la fin je lui demandais s'il avait des ordres de S. M. I. pour diriger les affaires, je l'assurais que la maison des nobles serait la première à obéir aveuglement et la même chose je l'assurais des autres ordres, en le priant seulement de nous le faire savoir authentiquement. Pour réponse le gouverneur général avait la bonté d'assurer que S. M. I. avait ordonné qu'il n'avait pas la moindre chose à se meler des affaires de la diète. Je lui annonçais que S. M. I. elle même qu'aussi bien que v. exc. m'avait ordonné de m'adresser directement à vous. Nous primes congé tranquils des deux côtés. Je donne à présent plus de temps de faire mes visites chez M-r le gouverneur général qu'auparavant tant de fois que mes occupations le permettent. J'espère que la fièvre chaude et froide ne reviendront pas de sitôt mais que l'amitié prendra leur place, c'est à cela que je travaillerai de toutes mes forces sans pourtant oublier mes devoirs.

Comme nous avons cette douce espérance que la paix entre S. M. I. et la Suède pourra se faire bientôt, c'est naturel que nos propres interêts nous dictent de profiter autant que nous pourrons des circonstances, bien assurés que rien n'échappera à l'attention gracieuse de S. M. I.; mais comme ni S. M. I. ni Ses ministres pourraient en ce temps s'informer de toutes les branches de rélations entre la Finlande et la Suède, nous avons cru notre devoir être de supplier très humblement de pouvoir faire une note et la soumettre à S. M. I. touchant les affaires, l'économie et la navigation: à cause de cela l'ordre de la noblesse, du clergé et des paysans ont convenu de faire une très humble adresse à S. M. I. d'avoir la gracieuse permission de faire une députation qui rédigera un tel mémoire; mais l'ordre des bourgeois n'a pas voulu, comme vous voyez par leur extrait particulier. Si nous avons été plus fermes, l'expression que les bourgeois se permettent dans leur extrait, où ils disent que les trois ordres ont pris une délibération qui appartient seulement à S. M. C'est trop dit que les autres états oublient leurs devoirs envers leur souverain, mais nous ne voulons pas rélever une chose qui serait desavantageuse pour eux et pourrait chagriner S. M. I. un moment; je veux seulement prier v. exc. de faire attention à leurs sentiments sans pourtant le ressentir d'aucune façon: on voit très bien qu'ils

ont une mauvaise cause à défendre, car alors on a toujours recours à tous moyens s'ils sont légals ou non c'est la même chose. Ils parlent beaucoup du mystère, v. exc. observera par un mot dans l'adresse, qui est conforme à près les resultats de la noblesse, et l'extrait du protocole qui a été envoyé aux autres ordres, mais ils veulent bien l'adresser eux mêmes au monarque sans que les autres ordres puissent savoir le contenu, je n'ai pas besoin de faire un mystère de quelque chose, si ce n'est pas nuisible à quelques uns, ou si je ne veux pas me faire avoir quelque faveur aux dépens des autres. J'aurai l'honneur de vous dire sincèrement que le point de vue des bourgeois est de contrarier que la navigation ne doive pas devenir libre; ils croient par là ne pas pouvoir tenir leurs compatriotes en échec, mais je suis sur que v. exc. daigne bien voir l'utilité pour toutes les classes, si la navigation devenait libre; la couronne et les sujets gagneraient tous, et les marchands ne perdront pas plus que ce gain qui n'est pas convenable aux gens de probité, car leur droit est de gagner avec raison, mais pas de s'approprier le bien d'autrui. Je suis sur que v. exc. trouvera la conduite des trois ordres conforme avec l'honneur, la justice, le patriotisme et l'intention de S. M. I. qui consiste que personne de ses sujets doive être opprimé, c'est aussi conforme avec les proclamations.

Le comte de Buxhoevden au nom de S. M. I. déclarait à Abo, quand les paysans faisaient l'été passé leur serment de fidélité, sur leur demande s'ils auront les mêmes privilèges comme auparavant de faire leur navigation à Stockholm et les autres maritimes en Suède avec leurs effets comme de coutume, sitôt qu'ils en reçurent ces promesses par le comte de Buxhoevden, ils prononcèrent d'abord leur serment; s'ils n'y a pas d'autres privilèges qui leur confirme ce droit, je trouve que la promesse donnée au nom de S. M. I. suffirait pour maintenir leurs droits. Pour moi et la noblesse cela n'est pas nuisible, car selon nos privilèges nous avons ces droits mais c'est pour nos autres compatriotes, que notre devoir et nos souhaits sont de vaquer sur leurs droits.

J'ai eu l'honneur de dire ci-devant que nous n'avons pas pensé ni nommé quelque mystère, car cela n'appartient pas aux états, c'est un droit qui depend du souverain à cause de cela S. M. I. peut, si elle le trouve conforme à sa politique, ordonner que la députation doit faire serment de discrétion en telle et telle chose, car pour la plupart que les états pourront très humblement présenter, ne peuvent pas être d'une telle conséquence qu'un indiscrétion en aura place.

Pardonnez que j'ai occupé le temps de v. exc. avec mes idées et souhaits, mais convaincu de votre amitié et bonté, j'ai hasardé cette longue lettre, en vous priant de m'excuser et de regarder cette lettre seulement entre deux.

Permettez moi d'avoir l'honneur d'être de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

Robert Wilhelm de Geer.

112.

Сперанскому отъ епископа Тенгстрёма. Борго, 25-го апрѣля 1809 [1]).

Monseigneur. Après avoir enfin reçu le projet de M-r Calonius sur l'organisation d'un tribunal de règence pour la nouvelle Finlande nous avons fait notre mieux ponr le discuter dans notre comité autant que l'espace de quelques jours et nos autres occupations nous ont permis de l'examiner et d'en retrancher les détails trop minutieux. Il en reste néanmoins une assez grande quantité pour ennuyer S. M. I. mais qui n'echappéront pas à l'attention et les régards clairvoyants de V. Exc. J'ai eu mes raisons particulières de remettre cette esquisse telle qu'elle est à présent dans les mains de V. E., plutôt que de tâcher d'en changer la forme qui pour les points principaux est sans doute la meilleure et la plus convenable pour la Finlande; bien assuré de ce que V. E. l'arrangera bientôt et sans beaucoup de peine, selon les vues éclairées et bienfaisantes de notre auguste monarque avant d'être présenté à la discution des états. Pour moi j'ai été bien flatté et honoré de la confiance de l'Empereur, et c'est pour quoi je ne cesserai jamais d'en conserver un souvenir bien respectueux et satisfaisant.

Mais Il me reste pourtant une très humble petition sur ce même sujet. Toutes nos affaires ecclésiastiques ne sont pas mentionnées dans le projet que nous venons d'achever, quoiqu'elles constituent une partie essentielle et considérable de l'administration publique. Les raisons de cette omission sont expliquées dans la très humble supplique du clergé de la diète, que j'ai pris la liberté d'adresser à V. E. pour être portée à la décision très gracieuse de S. M. I. Persuadés que V. E. ne nous refusera pas son appui pour notre pétition si juste et si équitable nous ne doutons pas qu'elles ne nous sera bien accordée? Et si pour comble de nos voeux S. M. I. daignerait nous faire la grâce de nous donner un membre du clergé pour prefet, ou secretaire de cette nouvelle expédition, ou bureau ecclésiastique de conseil de régence, nous sommes bien assurés que les interêts de notre sainte religion, de l'eglise et du clergé finois, seront mieux soignés que s'ils étaient tout à fait livrés dans les mains des personnes laïques. Si ces grâces pourraient bien nous être accordées il faudrait ajouter à notre projet un paragraphe au chapître 3 sur ce sujet, avant que la proposition de l'Empereur soit remise à la délibération de la diète, au reste il est que M-r le baron de Rehbinder a fortement insisté que le comité donnerait en même temps ses avis sur la formation d'un conseil à Pétersbourg pour les affaires finoises qui viennent droit à la décision de l'Empereur, mais n'ayant des ordres authentiques de cette chose là de la part de V. E. mes camarades et moi même aussi nous n'avons pas osé nous considérer comme assez autorisés pour une telle entreprise. D'ailleurs

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

cette chose me parait être assez simple pour être fort bien arrangée sans nos conseils et nos éclaircissements. Il dépendra sans doute du bon gré de l'Empereur de faire venir à Pétersbourg deux ou trois de nos citoyens les mieux instruits et les plus honnêtes pour prêter leur avis sur le bien et les interêts de leur patrie et qui n'auront besoin d'aucune autre instruction pour leur fonctions, que leur patriotisme et leur attachement à la personne d'un monarque si digne de l'amour et de l'attachement inébranlable de tous ses sujets.

Quant à la promulgation de l'acte du serment qui vient d'être imprimé à Abo et dont j'ai eu l'honneur de reçevoir les ordres très obligeants de V. E., j'en ai quelquefois déjà parlé à M-r le gouverneur général qui m'a promis de le faire remettre à nos consistoires avec ses ordres sur la manière la plus convenable de le faire publier dans les églises; et j'éspère que l'effet répondra bien à l'attente de l'Empereur et de v. exc.

Mais monseigneur, comme pro-chancelier de l'université d'Abo, j'ai encore à porter à V. E. une très humble supplication de beaucoup de conséquences pour cet institut littéraire. Nos affaires demandent inévitablement, que l'Empereur ait la bonté de nous donner au plustôt un *chancelier* pour veiller en père et en protecteur au bien de l'université.

Comme j'ai eu l'honneur d'être instruit des desseins très gracieux de S. M. I. sur ce point, je vous supplie, monseigneur, très humblement de ne nous pas refuser plus longtemps vos soins et vos bienfaits, et de nous donner de nouvelles raisons pour vous aimer et vous estimer.

On m'a dit que l'Empereur nous a promis, il y a déjà quelques mois une somme de 6000 R. argent pour le nouveau batiment de notre académie. C'est par la grâce de v. e. que nous espérons de reçevoir, sitôt qu'il sera possible ces seules ressources qui nous restent pour la continuation de l'ouvrage.

Me confiant sans reserve à la grâce et à la générosité de V. E., je me hâte encore d'ajouter à cette pétition une autre, peut être plus indiscrète mais assurément aussi innocente, c'est d'obtenir quelques marques du contentement de l'Empereur de la visite très gracieuse dont il voulait bien honorer l'université d'Abo pendant son dernier séjour en cette ville. Plusieurs membres du parlement ayant été honorés par des témoignages signalés de sa grâce, j'ose très respectueusement prier, qu'au moins le recteur de l'université M-r Hartman et M-rs les professeurs Franzen et Wallenius qui ont été chargés par leurs collegues de rendre au nom de l'université les hommages dus aux vertus de l'Empereur et son amour si paternel et si généreux envers le peuple finois, puissent avoir quelques souvenirs satisfaisants de ce que leurs très humbles efforts n'aient pas eu le revers de déplaire à S. M. I.

Les travaux et les délibérations de la diète dont M-r le baron de Rehbinder va sans doute donner à V. E. une exposition plus dé-

taillée s'avancent peu à peu vers leur but. J'espère que tout se finira au contentement de l'Empereur, et à la prosperité de notre pauvre patrie que la paix vienne au plutôt de nous combler et nous faire oublier tous les maux de la guerre, qui ne cessent pas encore de nous accabler de mille façons.

C'est dans l'espoir que cette paix si douce et déjà si longtemps en vain désirée de toutes les nations de l'Europe, soit enfin prête de nous approcher, que les états rassemblés du pays iront bientôt demander très humblements de S. M. I. qu'il leur soit permis d'adresser à elle une note sur les matières principales d'économie et de commerce dont il serait convenable et nécessaire pour le bien du pays de traiter avec la couronne de Suède. Quoique la bourgeoisie ne voulant pas, que les paysans établis sur les côtes de Finlande jouissent à l'avenir comme jusqu'ici du droit d'aller avec leurs petits vaisseaux pour la Suède, parait s'opposer contre cette proposition, nous espérons pourtant que S. M. I. agréera gracieusement la pétition innocente de ses autres sujets fidèles et bien intentionnés pour le salut de leur patrie. C'est sans doute le peuple lui même qui connait le mieux ses besoins et qui sera bien charmé d'avoir la liberté de les proposer en ce moment à la bienveillance magnanime de S. M. I. Si ces pauvres paysans perdraient le droit de faire leur commerce et d'exporter leurs effets aux ports de la Suède ils seraient bientôt ruinés à fond et l'Empereur perdrait en même temps non seulement des revenus considérables de ce trafique, mais aussi des ressources d'avoir une quantité de matelots habiles pour la flotte, et des vaisseaux de transport, en cas d'une expédition navale. Et comme il n'entre pas dans l'esprit du gouvernement de la Russie de favoriser les monopoles et d'entraver l'industrie nationale, nous nous persuadons assurement que S. M. I. permettra bien à nos pauvres paysans comme aux autres états du pays la liberté d'apporter à sa connaissance et à son examen de très humbles renseignements et requêtes sur les interêts du pays de la plus grande importance dans ces circonstances, et dignes par conséquent d'être assemblés et soignés dans les négociations de paix avec la Suède.

Mais il faut déjà finir une lettre trop longue sans doute pour être la première que j'ai eu l'honneur de remettre à V. E., mais marquant en même temps assez la confiance la plus parfaite et le respect le plus profond avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

Monseigneur, votre très humble et très obéissant serviteur.

Jacques Tengström.

113.

Сперанскому отъ Де-Геера, 28 апрѣля (10 мая) 1809 [1]).

Votre Excellence. Comme les affaires de la diète commencent à se terminer je supplie très humblement V. E. d'avoir la bonté d'insinuer chez S. M. l'Empereur, s'il daigne avoir la grâce de nous donner ses ordres d'après le plan pour le conseil de la régence qu'il plût à S. M. I. dans la 5-me proposition de promettre aux états qu'ils pourront faire leur devoir et remettre leurs délibérations à la sanction de S. M. I.

Sitôt que les discutions des députations viendront aux délibérations de plena qui ne tardera à présent pas longtemps cela ne prendra pas beaucoup de temps avant que leurs sentiments seront donnés: d'abord après je ne manquerai pas à observer mes ordres de le faire savoir avec toute soumission à S. M. I.

Pour toute chose je supplierai V. E. qui nous ont montré, et particulièrement à moi, tant d'amitié de faire en sorte que S. M. I. daigne avoir la grâce de ne pas entreprendre son voyage ici avant que je ne fasse en toute soumission connaitre que les affaires sont près de leur terme.

Nous avons tous cette douce espérance et ne doutons pas des promesses de notre cheri Maitre; qu'il daigne faire la clôture de la diète lui même en personne. Nous serions tous si decouragés que les grands plaisirs et satisfactions qui nous ont tant réjouis, seront melés avec trop d'amertume et tout le pays sera si abattu qu'ils croiront avoir perdu la grâce et bienveillance de leur adorable Monarque, qui est devenu leur Idole depuis le dernier séjour que S. M. I. a fait ici.

Je devrais bien rapporter comment les affaires ont été décidées, mais les plena n'ont pas encore pris leurs dernières décisions sur quelque chose, mais ces jours ci ils finiront, après quoi ils doivent régler et mettre en ordre toutes les choses avant qu'on puisse dire que c'est achevé.

Ayez la bonté d'expédier le courrier le plutôt possible. J'ai l'honneur de me recommander et suis avec le plus sincère attachement et consideration de V. E. le très humble et obéissant serviteur.

Robert Wilhelm de Geer.

Borgo le 28 Avril (10 Mai) 1809.

---

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

114.

Сперанскому отъ де-Геера, 12 (24) іюня 1809 [1]).

Votre excellence! Avec le courier j'avais l'honneur de reçevoir la lettre de votre excellence.

Votre excellence a la bonté de me dire que la conclusion des états serait d'autant plus nécessaire à mesure que le terme de la clôture de la diète approche et que vous m'avez exprimé vos voeux.

Je crois et je vous assure que j'ai fait un devoir pour moi d'observer tout ce qui est et a été en mon pouvoir, sans perdre l'ordre gracieux de S. M. I. et les avertissements de V. Exc. de donner assez de temps aux états dans leurs déliberations, qu'ils pourront la faire murément. J'ai l'honneur à présent d'envoyer un récit de ce que les états ont fixé pour humble réponse sur les propositions gracieuses de S. M. I. suppliant V. E. d'avoir la bonté de les soumettre aux yeux de S. M. I.

V. E. voit par le récit, que les discussions de la noblesse sont achevés; ce qui dépend des autres ordres ils m'ont promis de me les communiquer ces jours-ci; alors il ne manque plus que l'expédition qui est nécéssaire avant de les soumettre aux décisions gracieuses de Sa Majesté Impériale.

Comme je peux diriger ce travail j'ai hasardé d'avertir S. M. I. par une lettre que les états souhaitent aux derniers jours de ce mois après l'ancien style, s'il plait gracieusement à S. M. d'accomplir leurs voeux ardents, de faite la clôture de la diète en personne.

Votre excellence me pardonnera que je ne comprend pas bien votre obligeante lettre. V, Exc. voit bien elle même que les devoirs de la noblesse ont été et qu'ils ont eu le plus à coeur d'accomplir les gracieux ordres de S. M. I., ils ont fixé leurs sentiments sur ses gracieuses propositions. Rien n'a été discuté chez eux qu'ils n'aient pas eu permission de faire, tant par les propositions données de S. M. que par les ordonnances de la diette et des diettes conformément avec leurs privilèges. Chez les autres ordres je puis vous assurer que pas la moindre chose qui est venue à ma connaissance, non plus n'a été discutée; mais je ne puis pas savoir si quelque ordre entre eux même a discuté de telle chose; mais V. Exc. pouvez être assuré que rien qui n'est pas stricte après la volonté de S. M. notre bien aimé maitre, sera de moi permis dans l'expédition publique.

Si quelques ordres vont avec leurs pétitions à part c'est cela que je ne puis pas savoir où s'il se sert d'autres moyens; ce que je sais, c'est que ni moi, ni l'ordre equestre ne peuvent oublier la volonté gracieuse de notre Bienfaiteur en nous écartant de la vérité, en oubliant la prospétité de nos compatriotes de quelques ordres et individu que ce soit.

---

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

Comme le terme de la diétte a duré plus longtemps que nous avons cru au commencement et après lequel la somme des dépenses a été calculée je ne sais pas comment faire; car la somme que j'ai reçue par la grâce et ordre de notre Auguste Maître commence à diminuer et je crains qu'elle ne suffit pas et cela ne m'est pas agréable que la diètte consume une si énorme somme. Je n'ai pas d'autre moyen que d'avoir recours à l'amitié et bonté de V. Exc., que vous avez toujours eues pour moi, de m'adresser à vous en vous priant d'avoir la bonté de faire de sorte, que quand V. Exc. reviendra ici je pourrai par vous avoir des moyens pour les dépenses en cas de besoin. V. Exc. aura bien la bonté de me faire savoir comment S M. I. ordonne les cérémonies en venant chez nous, qu'aussi bien à la clôture de la diètte et comment le bâton de maréchal de la diètte doit être remis. M-r le capitaine de Scharp que j'envois pourra avoir les réponses et renseignements avec lui s'il plait à V. Exc.

J'ai l'honneur d'être avec la plus parfaite distinction de Votre Excellence le plus humble et obéissant serviteur

Robert de Geer.

Borgo, 24 (12) Iuin 1809.

114 bis.

Докладъ барона де-Геера Императору Александру I. Борго, 24 (12) іюня 1809 [1]).

Sire! Pour accomplir les voeux de V. M. I. je viens me prosterner devant Vos pieds et présente avac toute soumission les voeux des états finois qu'ils remettent à la grâce bienveillante et au coeur paternel de V. M. I.; leur bonheur actuel, celui des descendants pendant plusieurs siècles se confirmera par Votre grâce, Sire [2]).

La noblesse a terminé ses devoirs que V. M-té daignera gracieusement observer dans le recit que M. le secrétaire d'état Speransky presentera humblement. Ce que les autres ordres ont communiqué avec moi de l'ordre equestre, il aura aussi la grâce de présenter; ce qui reste encore des autres ordres sera accompli, comme ils m'ont promis, ces jours-ci; je ne manquerai par d'abord d'observer mes devoirs, de faire humble mention de leurs raisonnements.

V. M. I. daignera par sa clémence ordinnaire avoir la grâce d'excuser que les états ont eu besoin d'un plus long temps qu'on croyait; mais les affaires ont été de conséquence, et nous avons profité de Votre grâce, Sire, d'examiner les affaires murement. Il ne reste pas aux états maintenant que l'expédition de la volonté gra-

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.
[2]) См. ниже, Прилож. № 115, а, б и в.

cieuse de V. M. I. touchant la régence ici en notre Finlande; par conséquence les états espèrent avoir la grâce de se présenter les derniers jours de ce mois-ci après le vieux style devant Votre Auguste Personne et de mutuelement mettre leur profonde soumission aux pieds de V. M. I. ici à Borgo; leur satisfaction se renouvellera et sera accomplie de voir encore une fois leur Restaurateur, leur Grand Duc, leur Père, leur Bienfaiteur et appui en tous sens.

Avec le plus profond respect j'ose recommander les états et particulièrement la noblesse dans Votre gracieuse bienveillance, Sire, et suis d'une soumission sans égale,

Sire, de Votre Majesté Imperiale le plus humble, plus soumis et fidèl serviteur et sujet

Robert Wilhelm de Geer.

Borgo, ce 24 (12) juin 1809.

115.

Сперанскому отъ де-Геера. Борго, 23 іюня (5 іюля) 1809 г. [1]

Votre excellence! Les décisions des trois autres ordres sur les gracieuses propositions de S. M. I., excepté la noblesse, que j'ai eu l'honneur d'envoyer avec M. de Scharp, j'eus le contentement de les recevoir complets hier au soir; je m'empresse de faire mon très soumis rapport ci-joint à Sa M. I. par lequel S. M. daignera gracieusement voir qu'a présent tous les quatres ordres des états ont accompli l'ordonnance de S. M. que les propositions contenaient. La dernière proposition nous n'avons pas encore prise en discussion. en attendant toujours la gracieuse volonté de S. M. I.; mais cette proposition doit toujours être accomlie avant que nous aurons le bonheur suprême de voir Sa Majesté chez nous. Votre excellence sait très bien, que sitôt que les discussions sont faites, touchant les grâcieuses propositions, on peut dire c'est fini, mais pas achevé, car doit être mis en ordre et rédigé exactement. Un tel travail prend du temps. Nous souhaitons pouvoir avoir tout en ordre à l'arrivée de notre commun et chéri Père. J'ai bien dans ma dernière lettre osé supplier humblement Sa M. d'avoir la grâce d'accomplir notre bonheur avec Sa présence les derniers jours de ce mois-ci; c'est la même chose que je prends la liberté d'insinuer encore, mais ayez la grâce, votre excellence, d'arranger avec la gracieuse permission, que le départ de notre chérissime Père ne se fera que le dernier jour de ce mois après le style russe, alors nous sommes en ordre; cela nous tient tant à coeur que la grâce et bonté ne doit pas avoir là moindre occasion de mécontentement; notre félicité depend de notre

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго. Съ тремя приложеніями а, б, в.

propre contentement et cela n'arrivera jamais que nous donnerons quelques sujets de mécontentement autant que cela dependra de nous.

J'ai l'honneur d'être avec le plus sincère attachement et distinction de v. exc.

le très humble et très obéissant serviteur de Geer.

Borgo, 23 juin (5 juillet) 1809.

Къ № 115, а.

Précis des principaux points des très humbles et très soumises reponses à donner de l'ordre de la noblesse sur les hautes propositions de Sa Majesté Impériale.

Savoir: *sur la milice* du pays.

Pénétré de vénération et d'une reconnaissance sans bornes de la grâce infinie de S. M-té Imp-le d'avoir voulu se communiquer avec les états dans un point de la plus grande conséquence pour la nation; après les recherches aussi circonstanciées que possible du comité (Utskottet) continues et détaillées dans leur expédition, la noblesse vient de soumettre à la haute et juste décision de S. M. I. leurs très humbles souhaits avec la plus grande franchise et une confiance absolue à Sa haute bienveillance et coeur paternel.

L'ordre de la noblesse a trouvé selon son jugement, que l'ordonnance, émanée dans ce pays depuis plus d'un siècle par laquelle les cultivateurs sont obligés de lever et d'équiper des troupes etc. etc. n'est pas susceptible d'aucun changement ou reforme principale. Cependant le roi de Suède ayant ordonné il y a quelques années une (Rotejnrekning) par un comité qui devait chercher à faire une plus juste et égale répartition du devoir de chaque ferme à l'égard de l'entretien des troupes, qui aussi fut mis en activité; mais qui en augmentant le nombre des soldats c'est écarté de principe de l'institution et de ce qui étoit convenu avec les habitants du royaume quand l'ordonance primitive fut reglée, savoir que le nombre des soldats ou cavaliers que chaque province devait fournir ne devait jamais être augmenté et que les nouveaux établissements (Nybyggen) ne serviraient qu'à être mis à la place ou a faciliter les anciennes fermes, qui par des raisons quelconques ou avaient besoin d'être appuyées ou devaient être échangées. L'ordre de la noblesse ose supplier Votre M-té Impériale d'ordonner pour l'avenir, quand cela pourra se faire un nouveau (Roteinräkning) répartition à l'égard de Nybyggen etc. qui, sans avoir considération à ce qui par la dernière a été stipulé avait à se tenir strictement aux principes primitifs ci mentionnés. A l'égard de l'existance de la milice nationale pour l'avenir, dissolue maintenant par la déclaration de S. M. I-le à l'ouverture de la diète, l'ordre de la noblesse à l'égard des considérations dé-

116.

Соображенія Барклая-де-Толли по поводу порядка управленія Финляндіей [1]).

Препровождены къ Сперанскому при слѣдующемъ отношеніи Барклая-де-Толли изъ Борго, отъ 28-го іюня 1809, № 134.

По отношенію в. пр—ва я начерталъ мои мысли о управленіи новопріобрѣтенною Финляндіей, спѣшу препроводить сіе къ вамъ и покорнѣйше прошу сперва разсмотрѣть всѣ мои предположеніи, а потомъ поднести высочайшему благоусмотрѣнію Государя Императора, если же вы найдете что нужнымъ перемѣнить или прибавить, то вы меня обяжете когда сдѣлаете примѣчанія ваши и возвратите оное ко мнѣ. Съ истиннымъ... и пр.

Barclay de Tolly

Les instructions de mon prédécesseur ne contiennent rien de positif sur la fonction et le cours des affaires du gouverneur général de la Finlande.

Traitant ce sujet selon son importance, j'ose exposer mes idées à la haute approbation de Sa Majesté:

Le gouverneur général réprésentant la personne de S. M. doit par son autorité et son pouvoir soutenir et affermir la valeur des loix, deffendre l'opprimé, maintenir l'ordre et la tranquilité dans tout le pays sans être pourtant juge lui même.

Le gouvernement de province se divise ordinairement en trois parties principales: 1) l'administration de la justice, 2) de la police et 3) des finances.

1) L'administration de la justice en Finlande est fondée actuelement sur des principes très justes et vrais; ses habitants furent heureux et S. M. l'Empereur les a daigné d'approuver leurs loix par sa haute confirmation. A cet égard donc il n'y a rien à changer. D'après cette maxime les deux tribunaux (Hofgericht) sont les principaux dans la province, d'où une appelation ne se fera qu'au souverain tribunal, qui prononce son arrêt définitif pour ainsi dire sous les yeux de S. M.

Je crois qu'il serait de grande utilité si le souverain tribunal se trouve dans la capitale et pas dans la province même. Le président en serait donc un secrétaire d'Etat de S. M-té ou un de ses ministres, qui ne serait pas obligé d'être présent à chaque séance, mais il doit être informé de toutes les affaires, pour pouvoir faire son rapport à S. M. de celles, dont l'importance l'exigerait.

---

[1]) Спб. Арх. М. Ин. Д.—Corr. Speransky et Barclay de Tolly, 1809, ad № 28.

Ce souverain tribunal peut être composé d'un vice-président, de quatre conseillers, d'un secrétaire et d'autres personnages pour la chancellerie. Le vice-président doit être nommé par S. M-té, mais les conseillers peuvent être choisis par le pays même, parmi les membres des tribunaux, c'est à dire deux de chaque tribunal.

L'administration de la justice dans cette province une fois bien organisée, je crois que le souverain tribunal ne sera pas surchargé d'affaires et que les personnages nommés suffiront; ils examineront seulement les affaires de justice qui leur seront présentées des tribunaux des provinces toutes claires et mises déjà en ordres.

Je suis toujours persuadé que le souverain tribunal ne doit pas être établi dans la province même, parceque, 1°, on suit alors l'ordre de l'ancienne constitution, et 2°, tout soupçon disparait que le gouverneur général par son autorité a trop d'influence sur la justice distributive, ce qui naturélement est une circonstance trop essentielle chez une nation qui n'est pas encore accoutumée à son nouveau gouvernement.

Suivant la règle indispensable selon mes sentiments, que le gouverneur général ne peut pas être juge, je crois que par conséquent il ne doit avoir aucune influence sur l'administration des loix, mais en étant le protecteur il doit être informé chaque mois par les deux tribunaux des affaires nouvellement entrées, finies et de l'ordre dont elles sont régistrées, pour pouvoir ensuite tirer des renseignements nécessaires en cas qu'on se plaindrait chez lui qu'un procès légal a été suspendu avec intention. S. M-té voudra décider si c'est à l'approbation du gouverneur général qu'on présentera les procès criminels ou non, et jusqu'à quel point son autorité aura lieu dans ce cas.

Pour pouvoir administrer avec succès cette branche, le gouverneur général doit avoir [1]) un juriste habile sous le nom de procureur, qui en tout cas aura pour aide un secrétaire et un écrivain.

2) L'administration de la police doit être dirigée avec beaucoup d'activité et ne pas être assujettie à quelque procédure lente. si jamais elle doit atteindre à son but, c. à. d. garantir la sureté de la personne et de la propriété de chaque individu et maintenir l'ordre et la tranquilité dans tout le pays. Dans une province limitrophe, comme celle-ci, l'administration de la police doit dépendre absolument du gouv. général, à qui les gouverneurs (Landshoevden) comme maîtres de police dans leurs gouvernements, fairont des rapports chaque semaine de tous les événements. Dans des cas extraordinnaires la décision se fera dans l'instant même, mais au reste comme tous les privillèges sont accordés au pays, l'administration de la police doit suivre son ancien ordre, tout lent et tardif qu'il est; pourtant j'espère que le gouverneur général pourra y mettre plus de vivacité et d'activité, sans blesser les principes et prérogatives de la nation. Pour cette partie donc le gouverneur général n'a pas besoin d'un conseil particulier; cela ne ferait que lanterner (?) les affaires

---

[1]) Рукой Барклая-де-Толли вставлено: ataché à sa person ou à son état.

sans les avancer, parcequ'ordinnairement on y raisonne plus qu'on ne s'occupe du fait.

3) Pour ce qui régarde l'administration des finances, je crois qu'une commission nommée Cameralhoff (казенная палата) doit avoir lieu pour commander tous les cameriers des différents gouvernements et en recevoir les rapports.

Ce Cameralhoff (казенная палата) doit dépendre immédiatement du gouverneur général, parcequ'il est en même temps économe et protecteur de la province et doit avoir par conséquent tous les renseignements concernant ce sujet; mais d'autre côté cet article appartient au ministre des finances de l'Empire.

Le Cameralhoff (казенная палата) de la province ou du gouverneur général peut être composé d'un président, qui doit absolument savoir le russe, de deux conseillers dont l'un doit savoir aussi le russe, de deux secrétaires, l'un pour la correspondance suédoise, et l'autre pour celle dans la langue russe, et d'un nombre suffisant d'écrivains.

Comme le revenu principal consiste en livraison d'effets en nature, qui doivent fournir l'approvisionement aux trouppes, le Cameralhoff (казенная палата) doit être averti à tems, avant la moisson encore, de la quantité qui en doit être transportée dans chaque magasin. Le Cameralhoff (казенная палата) fait d'après cela sa répartition, la communique aux gouverneurs (Landshoevden) qui sont obligés de veiller sur l'exacte exécution, mais avertissant en même temps sans délai le gouverneur général des changements qu'ils croient plus propres au local et plus à la portée des paysans.

Tous les magasins doivent se trouver sous la direction de la commission militaire des vivres; mais un officier civil doit être présent chaque fois que la répartition sera apportée dans les magazins, pour que le paysan ne soit pas chicané, le commendant des trouppes qui est cantonné de plus près doit empecher toute offense qu'on voudrait lui faire et se saisir du coupable pour l'appeler en justice.

De cette manière donc le gouverneur général n'a pas besoin pour l'administration d'un conseil particulier qui jamais n'accellera de rien les affaires mais les lanternera bien et les mettra en désordre. Le gouv. général doit avoir seulement une chancellerie bien organisée, composée d'un directeur, de deux expéditions, de deux secrétaires, l'un pour l'expédition dans la langue russe et l'autre pour celle dans la langue suédoise, et d'un nombre suffisant d'écrivains. Outre cela le gouverneur général de cette province limitrophe doit avoir encore un secrétaire pour la correspondance dans les langues étrangères et d'un translateur pour le suédois; ce dernier sera attaché à sa personne et servira pour ainsi dire dans les entretiens avec les habitants.

L'autorité et le pouvoir du gouverneur général selon mes sentiments, pour le bien de la province, doivent être illimités. Le gouverneur général n'ose pas être juge, mais doit bien posséder le pouvoir de suspendre tout officier civil de ses fonctions si ce fut même un gouverneur (Landshoevden) et l'appeler en justice, aussitôt qu'il sera prouvé par des faits qu'il a négligé ou surtout manqué à son devoir avec intention.

Le procureur du gouverneur général dont il est fait mention dans le premier article, est la personne par laquelle le gouverneur général fera prendre les informations préliminaires, et c'est d'après son rapport, qui doit être muni de preuves concluantes, que le gouverneur général prendra sa résolution.

Le gouverneur général fait tous ses rapports directement à S. M. l'Empereur.

Pour nommer un gouverneur (Landshoevding) le gouverneur général répresente à S. M. trois sujets capables de cet emploi, dont Elle choisit un et le confirme; mais pour toutes les autres charges civiles les gouverneurs répresentent pareillement trois sujets au gouverneur général et c'est lui qui doit avoir le droit d'en choisir et confirmer.

Pour occuper les charges des personnes de justice dans les cours inférieures, les présidents des tribunaux répresentent trois sujets au gouverneur général; mais pour les charges dans les tribunaux (Hofgericht) même, les dits présidents font la répresentation par le gouverneur général.

Pour l'inspection de la douane je crois qu'elle doit être fondée sur les mêmes principes comme dans tout l'Empire, mais malgré que cela devient alors une branche de l'administration du ministre de commerce, le gouverneur général doit y avoir de l'influence absolue, pour que rien ne soit hors de son savoir dans toute la province, et pour que l'ordre et l'interêt de la couronne soyent observés exactement.

Sa Majesté après avoir bien voulu me daigner de sa haute confiance, je me crois en devoir lui oser parler franchement et sans la moindre reserve. Si jamais quelqu'un dans les circonstances où je me trouve actuellement, comblé des bienfaits de S. M., aurait pû avoir l'audace d'en vouloir abuser, je ne saurais imaginer un chatiment convenable et suffisant pour punir une pareille témérité. Je dis ce que je pense et ce qui selon mes lumières me parait juste et vrai. Comme il s'agit de la prospérité de toute une nation, n'ayant d'autre vue que son bien, je me suis bien appliqué à examiner les détails de la situation présente, pour juger des mésures qui sont à prendre en avenir pour former une base d'un gouvernement solide, à fin de ne pas manquer à la volonté sublime de S. M-té qui n'a d'autre but que de rendre heureux ses peuples [1]). Je suis persuadé qu'il vaut mieux ne pas avoir un gouverneur général, que d'en avoir un qui n'est pas muni de pleins pouvoirs et d'autorité pour prévenir, éloigner et abolir tous les abus, suite naturelle du dit conseil.

A la fin pour rassurer et tranquiliser les habitants de toute classe et pour leur montrer que tous les privillèges et prérogatives qui leur ont été accordées se pratiquent à toute rigueur, je crois de grande utilité qu'il leur soit permis de nommer à leur propre choix quelques dé-

[1]) Въ черновой далѣе написано, и потомъ зачеркнуто: «En conséquence j'ai bien clairement vu que l'établissement du conseil est le projet pernicieux de la prémière classe d'habitants qui a le dessein malicieux de s'emparer à la suite de rênes du gouvernement pour opprimer et suce· la classe inférieure. C'est la raison pourquoi je suis parfaitement persuadé...

путés qui annonceront tout de suite au gouverneur général s'ils trouveront que les loix ou privillèges ont été violés, et en cas qu'ils ne seront pas satisfait du gouverneur général qu'ils ayent le droit de s'adresser à S. M. l'Empereur.

117.

Барклай-де-Толли Сперанскому. Або, 23 іюля 1809 [1]).

Monsieur. J'ai eu l'honneur de recevoir la lettre de V. Exc. avec le projet du plan de l'administration générale en Finlande et je vous envoie ci-joint mes observations, qui sont si peu essentielles, que si S. M. l'Empereur daignerait faire là dessus quelque atantion, cela ne retardera pas la décision à ce sujet.

Il est à désirer, que le conseil de régence soit au plutôt organisé, parceque la guerre et faute de principe presque dans toutes les branches de l'administration, a occasionné une stagnation dans l'exécution, qui paralyse une partie de la marche des affaires, et dans l'autre des abûs et des désordres se sont glissés, à quoi il faut absolument remédier.

Concernant le choix des personnes qu'à la diète les états ont fait pour être employées dans le conseil de régence, je trouve après les informations que j'ai pu me procurer, que ces personnes sont d'un mérite distingué, qui honore leur choix, et en conséquence personne d'eux peut d'autant moins être exclu, que la confirmation de dite choix est pour les états une preuve flatteuse de la confiance de S. M. l'Empereur.

Je me prends la liberté de proposer, comment les fonctions doivent être distribuées entre ces messieurs; M. le baron de Troll n'a pas dans ce projet été placé comme chef d'un bureau, parceque ses occuputions comme gouverneur permettront tout au plus qu'il assiste dans l'assemblée générale du conseil.

Mon sentiment est, que dans le conseil du régence la place du procureur est de la plus grande conséquence, et doit être confiée à un homme très instruit et d'un caractère à toute épreuve, qui sans crainte et interêt, l'image de la justice, remplira son devoir; je suis persuadé qu'entre les messieurs en question il n'y est personne qui dans un plus haut dégré possède ces qualités que M. le professeur Calonius, et l'ayant sondé il s'y prête, s'il aura une instruction analogue à la valeur de cette place. S'il ne plairait pas à S M. l'Empereur d'employer M. Calonius comme procureur, je ne saurais proposer quelque autre que le sénéchal M. de Villebrandt.

Pour le secrétaire reférendaire dans l'assamblée générale du con-

[1]) Спб. Арх. М. Ин. Д., corr. Barclay de Tolly et Speransky.

seil, les appointements sont encore à déterminer pour être marquées sur la liste des dépenses.

Pour prévenir que quelques messieurs choisis par les états ne refuseront pas d'être employés, je crois qu'il serait pour le présent nécessaire que S. M. I. exprime qu'il est persuadé que chacun d'eux, animé de l'amour pour les habitants du pays et flatté de la confiance que les états ont marqué, accepte sans délai des fonctions également marquants et honorables, où les talents, l'intégrité et l'activité ont un vaste champ pour l'utilité publique.

Il faudrait proposer à S. M. l'Empereur de destiner une somme pour les frais de l'arrangement de la maison qu'occupera le conseil du régence; car la salle où l'assemblée générale aura séance doit au moins être convenablement meublé et je crois qu'un thrône y devrait être placé.

J'ai l'honneur.... Barclay de Tolly.

Приложение. Observations sur le projet du plan de l'administration générale en Finlande.

Titre 1, § *5*. Le choix et la nomination des membres du conseil, procureur et secrétaires reférendaires est supposé à l'avenir appartenir immédiatement à S. M. l'Empereur.

A la décision de S. M. I. le gouverneur général soumet, s'il ne serait pas permis que par lui ou dans le conseil à l'avenir soit choisi d'hommes en place, avantageusement connus dans le pays, trois personnes, desquelles S. M. l'Empereur honorera une avec Sa nomination.

§ *14*. Pour prévenir une stagnation générale dans les affaires, qui par des événements imprévus ne souffrent aucun délai, j'ose proposer qu'à l'époque des vacances seulement une partie des membres que S. M. l'Empereur fixera pour toujours en jouiront, et relévent depuis ceux qui dans leur absence ont continué de faire les fonctions.

Titre IV. Chaque section du conseil a un chef du bureau et un secrétaire réferendaire; quand toutes les sections seront reuni en assamblée générale il faudrait un secrétaire referéndaire, dont les fonctions seraient pour toutes les sections ce qu'elles sont pour chacune séparement et auquel l'inspection des archives peut être confiée.

Titre V. §§ *26 et 27*. L'instruction pour le gouverneur général déterminera sans doute les moyens par lesquels il remédiera aux abûs et le conduiront à remplir ces fonctions dans toute leur étendue.

§ *29*. Dans les affaires administratives et surtout dans celles de police générale, le gouverneur général agira conformement à ces instructions particulières. Si le conseil peut avoir connaissance de cette instruction, cet article pourrait être omis; mais en cas contraire il serait utile qu'on le concerverait pour persuader la nation que le gouverneur général a ce droit et qu'il ne s'en empare pas illégalement.

Titre VI. Pour que le procureur peut veiller à ce qui lui a été prescrit dans ce chapitre, il est bien nécessaire qu'on lui donne une instruction qui sert de règle pour sa manière d'agir et que lui donne les moyens et le pouvoir de remplir son devoir; car si le conseil doit discuter sur cet objet faisant juge en propre cause, il est à présumer qu'on ne lui accorderait pas les moyens efficaces pour remplir les devoirs appartenants aux fonctions de sa place.

Titre III. Police administrative § *5.* En cas de médecins examinés en Russie désirent d'être engagés, seront ils aussi obligés de subir deréchef un examen à l'université d'Abo, avant d'être employés?

§ *6.* Quoique sous le titre VI regles générales de procédure il est dit, que les bureaux séparés ou réunis n'ont jamais le droit de décider, ce droit appartenant essentiellement et uniquement au conseil, cet article pourrait pourtant faire à croire que la nomination aux charges mentionnées sera finalement confirmée par les membres des bureaux police administrative, si on n'ajouterait pas que ces nominations seront confirmées par le conseil.

Titre V § *45. Affaires ecclésiastiques.* Avant que les rois de Suède prononcèrent sur le contenu des requêttes concernant des grâces (appelées Gnadenjahre) il ne suffisait pas que les consistoires avec leurs avis les motivèrent, mais fondé sur des preuves juridiques, les avis des gouverneurs civils furent également nécessaires; et si la même méthode sera concervée, le gouverneur général ou le conseil recevra les requêttes, et après avoir reçu les avis du gouverneur et des consistoires elles seront présentées à la décision de S. M. I-le.

§ *55.* Au lieu de section du conseil, je crois que c'est au conseil de fixer dans ses prémières séances toutes les regles spéciales nécessaires etc. Est-ce que ces regles spéciales ne doivent pas être soumis à la confirmation de S. M. l'Empereur?

Signé: Barclay de Tolly. Abo le 23 juillet 1809.

118.

Барклай-де-Толли Сперанскому. Або, 17 октября 1809 [1]).

Monsieur. Immédiatement après l'entrée de l'acte signé par S. M. I. sur la nomination des membres du conseil de régence j'avais expédié les invitations nécessaires à tous les individus y compris aussi bien qu'à M. le comte de Geer en le prévenant de même du tems fixé pour l'ouverture du conseil.

Mais comme M. de Geer jusqu'ici n'est pas arrivé sur les lieux pour entrer en fonctions, n'ayant pas même porté à ma connaissance les causes qui pourraient l'avoir detenu, j'ai toute raison de croire que M. de Geer méconnait l'importance de l'emploi auquel il a été

---

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

très gracieusement nommé par S. M. I. Une telle négligeance de sa part me semble mériter des remarques d'autant plus sérieuses, qu'elle a eu lieu à l'entrée même dans le service. C'est pourquoi, supposant qur M. le comte de Geer se trouve encore à St.-Pétersbourg et craignant un rétardement dans les affaires confiées à sa direction, je dois prier V. Exc. de vouloir bien lui insinuer d'une manière convenable qu'il se rende au plutôt possible dans ses fonctions, ou qu'il me communique les circonstances qui empêchent son arrivée.

J'ai l'honneur.... Barclay de Tolly.

119.

Рескриптъ Императора Александра I Алопеусу [1]. Projet de rescript.
Рукою Императора Александра: Быть по сему.

(Апробованъ 15-го февраля 1809. Подписанъ 16-го февраля и того же дня врученъ г-ну Алопеусу).

Monsieur le chambellan actuel d'Alopeus. Désirant terminer aussitôt la guerre avec la Suède par une paix honorable, Je vous ai choisi pour découvrir les voies qui pourraient conduire vers ce but si salutaire, persuadé que les connexions que vous aurez été dans le cas de former pendant votre long séjour en Suède vous indiqueront les moyens les plus propres pour y faire connaitre mes intentions conciliantes. Vous vous rendrez à cet effet au quartier général de mon armée à Abo et vous profiterez de toutes les occasions qui se présenteront pour insinuer tant au gouvernement qu'à l'armée et à la nation suèdoises que Je ne demande pas mieux que de mettre une prompte fin aux calamités de la guerre dans laquelle nous nous trouvons engagés, évitant toutefois soigneusement de produire par un empressement trop vif l'illusion que nous en avons un besoin indispensable.

La voie la plus naturelle comme la plus loyale étant d'informer verbalement les officiers commandants les trouppes ennemies, qu'il se trouve à Mon armée un plénipotentiaire pour la conclusion de la paix, Je vous ai muni de pleinspouvoirs, qui vous autorisent à entrer en négociations avec celui ou ceux que le roi de Suède nommera peur traiter avec vous.

Si ces insinuations sortent l'effet que J'en attends vous proposerez pour base de la négociation et comme une *conditio sine qua non* la cession totale de la Finlande et la rénonciation de la Suède à tous les droits qu'elle a sur ce grand-duché. Elles doivent être exprimées d'une manière claire, nette et concise dans le traité à conclure.

---

[1]) Спб. Арх. М. Ин. Дѣлъ. Camp. de Suède 1809, négociation de paix, № 88.

il, l'avoir rédigé de manière à pouvoir concilier mon principe et leurs instances.

Ce projet est sous la lettre C. Je n'ai rien répondu encore, mais je previens V. M. qu'avec un très léger changement je me propose de l'admettre. Il n'affoiblit en rien, aucontraire il donne force et valeur à la dignité de mon principe qui étoit de montrer V. M. comme Maître de la Finlande avant le traité.

Je suis avec une très profonde vénération, Sire, de Votre Majesté Impériale, le très humble et très obéissant et très fidèle serviteur et sujet.

Le Comte de Romanzoff

Приложеніе къ докладу, лит. С.

Projet d'article fait par monsieur Sköldebrant et rémis à monsieur d'Alopeus, mais qui n'a pas encore été présenté aux deux plénipotentiaires officielement.

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies ayant déjà donné les preuves les plus évidentes de la clemence et de la justice avec les quelles Sa Majesté a résolue de gouverner les habitans des pays qui vont être cédés par la Suède, et Sa Majesté Impériale les ayant déjà généreusement et d'un mouvement spontané assuré du libre exercice de leur réligion, de leurs droits de propriété et de leurs privilèges, Sa Majesté Suèdoise se voit par là dispensée du devoir, d'ailleurs sacré, de faire des reservations la dessus en faveur de ses anciens sujets.

123.

Письмо шведскаго генерала Дёббельна къ главнокомандующему въ Финляндіи, генералу Кноррингу, отъ 19 (7) марта 1809 [1]).

Monsieur le général. Je viens d'apprendre, que Son Altesse le duc régent est enclin d'amicalement finir la guerre entre la Russie et la Suède,—qu'il a invité la Cour de Dannemarc de même, pourvu qu'aucun corps d'armée Russe mette pied sur le continent de la Suède.

En même tems je prie Monsieur le général de vouloir bien m'informer si l'Empereur est arrivé, ou bien le jour que Sa Majesté arrivera à Borgå.

---

[1]) Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèd. 1809, ad 6.

Demain j'enverrai mon aide de camps de l'aile, le comte de Lövenhjelm, avec la liste des personnes négociateurs de paix, et pour arranger les logements que le général leur destine. Je vous prie de m'envoyer un passeport pour le comte de Lövenhjelm, et permettre qu'on ordonne les chevaux de rélais.

Je profite de cette occasion à recommander mes malades à votre bienveillance, de même que le petit détachement qui tombait entre les mains de vos troupes d'avant hier.

Döbbeln.

Ce 19 mars 1809.

124.

Отвѣтъ главнокомандующаго Кнорринга генералу Дӧббельну, отъ того же 7 (19) марта 1809 г., изъ Іомала на Аландѣ [1].

Monsieur le général. Je m'empresse d'envoyer à Votre Excellence le passeport qu'elle désire pour M. le comte de Lövenhjelm; le but de son voyage m'est trop agréable en mon particulier, pour que je ne le voie arriver avec plaisir: je vous prie, mon général, de l'instruir qu'il me trouvera dans la maison de pasteur de Iomala.

L'intention de monseigneur le duc régent de nous envoyer des négociateurs de paix, répondant parfaitement à nos désirs, je crois n'en pouvoir donner au nom de l'Empereur mon maître de plus forte preuve, qu'en faisant passer par le retour de votre parlementaire même un ordre au général commandant mon avant-garde, lequel s'est approché aujourd'hui avec un détachement des environs de Grisselham, de rebrousser chemin sur le champ; et je vous envoie un ordre semblable pour le général commandant le corps de Wasa, de repasser le Quarken, en lui envoyant d'ici un ordre pareil par la voie de Wasa.

En réponse à votre demande sur le voyage de l'Empereur, je peux avoir l'honneur, monsieur le général, de vous informer, que Sa Majesté s'est proposé d'assister à la diète de Borgo, et que cette diète est fixée au 15 (27) du mois courant.

(Далѣе слѣдуютъ свѣдѣнія о больныхъ и плѣнныхъ; проситъ о нихъ не безпокоиться).

---

[1]) Ibidem.

125.

Мирный трактатъ, заключенный въ Фридрихсгамѣ 5 (17) сентября 1809 [1]).

Божіею поспѣшествующею милостію, Мы Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и проч., и проч., и проч.

Объявляемъ чрезъ сіе, что по взаимному соглашенію между Нами и Его Величествомъ Королемъ Шведскимъ обоюдными Полномочными Нашими, вслѣдствіе данныхъ имъ надлежащихъ полномочій, заключенъ и подписанъ въ Фридрихсгамѣ $^{5}/_{17}$ сентября сего года мирный договоръ, который отъ слова до слова гласитъ тако:

Во имя Пресвятыя и нераздѣльныя Троицы.

Его Величество Императоръ Всероссійскій и Его Величество Король Шведскій, одушевляемы равномѣрнымъ желаніемъ прекратить бѣдствія войны доставленіемъ выгодъ мира и возстановить связь и доброе согласіе между Ихъ Державами, избрали для сего своими полномочными, а именно: Его Величество Императоръ Всероссійскій: Графа Николая Румянцова, Своего Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Члена Государственнаго Совѣта, Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Дѣйствительнаго Каммергера, орденовъ Св. Андрея, Св. Александра Невскаго, Св. Владиміра Большаго Креста и Св. Анны первыхъ классовъ, Французскаго Почетнаго Легіона большаго Орла, Королевскихъ Прусскихъ чернаго и краснаго Орла и Голландскаго Союза Кавалера, и Давида Алопеуса Своего Дѣйствительнаго Каммергера, орденовъ Св. Владиміра Большаго Креста второй степени и Св. Анны перваго класса Кавалера; а Его Величество Король Шведскій Барона Курта Людвига Богислава Христофа Стединга, одного изъ вельможъ Королевства Шведскаго, арміи Его Генерала отъ инфантеріи, орденовъ Его Кавалера и Коммандора, ордена Меча большого Креста, Св. Андрея, Св. Александра Невскаго и Св. Анны перваго класса Кавалера; и Андрея Фридриха Скіэльдебрандта, полковника и Его ордена Меча Коммандора, которые по размѣнѣ взаимныхъ надлежащихъ полномочій постановили нижеслѣдующія статьи:

Ст. I. Миръ, дружба и доброе согласіе пребудутъ отнынѣ между Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ и Его Величествомъ Королемъ Шведскимъ, высокія договаривающіяся стороны приложатъ все свое стараніе о сохраненіи совершеннаго согласія между Ими, Ихъ Государствами и подданными, избѣгая рачительно того, что могло бы поколебать впредь соединеніе, счастливо нынѣ возстановляемое.

Ст. II. Поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій изъявилъ непремѣнную рѣшимость не отдѣлять своихъ выгодъ отъ пользъ своихъ союзниковъ, а Его Величество Король Шведскій же-

[1]) Полн. Собр. Зак. Р. И. т. XXX, ст. 23883.

лаетъ въ пользу своихъ подданныхъ по всей возможности распространить благотворное дѣйствіе мира, то Его Королевское Величество обѣщаетъ и обязывается самымъ формальнымъ и наисильнѣйшимъ образомъ не упускать изъ виду ничего, что съ Его стороны можетъ способствовать скорому заключенію мира между Имъ и Его Величествомъ Импе аторомъ Французскимъ, Королемъ Италійскимъ и Его Величествомъ Королемъ Датскимъ и Норвежскимъ, помощію переговоровъ непосредственно съ сими Державами уже открывшихся.

Ст. III. Его Величество Король Шведскій, въ явное доказательство своего желанія возобновить искреннѣйшія сношенія съ Августѣйшими союзниками Его Величества Императора Всероссійскаго, обѣщаетъ приступить къ системѣ твердой земли, съ ограниченіями, кои подробнѣе постановлены будутъ въ переговорахъ имѣющихъ послѣдовать между Швеціею, Франціею и Даніею.

Между тѣмъ Его Величество Король Шведскій съ самаго размѣна ратификацій сего трактата обязуется повелѣть, чтобы входъ въ порты Королевства Шведскаго былъ воспрещенъ какъ военнымъ кораблямъ такъ и купеческимъ судамъ Великобританскимъ, предоставляя привозъ соли и колоніальныхъ произведеній содѣлавшихся отъ употребленія необходимыми для жителей Шведскихъ.

Съ своей стороны Его Величество Императоръ Всероссійскій обѣщаетъ впредь принять за благо всѣ ограниченія, какія союзники Его почтутъ справедливыми и приличными допустить въ пользу Швеціи относительно торговли и купеческаго мореплаванія.

Ст. IV. Его Величество Король Шведскій какъ за себя, такъ и за преемниковъ его престола и Королевства Шведскаго отказывается неотмѣняемо и на всегда въ пользу Его Величества Императора Всероссійскаго и преемниковъ Его престола и Россійской Имперіи, отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на губерніи ниже сего означенныя, завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Величества въ нынѣшнюю войну отъ Державы Шведской, а именно: на губерніи Кимменегордскую,Ниландскую и Тавастгускую, Абовскую и Біернеборгскую съ островами Аландскими, Саволакскую и Карельскую, Вазовскую, Улеаборгскую и часть западной Ботніи до рѣки Торнео, какъ то постановлено будетъ въ слѣдующей статьѣ о назначеніи границъ.

Губерніи сіи со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ отнынѣ состоять въ собственности и Державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются.

На сей конецъ Его Величество Король Шведскій обѣщаетъ и обязуется самымъ торжественнымъ и наисильнѣйшимъ образомъ, какъ за себя, такъ преемниковъ своихъ и всего Королевства Шведскаго, никогда не чинить притязанія ни посредственнаго, ни непосредственнаго на помянутыя губерніи, области, острова и земли,

коихъ всѣ жители, по силѣ вышеупомянутаго отреченія, освобождаются отъ подданства и присяги въ вѣрности, учиненной ими Державѣ Шведской.

Ст. V. Море Аландское (Alandshaff), заливъ Ботническій и рѣки Торнео и Муоніо будутъ впредь служить границею между Имперію Россійскою и Королевствомъ Шведскимъ.

Въ равномъ разстояніи отъ береговъ, ближайшіе острова къ твердой землѣ Аландской и Финляндской будутъ принадлежать Россіи, а прилежащіе къ берегамъ Швеціи будутъ принадлежать ей.

Въ устьѣ рѣки Торнео, острова Бьоркіо, портъ Рюдгамъ и полуостровъ, на которомъ лежитъ городъ Торнео, будутъ самыми дальними пунктами Россійскихъ владѣній и граница простираться будетъ вдоль рѣки Торнео, до соединенія обоихъ рукавовъ сей рѣки близь чугуннаго завода Кенгисъ, откуда граница пойдетъ по теченію рѣки Муоніо, мимо Муоніонiски, Муоніоефребп, Палоіонса, Кютане, Енонтекиса, Келоттіерва, Петтико, Нюймакки, Раунулы и Кильписьярви, даже до Норвегіи.

По выписанному теченію рѣкъ Торнео и Муоніо, острова лежащіе съ восточной стороны ихъ фарвартера будутъ принадлежать Россіи, а лежащіе съ западной, Швеціи.

По размѣнѣ ратификацій, немедленно назначены будутъ инженеры съ одной и съ другой стороны, кои явятся на мѣста, для постановленія границъ вдоль рѣкъ Торнео и Муоніо, по вышеначертанной линіи.

Ст. VI. Поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей: обезпечивъ по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества: то Его Шведское Величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга, чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія либо условія.

Ст. VII. Съ подписаніемъ настоящаго трактата будетъ о семъ непосредственно и въ самой скорости доставлено извѣстіе генераламъ обоюдныхъ армій и непріятельскія дѣйствія совершенно и обоюдно какъ на сушѣ, такъ и на морѣ прекратятся; воинскія дѣйствія, кои могли бы произойти во время сихъ переговоровъ, почтены будутъ какъ бы не случившимися и отнюдь не сдѣлаютъ въ трактатѣ семъ какого либо нарушенія. Все, что могло бы быть между тѣмъ взято и завоевано съ той или другой стороны, будетъ возвращено въ точности.

Ст. VIII. Въ теченіе четырехъ недѣль по размѣнѣ ратификацій сего трактата войска Его Величества Императора Всероссійскаго выступятъ изъ провинціи Западной Ботніи и возвратятся за рѣку Торнео.

Въ продолженіе помянутыхъ 4-хъ недѣль никакія требованія

какого бы рода они ни были, съ тамошнихъ жителей чинимы не будутъ, и россійская армія для своего содержанія получать будетъ продовольствіе изъ собственныхъ своихъ магазиновъ, учрежденныхъ въ городахъ Западной Ботніи.

Если бы во время сихъ переговоровъ Императорскія войска вошли съ какой другой стороны въ Королевство Шведское, то они изъ занятыхъ ими мѣстъ выступятъ въ срокъ и на условіяхъ вышепостановленныхъ.

Ст. IX. Всѣ военноплѣнные съ той и другой стороны взятые, какъ на сухомъ пути, такъ и на морѣ, а равно и аманаты взятые или данные во время сей войны, имѣютъ быть возвращены всѣ вообще и безъ замѣны коль можно скорѣе, и во всѣхъ случаяхъ не позже какъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, считая со дня размѣны ратификацій настоящаго трактата; но ежели какіе либо плѣнные или аманаты не могутъ, по болѣзни или другимъ основательнымъ причинамъ, возвратиться въ свое отечество въ положенный срокъ, то ихъ однако потому никакъ не считать лишившимися права выше изображеннаго. Они обязаны заплатить обывателямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они содержались, долги нажитые ими во время плѣна, или представить по онымъ порукъ.

Высокодоговаривающіяся стороны отказываются отъ вознагражденія за ссуды сдѣланныя взаимно для продовольствія и содержанія сихъ плѣнныхъ, кои сверхъ того обоюдно будутъ снабжены продовольствіемъ и путевыми деньгами до границы обѣихъ Державъ, гдѣ пріемъ ихъ порученъ будетъ взаимнымъ коммиссарамъ.

Солдаты и матросы Финляндскіе исключаются Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ изъ сей обратной выдачи, не нарушая однако послѣдовавшихъ капитуляцій, буде оныя даютъ имъ противное тому право; изъ числа же плѣнныхъ, военные офицеры и другіе чиновники, родившіеся въ Финляндіи и тамъ остаться желающіе, имѣютъ пользоваться сею свободою и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранять въ полнотѣ всѣ права на имѣнія ихъ, долговыя требованія и вещи, какія бы они теперь ни имѣли, или впредь имѣть могли бы въ Королевствѣ Шведскомъ на основаніи X ст. сего трактата.

Ст. X. Финляндцы, находящіеся теперь въ Швеціи, а равно и Шведы, находящіеся въ Финляндіи, будутъ имѣть совершенную свободу возвратиться въ ихъ отечество и располагать имѣніемъ своимъ движимымъ или недвижимымъ безъ платежа пошлинъ за вывозъ или другихъ какихъ налоговъ, для сего установленныхъ.

Подданные обѣихъ Высокихъ Державъ поселившіеся въ одной изъ двухъ земель т. е. въ Швеціи или Финляндіи, будутъ имѣть совершенную свободу селиться въ другой въ продолженіе 3-хъ лѣтъ, считая со дня размѣны ратификацій настоящаго трактата, но обязаны продать или уступить въ помянутое срочное время имѣнія свои подданнымъ той Державы, коей владѣнія пожелаютъ они оставить.

Имѣнія тѣхъ, кои при истеченіи помянутаго срока не исполнятъ сего постановленія, будутъ проданы съ публичнаго торга судебнымъ порядкомъ и вырученныя за то деньги доставятся ихъ владѣльцамъ.

Въ продолженіе вышеположенныхъ трехъ лѣтъ, всѣмъ позволяется дѣлать какое пожелаютъ употребленіе изъ своей собственности, коея спокойное владѣніе имъ формально обезпечивается и предохраняется.

Они сами, а равно и повѣренные ихъ могутъ свободно изъ одного Государства въ другое переѣзжать для исправленія своихъ дѣлъ, безъ малѣйшаго предосужденія подданства ихъ той или другой Державѣ.

Ст. XI. Отнынѣ будетъ вѣчное забвеніе прошедшаго и всеобщее прощеніе обоюднымъ подданнымъ, коихъ мнѣнія или дѣянія въ пользу той или другой изъ высокихъ договаривающихся сторонъ во время сей войны ввели ихъ въ подозрѣніе или подвергнули суду. Никакіе доносы на нихъ по таковымъ дѣламъ не будутъ впредь пріемлемы; а ежели какіе и учинены, тѣ всѣ оставить и уничтожить и вновь суда по онымъ не начинать. Въ слѣдствіе чего непосредственно будетъ снято запрещеніе съ имѣній арестованныхъ или секвестрованныхъ, кои возвращены будутъ владѣльцамъ, съ тѣмъ однакожъ, что сдѣлавшіеся подданными одной изъ двухъ Державъ, въ силу постановленій предъидущей статьи, не будутъ имѣть права домогаться у Государя, коего подданными они быть перестали, ни о продолженіи доходовъ или пенсіоновъ, какіе они получали изъ милости, или въ видѣ снисхожденія, или жалованья за прежнюю службу.

Ст. XII. Акты на владѣнія, архивы и другіе документы общественные и частные, планы и карты крѣпостямъ, городамъ и землямъ доставшимся по сему трактату Его Величеству Императору Всероссійскому со включеніемъ картъ и бумагъ, какія могутъ сыскаться въ Межевой Конторѣ, имѣютъ быть Его Величеству исправно выданы въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ, или буде сіе окажется невозможнымъ, то не позже какъ въ годъ.

Ст. XIII. По размѣнѣ ратификацій настоящаго трактата Высокія договаривающіяся стороны повелятъ снять всякое запрещеніе, наложенное на имѣнія, права и доходы взаимныхъ жителей обѣихъ Державъ и на общественныя заведенія, въ нихъ находящіяся. Они обязываются удовлетворить всѣ могущіе быть на нихъ долги по капиталамъ, даннымъ имъ заимообразно помянутыми частными людьми и общественными заведеніями и заплатить или возвратить всѣ доходы, кои въ ихъ пользу съ каждой изъ обѣихъ Державъ причтутся.

Рѣшеніе по всѣмъ искамъ между подданными Высокихъ договаривающихся сторонъ касательно долговыхъ требованій, собственностей или другихъ притязаній, кои сообразно принятымъ обычаямъ и народному праву, долженствуютъ быть возобновлены по заключеніи мира, предоставляется подлежащимъ судебнымъ мѣстамъ, и правосудіе самое скорое и безпристрастное будетъ оказано тѣмъ, кои къ онымъ прибѣгнутъ.

Ст. XIV. Долги общественные и частные, сдѣланные Финлянд-

цами въ Швеціи и обратно Шведами въ Финляндіи, должны быть заплачены въ сроки и на постановленныхъ условіяхъ; но какъ сообщеніе между сими обѣими землями было прервано войною, то время просрочки продолжается такимъ образомъ, что считая съ 1-го января 1808 г. до 6-ти мѣсяцевъ послѣ ратификаціи сего трактата, никакое право не будетъ почтено уничтоженнымъ по причинѣ несоблюденія онаго въ положенное время. Всякій искъ по сему предмету допущенъ будетъ въ обоюдныхъ судахъ и особенно защищаемъ обоими правительствами дабы участвующимъ сторонамъ оказано было правосудіе самое скорое и безпристрастное.

Ст. XV. Подданные одной изъ высокихъ договаривающихся сторонъ, коимъ достанутся въ областяхъ другой имѣнія по наслѣдству, даровому праву или другимъ образомъ, могутъ оныя получать безъ затрудненія и въ случаѣ нужды будутъ пользоваться всякою защитою законовъ и пособіемъ судебныхъ мѣстъ для вступленія во владѣніе онымъ и во всѣ права отъ владѣнія сего проистекающія, но пользованіе сими правами, касательно имѣній, въ Финляндіи лежащихъ, подлежать будетъ условіямъ, изображеннымъ въ X ст., которою обязываются владѣльцы ихъ основать жилище свое въ оной землѣ, или продать, или же уступить въ теченіе 3-хъ лѣтъ, владѣемое ими имѣніе. Сей 3-хъ годичный срокъ будетъ данъ всѣмъ тѣмъ, кои изберутъ сіе послѣднее средство, считая со дня открытія наслѣдства или дароваго права.

Ст. XVI. Поелику срокъ торговаго трактата между обѣими Высокими договаривающимися сторонами опредѣленъ до $^{17}/_{29}$ октября 1811 г., то Его Величество Императоръ Всероссійскій соглашается не полагать въ исчисленіе срока все то время, когда договоръ сей войною былъ остановленъ, и по тому продолжается дѣйствіе и сила его до $^{1}/_{13}$ февраля 1813 г. во всемъ томъ, что не будетъ противно постановленіямъ манифеста о торговлѣ изданнаго въ С.-Петербургѣ 1-го января 1807 года.

Ст. XVII. Поелику Области присоединенныя къ Россійской Имперіи, по силѣ сего трактата, имѣютъ со Швеціею по торговымъ отношеніямъ связь, которую долговременная привычка, сосѣдство и взаимныя нужды содѣлали почти необходимою, то Высокія договаривающіяся стороны, равномѣрно желая сохранить для ихъ подданныхъ сіи сношенія, взаимно имъ полезныя, положили принять надлежащія мѣры къ утвержденію оныхъ. Но доколѣ не будетъ сей предметъ съ точностію и обоюдно опредѣленъ, Финляндцамъ позволяется изъ Швеціи вывозить руды, желѣзо въ крицахъ, известь, камни для строенія плавильныхъ печей и вообще всякія другія произведенія земли сего королевства.

Во взаимство того Шведы могутъ изъ Финляндіи вывозить скотъ, рыбу, хлѣбъ, холстъ и смолу, доски, деревянную всякую посуду, строевой и дровяной лѣсъ и вообще всѣ другія произведенія земли сего великаго княжества.

Сія торговля будетъ возстановлена и въ точности соблюдена до

[1]/13 октября 1811 г., на томъ самомъ основаніи, на какомъ оная была до войны: она не будетъ ни подъ какимъ предлогомъ запрещаема, ниже отягощаема какою либо пошлиною, кромѣ той, какая могла быть наложена до послѣдней войны, за исключеніемъ однако ограниченій, кои политическія отношенія обоихъ народовъ могутъ сдѣлать необходимыми.

Ст. XVIII. Ежегодный безпошлинный вывозъ 50.000 четвертей хлѣба, съ покупкою его въ принадлежащихъ Его Величеству Императору Всероссійскому портахъ Финскаго залива или Балтійскаго моря, дозволяется Его Величеству Королю Шведскому, по свидѣтельствамъ что оная закупка произведена на его счетъ или по его повелѣнію; изъ сего выключаются года неурожая, когда вывозъ хлѣба вообще запрещенъ будетъ: но по снятіи сего запрещенія, количество по оному неотпущенное замѣнено быть можетъ.

Ст. XIX. Что касается до салютаціи на морѣ между военными кораблями обѣихъ Высокихъ договаривающихся сторонъ, то соглашено учредить оную на основаніи совершеннаго равенства между Державами. Когда военные ихъ корабли встрѣтятся на морѣ, салютація сообразна будетъ съ чиномъ командующихъ офицеровъ, такимъ образомъ, что офицеръ высшаго чина получитъ сперва салютацію, отвѣчая выстрѣломъ на выстрѣлъ; если же они равнаго чина то обоюдно не будутъ салютовать другъ друга. Предъ замками, крѣпостями и при входѣ въ порты пріѣзжающій или отъѣзжающій долженъ салютовать прежде, а ему отвѣтствовано будетъ выстрѣломъ на выстрѣлъ.

Ст. XX. Если бы произошли затрудненія по какимъ либо пунктамъ, о которыхъ не постановлено въ семъ Трактатѣ, то оные будутъ разсматриваемы и опредѣляемы дружественно обоюдными Послами или Полномочными Министрами съ такимъ же миролюбивымъ расположеніемъ на каковомъ основано заключеніе сего Трактата.

Ст. XXI. Настоящій Трактатъ будетъ ратификованъ обѣими Высокими договаривающимися сторонами и ратификаціи въ доброй и надлежащей формѣ имѣютъ быть размѣнены въ С.-Петербургѣ въ теченіе 4-хъ недѣль или ранѣе, буде можно, считая со дня подписанія онаго.

Во увѣреніе чего мы нижеподписавшіеся по силѣ нашихъ полномочій, сей мирный трактатъ подписали и къ оному гербовъ нашихъ печати приложили.

Въ Фридрихсгамѣ 5/17 сентября въ лѣто отъ Р. Х. 1809.

Ратификація. Того ради, по довольномъ разсмотрѣніи сего мирнаго договора, приняли Мы оный за благо, подтвердили и ратификовали, яко же симъ за благо пріемлемъ, подтверждаемъ и ратификуемъ во всемъ его содержаніи, обѣщая Нашимъ Императорскимъ словомъ за Насъ и Наслѣдниковъ Нашихъ, что все въономъ мирномъ договорѣ постановленное наблюдаемо и исполняемо будетъ ненарушимо; въ увѣреніе чего Мы сію Нашу Императорскую Ратификацію собственноручно подписали и повелѣли утвердить Государ-

ственною Нашею печатію. Дана въ С.-Петербургѣ октября 1 дня въ лѣто отъ Р. Х. 1809, Государствованія же Нашего девятое.

126.

Регламентъ правительственнаго совѣта Финляндіи, утвержденный 6-го августа 1809 г. [1]).

Réglement de S. M. l'Empereur Alexandre I Autocrate de toutes les Russies etc., pour l'organisation du Conseil de Régence dans le grand-duché de Finlande.

Nous Alexandre I-er, Empereur et Autocrateur de toutes les Russies etc. etc. etc. Grand Duc de Finlande. Salut.

Parmi les moyens d'assurer la prospérité de la Finlande, l'établissement d'une administration générale Nous a paru d'une nécessité urgente. Il importoit au bien-être de l'Etat, que les administrations provinciales eussent un point central, un tribunal suprême, qui pût les diriger, maintenir l'unité de principes, assurer la force et l'action de la loi, veiller à la distribution de la Justice, et imprimer un mouvement salutaire à la propagation des lumières et aux progrès de l'industrie.

Une commission spéciale, formée de citoyens de la Finlande, distingués par leurs lumières et leurs vues patriotiques, fut appellée à combiner les élémens de cette institution, d'après les principes que Nous lui avons prescrit. Ayant examiné ce travail, et après lui avoir donné l'étendue d'utilité dont il était susceptible, Nous l'avons proposé à la délibération de la Diète.

Ayant entendu les avis des états et considérant qu'une administration générale, revêtue d'une autorité suffisante pour le maintien des lois, et basée sur les principes libéraux, ne manquera pas d'exercer la plus salutaire influence sur le bien être de l'Etat, Nous avons décrété et décretons ce qui suit:

TITRE PREMIER.

Organisation du Conseil de régence.

Dispositions générales.

1. L'administration générale de la Finlande est confiée à un Conseil de Régence, composé de deux sections, dont l'une connoit des affaires judiciaires, l'autre des différens objets d'économie publique.

2. Le Conseil est présidé par le Gouverneur Général de la Finlande.

3. En son absence chaque section est présidée par le membre le plus ancien en service de la section.

4. Le Conseil est composé de quatorze membres. Le nombre des employés est fixé par un Etat spécial ci-joint.

---

[1]) Съ печатнаго экземпляра, изданнаго въ Або, въ 1809 г., по-французски и по-шведски и съ французской копіи, имѣющейся при дѣлахъ Арх. М. Ин. Дѣлъ.

Chapitre I.

De la nomination des membres, et des employés et de leurs appointemens.

5. La moitié des membres du Conseil est tirée de l'ordre de la noblesse, et l'autre est prise parmi les autres états de la Finlande. Leur choix et la nomination appartiennent à l'Empereur.

6. Le Procureur et les Secrétaires référendaires sont immédiatement nommés par l'Empereur. Le Secrétaire du bureau des affaires ecclésiastiques est pris parmi le Clergé.

7. Les Secrétaires du Protocole, les Chefs de la comptabilité (Cameriers), et le Controleur—(Commissaire de revision)—sont nommés par l'Empereur sur une liste de candidats présentés par le Conseil, à chaque emploi vacant.

8. Tous les autres employés sont à la nomination du Conseil.

9. Les membres nommés au Conseil conserveront les charges, titres et appointemens dont ils auront joui antérieurement.

10. Leurs appointemens au Conseil, ainsi que ceux des employés sont fixés par l'Etat ci-joint, et prélevés sur les revenus de la Finlande.

Chapitre II.

De la durée du service.

11. La liste des membres du Conseil est arrêtée par l'Empereur de trois en trois ans, et complétée dans l'intervalle par Son choix, à chaque emploi vacant.

12. Six mois avant l'expiration du terme de service, le Conseil fait son rapport à l'Empereur pour proposer une nouvelle nomination.

13. Il dépendra de la volonté de Sa Majesté de renouveller toute la liste des membres, ou bien de maintenir la nomination précédente en totalité ou en partie. Cette dernière méthode de nomination, sauf les exceptions indispensables, sera la plus suivie, comme étant la plus conforme à la marche des affaires, et a l'esprit de cette institution.

14. Il sera accordé aux membres du Conseil une époque de vacances, dont l'étendue, ainsi que le nombre de personnes, qui jouiront alternativement de ces vacances, sur le rapport du Conseil et d'après la quantité des affaires, sera tous les ans spécialement déterminé par l'Empereur.

Chapitre III.

Des attributions générales du Conseil et de sa compétence.

15. Tout ce qui concerne l'administration générale de la justice et de l'économie publique, est du ressort du Conseil, excepté les cas dont la décision d'après les lois appartient à l'autorité immédiate du Souverain. Tels sont: la nomination aux emplois supérieurs, les pensions, les gratifications, les bénéfices, les dispenses, la donation des terres et des rentes de la Couronne en fief, la permission des échanges de terres ap-

pellées *Kronohemman*, et en général tout ce qui d'après les lois dépend des ordres spéciaux et immédiats du Souverain.

16. Le Conseil ne peut établir de son chef aucun nouvel impôt ou contribution quelconque, ni faire des dépenses au delà de ce qui aura été assigné par le budjet de l'année, toute dépense extraordinaire ne pouvant avoir lieu qu'en vertu des ordres exprès de Sa Majesté Impériale.

17. En général, aucun acte législatif ne peut émaner du Conseil; il n'agit qu'en vertu des loix existantes, sans avoir aucun droit de les interpréter et encore moins de les abolir.

18. Le Conseil a cependant la faculté de présenter à Sa Majesté ses avis sur les interprétations qu'il croiroit nécessaire de donner à quelque règlement ou disposition du Code des loix. Ces avis seront motivés par une mûre délibération, et n'auront de force qu'autant qu'ils seront approuvés par Sa Majesté Impériale.

Chapitre IV.

De la forme de procédure générale.

19. Le Conseil se saisit des affaires sur les rapports des Gouverneurs et autres autorités supérieures, ou sur appel et plaintes des particuliers, ou sur les motions du Gouverneur Général, faite de son chef ou en vertu des ordres exprès de Sa Majesté Impériale.

20. Comme le Conseil ne peut exercer d'autre pouvoir que celui, qui lui est délégué par l'Empereur, tous les actes sont rendus au nom de Sa Majesté Impériale.

21. Les requêtes et les rapports soumis au Conseil seront adressés au nom de l'Empereur.

22. Le terme de l'appel sera uniformement reglé par l'Empereur sur l'avis du Conseil.

23. Les actes du Conseil sont signés par tous les membres, présens à la délibération, et participans à la décision.

24. Les affaires des particuliers seront traitées au Conseil sur papier de timbre.

25. La taxe sur les expéditions est abolie.

Chapitre V.

Du Président.

26. Le devoir essentiel du Gouverneur Général, comme Président du Conseil, est de veiller à ce que la justice soit promptement rendue, que les règlements soient observés, et que les ordres de Sa Majesté Impériale soient exécutés.

27. Le Gouverneur Général ne prononce pas sur le fond des affaires civiles litigieuses: mais il surveille leur marche et la régularité des formes et de la procédure. Le Procureur du Conseil lui est immédiatement subordonné.

28. Dans les affaires criminelles le Gouverneur Général connoit du fonds et de la forme; en cas de parité d'opinions opposées, celle qui est

la plus favorable à l'accusé sera, d'après le code judiciaire, prépondérante; le Gouverneur Général peut présenter à l'Empereur ses observations sur les décisions du Conseil, lorsqu'il est d'un sentiment opposé.

29. Le Gouverneur-Général signe les actes toutes les fois, qu'il préside le Conseil en personne.

30. En cas d'absence du Gouverneur Général, le mode de ses rélations avec le Conseil sera fixé par un règlement spécial.

Chapitre VI.

Du Procureur.

31. Le Procureur du Conseil veillera à ce que:

1) l'ordre et la régularité des formes dans les affaires soient observés.

2) Que les employés au service du Conseil remplissent leurs fonctions avec exactitude, et que leurs fautes soient reprises selon la rigueur des loix.

TITRE SECOND.

De la section de la justice.

32. L'attribution générale de cette section est de veiller à ce que la justice soit administrée dans le pays d'après les loix et les règlements.

Chapitre I.

De la compétence de la section de la Justice.

33. De la compétence de cette section du Conseil sont:

1) Les affaires tant civiles que criminelles, qui seront portées à sa décision par appel des hautes cours de Justice, ainsi que les plaintes et griefs portées sur les résolutions partielles de ces tribunaux et contre les Procureurs du fisc.

2) Les affaires, qui ont été par le passé du ressort des collèges spéciaux, et qui dans l'ordre actuel des choses sont dévolues à la compétence des hautes Cours de Justice, et de là par appel ou par des plaintes particulières sont portées à la révision du Conseil, telles sont:

a) toutes les causes, dont la haute Cour de Justice à Stockholm a été forum privilegiatum;

b) tous ce qui concerne les délits et les fautes des pilotes, qui font le cabotage et conduisent les vaisseaux marchands;

c) les prévarications des employés à la poste;

d) les affaires judiciaires qui ont été du ressort du Collège de la chambre, comme les délits des arpenteurs, les procès touchant le droit de possession ou de rachât des terres assignés à l'équipement d'un soldat de cavalerie (Rusthall) et les terres appellées augments hemman, ainsi que les contestations élevées au sujet de la visite des maisons, habitations (bostälen) et métairies des employés civils;

e) les procès tant civils que criminels concernant les droits de fabriques du fer et des mines;

f) les affaires de contrebande, les fraudes de douanes et de péages, et les délits de leurs commis, la violation des statuts de navigation, et autres de la même nature, qui ont été jusqu'ici du ressort du Collége de Commerce;

g) la mise en jugement des receveurs publics, pour cause de malversations découvertes et constatées par la chambre des Comptes.

3) Les plaintes contre les arrêts des tribunaux, appellés Agodelnings-Rätter.

4) Les plaintes contre les arrêts des tribunaux appellés Slotts-Rätter.

5) La permission des visites sur les lieux, pour vérifier les contestations élèvées sur les limites des terres (Riddar-Syn.).

Chapitre II.

Règles générales de procédure.

34. Le Conseil juge et décide ses affaires d'après les loix et statuts du pays, définitivement et sans appel. Néanmoins les sentences de mort ne sont exécutés qu'aprés avoir été soumises à la sanction de Sa Majesté Impériale.

35. Le recours en grâce a lieu dans l'espace de quinze jours, à compter du jour, au quel la sentence serait declarée au coupable.

36. La requête qui contient le recours en grâce, est portée au Conseil, et après avoir été délibérée et motivée par lui, elle est présentée à l'Empereur avec l'avis du Conseil.

37. La même régle sera suivie pour toutes les causes, ainsi que pour les suppliques de grâce et de dispense, dont lá décision selon les loix appartient immédiatement au Souverain; adressées au Conseil et informées par lui, elles seront, avec son avis motivé, présentées à Sa Majesté Impériale.

38. Il faut sept membres, y compris celui qui préside, pour décider légalement dans les causes, où il s'agira de la vie ou de l'honneur d'un citoyen. Dans les autres causes cinq membres sont censés suffisans.

39. En cas de partage d'opinions les voix seront comptées d'après le code judiciaire.

40. Ces règles générales serviront au Conseil de base, pour déterminer et arrêter dans ses premières séances les règles spéciales, nécessaires pour préciser l'ordre de ses délibérations,—garantir la régularité et la promptitude de son travail, et maintenir l'exercice et la discipline de ses fonctionnaires.

TITRE TROISIÈME.

De la section de l'Economie publique.

Dispositions générales.

41. L'attribution générale de cette section est de connaître de toutes les affaires de l'économie publique en Finlande, et de tout ce qui faisoit, dans les institutions antérieures, l'objet des différens collèges et bureaux administratifs.

42. Cette section du Conseil aura cinq bureaux: 1) celui de la police administrative, 2) de la comptabilité, 3) de la milice nationalé dans ses rapports économiques, 4) des finances, 5) des affaires ecclésiastiques.

Chapitre I.

Des objets du bureau de police adminisfrative.

1) Le maintien de l'ordre, de la surêté et la police du pays en général.

2) Les établissements d'instruction publique, excepté l'université d'Abo, qui jouit d'aprés ses constitutions de sa propre jurisdiction. La censure, la librairie, les imprimeries.

3) Les postes aux lettres et aux chevaux; l'entretien des routes, ponts et chaussées, avec les affaires contentieuses, qui en résultent.

4) La direction générale des édifices publics, le logement des troupes, l'entretien des pauvres, les institutions de bienfaisance publique, la répression du vagabondage, maisons de correction et prisons.

5) Les mésures générales pour la conservation de la santé publique. Instructions médicinales, discipline des apothicaires, les précautions à prendre contre l'épidémie et l'épizootie. Nomination des médecins de villes et de provinces, d'aprés les examents et attestats de l'université d'Abo.

6) La présentation à la section du Conseil de candidats de Chef de bureaux des finances (Cameriers), de trésoriers, de commis de Gouvernement, de baillis de district, de teneurs de livres du baillage, de teneurs de livres des régimens répartis en ferme, de commissaires des magasins, d'administrateurs des hôpitaux, d'inspecteurs et contrôleurs des douanes, de maitres de postes et autres du même genre, le tout sur la répresentation des gouverneurs civils.

7) Le contentieux et les plaintes, qui résultent des présentations aux dites charges, ainsi que les plaintes sur le préjudice des nominations et avancemens, faites par les hautes cours de justice, les gouverneurs civils, et les municipalités.

8) La présentation des candidats aux emplois, dont la nomination est réservée à Sa Majesté Impériale.

9) L'enregistrement des brevets et lettres patentes accordées par l'Empereur, ainsi que des certificats de redevances payables à chaque avancement, et destinées aux œuvres de charité.

10) Poids et mesures, et contrôle de l'or, de l'argent, et de l'étain travaillés dans le pays.

11) L'ouverture et l'enregistrement succinct des requêtes et dépêches adressées à cette section du Conseil, leur distribution dans les differens bureaux, ainsi que l'expédition des actes du Conseil.

Chapitre II.

Objets du bureau de finances.

1) Les renseignemens exacts sur le produit total des revenus du pays.

2) La préparation du budjet, dont le projet sera présenté chaque année à l'Empereur.

3) L'application des sommes aux objets de dépense d'après leur urgence, et le terme de la rentrée des revenus.

4) Les domaines de la Couronne, tels que les pêches, métairies retirées et autres possessions leur affermissement par enchère, et le contentieux résultant de la possession des fermes, des préférences de rachât, ainsi que l'expédition des lettres censives appellés Skattebref.

5) La direction générale du papier de timbre, du péage maritime et de toutes les autres branches de revenu indirect.

6) Protection à l'agriculture, au commerce, à la navigation, aux manufactures, fabriques de fer et autres branches d'industrie nationale [1])

7) La direction générale du Comptoir d'arpentage lorsqu'il sera établi, dépot de cartes territoriales.

Chapitre III.

Objets du bureau de comptabilité.

1) La direction générale de la perception des impôts de la couronne.

2) La révision des comptes généraux de gouvernement, et de tous les autres comptes publics et des livres d'état (Stats-böcke) et leur verification.

3) Le cadastre de la population ou les rôles de capitation ainsi que les régistres de naissance, de mort et de mariage.

4) Liquidation et compte des dépenses du Conseil.

Chapitre IV.

Objets du bureau de milice nationale.

1) Surveillance de l'exactitude dans l'évalution des rentes et fonds appartenants à la milice, leur perception à terme et rentrée dans les caisses des trésoriers de gouvernement.

2) Direction générale des institutions des pilotes cotiers et des fanaux.

3) Le contentieux des métairies militaires.

4) En général toutes les affaires concernant l'économie et l'entretien de la milice, soit qu'elle reste dissoute ou rétablie en service effectif [2]).

Chapitre V.

Objets du bureau des affaires eclésiastiques.

43. Toutes les affaires eclésiastiques dont connaissent les consistoires des deux diocèses étant portés par appel ou autrement à la discussion et à la décision du Conseil seront préparées et informées dans ce bureau.

44. Sont exceptées de ce nombre les grâces et dispenses dont la décision n'étant pas fixée par les loix, dépend des ordres spéciaux du Sou-

---

[1]) Нижеслѣдующіе пункты, до 55-го включительно, вслѣдствіе порчи печатнаго экземпляра, включены изъ копіи, имѣющейся при дѣлахъ Арх. М. Ин. Д., которая, какъ ниже отмѣчено, имѣетъ небольшія отличія.

[2]) Въ копіи подъ 4 п. значилось: Fonds de l'hôtel des invalides et pensions militaires; но его нѣтъ ни въ шведскомъ, ни въ русскомъ переводѣ.

verain; ces sortes de requêtes seront présentées par les Consistoires avec leurs avis motivés à l'examen et à la décision de Sa Majesté Impériale [1]).

Chapitre VI.

Règles générales de procédure.

45. La direction spéciale de chaque bureau est confiée à un des membres de la section du Conseil qui sera désigné pour cet effet par l'Empereur.

46. Si d'après l'étendue du travail un seul membre ne suffirait pas à la direction du bureau, un autre par la même autorité lui sera momentanément adjoint.

47. Les membres dirigeants les bureaux, dans les délibérations du Conseil sont égaux aux autres membres et n'ont pas de voix prépondérante.

48. (О томъ, что каждая экспедиція имѣетъ своего референдарія-секретаря, точнаго французскаго текста не имѣется).

49. Les affaires préparées dans les bureaux sont portées à la décision du Conseil.

50. (Французскаго текста этой статьи въ копіи не имѣется; шведскій же переводъ соотвѣтствуетъ русскому, ниже помѣщенному).

51. Les bureaux correspondent entre eux comme faisant partie du même tribunal et en se sécondant mutuellement concourent à la prompte expédition des affaires.

52. Les bureaux se réunissent en conférence toutes les fois que la nature des affaires demande leur concours mutuel. Mais les bureaux séparés ou réunis n'ont jamais le droit de décider, ce droit appartenant essentiellement et uniquement au Conseil.

53. Il faut cinq membres de la section pour la décision des affaires majeures, comme la nomination aux charges etc.; pour les objets de moindre importance le nombre de trois est censé suffisant si leurs voix sont unanimes; en cas de partage il faut cinq membres pour décider.

54. Le bureau de la comptabilité et particulièrement le chef de ce bureau (camerier) veillera à ce que les comptes soient complets et rendus dans le tems préscrit.

55. Ces comptes seront remis au contrôleur (commissaire de révision) pour être partagés parmis les reviseurs et subir leur examen.

56. Sur les observations des réviseurs et du contrôleur, le Conseil prendra les informations nécessaires, et exigera une prompte réponse des employés de finances; et s'il découvre quelque dilapidation, ou abus de négligence ou de graves omission, il traduira le coupable devant le tribunal compétent de la haute Cour de Justice, en lui transmettant les preuves nécessaires du délit constaté.

57. Ces principes généraux serviront de base au Conseil pour fixer dans ses premières séances toutes les règles spéciales, nécessaires pour

---

1) Въ шведскомъ переводѣ эта статья изложена въ томъ смыслѣ, какъ значится въ русскомъ переводѣ (см. ниже).

préciser l'ordre de ses délibérations, garantir la régularité et la promptitude de son travail, et maintenir l'exercice et la discipline de ses fonctionnaires.

L'original est signé de la propre main de Sa Majesté Impériale ainsi:

ALEXANDRE.

à Peterhoff ce 6 Août 1809.

Къ № 126.

(Переводъ).

Регламентъ правительственнаго совѣта, утвержденный Императоромъ Александромъ I-мъ 6-го августа 1809 г. въ Петергофѣ [1]).

Божіею милостію, Мы Александръ Первый Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и [2]) Великій Князь Финляндіи и пр. и пр. и пр.

Между способами къ утвержденію блага Финляндіи, учрежденіе мѣста для главнаго управленія представлялось Намъ главнѣйшею необходимостію. Благосостояніе края сего требовало, чтобы правительственныя мѣста провинцій сосредоточивались въ одномъ мѣстѣ, или въ верховномъ судилищѣ, которое могло бы ими управлять, сохранять единство въ началахъ, ограждать силу и дѣйствіе закона, имѣть бдѣніе надъ отправленіемъ правосудія, и дать благотворное движеніе распространенію просвѣщенія и успѣхамъ промышленности.

Особенный комитетъ, составленный изъ гражданъ Финляндіи, отличившихся познаніями и преданностію къ отечеству, имѣлъ порученіе сдѣлать начертаніе сего учрежденія, согласно съ началами Нами постановленными. По разсмотрѣніи сего труда, давъ оному возможное направленіе къ достиженію общественнаго блага, Мы предложили оный на дальнѣйшее разсужденіе сейма.

Выслушавъ мнѣніе чиновъ сейма и находя, что верховное правительственное мѣсто, облеченное довлѣющею властію къ сохраненію законовъ, и основанное на благородныхъ началахъ, несомнѣнно будетъ имѣть благотворное вліяніе на благосостояніе края, Мы постановили и постановляемъ къ общему исполненію слѣдующее:

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О составѣ правительствующаго совѣта.

Общія положенія.

1. Главное управленіе Финляндіи ввѣряется правительствующему совѣту, составленному изъ двухъ департаментовъ, изъ коихъ одинъ вѣ-

---

[1]) Русскій переводъ, напечатанный въ Прибавленіи къ Уложенію, существующему въ велик. княж. Финляндіи, въ 1827 г., стр. 234.

[2]) Этого *«и»* нѣтъ ни во французскомъ оригиналѣ, ни въ шведскомъ переводѣ.

даетъ дѣла собственно судебныя, а другой—различные предметы государственнаго [1]) хозяйства.

2. Въ совѣтѣ предсѣдательствуетъ генералъ-губернаторъ Финляндіи.

3. Въ отсутствіе его предсѣдательствуетъ въ каждомъ департаментѣ старшій онаго членъ.

4. Совѣтъ состоитъ изъ четырнадцати членовъ. Число чиновниковъ опредѣлено особеннымъ штатомъ, у сего приложеннымъ.

Глава I.

О назначеніи членовъ и чиновниковъ и о ихъ жалованьѣ.

5. Одна половина членовъ избирается изъ дворянства, а другая—изъ прочихъ сословій Финляндіи. Выборъ и назначеніе оныхъ зависитъ отъ Государя Императора.

6. Прокуроръ и референдарій-секретари опредѣляются непосредственно Е. И. Величествомъ. Референдарій-секретарь духовныхъ дѣлъ назначается изъ духовенства.

7. Протокольные секретари, камериры и ревизіонный коммиссаръ назначаются Его Величествомъ изъ кандидатовъ на упразднившіяся мѣста совѣтомъ всеподданнѣйше представляемыхъ.

8. Всѣ же прочіе чиновники опредѣляются совѣтомъ.

9. Члены, въ совѣтъ назначенные, сохраняютъ должности, чины и оклады, коими они до таковаго назначенія пользовались.

10 Жалованье имъ по совѣту, какъ равно и прочимъ чиновникамъ онаго, опредѣлено штатомъ у сего приложеннымъ, и производится изъ общихъ финляндскихъ суммъ.

Глава II.

О срокѣ служенія членовъ.

11. Списокъ членовъ совѣта утверждается Его Императорскимъ Величествомъ чрезъ каждые три года и пополняется въ продолженіе сего времени выборомъ Его Величества на каждую открывшуюся вакансію.

12. За шесть мѣсяцевъ до истеченія срока служенія совѣтъ входитъ съ докладомъ къ Государю Императору о новомъ назначеніи членовъ.

13. Отъ благоизволенія Е. И. Величества зависѣть будетъ возобновленіе всего числа членовъ, или оставленіе прежняго назначенія въ цѣлости, либо въ нѣкоторой части. Сей послѣдній способъ назначенія, какъ сообразнѣйшій съ ходомъ дѣлъ и съ цѣлію сего учрежденія, предпочтительно имѣетъ быть наблюдаемъ, исключая необходимыхъ изъятій.

14. Членамъ совѣта назначается время для отдохновенія, срокъ коего, а равно и число особъ, могущихъ поочередно пользоваться онымъ, имѣетъ быть ежегодно Е. И. Величествомъ особенно опредѣляемо, соразмѣрно числу дѣлъ и согласно представленію совѣта по сему предмету.

---

[1]) Во французскомъ оригиналѣ public, по-шведски: allmänna—общаго.

Глава III.

О общихъ занятіяхъ совѣта и о его правахъ.

15. Все до главнаго управленія судебною частію и государственнымъ хозяйствомъ касающееся, подлежитъ вѣдѣнію совѣта, съ изъятіемъ дѣлъ и предметовъ, рѣшеніе коихъ сообразно узаконеніямъ, принадлежитъ непосредственно Высочайшей власти. Таковые суть: назначеніе на высшія мѣста, пожалованіе пенсіонами, награды, опредѣленіе въ нѣкоторыя должности по части духовной, изъятія изъ законоположеній, пожалованіе казенныхъ имѣній и доходовъ, дозволеніе обмѣна казенныхъ гейматовъ и вообще все, что по существующимъ узаконеніямъ отъ особеннаго и непосредственнаго повелѣнія Монаршей власти зависитъ.

16. Совѣтъ не можетъ самъ собою наложить новую подать или какой-либо другой сборъ, или же дѣлать расходы, не опредѣленные годичнымъ росписаніемъ доходовъ и расходовъ, такъ какъ никакой чрезвычайный расходъ не можетъ имѣть мѣста, иначе какъ по Именному Е. И. Величества повелѣнію.

17. Вообще никакія законодательныя мѣры не могутъ быть принимаемы совѣтомъ. Дѣйствія онаго ограничиваются существующими узаконеніями, безъ всякой власти перемѣнять, пояснять, или еще менѣе унижать [1]) оныя.

18. Совѣтъ можетъ однакожъ представлять на Высочайшее Е. Величества усмотрѣніе мнѣніе свое о признаваемыхъ онымъ нужными поясненіяхъ въ постановленіяхъ или въ узаконеніяхъ. Таковыя представленія имѣютъ быть слѣдствіемъ зрѣлаго разсужденія, и не будутъ дѣйствительны, доколѣ не удостоятся Высочайшаго утвержденія.

Глава IV.

О порядкѣ производства дѣлъ вообще.

19. Совѣтъ входитъ въ разсмотрѣніе дѣлъ по донесеніямъ ландсгевдинговъ и другихъ высшихъ властей, или по переносу и жалобамъ частныхъ лицъ, или же по предложеніямъ генералъ-губернатора, учиненнымъ имъ какъ отъ себя, такъ и вслѣдствіе Именныхъ Высочайшихъ повелѣній.

20. Поелику совѣтъ не можетъ употреблять другой власти кромѣ той, которая Е. И. Величествомъ Высочайше оному предоставлена, то посему всѣ исходящія изъ онаго бумаги и рѣшенія издаются отъ Высочайшаго Имени.

21. Прошенія и донесенія, въ совѣтъ поступающія, должны быть надписываемы на Высочайшее Имя.

22. Срокъ переноса дѣлъ будетъ установленъ Е. И. Величествомъ по представленію совѣта.

23. Исходящія изъ совѣта бумаги подписываются всѣми членами, при сужденіи о дѣлѣ присутствовавшими и въ рѣшеніи онаго участвовавшими.

---

[1]) Уничтожать, abolir.

24. По производившимся въ совѣтѣ дѣламъ частныхъ лицъ имѣетъ быть употребляема гербовая бумага.

25. Въ совѣтѣ не имѣетъ быть взимаема канцелярская пошлина съ бумагъ, изъ онаго исходящихъ.

Глава V.

О предсѣдателѣ.

26. Главнѣйшая обязанность генералъ-губернатора, какъ предсѣдателя совѣта, состоитъ въ попеченіи о скорѣйшемъ доставленіи правосудія, о наблюденіи законовъ и постановленій, и о приведеніи въ исполненіе Высочайшихъ повелѣній.

27. Въ дѣлахъ тяжебныхъ генералъ-губернаторъ не имѣетъ власти судейской, но надзираетъ за надлежащимъ ходомъ оныхъ, и за правильнымъ соблюденіемъ судебнаго порядка. Прокуроръ совѣта подчиненъ ему непосредственно.

28. Что же касается до дѣлъ уголовныхъ, то генералъ-губернаторъ участвуетъ въ рѣшеніи оныхъ, какъ по существу, такъ и по производству дѣла. Въ случаѣ равенства голосовъ при различныхъ мнѣніяхъ имѣетъ по уложенію перевѣсъ то мнѣніе, которое будетъ заключать въ себѣ легчайшее наказаніе для подсудимаго. Если генералъ-губернаторъ не согласенъ съ мнѣніемъ совѣта, то можетъ замѣчанія свои на рѣшеніе онаго представить на Высочайшее усмотрѣніе.

29. Генералъ-губернаторъ подписываетъ всѣ исходящія бумаги, по дѣламъ по коимъ онъ лично предсѣдательствовалъ въ Совѣтѣ.

30. На случай отсутствія генералъ-губернатора, отношенія его къ совѣту имѣютъ быть опредѣлены особымъ постановленіемъ.

Глава VI.

О прокурорѣ совѣта.

31. Прокуроръ совѣта имѣетъ бдѣніе:

1°) Чтобы порядокъ и правильность въ дѣлопроизводствѣ были соблюдаемы.

2°) Чтобы чиновники совѣта исполняли съ точностію должности свои, и чтобы за неисправности ихъ по службѣ было взыскиваемо по строгости законовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О судебномъ департаментѣ.

32. Общая обязанность сего департамента состоитъ въ надзорѣ за отправленіемъ по Финляндіи правосудія согласно съ законами и постановленіями.

Глава I.

О предметахъ занятій судебнаго департамента.

33. Къ сему департаменту совѣта принадлежатъ:

1°) Всѣ гражданскія и уголовныя дѣла, которыя по аппеляціи или

по частнымъ жалобамъ поступаютъ изъ гофгерихтовъ на рѣшеніе совѣта, также дѣла, производимыя казенными стряпчими противъ должностныхъ лицъ.

2°) Дѣла, которыя прежде поступали въ разныя коллегіи, но кои по нынѣшнему порядку дѣлъ подлежатъ разсмотрѣнію гофгерихтовъ, и изъ оныхъ по апелляціи или по частнымъ жалобамъ поступаютъ на ревизію въ совѣтъ. Таковыя суть слѣдующія:

a) Дѣла, кои прежде принадлежали разбору стокгольмскаго гофгерихта исключительно.

b) Все, что касаться будетъ до преступленій и проступковъ лоцмановъ, при сопровожденіи ими купеческихъ кораблей.

c) Преступленія должности, чинами почтоваго вѣдомства содѣланныя.

d) Судебныя дѣла, принадлежавшія разсмотрѣнію камеръ-коллегіи, какъ-то: преступленія по должности землемѣровъ, споры о правѣ владѣнія или выкупа казенныхъ рустгольтерскихъ гейматовъ и земель, извѣстныхъ подъ именемъ авгментсъ-гейматовъ [1]), также споры по поводу осмотровъ домовъ и угодьевъ ладугордовъ и бостелей [2]) гражданскихъ чиновниковъ.

e) Какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла, касающіяся до желѣзныхъ заводовъ и рудниковъ.

f) Дѣла о провозѣ запрещенныхъ товаровъ, объ утайкѣ товаровъ отъ пошлинъ и о преступленіи таможенныхъ чиновъ; также дѣла относящіяся до нарушенія устава о мореплаваніи и другія сего рода, принадлежавшія доселѣ разбору комерцъ-коллегіи.

g) Дѣла по начетамъ казенныхъ сборщиковъ, которыя разсмотрѣны и рѣшены камеральнымъ судомъ.

3°) Жалобы на рѣшенія межевыхъ судовъ.

4°) Жалобы на опредѣленія такъ называемыхъ шлосскихъ судовъ.

5°) Прошенія о дозволеніи нарядить рыцарскій осмотръ для утвержденія и повѣрки притязаній по дѣламъ о межахъ.

Глава II.

Общія правила судопроизводства.

34. Совѣтъ разбираетъ и вершитъ всѣ дѣла, до разсмотрѣнія его принадлежащія, сообразно узаконеніямъ и постановленіямъ края сего окончательно и безъ аппеляціи. Однако же смертные приговоры не приводятся въ исполненіе безъ Высочайшей конфирмаціи.

35. Прошенія о помилованіи дозволяется приносить въ теченіе пятнадцати дней, считая со дня объявленія приговора осужденному.

36. Таковыя прошенія вносятся въ совѣтъ, и по разсмотрѣніи онымъ представляются Государю Императору съ мнѣніемъ совѣта.

37. То же правило соблюдаемо будетъ во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ и просьбахъ о помилованіи и освобожденіи отъ исполненія предписаній за-

---

[1]) См. т. I, стр. 101, прим.

[2]) Ладугорды—усадьбы. О бостеляхъ см. т. II, стр. 106.

коновъ, рѣшеніе коихъ непосредственно зависитъ по законамъ отъ Монаршей власти. Оныя вносятся въ совѣтъ, разсматриваются онымъ, и купно съ мнѣніемъ онаго, подносятся Его Императорскому Величеству.

38. Для законнаго рѣшенія дѣлъ, касающихся до лишенія жизни или чести требуется семь членовъ, включая въ сіе число и предсѣдательствующаго. Во всѣхъ же прочихъ дѣлахъ достаточно для рѣшенія пяти членовъ.

39. Въ случаѣ разногласія считаются голоса по уложенію.

40. Сіи общія правила будутъ служить совѣту основаніемъ къ постановленію, въ продолженіе первыхъ его засѣданій, подробнѣйшихъ правилъ, нужныхъ къ точному опредѣленію порядка въ его совѣщаніяхъ, къ доставленію правильности и успѣшности въ занятіяхъ онаго, и въ сохраненіи между чиновниками совѣта строгаго исполненія ихъ должностей и обязанностей.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О хозяйственномъ департаментѣ.

Общія положенія.

41. Сей департаментъ завѣдываетъ всѣми дѣлами до публичнаго хозяйства Финляндіи относящимися, и всѣмъ тѣмъ, что при прежнемъ образѣ управленія симъ краемъ составляло предметъ занятій разныхъ коллегій и начальственныхъ мѣстъ.

42. Сей департаментъ составится изъ пяти экспедицій: 1) учредительная полиція, 2) камерная или счетная экспедиція, 3) милиціонная, или экспедиція земскаго войска, въ хозяйственномъ отношеніи, 4) экспедиція финансовъ и 5) экспедиція духовныхъ дѣлъ.

Глава I.

О предметахъ занятій экспедиціи учредительной полиціи.

1°) Сохраненіе общаго благочинія, тишины и безопасности вообще.

2°) Заведенія народнаго просвѣщенія, исключая абоскаго университета, который согласно учрежденіямъ своимъ имѣетъ собственное свое управленіе, цензура, книжная продажа и книгопечатаніе.

3°) Почты для пересылки писемъ, учрежденія станціонныхъ дворовъ и доставленіе лошадей проѣзжающимъ; содержаніе публичныхъ дорогъ и мостовъ, и спорныя дѣла по симъ предметамъ произойти могущія.

4°) Главный надзоръ надъ общественными зданіями, расположеніемъ воинскаго постоя, призрѣніемъ неимущихъ, публичными богоугодными заведеніями, надъ средствами къ прекращенію бродяжничества и надъ смирительными и рабочими домами и тюрьмами.

5°) Общія мѣры, служащія къ сохраненію народнаго здравія, медицинская часть, аптеки, средства для предохраненія и отвращенія повальныхъ болѣзней и скотскаго падежа; назначеніе городскихъ и про-

винціальныхъ врачей, по испытаніямъ и свидѣтельствамъ абоскаго университета.

6°) Представленія хозяйственному департаменту совѣта о замѣщеніи вакансій камерировъ, казначеевъ и бухгалтеровъ, коронныхъ фохтовъ, герадскихъ и полковыхъ бухгалтеровъ, смотрителей магазейновъ и гошпиталей, управляющихъ таможнями, также почтмейстеровъ и другихъ тому подобныхъ, все по представленіямъ ландсгевдинговъ.

7°) Споры и жалобы, происходящіе отъ представленій на помянутыя мѣста, также жалобы на назначенія и производства, сдѣланныя гофгерихтами, ландсгевдингами и городовыми магистратами.

8°) Представленіе кандидатовъ на мѣста, замѣщеніе коихъ зависитъ отъ Его Императорскаго Величества.

9°) Внесеніе въ книги Высочайшихъ Государя Императора рескриптовъ и грамотъ, также свидѣтельствъ о вносѣ слѣдующихъ на благотворительныя заведенія суммъ за какое-либо производство, или опредѣленіе къ должности.

10°) Наблюденіе за мѣрою и вѣсами, также за повѣркою вырабатываемаго въ краю золота, серебра и олова.

11°) Распечатываніе и внесеніе надлежащимъ образомъ въ книги всѣхъ просьбъ и бумагъ, въ сей департаментъ совѣта вступающихъ, распредѣленіе оныхъ по разнымъ экспедиціямъ, также отправленіе исходящихъ бумагъ совѣта.

Глава II.

О занятіяхъ экспедиціи финансовъ.

1) Собраніе точныхъ свѣдѣній о всей суммѣ общихъ доходовъ края.

2) Изготовленіе росписанія годовыхъ доходовъ и расходовъ, проектъ коего представляется ежегодно Е. И. Величеству.

3) Употребленіе суммъ по мѣрѣ надобности и сообразно времени сбора доходовъ.

4) Надзоръ за всѣми казенными имѣніями и угодьями, какъ-то: рыбными ловлями, кунгсгордами, бостелями и другими имѣніями; отдача оныхъ въ арендное содержаніе съ публичнаго торга и происходящіе отъ сего споры; отчужденіе казенныхъ имѣній въ шкатовыя, тяжбы о преимущественнѣйшемъ правѣ на выкупъ оныхъ, и составленіе на таковое отчужденіе грамотъ, извѣстныхъ подъ названіемъ шкатовыхъ грамотъ.

5) Главный надзоръ за гербовою бумагою, таможенными учрежденіями [1]) и всѣми другими отраслями неопредѣленныхъ доходовъ [2]).

6) Попеченіе о землепашествѣ, торговлѣ, мореплаваніи, мануфактурахъ, желѣзныхъ заводахъ и другихъ отрасляхъ народной промышленности.

---

[1]) По-шведски прибавлено «на морѣ».

[2]) «Казны» или «короны»: och Kronans öfriga tillfälliga inkomster.

7) Главное управленіе межевою конторою, когда оная будетъ учреждена, также составленіе и храненіе межевыхъ плановъ.

Глава III.

О предметахъ занятій камеральной и счетной экспедиціи.

1) Главное управленіе всѣми сборами казенныхъ податей.

2) Ревизія главныхъ отчетовъ по губерніямъ, а равно повѣрка всѣхъ прочихъ общественныхъ счетовъ и книгъ съ документами.

3) Поголовная или мантальная перепись народа, также вѣдомости о родившихся, о сочетавшихся бракомъ и объ умершихъ.

4) Отчетность въ расходахъ совѣта.

Глава IV.

О предметахъ занятій милиціонной экспедиціи.

1) Наблюденіе за точнымъ исчисленіемъ доходовъ и капиталовъ, принадлежащихъ земскому войску, за сборомъ оныхъ въ опредѣленное время и за поступленіемъ оныхъ въ губернскія казначейства.

2) Главное управленіе лоцманской части и учрежденія маяковъ.

3) Споры касающіеся до милиціонныхъ гейматовъ.

4) Вообще всѣ дѣла принадлежащія до хозяйства и содержанія земскаго войска, будетъ ли оно распущено, или возстановлено для дѣйствительной службы.

Глава V.

О предметахъ экспедиціи духовныхъ дѣлъ.

43. Всѣ духовныя дѣла, кои вѣдаются въ консисторіяхъ обѣихъ епископствъ, когда оныя посредствомъ переноса или инымъ образомъ поступятъ на разсмотрѣніе и разрѣшеніе совѣта, должны быть въ сей экспедиціи предварительно изслѣдованы и приготовляемы.

44. Изъ сего исключаются тѣ дѣла о помилованіи и освобожденіи отъ исполненія предписаній законовъ, о коихъ ничего опредѣлительнаго не постановлено, и кои потому зависятъ собственно отъ особеннаго благоусмотрѣнія Высочайшей власти. Таковаго рода прошенія по надлежащемъ истребованіи свѣдѣній и мнѣній отъ ландсгевдинговъ и консисторій и по изслѣдованію совѣтомъ, будутъ представляемы генералъ-губернаторомъ на разрѣшеніе Е. И. Величества.

Глава VI.

Общія правила производства дѣлъ.

45. Ближайшее управленіе каждою экспедиціею возлагается на одного изъ членовъ сего департамента совѣта особеннымъ Высочайшимъ Государя Императора повелѣніемъ къ сему назначеннаго.

46. Если бы по обширности дѣлъ одного члена недостаточно было для управленія экспедиціею, то другой имѣетъ быть на время назначенъ помощникомъ таковому, на выше изображенномъ основаніи.

47. Члены, управляющіе экспедиціями, участвуютъ наравнѣ съ прочими членами въ совѣщаніяхъ совѣта, не имѣя никакого перевѣса въ голосахъ.

48. Каждая экспедиція имѣетъ своего референдарій-секретаря.

49. По изготовленіи дѣла въ экспедиціи, докладывается оно для окончательнаго разрѣшенія департаменту совѣта.

50. Для общаго присутствія всѣхъ экспедицій имѣется одинъ референдарій-секретарь. Оный есть начальникъ архива: обязанность его въ отношеніи къ цѣлому департаменту есть та же, какъ и другихъ референдарій-секретарей въ отношеніи къ ихъ экспедиціямъ.

51. Экспедиціи состоятъ въ сношеніи между собою, какъ составляющія части одного и того же управленія. Взаимнымъ ихъ содѣйствіемъ способствуютъ совокупно къ успѣшному дѣлъ окончанію.

52. Экспедиціи соединяются для общихъ совѣщаній, когда свойство дѣлъ того потребуетъ; однако же экспедиціямъ ни въ общемъ присутствіи, ни отдѣльно, не принадлежитъ власть разрѣшать дѣла, которыя собственно подлежатъ разрѣшенію департамента совѣта.

53. Къ рѣшенію дѣлъ большей важности, какъ-то: назначеніе къ должностямъ и проч. требуется не менѣе пяти членовъ. Дѣла меньшей важности могутъ быть рѣшаемы тремя членами, когда они въ рѣшеніи согласны; въ случаѣ же разногласія рѣшеніе дѣла требуетъ пяти членовъ.

54. Камеральная или счетная экспедиція и въ особенности камериры оной имѣютъ наблюденіе, чтобы всѣ счеты были полны и въ предписанное время представлены.

55. Счеты сіи имѣютъ быть доставлены ревизіонному коммисару и распредѣлены между ревизорами для надлежащей повѣрки.

56. По замѣчаніямъ ревизоровъ и ревизіоннаго коммисара, совѣтъ имѣетъ собирать нужныя свѣдѣнія и требовать немедленнаго объясненія отъ чиновниковъ по финансовой части. Если при семъ окажется какой-либо ущербъ, злоупотребленіе отъ нерадѣнія, или важное упущеніе, то виновный имѣетъ быть преданъ законному суду гофгерихта, съ доставленіемъ въ оный нужныхъ доказательствъ и уликъ въ проступкѣ.

57. Сіи общія начала будутъ служить совѣту основаніемъ къ опредѣленію въ продолженіе первыхъ его засѣданій подробнѣйшихъ правилъ нужныхъ къ установленію извѣстнаго распорядка въ совѣщаніяхъ его, къ доставленію правильности и успѣшности въ дѣлахъ и къ сохраненію его чиновниковъ при надлежащемъ исправленіи своихъ должностей и обязанностей.

Александръ.

Въ Петергофѣ, 6-го августа 1809 года.

lettre qui lui a été adressée en votre nom de la part du gouverneur Troïl, à fin de lui notifier mes ordres de quitter la maison qu'il habite à Abo, comme déstinée pour votre domicile. Si je n'avais cette lettre sous mes yeux, il me serait difficile d'ajouter foi à la réalité de ce fait. Il serait étrange, en effet, de présumer que sur une simple délibération préalable et verbale, qui n'était encore revêtue d'aucun caractère d'autorité, vous vous seriez crû fondé de fixer le siège de l'administration à Abo, à y arranger les logements nécessaires, en commenceant au mépris de toutes les convénances par le votre, dépassant ainsi les limites du pouvoir qui vous est confié, convertissant à votre gré des délibérations préalables en mésures positives et anticipant sur des ordres qui ne vous ont jamais été donnés et qui je vous ai nommément récommandé d'attendre. Cette confusion dans les vues et cette précipitation dans leur exécution est à peine vraisemblable, si je n'en avais une preuve évidante.

C'est à regret que Je me vois forcé de vous rappeller à l'ordre, en enjoignant non seulement de suspendre tous les arrangements rélatifs à l'établissement définitif du siège du gouvernement civil à Abo, mais de vous abstenir de toute mésure importante qui excéderait les limites du pouvoir fixé dans vos instructions ou nommément commandées par mes ordres, en vous astreignant à ce principe général de me soumettre au préalable vos vues et les moyens de leur exécution hormis les cas strictement urgents, dont le nombre et la latitude ne peut jamais être très considérable. Sur ce, M. le général de Sprengtporten, je prie Dieu qu'il.... etc.

Signé: Alexandre.

St.-Pétersbourg, ce 7 avril 1809.

5. *Спренгтпортенъ Императору Александру* 23 апрѣля 1809. (Copie d'un rapport adressé à S. M. I. de la part du gouverneur général de Finlande, en date de Borgo le 23 avril (5 mai) 1809).

J'ai reçu hier avec la poste d'Abo la lettre du 7 de ce mois, qu'il a plû à V. M. I-le de m'adresser au sujet de l'établissement projetté à Abo pour le gouvernement général de la Finlande.

Il m'est bien douloureux de voir combien ma démarche très innocente à cet égard a pu déplaire à V. M-té jusqu'au poin de me rappeller à l'ordre dans un objet où mes intentions n'ont jamais été ni ne pourront jamais être de m'en écarter.

Mon crime a sans doute été de croire trop légérement à la décision de V. M. I-le de vouloir transférer le siège du gouvernement général de Tavasthus à Abo, ce qui m'a semblé avoir été confirmé, lorsque j'ai eu l'honneur de prendre congé de Vous à Votre départ de Tavastchus. En conséquence de cela et comme il m'était très urgent de pouvoir exécuter ce changement avec le trainage pour le transport de mes effets, je me suis à mon retour ici adressé à M-r le gouverneur Troïl, pour le prier de me trouver une maison conve-

nable, prête pour moi et ma chancellerie. J'ignore comment et dans quels terms M. de Troïl a pu en faire la réprésentation au gén. de Knorring qui occupe la seule maison que M-r de Troïl a crú convenir à cet égard, mais aussitôt que j'ai appris qu'il n'y avait pas une autre maison à choisir, je me suis empressé d'en faire part à M-r Speransky pour être porté à la connaissance de V. M. I-le avec la très humble proposition d'en faire l'achat pour la couronne, comme le seul moyen convénable de terminer cet arrangement.—Voilà, Sire, l'exposé simple et vrai de cette affaire, qui m'attire actuellement de Votre part des réproches si amères et si profondément sentis, les seules et les prémières que j'ai reçu depuis 55 ans de service et bientôt 23 pendant lesquels j'ai eu le bonheur de donner à Vous comme à Vos Augustes Ayeuls des preuves réitérées de mon zèle et de mon attachement. Si avec ces sentimens je suis assez malheureux pour avoir perdu une confiance non moins précieuse à mon coeur, que nécessaire à mes fonctions, Vous n'avez, Sire, qu'à disposer de ma personne que de ma place à laquelle m'ont élevé Vos seules bontés, que je n'ai occupé que dans le seul désir de Vous être utile, que je quitterai de même sans murmure comme sans prétention et de laquelle Vous pourriez me faire descendre sans m'accabler d'une disgrâce aussi cruelle et que j'ose croire, Sire, à l'égard de mes intentions pures et loyales, avoir aussi peu mérité.

Daignez permettre, Sire, que je mette cette reponse respectueuse à Vos pieds, ainsi que le plus profond respect avec lequel je suis...

Sprengtporten.

6. *Спренгтпортенъ графу Аракчееву*. (Получено 28-го апрѣля 1809 г.). A son exc. M-r le comte d'Arackztchéjeff.

Mon général. C'est autant par devoir que par une suite de l'amitié que vous m'avez toujours témoigné, mon général, que je crois devoir vous faire part d'une lettre que je viens de recevoir de S. M-té l'Empereur mon Souverain.

Vous en trouverez le contenu dans la copie ci-jointe ainsi que ma reponse. Je ne peux vous cacher, qu'elle m'a surpris autant qu'elle m'a affligé et n'étant pas accoutumé d'en recevoir de pareilles, je me suis trouvé un peu embarassé d'y répondre, d'autant plus qu'une telle rigueur pour un objet aussi mince semble présager qu'on a formée un dessein de se défaire de moi.

Je suis en conséquence décidé de me rétirer d'un poste qu'on traite avec tant de mépris, sans aucun tort qui aurait pu m'attirer des reproches aussi sanglants, et ne doutant pas que vous ne partagez mon sentiment, je voulu vous en prévenir, mon digne général, âfin que vous en parliez d'une manière convenable à Sa M. I-le et que vous m'aidiez ensuite à sortir avec honneur d'un employe, que je n'ai accepté que par attachement pour mon Souverain, ma patrie et mes devoirs. Vous savez vous même que j'avais d'abord réfusé, et combien je tiens peu à mes avantages personnels, mais l'honneur est

un bien que je dois me conserver et qui me défend d'être plus longtems la victime de mon zèle.

Honorez moi bien vite de votre réponse, rappellez vous combien je vous suis attaché et compter moi au nombre de ceux qui avec une vraie estime et considération a l'honneur d'être, mon général, de v. exc. le très humble et très obéissant serviteur

Sprengtporten.

Borgo, 23 avril (5 mai) 1809.

7. *Отвѣтъ Аракчеева Спренгтпортену*, отъ 30 апрѣля 1809.

Милостивый государь мой Егоръ Максимовичъ. Письмо в. высокопр-ва отъ 23 апрѣля (5 мая) я имѣлъ честь получить, на кое спѣшу искренно возблагодарить васъ за вашу ко мнѣ довѣренность. Касательно же до упоминаемаго вами случая, то какъ я въ ономъ вовсе не участвовалъ, слѣдовательно со всѣмъ усерднымъ желаніемъ моимъ дѣлать вамъ все угодное, совершенно не могу въ семъ случаѣ ничего сдѣлать, ибо дѣло сіе ни въ какомъ отношеніи не было прикосновенно какъ лично до меня, такъ равно и до части мнѣ ввѣренной. Вы же, ваше высокопр-во, какъ извѣстный своимъ благоразуміемъ генералъ, вѣрно будете согласны со мною въ томъ, что во время нахожденія каждаго въ службѣ разные такого рода случаи неминуемы и во время прохожденія оной избѣгнуть ихъ совершенно невозможно.

Въ заключеніи сихъ изъясненій моихъ поставляю обязанностію убѣдительно изъявить вамъ, что съ моей стороны не замѣтилъ никакой перемѣны въ расположеніи къ вамъ Всемилостивѣйшаго нашего Государя.

Съ чувствомъ истиннаго къ вамъ почтенія и пр.

Аракчеевъ.

8. *Спренгтпортенъ графу Аракчееву*, отъ 4 мая 1809 г. изъ Борго [1]).

М. Г. графъ Алексѣй Андреевичъ. Я уже имѣлъ честь предварить в. с-во о своемъ намѣреніи оставить службу. Кромѣ извѣстныхъ вамъ причинъ побуждаетъ меня къ тому и слабость моего здоровья, которое отъ многочисленныхъ званія моего трудовъ, превосходящихъ мои силы, разстроивается болѣе и болѣе, а можетъ быть и случившаяся смерть единаго моего сына, которая для меня столь чувствительна, много способствовала таковому ослабленію силъ моихъ. Какъ бы то ни было, но по настоящему своему положенію я не въ состояніи исправлять болѣе настоящую свою должность съ нужною на то дѣятельностью. Я бы конечно желалъ остаться въ своемъ званіи до конца сейма, чтобъ видѣть успѣшныя послѣдствія общаго нашего съ в. с-вомъ предположенія къ гражданскому управ-

[1]) Письмо написано по-французски, но Спренгтпортенъ самъ распорядился сдѣлать переводъ на русскій, который послалъ Аракчееву. Этотъ переводъ здѣсь и приводится.

ленію сего края, что долженствовало быть предметомъ разсужденій на сеймѣ. Но такъ какъ мнѣ въ семъ дѣлаютъ столь мало довѣренности, то не надѣюсь я быть по сей части полезнымъ, и такъ остается мнѣ только чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше искать покоя, столь нужнаго мнѣ, какъ по моимъ лѣтамъ, такъ и для душевнаго моего спокойствія. По сему, сіятельнѣйшій графъ, всепокорнѣйше васъ прошу, доложить о семъ Государю Императору дабы Е. В-во если послѣ учрежденнаго нынѣ порядка почтетъ еще полезнымъ для своей службы имѣть здѣсь генералъ-губернатора, соизволилъ избрать на мое мѣсто другаго.

Впрочемъ я предоставляю свою судьбу высочайшей Его волѣ, не требуя ни возстановленія прежняго моего имѣнія, ни равнаго оному состоянія. Такъ какъ имѣніе мое находится уже въ другихъ рукахъ, то мнѣ весьма было бы совѣстно нарушить спокойствіе настоящихъ владѣльцевъ онаго, даже и тогда, когда бы могъ заплатить за оное сверхъ цѣны его, что все было бы тщетно—всѣ мои желанія ограничиваются тѣмъ, чтобы получить пенсію по жизнь. Хотя въ послѣдніе два года моей службы ревностныя старанія мои о присоединеніи отечества моего Финляндіи къ Россійской Имперіи, яко новому моему отечеству, были увѣнчаны лучшимъ успѣхомъ, но я не имѣлъ счастія получить ни малѣйшаго знака Монаршаго удовольствія, коего удостоены многіе другіе; я беру однако съ собою то лестное для меня утѣшеніе, что видѣлъ мои предположенія въ завоеваніи сего края и къ гражданскому его управленію милостиво принятыми и исполненными съ успѣхомъ, что послужитъ пріятнымъ услажденіемъ послѣднихъ дней моей жизни. Есть ли при семъ случаѣ позволено мнѣ будетъ изъявить какое желаніе, то оно состояло бы въ томъ чтобы мнѣ пожалована была малая деревня въ Россіи, гдѣ бы жена моя послѣ моей смерти могла имѣть пристанище, и дабы она была удостоена знака отличія, которымъ нынѣ столь милостиво жалуются дамы ея званія, за оказанныя мужьями ихъ услуги отечеству.

Препоручаю все сіе милостивому попеченію вашего сіятельства, и прося васъ въ возможной скорости почтить меня на сіе отвѣтомъ честь имѣю пребыть съ истиннымъ высокопочитаніемъ и пр.

Спренгтпортенъ.

9. *Аракчеевъ Сперанскому*, отъ 10 мая, за № 90. М. Г. Михаилъ Михайловичъ. Получилъ я письмо отъ г. Шпренгпортена, которое совсѣмъ не касается до меня, почему я считаю долгомъ оное въ подлинникѣ препроводить къ в. пр-ву. Но какъ съ симъ письмомъ присланъ его адъютантъ, то я только прошу меня увѣдомить: нужно ли будетъ ему здѣсь ожидать, или его отправить обратно.

Сперанскій въ тотъ же день *отвѣчалъ:*

«Содержаніе письма г. Спренгпортена есть таково, что нужно будетъ оное представить Государю. Я завтрашній день сіе исполню,

а между тѣмъ не угодно ли будетъ в. с-ву приказать чтобы адъютантъ его здѣсь подождалъ отвѣта, коимъ конечно дѣло не замедлится».

(На завтра однако доклада вѣроятно не состоялось, ибо Сперанскій отвѣчалъ только 17 мая)

10. *Сперанскій Аракчееву*, 17 мая. Я заѣзжалъ, чтобъ лично донести вашему сіятельству объ отзывѣ Государя на рапортъ Г-на Спренгтпортена, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомить, что на увольненіе его вчерашній день послѣдовало высочайшее предварительное соизволеніе со всѣми выгодами лѣтамъ его приличными. На мѣсто его назначается Барклай-де-Толли, къ коему и велѣно нынѣ предварительно же о томъ отнестись, чтобы увидѣть не найдетъ ли онъ какихъ затрудненій. Завтра отправлю къ нему съ симъ нарочнаго.

Отъ чистаго сердца желаю в. сіятельству счастливаго пути и доброй встрѣчи деревенской весны, которая по всѣмъ отношеніямъ и для ума и для сердца гораздо лучше городской.

11. *Спренгтпортенъ Императору Александру*, 19 (30) мая 1809 [1]). Sire! Penetré jusqu'aux larmes de la bonte généreuse avec laquelle V. M. I-le a daigné accueillir ma sollicitation pour obtenir ma retraite, je m'empresse de déposer à ses pieds mes très humbles rémerciments.

Je ne serais pas digne d'une telle faveur si necessaire à mon âge et au depuisement de ma santé, qui s'augmente chaque jour, si je pouvais me soustraire à remplir Vos ordres jusqu'au te . s, qu'il plaira à V. M. de nommer mon successeur. Je le ferai, Sire, avec le zèle et le peu de moyens qui sont encore en mon pouvoir,—heureux de pouvoir jusqu'à ma dernière heure Vous donner les preuves de l'attachement inviolable, avec lequel je suis, Sire, de V. M. I-le le très humble, très obéissant et très fidel sujet

Sprengtporten.

Borgo, ce 19 (30 mai) 1809.

130.

Рескрипты Императора Александра I барону де-Гееру и двумъ депутатамъ дворянства.

(Подписаны 22-го февраля 1808, но затѣмъ возвращены) [2]).

«Monsieur le baron de Geer. L'estime particulière que je vous porte depuis longtemps, le compte qu'il m'a été rendu de votre attachement et de votre zèle pour le bien de la Finlande, votre patrie, et les sentimens que vous manifestez avoir pour Moi, m'engagent à vous donner une preuve

---

[1]) Дата не точна: 19-е ст. стиля соотвѣтствуетъ 31-му новаго.

[2]) Арх. М. Ин. Д. Camp. Suèd. 1808. Corr. Buxhoevden.

du cas particulier que je fais de vous et de votre attachement. Recevez à cette fin la boîte que je vous envoie avec mon portrait [1]). Au milieu de l'orage politique il dépend de la Finlande de se trouver tout de suite tranquille, heureuse et à l'abri des maux de la guerre, qui vient de s'allumer. Qu'elle ne m'oppose pas de resistance, qu'elle se range sous mes lois et vous pouvez vous rendre garant que je n'ai d'autre pensée que de veiller continuellement à son bonheur et à lui conserver ses droits et privillèges. Sur ce je prie Dieu etc.».

Депутатамъ написаны тождественные рескрипты:

«Monsieur le baron de...

Sur le compte qu'il m'a été rendu que vous vous étes présenté comme l'un des députés de la noblesse pour témoigner de sa part et de la votre le désir que vous aviez de me porter serment de fidélité, je désire manifester en votre personne le cas que je fais de ce témoignage de l'attachement et de la fidélité de la noblesse dont vous étes le représentant et tout le bien que je vous veux personnellement; à cette fin je vous ai créé chevalier de l'ordre de S-te Anne de la seconde classe, dont je vous envoie les marques. Assurez de ma part tous les gentils-hommes qui se rangent sous mes lois, que leur empressement à le faire et le zèle avec lequel ils s'acquitteront de ce qu'ils doivent à la tranquilité et au bien être de la Finlande leur assurera mon estime et ma bienveillance dont je m'empresserai de leur donner des témoignages. Sur ce je prie Dieu... etc.

131.

Списокъ финляндскихъ депутатовъ, бывшихъ въ Петербургѣ въ 1808 г. [2]).

От абоской и біерпеборгской губ.

Старшій предсѣдатель маіоръ *баронъ Маннергеймъ.*
Негоціантъ *Тіедеръ.*
Крестьянинъ Густавъ *Кавенъ.*

Отъ тавастгусской и нюландской губ.

Военный совѣтникъ *Сильвершельдъ.*
Гельсингфорскій купецъ *Боргстрёмъ.*
Крестьянинъ Яфетъ *Кайтала.*

---

[1]) Далѣе первоначально слѣдовало:
«Vous savez, je suppose, que l'Empereur Napoléon et le Roi de Dannemark font agir leur troupes contre le Roi de Suède. Au milieu de cet orage... и т. д.— Императоръ Александръ отмѣтилъ противъ этого мѣста сбоку: «Il me semble, qu'il serait plus délicat de ne pas parler de maux qui menacent sa ci-devant patrie».

[2]) Арх. М. Ин. Д., Camp. Suèd. 1808. Déput. finlandaise.

От гейнольской и кюменегордской губ.

Экспедиціонный секретарь Карлъ *фонъ-Роткирхъ*.

Бургомистръ гор. Ловизы *Карлстедтъ* (вмѣсто неприбывшаго Флодберга).

Крестьянинъ Бенгтъ *Лаури-Кайненъ* (Лаурикайненъ).

От вазаской губ.

Ассесоръ гофгерихта, Арвидъ *Краббе*.

Пробстъ, оберъ-пасторъ и магистръ *Яймеліусъ*.

Ратманъ и купецъ *Геккертъ*.

Отъ крестьянъ, старшій засѣдатель по уѣзду и бывшій депутатъ на сеймѣ, Петри *Клокаръ*.

Отъ улеаборгской губ.

Пробстъ и оберъ-пасторъ *Кастренъ*.

Купецъ *Энманъ*.

Крестьянинъ, немдеманъ Матсъ *Пикарайненъ*.

Абовскаго парламента ассесоръ, *бар. Ребиндеръ*.

Отъ гор. Экнеса, купецъ *Гультманъ*.

Боргоской эпархіи пробстъ и оберъ-пасторъ и кавалеръ *Валеніусъ*.

По абоской эпархіи проф. и докторъ богословія *Лебелъ*.

Отъ гор. Борго, гражд. *Линдертъ*.

Отъ абоск. университ. ректоръ и профессоръ *Гартманъ*.

По воднымъ комуникаціямъ директоръ оныхъ генералъ-маіоръ *Виллебрандтъ*.

132.

Первый мемуаръ депутатовъ, поданный 19-го ноября 1808 [1]).

Sire! V. M. I-le a daigné permettre aux députés finois, que Ses ordres ont appellé ici, de déposer au pied de Son trône auguste les très humbles hommages de leur vénération et de leur reconnaissance pour la grâce et la clémence, dont Elle a bien voulu accueillir tous les habitants de la Finlande, en leurs ayant donné les promesses les plus sacrées pour le maintien de leur réligion, leurs loix et tous leurs privillèges: voilà, Sire, un bienfait, qui nous remplit des plus doux sentiments et dont le souvenir ne s'effacera jamais de nos coeurs reconnaissants. Assurés de la générosité du plus clément des monarques, il nous reste d'indiquer en toute soumission les obstacles inquiétants qui nous paraissent obvenir à l'objet de notre mission.

Conformément aux ordonances des années 1617 et 1723, toujours regardées comme lois fondamentales, le souverain a ordonné par

---

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго.

des édits publiés, l'assemblée générale des états, lorsqu'il a été question des interêts communs du pays. Dans sa haute présence, les états composés des quatre ordres, ont droit de délibérer et décider des objets proposés. L'ainé de toute famille de la noblesse, ayant atteint l'âge de la majorité, en est par lui même un réprésentant, selon les ordonnances des années 1626 et 1778, nommées status de l'ordre equéstre ou *Riddarhus Ordning*.—L'ordre ecclésiastique est composé de quelques personnes de chaque diocèse, tous les pasteurs et chapelains en ayant fait l'élection. Les réprésentants de l'ordre des bourgeois sont élus pour chaque ville par tous les bourgeois, ayant le droit de vôter, ainsi que tous les paysans possédant de propres terres ont à élire entre eux un pour district du pays, ou *Härad*. Toutes ces personnes s'assemblent au temps et lieu fixés, faisant avec le souverain le pouvoir législatif.

Dans la plus profonde soumission les députés réconnaissent les vues paternelles de V. M. I-le les ayant fait appeller ici. Toute l'étendue en est encore plus visible par l'accueil infiniment grâcieux, dont leur approche au trône a été distinguée. Agréez, Sire, leurs très respectueux et très soumis remerciements. Animés d'amour de la patrie, remplis de vénération pour la personne auguste de V. M. I-le, nous n'hésiterions pas un moment d'exposer les moyens, qui selon notre jugement, seraient les mieux applicables et nécessaires pour le bonheur future de la Finlande, si la manière de notre nomination était conforme à l'esprit des lois fondamentales ci-dessus mentionnées et qu'ainsi nous nous pouvions régarer comme les répresentants du peuple entier.

Par des circulaires aux gouverneurs civiles des gouvernements d'Abo et Biorneborg, de Nyland et Tavastehus et de Kymenegård, dont la copie se trouve ci-jointe sous *Lit. A* il a plu à son excellence le général en chef M. le comte de Bouxhoevden de préscrire, comment se feraient les élections des députés. Dans le gouvernement d'Abo et Biorneborg les membres du corps des nobles, les électeurs de la bourgeoisie et un ci-devant réprésentant des paysans, convoqués pour cet effet, croyaient ne pouvoir procéder à l'élection de quelques députés, ni donner des instructions convenables aux souhaits généraux des états, tous à ce qui leurs semblait ayant le même droit d'être appellés, mais s'étonnant peut-être de n'avoir pas été entendus. Ils croyaient qu'une députation tellement organisée, ne saurait accomplir les intentions gracieuses de V. M. I-le. Sur des représentations faites conséquemment, des ordres réitérés furent donnés par Monsieur le général en chef, dont la copie de même ci-jointe sous *Lit. B*. Ainsi toute les difficultés sur ce sujet délicat devaient disparaitre.

Sire, les députés assurés de la clémence et de la grâce de V. M. I-le, ayant osé en toute soumission indiquer les obstacles qui leur ont paru se présenter à l'objet de leur mission, il leur semble, que n'étant pas les réprésentants de toute la nation, ils ne sauraient

entrer en des délibérations appartenantes aux états du pays, convoqués dans l'ordre ordinnaire et prescrit par la constitution. Mais s'il plairait à V. M. I-le d'ordonner de nous quelques éclaircissements sur les affaires économiques de notre patrie, nous ferons tout notre possible d'obéir à sa généreuse volonté, remettant au bon plaisir de V. M. I-le, s'il serait nécessaire, dans la situation actuelle des choses, d'ordonner une assemblée générale des états dans le pays, pour entendre la voix de la nation sur des sujets qui intéressent le bien et les interêts de tous. Que cette voix se trouvera toujours unanime en vénération et amour pour la Personne Auguste de V. M. I-le en soummission à Ses ordres et en réconnaissance de Ses bienfaits, c'est ce que les députés avec confiance osent assurer.

C'est avec le respect le plus profond et la soumission la plus parfaite que les députés ont l'honneur d'être,

Sire, de Votre Majesté Impériale les très soumis et très fidèles sujets

Le baron de Mannerheim, C. Fréd. de Rotkirch, P. C. Silfverskiöld.

Fredric Lebell. Ivar Wallenius.

Jean Tieder, I. Carlstedt, Erik Borgström, I. H. Lindert.

Gustaf Caven. Japhet Kajtala Bengt Laurikain.

(вмѣсто подписей)

133.

Второй мемуаръ. Просьбы депутатовъ по 17 пунктамъ [1]).

Sire! Les députés finois s'empressent de mettre aux pieds de V. M. I-le leurs très respectueux et très sommis remercimens pour la grâce et la haute bienveillance, dont V. M. I-le porte Ses soins bienfaisans sur tout ce qui regarde le bonheur de ses nouveaux sujets.

La promesse gracieuse de V. M. I-le pour l'assemblée prochaine des états de la Finlande, où devant le thrône il leur sera permis de porter leurs avis sur le bien de la patrie, est la plus forte garantie pour le maintien de notre liberté et de nos loix et prouve encore la grandeur d'âme de notre bien aimé Monarque, qui, occupé de notre bonheur, surmonte tous les obstacles, hâte tous les instants et, pour ainsi dire, compte même les momens qui arrêttent encore le cour de Sa bienveillance.

---

[1]) Арх. М. Ип. Д. Camp. Suéd. 1808, députation finlandaise, л. 71 и посл.

C'est avec le plus profond respect que les députés vont à recevoir la gracieuse permission d'indiquer les objets en desquels ils souhaiteront que la grâce de V. M. I-le pourra venir au secours et au soulagement de Ses nouveaux sujets. Animés d'amour de la patrie et avec les intentions pures, nous nous hâterons ainsi de remettre aux soins paternels de V. M. I-le les objets suivans, se présentans à nous comme les plus importans pour le bonheur actuel du pays.

1) Pour maintenir la tranquilité publique il est nécessaire que sous la protection du Souverain, les loix ont (aient) leur vigueur, la sureté personnelle soit respectée et le droit sacré tout à fait conservé de n'être sans forme légale, ni arreté, ni puni. Sous le scêptre bienfaisant d'Alexandre le Prémier ce base de toute liberté civile, ne sera jamais ébranlé et comme le théatre de la guerre s'est pour le présent éloigné de nous, il est à presumer, que la rigueur des loix militaires ne sera plus si necessaire et qu'ainsi les coupables seront envoyés aux tribunaux ordinaires du pays.

2) Pour juger et décider en dernier instant les procés et les affaires ci-devant portés par appel à la haute cour de justice et aux colléges de Stockholm, il nous parait qu'un gouvernement provisoire, composé des hommes les plus capables et les plus intègres de la nation, serait de la plus urgeante nécessité.

3) Par une ordonnance du général en chef le prix du rouble en assignats est fixé chés nous à 32 schilling de riksgälds, mais comme dans ces derniers tems le rouble a perdu de sa valeur, relativement a banco et riksgålds, il faudrait, à ce que nous semble, que la dite ordonnance soit annullée, étant nuisible aux plus pauvres et à la confiance publique, et que la valeur du rouble soit fixé dorénavant selon le cours de change de St.-Pétersbourg, comme dans le reste de l'Empire. L'établissement des comptoirs de change dans le pays et une plus grande quantité des petits billets, ainsi que les pièces de cuivre, doit surement de beaucoup faciliter le commerce intérieur.

4) Les impôts et les revenus de la couronne, n'étant pas encore entierement fixés, il parait aux députés, qu'il serait à présent le plus utile de faire cesser la levée des deniers publiques jusqu'à ce que par la diète prochaine cette affaire délicate pourra être définitivement reglée.

5) La charge de fournir les chevaux de transport étant parmi les inconvenients qui pèsent le plus sur le pays et qui causent plusieurs désordres, il serait à souhaiter, que ce fardeau inévitable pourrait être à l'avenir plus également distribué à la campagne et dans les villes: que les paysans en seront avertis de bonne heure et quelques jours d'avance, s'il se peut faire; qu'à leur arrivée ils ne seront rétardes sans une nécessité urgeante et ne pas obligés d'aller plus loin ou à d'autres endroits, que portent les ordonnances publiées; que l'argent devolu leur soit toute (tout de) suite

payé; qu'on les traite avec douceur et justice et qu'ils seront toujours sous les ordres des officiers civils du gouvernement.

6) Les députés supplient V. M. I-le dans la plus profonde soumission, que, selon Sa promesse gracieuse, ceux des paisibles habitans finois, qui ont souffert des pertes, causées par les trouppes de V. M. I-le soient au plutôt indemnisés, d'après les estimations faites et vérifiées.

7) Par la grâce particulière de V. M. I-le, il serait à souhaiter que les personnes des deux sexes dans la Finlande qui jusqu'ici ont eus des appointemens, des pensions et des gratifications, assignés sur des fonds publiques ou particuliers sous le gouvernement ancien, pourront aussi à l'avenir recevoir cet unique soutien pour leur subsistance.

8) Ce serait encore une marque signalée des sentimens paternels de V. M. I-le pour notre pays, et qui ne saurait qu'ajouter à l'attachement et à l'amour des habitans pour leur Monarque adoré, s'il serait accordé aux officiers, bas-officiers de la nation, ainsi qu'aux soldats et reserves des régiments nationaux, actuellement prisoniers de guerre, de retourner dans leur foyers et au sein de leur famille.

9) C'est dans la plus parfaite conviction de la clémence de Sa M. I-le que les députés osent très humblement supplier, qu'il soit accordé aux femmes et aux enfants des militaires finnois de concerver jusqu'à la paix définitive leur *boställen* et appointemens, et que l'ordonnance émanée pour leur confiscation soit suspendue. C'est rendre la vie et la subsistance à des familles qui par la mésure prise seront dans la misère la plus déplorable, mais par la magnanime bonté de V. M. I-le deviendront heureux et ne cesseront jamais d'invoquer le ciel pour la prospérité et le bonheur de leur Auguste bienfaiteur.

10) Pour que la charge des logemens des gens de guerre dans les villes soit moins onéreuse pour les habitans, et qu'un meilleur ordre soit observé à l'avenir, les députés supplient que la distribution des logemens soit confiée dorénavant aux magistrats et à la bourgeoisie des villes, et que le nombre des appartements soit précisement fixé pour chaque grade militaire.

11) Par les soins paternels de V. M. I-le la Finlande vient d'être pourvue de sel, qui est pour ce pays un objet de la plus grande nécessité; mais pour que la vue généreuse et bienfaisante de Sa M-té soit remplie dans toute l'étendue de Ses intentions magnanimes, les députés osent supplier V. M. I-le que ce sel soit vendu à un prix fixé et dans des menues portions, pour qu'il soit à portée de tout le monde et surtout aux plus pauvres; et comme les habitans de la Finlande ne peuvent se passer de cet article, pas plus que du bled, les députés n'hésitent pas de supplier S. M-té de vouloir gracieusement en faire venir au primtemps prochain, autant qu'il sera jugé nécessaire pour le pays.

12) Si les interprètes jurés seraient constitués auprès de chaque établissement de justice publique, les députés osent croire, que l'ordre des affaires y gagnerait beaucoup.

13) Pour prévenir les différents entre les habitants et les gens de guerre, il serait à souhaiter qu'il, aussi à l'avenir, fut défendu aux soldats de courir le pays sans chefs et d'exiger par des ménaces ou par force, ce que le proprietaire ne voudra pas leur accorder.

14) Plusieurs des habitans du pays, ayant pendant le cours de la guerre actuelle passé du côté des suédois, qui leur ayant d'ailleurs témoigné de l'affection, et par là encouru la disgrace de V. M. I-le, il est à présumer, qu'une amnistie générale accordée à ceux qui se soumettront volontairement à la puissante protection de S. M-té les ramenerait à leur devoirs, les coeurs tremblants pour la sévérité, se préteront avec soumission à la clémence.

15) Plusieurs malheurs ayant existé ou étant à craindre par l'imprudence des soldats à la préparation du pain, qui augmente aussi considérablement la consumation du bois, les habitants des villes supplient que les boulangeries pour les besoins des trouppes soient établies hors des villes.

16) Nous implorons la commisération généreuse de V. M. I-le pour nos compatriotes des g-ts de Wasa, d'Uleaborg et de Cuopio, auxquells le fléau inévitable de la guerre a occasionné la ruine totale, et comme il y a lieu de craindre la famine, surtout dans la partie superieure de la Finlande, le seul moyen pour que le pauvre pourra trouver du pain et jouirait encore de l'espérence d'une vie plus heureuse à l'avenir, ce serait d'après notre respectueux avis si des magasins du bled fussent établis, pour subvenir à l'indigence.

17) Pour faire prospérer la vaccination, ainsi que la culture des pommes de terre, un fond de près de 9000 de roubles était jusqu'ici assigné sur les deniers publiques, à la disposition de la Société Oeconomique de la Finlande. C'est le devoir des députés de rendre compte à Sa M-té I-le à l'égard de ces institutions d'utilité publique. Nous l'indiquons à un Souverain qui ne desire que le bonheur et la prospérité de Son peuple.

Sire! Ayant remplis les devoirs que par la volonté de V. M. I-le nous ont été accordés, l'amour de la patrie ayant guidé nos sentimens sur les besoins urgeants du pays, dont nous sommes les députés, il n'y a rein de plus doux pour nous que la persuasion intime de la bonté d'un Monarque, qui ne respire que la justice et la bienfaisance et dont il a donné le gage le plus sacré dans l'assurance de faire convoquer les états de la Finlande pour déliberer sur les interêts du pays, et dont les resultats seront soumis à la décision de leur Auguste Souverain, à juste titre nommé Bien Aimé.

C'est avec le plus profond respect et la plus parfaite soumission que les députés ont l'honneur d'être,

Sire, de V. M. I-le les très humbles et très obeissants serviteurs et sujets.

(Signé) Baron de Mannerheim, Fr. de Rotkirck, P. Silfverskjöld. Fredric Le Bell, Ivar. Wallenius, Jean Tjäder, T. Carlstedt, Erik Borgström, I. H. Lindert, Gustaf Caveen, Iaphet Kaitala, Bengt Laurikain.

134.

Докладъ Спренгтпортена Императору Александру, 17-го декабря 1808 г. [1]).

Sire. Par l'article 11 de l'instruction suprême qu'il a plû à V. M. I-le de me prescrire pour base de mes fonctions dans le gouvernement général de la Finlande, Elle a daigné ordonner que j'ai à m'adresser à Elle même directement et d'en prendre de même Ses ordres.

Occupé de repondre à la confiance dont V. M. I-le a daigné me rêvetir, mon premier devoir a dû être de mettre sous Ses yeux le mémoire des députés en date du 17 novembre sur les objets qui leur ont été permis d'indiquer comme les plus nécessaires à Vous être connus, et sur lesquels ils pouvaient desirer que la bonté de V. M. I. viendrait au secours de Ses nouveaux sujets.

Le mémoire, avec ce qui a été jugé convenable d'y répondre de la part de V. M. I., étant actuellement entre Ses mains, après avoir été par Son ordre discuté entre leurs excellences le ministre de la guerre, comte de Saltykoff et moi, dont les opinions là dessus, au moins autant que j'ai pû m'en instruire sur la traduction qui en a été faite, ne different que sur un seul article regardant les bostelles militaires que j'ai crû devoir de justice rester comme ils sont jusqu'à la paix. Les députés n'attendant que les ordres ultérieurs de Votre Majesté Impériale pour être congédiés chez eux, je prendrai, Sire, la liberté de Vous supplier très humblement de permettre que cette reponse, devant passer par moi, pour être communiquée à la députation, puisse être expédiée en tout point conforme au projet qu'il m'a été ordonné de rédiger d'après les intentions bienfaisantes de V. M. I. et dans l'esprit de Vous attacher, Sire, l'amour, la confiance et l'attachement de la nation finoise, encore un peu incertaine sur le sort qu'elle peut esperer et que Vos propres interêts Vous obligent de ménager dans un premier moment, pour en tirer par la suite tous les secours qui ne manqueront pas de résulter d'un gouvernement juste et donx, sur un peuple par son caractère connu d'une fidélité à tous égards pour son souverain legitime.

Ce sera dans cette vue, Sire, que je dirigerai tous mes pas

[1]) Арх. М. Ин. Д., Camp. Suèd. 1808, corr. Sprengtporten, л. 22, № 2. См. также у Коскинена, Corr. officielle, стр. 47, № 36.

dans la carrière penible et scabreuse que j'ai embrassé uniquement pour Vous donner encore cette dernière preuve de mon dévouement pour Vos interêts, combinés avec le bonheur de ma patrie.

Sprengtporten.

135.

Отвѣтъ гр. Салтыкова финляндскимъ депутатамъ.

Projet de réponse aux députés finois au nom de Sa Majesté Impériale [1]).

На подлинномъ написано: «Быть по сему».

С.-Петербургъ, января 4-го дня 1809.

Messieurs les députés: Sa Majesté Impériale ayant accueilli avec bienveillance vos réclamations, a vu avec plaisir, qu'en plusieurs points on avait prévenu vos désirs, particulièrement votre voeu principal, qui avait pour objet l'éréction d'un tribunal suprême, composé de natifs du pays. Les instructions nécessaires ont déjà été données à cet égard au baron de Sprengtporten, gouverneur général de la Finlande, dont une des premières obligations sera de veiller à ce que dans l'assemblée générale et prochaine des états [2]), le choix ne tombât que sur ceux qui en sont le plus dignes et qui étant les plus propres aux affaires, ont obtenu la confiance générale.

La majeure partie des articles contenus dans votre requête pourra être plus convenablement discutée à l'assemblée générale [3]) et lorsque le gouverneur général après s'être rendu sur les lieux aura recueilli les notions nécessaires sur les besoins publics—ainsi que sur le voeu général des habitants. Cependant l'Empereur constamment occupé à trouver les moyens propres à établir le bien-être de la Finlande sur des bases solides, se fait un plaisir de vous instruire préalablement, Messieurs les députés, de sa manière de penser et de vous faire connaitre en même temps, ses décisions sur chaque article de vos réclamations:

1°. Sa Majesté Impériale a bien voulu déjà promettre solennellement que les habitants de la Finlande conserveront leurs anciens droits et privilèges, et que les affaires seront expédiées d'après les lois jusqu'à présent en vigueur en Finlande. La rigueur des lois militaires qui n'est que le résultat de l'état de guerre, doit par conséquent cesser avec l'établissement du comité de gouvernement cent-

---

[1]) Арх. М. Ин. Дѣлъ, Affaires finlandaises, députation finoise, л. 55. Съ поправками Спренгтпортена.

[2]) Въ первоначальномъ проектѣ было сказано: l'assemblée générale des états, fixée au mois de Janvier prochain à Lovisa.

[3]) Было: l'assemblée générale de Lovisa. Спренгтпортенъ отмѣтилъ: *de Lovisa* sera effacé selon l'observation ci-dessus.

ral en Finlande. L'Empereur est persuadé que les habitants de cette province, sensibles à tant de sollicitudes de la part du gouvernement s'efforceront à mériter sa confiance et rendront inutiles les mesures de sureté générale, qui servent à contenir les inconsidérés ou à punir les coupables.

2°. Sa Majesté l'Empereur a daigné donner Son assentiment à ce que le Tribunal Suprême [1]) fut composés de 12 membres pris dans toutes les classes de la nation sous la présidence du gouverneur général, où se traiteront toutes les parties de l'administration civile.

3. Lorsque les bureaux de change auront été mis en activité [2]) selon l'instruction déjà donnée à ce sujet au gouverneur général, le cours de change se reglera de lui même.

4. Sa Majesté Impériale a jugé convenable de différer jusqu'à la convocation de la diète, toute mesure relative aux impôts qui doivent être un des objets principaux des délibérations de cette assemblée.

5. Par les instructions données au gouverneur général rélativement à la fournitures des transports Sa Majesté Impériale a déjà prévenu vos désirs sur cet article.

6—7. Quelque difficile qu'il soit de constater et d'évaluer les pertes qui sont une suite inévitable des malheurs de la guerre, et dont la conduite même de quelques habitants du pays a souvent été la première cause, néanmoins par un effet de la bienveillance toute particulière que Sa Majesté Impériale accorde à ses nouveaux sujets, les ordres seront donnés [3]) au gouverneur général d'avoir égard aux réclamations légitimes et de les satisfaire autant que sera possible. Quant aux pensions qui furent accordées à plusieurs personnes par l'ancien gouvernement, cet objet sera réglé definitivement aussitôt que le tribunal suprême sera mis en activité [4]). Il sera spécialement chargé de fixer pour cet usage une somme distincte à prendre sur les revenus de la Finlande.

8. Sa Majesté Impériale a jugé à propos de renvoyer l'examen de cet article rélatif aux prisonniers finlandois de tout grade, au

---

[1]) Было: à ce que le comité central.—Замѣчаніе Спренгтпортена: faut dire comme ci-dessus *tribunal suprême*. Et ájouter: où se traiteront toutes les parties de l'administration civile.

[2]) Въ проектѣ было просто: mis en activité. Спренгтпортенъ прибавилъ: selon l'instruction déjà donnée à ce sujet au gouverneur général.

[3]) Было: les ordres seront donnés. Спренгтпортенъ прибавилъ: au gouverneur général.

[4]) Эта фраза подверглась двойной передѣлкѣ. Первоначально было: cet objet sera reglé definitivement *à la prochaine diète et on pourra fixer pour cet usage* une somme и пр. Вмѣсто отмѣченнаго *курсивомъ* Спренгтпортенъ вставилъ: aussitôt que le tribunal suprême sera en activite *qui recevra, les ordres de S. M. I. de s'occuper de cet objet pour lequel sera fixée* и пр. При окончательной редакціи Салтыкова между словъ sera en activité вставлено mis, а послѣднія неотмѣченныя слова исключены и замѣнены тѣми, которыя значатся въ текстѣ.

ministre de la guerre, par les dispositions du quel plusieurs officiers ont pû déjà rentrer au sein de leurs familles [1]), et les ordres sont donnés pour faire encore retourner tous ceux, qui se trouvent sur la liste présenté au ministre de la guerre par le gouverneur général baron de Sprengtporten.

9. Relativement au bostels, un ordre suprême de Sa Majesté Impériale a aussi été adressé au général d'infanterie Knorring, commendant en chef les troupes stationnées en Finlande, d'en arrêter la vente [2]). Ces bostels resteront en conséquence sur ce pied, jusqu'a la conclusion de la paix. Alors Sa Majesté Impériale, pour accorder Sa clémence aves Sa justice, daignera déterminer les règles et fixer les derniers termes à l'échéance desquels tous les officiers militaires qui n'auront pas quitté la Suède, en seront irrévocablement privés.

10. Les dispositions touchant les logements, dépendent du gouverneur général et seront en temps et lieu mises à exécution.

11. Sa Majesté Impériale a ordonné [3]) au gouverneur général de régler la fourniture et la vente du sel en détail [4]) a un taux modéré.

12. L'établissement des interprêtes est renvoyé à l'examen du gouverneur général.

13. Les ordres les plus sévères seront donnés pour que la discipline militaire soit exactement maintenue.

14. Quant à l'amnistie générale, Sa Majesté l'Empereur voulant donner un nouveau témoignage de ses intentions généreuses à l'égard des habitants de la Finlande il sera enjoint au gouverneur général de publier une amnistie générale en faveur de tous ceux des habitants de la Finlande qui se trouvant jusqu'à présent en Suède retourneront volontairement chez eux.

15. Les dispositions pour les fours à pains et les précautions contre les incendies sont du ressort des autorités locales.

La prochaine diète pourra s'occuper des autres objets de vos réclamations, et l'Empereur acquiescera avec plaisir aux mesures qui seront prises pour assurer la prospérité de la Finlande.

En dernier lieu Sa Majesté Impériale vous fait exprimer, Messieurs les députés, Sa bienveillance et Sa satisfaction pour le zèle et l'attachement à Son Auguste personne que vous avez manifesté.

---

[1]) Слѣдующія затѣмъ слова этого пункта сполна вставлены Спренгтпортеномъ.

[2]) Затѣмъ слѣдовало: et de prendre des mesures pour assurer la subsistance des familles qui les habitent. Спренгтпортенъ вычеркнулъ ихъ comme un détail superflu.

[3]) Было: a ordonné au ministre de l'intérieur. Спренгтпортенъ подчеркнулъ и надписалъ: je crois qu'il faudra dire: au gouverneur général, comme étant déjà chargé des ordres particuliers de S. M. I. à ce sujet.

[4]) Спренгтпортенъ прибавилъ: au prix qui s'accorde avec la bienfaisance que S. M. I. a bien voulu accorder à ce sujet aux habitans de la Finlande. Салтыковъ зачеркнулъ эти слова и написалъ коротко: au taux modéré.

L'Empereur vous permet de retourner dans vos foyers.—Il n'a pas été moins agréable à Sa Majesté Impériale de voir, que pendant votre court séjour ici, tous vos soins et toutes vos sollicitations n'ont eu pour objet que les interêts de vos compatriotes et le bien être de la Finlande.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

во II томѣ.

	Напечатано.	Слѣдует.
Стр. 94, Примѣч. 1-е.	Глава XXVI.	Глава XXV.
— 300. Примѣч. 1-е.	Сборн. Истор. Общ.	Сборн. Истор. Общ. Т. XXI.
— 442, строка 7 снизу	Фридрихъ-Августъ.	Адольфъ-Фридрихъ.
Прилож., стр. 62, строка 24 св.	Jemström.	Lemström.

[illegible]

[illegible]

